

3
том 22
2020

ВЕСТНИК

Кемеровского государственного университета

ISSN 2078-8975 (print) 2078-8983 (online)

Bulletin of Kemerovo State University.
2020, 22(3): 565–888

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет».

Журнал «Вестник Кемеровского государственного университета» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-67989.

Издается с 1999 года.

Выходит 4 раза в год.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42150.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов. Ответственность за научное содержание статей несут авторы публикаций.

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.

Журнал не взимает платы за публикацию, издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Главный редактор: *Серый А. В.*, д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зам. главного редактора: *Овчинников В. А.*, д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р проф., Потсдамский университет (Потсдам, Германия).

Лукьянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Микляева А. В., д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Ю. В., dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша (Ченстохова, Польша).

Пименова М. В., д-р филол. наук, проф., Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Эрдэнэболд Л., д-р ист. наук, проф., Монгольский университет науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич А. В., д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University".

The Journal "Bulletin of Kemerovo State University" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications. Certificate of registration: PI no. FS 77-67989.

Founded in 1999.

Published 4 times a year.

ISSN 2078-8975 (print); 2078-8983 (online)

Address of the founder, publisher: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St.; 8(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo, 6 Krasnaya St., 8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru; <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices: 42150 – in the United catalogue "The Press of Russia".

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission.

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

Perspectives and views expressed in the papers may not coincide with the attitude of the editorial staff. The authors of publications are responsible for the scientific content of the articles.

Information for Authors published on the website Edition.

Journal fully funded by Kemerovo State University.

Articles are available to all without charge, and there are no article processing charges for authors.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

Editor-in-Chief: *Andrey V. Seryy*, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Deputy Editor-in-Chief: *Vladislav A. Ovchinnikov*, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Prof., Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof., Potsdam University (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Prof., Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelek, Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova, Dr. of Philology, Prof., Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Lhagvasuren Erdenebold, Ph.D. History, Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

История и археология

- Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930-е – начало 1990-х гг.
Беспалько Д. Н. 565
 Развитие частной торговли в 1924–1926 гг. в Иркутской губернии: тенденции и проблемы
Брянская Н. А., Гонина Н. В. 575
 Древности Марининской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения
Герман П. В. 584
 Приобский бор Новосибирска: прошлое, настоящее, проблемы
Емельянова Е. К., Горошко Н. В. 595
 К интерпретации сюжета изображения на кондинской бляхе
Ермоленко А. Н. 607
 Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3
Казаков А. А. 618
 Рыболовный промысел населения Прикамья и его учет в источниках 1720–1780 гг.
Космовская А. А. 626
 Стоянка Карасор-2 в Верхнем Притоболье
Подзюбан Е. В. 636
 Археологические памятники среднего течения р. Кия: история открытия и перспективы изучения
Савельева А. С., Герман П. В., Плац И. А., Боброва А. Ю. 648
 К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект
Садовой А. Н. 664
 Жилищное строительство в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг.
Сарин Д. П. 677
 Вклад выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР
Соловенок И. С., Рожков А. А., Лойко О. Т., Веретенников А. Д. 688
 Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом
Суровень Д. А. 701

Психология

- Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе
Балабацук Р. О., Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. 714
 Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования
Билан М. А., Ермолаева Е. Н. 727
 Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык
Борисенко Ю. В. 735
 Содержательные характеристики гражданской идентичности студентов
Браун О. А., Аркузин М. Г. 744

Функциональные особенности блоков мозга и преобладающие стратегии переработки информации в период взрослости Кичеева А. О., Гребешкова О. Ю.	755
Психолого-педагогические условия формирования образовательной среды в полиэтническом пространстве вуза Сергейчик Т. С.	766
Особенности поведения пользователей в социальных сетях как фактор формирования социальных представлений о брачном партнере Шмидт Д. А.	778
Языкознание	
Описание картинок русско-французскими детьми-билингвами: лексико-грамматический анализ Бойкова С. Е.	789
Прецедентные феномены как репрезентанты поступков Бушуева Л. А.	802
Бразильская национальная идентичность и концептуализация понятия <i>brasil</i> Гуревич Д. Л.	811
Жанро-стилевые характеристики новеллы Анны Гавальда "Petites pratiques Germanopratinnes" («Некоторые особенности Сен-Жермен») Карпухина Т. П.	821
Понятийные признаки в структуре концепта <i>муж</i> (по данным толковых словарей русского языка) Киселева А. М.	831
Когнитивный подход к комплексному анализу терминосистем (на материале терминологии фотонных кристаллов) Кулешова В. О.	841
Негативный эмоциональный компонент языковой реальности произведения Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» Монастырская Е. А.	849
Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере Панкратова С. А.	859
Оппозиционная редукция в системе английского местоимения Теренин А. В.	869
О комбинировании лингвистических методов исследования эгоцентриков в русских переводных нарративах Уржа А. В.	879

History and Archeology

- The Life of Hunters in the Chita Region: Effect of Organizational and Technical Problems on Fur Trade (1930s – early 1990s)
Bespalko D. N. 573
- The Development of Private Trade in 1924–1926 in the Irkutsk Province: Trends and Problems
Bryanskaya N. L., Gonina N. V. 582
- Ancient Artifacts of Mariinsk Forest-Steppe: First Evidence and Early Studies
German P. V. 593
- The Ob River Pine Forest in Novosibirsk: Past, Present, and Problems
Emelyanova E. K., Goroshko N. V. 605
- Interpreting the Image on the Konda Plaque
Ermolenko L. N. 616
- Complex of Settlement Gorodishche-3 Belonging to Fominsky Stage of Kulaiskaya Culture
Kazakov A. A. 624
- Fishing in the Kama River Area in the Sources of 1720–1780
Kosmovskaya A. A. 634
- Karasor-2 Site in the Upper Tobol
Podzuban E. V. 646
- Archaeological Sites of the Middle Kiya River: History of Discoveries and Study Prospects
Savelieva A. S., German P. V., Plats I. A., Bobrova L. Yu. 660
- Institute of Private Land in Cross-Border Zones of Southern Russia: Ethnic Aspect
Sadovoy A. N. 674
- Residential Development in the Coal Mining Districts of the Kuznetsk Basin in 1930–1932
Sarin D. P. 686
- Contribution of Prominent Mining Engineers to the Development of Coal Industry in the USSR and RSFSR
Solovenko I. S., Rozhkov A. A., Loyko O. T., Veretennikov A. D. 699
- Religious-political Reforms of Emperor Mimaki. Part 1: The Cult of Mount Miwa and the Change of the Supreme Priestess and Ruler with a Male Supreme Ruler and Priest
Surowen D. A. 712

Psychology

- Transformation of Space-Temporal and Value-Semantic Components of the Image of the World during the University Studies
Balabashchuk R. O., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhayeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. 725
- Value Components of Life Strategies in Graduates of Vocational Postsecondary Institutions
Bilan M. A., Ermolaeva E. N. 733
- Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI)
Borisenko J. V. 742
- Content of Civil Identity of Students
Broun O. A., Arkuzin M. G. 752
- Functional Features of the Brain Blocks and Prevailing Strategies of Information Processing in Adults
Kicheeva A. O., Grebeshkova O. Yu. 763

Psychological and Pedagogical Conditions for Creating the Learning Environment in the Multiethnic Space of the University Sergeichik T. S.	775
Social Net Users' Behavior as a Forming Factor of Social Representations about Spouse Shmidt D. A.	787
Linguistics	
Description of Pictures by Russian-French Bilingual Children: Lexical and Grammatical Analysis Boykova S. E.	800
Precedent Phenomena as Names of Acts Bushuyeva L. A.	809
Brazilian National Identity and the Notion of Brazil Gurevich D. L.	819
Genre-and-Style Characteristics of Anna Gavalda's Novella "Petites Pratiques Germanopratinés" ("Peculiarities of Saint-Germain Boulevard") Karpukhina T. P.	829
Conceptual Signs in the Structure of the <i>Husband (Muzh)</i> Concept (According to the Explanatory Dictionaries of the Russian Language) Kiseleva A. M.	839
Integrated Analysis of Terms from a Cognitive Point of View (Based on the Terminology of Photonic Crystals) Kuleshova V. O.	847
The Emotional Component in K. Kesey's "One Flew Over the Cuckoo's Nest" Monastyrsкая E. A.	857
Adaptation of Film Terminology in the General Language Pankratova S. A.	867
Oppositional Reduction within the System of English Pronoun Terenin A. V.	877
Combining Linguistic Methods of Studying Egocentric Units in Russian Translated Narratives Urzha A. V.	887

Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930-е – начало 1990-х гг.

Денис Н. Беспалько^a, @, ID

^a Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

@ bespalkodenis84@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Поступила в редакцию 05.05.2020. Принята к печати 17.06.2020.

Аннотация: Рассмотрены проблемы влияния устройства и организации бытовой сферы жизнедеятельности охотничье-промыслового населения Читинской области на пушно-сырьевые заготовки в советский период. Основной акцент исследования направлен на изучение быта непосредственно в период действия промыслового и отчасти предпромыслового сезона: организация снабжения, развитие охотничье-таежной инфраструктуры, содержание таборного имущества, использование специализированного снаряжения и продуктов питания. На основе анализа впервые введенных в научный оборот архивных источников, отчетов охотоведческих экспедиций и воспоминаний охотников выделены два этапа организационно-технического обустройства промысловой жизни в условиях горно-таежной местности. На первом этапе, 1930-е – начало 1950-х гг., региональная специфика отличалась, прежде всего, обобществлением лесных массивов и сменой групповой формы эксплуатации промысловых угодий на индивидуальную, что неминуемо привело к усложнению решения организационно-технических вопросов. Система снабжения работала с перебоями, за обустройство угодий практически никто не отвечал. Соответственно, количественные показатели заготовок находились на низком уровне. На втором этапе, 1950-е – начало 1990-х гг., грамотно реализованное охотустройство в корне изменило существующие порядки. Была проведена юридическая приписка угодий к коллективным хозяйствам, созданы охотничьи бригады, налажена стабильная работа по линии *заготовительная контора – колхоз – охотник*, что позволило качественно улучшить бытовые условия промысловой жизни и увеличить объемы заготовок.

Ключевые слова: промысловое хозяйство, организация труда, таежная инфраструктура, охотугодья, заготовительная контора, охотничье зимовье, таборное имущество

Для цитирования: Беспалько Д. Н. Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930-е – начало 1990-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 565–574. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574>

Введение

История развития бытовой сферы жизни охотничье-промыслового населения Читинской области и ее влияние на пушно-сырьевые заготовки в период действия заготовительного сезона (октябрь–март) с 1930-х по начало 1990-х гг. до сих пор не являлась предметом специального научного изучения. Краткие замечания специалистов охотничьего дела касались в основном общих организационно-технических моментов, без выделения особенностей региональной специфики: С. А. Бутурлин [1], Ю. А. Герасимов [2], Л. Н. Нагрецкий и др. [3], С. А. Ларин [4], А. А. Вершинин и Е. И. Реброва [5], В. П. Бутромеев и В. В. Бутромеев [6] и др.

В изданиях, посвященных непосредственно истории области, имеются лишь фрагментарные воспоминания охотников и сотрудников областного охотуправления, изложенные в художественно-публицистической литературе. Среди них можно выделить рассказы Ю. А. Герасимова¹, В. А. Туголукова², Е. Б. Самойлова³, Г. Г. Балябина⁴ и др.⁵ В тексты рассказов, посвященных повадкам и поведению промысловых видов, вкраплено повествование о быте охотников, описание тонкостей изготовления различных снастей и приспособлений. Но при этом целостная картина поэтапного развития бытовой сферы промысловой жизни в обозначенный период времени отсутствует.

¹ Герасимов Ю. А. Тропой таежного охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 232 с.

² Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 220 с.

³ Самойлов Е. Б. Рассказы забайкальского охотника. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 260 с.

⁴ Балябин Г. Г. Об охоте, друзьях и службе в Забайкалье. Чита: ЗабГУ, 2016. 142 с.

⁵ Охота в Забайкалье. Сборник рассказов / ред. и сост. Ю. С. Шумилов. Иркутск: Типография на Чехова, 2019. 224 с.

Основополагающим источником изучения темы статьи являются фонды Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК). Многочисленные и до сих пор малоиспользованные материалы охотоведческих экспедиций, опросные данные охотников-старожилов Южно-Забайкальского и Витимо-Олекминского соболиных очагов стали той научной основой, на которой производилось поэтапное изучение организации обустройства промысловых угодий жилыми и хозяйственными строениями, снабжения охотников до и во время промысла, состояния материально-технической базы – транспорта, одежды, обуви и т. д.

Методологической базой послужили универсальные принципы проведения исторического исследования – принципы объективности и историзма. Исходя из этих принципов в статье определен и использован ряд методов научного познания: историко-генетический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный. Составным элементом также послужил анализ охотоведческих карт 1940–1980-х гг.: расположения охотугодий и отмеченных объектов промысловой инфраструктуры по отношению к населенным пунктам. В совокупности обозначенные методы позволили выявить достоверный исторический материал и сформировать проблематику исследования.

Первый этап, 1930-е – начало 1950-х гг.

В дореволюционное время устройством быта охотников на промысле организовано занимались все члены первичных объединений зверопромышленников, получивших наименование артелей и бригад [7, с. 255–269]. Как правило, охотники редко зависели от сельскохозяйственного или иного положения дел поселка, в котором проживали, поэтому с наступлением поры предпромысловой разведки или промыслового сезона свободно приступали к проведению необходимых работ. Решение, когда и где устраивать постоянный лагерь, в каком радиусе от основного зимовья строить временные станы, объем завозимых продуктов питания и охотбоеприпасов полностью находились в компетенции промысловых объединений. До охотников в тайге никому не было дела, поскольку вся добытая пушнина, за исключением части, причитающейся нанимателю, принадлежала самому добытчику и его семье⁶. Соответственно, заботиться о проблемах бытового характера охотники должны были сами. От качества и своевременности осуществления решения организационно-технических проблем быта в тайге зависело успешное завершение промыслового сезона.

Данная система благополучно функционировала до начала XX в. Затем наступил период организационно-технического кризиса всей отрасли промыслового хозяйства

на территории Забайкальского региона (будущей Читинской области), т. к. истощился основной промысловый ресурс – соболь. Вид потерял свое промысловое значение, уступив место иным видам пушнины, добыча которых предполагала индивидуальную, а не групповую эксплуатацию угодий [8]. Объединения в 2–3 человека, способных выполнять в тайге весь комплекс работ и поддерживать на должном уровне досугово-бытовую сферу, встречались все реже и реже. Постепенно охотники-одиночки, которых к 1917 г. становится более 60 %, начинают утрачивать чувство ответственности за обустройство охотугодий и не заботятся о длительном пребывании в тайге, преимущественно занимаясь добычей пушно-мехового сырья вблизи населенных пунктов⁷. Забвению предаются многие обычаи и традиции промысловой жизни, связанные с групповыми формами охоты в отдаленных угодьях, куда охотники заходили минимум на полгода.

В начале 1920-х гг. на территории области (входившей до 1922 г. в состав Дальневосточной республики) появляются районные заготовительные конторы (РЗК) Центросоюза, заключающие с промысловиками договоры на заготовку и сдачу пушнины [9]. Конторы ограничивались выдачей аванса и развитием системы разъездных агентов, прообраза будущих разъездных ларьков, собирающих или скупающих у населения пушно-меховое сырье в пределах небольшого радиуса объезда территории сельских поселений⁸. Забота о промысловиках в тайге не входила в число их обязанностей. Период НЭПа не привел к каким-либо существенным переменам. В документах той поры отразилась лишь попытка заботы о постоянных кадрах пушников посредством своевременного снабжения и доснабжения заготовительной кооперации товарами ради усиления промыслов⁹.

В 1930-е гг. произошли серьезные изменения, определившие облик всего комплекса охотничье-промыслового хозяйства вплоть до начала 1950-х гг. В ходе коллективизации лесные территории подверглись окончательному обобществлению, и промысловые угодья, таким образом, обезличились¹⁰. Юридического прикрепления угодий к колхозам, как того требовала обстановка, не провели. Обширные горно-таежные массивы, являющиеся государственной собственностью [10, с. 20–30], с точки зрения крестьян-колхозников, стали «ничейными». А значит, заниматься их таборным обустройством и прочими бытовыми проблемами должны были охотоведческие и заготовительные структуры. В силу сохранившейся практики личного распоряжения охотника доходами от добытой пушнины колхозы практически ничего не получали от отходнической деятельности своих членов. Мизерные 4–8 %, отчисляемые РЗК за сданную охотниками пушнину, и уплата охотниками

⁶ Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. 576 с.

⁷ ГАЗК. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–19.

⁸ ГАЗК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 115. Л. 5–7.

⁹ ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 1. Л. 146–148, 167–169, 260–261.

¹⁰ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 93. Л. 140–143.

стоимости берущегося в наем транспорта, используемого на промысле, не спасали ситуацию¹¹. Соответственно, у правлений колхозов отсутствовала материальная или иная заинтересованность в успешном завершении промыслового сезона. Колхозы не только не несли ответственности за состояние угодий, но тем более не заботились о судьбе выделенных на промысел людей. Партийная или культурно-просветительская работа, организованные соцсоревнования проводились редко. В результате организация быта стала подчиняться неким стихийным обстоятельствам, способствовавшим лишь ухудшению обстановки на промысле, и скатилась на очень низкий организационно-технический уровень [11]. Эксплуатация угодий сузилась до незначительного радиуса обхода территории от сохранившихся зимовий или населенных пунктов. От такого положения дел страдал не только колхозный контингент охотников, материально зависимый от промыслов, но и спускаемые коллективным хозяйствам областные планы пушнозаготовок¹².

Планирование в области осуществлялось в первую очередь исходя из численности имеющегося промыслового контингента (около 3–7 тыс. охотников, в том числе и незарегистрированных), усредненных норм добычи с порайонной разверсткой (в среднем порядка 700–1000 руб. на человека)¹³ и, в последнюю очередь, неточных данных слабо развернутой предпромысловой разведки. Из имеющихся в нашем распоряжении сведений можно заключить, что с 1930 г. по 1951 г. большая часть плановых заданий выполнялась на 57–75 %¹⁴, т. е. общая сумма редко превышала 1,5–3 млн руб. По этому поводу в 1946 г. начальник Управления по делам охотничьего хозяйства при облизполкоме В. П. Евладов отмечал, что возможный выход пушно-мехового сырья на 5–6 млн руб. в год¹⁵ не достигался по ряду причин, важнейшей из которых являлась слабая обустроенность бытовой сферы на промысле.

Устройство быта на промысле зависело, прежде всего, от количества затрачиваемого на охоту времени. Промысловый сезон на пушных зверей в области обычно длился с 10 (25) октября до 1 марта¹⁶, т. е. продолжительность составляла от 125 до 140 дней. Для пополнения запасов продуктов и по другим нуждам охотник должен был выходить из тайги домой, на что в течение сезона затрачивалось 15–20 дней. Выходные дни обычно не использовались. Учитывая выходы и нерабочие дни по другим

причинам (отдых, починка снаряжения, обуви и одежды, нездоровье) общее количество промысловых дней, по мнению всех без исключения руководителей охотоведческих экспедиций¹⁷, сокращалось до 100. Но при этом весь промысловый сезон использовало не более 30 % охотников, остальные 70 % выходили с промысла с наступлением больших холодов и уменьшением количества основного промыслового вида – белки, т. е. в начале декабря. Данное процентное соотношение одинаково распространялось как на северные районы (где зимой температура падала до –50–55 °С), так и на юг области, с относительно более мягкими природно-климатическими условиями. В таких условиях могли заготавливать пушно-меховое сырье исключительно крепкие и подготовленные люди, приучившие себя питаться только рыбой и мясом и, самое главное, научиться добывать зверя, птицу и рыбу в любое время и в самых разнообразных условиях. Новички же в промысловом деле, оставленные на произвол судьбы, могли сделать очень немного. Отсутствие на эксплуатируемой территории места для теплого ночлега, необходимого запаса продовольствия и медикаментов не оставляли возможности для занятия промыслом большинству охотников именно в тот период времени, когда пушнина созревала и приобретала наилучшие качества мехового покрова [12, с. 95].

Чтобы завезти продукты в тайгу требовалась лошадь на юге или олени на севере. Плата за их эксплуатацию до начала 1950-х гг. устанавливалась согласно социальной категории нанимателя. Единоличники платили за коня 10 руб. в день¹⁸, за верхового оленя – 2 руб. и 1 руб. за вьючного¹⁹. С колхозников же дополнительно полагалось взимать до 15 % от суммы добытой пушнины. Чтобы завести и вывести ездовое животное обратно в среднем требовалось 3 дня. Использовался труд члена семьи либо наемного выгонщика с посуточной оплатой труда. Чем дальше располагалось угодье, тем больше требовалось затрат на транспортные услуги. Использование только одних ручных саней было совершенно невыгодно, т. к. сильно ограничивало охотника в количестве взятого груза [13, с. 91–92]. Понятно, почему охотники старались занять близлежащие участки.

Работники РЗК почти не бывали на промысле и не знали, какие трудности встречал охотник, в чем он нуждался²⁰. Действующая система разъездных ларьков, будучи

¹¹ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 29. Л. 97.

¹² ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 140. Л. 306–307.

¹³ Приведенные данные норм добычи являются сильно усредненными, т. к. охотугодья лесной зоны Читинской области разделялись на 3 части (юго-западную, северную и восточную), резко отличающиеся друг от друга в видовом разнообразии промысловых животных и равномерности их распределения.

¹⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

¹⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4.

¹⁶ ГАЗК. Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 2. Л. 53–55.

¹⁷ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 46; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48; ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 53 и др.

¹⁸ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 193.

¹⁹ ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 28. Л. 130.

²⁰ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 121. Л. 176–179.

не в состоянии обеспечить своевременное обслуживание всего промыслового контингента в тайге²¹, топталась на месте, и ее недостатки были очевидны всем сторонам заготовительного процесса. Охотники ходатайствовали в районные исполнительные комитеты, а порой и требовали, чтобы на основании заключенных договоров содействия по линии РЗК – колхоз – охотник в период промыслового сезона им выделялось необходимое количество гужевого транспорта и погонщиков, которые бы вовремя доставляли в условленные места продукты питания, боеприпасы и принимали по описи пушнину²². Ларьки экономили рабочее время и, следовательно, увеличивали количество добытого пушно-мехового сырья [14]. Но в 1930-х – начале 1950-х гг. усовершенствовать данную систему в силу объективных причин не удалось. Основные собственники конного и оленьего поголовья – колхозы, занимаясь зимними грузоперевозками, выделяли транспорт на промысловые нужды по остаточному принципу. РЗК, скупаясь выделить дополнительные средства на организацию таежной доставки, от проблемы отмахивались. Благодаря такому положению дел развивались две порочных тенденции: 1) часть охотников в приграничных районах сдавала пушнину в заготпункты Бурятии и Амурской области²³; 2) процветало браконьерство, охотники ради пропитания добывали запрещенных по области лосей и изюбрей²⁴.

В 1930-х – начале 1950-х гг. областные охотугодья были обеспечены охотизбушками и рублеными юртами лишь на 10 %, оборудованные станы отсутствовали. Старые постройки ветшали, гибли при возникновении пожаров, а новые строили в незначительном количестве. Построить зимовье – дело несложное. Охотоведы выяснили опытным путем, что три охотника, работая по 8 часов в сутки, срубают его за 4 дня, юрту вдвоем – за 1 день²⁵. Тем не менее имелись препятствующие обстоятельства. Сам охотник-колхозник не знал, позволят ли ему сельскохозяйственные дела выйти на промысел в следующем году. Получив отпуск на 10–20 дней он не мог всерьез думать о лесной постройке, кроме того, до конца 1920-х гг. лес для зимовья рубили без разрешения, а после коллективизации его требовалось покупать. РЗК ежегодно получали средства на строительство охотизбушек улучшенного типа: оборудованные печками-каменками с жестяными трубами, чтобы не было дыма и копоти, двери без щелей, окна. Однако деньги часто использовались не по целевому назначению. Отделения «Востсибпушины», например, заключали договоры с колхозами на постройку

избушек, отпуская авансы для этой работы, но не контролировали процесс, совершенно упуская из внимания важные детали. В результате чего некоторые колхозы возводили таборы в местах сенокосов, удобных для использования бригадами косарей, а не на промысловых угодьях [15]. Также колхозы строили новые избушки, не придерживаясь стандартного плана, в силу чего они походили на старые, без особых удобств²⁶.

Что собой представлял наиболее распространенный тип зимовья? Грубо срубленная конструкция 2х2 или 2х3 м, высотой, как привило, ниже человеческого роста, без окон, небольшие и низкие двери, земляной пол, нары и огромная печка, сложенная из камней. Топка производилась по-черному, т. е. дым выходил не в трубу, а в помещение, в результате на стенах образовывалась копоть толщиной в палец. На севере области охотники еще в 1920-е гг. придумали очень простой вариант сборки печки из обыкновенной железной бочки. Верхняя часть бочки отрезалась на одну треть и устанавливалась на земляную квадратную насыпь с каркасом из дерева высотой 30 см. В верхней ее части, где пробка, прорезалось отверстие для трубы, а сбоку – дверка для топки²⁷. На юге данное нововведение появилось не ранее 1940-х гг. Двери в зимовьях делали из сырой древесины, после высыхания появлялись щели. Юрта вообще не предполагала комфорта: печка отсутствовала, костер разжигали прямо на земляном полу. В помещении присутствовала значительная задымленность, т. к. потолочное отверстие слабо выводило наружу газообразные продукты горения²⁸. Вот и вся внутренняя обстановка охотизбушек. Единственным исключением из данного правила был Красночикойский район, где охотники сумели организованно договориться с РЗК на постройку охотизбушек улучшенного типа – с деревянным полом, окнами и железной печкой²⁹. Они вмещали в себя от 2 до 5 человек. Установив в таком строении керосиновую лампу, можно было безопасно заниматься изготовлением охотбоеприпасов, в то время как при лучине или около костра неоднократно происходили случаи возгорания пороха.

Промысловики, предпочитающие кочевой образ охоты, использовали брезентовые и парусиновые палатки. Строили временные жилища на пустошеселье – незаселенном берегу реки – балаганы, из жердей и содранной с лиственницы или березы коры. Обогревались по-разному. Если имелась возможность приобрести листовое железо, то изготавливали небольшие и легкие печки-буржуйки. При отсутствии возможности развести костер из двух бревен срубали

²¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 113.

²² ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12 об.

²³ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 114

²⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 34. Л. 91.

²⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

²⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

²⁷ Самойлов Е. Б. Рассказы забайкальского охотника ... С. 205.

²⁸ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 178–179.

²⁹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

примитивное сооружение – нодью, что горела не пламенем, а ровным жаром³⁰.

За день охотник обычно проходил по 15–17 км. Толщина снежного покрова в таежной местности почти всегда значительная, поэтому для удобства передвижения использовались самодельные лыжи, изготавливаемые прямо на месте. Опытный охотник мастерил пару лыж с палками за неделю. Их подбивали камасом – шкурой лося или косули, снятой с ног зверя³¹. Молодые и неопытные охотники при отсутствии данного приспособления значительно сужали поле работы, т. к. были вынуждены после обильных снегопадов ходить только по набитым тропам. На одном участке, где имела белка, охотники держались 1–3 дня, после переходили на новое место. В месяц случалось 10–15 кочевков. Поэтому переносное имущество в виде печки и палатки при кочевой охоте оказывалось очень удобным. Для переноса груза на юге использовали вещмешки, а на севере понягу – легкую доску с запасными ремнями, что закрепляли заплечный мешок и сопутствующее снаряжение³².

В качестве верхней одежды областные охотники чаще всего использовали ватную телогрейку или легкую укороченную оленью дошку. Суконный наплечник – лузан, овчинные нарукавники – налокотники, широко распространенные еще в XIX в., сохранились лишь в семьях потомственных промысловиков³³. Рукавицы делались с разрезом по ладони для удобного и быстрого вытаскивания кистей рук в случае необходимости проведения работ на морозе – увязка вьюков, нарт и т. д. Накочетники, надеваемые на рукава и таким образом предотвращающие попадание снега в рукавицы, постепенно выходили из обихода³⁴.

Наиболее распространенным вариантом брюк были сшитые из грубого домотканого сукна, в чем, несомненно, имелись свои преимущества перед фабричными изделиями – они быстрее сохли и оказывались менее подвержены возгоранию от костра или печки. Иногда сверху сукно обшивали палаточным материалом для облегчения стряхивания снега и меньшего обледенения³⁵. Самыми прочными считались брюки, сшитые из кожи самки изюбря или кабарги, их можно было использовать в очень сложных условиях горно-таежной местности не менее 5–8 лет. На их изготовление требовалась 1 изюбриная или 5 кабаргиновых шкур. Охотники-любители и новички начинали с ватных брюк, но ввиду их неудобства и непрактичности (тяжелы, быстро мокли, рвались и легко прогорали) отказывались от них в первые 2–3 месяца³⁶.

Летом и осенью многие охотники носили т. н. чирки – кусок кожи или резины, стянутый узким ремешком над ступней. Несмотря на необычайную простоту изготовления, такая обувь была очень удобна – бесшовная и водонепроницаемая. Лучшей обувью в зимний период времени считались ичиги – мягкие кожаные сапоги, очень удобные, легкие и ненатирающие ноги. Их носило большинство охотников южных и центральных районов. Из недостатков, ввиду отсутствия рифленой подошвы, можно выделить разве что малую устойчивость на льду или по насту. Чтобы устранить эту помеху охотники надевали самодельные пластинки с шипами, т. н. бизлуки. Данное техническое приспособление унаследовало свой практический функционал с уеди, обуви XVIII в., у которой носки были с крючками [6, с. 261]. В 1950-е гг. в южных районах области распространился вариант шитья ичигов с подошвенным швом не внутрь, а наружу, что объясняется достижением большей эффективности ношения и удобства для голеностопного сустава. Вместо шерстяных носков охотники предпочитали чулки до колена, связанные из конского волоса³⁷. Они очень прочны и благодаря гигроскопичным свойствам не давали сыреть ноге, но в теплозащитных качествах такие чулки уступали обычным, шерстяным. В сильные холода на ичиги сверху надевали меховой чулок из собачьей шкуры шерстью наружу. На севере ичиги использовались только летом. Зимой обувью служили камасные или половинчатые унты, сделанные из лосиной шкуры, выделанной в виде замши. Было распространено ношение укороченных унтов (камгуры), на которые брюки одевали сверху, завязывая тесемкой у щиколотки, чтобы не попадал снег³⁸. Гораздо реже носили валенки.

Частые перебои в снабжении продуктами питания в 1930-х – начале 1950-х гг. приводили к тому, что охотники поздно выходили на промысел. Перебои случались, как показывают исследования В. И. Мерцалова [16], не потому, что не хватало производимых в Читинской области продуктов питания, а потому, что руководители РЗК вовремя не заботились об их своевременной доставке в нужные фактории. Южные и центральные районы области страдали от данной халатности в гораздо меньшей степени, нежели северные. Существующая сеть дорог позволяла практически в любое время года снабжать население всем необходимым. Северный товарозавоз мог быть осуществлен исключительно в летний период времени сплавом по воде, а зимой с перевалочных баз следовал гужевой развоз по населенным пунктам и факториям [17, с. 317].

³⁰ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–34.

³¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 118.

³² Там же. Л. 118.

³³ Охота в Забайкалье...

³⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 119.

³⁵ Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях... С. 37.

³⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

³⁷ Там же. Л. 181.

³⁸ Герасимов Ю. А. Тропой таежного охотника... С. 211.

В случае даже кратковременной задержки следовал товарный «голод», преодолеть который представлялось возможным лишь при наступлении последующего сплавного сезона³⁹.

Главная продуктовая проблема заключалась в отсутствии консервов, что заставляло охотников жить по старинке, т. е. изготавливать долгохранящиеся домашние заготовки. Так, например, придумали удобный способ хранения и транспортировки картофеля в холодное время года. Его варили, толкли, а потом делали комья весом 0,3–0,5 кг (дневная норма потребления) и замораживали. Продукт не терял вкусовых качеств и всегда был готов к употреблению⁴⁰. Мясные продукты домашнего приготовления, в сушеном или вяленом виде, в рационе охотников присутствовали крайне редко. Говядину или свинину главным образом брали в замороженном виде.

На основании расходных ведомостей РЗК и опросных сведений охотоведов составлен список покупных продуктов питания, используемых охотниками на промысле (табл. 1)⁴¹.

Табл. 1. Покупные продукты питания, используемые охотниками на промысле, на одного человека в норме 20-дневного потребления, 1930–1950-е гг.

Tab. 1. Purchased food products used by hunters, per person for 20 days, 1930s–1950s

Наименование	Количество, кг
Консервы	–
Мясо	8
Сало	2
Хлеб (мука)	25
Сахар	0,5
Соль, макароны, крупа, сода	По индивидуальному запросу каждого вида продукта (не более 8–10 кг)
Итого	43,5 (45,5)

Если в среднем взять 100 дней, затрачиваемых охотниками на активный промысловый сезон, и 40 нерабочих, то общее количество продуктов питания, с домашними заготовками, выходило весьма значительным и составляло не менее 320 кг на человека.

Таборное имущество отличалось изрядной скромностью и предполагало наличие только тех вещей, в которых охотник нуждался в первую очередь: столовые приборы, спальные принадлежности, предметы личной гигиены и медицинские препараты [18, с. 105; 19, с. 229]. Согласно опросной статистике, более всего охотники нуждались в котелках и кружках⁴². Когда эти товары появлялись в заготпунктах, начинался ажиотаж, так много желающих было их приобрести.

Одеяла в лес не брали, заменяя самодельными спальниками из овчины или, что еще лучше, оленьих шкур. Среди охотников Забайкалья бытовало правило ходить в тайгу только с топором, брать же с собой пилу считалось делом зазорным. Однако женский контингент охотников совершенно не брезговал разного рода ножовками, успешно применяя их для заготовки дров⁴³. Используя же только топор, охотник вынужденно тратил каждый вечер не менее 1–2 часов на рубку. Преодолеть столь непроизводительную трату времени в охотничье-промысловом хозяйстве области смогли только после колхозного охотустройства, когда охотников временно освобождали от сельскохозяйственных дел и специально выделяли время на предпромысловые организационные работы.

Вышеобозначенные организационно-технические проблемы бытового характера в период 1930-х – начала 1950-х гг. оказывали непосредственное влияние на пушно-сырьевые заготовки, поскольку недостаточная обустроенность быта приводила к сужению эксплуатации промысловой территории и уменьшению времени, затрачиваемого на промысел, и, как следствие, невыполнению плановых показателей. Заботясь о благоустройстве, охотники порой долго не снимали шкурки с добытых зверьков, что вело к образованию кровоподтеков на мехе и снижало качество пушнины и ее выходную стоимость. Случался весьма значительный процент брака пушно-мехового сырья, вовремя не обезжиренного или добытого с использованием самодельных патронов. I сорт редко превышал 50 % от общего объема областных заготовок, II сорт – порядка 30–35 % и бракованные шкурки составляли 15–20 %.

Второй этап, 1950-е – начало 1990-х гг.

В 1950-е гг. снабжение охотников и бытовые условия на промысле существенно изменились. Проведенное охотустройство и приписка угодий к колхозам позволили, в соответствии с общим решением колхозных собраний и райисполкомов, установить жизненно важные новшества [20]. Среди введенных по области изменений необходимо выделить наиболее значимые. Во-первых, договоры с РЗК заключали колхозы, а не отдельные охотники, и вся пушнина сдавалась только через них. Во-вторых, 75 % от стоимости всей заготовленной пушнины переходило в собственность колхозу. В-третьих, 25 % от стоимости сданной пушнины охотники получали деньгами без начисления на эту часть сырья трудодней. За оставшуюся пушнину, сдаваемую в РЗК через колхозы, охотнику начислялись трудодни по установленным нормам добычи. Данные изменения в корне поменяли прежний безответственный подход правлений колхозов к промысловикам, отходничество

³⁹ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 121. Л. 158–162.

⁴⁰ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 46. Л. 12.

⁴¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 192–193.

⁴² ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36. Л. 127.

⁴³ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48. Л. 180.

упразднялось, и появилась прямая заинтересованность в заботе. В-четвертых, в массовом порядке возрождались охотничье-промысловые объединения⁴⁴.

Сроки промыслового сезона остались прежними, но что существенно важно, более чем на 60 % сократилось общее количество теряемых прежде дней. Снизился процент охотников, досрочно выходящих с промысла. Если на первом этапе таковых было порядка 70 %, то в 1960-е гг. – не более 45 %, а к 1980-м гг. – 10–15 %⁴⁵. 100 % результата добиться не удалось, поскольку колхозные и личные дела так или иначе довели над каждым промысловиком.

Началось повсеместное строительство охотничье-промысловой инфраструктуры. На середину 1950-х гг. было запланировано и реализовано обустройство одного капитального стана на границе 2-х промысловых участков⁴⁶. Постройка на каждом не имела практического смысла, поскольку, находясь в постоянном движении, бригады бывали в станах 1–2 раза за весь промысловый сезон с целью получения привезенных ларьками продуктов, сдачи пушнины и отдыха. Остальное время проводилось во временно оборудованных таборах. Охотизбушки строили главным образом по запросу охотников. Пользовались ими, как показали опросные данные, в основном охотники-одиночки из близлежащих колхозов⁴⁷. Бригады, наоборот, предпочитали использовать утепленные палатки, поскольку эксплуатируемые территории угодий были обширными и не позволяли на каждом дневном переходе возводить постоянное жилье⁴⁸.

За каждой бригадой или охотником-стахановцем закреплялось определенное колхозное имущество с неременной обязанностью несения за него материальной ответственности. В случае порчи / утраты выделенных вещей или транспорта следовало возмещать собственнику нанесенные убытки. На одну бригаду, состоящую из 3–4 человек (более многочисленные объединения формировались редко и распадалась на самостоятельные промысловые группы после закрытия 1–2 сезонов), выделялась палатка, печь из листового железа и в среднем по 2 оленя (коня) на человека – вьючного и верхового⁴⁹. Благодаря этому все охотники получили возможность брать запас продовольствия более чем на 2–3 месяца. После истечения указанного срока следовал обязательный выход из таежных угодий – чаще всего на приграничные станы. Общая потеря

дней за все выходы составляла 10–12. Отдельные бригады профессионалов оставались в тайге до весны [21, с. 23].

Проведенное охотустройство позволило качественно улучшить подготовительные основы промыслового труда⁵⁰. Ввиду большего распространения кочевого способа охоты имелась постоянная нужда в специальной рабочей единице – кочевщике. Частные начала уступили место государственным, и на постоянной основе за кочевщиками закрепился целый комплекс выполняемых ими в тайге работ: установка палатки, заготовка дров, приготовление пищи, а также надзор за пасущимися лошадьми и оленями⁵¹. Таким образом, охотники освобождались от необходимости поочередного караула вьючно-ездовых животных.

Связь охотников с внешним миром осуществлялась через отлаженную систему разъездных ларьков гужевой формы. С 1960-х гг. РЗК начинают постепенно выделять для доставки продовольствия и приема пушнины грузовые машины⁵². Культурно-бытовым нововведением стало обеспечение охотников районной и областной прессой [22]. Выделялись «красные палатки», которые проводили на станах беседы, зачитывали и обсуждали доклады партконференций, читали художественную и научно-политическую литературу. Беседы проводились на русском, эвенкийском и бурятском языках⁵³. Главным недостатком полевой культурно-просветительской работы являлась слабая постановка вопроса по ликвидации неграмотности среди охотников.

Существенным, так и непреодоленным недостатком, осталась нехватка обустроенных бань [23] и в ряде случаев на севере – оторванность от остального мира⁵⁴.

Промысловая экипировка постепенно развивалась в сторону все большего использования изделий фабричного производства. Значительная часть элементов традиционной одежды, использующейся на промысле вплоть до середины XX в., исчезла ввиду большей практичности и меньшей стоимости фабричных изделий. Естественно, что данный процесс шел неравномерно. Южные и западные районы, ближе находящиеся к административному центру и лучше снабжаемые, к 1970-м гг. получили возможность обеспечить своих охотников новыми комплектами промысловой одежды. В то время как на севере области прежние формы традиционной экипировки, изготавливаемые самодельно, успешно дожили до начала 1990-х гг. и, как правило, часто сочетались с фабричными элементами.

⁴⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 54. Л. 35–49.

⁴⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 597. Л. 3.

⁴⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 74–75.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ ГАЗК. Ф. Р-772. Оп. 1. Д. 43. Л. 41.

⁴⁹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 72–73.

⁵⁰ ГАЗК. Ф. Р-1698. Оп. 1. Д. 582. Л. 24–26.

⁵¹ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 55. Л. 72.

⁵² ГАЗК. Ф. Р-2289. Оп. 1. Д. 7. Л. 15.

⁵³ ГАЗК. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 197. Л. 21–23.

⁵⁴ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

Табл. 2. Покупные продукты питания, используемые охотниками на промысле, на одного человека в норме 20-дневного потребления, 1960-е – начало 1990-х гг.

Tab. 2. Purchased food products used by hunters, per person for 20 days, 1960s – early 1990s

Наименование	Количество, кг
Консервы	8
Мясо	3–5
Сало	2
Хлеб (мука)	17
Сахар	2
Соль, макароны, крупа, сода	По индивидуальному запросу каждого вида продукта (10–12 кг)
Итого	42 (46)

В 1960-х – начале 1990-х гг. основной рацион питания немного изменился (табл. 2)⁵⁵. В нем стали преобладать мясорыбные консервы, макаронные изделия и крупы. Появилась практика удовлетворения, в меру возможного, запросов промысловых бригад относительно свежих продуктов питания [24, с. 245]. На станы завозили свиное мясо, для чего приурочивали убой к заходу на промысел или к другой определенной дате. Норма потребления в весовом отношении осталась практически прежней.

Проведенные преобразования, как мы видим, существенно улучшили бытовые условия на промысле, что в свою очередь привело в 1952–1991 гг. к постепенному росту промыслового контингента до 5–7 тыс. человек с нормой отстрела порядка 1,75–2,5 тыс. руб. и повышению процента выполнения плановых показателей. Заготовки выросли с 3,3 млн руб. до суммы, превышающей 10–12 млн руб. В среднем планы выполнялись на 80–115 %⁵⁶. В качественном отношении заготовка пушно-мехового сырья периодически страдала, но при этом общие показатели существенно улучшились: I сорт – до 60–73 %, II сорт – 20–31 %, брак – 7–9 %⁵⁷.

Литература

1. Бутурлин С. А. Настольная книга охотника. Вологда: Всеохотсоюз, 1930. 352 с.
2. Герасимов Ю. А. Справочник егеря. М.: Агропромиздат, 1988. 271 с.
3. Нагребский Л. Н., Стахровский Е. В., Замахаев В. А., Воробьева М. П., Митрофанова Л. А., Пичугин Ю. В., Москов В. А. Организация и техника охоты. М.: Лесная пром-сть, 1977. 240 с.
4. Ларин С. А. Техника добывания зверей и птиц. М.: Лесная пром-сть, 1970. 209 с.
5. Вершинин А. А., Реброва Е. И. Организация охотничьего промысла. М.: Изд-во Центросоюза, 1957. 223 с.
6. Бутромеев В. П., Бутромеев В. В. Настольная книга охотника. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 448 с.
7. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 847 с.
8. Беспалько Д. Н. История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века – 1960-е годы) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 53–65. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4

⁵⁵ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 506. Л. 71–72.

⁵⁶ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 713. Л. 11, 15–16, 32.

⁵⁷ ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 715. Л. 17–19.

Заключение

Благодаря необустроенной или малообустроенной бытовой сфере на промысле в 1930-х – начале 1950-х гг., за организацию которой никто не нес полноценной ответственности, страдали областные пушнозаготовительные планы, редко когда выполняющиеся более чем на 75 %. Качество добываемого пушно-мехового сырья оставляло желать лучшего, поскольку I сорт в среднем составлял 50 % от выходной пушнины, а брак достигал 20 %. В силу прямой зависимости цены от качества сдаваемой пушнины в РЗК подобные показатели существенно снижали уровень материального благополучия охотничье-промыслового населения области. Отсутствие нормальных условий жизни и недостаточная организация снабжения охотников необходимыми товарами в конечном итоге привели к тому, что молодые кадры промысловиков формировались в незначительном количестве. Пожилые охотники сетовали: «Молодежь, привыкшая к клубу и читальне в деревне, не хочет идти в тайгу».

В 1950-е гг. был проведен комплекс преобразований в области колхозного охотустройства. В результате сформировалась и до начала 1990-х гг. успешно функционировала устойчивая система возрождения полноценных охотничьих бригад и юридической приписки угодий к коллективным хозяйствам. Организационно-технические проблемы становления охотустройства угодий перешли в совместную компетенцию РЗК, колхозов и бригад, что позволило в промысловой отрасли народного хозяйства добиться существенных улучшений: 1) колхозы и РЗК совместно контролировали вопросы снабжения необходимыми охотникам товарами, строительства и обслуживания таежной инфраструктуры; 2) из 140 дней промысла охотники теряли не более 10–12 дней, а не 25–40, как раньше; 3) воссозданные промысловые объединения смогли существенно увеличить территорию эксплуатируемых угодий; 4) возросли общие объемы заготовок пушно-мехового сырья.

9. Беспалько Д. Н. Особенности развития пушно-сырьевого сектора экономики на территории Забайкалья в период существования Дальневосточной Республики 1920–1922 гг. // Историко-экономические исследования. 2019. Т. 20. № 4. С. 640–664. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664
10. Данилов Д. Н., Русанов Я. С., Рыковский А. С., Солдаткин Е. И., Юргенсон П. Б. Основы охотустройства. М.: Лесная пром-сть, 1966. 332 с.
11. Пальгунов М. М. Техника организации охотничьих хозяйств. Архангельск: Огиз РСФСР. Сев. краев. отд-ие, 1931. 80 с.
12. Дементьев В. И. Основы охотоведения. М.: Лесная пром-сть, 1971. 231 с.
13. Новиков Г. А. Промыслово-охотничья фауна Северо-Западного Забайкалья // Тр. СОПР. Сер. Вост.-Сиб. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Вып. 4. 135 с.
14. Герасимов Ю. А., Шиляева Л. М., Морозов М. Ф., Кукарцев В. А., Войлочников А. Т. Охота на пушных. М.: Лесная пром-сть, 1976. 221 с.
15. Климов Г. Ф. Леса и лесное хозяйство Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2017. 553 с.
16. Мерцалов В. И. Забайкалье в контексте российской истории (середина XVII – начало XXI в.). Чита: ЗабГУ, 2019. 158 с.
17. Гордеев Н. В., Батура А. И., Кириллов И. И. Очерки истории Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2019. 440 с.
18. Стахровский Е. В., Дерягин В. Н., Дежкин В. В. Организация охотничьего хозяйства. М.: Агропромиздат, 1985. 159 с.
19. Карелов А. М., Драган А. В. Учебная книга промыслового охотника. Кн. 1. Биология промысловых животных и основы охотоведения. М.: Агропромиздат, 1989. 328 с.
20. Скалон В. Н. Организация охотничьего хозяйства Сибири. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. 84 с.
21. Рационализация техники охотничьего промысла / ред. Д. Н. Данилов. М.: Заготиздат, 1952. Вып. 1. 56 с.
22. Смирнов А. И. Систематически вести политическую работу среди охотников и оленеводов // Советский север. 1951. № 22. С. 3.
23. Астов К. С. Решительно покончить с недооценкой охотпромысла // Советский север. 1951. № 50. С. 2.
24. Колосов А. М., Лавров Н. П. Обогащение промысловой фауны СССР. М.: Лесная пром-сть, 1968. 256 с.

original article

The Life of Hunters in the Chita Region: Effect of Organizational and Technical Problems on Fur Trade (1930s – early 1990s)

Denis N. Bespalko ^{a, @, ID}

^a Transbaikal State University, Russia, Chita

@ bespalkodenis84@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-8957-0410>

Received 05.05.2020. Accepted 17.06.2020.

Abstract: The research featured the effect of household problems of hunters in the Chita region on the fur trade in Soviet Russia. It focused on their everyday life during the hunting season: supply chain, hunting and taiga infrastructure, shared camp property, specialized equipment and food, etc. The study was based on archival sources, reports of hunting expeditions, and memories of hunters. The author defined two stages of organizational and technical arrangement of hunting life in the conditions of the mountain taiga. The first stage lasted from 1930s to early 1950s. The woodlands were socialized, and individual form of exploitation of fishing grounds replaced the group one, which inevitably complicated the organizational and technical issues. The supply system worked intermittently, and no one was in charge of the land development. As a result, the quantitative indicators were low. During the second stage (1950s – early 1990s), the local hunting management improved radically. The hunting areas were officially distributed among collective farms and hunting teams. The newly established chain “procurement – farm – hunter” improved both the living conditions of the hunting population and increased the amount of furs and skins.

Keywords: hunting industry, labor organization, taiga infrastructure, hunting grounds, procurement, hunting winter hut, camp property

For citation: Bespalko D. N. The Life of Hunters in the Chita Region: Effect of Organizational and Technical Problems on Fur Trade (1930s – early 1990s). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 565–574. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574>

References

1. Buturlin S. A. *Hunter's manual*. Vologda: Vsekokhotsoiuz, 1930, 352. (In Russ.)
2. Gerasimov Ia. A. *Huntsman's manual*. Moscow: Agropromizdat, 1988, 271. (In Russ.)
3. Nagretsky L. N., Stakhrovskii E. V., Zamakhaev V. A., Vorobieva M. P., Mitrofanova L. A., Pichugin Iu. V., Moskov V. A. *Organization and technique of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1977, 240. (In Russ.)
4. Larin S. A. *Technique for the production of animals and birds*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1970, 209. (In Russ.)
5. Vershinin A. A., Rebrova E. I. *Organization of hunting*. Moscow: Izd-vo Tsentrosoiuza, 1957, 223. (In Russ.)
6. Butromeev V. P., Butromeev V. V. *Hunter's manual*. Moscow: OLMA Media Grupp, 2015, 448. (In Russ.)
7. Krasheninnikov S. P. *Description of Kamchatka*. Moscow-Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1949, 847. (In Russ.)
8. Bespalko D. N. History of development of sable trade in the territory of Eastern Transbaikalian territory (XVII century – 1960ies). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2019, (4): 53–65. (In Russ.) DOI: 10.32516/2303-9922.2019.32.4
9. Bespalko D. N. Features of development of the raw material sector of the economy in the Zabaikalsk territory during the period of existence of the Far Eastern Republic (1920–1922). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2019, 20(4): 640–664. (In Russ.) DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).640-664
10. Danilov D. N., Rusanov Ia. S., Rykovskii A. S., Soldatkin E. I., Iurgenson P. B. *Fundamentals of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1966, 332. (In Russ.)
11. Palgunov M. M. *Technique of organization of hunting farms*. Arkhangelsk: Ogiz RSFSR, Sev. kraev. otd-ye, 1931, 80. (In Russ.)
12. Dementiev V. I. *Fundamentals of hunting*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1971, 231. (In Russ.)
13. Novikov G. A. *Fishing and hunting fauna of the Northwest Transbaikalia*. Tr. SOPR. Ser. Vost.-Sib. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937, iss. 4, 135. (In Russ.)
14. Gerasimov Ia. A., Shiliaeva L. M., Morozov M. F., Kukartsev V. A., Voilochnikov A. T. *Hunting for fur*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1976, 221. (In Russ.)
15. Klimov G. F. *Forests and forestry of the Transbaikalian Territory*. Chita: Ekspres-izdatelstvo, 2017, 553. (In Russ.)
16. Mertsalov V. I. *Transbaikalia in the context of Russian history (mid XVII – early XXI centuries)*. Chita: ZabGU, 2019, 158. (In Russ.)
17. Gordeev N. V., Batura A. I., Kirillov I. I. *Essays on the history of the Transbaikalian Territory*. Chita: Ekspres-izdatelstvo, 2019, 440. (In Russ.)
18. Stakhrovskii E. V., Deriagin V. N., Dezhkin V. V. *Organization of hunting*. Moscow: Agropromizdat, 1985, 159. (In Russ.)
19. Karel'ov A. M., Dragan A. V. *Training book of a commercial hunter. Book 1. Biology of game animals and the basics of hunting*. Moscow: Agropromizdat, 1989, 328. (In Russ.)
20. Skalon V. N. *Organization of the hunting economy of Siberia*. Irkutsk: Kn. izd-vo, 1957, 84. (In Russ.)
21. *The rationalization of hunting techniques*, ed. Danilov D. N. Moscow: Zagotizdat, 1952, iss. 1, 56. (In Russ.)
22. Smirnov A. I. Systematically conducted political work among hunters and reindeer herders. *Sovetskii sever*, 1951, (22): 3. (In Russ.)
23. Astov K. S. Stop underestimating hunting! *Sovetskii sever*, 1951, (50): 2. (In Russ.)
24. Kolosov A. M., Lavrov N. P. *Enrichment of the fishing fauna of the USSR*. Moscow: Lesnaia prom-st, 1968, 256. (In Russ.)

Развитие частной торговли в 1924–1926 гг. в Иркутской губернии: тенденции и проблемы

Наталья Л. Брянская^а; Наталья В. Гонина^{б, @}

^а Институт развития образования Иркутской области, Россия, г. Иркутск

^б Красноярский государственный аграрный университет, Россия, г. Красноярск

[@] nvg7@mail.ru

Поступила в редакцию 13.04.2020. Принята к печати 27.07.2020.

Аннотация: На основе документов Государственного архива Иркутской области рассмотрены тенденции развития частной торговли в Иркутской губернии с фокусировкой на наиболее активном периоде – 1924–1926 гг. Проанализированы проблемы функционирования частной торговли, их воздействие на социально-экономическую ситуацию в регионе. Дано описание рыночной деятельности и товарного ассортимента, роли и значения предпринимательства для ликвидации товарного дефицита и восстановления товарно-денежных отношений. Выявлено бурное развитие частной торговли в начале рассматриваемого этапа и сокращение данного сегмента экономики в условиях политики, направленной на расширение государственного сектора. Отмечено, что одним из последствий стало вытеснение частного предпринимательства в сельскую местность и сокращение розничной сети. Сделаны выводы о противоречивом и нестабильном характере развития частной торговли в указанный период. Особенностью рассматриваемого региона был значительный разрыв между ценами и доходами населения, а также между стоимостью промышленных и сельскохозяйственных товаров. Это обусловило неэффективность государственной торговой деятельности и потребность в поддержке частного предпринимательства. Однако централизация экономической политики и жесткость позиций руководства не позволили развить данные тенденции, что негативно сказалось на экономике региона в целом.

Ключевые слова: новая экономическая политика, предприниматель, мелкорозничная торговля, оптово-розничная торговля, частный торговец, покупательная способность

Для цитирования: Брянская Н. Л., Гонина Н. В. Развитие частной торговли в 1924–1926 гг. в Иркутской губернии: тенденции и проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 575–583. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-575-583>

Введение

Актуальность исследования обусловлена качественными изменениями, которые претерпел российский частный бизнес за последние двадцать пять лет своего развития. Особую важность на современном этапе представляет развитие частного предпринимательства в регионах. Значительную роль в этом процессе играет Иркутская область. Она имеет исторически сложившуюся торговую специфику, на основе которой здесь успешно развивается современная торговля. На сегодняшний день регион представляет собой обширный внутренний рынок с благоприятной инфраструктурой для развития частного предпринимательства и продвижения товаров и услуг из центра. Для более успешного функционирования частного предпринимательства необходимо изучать исторический опыт его осуществления на этих территориях, в частности в годы новой экономической политики (НЭП). Цель статьи – исследовать специфику развития частной торговли в Иркутской губернии в период ее расцвета – в 1924–1926 гг.

В зарубежной историографии тема НЭПа рассматривалась достаточно широко в 1990-е гг., интерес во многом

был стимулирован коллективной работой с участием Шейлы Фицпатрик [1], однако в XXI в. интерес фокусируется больше на сталинском периоде. Среди англоязычной историографии можно выделить несколько работ, написанных в разных подходах, но так или иначе рассказывающих о частной торговле в период НЭПа. Наиболее интересными с позиции нашей темы являются труды М. Харрисона [2; 3], М. Хилтон [4] и Дж. Хесслер [5].

М. Харрисон стал известен в 1980-е гг., опубликовав серию работ, посвященных проблемам НЭПа. Выводы, сделанные в них, сегодня вошли во многие учебники. Новая книга М. Харрисона в соавторстве с А. Маркевичем, вышедшая на русском языке, охватывает большой исторический период и привлекает значительный объем количественных данных, в том числе с использованием компаративного анализа, приводит к выводу о том, что Первая мировая и Гражданская войны стали для России самым тяжелым экономическим потрясением XX в. и новая экономическая политика не позволила преодолеть нанесенный урон [2].

М. Хилтон в книге, посвященной развитию потребительской культуры в России с 1880-х гг. до начала 1930-х гг.,

много внимания уделяет анализу периодической печати. В этом заключается ее интерес для нас, т. к. данный исторический источник часто анализируется в контексте культурной истории и крайне редко – в экономической. Впрочем, книга больше лежит в поле культурной антропологии. Другой важный аспект работы – это оценка коммерческой деятельности как социокультурного явления, которое не менее важно для развития общества, чем государство или церковь. Она подчеркивает решающую роль потребительства как средства для формирования классовой и гендерной идентичности, современности, урбанизма и как механизма управления при переходе от царского самодержавия к советскому социализму [4].

Работа Дж. Хесслер, выполненная в жанре экономической истории, наиболее близка нашей теме, и она во многом заложила основы современного подхода к изучению частной торговли в период НЭПа [5]. Автор занимается темой несколько десятилетий и хорошо знакома как с зарубежной, так и советской историографией. Она свободно оперирует такими понятиями, как товарооборот и многоукладная экономика, знает работы советских экономистов. Открытие доступа в российские архивы позволило ей ввести в научный оборот целый ряд отечественных материалов как центральных, так и провинциальных архивов и обосновать сделанные ранее на базе иностранных источников выводы.

Отечественной историографией накоплен существенный теоретический и фактический материал по отдельным аспектам частной торговли в 1920-е гг., которые в основном исследуются в рамках обобщающих работ и статей по истории НЭПа. Собственно историография истории существования частного предпринимательства в экономике переходного периода незначительна по объему. За последние 20 лет изучение экономики 1920-х гг. развивается не так активно, как в 1990-е гг., или, например, как тематика культуральной истории 1920-х гг. и истории повседневности [6]. Причем последнее направление достигло такого размаха, что даже историографию 1920-х гг. некоторые авторы рассматривают исключительно в контексте изучения истории повседневности [7]. Известный историограф НЭПа И. Б. Орлов также отмечает историографический поворот в сторону истории повседневности в 2000-е гг. [8].

Среди опубликованных по интересующей нас тематике статей можно выделить как традиционное направление исследований – управление экономическими процессами в 1920-е гг. [9–11], так и относительно новый для отечественных исследователей локальный подход в духе лестерской школы [12; 13]. Мы считаем, что среди последних работ наиболее перспективными являются локальные исследования, т. к. в качестве объекта изучения частная торговля в достаточно экстремальной и кратковременной ситуации НЭПа будет интересна именно с точки зрения местной специфики, социальных связей, диалектики глобального и локального.

Наибольшего успеха в исследовании НЭПа в Сибири достигла Е. В. Демчик. Открыв проблему на волне интереса к предпринимательству в 1990-е гг. [14], она подчеркнула, с одной стороны, неприятие центральными и местными руководителями самой идеи разрешения частной торговли, а с другой – острейшую необходимость в ней для развития экономики [15]. За прошедшие 30 лет в целом ряде публикаций она раскрыла многие грани социально-экономических отношений данного периода. Представляет интерес ряд статей, посвященных нэпманам, где, в частности, представлен полный социальный портрет этой группы. Автор замечает интересную диалектику отношений, указывая, что «первоначальное накопление частного капитала, нигде и никогда не отличавшееся особой нравственной чистотой, в специфических условиях Советской России 20-х годов происходило совсем уж хищнически» [16, с. 147], и в то же время «все большее число коммерсантов обращались к лучшим традициям дореволюционного предпринимательства. Они дорожили престижем своего дела, хранили верность слову, стремились добиться прибыли хорошей работой» [16, с. 147].

Евгения Валентиновна Демчик опровергает основной тезис советской историографии о хищнической сущности предпринимателей, отмечая, что кредитование было недостаточным, а посредники и ростовщики наживались на безвыходном положении торговцев. «Абсолютное большинство частных торговцев 20-х гг. занималось мелкой розничной торговлей, выбирая патенты 1–2 разрядов. Уровень их доходов лишь немногим превышал средний доход на душу населения. Часть из них, едва сводя концы с концами, видимо, без особого сожаления рассталась бы со своими занятиями» [17, с. 167].

Признавая большой вклад Е. В. Демчик в изучение НЭПа в Сибири, все же заметим, что Иркутская область ею практически не рассматривается.

Публикации красноярского ученого А. И. Бакшеева, одного из немногих специалистов по НЭПу в данном регионе, отличаются большим разбросом тем и подходов. Его последняя крупная работа полностью сосредоточена на вопросах управления и не касается проблем торговли [18]. Интересующая нас проблематика сосредоточена в ряде статей, посвященных коррупции, где автор отмечает, что в сложившихся условиях деятельность частника была невозможна без взяток [19; 20].

Другое, не менее значимое направление в историографии НЭПа – это использование исторической информатики, т. к. особенностью экономической деятельности в условиях рыночных отношений является многообразие, и без компьютерного анализа и моделирования разобраться в нем и обосновать полученные выводы достаточно сложно, что было доказано уже в работах специалистов в 1990-е гг. [21].

Однако для реализации указанных направлений, которые, как мы видим, разрабатываются в отечественной исторической науке уже 20 лет, требуется мощная источниковедческая работа, которая, к сожалению, пока отстает.

Успехи, достигнутые в МГУ в этом направлении в 1990-х гг.¹, а также отдельные публикации документов² – это практически все, чем мы располагаем. При этом важно обратить внимание, что эта работа по-прежнему недооценивается и рассматривается как вспомогательная. Так, среди статей, посвященных изучению экономики 1920-х гг., за последние 5 лет только одна посвящена анализу источников [22]. В Сибири же подобная работа ведется при дефиците специалистов, техники и базовых знаний в области цифровых технологий. В этом плане перспективное сотрудничество осуществляет Л. И. Бородин на Алтае с Е. В. Демчик и В. Н. Владимировым [23; 24].

Таким образом, ситуация в историографии НЭПа за последние 10 лет значительно изменилась относительно тех выводов, которые были сделаны Н. А. Брянской (Зыковой) в 2012 г. [25]. Но если говорить об изучении Восточной Сибири, то здесь ситуация осталась практически прежней. Представляется необходимым углубить и расширить исследования периода 1920-х гг. в Восточно-Сибирском регионе на основании перспективных научных подходов. И в первую очередь нужно провести систематизацию и структурирование имеющихся данных.

Тенденции и особенности развития частной торговли

При относительной изученности темы недостаточно ясными остаются вопросы специфики функционирования частной торговли на территории Иркутской губернии. Это обуславливает научную новизну данной статьи, т. к. основными источниками исследования являются архивные документы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), часть из которых впервые вводится в научный оборот.

В 1924–1926 гг. развитие частной торговли в Иркутской губернии отличалось определенными тенденциями. Одной из них стал процесс упорядочения частной деятельности, в результате которого стихийные городские рынки превратились в специализированные. Например, в Иркутске к 1925 г. подобных рынков было несколько. В основном они концентрировались в центре города. К ним относились мелочной базар, где имела место лавочная торговля бакалейной, мясной, рыбной продукцией; старосенный базар – лавочная торговля подержанными вещами, одеждой и обувью, головными уборами; новосенный базар – мясные и рыбные ряды; хлебный, где велась торговля с открытых мест продуктами собирательства, садоводства, молочными продуктами, хлебобулочными изделиями, галантереей; Свердловский базар, который был наиболее крупным, т. к. здесь торговали из балаганов и киосков. Балаганы

представляли собой мануфактурно-галантерейные и бакалейные, а киоски – парфюмерно-галантерейные и бакалейно-табачные ряды [26, с. 36].

Следующей тенденцией стала концентрация оборотных средств у частных предпринимателей, что было обусловлено быстрым и успешным ростом частной торговли в предыдущие три года. Концентрация средств, в свою очередь, вызвала процесс укрупнения частной торговли, который проявился в некотором увеличении частных оптовых и оптово-розничных торговых предприятий. Так, в Иркутской губернии в 1924/25 г.³ количественный показатель оптовой торговли составлял не более 3,5 %. В следующем году он повысился до 4,6 %. В оптово-розничной торговле губернии к июню 1925/26 г. удельный вес частного вырос до 22 %⁴. Таким образом, оптово-розничная частная торговля в Иркутской губернии получила больше развития, чем по стране, где ее максимальный удельный вес по оборотам был достигнут в 1923/24 г. и составил 18 %⁵.

В целом роль частного в торговле 4–5 разрядов (оптово-розничной) губернии продолжала оставаться невысокой. Доминирующую позицию здесь занимала государственная и кооперативная торговля. Подобная динамика была обусловлена политикой нажима власти на частную оптовую и оптово-розничную торговлю. Вследствие того, что государство контролировало оптовую торговлю, преимущество по торговым оборотам было на стороне государственных и кооперативных торговых предприятий.

Тенденция преобладания количественного показателя над оборотами продолжала характеризовать частную торговлю в исследуемом регионе. Тем не менее ее обороты в 1924–1926 гг. несколько увеличились. Подобное увеличение было связано с процессом укрупнения торговых предприятий в результате концентрации средств у отдельных лиц. В то же время параллельно произошло резкое увеличение оборотов государственной и кооперативной торговли в результате покровительственной политики власти. Например, удельный вес частной торговли в 1923/24 г. в общем торговом обороте Иркутской губернии составлял 26,6 %, в кооперативной – 33,4 %, в государственной – 40 %⁶. Данная динамика объясняется тем, что в Иркутской губернии в торговых оборотах преобладала государственная торговля. Отмечая преимущество кооперации и госторговли в товарообороте губернии, следует иметь в виду, что в условиях сокращения частных предприятий она выполняла все функции по обслуживанию населения, что обеспечивало ей высокие торговые обороты, особенно в сельских местностях.

¹ Центр экономической истории при Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/> (дата обращения: 27.03.2020).

² Советская товарная биржа, 20-е годы. Документы и материалы / сост., коммент. и вступ. ст. Н. В. Московченко. М.: Дело, 1992. 342 с.

³ В статистических отчетах 1920-х гг., используемых в работе, год считался с 1 октября по 1 октября.

⁴ Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2591. Л. 134.

⁵ ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–79; ГАИО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 53. Л. 120.

⁶ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 230.

Что же касается количественных показателей, здесь продолжали лидировать предприятия частной мелкорозничной и розничной торговли. В то же время в результате политики нажима власти их количество уменьшилось. Так, по данным Иркутского губвнуторга, в первом полугодии 1923/24 г. в Иркутске наблюдалась тенденция уменьшения частной торговой сети при увеличении ее оборотов в 2 раза. Частных магазинов стало меньше, но количество товара в них увеличилось⁷. Это объясняется тем, что в предыдущие три года у частных произошла концентрация средств, которые они могли свободно пустить в оборот. Данная тенденция была характерной только для губернского города. В целом по Иркутской губернии в 1923/24 г. предприятия частной мелкорозничной и розничной торговли составляли 88,9 % всей торговой сети. На кооперативную торговую сеть приходилось только 8,5 % предприятий. Остальные 2,6 % занимала государственная торговля⁸. В 1924/25 г. численность частных предприятий в Иркутской губернии составляла 78,2 % от общей численности торговых предприятий по сравнению с 1923/24 г., т. е. произошло их сокращение на 10,7 %⁹. Однако, несмотря на политику нажима власти в отношении частной торговли, она сохраняла лидирующие позиции.

у частных оптовиков центральных регионов. Следует отметить и усиливавшиеся позиции сибирской кооперации, удельный вес которой составлял 35 % всего товарооборота. По стране этот показатель составлял только 20 % [27, с. 45].

Отличительной особенностью рассматриваемого периода стало смещение частной торговли в сельскую местность, что было обусловлено антикризисными мерами власти, которые привели к некоторому повышению материального уровня деревни, а также ужесточением регулирующей политики в отношении частного капитала. Указанные факторы привели к дальнейшему развитию частной торговли в селах. Ее форма оставалась мелкорозничной разъездной торговлей. К ней добавилась частная мелкорозничная торговля 1–2 разрядов, сместившаяся из городов в сельскую местность. Таблица¹⁰ показывает, что данные виды торговли имели большое значение для отдаленных районов, например Верхотенского уезда Иркутской губернии, где существовала только частная торговля 2 разряда.

Развитие частной торговли в селах значительно отставало от роста таковой в городах по причине специфичности сельской местности. Это отдаленность, вызывавшая проблемы с доставкой товара и низкая покупательная способность крестьян из-за отсутствия у них денежных средств.

Табл. Распределение частных розничных торговых предприятий по уездам Иркутской губернии к январю 1924 г.

Tab. Distribution of private retail outlets by areas of the Irkutsk province, January 1924

Разряд	Зиминский уезд		Тулунский уезд		Балаганский уезд		Верхотенский уезд		Иркутский уезд	
	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%	ед.	%
1	22	10,5	11	10,6	1	2,9	–	–	34	14,9
2	132	62,9	56	53,8	13	37,1	6	100	134	59
3	56	26,7	36	34,6	21	60	–	–	50	22
4	–	–	1	0,9	–	–	–	–	9	3,9
5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	210	100	104	100	35	100	6	100	227	100

Темпы развития частной торговли существенно замедлились. Массированные меры власти по ее регулированию привели к сокращению торговой сети, показателей удельного веса и оборотов. Начиная с 1923/24 г. по первое полугодие 1924/25 г. тенденция резкого сокращения численности частных торговых предприятий и их удельного веса в общей торговой сети наблюдалась по всей стране. В Центрально-Европейской части страны сокращение численности частной торговли в первом полугодии 1923/24 г. в сравнении с предыдущим полугодием составило 20 %. В Сибири за этот период численность частных торговых предприятий сократилась более чем на 30 %. Особенно быстро шло сокращение частных предприятий, торговавших текстилем (на 70 %), бакалей (на 50 %) и другими товарами, которые закупались

В деревнях губернии частная мелкорозничная торговля начала оживленно развиваться только с 1923 г., когда частники приобрели устойчивые позиции на рынке. Частный сектор в деревне преобладал в количественном отношении в сравнении с кооперативным и государственным. В Иркутской губернии в 1923/24 г. на 1 частное торговое предприятие приходилось 704 сельских жителя (в городе Иркутске – 79 человек), кооперативное – 2554 (в Иркутске – 4909 человек), а предприятие госторговли обслуживало до 18264 сельчан (в Иркутске – 4418 человек). В 1924/25 г. ситуация несколько улучшилась за счет продолжающегося смещения мелкорозничной частной торговли из города в деревню. Теперь на 1 частное торговое предприятие в городах Иркутской губернии приходилось в среднем

⁷ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2591. Л. 134; ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1825. Л. 147 об.

⁸ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

⁹ ГАИО. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 91. Л. 143.

¹⁰ Составлена по: ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

64 человека, а в сельских местностях – 300 человек¹¹. В целом малое количество торговых лавок, как частных, так и кооперативных, их разбросанность и ограниченное снабжение необходимыми товарами не обеспечивало потребностей крестьян в полной мере. За нужными товарами им по-прежнему приходилось ездить в город. В указанный период частная торговля в селах представляла собой торговлю дефицитными промышленными товарами первой необходимости, которые частные торговцы везли из губернских городов. Они продавали эти товары с лотков или открывали небольшие лавочки, где крестьяне могли приобрести необходимые им одежду, обувь, керосин, спички, нитки и другие необходимые для деревни промышленные товары [28, с. 55].

Проблемы частной торговли

Проблема товарного дефицита продолжала оставаться актуальной для деревенских жителей. Однако по сравнению с предыдущим периодом ситуация несколько улучшилась. Рынок способствовал росту хозяйственной деятельности крестьян. Потребительская кооперация, сельскохозяйственные кредитные товарищества способствовали активной реализации хлеба на внутреннем рынке. Например, жители с. Кундуй Тулунского уезда Иркутской губернии часть заготовленного хлеба направляли для торговли на продажу в соседние и отдаленные районы Куйтун, Жигалово¹². Реализовав хлеб, крестьяне покупали одежду, обувь, мануфактуру, хозяйственно-бытовые товары в частных и кооперативных лавках, появившихся в деревне в связи с расширением и развитием торговли. Обычно в кооперативных лавках не всегда можно было приобрести нужный товар, а частные лавки предлагали широкий ассортимент необходимых в крестьянском хозяйстве товаров. В некоторых случаях они составляли серьезную конкуренцию деревенской кооперации. Так, по данным Иргубстатбюро в Кударинской волости Иркутского уезда имелись 1 частная и 3 кооперативных лавки¹³. Местное население охотно приобретало товар в частной лавке, т. к. там был большой выбор товара по относительно низким ценам. Например, пуд (16 кг) ржаной муки в кооперативной лавке стоил 90 коп., а в частной – 83 коп., аршин (0,71 м) ситца в кооперативной лавке стоил 60 коп., в частной – 45 коп., керосин (1 л) в кооперативной лавке – 15 коп., в частной – 12 коп. В Тыретской волости Зиминского уезда Иркутской губернии имелись 3 частные лавки и 1 кооперативная. Разница в ценах между ними составляла 10 %, причем не в пользу кооперативной¹⁴. Подобные случаи использовались частниками

для того, чтобы успешно конкурировать с кооперативами. Специфика частной торговли в селах губернии продолжала оставаться мелкорозничной с невысоким уровнем развития.

Со второго полугодия (апрель–сентябрь) 1924/25 г. по 1925/26 г. в Иркутской губернии наблюдалась тенденция значительного роста частной торговой сети по сравнению с предыдущим годом. Данная ситуация была связана с тем, что в результате жестких мер власти по регулированию частной торговли в 1923/24 – первом полугодии (октябрь–март) 1924/25 г. начался ее массовый уход с рынка, что тут же негативно отразилось на экономической ситуации. В итоге власть была вынуждена ослабить нажим на частную торговлю, что вновь вызвало ее подъем. Так, в Иркутской губернии в первом полугодии 1925/26 г. рост частной торговли составил 13,9 %¹⁵. В целом по Сибири к началу 1925/26 года произошел рост частной торговли 2–3 разрядов на 33 %. В общем товарообороте региона рост оборотов частной торговли увеличился на 39,3 %. На долю частного торгового капитала приходилось 46,8 % розничного товарооборота Сибири, 46,2 % составляла доля кооперативного сектора, 7 % – доля государственного сектора¹⁶. Проходивший в декабре 1925 г. XIV съезд ВКП(б) отметил как отрицательный фактор абсолютный рост частного капитала в торговле и поставил задачу дальнейшего его вытеснения с рынка. Несмотря на указанный подъем, частный капитал уже к концу 1925 г. занимал подчиненное положение в товарообороте и сохранял преобладание в мелкой розничной торговле¹⁷.

Тенденция сокращения частной розницы в результате политики нажима власти на частный капитал привела к ряду проблем, которые ударили не только по частным торговцам, но и по потребителям. Частники, оставшиеся на рынке, вынуждены были повысить цены. Повышение цен произошло и в кооперативах, которым, как хозрасчетным организациям, это повышение было выгодно. Так, булка хлеба из ржаной муки поднялась в цене от 55 коп. до 1 руб., т. е. на 80 %, хлеб из пшеничной муки – от 95 коп. до 1 руб. 45 коп. за булку (на 52 %). В кооперативе ржаной хлеб подорожал на 36 %, пшеничный – на 25 %¹⁸. Несмотря на то, что товарный голод был преодолен, а материальное положение населения несколько улучшилось, большинство людей в городах по-прежнему жили очень скромно. Цены в магазинах, особенно частных, были высокими, а заработки – низкими. Например, средний размер месячной заработной платы рабочего составлял около 40 руб. Зарплата служащих была еще меньше и составляла в среднем 25 руб.¹⁹

¹¹ Иркутский рабочий. 10.06.1924.

¹² ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 118–119.

¹³ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2. Л. 119.

¹⁴ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1. Д. 2591. Л. 42, 43, 212.

¹⁵ ГАИО. Ф. Р-806. Оп. 1. Д. 4. Л. 78–79.

¹⁶ Известия. 26.12.1925.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 257. Л. 68.

¹⁸ Иркутский рабочий. 10.06.1924.

¹⁹ Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-827. Оп. 1. Д. 15. Л. 50.

В потребительскую корзину (согласно бюджетному набору) входили следующие основные продукты: яйца, молоко, мука, масло, соль, керосин, нитки, спички, мыло, сахар, махорка. Килограмм сахара стоил 35 коп., булка хлеба – 1 руб., коробок спичек – 15 коп., литр керосина – 6 коп., брусок мыла – 25 коп., моток ниток – 20 коп., фунт табака – 3 руб., литр топленого масла – 70 коп., литр молока – 6 коп. Таким образом, средняя стоимость потребительской корзины составляла от 12 руб. 26 коп. до 12 руб. 50 коп. На рынке этот набор варьировался от 13 руб. 22 коп. до 13 руб. 50 коп. Однако реальная сумма, которую среднестатистический потребитель тратил на покупку продуктов, была значительно выше и составляла чуть больше 20 руб. В результате только на продукты уходила половина заработной платы. Наиболее дорогими были промышленные товары. Стоимость пары сапог варьировалась от 15 до 25 руб., аршин сукна стоил 4 руб. 75 коп.²⁰ Учитывая постоянный рост инфляции, при таком соотношении цен и заработной платы прожить было очень трудно. Кроме того, покупательная способность населения в результате колебания цен в 1925/26 г. значительно снизилась. В Иркутской губернии в среднем она составляла 28 руб. 50 коп. на душу. Из них 31 руб. 40 коп. – покупательная способность горожан, 25 руб. 60 коп. – крестьян²¹. Низкий уровень покупательной способности крайне чувствительно отражался на выручках частных торговцев, отчего их доходы уменьшились. В итоге торговые предприятия, особенно мелкорозничные, а таковых было большинство, в основной своей массе разорялись и закрывались. Таким образом, от государственной политики наступления на частный капитал страдали все: частные предприниматели, кооперация, потребители.

Еще одной проблемой для частной торговли стала государственная политика регламентации цен для развития государственного и кооперативного секторов торговли. Делалось это сознательно, т. к. регламентация цен не оставляла места свободной конкуренции, делала ее невыгодной. Данная ситуация заставляла частных торговцев снижать цены, чего и добивалась власть. Представляется интересным тот факт, что сами частные торговцы положительно воспринимали ценовую политику и соглашались торговать по фиксируемым ценам при условии понижения размера налогов, арендной платы, акцизных сборов и других платежей, которые делали низкие цены невыгодными.

Проведение властью комплекса регулирующих мер в период с 1924 по 1925 гг. привело к значительному снижению уровня частной торговли и ее роли в товарообороте Иркутской губернии по сравнению с предыдущим этапом. Тем не менее, несмотря на указанные проблемы, развитие частной торговли привело к увеличению экономических показателей. Рост частной торговли положительно сказался на повышении материального уровня населения. Покупательная способность крестьян с 1924 по 1925 годы

выросла почти в 2 раза [29, с. 230, 241]. Развитие частной торговли частично привело к положительному разрешению таких социальных проблем, как безработица, карточная система снабжения и др. Население изучаемого региона получило возможность работать и зарабатывать. Более половины занятого населения городов Иркутской губернии приходилось на частную торговлю. Деятельность частных торговцев обусловила насыщение губернских рынков товарами широкого потребления, в том числе дефицитными. Это привело к отмене карточной системы, у людей появилась возможность свободно купить желаемый товар.

Расширение и подъем частного рынка в Иркутской губернии сыграли значительную роль в снабжении деревни дефицитными промышленными товарами. Государственная товарно-распределительная система не удовлетворяла спроса крестьянского населения губернии, а частный торговец выступил посредником не только на городском, но и на деревенском рынке. В результате жители сельских местностей получили возможность доступа к разнообразному ассортименту промышленных товаров.

В то же время противоречивая тенденция развития частной торговли и параллельный процесс ее искусственного сдерживания государством создавали сложную и нестабильную ситуацию в обществе и экономике.

Заключение

В 1924–1926 гг., несмотря на противоречивые регулирующие меры государства, развитие частной торговли активно продолжалось. В Иркутской губернии развитие частной торговли определялось рядом тенденций, таких как упорядочение процесса ее развития, увеличение оптовой и оптово-розничной торговли, смещение частной торговли в сельские местности, преобладание частной розничной сети и т. д.

В отличие от 1921–1923 гг. количественные показатели, торговые обороты, удельный вес частной торговли в Иркутской губернии значительно снизились. Данный процесс был обусловлен рядом проблем, вызванных нажимом власти на частную торговлю, в связи с чем частные предприниматели стали испытывать определенные сложности. Наибольшие трудности возникли в сфере торговой деятельности частных. Жесткие меры государства по регулированию частной торговли привели к массовому закрытию частных торговых предприятий губернии, что осложнило экономическое положение. В итоге государство вынуждено было ослабить нажим на частную торговлю. Этот шаг стабилизировал ситуацию и с весны 1925 г. привел к относительному росту частной торговой сети в губернии. Однако по сравнению с предыдущим этапом ее уровень стал гораздо ниже.

НЭП в сфере торговли на местах выразилась в первую очередь в восстановлении частного предпринимательства.

²⁰ ГАИО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2206. Л. 6.

²¹ ГАИО. Ф. Р-511. Оп. 1, Д. 2. Л. 204

Базарная торговля и развитие розничной сети в Иркутской губернии пережили период бурного развития, что было характерно и для ряда других регионов страны [12–14; 30, с. 219–242]. Нельзя не согласиться с рядом авторов, что на данном этапе повсеместно происходила частичная ликвидация дефицита в отношении товаров первой необходимости, расширение количества рабочих мест и самозанятости, а также накопление средств у предпринимателей. С другой стороны, мы согласны с Дж. Хесслер в ее оценках советской частной торговли в период НЭПа как протекавшей в условиях многоукладной экономики, экономического кризиса и жесткого преследования со стороны власти [5, р. 8–9, 130].

Важно заметить, что для руководящих лиц было характерно «политически правильное» недоверие к «частникам» и «нэпманам», что отражалось как в различных формах экономического и внеэкономического давления, так и в жесткой критике их в периодической печати. Население достаточно активно поддерживало такую политику, т. к. было недовольно рыночными ценами и товарным ассортиментом. Это дало основание М. Хилтон для вывода об отсутствии культуры торговли и общем негативном отношении населения к коммерческой деятельности [4].

Однако если говорить об удаленных, малоосвоенных, имеющих низкую плотность населения регионах, примером

которых была Иркутская губерния, то здесь главную роль играли вопросы выживания и самообеспечения. Тесная связь города с сельской местностью снимала проблему голода. Однако если питанием люди могли обеспечить себя сами, то промышленные товары становились мало-доступными. Большой разрыв между ценами и доходами населения был постоянным поводом для дестабилизации экономики, социальных протестов и незаконной деятельности. В такой ситуации мелкий предприниматель мог быть инструментом для регуляции отношений. 1924–1926 гг. явились для Иркутской губернии периодом наибольшего развития и расширения частной торговли. К этому времени произошла концентрация средств у мелких предпринимателей, благодаря чему они смогли расширить свою торговлю, пустив деньги в оборот. Активному расширению также способствовала мягкая позиция местной власти в отношении частной торговли.

Исследованный период наглядно демонстрирует возможности успешного развития частной торговли. Причем ситуация в Иркутской губернии, несмотря на наличие локальной специфики, в целом отражала общесоветские процессы. К сожалению, идеологизация экономической политики, ее централизация и жесткость требовали подавления частной инициативы, что предопределило тяжелые последствия для местного населения.

Литература

1. Russia in the era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / eds. S. Fitzpatrick, A. Rabinowitch, R. Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1991. 356 p.
2. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 109 с.
3. Harrison M. Why did NEP fail? // *Economics of Planning*. 1980. Vol. 16. № 2. С. 57–67.
4. Hilton M. L. Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014. 344 p.
5. Hessler J. A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press, 2004. 366 p.
6. Килин А. П. «Кто не торгует, тот не ест!»: торговые практики в повседневной жизни рабочих Урала в 1920-е гг. // *Quaestio rossica*. 2017. Т. 5. № 4. С. 1047–1062. DOI: 10.15826/qr.2017.4.266
7. Оришев А. Б., Тарасенко В. Н. О тенденциях в историографии НЭПа // *Filo Ariadne*. 2016. № 3. С. 37–46.
8. Орлов И. Б. Современная историография нэпа (к вопросу о составлении «исследовательской карты») // *Харківський історіографічний збірник*. 2014. Т. 13. С. 85–96.
9. Белковец А. П., Белковец С. В. Экономическая политика Советской России (СССР). 1920–1930-е гг // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 6. С. 560–691. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.17476
10. Котельников А. С. Государственное регулирование частного капитала в 1920-е гг.: региональные особенности // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2015. № 4. С. 47–53.
11. Шабашова Е. В. Государственное регулирование розничной торговли и торговой рекламы в период нэпа // *Управление мегаполисом*. 2012. № 1. С. 62–76.
12. Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., Кулакова Н. И. Частное предпринимательство в период НЭПа (на материалах Поволжья) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22. № 4. С. 139–150. DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.4.13
13. Петришина И. Д. Воронежские базары 1920-х годов // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2017. № 2. С. 84–88.
14. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: АлтГУ, 1998. 239 с.
15. Демчик Е. В. Частные торговцы в годы нэпа: возрождение и гибель профессии (на материалах Сибири) // *Историческое профессиоведение* / под ред. В. Н. Владимиров. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 160–183.

16. Демчик Е. В. «Новые русские», годы 20-е // Родина. 2000. № 5. С. 146–149.
17. Демчик Е. В. Частный капитал Сибири в 20-е гг. XX в. Барнаул: АлтГУ, 2005. 302 с.
18. Бакшеев А. И. Проблемы советской государственности в Сибири периода нэпа. Красноярск: СФУ, 2013. 354 с.
19. Бакшеев А. И. Коррупция как социальное явление в нэповской Сибири // Федерализм. 2014. № 1. С. 163–170.
20. Бакшеев А. И. Взятничество в нэповской Сибири // Гришаевские чтения: мат-лы I национ. науч. конф., посв. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. (Красноярск, 11 сентября 2018 г.) Красноярск: КГАУ, 2018. С. 130–136.
21. Максимов С. В. Структура безработицы 20-х годов в СССР: новый подход к ее изучению // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л. В. Милов. М.: Наука, 1992. С. 210–232.
22. Парамонова Р. Н. Конъюнктурные обзоры народного хозяйства самарского региона как источник по социально-экономической истории 1920-х годов // Готовские чтения: мат-лы IV межрегион. науч.-практ. конф. (Самара, 22 октября 2015 г.). Самара: Офорт, 2016. С. 247–252.
23. Бородин Л. И., Демчик Е. В., Килин А. П., Конрой М., Кларк Ч., Лютов А. Н., Носова П. В., Орлов И. Б., Свищев М. А., Хазиев Р. А., Черникова Л. П. «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2005. 222 с.
24. Демчик Е. В. Нэпманы: социально-профессиональные характеристики (на материалах Сибири) // Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер. 2014. № 41. С. 197–206.
25. Зыкова Н. А. Историография частной торговли в годы нэпа в Восточной Сибири: к проблеме изучения // Вестник КрасГАУ. 2012. № 10. С. 205–213.
26. Петрушин Ю. А. Земля кундуйская. Иркутск: Оттиск, 2006. 254 с.
27. Решетников Г. И., Черных А. В. Торговля и рынок Иркутской губернии. Иркутск: Иркут. губ. стат. бюро, 1923. 84 с.
28. Черных А. В. Торговля Иркутской губернии в освещении второго торгового учета: (По данным Губстатбюро и Губфинотдела на 1-е января 1924 г.). Иркутск: Иркут. губ. статист. бюро: Иркут. губ. фин. отдел, 1924. 59 с.
29. Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. / под ред. д-ра экон. наук И. А. Гладкова. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 559 с.
30. Чунтулов В. Т. Экономическая история СССР. М.: Высш. шк., 1969. 463 с.

original article

The Development of Private Trade in 1924–1926 in the Irkutsk Province: Trends and Problems

Natalya L. Bryanskaya^a; Natalya V. Gonina^{b, @}

^a Institute for the Development of Education of the Irkutsk Region, Russia, Irkutsk

^b Krasnoyarsk State Agrarian University, Russia, Krasnoyarsk

Received 13.04.2020. Accepted 27.07.2020.

Abstract: The present research featured the trends of private trade in the Irkutsk province. The study was based on historical documents from the State Archives of the Irkutsk Region. The paper focuses on 1924–1926 as the period of active trade development. The authors analyzed the problems of private trade functioning and their impact on the socio-economic situation in the region. The article describes the market activity and product range, the role and importance of entrepreneurship in commodity deficit relief and re-establishing of market relations. The research revealed a rapid development of private trade at the initial stage and a further reduction of this segment of economy as a result of the policy aimed at expanding the public sector. Subsequently, small private business moved into rural areas, and the retail network reduced. The authors believe that the development of private trade in this period was contradictory and unstable. In the Irkutsk province, there was a significant gap between prices and incomes, as well as between the cost of industrial and agricultural goods. As a result, the state trade activities were inefficient, and the private entrepreneurship needed support. However, the centralization of economic policy and the rigidity of management positions did not allow these trends to develop, which negatively affected the economy of the region as a whole.

Keywords: new economic policy, entrepreneur, small-scale trade, wholesale and retail trade, private merchant, purchasing power

For citation: Bryanskaya N. L., Gonina N. V. The Development of Private Trade in 1924–1926 in the Irkutsk Province: Trends and Problems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 575–583. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-575-583>

References

1. *Russia in the era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture*, eds. Fitzpatrick S., Rabinowitch A., Stites R. Bloomington: Indiana University Press, 1991, 356.
2. Markevich A., Harrison M. *World War I, Civil War, and Rebuilding: Russia's National Income in 1913–1928*. Moscow: Mysl, 2013, 109. (In Russ.)
3. Harrison M. Why did NEP fail? *Economics of Planning*, 1980, 16(2): 57–67.
4. Hilton M. L. *Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014, 344.
5. Hessler J. *A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953*. Princeton: Princeton University Press, 2004, 366.
6. Kilin A. "He who does not trade, does not eat!": trade practices in the everyday lives of Ural workers in the 1920s. *Quaestio rossica*, 2017, 5(4): 1047–1062. (In Russ.) DOI: 10.15826/qr.2017.4.266
7. Orishev A. B., Tarasenko V. N. On the trends in historiography NEP. *Filo Ariadne*, 2016, (3): 37–46. (In Russ.)
8. Orlov I. B. Modern historiography of the NEP (the question of drawing up a "research map"). *Kharkivskii istoriografichnii zbirnik*, 2014, 13: 85–96. (In Russ.)
9. Belkovets L. P., Belkovets S. V. Economic policy of the Soviet Russia (USSR) during the period of 1920–1930. *Genesis: Historical research*, 2015, (6): 560–691. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-868X.2015.6.17476
10. Kotelnikov A. S. State regulation of the private capital in the 1920s: the regional features. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 2015, (4): 47–53. (In Russ.)
11. Shabashova E. V. Retail trade state regulation and trade advertizing in the times of the New Economic Policy (NEP). *Upravlenie megapolisom*, 2012, (1): 62–76. (In Russ.)
12. Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G., Kulakova N. I. The private business during the New Economic Policy (on the materials of the Volga region). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2017, 22(4): 139–150. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu4.2017.4.13
13. Petrishina I. D. Voronezh market trade in 1920s. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, 2017, (2): 84–88. (In Russ.)
14. Demchik E. V. *Private capital in Siberian cities in the 1920s: from revival to liquidation*. Barnaul: AltGU, 1998, 239. (In Russ.)
15. Demchik E. V. Private traders in the years of the New Economic Policy: the revival and death of the profession (based on materials from Siberia). *Historical Professionovedenie*, ed. Vladimirov V. N. Barnaul: AltGU, 2004, 160–183. (In Russ.)
16. Demchik E. V. "New Russians", the 1920s. *Rodina*, 2000, (5): 146–149. (In Russ.)
17. Demchik E. V. *Private capital of Siberia in the 1920s XX century*. Barnaul: AltGU, 2005, 302. (In Russ.)
18. Baksheev A. I. *Problems of the Soviet statehood in Siberia during the NEP period*. Krasnoyarsk: SFU, 2013, 354. (In Russ.)
19. Baksheev A. I. Corruption as a social phenomenon in the NEP Siberia. *Federalizm*, 2014, (1): 163–170. (In Russ.)
20. Baksheev A. I. Bribery in New Economic Policy Siberia. *Grishaev readings: Proc. I National Sci. Conf., dedicated memory of Dr. East. Sci., Prof., honored worker of higher education Vasily Vasilyevich Grishaev*, Krasnoyarsk, September 11, 2018. Krasnoyarsk: KGAU, 2018, 130–136. (In Russ.)
21. Maksimov S. V. The structure of unemployment in the 1920s in the USSR: a new approach to its study. *Russia and the United States at the turn of the XIX–XX centuries. Mathematical methods in historical research*, ed. Milov L. V. Moscow: Nauka, 1992, 210–232. (In Russ.)
22. Paramonova R. N. Market reviews of the national economy of the Samara region as a source on the socio-economic history of the 1920s. *Grotov readings: Proc. IV Interregion. Sci.-Prac. Conf., Samara, October 22, 2015*. Samara: Ofort, 2016, 247–252. (In Russ.)
23. Borodkin L. I., Demchik E. V., Kilin A. P., Conroy M., Clark Ch., Liutov L.N., Nosova P. V., Orlov I. B., Svishchev M. A., Khaziev R. A., Chernikova L. P. "Bagels for the Republic": the historical profile of the NEPmen. Ufa: Bashkirskii gos. un-t, 2005, 222. (In Russ.)
24. Demchik E. V. NEPmen: social and professional characteristics (based on materials from Siberia). *Informatsionnyi biulleten assotsiatsii Istoriia i kompiuter*, 2014, (41): 197–206. (In Russ.)
25. Zykova N. L. Private trade historiography of New Economic Policy period in the Eastern Siberia: to the problem of research. *Vestnik KrasGAU*, 2012, (10): 205–213. (In Russ.)
26. Petrushin Iu. A. *Kundui land*. Irkutsk: Ottisk, 2006, 254. (In Russ.)
27. Reshetnikov G. I., Chernykh A. V. *Trade and market of the Irkutsk province*. Irkutsk: Irkut. gub. stat. biuro, 1923, 84. (In Russ.)
28. Chernykh A. V. *Trade of the Irkutsk province in the second trade accounting: (according to the Gubstatbyuro and Gubfinotdel on January 1, 1924)*. Irkutsk: Irkut. gub. statist. Biuro: Irkut. gub. fin. otel, 1924, 59. (In Russ.)
29. *Soviet national economy in 1921–1925*, ed. Gladkov I. A. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960, 559. (In Russ.)
30. Chuntulov V. T. *Economic history of the USSR*. Moscow: Vyssh. shk., 1969, 463. (In Russ.)

Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения*

Павел В. Герман^{a, @, ID}

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

@ lithos@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Поступила в редакцию 15.06.2020. Принята к печати 07.07.2020.

Аннотация: Мариинская лесостепь – территория наибольшей концентрации объектов археологического наследия на территории Кузбасса. Именно в этом районе в 50-х гг. XX в. начались первые систематические полевые работы кемеровских археологов. До этого времени о древностях Мариинской лесостепи практически ничего не было известно, что особенно диссонировало на фоне изученности сопредельных территорий Верхнего Приобья и Минусинских котловин. В данной работе представлены все ранее известные свидетельства, а также неопубликованные данные с упоминанием об археологических предметах и объектах на северо-востоке Кузбасса в XIX в. Впервые в контексте истории изучения археологического наследия Мариинской лесостепи выделены заметки И. Р. Аспелина, Д. А. Клеменца, И. П. Кузнецова (Красноярского), Ф. Р. Мартина. Приведены ранее неизвестные архивные материалы, свидетельствующие об интересе к памятникам древности местного населения. Обобщенные данные позволяют отметить формирование первых представлений об археологии региона к концу XIX в. Особое место в работе уделено исследованиям Г. О. Оссовского, осуществившего первые археологические разведки и раскопки в Мариинской лесостепи в 1895 и 1896 гг. Отдельный историографический интерес представляет вклад в исследуемую тему горного инженера П. К. Яворовского, в публикации которого впервые прозвучала оценка историко-географической роли региона в древности.

Ключевые слова: археологические памятники, случайные находки, исследователи, XIX век, Г. О. Оссовский, П. К. Яворовский

Для цитирования: Герман П. В. Древности Мариинской лесостепи: первые сведения и начало научного изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 584–594. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>

Введение

Мариинская лесостепь занимает пространства водораздела рек Кии и Урюпа (бассейн р. Чулым), с юга и севера ограниченные мариинской тайгой. По современному административному делению данная территория включает лесостепные районы Мариинского, Чебулинского, Тисульского и Тяжинского районов Кузбасса. В археологической историографической традиции устоялось объединение данной территории с Назаровской котловиной и Ачинской лесостепью в Ачинско-Мариинский историко-культурный район. В контексте двух крупнейших этнокультурных провинций – Среднеенисейской и Верхнеобской – Ачинско-Мариинская лесостепь рассматривается в качестве особой зоны – лесостепного коридора контактов и миграций, связующего восток и запад южносибирского региона в древности. Такое объединение и определение места региона в культурно-исторических процессах древности представляется вполне обоснованным. Тем не менее археологические памятники Мариинской лесостепи и Назаровской котловины в отдельности имеют свою специфику и полностью

обособляются в историографическом контексте. В отличие от памятников Назаровской котловины, включающих, помимо прочих, курганы с хорошо заметными каменными конструкциями, древние объекты Мариинской лесостепи менее примечательны. Данное обстоятельство в совокупности с целями первых исследователей Южной Сибири стало причиной более позднего начала изучения археологии лесостепного района между Кией и Урюпом.

В настоящее время на территории Мариинской лесостепи известно четыре вида археологических памятников: поселения (включая стоянки и городища), грунтовые и курганные могильники, клады. Памятников наскального искусства и изваяний, известных в Назаровской котловине, в пределах Мариинской лесостепи и прилегающих горно-таежных районах не обнаружено. Подавляющее большинство исследованных курганных могильников Мариинской лесостепи относятся к раннему железному веку. На основании визуальных наблюдений и раскопок в 1950–1980-х гг. закрепилось мнение, что для архитектуры мариинских курганов нехарактерно использование каменных плит при

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-49-420005 р_а.

организации сакрального пространства – огады. Крупные насыпи представляют собой оплывшие полусферические земляные возвышения высотой от 1,5 до 3 м, а более мелкие практически не выделяются на фоне вмещающего пересеченного рельефа местности. В целом отсутствие у курганов дополнительных конструктивных элементов в виде каменных стел и рельеф лесостепи дают основание предполагать, что и в XVIII в. мариинские курганы не были, по сравнению с назаровскими памятниками, столь примечательным ориентиром на местности. По крайней мере, информация о них не отражена в известных нам путевых записях первых исследователей Сибири.

Основной маршрут отдельных отрядов первых научных экспедиций из Томска в Минусинскую котловину и обратно, как правило, проходил через Мариинскую лесостепь. В декабре 1721 г. Ф. И. Табберт (Стралленберг) направился из Томска в Абаканский острог. В дневнике путешествия представлен маршрут с упоминанием р. Кии и ее притоков первого и второго порядка (Серта, Колба, Дидли, Тисулька, Кайчак), р. Урюп с притоком р. Дудет, озер Большой Берчикуль, Малый и Большой Базыр. Вблизи от двух последних водоемов исследователь упоминает Божью гору, или Тенгри-Хас (наиболее вероятно, Шестаковский Яр близ д. Шестаково Чебулинского района), на которой язычники (*Heiden*) в давние (древние) времена занимались идолопоклонством (*Abgötterei*) [1, S. 156]. На этой весьма интересной информации упоминания о наследии древних народов на территории Мариинской лесостепи в дневнике заканчиваются.

Подробное описание рассматриваемой территории содержится в трудах соруководителей академического отряда Второй Камчатской экспедиции Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина. Первый следует через Мариинскую лесостепь в феврале 1740 г. из Красноярска в Томск [2, с. 218–222], второй в сентябре 1740 г. осматривает рудник на р. Каштак близ с. Тисуль [3, S. 537–558]. Несколько севернее, по линии будущей железной дороги, проходил маршрут П. С. Палласа в сентябре 1771 г. [4, с. 432–438]. Указания на древности Мариинской лесостепи в трудах перечисленных и других исследователей Сибири в XVIII в. нами не встречены, хотя А. И. Мартынов отмечает, что «О курганах Мариинского округа знали исследователи XVIII в. Гмелин (1751), Паласс (1771) и другие, которые упоминают о расположении ряда курганов на данной территории. Но карт курганов и других археологических памятников Северного Кузбасса не было составлено, т. к. исследователей прежде всего интересовали выразительные и обильные вещами курганы Минусинской котловины, наши же местные памятники оставались несистематизированными, а сведения не всегда точными» [5, с. 153].

Соглашаясь с выводами А. И. Мартынова о наличии особого интереса исследователей к древностям Минусинской котловины, отметим, что утверждение относительно знаний И. Г. Гмелина и П. С. Палласа о мариинских памятниках представляется необоснованным по причине отсутствия ссылок на источники.

Первые упоминания о древностях Мариинской лесостепи

В 1863 г. В. В. Радлов направляется из Красноярска в Мариинск. Исследователь упоминает, что «на Кие мне подарили два больших медных топора (кельта); они, как мне сказали, были найдены в золотомойнях и, несомненно, служили для того, чтобы разбивать руду»¹ [6, с. 422]. Дополнение к данному сообщению содержится в письме В. В. Радлова в Археологическую комиссию от 30 августа 1863 г.: «Пространство, обитаемое этими народами (*имеются в виду древние насельники Минусинских котловин – П. Г.*), доходило почти до р. Кии и на всей дороге я собирал древности у крестьян, которые их находили на пашнях»². В этом же архивном документе находится опись «вещи купленные у крестьян по дороге от Кызыльской думы до Кии»³. Места находок (приобретений) в описи отсутствуют, тем не менее данную информацию следует квалифицировать в качестве первого упоминания о сборах древних предметов в Мариинской лесостепи. Более детальное изучение наследия В. В. Радлова, вероятно, прольет свет на происхождение упомянутых находок.

В 1880 г. по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири, одного из организаторов Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества (ИРГО) Н. Г. Казнакова собирались сведения о курганах Западной Сибири. Контроль за сбором сведений по Томской губернии взял на себя томский губернатор В. И. Мерцалов. А. В. Адриановым были высказаны сомнения о достоверности и полноте собранного материала: «Предписания гг. исправникам были разосланы осенью (а не весной, как бы следовало) и сведения собирались уже зимой, когда курганы занесло снегом» [7, стб. 733]. Сведения о курганах поступили в канцелярию губернатора в 1883 г. и спустя шесть лет были частично опубликованы В. М. Флоринским, который отметил, что из большей части округов Томской губернии, в том числе из Мариинского округа, «получены только отрывочные данные по некоторым волостям, либо общие отписки окружных исправников по заданному им вопросу» [8, с. 49]. В издании представлены сведения из Почитанской, Зырянской и Боготольской волостей Мариинского округа, расположенных вне рассматриваемого лесостепного района. В то же время данная работа содержит весьма важное примечание: «Главная полоса курганов из Мариинского

¹ Цитата приводится по переводному изданию монографии, оригинал издан в 1884 г.

² Дело Императорской археологической комиссии о разысканиях доктора Радлова в Томской и Енисейской губерниях // Рукописный отдел научного архива Института истории материальной культуры РАН (РО НА ИИМК РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 15, 15 об. 1863 г.

³ Там же. Л. 17 об.

округа направляется к стороне Минусинска» [8, с. 68], свидетельствующее об осведомленности автора о нахождении курганов в этом районе.

В 1883 г. по поручению ИРГО и его Западно-Сибирского отдела **А. В. Адрианов** совершил экспедицию по Южной Сибири. Направляясь из Томска в Минусинск, он свернул с Московского тракта после Мариинска на проселочную дорогу и поехал через Верхние Серты (совр. с. Усть-Серта) на Пичугино⁴. О древностях, встреченных до Минусинска, автор в работе не упоминает. Закончив исследования в Западных Саянах, на обратном пути в Томск А. В. Адрианов приобретает предметы древности. Он отмечает, что была собрана коллекция, «состоящая из 200 слишком предметов, собранных покупкою при разъездах от Минусинска до Тисуля, в обратный мой путь в Томск»⁵. Вероятно, именно эти предметы были приобретены Императорской археологической комиссией (далее – ИАК) в 1899 г.⁶

В июле 1887 г. по пути в Минусинск через Мариинскую лесостепь направляется экспедиция **И. Р. Аспелина**. В его путевых записках, опубликованных значительно позже, сообщается, что на возвышенности возле с. Большой Барандат (Barandot) находятся два кургана⁷ [10, S. 2]. Двигаясь далее, в деревне Большепичугино (Petchugina) И. Р. Аспелин приобрел изделия из бронзы: ножи, удила (bronzen Stangengebisse), зеркала, кинжалы. Исследователь отмечает, что столь ранние находки, до пересечения пределов Томской губернии, были хорошим знаком [10, S. 2].

В мае 1888 г. транзитом через Мариинскую лесостепь в Ачинский округ направляется **Д. А. Клеменц**. В опубликованной статье, которая представляет собой путевой дневник исследователя, приводятся сведения о составе почв, растительности, выходах угля на территории Мариинского округа. Маршрут исследователя представлен достаточно подробно: «доехал по тракту до Мариинска и свернул на проселок, чтобы через Алчедат, Тисуль, Барандат и Пичугину кратчайшим путем добраться до пределов Ачинского округа»⁸. В публикации о древностях Мариинской лесостепи Д. А. Клеменц не упоминает, но в неопубликованной части дневника исследователя приведена информация о курганах в районе деревень Михайловка, Алчедат и Чумай⁹. По результатам исследований 1888 г. Д. А. Клеменцом была подготовлена «Карта распространения земляных

курганов в средней части Ачинского округа» (опубликована в [11, с. 10; 12, с. 19]), на которой в том числе обозначены объекты западнее с. Никольского, на левом берегу р. Урюп – нанесены три значка, обозначающих «курганы с насыпью без камней». Маркированную территорию возможно сопоставить с участком Мариинской лесостепи от п. Тамбар до д. Изындаево. О специфике данных курганов Д. А. Клеменц сообщает: «В окрестностях Ачинска и в Мариинском округе курганы состоят из высокого, продолговатого насыпного холма без всяких следов каменной обкладки»¹⁰.

В 1888 г. выходит каталог археологического музея Томского университета, составленный В. М. Флоринским¹¹. В данное издание, а затем и в прибавления к нему¹², вошло описание нескольких древних предметов из Мариинского округа. Среди дарителей предметов значатся: томский полицмейстер, горный исправник частных золотых приисков Томской губернии Л. Н. Некрасов, штатный смотритель Томских и Мариинских училищ П. А. Буткеев, ученый, один из учредителей ЗСО ИРГО И. Я. Словцов. Сведения о местонахождении предметов весьма лаконичны и в некоторых случаях противоречивы. При уточнении местонахождения ряда предметов дополнением к каталогу стал изданный в 1898 г. второй выпуск части II произведения В. М. Флоринского «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии». Всего по каталогам В. М. Флоринского установлено не менее 13 экспонатов, происходящих из Мариинской лесостепи. Каталог коллекций Музея археологии Томского университета стал первой публикацией сведений о древностях Мариинского округа.

В 1889 г. вышла работа **И. П. Кузнецова (Красноярского)** «Древние могилы Минусинского округа». Описывая территорию распространения древних курганов с камнями в Минусинских котловинах, И. П. Кузнецов отмечает отличие памятников, расположенных на других территориях: «Курганы без камней замечали мы во многих частях нашего округа, всего чаще при переходе от местностей лесных к более открытым. Так, мы наблюдали их около дер. Лопатиной, между с. Каратузским и гор. Минусинском, между реками Урюпом и Кией, около Абаканского железодельного завода и в др. местах» [13, с. III–IV]. Кроме

⁴ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 года, по поручению Императорского Русского Географического Общества и его Западно-Сибирского отдела, членом-сотрудником А. Адриановым. Предварительный отчет // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Кн. 8. Вып. 2. Омск: Тип. Округ. Штаба, 1886. С. 355.

⁵ Там же. С. 3–5.

⁶ Отчеты Императорской археологической комиссии за 1899 г. СПб.: Б. и., 1902. С. 136.

⁷ Местонахождение указанных курганов соответствует локализации могильника Большой Барандат II [9, с. 96].

⁸ Клеменц Д. А. Предварительные сведения об экскурсии Д. А. Клеменца в Ачинский и Канский округа // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. 1889. Т. 20. № 1. Иркутск: Типография газеты «Восточное обозрение». С. 43.

⁹ Клеменц Д. А. Путевой дневник за 1888 г. (Минусинский округ?) // Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН. Ф. 28. Оп. 1. № 82. Л. 5.

¹⁰ Дело ИАК о раскопках г. Клеменца в Ачинском и Канском округах, Енисейской губ // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 23. Л. 18. 1888 г.

¹¹ Археологический музей Томского университета: [каталог]. Томск: Б. и., 1888.

¹² Прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Лит. Михайлова и Макушина, 1890; Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета. Томск: Типо-Литография П. И. Макушина, 1898.

этого, исследователь указывает: «Древние могилы, хотя и не в особенно значительном количестве, встречаются еще в Мариинском округе Томской губернии по течению р. Кии до г. Мариинска» [13, с. 7].

В сентябре 1891 г. **Ф. Р. Мартин** отправляется из Томска в Минусинск: «Мы проехали по большой почтовой дороге до Мариинска и там свернули на проселочную. Я также надеялся в деревнях, менее всего посещаемых иностранцами, найти археологические предметы бронзового века; [ожидание] продлилось недолго – до тех пор, пока я не купил за 1 рубль великолепный бронзовый кинжал»¹³ [14, с. 37]. Помимо указанного кинжала, Ф. Р. Мартином было приобретено еще несколько предметов, найденных близ деревень Серебряково и Большой Барандат. Описания и рисунки четырех вещей представлены в монографии [14, табл. 24: рис. 4, 9, 10, 12].

Таким образом, благодаря тому, что путь в Минусинские котловины лежал через Мариинскую лесостепь, к середине 90-х гг. XIX в. у исследователей Южной Сибири сложились первые представления об археологических находках и объектах в Мариинской лесостепи. Эти данные имели характер кратких примечаний о распространении курганов и случайных находках. Отдельного исследовательского интереса археология Кия-Урюпского междуречья не вызывала.

Свод археологических памятников России и дело крестьянина Афанасьева

На фоне отдельных заметок исследователей выделяются упоминания о случайных находках, приобретенных у местных жителей транзитом через Мариинскую лесостепь. Наглядную информацию относительно знаний местного населения о древностях района дают два документа из архива ИАК.

В июле 1888 г. в Томскую духовную консисторию поступил опросник, составленный товарищем председателя Императорского Московского археологического общества Д. Н. Анучиным. В рамках подготовки археологической карты России респонденты должны были ответить на вопросы относительно сведений о случайных находках (каменных или медных / бронзовых изделий, монет, оружия, костей) и отдельных объектов (пещер, городищ, курганов, изваяний, наскальных изображений). Анкеты были переданы во все благочиния Томской губернии. В октябре 1888 г. заполненные опросники из Мариинского округа были отправлены обратно в г. Томск.

Материалы о древностях Мариинской лесостепи были получены из благочиний № 9, 11 и 12, к которым относились приходы Дмитриевской, Алчедатской и Больше-Барандатской волостей (современные Мариинский, Ижморский, Чебулинский, Тяжинский и Тисульский районы Кузбасса). В документах сообщается о случайных находках в окрестностях сел Кайчакское, Барандатское, Алчедатское и д. Шестаково:

- «В приходе села Кайчакского, на пашнях, были найдены вещи разных видов, а именно: в роде полукруглых ножей, кинжалы с узорными вырезками на рукоятках, наручи¹⁴ гладкие; все найденные вещи медные, от времени потемневшие. Вещи в минувшем году отправлены сельским писарем мещанином г. Павлодара Степаном Чебитовским в Императорское Московское археологическое общество»¹⁵;
- «В приходе села Барандатского были найдены и находятся местными жителями медные вещи: топорки, кольца, стрелки, наручи, кинжалы и кругообразные статуэтки, литые из меди (*возможно, тагарские колоколовидные навершия – П. Г.*). В настоящее время у священника имеется вершка в два круга желтой меди вещь, с левой стороны гладкая – полированная, с правой стороны с углублением, в середине крест в дуге, кругом его какие-то письменные знаки»¹⁶;
- «на пашнях, деревни Шестаковой был найден один бронзовый топорик и на пашнях села Алчедатского – бронзовый ножичек, вершков в 6 длины ... та и другая вещь переданы Г. штатному смотрителю Томских и Мариинских училищ – Буткееву»¹⁷.

Часть перечисленных находок в итоге оказалась в археологическом музее Томского университета и перечислена в каталоге В. М. Флоринского. Большинство случайно обнаруженных предметов древности изготовлены из меди и относятся к тагарской культуре раннего железного века, памятники которой преобладают в количественном отношении над другими археологическими объектами в Мариинской лесостепи.

Также в анкетах имеются сведения о курганных могильниках: «В благочинии № 12 находятся курганы в приходах:

1. Барандатском шесть, они расположены: три с восточной стороны села, на правом берегу речки Барандатки и три с западной стороны, расположены те и другие почти на прямой линии. Высотой первые (с восточной стороны) около двух аршин; вторые (с западной стороны) выше трех аршин; шириною в основаниях первые шесть аршин, вторые восемь аршин, предположительно»¹⁸.

¹³ Цитата приводится по переводному изданию монографии, оригинал издан в 1897 г.

¹⁴ Здесь и далее, вероятно, имеются в виду браслеты, а не часть доспехов для защиты рук.

¹⁵ Материалы для составления археологической карты Томской губернии // РО НА ИИМК РАН. Ф. 4. Д. 184. Л. 27 об. 1889 г.

¹⁶ Там же. Л. 28.

¹⁷ Там же. Л. 24 об.

¹⁸ Там же. Л. 30 об.; Восточная курганная группа в настоящее время известна под наименованием Большой Барандат II, западная – Большой Барандат III [9, с. 96–98].

2. «В деревне Усть-Барандат таких курганов около десяти; расположены с западной стороны в неправильной линии в сравнении с Барандатскими, высотой и шириною меньше, не более высотой полтора аршина, а шириною четыре аршина»¹⁹.

3. «Кайчакском два кургана, приблизительно в шести верстах от села Кайчакского, на северо-запад, в вершине речки Байлы, с правой стороны по течению, вершиною близ селения, шириною более двух сажень, оба круглые, вершины их впадиною»²⁰.

4. «Тисюльском два, в вершину не более трех или четырех аршин»²¹.

Сведения о курганах Мариинской лесостепи содержатся еще в одном любопытном документе из фонда ИАК. В мае 1889 г. крестьянин с. Тисюльского Василий Иванович Афанасьев пишет письмо местному чиновнику по крестьянским делам Г. Карачарову: «Я имею постоянное жительство в с. Тисюльском, и в окрестностях этого села много находится курганов по преданию могилы чуди, и давнее мое желание который либо из этих курганов раскопать за собственный счет, и ежели, что попадется достойным внимания редкости, то я немедленно о этом дам знать кому следует»²². Прошение было передано на обсуждение тисюльскому сельскому сходу, который состоялся 18 июня 1889 г.²³ Из текста «Общественного приговора», где курганы именуются «Могилы чуди», следует: «разрешить Афанасьеву раскопать этот курган, но с тем чтобы он, после раскопки ямы засыпал, и не оставил бы никакой ямки могущей служить для опасности падения животных»²⁴.

Документы были отправлены в ИАК, ответ которой был вполне предсказуем: «ходатайство его (Афанасьева – П. Г.) может быть уважено лишь в том случае, если им будет указано Комиссии лицо научно подготовленное к производству раскопок, которое будет ею признано компетентным для наблюдения за его раскопкой и для ведения надлежащего журнала, каковой, вместе со всеми найденными вещами имеет быть представлен в Комиссию»²⁵. На этом письме дело заканчивается и, судя по всему, давнее желание В. И. Афанасьева не исполнилось, по крайней мере, в рамках закона.

Представленные документы позволяют отметить наличие познаний и интереса местных жителей к древним объектам, а их столь незначительный перечень отчасти связан с пока еще слабым освоением русскими территорий северо-востока Кузбасса.

Сведения о курганных могильниках Мариинской лесостепи

Первые археологические раскопки и разведки на территории Мариинской лесостепи связаны с именем известного исследователя геологии и древностей Волыни и Прикарпатья Г. О. Оссовского (о нем см. [15–17]), с 1893 г. жившего в Томске. Главным направлением его научной деятельности в Сибири стали гидрогеологические исследования. В течение 1893–1896 гг. он руководил работами и принимал участие в комиссиях по изучению источников водоснабжения переселенческих участков в Каинском, Мариинском и Томском округах. Большую часть свободного времени ученый уделял изучению доисторических памятников Сибири.

Летом 1895 г. Г. О. Оссовский отправился исследовать маловодные переселенческие участки в Томском и Мариинском округах [18]. В последнем районе он проводил археологические разведки и раскопки. Так, отчасти случайно началось научное изучение археологических памятников Мариинской лесостепи. За два полевых сезона в Мариинском округе Г. О. Оссовский произвел раскопки на трех курганных могильниках и отметил наличие курганных групп в Алчедатской, Дмитриевской, Больше-Барандатской и Боготольской волостях.

Судя по отчету за 1895 г., никакой информацией о мариинских древностях Г. О. Оссовский не владел и полагался исключительно на близость данного района к Минусинской котловине: «К выбору этой местности склонило меня то обстоятельство, что полоса бассейна помянутой реки (р. Чулым – П. Г.), в юго-восточной части этого округа, примыкая непосредственно к юго-западным границам Ачинского округа Енисейской губернии, известного замечательной многочисленностью курганов, соединяющихся с курганами Минусинского округа и образующих вместе с ними одну общую, громадную, **ачинско-минусинскую** курганный область, уже по этому поводу подавала самые лучшие надежды на возможность существования в ее пределах, не лишенных научного интереса, археологических памятников. С другой стороны, если по настоящее время о существовании в этой полосе этого рода памятников сведений никаких не было, то обстоятельство это, по всему вероятию, приписать следует единственно малонаселенности ее и отдаленному уединению от более значительных административных пунктов края. Результат направленных мною в эту местность разведок убедил меня в том, что расчеты мои в этом отношении ошибочны не были»²⁶.

¹⁹ Там же.; Памятник известен под наименованием Малый Барандат I [9, с. 103].

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ Там же.

²² Дело ИАК о древностях, найденных крестьянами в курганах близ Красноярска // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 78. Л. 12, 12 об. 1889 г.

²³ Там же. Л. 14, 14 об., 15, 15 об.

²⁴ Там же. Л. 14.

²⁵ Там же. Л. 16.

²⁶ Дело ИАК о раскопках г. Оссовского в Акмолинской и Семипалатинской областях // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 89. Л. 14. 1895 г.

Готфрид Осипович
(Иосифович) Оссовский
(08.11.1835–16.04.1897) [15]
Gotfrýd Ossovsky (November 08,
1835 – April 16, 1897) [15]

По сохранившемуся в документах ИАК финансовому отчету Г. О. Оссовского за 1895 г. маршрут первой разведки представляется в деталях: Томск – Мариинск – Верх-Чебула – Ивановка – Алчедат – Смоленский – Усть-Колба – Тисуль (в окрестностях села 65 верст) – Большой Барандат (в окрестностях 62 версты) – М. Пичугино – Тяжинская вершина (в окрестностях 42 версты) – Новоподзорное – Макарово (в окрестностях 44 версты) – Итат (в окрестностях 58 верст) – Боготол –

Томск. В целом маршрут разведки с незначительными отклонениями был привязан к местам проведения гидрогеологических исследований, которые проводились параллельно с археологическими. В результате поездки 1895 г. Г. О. Оссовским было установлено: «Уже в расстоянии около 100 верст от г. Мариинска, наткнулся я действительно на целую курганную полосу, состоящую из ряда многочисленных курганных групп, следующих одна за другой по направлению с юго-запада к северо-востоку, т. е. от окрестностей с. Чумайского и инородческой дер. Кураковой на с. Тисуль, д. д. Дворниково и Третьяково, с. Кайчак, переселенческий поселок Вавилонский (Вознесенский), с. с. Б. Барандат и М. Пичугино к берегам р. Урюпа (лев. прит. Чулыма), русло которого образует юго-восточную границу Мариинского округа»²⁷.

В ходе разведки 1896 г. в дополнение к предыдущим пунктам был обследован участок от Боготола до Ачинска (с. Зерцалы), от Большого Пичугино до Тамбара и район оз. Большой Берчикуль. В предварительном отчете в ИАК Г. О. Оссовский писал: «курганные насыпи выступают у с. Зерцала (в северных его окрестностях), в окрестностях сс. Макаровой и Ново-Подзорной, Обуховой (М.-Печугиной), Усть-Барандата, Б.-Барандата (на восток и к западу от села), по правому побережью рч. Убиенки (юго-восточнее переселенч. участка Вознесенского), между Печугиной и Тамбаром и юго-восточнее Тамбара (по лесным дачам) в окрестности Кайчака (по речке Кайчак), дд. Третьяковой и Дворниковой, сс. Тисуля, Колбы, Алчедата и Верх-Чебулы. Самые многочисленные курганные группы сгущены на площади ограниченной грянями земель сс. Кайчака и Тисуля и дд. Дворниковой и Третьяковой, а также в окрестностях села Алчедата»²⁸.

К сожалению, отдельного перечня открытых памятников Г. О. Оссовский не составлял. В своих кратких отчетах в ИАК исследователь лишь перечисляет районы концентрации курганных групп. Это не дает оснований выделить из всего массива известных на сегодняшний день объектов археологии курганные могильники, открытые непосредственно Г. О. Оссовским, за исключением раскопанных им. Тем не менее в сводах археологических памятников исследователи отмечают ряд таких объектов [19, с. 254–256; 5, с. 156–158; 11, с. 45–47; 9], что, на наш взгляд, не всегда корректно. По имеющимся источникам можно лишь отметить, что Г. О. Оссовский обладал информацией о наличии курганных могильников вблизи перечисленных им населенных пунктов, но при этом произвел только визуальный осмотр памятников, не оставив никакого описания. В пределах Мариинской лесостепи условно можно выделить 13 таких районов распространения курганов по Г. О. Оссовскому (рис. 1):

- Верхчебулинский – с. Верх-Чебула;
- Алчедатский – с. Алчедат;
- Чумайский – с. Чумайское и д. Кураково;
- Усть-Колбинский – с. Усть-Колба;
- Тисульский – с. Тисуль;
- Дворниковский – д. Дворниково и д. Третьяково;
- Кайчакский – д. Кайчак;
- Большебарандатский – п. Вознесенка и с. Большой Барандат;
- Устьбарандатский – с. Усть-Барандат;
- Малопичугинский – с. Малое Пичугино;
- Макаровский – с. Макарово;
- Новоподзорновский – с. Новоподзорное;
- Тамбарский – с. Тамбар и д. Большепичугино.

Этим перечнем охвачена большая часть Мариинской лесостепи. Сравнивая перечисленные районы распространения курганов с современным сводом археологических памятников, например [9], отметим, что пока еще не были подтверждены сведения о наличии курганов в окрестностях с. М. Пичугино и с. Макарово.

Г. О. Оссовский не приводит в отчетах описание планиграфических особенностей могильников, не указывает количество и размеры курганов. О морфологии курганов он отмечает, что в отличие от аналогичных памятников других районов Томской губернии открытые им в Мариинской лесостепи не имеют характерных просадок на вершинах насыпей. Вместо этого верх насыпи уплощен, и курганы имеют форму сплюснутого купола. Далее Г. О. Оссовский отмечает другую, более важную деталь: «Между прочим, в некоторых группах, изредка замечаются также курганы окруженные каменными глыбами»²⁹. Именно курганы с камнями вызвали у исследователя наибольший интерес. Он выделяет их из общего массива памятников Мариинской лесостепи и целенаправленно проводит раскопки подобных курганов на р. Убиенке.

²⁷ Там же. Л. 14, 14 об.

²⁸ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ. // РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Д. 63. Л. 23 об., 24. 1896 г.

²⁹ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Акмолинской и Семипалатинской областях... Л. 14 об.

Рис. 1. Полевые исследования Г. О. Оссовского на территории Кия-Чулымского междуречья в 1895 и 1896 гг.

Fig. 1. Field studies by G. O. Ossovski on the territory of Kiya-Chulym interfluvium area in 1895–1896

Первые научные раскопки курганов в Мариинской лесостепи

С 19 августа по 7 сентября 1895 г. Г. О. Оссовский раскопал три кургана у сел Тисуль и Большой Барандат. В Тисуле было исследовано два кургана, расположенных возле местных больницы и кладбища³⁰, один курган – в с. Большой Барандат на поскотине³¹. Сведения о курганах сохранились в предварительном отчете в ИАК³² и докладе, сделанном Г. О. Оссовским на заседании Общества естествоиспытателей и врачей³³.

В 1896 г. был исследован самый крупный курган в окрестностях с. Большой Барандат (за поскотиной)³⁴ и три кургана с камнями на р. Убиенке³⁵ у с. Вознесенского. Раскопки производились траншеями шириной до 6,4 м (9 аршин). Барандатский курган содержал в себе коллективное захоронение в большой погребальной камере. Среди костяков обнаружено свыше 200 предметов из бронзы и множество фрагментов керамических сосудов. Убиенковские курганы также содержали коллективные захоронения. Их отличительной особенностью было использование в конструкции курганов камня. Камень выступал как на поверхности кургана – в виде больших валунов, так и в виде «панцирей» из плит над могилой ямой. Один из курганов был раскопан на снос

в связи с необходимостью полной разборки «панциря». В целом материалы 1896 г. во многом оказались аналогичны полученным в предыдущем году и также были отнесены Г. О. Оссовским к медно-бронзовому веку Сибири³⁶.

Помимо разведок и раскопок, за два года работы в Мариинской лесостепи Г. О. Оссовский приобрел 49 предметов на сумму 21 руб. 45 коп.³⁷ Про обстоятельства приобретения предметов исследователь указывает в письме В. Г. Тизенгаузену³⁸: «Опасаясь, чтобы цена на некоторые лучшие изделия не показалась высокою, но дешевле нельзя было приобрести; заставшие в Тисуле золотопромышленники портят цену, не желая за хороший кинжал иногда и пяти рублей»³⁹. Среди случайных находок, переданных Г. О. Оссовским в ИАК, значатся предметы из бронзы и железа (ножи, кинжалы, чеканы и кельты, наконечники стрел, пряжка, удила, стремя, шилья, украшения, фрагмент медного сосуда, железная фигурка птицы) и каменный оселок⁴⁰. Большинство изделий относятся к тагарской культуре раннего железного века.

Работами Г. О. Оссовского в 1895 и 1896 гг. было положено начало изучения памятников тагарской культуры Ачинско-Мариинского лесостепного района. В ходе

³⁰ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Тисуль III.

³¹ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат III.

³² Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Акимовской и Семипалатинской областях... Л. 14 об., 15, 15 об.

³³ Протокол заседания от 10 ноября 1895 г. // Протоколы Томского общества Естествоиспытателей и врачей за 1892–1899 гг. Томск: Типо-лит. П. И. Макушина, б. г. (Разд. паг.). С. 5.

³⁴ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат III.

³⁵ Современное наименование объекта археологического наследия – Курганный могильник Большой Барандат I.

³⁶ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ... Л. 27.

³⁷ Там же. Л. 16.

³⁸ Владимир Густавович Тизенгаузен (1825–1902) – барон, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в 1894–1900 гг. товарищ председателя ИАК.

³⁹ Дело ИАК о раскопках Г. О. Оссовского в Мариинском и Кузнецком округах, Томской губ... Л. 19 об.

⁴⁰ Там же. Л. 17, 17 об., 18.

разведок он осмотрел большую часть известных по более поздним сведениям [19; 5; 11; 10] курганных могильников от г. Мариинска на западе до г. Ачинска на востоке. Материалы раскопанных Г. О. Оссовским курганов были впоследствии включены в типологическую схему лесостепной тагарской культуры (VII–II вв. до н. э.) [20]. Археологические работы Г. О. Оссовского в Сибири не были систематическими, как правило, объекты его исследований были непосредственно связаны с маршрутами гидрогеологических изысканий. Лишь в последний сезон удалось продолжить начатые годом ранее работы и заранее получить соответствующее разрешение на раскопки в ИАК⁴¹. Древности Мариинского округа представляли для исследователя особый интерес

[21, с. 201], однако результаты его сибирских раскопок так и остались неопубликованными. Большая часть предметов, полученных Г. О. Оссовским в результате раскопок и покупок, хранится в Государственном историческом музее⁴².

Параллельно раскопкам Г. О. Оссовского в Мариинской лесостепи проводил работы горный инженер **П. К. Яворовский** – исследователь различных рудных месторождений юга Западной Сибири и Дальнего Востока,

открывший древние рудные выработки на юге Красноярского края, интересовавшийся этнографией (о нем см. [22; 23]). В своем отчете о работах на территории Урюпско-Кийского бурогоугольного бассейна в 1895 г. он отметил: «В отношении растительного покрова поверхность бассейна распадается на две неравные части: большую северную, более или менее лесистую, и южную, почти безлесную. Отсутствие лесов в этой последней не может быть приписано исключительно истреблению их населением, как это очевидно для безлесных участков северной полосы. Она была уже, как кажется, степью в древний доисторический период Сибири, на что указывают находимые в пределах ее следы древнего человека-кочевника в виде курганов (напр. на прав. бер. Убиенки, около д. Б. Пичугиной), а также предметов медного века, и была, быть может, тем проходом, по которому происходили передвижения народов из Западно-Сибирской низменности в южную часть нынешней Енисейской губ. и обратно» [24, с. 37]. Так появилась первая историко-культурная оценка Мариинского лесостепного района, и несмотря на то, что она основана исключительно на интуиции исследователя, важность данного историографического факта в контексте

настоящей статьи представляется очевидной. Отдельный интерес в опубликованном отчете П. К. Яворовского представляет таблица, где приведен топографический план разведочных работ в долине р. Убиенки [24, табл. II]. На плане отмечены курганы того самого могильника, на котором годом позже (1896 г.) Г. О. Оссовский исследовал три кургана (рис. 2). Таким образом, П. К. Яворовский первым опубликовал сведения о расположении археологических объектов на территории Мариинской лесостепи. В связи с тем, что работа горного инженера П. К. Яворовского ранее не была известна археологам, представляется важным зафиксировать его вклад в формирование научных знаний об археологии Мариинской лесостепи на начальном этапе.

Пётр Казимирович Яворовский
(1862–28.02.1920) [22]
Pyotr Jaworowsky
(1862 – February 28, 1920) [22]

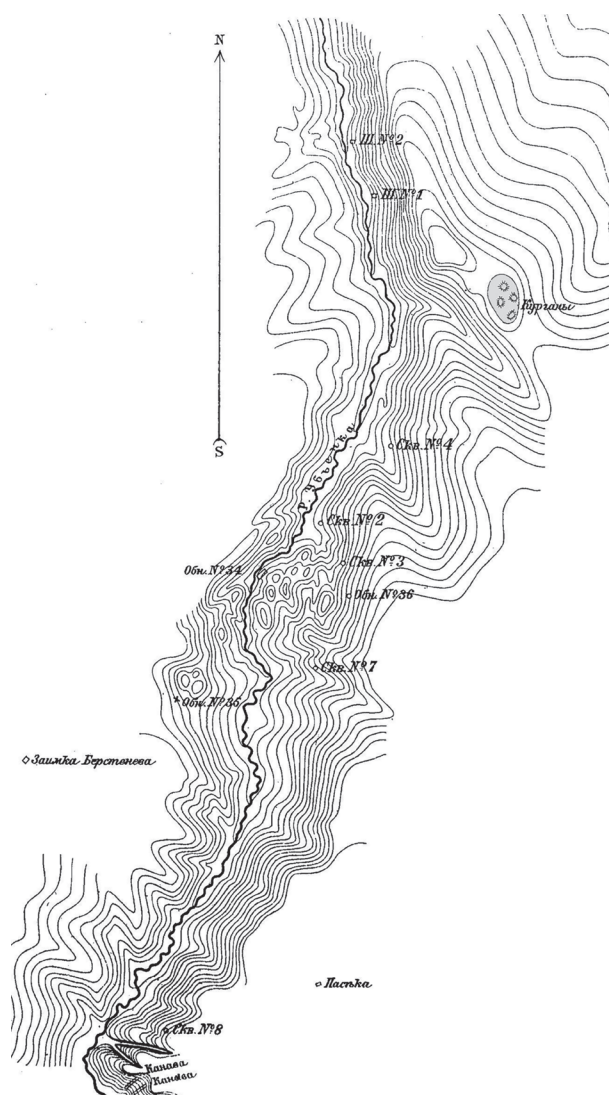

Рис. 2. План разведочных работ в долине р. Убиенки с обозначением курганов, составленный П. К. Яворовским [24, табл. II]
Fig. 2. Exploration map in the river Ubienka valley with indication of kurgans made by P. K. Jaworowsky [24, tab. II]

⁴¹ Там же. Л. 4.

⁴² Инвентарные номера коллекций: 35/77 (раскопки 1895 г.), 365/8 (674) (покупка и раскопки 1895 г., 1896 г.).

Заключение

Первые сведения о древностях Мариинской лесостепи были получены во второй половине XIX в. Первый факт о приобретении древних предметов на Кие зафиксирован в путевых записках В. В. Радлова. Важной вехой для сибирской археологии стал первый каталог археологического музея Томского университета, составленный В. М. Флоринским, в котором содержалась информация о случайных находках из Мариинского округа. И все же для многих экспедиций Мариинская лесостепь оставалась транзитной территорией на пути в Минусинские котловины или обратно в г. Томск. Для сравнения следует обратить внимание, что археологическое изучение территории к востоку от р. Урюп (современный Шарыповский район Красноярского края) имеет более богатую и насыщенную историографию [25].

Сведения о приобретении древних предметов В. В. Радловым, А. В. Адриановым, И. Р. Аспелиным, Ф. Р. Мартиным и Г. О. Оссовским позволяют судить об осведомленности местного населения о древних объектах и наличии отдельного мариинского «рынка сбыта» древностей во второй половине XIX в. Надо полагать, что на рассматриваемой территории, как и во многих других степных и лесостепных районах Российской империи, существовал отдельный промысел по добыче древних предметов из курганов. Однако, в отличие от минусинских

случайных находок, на которые существовал определенный заказ, наполнение мариинского «рынка сбыта» происходило в большей степени ситуативно.

К концу XIX в. благодаря сведениям, опубликованным В. М. Флоринским, И. П. Кузнецовым (Красноярским) и Ф. Р. Мартиным, была введена в научный оборот первая информация о древностях Мариинской лесостепи. Эти данные были крайне незначительны и тем не менее они создавали предпосылки для актуализации исследований на территории Кийско-Урюпского междуречья. Важные наблюдения о роли Мариинской лесостепи в древности были сделаны П. К. Яворовским, который первым квалифицировал данную территорию в качестве коридора передвижения древних народов. В последующем аналогичная оценка региона появится в трудах современных археологов.

Наиболее значимыми для первичного накопления источников по археологии Мариинской лесостепи стали работы Г. О. Оссовского. Именно материалы произведенных им разведок и раскопок послужили ключевым заделом для дальнейшего изучения древностей северо-востока Кузбасса. Ровно через 60 лет после исследований Г. О. Оссовского археологические исследования в Мариинской лесостепи возобновятся экспедицией Кемеровского областного краеведческого музея под руководством А. И. Мартынова.

Литература

1. Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722; mit einem vorwort von W. Steinitz und A. V. Topciev. Berlin: Akademie-Verlag, 1962. 379 S.
2. Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1990. 245 с.
3. Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Göttingen: Vandenhoeck, 1752. Bd. III. 584 S.
4. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб.: Императорская академия наук, 1786. Ч. 2. Кн. 2. 575 с.
5. Мартынов А. И. Материалы к археологической карте Кемеровской области // Ученые записки Кемеровского педагогического института. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1961. Вып. 4. С. 152–164.
6. Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
7. Адрианов А. В. Курганогрфия Сибири // Сибирская газета. 05.07.1884. № 29. Стб. 733–736.
8. Флоринский В. М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири. Томск: Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1889. 72 с.
9. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1989. Вып. 1. 158 с.
10. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Vol. 1. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931. 48+72 S.
11. Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат Кемеровского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1973. Вып. VI. С. 4–89.
12. Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 192 с.
13. Кузнецов И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск: Типо-лит. В. В. Михайлова и П. И. Макушина, 1889. [6], 36, XII, II с.
14. Мартин Ф. Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург-Сургут: Урал. рабочий, 2004. 143 с.

15. Кузнецов С. К. Г. И. Осовский. Биографический очерк // Ежегодник по Геологии и Минералогии России. Варшава, 1898. Т. III. Вып. 1. 11 с.
16. Chochorowski J. Godfryd Osowski (1835–1897) – genialny samouk, archeolog, wybitny uczony, niezwykle człowiek, technik drogowy syberyjskiego traktu pocztowego // Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i z Kaukazu / ed. A. Kokowski. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2001. S. 215–295.
17. Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Осовского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 116–119.
18. Осовский Г. О. Гео-гидрологические исследования Томского и Мариинского округов. Томск: Том. губ. стат. ком., 1896. 114 с.
19. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 242–349.
20. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1979. 208 с.
21. Герман П. В. Готфрид Осовский – первый исследователь археологических памятников Мариинской лесостепи // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2013 года. Кемерово, 2013. Вып. 5. С. 200–201.
22. [Хлапонин] А. Х. Петр Казимирович Яворовский. (Некролог.) // Известия Геологического комитета. 1920. Т. 39. № 7/10. С. 563–569.
23. Янчев Д. В. Петр Казимирович Яворовский – исследователь негидальцев // Широкогорские чтения: мат-лы науч. конф. (Владивосток, 18–19 сентября 2001 г.) Владивосток: Дальневосточный ун-т, 2001. С. 49–50.
24. Яворовский П. К. Геологические исследования и буровые разведки в Мариинском округе Томской губернии в 1895 г. Урюпско-Кийский буровый бассейн // Геологические исследования и разведочные работы по линии Сибирской железной дороги. СПб., 1898. Вып. 7. С. 33–99.
25. Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб., 1999. 114 с.

original article

Ancient Artifacts of Mariinsk Forest-Steppe: First Evidence and Early Studies*

Pavel V. German^{a, @, ID}

^a Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

@ lithos@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

Received 15.06.2020. Accepted 07.07.2020.

Abstract: Mariinsk forest-steppe boasts the biggest concentration of archaeological artifacts in Kuzbass. It is in this region that the first systematic field works were organized by Kemerovo archaeologists in 1950s. Previously, the ancient past of Mariinsk forest-steppe had remained a total mystery, unlike the well-explored border territories of High Ob area and Minusinsk hollow. The present article sums up all official and unpublished data on the archaeological artifacts found in North-Eastern Kuzbass in XIX century. The author links the works by I. P. Aspelin, D. A. Klements, I. P. Kuznetsov (Krasnoyarskiy), and F. R. Martin to the history of archaeological research of Mariinsk forest-steppe. The paper introduces some previously unknown archive materials that prove the interest of the local population to the ancient sites. It also describes the first ideas about the local archeology that shaped in the late XIX century. The study focuses on G. O. Osowski who was the first to conduct an archaeological exploration and excavation in Mariinsk forest-steppe in 1895–1896, while the mining engineer P. K. Yavorovsky was the first to put value on the historical and geographical role that the region had in ancient times.

Keywords: archaeological sites, accidental findings, researchers, XIX century, G. O. Ossowski, P. K. Jaworowsky

For citation: German P. V. Ancient Artifacts of Mariinsk Forest-Steppe: First Evidence and Early Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 584–594. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-584-594>

* The research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the government of the Kemerovo region, grant No. 20-49-420005 r_a.

References

1. Messerschmidt D. G. *Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722*, mit einem vorwort von Steinitz W. und Topciev A. V. Berlin: Akademie-Verlag, 1962, 379.
2. Elert A. Kh. G. F. *Miller's expedition materials as a source on the history of Siberia*, ed. Pokrovsky N. N. Novosibirsk: Nauka, 1990, 245. (In Russ.)
3. Gmelin J. G. *Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743*. Göttingen: Vandenhoeck, 1752, Bd. III, 584.
4. Pallas P. S. *Traveling over the Russian state*. St. Petersburg: Imperatorskaia akademiia nauk, 1786, pt. 2, book 2, 575. (In Russ.)
5. Martynov A. I. Materials for the archaeological map of the Kemerovo region. *Scientific notes of the Kemerovo Pedagogical Institute*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1961, iss. 4, 152–164. (In Russ.)
6. Radlov V. V. *From Siberia. Diary pages*. Moscow: Nauka, 1989, 748. (In Russ.)
7. Adrianov A. V. Geography of Siberian burial mounds. *Sibirskaya gazeta*, 05.07.1884, (29): 733–736. (In Russ.)
8. Florinsky V. M. *Topographic information about the mounds of Western Siberia*. Tomsk: Tipo-lit. Mihailova i Makushina, 1889, 72. (In Russ.)
9. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. Archaeological sites of Kemerovo region. *The materials to the Corpus of historical and cultural sites of the USSR*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1989, iss. I, 158. (In Russ.)
10. Appelgren-Kivalo H. *Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Vol. 1. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889*. Helsingfors, 1931, 48+72.
11. Martynov A. I. Monuments and individual finds of objects of the Scythian-Sarmatian time in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region. *News of the archaeological research laboratory*. Kemerovo: Novokuznetskii poligraficheskii proizvodstvennyi kombinat Kemerovskogo oblastnogo upravleniia izdatelstv, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1973, iss. VI, 4–89. (In Russ.)
12. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *At the Solgon Ridge. Archaeological sites of Uzhursky district (Krasnoyarsk Territory): history of study and current status*. St. Petersburg: IIMK RAN, 2013, 192. (In Russ.)
13. Kuznetsov I. P. *Ancient graves of Minusinsk district*. Tomsk: Tipo-lit. V. V. Mihailova i P. I. Makushina, 1889, [6], 36, XII, II. (In Russ.)
14. Martin F. R. *Sibirika. Some information about the primitive history and culture of the Siberian peoples*. Ekaterinburg-Surgut: Ural. rabochii, 2004, 143. (In Russ.)
15. Kuznetsov S. K. G. I. Ossovski. Curriculum Vitae. *Yearbook of Geology and Mineralogy of Russia*. Warsaw, 1898, vol. III, iss. 1, 11. (In Russ.)
16. Chochorowski J. Godfryd Ossovski (1835–1897) – genialny samouk, archeolog, wybitny uczony, niezwykle czlowiek, technik drogowy syberyjskiego traktu pocztowego. *Na srebrnym koniu. Archeologiczne skarby znad Morza Czarnego i z Kaukazu*, ed. Kokowski A. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2001, 215–295.
17. German P. V. Siberian period of scientific activity G. O. Ossovski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, (3): 116–119. (In Russ.)
18. Ossovski G. O. *Geo-hydrological studies of Tomsk and Mariinsky districts*. Tomsk: Tom. gub. stat. kom., 1896, 114. (In Russ.)
19. Talitskaia I. A. Materials for the archaeological map of the Lower and Middle Ob. *Ancient history of the Lower Ob*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953, 242–349. (In Russ.)
20. Martynov A. I. *Forest-steppe Tagar culture*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1979, 208. (In Russ.)
21. German P. V. Godfryd Ossovski – the first researcher of the archaeological sites of the Mariinsky forest-steppe. *Materials of the scientific session of the Institute of Human Ecology, Russian Academy of Sciences*, 2013. Kemerovo, 2013, iss. 5, 200–201. (In Russ.)
22. [Khlaponin] A. Kh. Petr Kazimirovich Javorovsky. (Obituary.) *Proceedings of the Geological Committee*, 1920, 39(7/10): 563–569. (In Russ.)
23. Yanchev D. V. Pyotr Kazimirovich Javorovsky – researcher of the Negidal. *Shirokogorov readings: Proc. Sci. Conf.*, Vladivostok, September 18–19, 2001. Vladivostok: Dalnevostochnyi un-t, 2001: 49–50. (In Russ.)
24. Javorovsky P. K. Geological exploration and lignite exploration in the Mariinsky district of Tomsk province in 1895. *Uryup-Kyi lignite basin. Geological exploration and exploration work along the Siberian Railway*. St. Petersburg, 1898, iss. 7, 33–99. (In Russ.)
25. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *The archaeological map of the Sharypovo district (Krasnoyarsk area)*. St. Petersburg, 1999, 114. (In Russ.)

Приобский бор Новосибирска: прошлое, настоящее, проблемы

Елена К. Емельянова^{a, ID1}; Надежда В. Горошко^{a, b, c, @, ID2}

^a Новосибирский государственный медицинский университет, Россия, г. Новосибирск

^b Новосибирский государственный педагогический университет, Россия, г. Новосибирск

^c Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Россия, г. Новосибирск

@ goroshko1@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-0970-1447>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-9137-921X>

Поступила в редакцию 23.04.2020. Принята к печати 22.06.2020.

Аннотация: С самого начала зарождения города Новосибирска (Новониколаевска) на берегу Оби Приобский ленточный сосновый бор начал отступать в результате антропогенной деятельности: лесозаготовки, освобождения площади под застройку, строительства землянок и домов. Интенсивное использование малых рек, протекающих в бору, для карьеров и мельниц, промышленного производства нарушало рельеф, провоцируя оврагообразование. Впоследствии оставленные внутригородские парковые зоны реликтового бора трансформировались в жилую, деловую, промышленную территорию (Альгамбра, Михайловская роща и др.). На качество древостоя в период индустриализации оказала большое негативное влияние техногенная нагрузка от промышленных предприятий, не имеющих очистных сооружений. Непродуманная зеленая политика привела к потере средообразующей функции соснового бора для Новосибирска, так как в пределах города остались лишь небольшие по площади его участки. Линейные зеленые каркасы малых рек, впадающих в Обь, долгое время хранившие из-за неудобного рельефа остатки соснового бора, уничтожались в результате помещения их в трубы, замысловатых оврагов, точечной застройки. На данный момент оставшиеся зеленые участки не выполняют основную функцию в городских условиях – снижение негативной экологической нагрузки – и являются неэффективными рекреационными зонами, к тому же слабо справляющимися с самоподдержанием. Продолжается отрицательное влияние на остатки реликтового бора и другие озелененные территории как прямо (наступлением на их площадь), так и опосредованно (загрязнением воздушного, водного и почвенно-растительного компонента ландшафта). Наиболее крупным участком сохранившегося Приобского соснового бора в черте города является Заельцовский, в составе которого находится Заельцовский парк культуры и отдыха. Эта территория, расположенная севернее реки Ельцовки-2 (Большой), с позапрошлого века использовалась для строительства дач, отдыха и сбора грибов и ягод. В статье описана историческая ретроспектива сокращения площади Приобского бора и ее причины. В настоящее время с целью сохранения зеленых зон и соснового бора реализуется приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды».

Ключевые слова: Николаевский бор, Заельцовский бор, сосновый бор, Кривошековский выселок, Новониколаевск, Ельцовка, вырубка

Для цитирования: Емельянова Е. К., Горошко Н. В. Приобский бор Новосибирска: прошлое, настоящее, проблемы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 595–606. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-595-606>

Введение

Название бора на месте будущего Новосибирска в документах разного времени указывается как Приобский, Обской, Верх-Обской, а с 1896 г. – Николаевский бор (Николаевская лесная дача) – площадью более 41000 десятин, бор находился в границах от р. Иня на юге до р. Ояша на севере и принадлежал кабинету Его Величества. Лесничество досматривалось объездчиками и лесорубами из поселя в 10 домиков, находящегося возле переправы на левом берегу Каменки¹. С 1887 г. жители левобережного села Кривошеково начали

перебираться на правый берег с высокой надпойменной террасой с бором, образовав Кривошековский выселок [1], где условия для проживания были несравненно лучше, особенно в период паводка. Процесс переселения на правый берег в бор ускорился в 1892 г. в связи с неоднократными затоплениями в половодье с. Кривошеково и заболоченной сокры на левом берегу, а также эпидемией холеры, возникшей из-за употребления воды из стоячих и малопотоковых водоемов [2]. В правобережье Оби, вблизи разрастающегося села, располагались боры Среднеобский, Ломовский,

¹ Зайцев К. П. Проспект нашего города // Фонд Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина НГУАДИ.

Северо-Ельцовский, Речкуновский. Значительная часть Николаевского бора сохранилась в настоящее время под названием Заельцовский бор. На левом берегу располагались Кудряшовский и Чемской боры.

Вопрос превращения Кривошековского выселка в Новониколаевск и далее в Новосибирск подробно освещен в краеведческом сборнике К. А. Голодяева «Старый Новосибирск» [2]. Одна из глав называется «Парки и скверы Ново-Николаевска – Новосибирска: исторические метки» и содержит информацию об истории возникновения и раннего развития зеленых парковых зон. Интересные сведения о рекреационном использовании окружающего город соснового бора неоднократно встречаются в книге «Мой Новосибирск: книга воспоминаний»². В статьях Н. А. Мининой исследуется выкуп кабинетских земель (в том числе территорий, занятых реликтовым бором) как завершающий этап землеустройства Новониколаевска, развитие города и, как следствие, поглощение леса [1; 3]. Цель нашего исследования – определение факторов, способствующих сокращению площади Приобского бора.

Период 1893–1920 гг.

Интенсивное освоение территории приобского бора началось сразу после того, как во время прокладки Транссибирской магистрали в 1893 г. приступили к строительству первого железнодорожного моста через Обь в наиболее удобной точке – на месте Кривошековской переправы, поскольку здесь по обоим берегам располагались гранитные выходы. Однако еще до начала строительства моста в бору на правом берегу Оби в 1877 г., недалеко от устья малой р. Каменки формируется постоянное заселение из тридцати первых жителей [4].

После строительства железнодорожного моста через Обь было подсчитано, что общая площадь, изъятая железной дорогой у Кривошековского выселка, составила 205 десятин и 157 кв. саженей, из которых 92 % пришлось на лес (189 десятин, включая 114½ десятин соснового бора). Все цифры приводятся из расчета 1 десятина=2400 кв. саженей³. В наделе Кривошекова лес занимал 397 десятин, однако все угодья находились в ведении Главного управления Алтайского округа, а крестьяне ими лишь пользовались, распределяя окружающие леса «по дворам». В начале 1880-х гг. жители Кривошековской волости (5345 окладных душ) имели право на бесплатный отпуск из кабинетских лесов 267150 бревен (50 штук на душу) и сверх того 26715 куб. саженей дров (5 куб. саженей на душу). Строевой лес доставлялся гужем, в среднем за 20 верст из Обского, Речкуновского или Кудряшовского боров. Из-за обилия леса все лесные материалы стоили крайне дешево⁴ [5].

Деревья в лесном массиве, попавшие под разбивку поселка, оценивались лесничим по степени ценности в зависимости от того, на что могли пригодиться (бревна, жерди, дрова и др.), и стоимость их взыскивалась с арендаторов, причем не только на площади арендуемого участка, но и до середины улицы. Работавшим на месте межевщикам и лесникам администрация округа рекомендовала стараться сохранять лес от вырубки в интересах лесного хозяйства [1].

В архивах сохранилась информация о том, как первый староста поселения И. Г. Титлянов сообщал, что «масса рабочих... лес рубили... бесконтрольно... Такое заселение поселка продолжалось более года, и лишь в 1893 году приехал окружной старший лесничий из города Барнаула и первоначально было решено им выдворить всех из бора... но выдворить было уже невозможно, т. к. настроено было более 500 домов» [6, с. 12–13]. В журнале «Нива» в 1898 г. описывается вырубка могучего приобского соснового бора: «До 1893 года на этом берегу, против села Кривошековского, ниже впадения маленькой реки Каменки в Обь, по берегу расположено было 26 избенок, окруженных со всех сторон непроходимым бором. Но с весны 1893 года местность быстро изменилась: наехали строители железной дороги, а с ними множество разных предпринимателей, и на месте непроходимого бора стали вырастать всевозможные жилые помещения. Первые пришельцы начали строиться по правому, крутому берегу реки Каменки, так как этот берег, благодаря своей крутизне, представлял весьма удобное место для землянок и барачков. <...> к лету 1894 года правый берег реки совершенно преобразился: бор постепенно исчез, а на его месте росли не землянки, а вполне приличные дома, строившиеся пока в беспорядке, так как за порядком следить было решительно некому»⁵.

Одновременно со строительством моста ниже по Оби, в полутора верстах от реки возводился крупный железнодорожный комплекс – станция Обь, которую окружал девственный густой сосновый лес, постепенно отступающий при возведении новых построек [7]. Так возле железнодорожной станции Обь, депо и мастерских возник второй поселок, в котором проживали техники и другие рабочие. Примерно в 1896 г. оба поселка, застраиваемые вдоль линии железной дороги, почти соединились и разделялись небольшим пустырем и оврагом, через который был переброшен деревянный мост [8].

Прибрежный сосновый бор превращался в пни и продолжал отступать перед натиском растущего поселка, о чем написано в газете «Нива» 1898 г.: «новый поселок все увеличивался; базарная площадь оказалась слишком тесной, а потому осенью 1895 года, в сентябре месяце, базарная торговля была переведена на вновь отведенную базарную площадь, которая была в первое время до того

² Мой Новосибирск: книга воспоминаний / под ред. Т. Ивановой. Новосибирск: Детская литература, 1999. 363 с.

³ Приложения к отчету по постройке I-го участка Средне-Сибирской железной дороги от Оби до Красноярска. 1893–1896. СПб., 1902. С. 22–25.

⁴ Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа: отчет / сост. Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [Барнаул], [1886].

⁵ Ново-Николаевский поселок // Нива. 1898. № 31. С. 614–616.

усяена пнями, что почти невозможно было пробираться по ней на лошади»⁶.

В 1899 г. между железной дорогой и р. Обь чиновниками были сохранены от сдачи в аренду три участка – единственные места на освоенной территории Сосновской дачи, на которых росли молодые сосны, с целью последующего их преобразования в городской сад, открытый в 1912 г. – Александровский (Сосновка), но позднее утраченный – поглощенный промышленной застройкой (эвакуированным химзаводом) в 1941 г. (рис.).

С 1895 г. на месте леса началось строительство промышленных предприятий. Первыми крупными промышленными объектами в поселке стали кабинетский лесопильный завод (1895 г.) и затем паровозное депо (1896 г.). В 1902 г. вводится в строй пятиэтажная паровая мельница. В 1903 г.

в приустьевой зоне р. Ельцовка-1 на месте бора был построен военно-сухарный завод с производительностью 1 млн пудов сухарей в год. Новый поселок стремительно развивался, и строительство жилых домов, мельниц, паромов, пристани, мастерских, железной дороги и других объектов потребовало вырубки большого количества деревьев. Так начала увеличиваться зона вырубки Приобского бора широкой полосой вдоль Оби и малой реки Ельцовки-1. Вскоре сформировались промышленные узлы: Каменский, Приобский, Ельцовский, расположенные преимущественно на месте бывшего соснового бора [9].

Фотографии тайги, стоящей на месте Новониколаевска, публиковались в 1899⁷, 1904⁸, в 1914⁹ годах, но вскоре эти ценные участки были вырублены и застроены.

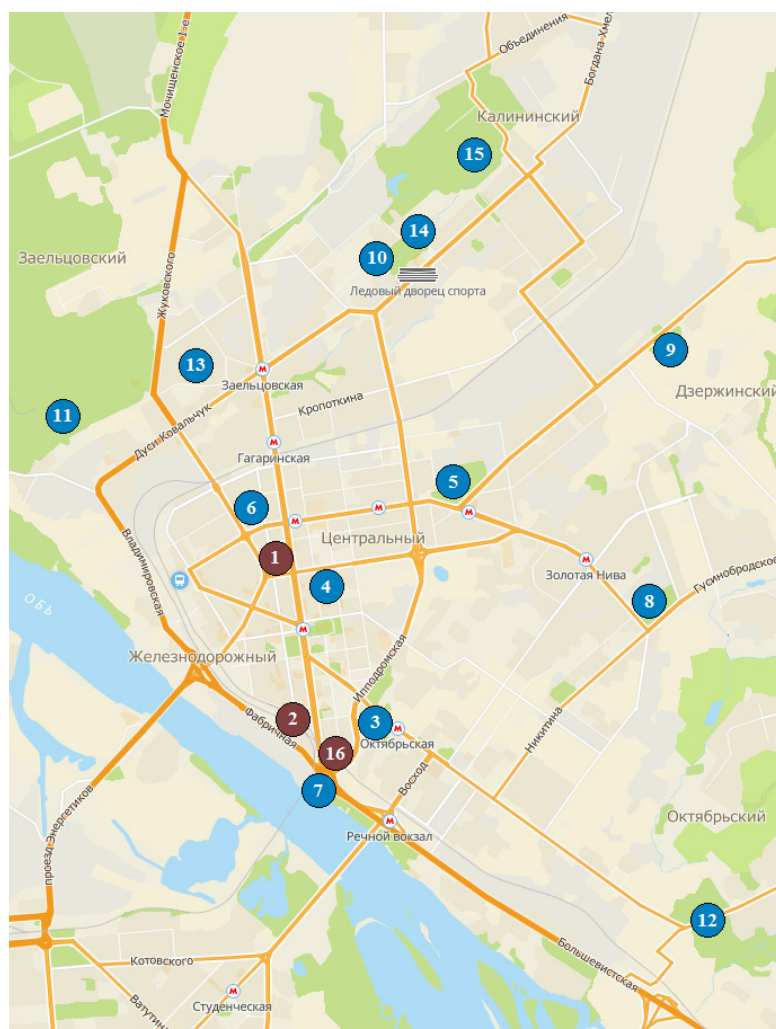

Рис. Крупные зеленые объекты Новосибирска: сохранившиеся: 3 – сад им. Кирова (Свобода), 4 – Центральный парк культуры и отдыха (Кладбищенская роща), 5 – парк культуры и отдыха «Березовая роща» (на месте кладбища «Нового городского», «Успенского», «Ипподромского», «Центрального»), 6 – Нарымский сквер (восточная часть Нарымского сквера – Турухановский сад или Туруханская роща), 7 – парк «Городское начало», 8 – роща по ул. Никитина (на месте «Закаменского» кладбища), 9 – парк культуры и отдыха им. Дзержинского, 10 – зеленая зона Городской клинической больницы № 1, 11 – парк культуры и отдыха «Заяльцовский», 12 – Инюшенский бор, 13 – Тимирязевский сквер, 14 – зеленая зона Городской клинической больницы № 25, 15 – парк культуры и отдыха «Сосновый бор»; утраченные: 1 – сад «Альгамбра», 2 – Александровский сад (Сосновка, сад им. Петухова), 16 – Кривошековскыи выселок

Fig. The green areas of Novosibirsk with the remains of pine forest: preserved: 3 – Kirov garden (Svoboda), 4 – Central Public Park (Cemetery Grove), 5 – Birch Grove Public Park (former cemeteries), 6 – Narymsky square (the eastern part of Narymsky square – Turukhanovsky garden or Turukhanskaya grove), 7 – Urban Rise public park, 8 – a grove in Nikitin St. (former Zakamensky cemetery), 9 – Dzerzhinsky Public Park, 10 – the green area around the City Clinical Hospital No. 1, 11 – Zaeltsovsky recreation park, 12 – Inyushenskiy pine forest, 13 – Timiryazevsky Square, 14 – the green area around the City Clinical Hospital No. 25, 15 – Pine Forest Public Park; destroyed areas: 1 – Alhambra Garden, 2 – Alexander Garden (Sosnovka, Petukhov Garden), 16 – Krivoshchekovsky settlement

⁶ Там же.

⁷ Великий путь. Виды Сибири и Великой сибирской железной дороги. Вып. 1. От реки Оби до Енисея и Томская ветвь / виды сняты фот. И. Р. Томашкевичем. Красноярск: М. Б. Аксельрод и К°, 1899. 130 с.

⁸ Альбом видов города Ново-Николаевска: 1-ое десятилетие. Ново-Николаевск: Тип. Н. П. Литвинова, 1904. 29 л.

⁹ Виды города Ново-Николаевска. 1895–1913. СПб.: Товарищество художественной печати, 1914. 30 с.

Уже к 1907 г. город занимал 8,5 тыс. га земель, в прошлом покрытых лесом, а численность населения составляла 50 тыс. человек [10]. Сдерживающим фактором освоения соснового бора севернее Новониколаевска являлась построенная полукругом железная дорога, отделявшая городскую застройку от берега Оби и двух Ельцовок. И если берег Оби был на тот момент уже практически лишенным хвойного леса из-за наличия железнодорожной станции, пристани и других объектов, то сосновый бор между Ельцовками и севернее их представлял относительно нетронутую экосистему. В 1907 г. императором был утвержден указ правительствующему Сенату о предоставлении Новониколаевску усадебных и выгонных земель, в которых город остро нуждался. В перечень выкупаемых городом земель попала и территория соснового бора до р. Большая Ельцовка, а также земли за ней до первой просеки Николаевского бора. Обоснованием для выкупа служило повреждение бора пожаром, и эта территория рассматривалась перспективной для открытия новых промышленных предприятий. Таким образом, с этого момента муниципалитет начал располагать обширными территориями бора – Сосновской дачей, Лесной дачей и дачными участками с загородными домами в сосновом бору по р. Большая Ельцовка [3].

Согласно записи в журнале Ново-Николаевской Городской Думы от 9 сентября 1909 г., начальник гарнизона Ново-Николаевска просил об отводе городом земли для стрельбища двух пехотных полков в местности между реками 1-й и 2-й Ельцовками. Но Дума отклонила прошение, мотивируя тем, что «этот участок уступить не может, так как он покрыт лесом, находится вблизи города от сенокосных угодий и необходим для пастбища городских стад»¹⁰. Позднее, в 1915 г. Городская Дума отвела во временное безвозмездное пользование военного ведомства под устройство лагерей сроком с 1 мая по 1 сентября для запасных стрелковых батальонов, расквартированных в городе, участки городской земли за р. 1-я Ельцовка у сахарного завода и около р. 2-я Ельцовка, где ранее находились лагеря Иркутского и Енисейского полков (запись в журнале Ново-Николаевской Городской Думы от 24 апреля 1915 г.).

В дальнейшем ситуация с уничтожением древостоя развивалась по двум направлениям: наступление на пригородные леса и их застройка, сокращение имевшихся внутригородских участков, в том числе городских садов. К 1910 г. перед городскими властями встал вопрос об озеленении, при этом владельцы домов обязали самих высаживать деревья вдоль улиц. С этой целью в районе р. Большая Ельцовка был основан лесопитомник. Позднее в центре города появились бульвары с тополями. В то же время расширялась и зона промышленных предприятий – начали формироваться рабочие районы между Ельцовками

Первой и Второй (Ельцовская слобода, Карьерная слобода и Веревоочная слобода) [11]. Решением заседания Новониколаевской городской Думы от 11 октября 1915 г. интендантскому ведомству под постройку холодильника и боен (так изначально назывался мясокомбинат) выделили участок земли в 25 десятин, примыкавший к сахарному заводу и участку Кабинета Его Величества, вверх по течению р. Малая Ельцовка, с выходом к р. Обь. Согласно существующим санитарным нормам предприятию необходимы были источник воды, место спуска сточных вод в Обь и зеленая санитарно-защитная зона, изолирующая предприятия от жилых кварталов. По свидетельству очевидцев, место выбрали живописное, на многие километры простирался дремучий девственный бор между малыми реками (1-я (Малая) и 2-я (Большая) Ельцовки), чистые воды которых скрывали густые заросли черемухи¹¹.

Постепенно название бора «Николаевский» было вытеснено, и в употребление вошло «Зельцовский» по имени рек, протекающих по нему – Ельцовок, которые были названы так из-за рыбы, водившейся в них в изобилии – ельца обыкновенного. На территории водосборной площади малых рек Ельцовок изначально, до освоения человеком, находился сосновый бор, который частично сохранился и до настоящего времени. С начала 1900-х гг. ввиду живописности местности по берегам Большой Ельцовки начали строить дачи. Долины малых рек (особенно Каменки, Ельцовки-1) были сильно расчленены оврагами из-за вырубки деревьев, нарушения травянистого покрова, строительства многочисленных мельниц, а в последующем – рытьем землянок. Причиной оврагообразования являлось легкое размывание рыхлых лессовых супесчано-суглинистых пород интенсивными ливнями и значительной скоростью снеготаяния [12]. Кроме того, к руслу Оби и оврагам малых рек выходило большое количество поверхностных водотоков, несущих сточные воды, что также способствовало оврагообразованию. При этом возрастала и площадь пылящих безтравянистых поверхностей в городе, эта проблема Новосибирска остается актуальной до сих пор.

Еще одним фактором, способствующим оврагообразованию, являлось большое количество частных сараев, добывающих глину и производивших кирпич в долине р. Каменка. Глиняные и песчаные карьеры находились в среднем течении р. Каменка за городом [13]. Так, в 1912 г. насчитывалось более 40 таких мини-заводов, несмотря на то, что в городе работало уже два крупных кирпичных завода. В настоящее время память о кирпичных сараях вдоль Каменки сохранена в названиях улиц Кирпичная горка, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я Кирпичная горка, Кирзавод 2, Кирпичный 1-й переулок, Кирпичный 2-й переулок, 1-й кирзавод. Несмотря на приведенный список улиц,

¹⁰ 10 лет на службе городу. Новониколаевская Городская Дума в документах и материалах / отв. ред. В. И. Баяндин. Новосибирск: Центр архивных технологий, 2008. 568 с.

¹¹ История промышленности Новосибирска. Т. II: Время вперед! 1918–1940. Исторические очерки. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2004. 652 с.

в названии которых есть корень *кирпич*, вдоль Каменки есть и переименованные улицы: 2-я ул. кирпичного завода Трикотажстроя, 10-й кирзавод, рабочий поселок кирпичного завода Трикотажстроя и землянки, 1-й кирпичный завод Трикотажстроя – все эти объекты имеют новые названия. Таким образом, масштаб добычи глины вдоль Каменки на длину в несколько километров позволяет говорить о полном уничтожении естественной экосистемы и формировании промышленных ландшафтов¹².

В селитебной части города лучшие участки лесов не были использованы для создания общегородского парка и декоративных садов. Но были старые небольшие скверы и парки – в то время их называли садами: Александровский (Сосновка), Свобода, Альгамбра, Турухановская, Старокладбищенская рощи (при этом не все они имели хвойные деревья, в части из них из-за вторичного зарастания преобладали лиственные) и др. В разные годы в утраченном саду «Сосновка» имелся фонтан, буфет, киоски, танцевальная площадка, летний кинотеатр с киноустановкой, в утраченном саду «Свобода» – театр с открытой террасой, буфет, уборная. Одной из особенностей некоторых городских парков и скверов Новосибирска является их расположение на месте закрытых кладбищ после перезахоронения останков. В связи с расширением границ города места бывших кладбищ заняли Центральный парк, Березовая роща, безымянный парк на углу улиц Никитина и Воинской [2].

В близлежащие леса вплоть до середины прошлого века жители ездили за грибами и ягодами. Например, возле р. Каменка на месте будущего завода им. Чкалова были ягодники: туда ездили за черемухой и боярышником¹³. Бор по долинам рек имел не только рекреационное значение, но служил и укромным местом для проведения маевки, ведущих отсчет с 1902 г. Для нелегального собрания рабочие поодиночке пробирались в бор между Первой и Второй Ельцовками (ныне район площади Калинина). Очевидец маевки в 1916 г. описывает, что свернув с главного проспекта в глухой лес к Ельцовке, можно было увидеть, как на лужайке расстилались скатерти с закусками, начиналась рыбалка и приготовление ухи¹⁴.

В 1917 г. Новониколаевск превратился в самый крупный торговый и транспортный центр Сибири, стал точкой притяжения для обширной зоны. Население города достигло 69828 человек, а застройка распространилась на территории в границах современного центра и значительной части Закаменского района, растянувшись на 5 км вдоль Оби и на 3 км в поперечнике [4].

Период 1920–1940 гг.

С 1923 г. жилищное строительство на окраинах города велось за счет частных деревянных (из местного леса) многоквартирных домов. Например, в 1925 г. вдоль берегов Оби, Каменки, Ельцовки-1 и линии железной дороги было построено 260 частных домов [7]. В целом в городе ежегодно появлялось до 1500 самовольных построек, в том числе лачуг, землянок, формирующих «нахаловки» и «копай-города», которые приезжие люди копали и строили вплоть до послевоенного времени. Например, по склонам оврагов и берегов рек Ельцовки-1 и Каменки располагались более пяти тысяч землянок и бараков, в них проживали более двадцати тысяч человек¹⁵.

Численность населения Новосибирска к 1927 г. достигла 121 тыс. человек, и город наступал на пригородные леса. Теперь они, как государственные, относились к категории местного значения и интенсивно использовались для местных нужд. Лесное хозяйство в них велось экстенсивно, работы по восстановлению насаждений ограничивались лесоохранными мероприятиями. В 1930 г. по берегам р. Ельцовка-1 действовали заводы хромовых кож, маслобойный, спирто-водочный и шорно-седельная фабрика.

Попытки направить рационально расширение города и ввести строительное зонирование предпринимались еще с первых лет советской власти. В ноябре 1925 г. инженер И. И. Загрявко представил на рассмотрение во Всероссийскую ассоциацию инженеров эскизный проект планировки города, который обсуждался на собрании отделения ассоциации в Новониколаевске (первый генеральный план). Проектное развитие города планировалось по каньонам рек Каменки и Первой Ельцовки, в лесной массив Заельцовского лесопарка, где, по плану И. И. Загрявко, проектировались только лесопарк и оздоровительная зона города. В целом планировалось создать город-сад с радиальной системой, устройством главного и второстепенных центров, окруженных зелеными зонами, лучевых выходов в окрестные леса, мелкими скверами и бульварами, садами перед дворами [14]. Особо подчеркивалось сохранение лесопарковой территории на северо-западе города (Заельцовский парк культуры и отдыха) как оздоровительной зоны, озеленение всех свободных пространств внутри города, создание вдоль Оби авеню от Заельцовского бора до Закаменки и далее на юго-восток. Диаметр правобережья планировался быть окольцованным землями сельхозназначения и парками, а дальнейшая застройка города должна была быть уже за этим внешним полукругом.

¹² Справочник переименованных улиц, переулков, площадей города Новосибирска / отв. за вып. Ю. А. Стрелков. Новосибирск: Полиграфкомбинат, 2000. 15 с.

¹³ Тростонечий А. С. Нахаловка // Мой Новосибирск: книга воспоминаний... С. 34–40.

¹⁴ Кузменкина Л. Площадь Калинина – место маёвок // Библиотека Сибирского краеведения. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/ploshchad-kalinina-mesto-mayovok> (дата обращения: 15.04.2020); Крылов Г. В. В Ельцовке было полно ельцов // Мой Новосибирск: книга воспоминаний... С. 15

¹⁵ От поколения к поколению. Жизнь и быт населения // История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки) / гл. ред. А. Ф. Косенков. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2005. Т. I. С. 163–234.

Проект реализован не был в связи с его оторванностью от реальной социально-экономической обстановки, но при последующей планировке города в новом генеральном плане учитывалось формирование зеленых линий перпендикулярно расположенных к Оби долин малых рек Каменки, Ельцовок, Тулы и Плющихи, что было заложено еще в проектах 1926–1935 гг. Малые реки с зелеными долинами должны были выполнить роль каркаса, компенсируя утраченный естественный лес, крупный массив которого в пределах города сохранился только в Заельцовском бору. Для возмещения недостающих зеленых зон внутри города планировалось формирование садов-кварталов нового типа: застроенный по периметру квартал внутри имел сад, по площади занимающий 50 % от него. Но удалось воплотить в жизнь лишь один подобный квартал в центре. В 1928 г. жители посадили более десяти тысяч деревьев, и общая площадь парков и скверов составила более 40 га¹⁶.

В 1930-е гг. к использованию пригородных лесов для расположения дач добавилось и строительство в них объектов отдыха и лечения – санаториев, профилакториев, детских оздоровительных лагерей. 18 октября 1930 г. постановлением Исполкома Новосибирского горсовета был запланирован Заельцовский загородный парк ввиду того, что городские сады уже не могли удовлетворить запросов растущего населения, а 1 июня 1932 г. состоялось его открытие.

Оздоровительно-рекреационный район в сосновом бору в междуречье Ельцовок планировался в 1930-е гг.: городки института физкультуры, института матери и младенца, профилактории. Однако реализовать удалось только строительство в 1932 г. комплекса зданий Путьско-строительного института инженеров железнодорожного транспорта (ныне СГУПС), а в 1930–1937 гг. – комплекса зданий Новосибирской клинической больницы № 1. Остальная территория в настоящее время поглощена селитебной и промышленной застройкой. Севернее планируемого оздоровительно-рекреационного района начали функционировать карьер «Мочище» и щебеночный завод, которые являются до сих пор действующими предприятиями, влияющими на экологическую обстановку.

Обследование пригородных лесов, проведенное в 1934 г., показало их неудовлетворительное состояние; наличие спелых насаждений не превышало 5 %; вырубки, пустыри, прогалины, редины занимали 25 % лесных земель [10]. В 1931–1932 гг. в городе все равно не хватало продуманного озеленения, в связи с чем организовывались декадни, трехдневники по озеленению, в результате к 1937 г. площадь зеленых насаждений выросла в 2 раза. Город состоял из множества домов с приусадебными участками, лишенными деревьев. Деревья росли только на территории бывшего кладбища (Кладбищенский сад, или сад имени Сталина) и сохранившихся островках соснового бора в Закаменском (ныне Октябрьском) районе. Затем, в начале 1950-х гг.

из Кузбасса были привезены 2,5 тыс. саженцев молодой липы и 500 взрослых деревьев липы. Также на улицы города высаживались ели, лиственницы, березы, рябины, черемуха Маака, сирень, яблони и другие деревья и кустарники.

В 1936 г. генеральный план реконструкции и строительства Новосибирска отвел на территории Ельцовского парка 70 га под зоопарк, который открылся здесь только 60 лет спустя. В то же время осталась нереализованной идея сформировать зеленые эспланады в Октябрьском районе и другие ценные проектные предложения прошлых лет по развитию зеленой зоны. В 1941 г. следующий генеральный план подчеркивал органичное сочетание застройки и естественного ландшафта с учетом рельефа, глубоких речных долин, зеленых зон. Но начавшаяся война не дала планам реализоваться.

Период 1940–1960 гг.

Во время Великой Отечественной войны в междуречье рек Ельцовок эскадроны проходили пехотную подготовку, а после отъезда на фронт место было выделено эвакуированному Приборостроительному заводу¹⁷. Эвакуированные предприятия размещались, конечно, и в действующих заводских комплексах, но строились и новые площадки с нуля, в том числе отрывая территории от соснового бора. Некоторые экземпляры деревьев остались после вырубки бора, растущего вдоль Ельцовок, на территории заводов ОАО «Швабе – Оборона и Защита» (ранее ОАО «Производственное объединение "Новосибирский приборостроительный завод"»), ОАО «НПП "Восток"», ОАО ХК «НЭВЗ-Союз», ОАО «Новосибирский авиаремонтный завод», ОАО Новосибирский завод «Экран», ОАО УК «Катод+» и др. Сквозь бор к ним прокладывались железные дороги, сохранившиеся внутри промзон.

В 1943 г. леса, расположенные вблизи городов, были отнесены к первой категории по народнохозяйственному значению, что запрещало вырубки и сохранило их. В 1950 г. вокруг города в радиусе примерно 30 км была образована зеленая зона, в состав которой вошло 32,4 тыс. га лесов, начались работы по искусственному восстановлению насаждений. С 1945 по 1985 годы только в пределах зеленой зоны города силами Новосибирского, Бердского лесхозов, леспаркхоза СО РАН посажено на вырубках, прогалинах и редирах более 8 тыс. га искусственных насаждений из сосны, лиственницы, кедра, ели.

В 1946 г. на территории Заельцовского бора был создан Центральный сибирский ботанический сад. Уже летом 1947 г. здесь выращивалось более 1000 видов растений, впоследствии на площади 23 га был создан дендрарий. В 1964 г. общая площадь ботсада составляла 232 га, включая лесопарковую зону, питомники, дендрарий; в тот же год ботанический сад был перевезен в Академгородок. Впоследствии дендрарий перешел в Ботаническое лесничество. Основная

¹⁶ Время, которое с нами (архитектура) // История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки)... Т. I. С. 13–106.

¹⁷ Баиновский В. Каиму Ворошилову письмо я написал // Мой Новосибирск: книга воспоминаний... С. 178–184.

часть этой зеленой зоны была застроена пятиэтажками (Ботанический жилмассив), на месте городского питомника (функционирующего с 1920-х гг.) в 1970 г. возникли теплицы совхоза «Цветы Сибири» (в настоящее время на их месте строится новый многоэтажный жилой комплекс). В 1997 г. дендропарку площадью 177,3 га присвоен статус особо охраняемой природной территории [15]. Однако эта зеленая зона вблизи центра города являлась привлекательной, так зоопарку было передано в 2009 г. 8 га, в 2012 г. – 0,8 га для строительства дельфинария, при этом на переданной территории были небольшое озеро и питомник растений. Предпринимались и попытки отведения территории под застройку. В настоящее время дендропарк активно используется местными жителями для прогулок и имеет природно-рекреационное значение для Завельцовского района.

На протяжении роста города леса отступали, их площадь только в границах Новосибирского сельского района сократилась на 25 тыс. га. Если в 1930 г. на каждого новосибирца приходилось 0,7 га пригородных лесов (в границах зеленой зоны), то в 1940 г. – 0,2 га, в 1950 г. – 0,06, в 1990 г. – 0,02 га. Это в пять раз меньше, чем в среднем в России. Внутригородское озеленение в 1958 г., по словам архитектора А. А. Ицковича, было по-прежнему недостаточным: «Внутрипарковых городских зеленых насаждений город не имеет, и единственный процесс, который на протяжении нашей памяти мы наблюдаем, – это процесс постепенной ликвидации крупнейших, ценнейших участков внутри городских естественных насаждений»¹⁸.

В 1955 г. для отдыха и купания горожан на р. Ельцовка-2, в месте ее пересечения с Красным проспектом, была сооружена дамба для формирования пруда, а впоследствии и пляж, впрочем, имеются сведения и о других прудах на реке, существовавших ранее, однако, основной бор к этому моменту был уничтожен. В это время по городу первое место в зеленых насаждениях принадлежало березе, клену ясенелистному, сосне, тополю, ясеню, вязу обыкновенному, липе мелколистной. Из них лишь береза и сосна образовывали естественные участки леса. При этом из-за загрязненного воздуха наблюдались усыхание и гибель сосен [16].

В конце 1950-х гг. в рамках благоустройства были снесены ветхие дома и постройки от железнодорожного моста вдоль Оби в южном направлении – началось формирование набережной Оби с подпорной стенкой и парковой зоной. Так были уничтожены дома поселенцев, занимавших территории вблизи Кривошековского выселка. Сейчас параллельно набережной предпринимаются попытки создать исторический квартал вдоль улицы Инской (обозначенной на картах с 1896 г.) с сохранением зданий конца XIX – начала XX в. [17]. Парк «Городское начало» на набережной, восстановленная контора инженера Г. М. Будагова, руководившего строительством железнодорожного моста в 1893 г.,

исторический квартал на Инской – взаимосвязь этих объектов должна обеспечить привлекательность для туристов и создать культурно-исторический кластер времени дореволюционного Новониколаевска [18].

В это же время планировали масштабно реконструировать сад имени Кирова (а это участок реликтового соснового бора). Рядом с ним находилось городище чатских татар (Чертово городище) со следами юрточных построек и земляным валом, которые были уничтожены поселенцами, роющими землянки в долине р. Каменка. «Расширение парка предполагается произвести за счет поймы реки Каменки. После сноса мелких строений обрывистые склоны и овраги будут превращены в террасы и засажены зеленью. Верхняя терраса соединится с нижней широкой лестницей, а на одном из склонов разместится открытый амфитеатр. Внизу разбивается парк и закладывается открытый плавательный бассейн. На одном из отрогов верхней террасы разместится база юных туристов, связанная с верхней террасой парка канатной дорогой. Общая территория парка расширится до бетонного моста через Каменку. Здесь, вблизи от моста, запланирован детский стадион на 5 тысяч зрителей и спортивный павильон с двумя залами и зимним плавательным бассейном» [2, с. 224]. Однако планы с террасированными склонами и каскадными водопадами реализованы не были, как и не осуществились идеи строительства малоэтажных жилых домов ярусами и открытой панорамой в сторону центра. В 1966 г. начался замыв прилегающих оврагов песком и помещение реки в трубу. После замыва р. Каменка ее долина все равно предназначалась для озеленения. Система скверов начала функционировать с конца 1970-х гг. Но начиная с 2000-х гг. эта зеленая зона значительно сокращена. Над рекой проведена скоростная магистраль, из-за застройки навсегда утрачена возможность организации обзорной площадки в столь высокой точке в сторону простирающейся бывшей долины р. Каменка.

В 1959 г. Новосибирский облисполком выделил в пределах пригородных лесов зоны массового отдыха трудящихся с запретом в их пределах строительства, в том числе объектов отдыха. Таким образом, предназначение ближайших к городу лесов было определено для кратковременного отдыха, преобразования в парки и лесопарки. В 1960 г. зеленая зона города, особенно с западной стороны, была значительно расширена и передана под посадку защитных насаждений (примерно 13 тыс. га).

В это же время в связи с выявлением севернее Новосибирска уранового месторождения обнаружены запасы минеральных очень слабо- и умеренно радоновых вод природного характера, расположенных в Новосибирской агломерации. В частности, Завельцовско-Мочищенское проявление радоновых вод с двумя водоносными комплексами находится на северо-западе Новосибирска в Завельцовском

¹⁸ Поповский И. Химзавод поставили на месте соснового бора // Библиотека Сибирского краеведения. Режим доступа: <http://bsk.nios.ru/content/himzavod-postavili-na-meste-sosnovogo-bora> (дата обращения: 15.04.2020).

бору и содержит трещинные, холодные воды (6–10 °С), залегающие на глубинах 50–200 м, что позднее использовалось для лечебных целей в санатории «Заельцовский бор», профилактории завода Химконцентратов в сосновом бору [19].

1960 г. – настоящее время

Последующие планы, например в 1960-х гг., предполагали создание пригородной зоны в виде единого зеленого пояса Новосибирской агломерации, где предусматривалось размещение учреждений отдыха, садоводческих товариществ, комплекс лесопарков общей площадью 27,3 тыс. га [10]. Актуализация генерального плана города до 2030 г. включает 256 зеленых зон площадью 13716 га (29,3 % от территории города), что на 3 % больше по сравнению с прошлой версией. Однако часто в генеральных планах под зелеными зонами подразумеваются и «неудобья», и пустоши, которые лишь в будущем при финансовых вложениях способны стать зелеными зонами.

В составе зеленого фонда Новосибирска около 30 % озелененных территорий занимают городские леса – естественные лесные массивы, выполняющие в градостроительной среде важные почвозащитные, средоулучшающие, климатоформирующие функции [20]. Площадь городских лесов, расположенных на территории г. Новосибирск, составляет 9521,5 га, в том числе 8648,5 га – Новосибирское городское лесничество и 873 га – Новосибирское академическое лесничество¹⁹. 70 % городских лесов составляют деревья хвойных пород [10]. Заельцовский лесохозяйственный участок на 2013 г. имел площадь 3881 га, в том числе насаждения естественного происхождения составляли 75,1 % (2914 га).

Сохранившиеся чистые сосновые леса на возвышенных элементах рельефа – песчаных террасах Оби – относят к борам-брусничникам. По понижениям и западинам распространены травяные боры с березой и осиной, местами встречаются вторичные березовые и осиновые леса. Возраст взрослых деревьев сосны в Заельцовском парке составляет 110–150 лет, но встречаются экземпляры возрастом 240 лет [10]. Высота деревьев достигает 35 м, диаметр – до 45 см [16].

Изучение состояния, структуры, площади, динамики, характера размещения объектов зеленого фонда показало, что за 100 лет развития города к 1990-м гг. лесистость его территории снизилась с 70 % до 20 %. В его границах были сохранены около 10 тыс. га естественных насаждений, а общая площадь озелененных территорий увеличена до 16,2 тыс. га. Однако степень озелененности отдельных районов города остается ниже нормативной, а состояние многих объектов озеленения не соответствует рекреационным и эстетическим требованиям и санитарно-гигиеническим нормам. Состояние как реликтовых, так и искусственных хвойных посадок в пределах города

неудовлетворительное в связи с чувствительностью хвойных к загрязнителям: наблюдаются значительные повреждения ассимиляционных органов, снижение прироста побегов (до 35–50 % по сравнению с контрольными растениями), продолжительность жизни хвои сокращается до 2–3 лет, сильно изреживаются кроны [21].

В антропогенно ненарушенных участках Заельцовского бора подрост, подлесок, напочвенный покров являются характерными для данного типа леса, проективное покрытие мхов составляет 30–40 %, травостой из лесных видов – 20–30 %. В нарушенных экосистемах подрост, подлесок, мхи отсутствуют, уменьшается доля лесных и увеличивается доля луговых трав, их проективное покрытие составляет 40 %, наблюдается уплотнение почвы. Деградация биоценоза происходит на участках, где рекреационное использование усиливается, в результате требуется восстановление насаждений [22].

Одним из ярких примеров сокращения зеленых зон Новосибирска является застройка долины р. Ельцовка-1 за счет выравнивания рельефа и формирования ярусов. Первоначально строили дома и хозяйственные постройки вблизи уреза воды, затем началось возведение гаражей прямо над руслами рек параллельными рядами, сейчас производится снос старой одноэтажной застройки и гаражей, строительство высотных домов [23]. Незастроенный участок долины р. Ельцовка-1 в густонаселенном центральном округе планировался общественностью для создания линейного парка, по этому вопросу проводились публичные слушания. Однако за последние несколько лет территория будущего перспективного парка вдоль реки сократилась почти вдвое за счет выдачи разрешений на строительство вблизи русла. Кроме того, эта итак узкая рекреационная зона в генеральном плане города рассекается поперек перспективной новой улицей, что значительно нивелирует экологические возможности парка, превращая его в придорожное озеленение, в связи с чем проводятся пикеты.

Заключение

Средообразующая функция соснового бора в центре Новосибирска оказалась утерянной, т. к. его остатки в правобережье Новосибирска представлены сейчас некоторыми разрозненными реликтовыми участками – садом им. Кирова, Инюшенским бором, ПККО «Сосновый бор» с узкой продолжающейся лентой леса на территории городских больниц № 25 и № 1 и самым большим участком прежнего бора – Заельцовским. На его территории находятся 6 археологических памятников. В настоящее время обозначены 14 зеленых кластеров города, одним из которых как раз является Заельцовский, куда входят Заельцовский бор, ПККО «Заельцовский», спортивная база «Локомотив», зоопарк, дендропарк. Заельцовский бор располагается в северо-западной правобережной части

¹⁹ Инвестиционный паспорт на 2018 год. Город Новосибирск. Режим доступа: <https://novo-sibirsk.ru/upload/iblock/626/2018-investitsionnyy-pasport-s-pravkami.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

г. Новосибирск и Новосибирском сельском районе, является частью приобских ленточных боров и имеет размеры 3,1 тыс. га, из них лесной массив площадью 1,2 тыс. га располагается на территории г. Новосибирск в Заельцовском районе. Как и ранее, прибрежная часть бора занята дачами, а также элитными коттеджными поселками, ведомственными учреждениями отдыха, резиденциями представителей власти (со времен строительства т. н. обкомовских дач).

Ключевыми объектами ПККО «Заельцовский» являются детская железная дорога, этнопарк, веревочный парк, сцена, велопрокат, ресторан и расположенные по соседству физкультурно-оздоровительный комплекс, пляж, бассейн. Таким образом, основные цели визита в парк – прогулки, отдых, спорт. Интересной представляется идея создания историко-археологического парка на территории Заельцовского бора с компактно расположенными поселениями и курганным могильником эпохи Средневековья. Так как рядом располагается этнопарк «Поселение Сибири» с характерными жилищами и атрибутами быта коренных народов Сибири, можно создать исторический кластер, подвергнув музеефикации археологические памятники или отдельные объекты. Экспонирование предметов на месте раскопок потребует формирования особых культурных программ и экскурсионных маршрутов, что, несомненно, повысит туристическую привлекательность парка – к спортивно-рекреационной цели визита в парк добавится просветительская [24].

Приоритетный проект «Формирование комфортной городской среды», реализуемый в настоящее время в Новосибирске, включает преобразование Заельцовского парка с уклоном на экологическую составляющую с созданием разноуровневых зеленых насаждений. Площадь благоустройства – 38,8 га. Изначально в Заельцовском парке существовала всего одна аллея для прогулок. В соответствии с дизайн-проектом на территории парка с максимальным сохранением естественного лесного массива должны появиться транзитные пешеходные пути: тропа для скандинавской ходьбы, экотропы, уходящие в Заельцовский бор, продленная велодорожка, по которой в зимнее время новосибирцы катаются на лыжах. Появится запрет на въезд автомобилей, перехватывающая парковка, обновятся событийные площадки, танцплощадка, появится летний кино-театр с амфитеатром, детские и спортивные игровые зоны, новые типы разнообразного мощения, освещения, парковая мебель, малые архитектурные формы, элементы ландшафтного дизайна (сухое озеро и др.). Планируется разделение

потоков людей по маршрутам с различным скоростным режимом и тематикой (пешие, вело-, эко- и т. д.), что обеспечит комфортное пребывание посетителей. Согласно социологическим исследованиям, Заельцовский парк оказался самым посещаемым среди аудитории среднего и зрелого возраста, несмотря на то, что он достаточно удален от мест проживания основного населения [25].

Восполнение утраченных зеленых зон началось с 1910 г. посадкой всего нескольких видов деревьев, к 1947 г. в озеленении насчитывалось около 20 видов деревьев и кустарников, в 1960 г. – 50 видов древесных растений с преобладанием нескольких, к 1990-м гг. рекомендуемый ассортимент древесных растений расширен 80–170 видами.

Безусловно, сокращение площади пригородных лесов за счет Приобского ленточного соснового бора, точечная застройка существующих внутригородских парковых зон, происходившая с 1930-х гг., негативно сказывается на качестве среды обитания жителей города. Экологическая инфраструктура города значительно пострадала не только в результате вырубки бора, но и за счет утраты линейных каркасов, еще недавно существовавших – естественных экосистем малых рек, являющихся притоками Оби, в настоящее время на значительном расстоянии убранных под землю и застроенных сверху (малые реки Каменка, Ельцовки-1 и 2).

Главный фактор, повлиявший на сокращение площади Приобского бора, – вырубка. Сосновый бор в течение всего периода развития Новосибирска уничтожался, освобождая площади под застройку, для лесозаготовки; в долинах рек, протекающих по бору, происходило формирование «нахаловок», строились землянки, нарушая рельеф и корневые системы деревьев, инициируя оврагообразование. Некоторые внутригородские парковые зоны и остатки реликтового бора трансформировались в селитебную, деловую, промышленную территорию (Альгамбра, Михайловская роща и др.), вследствие чего лесистость территории города снизилась. На качество древостоя в период индустриализации оказала большое негативное влияние техногенная нагрузка от промышленных предприятий, не имеющих очистных сооружений, в результате наблюдалось усыхание деревьев. В настоящее время продолжают случаи самозахвата территории бора под застройку.

Таким образом, Приобский бор утратил свою первоначальную площадь и в современном городском пространстве представлен лишь отдельными сравнительно небольшими участками.

Литература

1. Минина Н. А. Образование города Новониколаевска: землеустройство в 1893–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 147–153. DOI: 10.17223/15617793/397/23
2. Голодяев К. А. Старый Новосибирск. Новосибирск: Изд-во музея г. Новосибирска, 2016. 321 с.
3. Минина Н. А. Выкуп кабинетских земель – завершающий этап землеустройства Новониколаевска // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 78–83. DOI: 10.17223/15617793/412/13
4. Оглы Б. И. Из истории Новосибирска // Оглы Б. И. Новосибирск: от прошлого к будущему. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. С. 7–14.

5. Канн С. К. Социально-экономические условия возникновения Новосибирска // Вторые Ермаковские чтения «Сибирь: вчера, сегодня, завтра»: мат-лы межрегион. науч. конф. (Новосибирск, 20–21 ноября 2009 г.) Новосибирск: Дирекция Некоммерческого партнерства «Ермаковских чтений "Сибирь: вчера, сегодня, завтра"», 2010. С. 50–61.
6. Улицы расскажут вам... / ред. Г. М. Пращкевич. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. 199 с.
7. Баландин С. Н. Новосибирск: история градостроительства 1893–1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 136 с.
8. Горюшкин Л. М., Бочанова Г. А., Цепляев Л. Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1978. 296 с.
9. Дегтярев Д. С. Формирование пригородной зоны досоветского Новониколаевска // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сб. мат-лов II Всерос. молодежной науч. конф. (Новосибирск, 22–24 августа 2012 г.) Новосибирск: Параллель, 2012. С. 169–176.
10. Таран И. В., Спиридонов В. Н., Беликова Н. Д. Преобразование пригородных лесов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 148 с.
11. Кожуркова Т. Б. Основные исторические этапы формирования планировочной структуры сибирского города на примере Новосибирска (Новониколаевска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2008. № 3. С. 100–112.
12. Емельянова Е. К., Горошко Н. В., Мишутина О. В. Река Ельцовка-1 как один из определяющих гидрологических элементов экологического каркаса города Новосибирска // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2017. № 3. С. 55–71. DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.04
13. Минина Н. А. Торгово-промышленное развитие Новониколаевска в 1893–1903 гг. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: мат-лы Второй Всерос. науч. конф. (Томск, 15–17 апреля 2016 г.) Томск: ТГАСУ, 2017. С. 143–151.
14. Хиценко Е. В. Идеи города-сада в решении жилищного кризиса Западной Сибири 1920-х гг. (на примере Новосибирска) // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 6. С. 36–43.
15. Ерохин Г. П., Чиндяева Л. Н., Тимофеев К. О., Харламова Е. В., Черновская Л. И. История создания и современное состояние памятника природы областного значения «Дендрологический парк» в городе Новосибирске // Баландинские чтения. 2019. Т. 14. № 1. С. 285–291. DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10093
16. Новосибирск / под. ред. С. О. Омбыш-Кузнецова. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1957. 240 с.
17. Минина Н. А. История улицы Инской, последней сохранившейся улицы Новониколаевска // Баландинские чтения. 2019. Т. 14. № 1. С. 384–388. DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10108
18. Наволоцкая А. В. Вопросы истории реновации локальных исторических комплексов (на примере Новосибирска) // Баландинские чтения. 2019. Т. 14. № 1. С. 153–165. DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10072
19. Новиков Д. А., Сухорукова А. Ф., Корнеева Т. В. Гидрогеология и гидрогеохимия Заельцовско-Мочищенского проявления радоновых вод (юг Западной Сибири) // Геодинамика и тектонофизика. 2018. Т. 9. № 4. С. 1255–1274. DOI: 10.5800/GT-2018-9-4-0394
20. Беланова А. П., Отмахов Ю. С., Черникова Т. С., Чиндяева Л. Н. Внедрение чужеродных видов древесных растений в городские леса Новосибирска // Сибирский лесной журнал. 2019. № 6. С. 72–81. DOI: 10.15372/SJFS20190608
21. Чиндяева Л. Н. Экологические особенности формирования устойчивых насаждений г. Новосибирска: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1998. 21 с.
22. Благодатнова А. Г. К вопросу экологической оценки почвенного покрова рекреационных объектов города Новосибирска (парк культуры и отдыха «Заельцовский») // Современная экология: образование, наука, практика: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 4–6 октября 2017 г.) Саратов: Научная книга, 2017. Т. 2. С. 20–26.
23. Емельянова Е. К., Горошко Н. В. Ретроспектива экологической проблемы приречных пространств малых рек в городской черте Новосибирска // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2018. № 4. Режим доступа: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/4/00640.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).
24. Горошко Н. В., Емельянова Е. К. Проблема сохранения объектов археологического наследия на территории Новосибирска и использование их потенциала в туризме и рекреации // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. 2019. № 3. Режим доступа: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00757.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).
25. Ложкин А. Ю., Смирнова М. С., Голодяев К. А., Гижицкая С. А., Карпов А. Е., Скурихина Т. Г., Архипова А. М., Юрченко Л. В., Лебедев Д. А., Дубынин А. В. Зеленый Новосибирск. Концепция развития озелененных общественных пространств общегородского значения. Новосибирск: ИД «Вояж», 2017. 128 с.

The Ob River Pine Forest in Novosibirsk: Past, Present, and Problems

Elena K. Emelyanova ^{a, ID1}; Nadezhda V. Goroshko ^{a, b, c, @, ID2}

^a Novosibirsk State Medical University, Russia, Novosibirsk

^b Novosibirsk State Pedagogical University, Russia, Novosibirsk

^c Siberian State University of Geosystems and Technologies, Russia, Novosibirsk

@ goroshko1@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-0970-1447>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-9137-921X>

Received 23.04.2020. Accepted 22.06.2020.

Abstract: From the very beginning of Novosibirsk (pre-revolutionary Novonikolaevsk), the ribbon of the Ob River pine forest began to dwindle as a result of man-induced activity, e.g. logging, wood clearing, construction of dugouts and houses, etc. The small rivers that flew through the forest were used for quarries and water mills. As a result, the intensive industrial development disturbed the terrain and provoked reversion. Subsequently, the abandoned intracity park zones of the relict forest were transformed into residential, business, and industrial areas, such as Alhambra, Mikhailovsky Grove, etc. The quality of the forest stand during the period of industrialization was affected by the technogenic load from industrial enterprises that had no sewage treatment plants. An ill-conceived green policy led to the loss of the environment-forming function of the Novosibirsk pine forest, because only small areas of it remained within the city boundaries. The once green banks of small rivers that flew into the Ob preserved the last remains of the pine forest. However, they were destroyed, as the rivers were placed in underground pipelines, the ravines were washed away, and infill construction flourished. At the moment, the remaining green areas fail to perform the main function of urban forests: they neither reduce the negative environmental load, nor reproduce themselves. In addition, they make poor recreational areas. The remaining relic pine forest and other green areas continue to experience both direct and indirect negative impact, e.g. deforestation, air and water pollution, etc. The largest preserved site of the Ob River pine forest is the Zaeltsovsky public park. Located to the north of the Yeltsovka-2 (Bolshoi) River, it has been used for summer cottages, recreation, and foraging mushrooms and berries since the XIX century. The article gives a historical retrospective of the reduction in the area of the Ob River pine forest and its causes. It also describes the Comfortable Urban Environment project aimed at preserving green areas and pine forests.

Keywords: Nikolaevsky pine forest, Zaeltsovsky pine forest, pine forest, Krivoshchekovsky settlement, Novonikolaevsk, Eltsovka, cutting down

For citation: Emelyanova E. K., Goroshko N. V. The Ob River Pine Forest in Novosibirsk: Past, Present, and Problems. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 595–606. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-595-606>

References

1. Minina N. A. The origin of Novonikolaevsk: land planning from 1893 to 1895. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (397): 147–153. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/397/23
2. Golodiaev K. A. *Old Novosibirsk*. Novosibirsk: Izd-vo muzeia g. Novosibirska, 2016, 332. (In Russ.)
3. Minina N. A. Redemption of cabinet lands as the final phase of land management solution for Novonikolaevsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, (412): 78–83. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/412/13
4. Ogly B. I. *From the history of Novosibirsk. Novosibirsk: from the past to the future*. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 1991, 7–14. (In Russ.)
5. Kann S. K. Socio-economic conditions for the emergence of Novosibirsk. *Second Ermakov readings "Siberia: yesterday, today, and tomorrow"*: Proc. Interregion. Sci. Conf., Novosibirsk, November 20–21, 2009. Novosibirsk: Direkttsia Nekommercheskogo partnerstva "Ermakovskikh chtenii "Sibir: vchera, segodnia, zavtra", 2010, 50–61. (In Russ.)
6. *The streets will tell you...*, ed. Prashkevich G. M. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1973, 199. (In Russ.)
7. Balandin S. N. *Novosibirsk: the history of urban planning in 1893–1945*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1978, 136. (In Russ.)
8. Goriushkin L. M., Bochanova G. A., Tsepliaev L. N. *Novosibirsk in the historical past (late XIX – early XX centuries)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ie, 1978, 296. (In Russ.)

9. Degtyarev D. S. Formation of the suburban zone of the pre-Soviet Novonikolaevsk. *Actual problems of historical research: from the perspective of young scientists*: Proc. II All-Russian youth Sci. Conf., Novosibirsk, August 22–24, 2012. Novosibirsk: Parallel, 2012, 169–176. (In Russ.)
10. Taran I. V., Spiridonov V. N., Belikova N. D. *Transforming suburban forests*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006, 148. (In Russ.)
11. Kozhurkova T. B. The basic historical stages of formation of town plan structure of the Siberian city (to the example of Novonikolaevsk-Novosibirsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2008, (3): 100–112. (In Russ.)
12. Emelyanova E. K., Goroshko N. V., Mishutina O. V. The river Eltsovka-1 as one of the determinative hydrological elements of the environmental framework of Novosibirsk. *Bulletin of Perm national research polytechnic university. Applied ecology. Urban development*, 2017, (3): 55–71. (In Russ.) DOI: 10.15593/2409-5125/2017.03.04
13. Minina N. A. Commercial and industrial development of Novonikolaevka in 1893–1903. *Siberian merchants: origins, activities, and heritage*: Proc. Second All-Russian Sci. Conf., Tomsk, April 15–17, 2016. Tomsk: TGASU, 2017: 143–151. (In Russ.)
14. Khitsenko E. V. Garden city concept in terms of housing in crisis West Siberia in the 1920s (Novosibirsk case studies). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 2016, (6): 36–43. (In Russ.)
15. Erohin G. P., Chindyaeva L. N., Timofeenko K. O., Kharlamova E. V., Chernovskaya L. I. Origin, evolution and current state of the natural monument of regional significance dendrological park in Novosibirsk. *Balandinskie chteniia*, 2019, 14(1): 285–291. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10093
16. *Novosibirsk*, ed. Ombysh-Kuznetsov S. O. Novosibirsk: Novosib. kn. izd-vo, 1957, 240. (In Russ.)
17. Minina N. A. History of Inskaya street, the last preserved street of Novonikolaevsk. *Balandinskie chteniia*, 2019, 14(1): 384–388. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10108
18. Navolotskaya A. V. Issues of the history of local historical complexes renovation (on the example of Novosibirsk). *Balandinskie chteniia*, 2019, 14(1): 153–165. (In Russ.) DOI: 10.24411/9999-001A-2019-10072
19. Novikov D. A., Sukhorukova A. F., Korneeva T. V. Hydrogeology and hydrogeochemistry of the Zaeltsovsko-Mochishchensky zone of radon waters in the southern West Siberia. *Geodynamics & Tectonophysics*. 2018, 9(4): 1255–1274. (In Russ.) DOI: 10.5800/GT-2018-9-4-0394
20. Belanova A. P., Otmakhov Y. S., Chernikova T. S., Chindyaeva L. N. Intrusion of alien tree species in the city forests of Novosibirsk. *Siberian Journal of Forest Science*, 2019, (6): 72–81. (In Russ.) DOI: 10.15372/SJFS20190608
21. Chindyaeva L. N. *Ecological features of the formation of sustainable plantations in Novosibirsk*. Cand. Biol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 1998, 21. (In Russ.)
22. Blagodatnova A. G. On the issue of ecological assessment of the soil cover of recreational facilities in the city of Novosibirsk (Zaeltsovsky public park). *Modern ecology: education, science, practice*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Voronezh, October 4–6, 2017. Saratov: Nauchnaia kniga, 2017, vol. 2, 20–26. (In Russ.)
23. Emelyanova E. K., Goroshko N. V. Retrospective of the ecological problem of the riverine spaces of small rivers in the city of Novosibirsk. *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, 2018, (4). Available at: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2018/4/00640.pdf> (accessed 04.15.2020). (In Russ.)
24. Goroshko N. V., Emelyanova E. K. The problem of preservation of archaeological heritage sites on the territory of Novosibirsk and the use of their potential in tourism and recreation. *Research and Scientific Electronic Journal of Omsk SAU*, 2019, (3). Available at: <http://e-journal.omgau.ru/images/issues/2019/3/00757.pdf> (accessed 15.04.2020). (In Russ.)
25. Lozhkin A. Yu., Smirnova M. S., Golodyaev K. A., Gizhitskaya S. A., Karpov A. E., Skurikhina T. G., Arkhipova A. M., Yurchenko L.V., Lebedev D. A., Dubynin A. V. *Green Novosibirsk. The concept of the development of green public spaces of municipal significance*. Novosibirsk: ID "Voiazh", 2017, 128. (In Russ.)

К интерпретации сюжета изображения на кондинской бляхе

Любовь Н. Ермоленко ^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

[@] lyubov.ermolenko@mail.ru

Поступила в редакцию 29.06.2020. Принята к печати 23.07.2020.

Аннотация: Анализируется оригинальная композиция в медальоне бляхи IX–X вв. с реки Конда. Особое внимание уделяется деталям изображения, которые по-разному характеризуются исследователями. Автором выявлена специфическая зональность декора одежды женского персонажа, в котором, в частности, использованы мотивы чешуи и точки, довольно широко применявшиеся при воспроизведении волосяного покрова животных в иконографии изображений на предметах торевтики и глазурованных керамических изделиях. В целом приведенные в статье аналогии демонстрируют параллелизм в орнаментации человеческой одежды, волосяного покрова животных и птичьего оперенья. Установленное соответствие зональности и мотивов декора женского платья элементам и структуре стилизованного оперенья орнито-морфных существ в восточной торевтике позволило заключить, что одежда, которую мужской персонаж пытается совлечь с женщины, символизирует «птичье» одеяние. Содержание сюжета изображения на кондинской бляхе истолковано автором исходя из существовавшего в литературе и фольклоре средневекового Востока мотива завладения птичьей одеждой – предусловия брака с пери. Сделано предположение, что популярный в вербальном творчестве образ пери был достаточно распространен и в творчестве визуальном, в частности в раннеисламском искусстве.

Ключевые слова: средневековое искусство, торевтика, поливная керамика, орнаментальные мотивы, фольклор, образ пери

Для цитирования: Ермоленко Л. Н. К интерпретации сюжета изображения на кондинской бляхе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 607–617. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-607-617>

Введение

Серебряное изделие IX–X вв., получившее название *кондинская бляха*, было введено в научный оборот А. В. Бауло в 2013 г. [1, с. 123–125]. Хотя бляха и привлекает внимание уникальным изображением, работ, посвященных ей, немного. Одновременно со статьей А. В. Бауло вышла статья М. Г. Крамаровского [2], в которой обсуждается сюжетный контекст сцены в медальоне бляхи. Впоследствии попытку интерпретации сюжета предприняла автор данной статьи [3]. А. В. Бауло и М. Г. Крамаровский объясняют смысл сцены в медальоне как насилие. При этом М. Г. Крамаровский связывает сцену с эпизодом Махабхараты – попыткой Духшасаны сорвать одежду с проигранной в кости Драупади. В предлагаемой статье получило развитие высказанное автором ранее предположение о том, что на кондинской бляхе изображена «сцена добывания героем невесты» [3, с. 370].

Анализ деталей изображения на кондинской бляхе

Поскольку изображение в медальоне кондинской бляхи (рис. 1) подробно описано А. В. Бауло и М. Г. Крамаровским, остановимся на деталях, допускающих различную трактовку.

Коса или рукав? «Хоботовидная» деталь женского образа толкуется исследователями различно – как перевитая (?) «поперечными лентами» коса (А. В. Бауло) или растянутый левый рукав платья (М. Г. Крамаровский). Возражая М. Г. Крамаровскому, А. В. Бауло указывает

на «волосатый» – в виде косых насечек – декор «лент», будто бы передающий волосистость самой косы [1, с. 125]. Между тем мастер, создавший изображение, вполне мог наметить пряди волос и их переплетение, поскольку женское платье (кроме рукавов) покрыто узором из частых тонких линий. Зато очевидна идентичность «поперечных "лент"» на предполагаемой А. В. Бауло косе дугообразным линиям складок на правом рукаве, тем более что «коса» отходит от туловища женщины примерно на уровне (левого) плеча. Другие аргументы А. В. Бауло – о том, что конец рукава свисал бы, а не изгибался вверх, и что в растянутом рукаве должна проследиваться кисть руки женщины [1, с. 125], значимы лишь при условии реалистичности изображения. Однако женский персонаж воспроизведен не вполне правдоподобно. У героини слишком большая голова; абрис лица почти круглый, черты лица несоразмерные – огромные глаза не соответствуют крошечному рту; шея не выделена, не обозначена женская грудь; нечетко очерченное правое надплечье сгорбливает фигуру; не говоря уже о подмеченной М. Г. Крамаровским четырехпалости ног [2, с. 130] и др.

Жест рук мужского персонажа. По мнению А. В. Бауло, мужчина левой рукой «притягивает за косу» женщину, а правой «касается» ее головы [1, с. 124]. М. Г. Крамаровский считает, что, ухватив левой рукой за рукав женского платья, мужчина пытается стянуть его с женщины. Правой рукой он прикасается к голове женщины – «как бы привлекает ее к себе» [2, с. 130]. Солидаризуясь с М. Г. Крамаровским

Рис. 1. Сцена в медальоне кондинской бляхи [1, рис. 26]
Fig. 1. Image on the plaque from the Konda River [1, fig. 26]

в интерпретации жеста левой руки мужского персонажа, не согласимся с ним в объяснении позиции правой руки. Нам представляется, что, положив кисть правой руки на голову женщины, мужчина удерживает ее саму на расстоянии, чтобы усилие левой руки было действенным.

Обычная одежда или «птичье» одеяние? А. В. Бауло предположил, что «волнистые и прямые параллельные линии», сплошь покрывающие плечевую одежду женщины, могли передавать как полосатый рисунок на ткани, так и ее складчатость. Кроме того, он отметил такие детали одежды женского персонажа, как фестончатый подол и скрывающий шею (высокий) ворот [1, с. 125]. М. Г. Крамаровский характеризует одежду женщины как длинное платье с воланами по краю и рукавами «три четверти». По его мнению, штриховой узор изображает «дробные складки» – фактуру связанного из пряденых нитей изделия [2, с. 130]. Оба исследователя, однако, не обратили внимания на «зональность» декора женской одежды.

На наш взгляд, орнаментальными особенностями отличаются следующие части одеяния женщины (рис. 2, 1).

1. Верхний отдел платья, *лиф* (от подбородка до уровня правой руки, которая изображена простертой вперед и пересекающей туловище). Поскольку фигура женщины показана в трехчетвертном развороте, узор в этой зоне лучше всего виден справа (здесь и далее стороны указаны с позиции персонажа), хотя он и частично закрыт свисающим концом головного убора (?). Узор представляет собой частые параллельные, слегка изогнутые линии (или тонкие полоски), нанесенные почти горизонтально. Представляется, что с левой, большей частью невидимой стороны одеяния узор был идентичным. Под подбородком женщины довольно четко

прослеживается «чешуйчатый» рисунок («чешуйки» с дугообразным краем, заполненные вписанными дугами), ниже, на груди, узор не совсем регулярный. Сходятся ли таким способом концы линий / полосок, идущих с обеих сторон, или здесь также воспроизведен орнаментальный мотив «чешуи» – не вполне понятно.

2. Отдел платья, который приходится на *торс* ниже вытянутой правой руки. Для данной орнаментальной зоны характерен чешуйчатый орнамент, состоящий из остроконечных – в форме лепестка – элементов, заштрихованных вдоль. К этой зоне примыкает и, по всей видимости, образует с ней одно целое украшенный похожим орнаментом треугольный клин на юбке спереди, не достигающий до края подола.
3. Детали юбки, изображенные по сторонам клина и орнаментированные длинными продольными линиями. Справа – «назадник» из длинных полос, заканчивающихся крупными фестонами, слева – «двойной волан» с более мелкими фестонами по краю подола.
4. Рукава, драпированные поперечными складками.
5. Особую орнаментацию имеет также деталь, которую А. В. Бауло и М. Г. Крамаровский считают частью костюма изображенной на бляхе женщины – головным убором (платком, шапочкой, чепцом). Этот атрибут орнаментирован «в горошек» или точками, которыми, согласно М. Г. Крамаровскому, мог быть намечен бисер либо жемчуг. Убор скрывал волосы, хотя, как отметил А. В. Бауло, их полоска, обозначенная короткими косыми насечками, была видна надо лбом [1, с. 125; 2, с. 130]. Не исключено, однако, что косые насечки являются здесь, как и на левом рукаве (косе, по А. В. Бауло), только техническим «оттеняющим» приемом.

Изобразительные аналогии

В качестве соответствий некоторым орнаментальным мотивам А. В. Бауло привел чешуйчатый и точечный узор, украшающий одежду персонажа на фрагменте керамического сосуда X в. из Афрасиаба [1, с. 125]. Однако на иллюстрации в альбоме Г. А. Пугаченковой [5, с. 207], на которую ссылается исследователь, фрагмент показан не полностью. Судя по фотографическим воспроизведениям всего обломка [8, табл. LXXV, 2], на нем сохранилась передняя часть изображения сфинкса с женской головой в короне (рис. 2, 2).

Чешуйчатый орнамент, очевидно, передает волосы (прическу) этого фантастического существа, а черные точки (кружки) на красноватом фоне воспроизводят «леопардовый» окрас его шкуры. В этой связи следует отметить, что мотив чешуи использован для стилизации львиной гривы на двух найденных в Пермском крае серебряных блодах, датированных соответственно первой половиной VIII в. (?) (дер. Оношат) и концом IX–X в. (дер. Кудесева) [4, рис. 121, 197] (рис. 2, 3), а также на глазурованной керамике XI – начала XIII в. из городища Шамкир (Азербайджан) [9, рис. 22, 1]. Шкура фантастического животного на керамическом

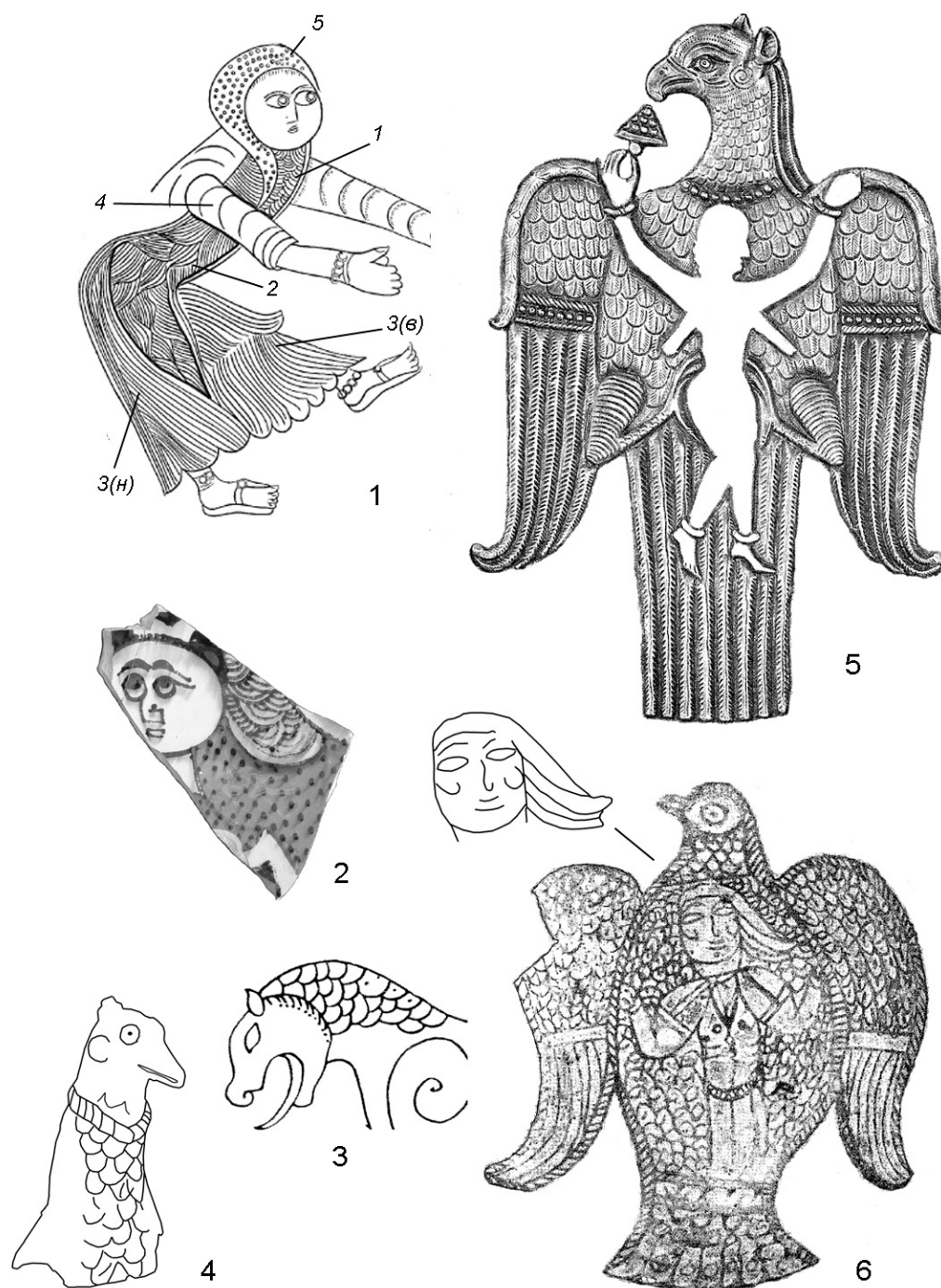

Рис. 2. Изображение женщины с кондинской бляхи (1) и аналогии ему в торевтике (3, 5) и керамике (2, 4, 6). 1 – р. Конда [1, рис. 26]; 2 – Афрасиаб (фотография предоставлена Самаркандским государственным музеем-заповедником); 3 – дер. Кудесева [4, рис. 121]; 4 – Бударч-Тепе [5, с. 119]; 5 – Эрмитаж [6, ил. 58 [22]¹]; 6 – Иран [7, рис. 1]

Fig. 2. Female image on the Konda plaque (1) and its analogies in toreutics (3, 5) and ceramics (2, 4, 6). 1 – the image on the Konda plaque [1, fig. 26]; 2 – an image from Afrasiyab (the photo was provided by the Samarkand State Museum-Reserve); 3 – an image from the village of Kudeseva [4, fig. 121]; 4 – an image from Budrach-Tepe [5, p. 119]; 5 – an image from the Hermitage Museum [6, fig. 58 [22]]; 6 – an image from Iran [7, fig. 1]

¹ Здесь и далее по тексту внутри цитирования в квадратных скобках расположен номер предмета в каталоге к указанной иллюстрации.

блюде IX в. из Афрасиаба декорирована кружками [8, табл. XLVI, 1]. Сходно с волосами и точечным орнаментом на торсе самаркандского сфинкса стилизована «грива» и пятнистый рисунок на шкуре фантастического гепарда, изображенного за спиной всадника на керамической миске из Тепе Медресе (Madraseh). Изделие относится к раннеисламскому периоду [10, p. 45, cat. 62a].

Что касается образа сфинкса с женской головой, то, по мнению исследователей, он был распространен в декоре торевтики и керамики Средней и Передней Азии с IX–X вв. по начало XIII в., особенно в XI–XII вв. [11, с. 8, 15, 249, 250]. Судя по положению передней конечности, предполагаемый сфинкс на фрагменте афрасиабской керамики мог быть изображен стоящим на задних лапах. В подобной позе, например, представлены парные – зеркально-симметричные – фигуры сфинксов на оборотной стороне бронзовых зеркал XI–XII вв. из городища Сайяд (Таджикистан) [5, с. 196], а также из коллекции Термезского археологического музея (Узбекистан) [11, ил. XXXV].

Приведенные соответствия деталям образа женского существа на керамическом обломке из Афрасиаба свидетельствуют, что чешуйчатый и точечный (кружковый) орнамент мог обозначать волосной покров животных.

Чешуйчатый узор под подбородком и, возможно, на груди женского персонажа с кондинской бляхи также находит аналогии в изображениях птиц. Так, мотив чешуи использован для передачи оперенья на шее и туловище терракотовой фигурки птицы из Бударч-Тепе, датированной VII в. [5, с. 119] (рис. 2, 4), птиц в декоре керамики IX–X вв. из Афрасиаба [8, табл. L, 1, 2] и XII – начала XIII в. из Шамкира [9, рис. 14, 1]. Причем на перечисленных образцах керамики чешуевидные перья птиц воспроизведены без стержня, в отличие от оперенья птиц на предметах торевтики.

Не только чешуйчатый орнамент, но и узор из точек или кружков применялся для стилизации перьевого покрова. В качестве примера можно привести изображения орла, терзающего газель, на сасанидской серебряной посуде – бутылки VI–VII вв. и блюдо VII–VIII вв. из Эрмитажа [6, ил. 97 [31], 115 [41]]. У орла на бутылки параллельными рядами точек переданы кроющие перья крыльев, тогда как перья туловища и голени – листовидные. У орла на блюде точками, нанесенными в определенном порядке, чаще образующими ряды, орнаментированы голова и голени обеих ног, а туловище покрыто ромбическими перьями. Рядами точек декорирована фигура фантастической птицы, несущей в когтях женщину, на золотых сосудах IX в. из клада у села Надь-Сент-Миклош [12, рис. 23, 3, 4, 24а, 1]. Точками здесь обозначены кроющие перья, в отличие от маховых

и рулевых. В этой связи обращает на себя внимание, что точечный узор на «головном уборе» женщины с кондинской бляхи также регулярный и многорядный.

Следует отметить, что точечный и чешуйчатый орнаментальные мотивы позднее использовались в изображениях птиц на золотоордынской кашинной керамике [13, табл. 25]. При этом Н. Ф. Лисова полагает, что в декор этой керамики через посредство султанабадской проникли некоторые сасанидские мотивы [13, с. 76].

В целом зональность декора одевания женщины с кондинской бляхи в определенной мере сопоставима с композицией стилизованного птичьего оперенья на некоторых изделиях сасанидской и согдийской торевтики, оказавшей влияние на художественный металл и керамику IX–XIII вв. ряда регионов Востока [11, с. 7]. Наибольшее соответствие обнаруживается при сравнении с изображением фантастической птицы, несущей женщину, на сасанидском серебряном блюде первой половины VII в., которое хранится в Эрмитаже [6, ил. 58 [22]] (рис. 2, 5). Рядами точек орнаментирована голова чудовищной птицы (ср. «головной убор» женщины, изображенной на кондинской бляхе). Шея и туловище птицы, так же как верхняя часть крыльев, покрыты чешуйчатым орнаментом, воспроизводящим кроющие перья (ср. отделы женского платья с чешуйчатым орнаментом). Длинные (рулевые) перья хвоста переданы полосками (ср. «назадник» женского одевания с его фестончатым краем), так же как маховые перья крыльев. Любопытно, что абрис крыльев со стилизованным крылышком (придаточным крылом) образует нечто вроде двойного волана (ср. аналогичную деталь юбки с фестонами). Голени ног птицы декорированы горизонтальными складками (ср. драпированный рукав три четверти). При этом неестественная для птицы позиция ног скорее напоминает положение согнутых в локтях человеческих рук. С другой стороны, четырехпалость ног женщины из медальона кондинской бляхи также могла ассоциироваться с птичьей природой этого персонажа.

Очевидно, что женщина, изображенная на кондинской бляхе, лишь облачена в «птичье» одевание, как в своего рода маскарадный костюм. Вероятно, «ряжение» объясняется демифологизацией древних фантастических образов, сопровождающейся трансформацией этих образов в фольклорно-сказочные и отобразившейся в декоративном искусстве IX–XIII вв. разных регионов Востока [11, с. 7, 11, 15, 18–20]. Яркими примерами подобных сказочных персонажей в декоре керамики раннеисламского периода из Северного Ирана могут служить быкоголовый человек (Горган, IX в., Национальный музей Ирана²), рогоголовый мужской персонаж (Нишапур, X в., Anavian Gallery³) и, возможно, также производный образ –

² Ceramic bowl decorated with slip beneath a transparent glaze and designed by anthropic figure with bull head Golestan, Gorgan 9th century CE, Early Islamic period. Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/File:Ceramic_bowl_decorated_with_slip_beneath_a_transparent_glaze_and_designed_by_anthropic_figure_with_bull_head_Golestan,_Gorgan_9th_century_CE,_Early_Islamic_period.jpg (дата обращения: 02.04.2020).

³ Bowl with a man with crescent horns in place of a head, c. 10th Century, Samanid Nishapur, Iran. Anavian Gallery 5320. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-Man_with_crescent_horns_in_place_of_a_head-Anavian_Gallery.htm (дата обращения: 02.04.2020).

музыкант в рогатом головном уборе (Нишапур, X в., Nelson Atkins Museum⁴).

Другого рода пример демифологизации, на наш взгляд, являет собой изображение птицы с человеком на глазурованной иранской чаше XI–XII вв. [7, рис. 1] (рис. 2, 6). В качестве иконографической аналогии изображению исследователи приводят центральных персонажей сцены на рассмотренном выше серебряном блюде из Эрмитажа [7, с. 126]. Однако хищная птица на сасанидском образце имеет величественный вид, соответствующий серьезности мифа, тогда как облик птицы, изображенной на керамической чаше, «обычный» и «нестрашный», и, хотя этот орнитоморфный персонаж определяется исследователями как орел, он больше напоминает голубя. Человеческий персонаж в сцене на чаше, по сравнению с женщиной, показанной на блюде, очевидно, связан с обыденным миром. Возможно, условность сказочного вымысла позволила художнику особо не задумываться о передаче способа транспортировки человека птицей, во всяком случае, ноги у птицы не прорисованы, так же как и у человека. Может быть человек изображен держащимся (неестественным образом) обеими руками за птичье оперенье? Хотя не исключено и иное толкование, о котором речь пойдет ниже.

Не останавливаясь на проблеме интерпретации сюжета, который отображен на глазурованной чаше, отметим лишь, что одни авторы видят в изображенной на туловище птицы человеческой фигуре мужчину, другие – женщину [7, с. 126, 129]. Если согласиться с толкованием персонажа как женского, то особый интерес представляет прическа – распущенные и перекинутые на одну сторону пряди недлинных волос. Развевающиеся пряди имеют плавный изгиб и этим напоминают спускающуюся на грудь (тоже с одной стороны) изогнутую деталь головного убора женщины с кондинской бляхи. Хотя, по мнению Н. Ю. Вишневецкой, женский персонаж, «вписанный» в овал туловища птицы на иранской чаше, показан не простоволосым, а в головном уборе наподобие короткого платка со складками. В подтверждение своего предположения исследовательница указывает на такую деталь, как «завитки волос на щеках» [7, с. 129]. Однако заметим, что в «прототипической» сцене на сасанидском блюде женщина, которую держит в когтях птица, изображена без головного убора, со сложной прической, заканчивающейся двумя парами длинных прядей. С прядями женских волос сходны две недлинные пряди, свисающие с затылка повернутой в профиль головы птицы. При этом к уху фантастической птицы примыкает завиток.

Хотя иногда возникает проблема идентификации женских образов в декоре керамики раннеисламского периода, женский головной убор, как правило, не отличается тем, что закрывает волосы полностью. Он может представлять собой невысокую шапочку на макушке наподобие

тубетейки, как у красавиц, нарисованных на фрагменте блюда XII–XIII вв. из Машади-Месториан (Туркмения) [5, с. 156]. Головной убор может быть не детализирован, как, например, у лютнистки, изображенной на обломке миски X в. из Восточного Ирана [14, р. 241, cat. Gf. 1] или у знатной женщины в сцене на блюде начала XIII в. из Кашана (Иран), хранящемся в бостонском Музее Изабеллы Стюарт Гарднер⁵.

Ввиду приведенных аналогий украшенная точками деталь на голове женщины с кондинской бляхи могла быть изображением как головного убора, символизирующего перьевой покров на птичьей голове, так и волос женщины-птицы.

Представляется, что в пользу предположенного нами соответствия костюма женщины с кондинской бляхи «птичьему одеянию» свидетельствуют некоторые другие женские изображения на средневековой поливной керамике.

Так, на миске XIII–XIV вв., которая относится к категории султанабадской керамики и, возможно, происходит из Кашана (Иран), изображена крылатая человеческая фигура, по мнению О. Уотсона, сидящая на корточках или бегущая [14, р. 378, cat. Q. 5]. На голове этого антропоморфного существа показан головной убор с округлым вырезом для лица и длинными краями, прикрывающими плечи. Он похож на основу таких традиционных женских головных уборов, как казахский кимешек или киргизский элечек. Существенно, что головной убор крылатого персонажа декорирован волнистым орнаментом, подобным стилизованной чешуе. Аналогичным приемом изображено оперение на шее и туловище птиц на крышке сосуда XII–XIII вв. или на миске XII в. из Ирана [14, р. 262, cat. Ib. 3, р. 267, cat. Id. 2]. Одежда, напоминающая свободный комбинезон, орнаментирована точками; обувь не показана. Такие признаки, как «луноликость» персонажа, полностью скрывающий волосы головной убор, а также тяжелые бедра, позволяют предполагать женское изображение.

Тем более что это крылатое существо имеет иконографическое сходство с женскими крылатыми персонажами миниатюры из «Дивана» Хафиза, датированной около 1600 г. и изображающей двор царя Соломона [15]. Тела крылатых дев на миниатюре покрыты перьями удлинённой формы с прорисованным стержнем, сочетающимися по принципу чешуи. От перьев свободны лишь голова с шеей, кисти рук до запястья и босые стопы до щиколотки. В отличие от персонажа с султанабадской керамики птице-девы на миниатюре простоволосы, у них довольно короткие – едва ниже плеч – свободно распущенные волосы. Зато сходно положение рук сравниваемых персонажей, которое несколько напоминает «стыдливый жест Венеры».

Следует отметить, что мотив чешуи мог использоваться и для украшения одежды «обыкновенного» человека, например упомянутой выше лютнистки. Ее нераспашная

⁴ Plate with depiction of an armoured? musician, 10th Century, Nishapur, Iran. The Nelson Atkins Museum of Art, Kansas City. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_plate-Nelson.htm (дата обращения: 02.04.2020).

⁵ Isabella Stewart Gardner Museum. Режим доступа: <https://www.gardnermuseum.org/experience/collection/11675> (дата обращения: 04.04.2020).

плечевая одежда (платье) с закрытым воротом и длинными рукавами сплошь покрыта чешуйчатым орнаментом. При этом полукруглые чешуи на груди расположены обычно, а на рукавах и юбке перевернуты [14, р. 241, cat. Gf. 1].

Кроме аналогий мотивам декора платья женщины с кондинской бляхи обнаруживаются определенные изобразительные соответствия зональности орнамента. Речь идет об одежде человеческих персонажей, которые запечатлены на двух образцах византийской керамики, изготовленной в Пафосе (Кипр). Одно из изделий – глазурованная миска первой половины XIII в. с изображением, выполненным в технике сграффито, из музея Бенаки (Benaki) в Афинах⁶. На миске изображена фигура танцующего с кастаньетами человека, вероятно, женщины. Одежда босоногой танцовщицы состоит из кофты с длинными рукавами, декорированной горизонтальными рядами удлинённых стилизованных чешуек, и расклешенной юбки с поясом, орнаментированной вертикальными полосами. Голову окружает «шапка» из завитков коротких волос. Черты лица стилизованы, глаза большие и круглые. На руке, обращенной к зрителю, показаны четыре пальца.

В подобный же костюм, отличающийся деталями орнамента – наклонным расположением рядов «перевернутых» чешуек на кофте и декорированными (через одну) полосами на юбке, облачен (женский?) персонаж на фрагменте пафосского глазурованного блюда [16, fig. 9]. По сторонам головы показаны две пряди недлинных волос с завитками. Концы прядей рогообразно загнуты в одном направлении, что в сочетании с разлетающейся юбкой создает эффект (танцевального?) движения.

У танцовщицы на блюде из Алутона (Крым) [17, табл. 1, 1] похожее одеяние, за исключением того, что рукава заканчиваются длинными треугольными клиньями, напоминающими крылья. Прическа – короткие кудрявые волосы, голову венчает «корона». Характерно, что у танцовщицы с алутонского блюда так же, как у двух описанных выше персонажей декора византийской керамики (и кондинской бляхи!), не обозначена женская грудь.

Возможно, некоторое сходство одежды женских персонажей на византийской керамики с одеянием женщины, изображенной на кондинской бляхе, неслучайно ввиду признаваемого специалистами факта восточных влияний на византийскую керамику IX–XV вв. [18, с. 146].

Хотя приведенные в статье изобразительные соответствия женскому персонажу сцены на кондинской бляхе имеют широкий хронологический и территориальный разброс, очевидно, что речь идет об общих и сквозных мотивах в искусстве рассматриваемых регионов. Заметим, что в качестве синхронных или близких по времени аналогий неоднократно привлекались изображения на иранской и, в частности, нишапурской керамике.

В декоре иранской керамики раннемусульманского периода можно обнаружить элементы сходства с деталями мужского образа, воспроизведенного на кондинской бляхе, например сапоги с продольным швом на боку. А. В. Бауло и М. Г. Крамаровский справедливо отметили аналогичную реалию мужских персонажей, изображенных на изделиях торевтики, найденных в Приобье [1, с. 125; 2, с. 129]. Однако в подобные сапоги с боковым швом, раздваивающимся примерно на уровне голеностопного сустава, обут молодой всадник на блюде X в. из Нишапура, которое хранится в лондонском музее Виктории и Альберта⁷.

На нишапурской керамике чаще изображались сапоги с продольным боковым швом, не раздваивающимся внизу. Такие сапоги, кстати, показаны на ногах пирующих купцов в стенной росписи помещения XVI/10 Пенджикента, датирующейся концом VII – началом VIII в. [19, с. 38]. М. Г. Крамаровский сравнил манеру сидения персонажей пенджикентской росписи и кондинской бляхи [2, с. 129]. Между тем сравниваемые персонажи сидят не совсем одинаково. У сидящих по-восточному купцов с росписи правая нога находится впереди левой, а у мужчины из сцены на кондинской бляхе – наоборот. Тогда как на нишапурском блюде X в. из Нельсон-Аткинс музея в Канзас-Сити играющий на лютне мужчина, обутый в сапоги с продольным боковым швом, сидит по-восточному, положив левую ногу перед правой⁸. Такая же позиция ног встречается и у некоторых других персонажей нишапурской керамики VIII–X вв.⁹, а также сельджукской керамики IX–XV вв.¹⁰

Что касается декора халата мужчины из сцены на кондинской бляхе, то А. В. Бауло и М. Г. Крамаровский, вслед за Б. И. Маршаком, характеризуют трехкружковый мотив как «мотив шкуры леопарда» [1, с. 125; 2, с. 129]. При этом А. В. Бауло приводит высказывание Б. И. Маршака о том, что такой мотив был известен в среднеазиатской торевтике IX–X вв. [1, с. 125; 20, с. 117]. По всей видимости, он был заимствован из позднеасанидской торевтики, которая,

⁶ National Gallery of Art. Режим доступа: <https://www.nga.gov/content/dam/ngaweb/features/slideshows/byzantium/byzantineceramics/3514-010.jpg> (дата обращения: 03.02.2020).

⁷ Bowl with horseman, 10th Century, Nishapur, Iran. Victoria and Albert Museum. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-C294-1987.htm (дата обращения: 10.06.2020).

⁸ Plate with depiction of an armoured...

⁹ Bowl with a seated figure, 9th–10th century, Nishapur, Eastern Persia. Linden Museum, Stuttgart, Germany, DSC03869. Режим доступа: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/b/b2/Bowl%2C_Iran%2C_Nishapur%2C_9th-10th_century_AD%2C_ceramic_-_Linden-Museum_-_Stuttgart%2C_Germany_-_DSC03869.jpg (дата обращения: 10.06.2020); Bowl with a Drinker, 8th–9th Century, Nishapur, Iran. Metropolitan Museum of Art, New York. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-Metmuseum-40-170-14.htm (дата обращения: 12.05.2020); Bowl with Seated Figure, 10th Century, Samanid Nishapur, Persia. Khalili Collection POT 389. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-Seated_figure-Khalili_Collection_POT_389.htm (дата обращения: 10.06.2020).

¹⁰ Fragment of a Bowl. 12th–13th century. Режим доступа: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/447199> (дата обращения: 21.06.2020).

по мнению исследователей, послужила образцом для ранне-исламских мастеров при создании фигуративных изображений. В сасанидском серебре [6, ил. 21 [10], 30 [15], 86 [28]] этот мотив использовался преимущественно для украшения одежды героических персонажей. В сцене же пешей охоты Шапура III на леопарда (III в.) шкура хищника орнаментирована крупными кружками [6, ил. 11 [4]], но на серебряном блюде V–VI вв. трехкружковый орнамент украшает и шкуру леопарда, и поясную одежду Диониса [4, рис. 264]. В более поздней восточной тюркестике трехкружковый мотив в основном встречается в декоре одежды людей и шкур животных. Так, на блюде IX–X вв. с изображениями христианских сюжетов, происходящем из Семиречья, трехкружковый орнамент украшает шкуры кошачьих хищников со стилизованными гривами, но также используется в декоре одежды [4, рис. 207, 208]; на блюде, предположительно созданном в Северном Иране, – шкуры терзаемого фантастическим зверем оленя и охотничьей собаки [4, рис. 130]; на чаше с оз. Нанто, которую Б. И. Маршак определил как венгерское изделие IX в., – халат вооруженного всадника [20, с. 116]. Очевидно, что в тюркестике рубежа I–II тысячелетий трехкружковый мотив соотносится с декором как рукотворного «покрова» человеческого тела – одежды, так и естественного волосяного покрова животных – шкуры, впрочем без смысловой ассоциации с рисунком на шкуре леопарда.

Трехкружковый мотив встречается в декоре одежды персонажей на сельджукской керамике, что демонстрирует фрагмент миски XII–XIII вв. из Метрополитен-музея¹¹. На доступных автору данной статьи репродукциях нишапурской керамики такой мотив не фиксируется. Однако здесь отмечается одновременное использование одинаковых орнаментальных мотивов для передачи человеческой одежды и волосяного покрова животных или волосяного покрова животных и перьевого покрова птиц и т. д. Например, на миске X–XI вв. (Музей искусства в Хантингтоне) передняя половина туловища парнокопытного животного с лировидными рогами и крыло птицы одинаково декорированы чешуйчатым орнаментом¹². На миске X в. (Детройтский институт искусств) орнамент из рядов х-образных элементов покрывает одежду воина, его щит и туловища двух птиц¹³. Равно как на султанабадской керамике конца XIII–XIV в. точками декорировано одеяние уже упоминавшегося женского (?) крылатого существа; верх головного убора и халат мужчины, кстати – обутого в сапоги с продольным боковым швом; шкура кошачьего хищника (по предположению О. Уотсона, леопарда); шкуры оленей; оперенье птицы [14, р. 378–380, 383, 387].

Возвращаясь к сцене, изображенной на кондинской бляхе, следует отметить, что в отличие от декора мужского

халата – «универсального» и основанного на ритмичном повторении единственного несложного мотива, орнаментика женской одежды не только сложна, но и структурирована. Хотя отдельные орнаментальные мотивы могли использоваться в декоре фигур разных существ, сочетание мотивов, подобное зафиксированному в орнаментике одежды женского персонажа, встречается только в изображениях птиц.

Мотив завладения птичьим одеянием пери в фольклоре и литературе

Характеризуя образ пери в вербальном творчестве средневекового Ирана, П. В. Башарин отмечает: «В классической персидской литературе, начиная с *Шāх-нāма*, особенно в фольклоре, пери становятся прекрасными девами-волшебницами, способными обернуться любым животным, перемещающимися по воздуху» [21, с. 54]. Хотя в поэме Фирдоуси *Шахнаме* (X в.) можно найти свидетельства неоднозначного отношения к пери, в общем преобладает представление о пери как об олицетворении красоты. При этом уподобляются пери красотой не только девы, но и витязи, и даже младенец Сиавуш [22, с. 25: 533–534, с. 193: 5942; 23, с. 101: 3109–3110]. Собственно пери упоминается в иносказательном ответе Бижена Афрасиабу. Бижен, схваченный в покоях царевны Мениже, оправдывается тем, что спящим был доставлен туда злокозненной пери. Образ мнимой пери не конкретизирован, упомянуты лишь распростертые крылья и стремительность передвижения («вихря быстрей») [24, с. 130: 3995, 3997]. Примечательно, что Афрасиаб счел рассказ Бижена небылицей и сном.

Между тем в электронном аналитическом каталоге фольклорно-мифологических мотивов Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина приводится, со ссылкой на В. А. Клустона (Clouston), пример существования мотива K25 «Небесная жена» в *Шахнаме*. Бахрам-Гур, унесенный Белым Дивом на гору Каф, «видит четырех больших (размером с овцу) голубок изумрудного цвета; пери вышли из тел голубок, сняли одежду, стали купаться в озере; похищает одежду младшей», которая становится его женой, и брак с которой оказывается счастливым [25].

Если пери, добытая в жены Бахрам-Гуром, была способна летать лишь забравшись в тело огромной птицы, то в других версиях пери летают с помощью одежды из перьев, как, например, в сказках из «Тысячи и одной ночи» и иных фольклорных произведениях, согласно аналитическому каталогу Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина [25]. Добавим, что Э. Шефер упоминает о «персидском предании о Бахрам-Гуре, который похитил голубиное одеяние пери» [26, с. 156].

¹¹ Там же.

¹² Bowl. 10th–11th century Режим доступа: <https://artsandculture.google.com/asset/bowl-unknown-maker/yAF4k46T5SGayw?hl=ru> (дата обращения: 13.06.2020).

¹³ Bowl with a Warrior with Sword and Shield, 10th Century, Nishapur, Iran. Detroit Institute of Art. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-Detroit_Institute_of_Art-1990_297.htm (дата обращения: 10.06.2020).

В отличие от героев фольклора, тайком завладевавших одеждой пери, чтобы заполучить эту прекрасную деву в жены, пастух Конур-Коджа-Сары-чобан – персонаж огузского героического эпоса Китаб-и дэдэм Коркут, прибежит к насилию. Пастух увидел возле источника пери, которые летали, сплетаясь крыльями. Он бросил в птице-дев свой плащ и поймал одну, после чего, «почувствовав вожделение, ... тотчас совокупился с ней» [27, с. 77]. От этой связи родился чудовищный одноглазый Депе-Гёз, который погубил бы огузов, не убей его Бисат.

Сюжет кондинской бляхи. В случае если идентификация женского персонажа сцены на кондинской бляхе с пери (птице-девой) верна, то отображенный здесь сюжет ближе к рассмотренному эпизоду из Китаб-и дэдэм Коркут. В. М. Жирмунский отмечал «архаический характер» сказания о Бисате и Депе-Гёзе, в том числе и эпизода о чудесном рождении циклопа, и писал, что существование этого сказания засвидетельствовано еще в начале XIV в. Абу-Бекром [27, с. 214].

Другие возможные изображения пери. По поводу образа птицы с человеческой головой в тюркитике IX–XV вв. из Центральной Азии и Азербайджана А. Хакимов заметил, что Э. Грубе (Grube) обозначает такие изображения на керамике термином «пери», и привел комментарий Е. Баэр (Baer): «в армянском языке этот образ именуется барик (barik), что является трансформированным пехлевийским пайрик (parik) или персидским пери (peri)» [11, с. 18].

В связи с цитированным эпизодом рассказа о Бахрам-Гуре и пери можно допустить, что в рассмотренной выше композиции «птица с человеком» на иранской глазурованной чаше XI–XII вв. (рис. 2, 5) изображена пери, появляющаяся из туловища птицы (голубя?). Возможно, поэтому у обоих персонажей сцены не показаны ноги. Или, рассуждая иначе, пери здесь представлена одновременно в двух ипостасях – орнито- и антропоморфном.

Изображением (летающей?) пери могло быть также описанное выше крылатое существо в декоре миски XIII–XIV вв. из Кашана [14, р. 378].

Поскольку в Шахнаме встречается сравнение музыкантов, певиц и танцовщиц с пери [24, с. 122: 3749–3750, с. 411: 13231–13232], то с этим образом, возможно, соотносится играющая на лютне (руде) женщина в одежде с чешуйчатым орнаментом, которая изображена на миске X в. из Восточного Ирана [14, р. 241]. Образу пери соответствуют танцовщицы с византийской керамики XII – первой половины XIII в., одежда которых несколько напоминает «птичье» одеяние женского персонажа кондинской бляхи.

Не исключено, что изображались и пери мужского пола. Так, на миске X в. из Нишапура (Коллекция Давида, Копенгаген) изображен бородатый всадник в чешуйчатом

допехе, чешуи которого стилизованы под птичьи перья – на них обозначен стержень¹⁴. В этой связи возникает аналогия с уподоблением пери витязей в Шахнаме [24, с. 124: 3803, с. 247: 7847–7848]. С другой стороны, среди персонажей иранской сказки «Семь приключений Хатема» встречаются пери-мужчины, например (в седьмом приключении) воины-пери и возглавляющий их «прекрасноликий юноша-пери» по имени Афрас. Воины шаха Афраса характеризуются в сказке то как крылатые, т. е. летающие существа (из-за гнева Всевышнего у них «из крыльев выпадали все перья»), то как всадники¹⁵. Возможно, фольклорное представление о существовании пери обоего пола нашло отражение на миниатюре XVI в. из «Дивана» Хафиза в образах «пернатых» ангелов, стоящих возле трона царя Соломона (Сулеймана). Тем более что иконографически близкий образ крылатого существа засвидетельствован еще в султанабадской керамике XIII–XIV вв.

Заключение

Своеобразный сюжет сцены в медальоне бляхи с р. Конда и необычный облик женского персонажа представляют загадку для исследователей. Все же «ключом» к предложенному в статье толкованию сюжета послужил именно женский персонаж, и не столько позиция застывшей в выразительном движении фигуры, сколько одежда. Узор из частых линий, местами напоминающий рисунок кауна-кеса – «одежды из длинношерстного меха», известной по изобразительным памятникам Шумера и Маргианы, наводит на мысль об имитации волосяного покрова животных. Однако соответствие зональной структуре декора одежды женщины с кондинской бляхи было выявлено в изображениях орнитоморфных персонажей восточной тюркитики. «Птичье» одеяние женщины, а также характер взаимодействия участников сцены в медальоне кондинской бляхи позволили связать сюжет изображения с фольклорным мотивом завладения одеждой пери ради брака с ней. Несмотря на привлеченный для обоснования гипотезы обширный изобразительный материал, использованные данные литературы и фольклора, автор не считает, что иное объяснение сюжета и женского образа невозможно.

Благодарности

Автор выражает признательность А. В. Бауло за предоставленные иллюстративные материалы и согласие использовать их в публикации.

Автор благодарит Самаркандский государственный музей-заповедник за любезно предоставленную фотографию артефакта и позволение ее опубликовать.

¹⁴ Bowl with rider, Nishapur, 10th Century. David Collection Museum, Copenhagen. Режим доступа: http://warfare.tk/6-10/Nishapur_bowl-David_Collection-25-1968.htm (дата обращения: 10.06.2020).

¹⁵ Семь приключений Хатема // Сказки народов мира. Режим доступа: <http://skazka.mifolog.ru/books/item/f00/s00/z0000027/st002.shtml> (дата обращения: 15.06.2020).

Литература

1. Бауло А. В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 123–128.
2. Крамаровский М. Г. Новое в иконографии урало-сибирского серебра IX–X веков // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4. С. 129–133.
3. Ермоленко Л. Н. К вопросу о сюжете изображения на кондинской бляхе // V Северный археологический конгресс. (Ханты-Мансийск, 11–14 декабря 2019 г.) Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Альфа-принт, 2019. С. 369–371.
4. Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.
5. Пугаченкова Г. А. Шедевры Средней Азии. Ташкент: Изд-во л-ры и иск-ва им. Гафура Гуляма, 1986. 220 с.
6. Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. М.: Искусство, 1987. 256 с.
7. Вишневская Н. Ю. Доисламские корни композиции на иранской глазурованной чаше XI–XII вв. // От палеолита до средневековья / отв. ред. В. Л. Егоров. М.: Ист. фак. МГУ, 2011. С. 126–129.
8. Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.). Ташкент: Фан, 1979. 163 с.
9. Достиев Т. М. Поливная керамика средневекового города Шамкир // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / под ред. С. Г. Бочарова, В. Франсуа, А. Г. Ситдикова. Казань: Б. и.; Кишинев: Stratum plus, 2017. Т. 2. С. 639–674.
10. Wilkinson C. Nishapur: pottery of early Islamic period. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1973. 374 p.
11. Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика / научн. ред. К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканда: МИЦАИ; Ташкент: SMI-ASIA, 2012. 296 с.
12. Флёрова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры, 2001. 159 с.
13. Лисова Н. Ф. Орнамент глазурованной посуды золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2012. 184 с.
14. Watson O. Ceramics from Islamic Lands. London: Thames & Hudson, 2004. 512 p.
15. Башарин П. Главные школы исламской книжной живописи. Как смотреть миниатюры разных эпох и понимать их скрытый смысл // Arzamas. Режим доступа: <https://arzamas.academy/materials/1628> (дата обращения: 15.06.2020).
16. Stern E. J. The Paphos glazed wares: distribution and consumption in the Latin Kingdom of Jerusalem // Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives, eds. Papanikola-Bakirtzi D., Coureas N. Nicosia: The Cyprus Research Centre and the A. G. Leventis Foundation, 2014. P. 61–76.
17. Крамаровский М. Г. Византийская и сельджукская керамика сграффито с темой вина и веселья конца XII – первой половины XIV в. (по материалам Крыма и Черноморского побережья Болгарии) // Античная древность и средние века. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 2000. Вып. 31. С. 233–250.
18. Арутюнян Ю. И. Интерпретация восточных влияний в византийской керамике IX–XV вв. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 2. С. 146–150. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-2-146-150
19. Маршак Б. И. Искусство Согда. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 63 с.
20. Сокровища Приобья / ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. СПб.: Формика, 1996. 227 с.
21. Башарин П. В. «Сакральные войны» в рамках мусульманской демонологии // Pax Islamica. 2009. № 2. С. 45–62.
22. Фирдоуси. Шахнаме. М.: Ладомир-Наука, 1993. Т. 1. 675 с.
23. Фирдоуси. Шахнаме. М.: Ладомир-Наука, 1994. Т. 2. 643 с.
24. Фирдоуси. Шахнаме. М.: Ладомир-Наука, 1994. Т. 3. 591 с.
25. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. Аналитический каталог. Режим доступа: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 21.06.2020).
26. Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М.: Наука, 1981. 608 с.
27. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / пер. акад. В. В. Бартольда; изд. подгот. В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 299 с.

Interpreting the Image on the Konda Plaque

Lyubov N. Ermolenko ^{a, @}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

[@] lyubov.ermolenko@mail.ru

Received 29.06.2020. Accepted 23.07.2020.

Abstract: The research featured the authentic composition on a IX–XX century plaque found near the Konda River. The article focuses on some ambiguous details of the image. For instance, the decoration of the female figure's clothing is made up of several zones. Its motifs include scales and dots, which are known to represent animal hair in metalwork and ceramics. In general, the image revealed a certain parallelism in the ornamentation of human clothing, animal hair, and bird plumage. The author established a clear correlation between the zoning and motifs of the female dress and the stylized plumage of ornithomorphic creatures in Oriental toreutics. Therefore, the clothes the male character is trying to take off the woman may symbolize avian plumage. The author interpreted the plot depicted on the Konda plaque as the motif of stealing the avian gown of the peri, a mythical creature of medieval Asian folklore. According to legends, the hero had to steal peri's clothes to marry her. Thus, the image of peri, which was popular in verbal folklore, proved to be quite common in visual art as well, in particular, in early Islamic art.

Keywords: medieval art, toreutics, glazed ceramics, ornamental motifs, folklore, peri

For citation: Ermolenko L. N. Interpreting the Image on the Konda Plaque. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 607–617. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-607-617>

References

1. Baulo A. V. Without a face: a silver plaque from the eastern slopes of the Urals. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2013, (4): 123–128. (In Russ.)
2. Kramarovskiy M. G. New elements in the iconography of the 9th–10th century Ural-Siberian silver. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*, 2013, (4): 129–133. (In Russ.)
3. Ermolenko L. N. A motif of the Konda plaque image. *V Northern Archaeological Congress*, Khanty-Mansiysk, December 11–14, 2019. Ekaterinburg-Khanty-Mansiysk: Alfa-print, 2019, 369–371. (In Russ.)
4. Marshak B. I. *History of Oriental toreutics of the 3rd–13th centuries and problems of cultural continuity*. St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kultury, 2017, 736. (In Russ.)
5. Pugachenkova G. A. *Masterpieces of Central Asia*. Tashkent: Izd-vo I-ry i isk-va im. Gafura Guliyama, 1986, 220. (In Russ.)
6. Trever K. V., Lukonin V. G. *Sasanian silver*. Moscow: Iskustvo, 1987, 256. (In Russ.)
7. Vishnevskaya N. Iu. Pre-Islamic roots of the composition on the Iranian glazed bowl of the XI–XII centuries. *From the Paleolithic to the Middle Ages*, ed. Egorov V. L. Moscow: Ist. fak. MGU, 2011, 126–129. (In Russ.)
8. Shishkina G. V. *Glazed ceramics of Sogd (the second half of the VIII – early XIII century)*. Tashkent: Fan, 1979, 163. (In Russ.)
9. Dostiyev T. M. Glazed ceramics of medieval Semkir city. *Stratum. Glazed pottery of the Mediterranean and the Black Sea Region, 10th–18th centuries*, eds. Bocharov S. G., François V., Sitdikov A. G. Kazan; Kishinev: Stratum plus, 2017, vol. 2, 639–674. (In Russ.)
10. Wilkinson C. *Nishapur: pottery of early Islamic period*. N. Y.: The Metropolitan Museum of Art, 1973, 374.
11. *The artistic culture of Central Asia and Azerbaijan in the IX–XV centuries. Vol. III. Toreutics*, eds. Baypakov K., Pidaev Sh., Khakimov A. Samarkand: MITsAI; Tashkent: SMI-ASIA, 2012, 296. (In Russ.)
12. Flerova V. E. *The images and topics of Khazarian mythology*. Moscow: Mosty kultury, 2001, 159. (In Russ.)
13. Lisova N. F. *Ornament of glazed tableware of the Golden Horde towns in the Lower Volga region*. Kazan: Institut istorii AN RT, 2012, 184. (In Russ.)
14. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands*. London: Thames & Hudson, 2004, 512.
15. Basharin P. *The main schools of Islamic book painting. How to view miniatures of different periods and understand their hidden meaning*. Available at: <https://arzamas.academy/materials/1628> (accessed 15.06.2020). (In Russ.)
16. Stern E. J. The Paphos glazed wares: distribution and consumption in the Latin Kingdom of Jerusalem. *Cypriot Medieval Ceramics. Reconsiderations and New Perspectives*, eds. Papanikola-Bakirtzi D., Coureas N. Nicosia: The Cyprus Research Centre and the A. G. Leventis Foundation, 2014, 61–76.

17. Kramarovsky M. G. Byzantine and Seljuk ceramics with graffiti featuring the subjects of wine and fun of the late XII – the first half of the XIV century (based on the materials of the Crimea and the Bulgarian Black Sea littoral). *Antiquity and the Middle Ages*. Ekaterinburg: Ural. gos. un-t, 2000, iss. 31, 233–250. (In Russ.)
18. Arutyunyan Yu. I. Eastern influences in Byzantine ceramics of 9th–15th centuries. *Bulletin of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2019, (2): 146–150. (In Russ.) DOI: 10.30725/2619-0303-2019-2-146-150
19. Marshak B. I. *The art of Sogd*. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2009, 63. (In Russ.)
20. *Treasures of the Ob river region*, eds. Marshak B., Kramarovsky M. St. Petersburg: Formika, 1996, 227. (In Russ.)
21. Basharin P. V. "Sacred wars" in the field of Muslim demonology. *Pax Islamica*, 2009, (2): 45–62. (In Russ.)
22. Firdousi. *Shahnameh*. Moscow: Lodomir-Nauka, 1993, vol. 1, 675. (In Russ.)
23. Firdousi. *Shahnameh*. Moscow: Lodomir-Nauka, 1994, vol. 2, 643. (In Russ.)
24. Firdousi. *Shahnameh*. Moscow: Lodomir-Nauka, 1994, vol. 3, 591. (In Russ.)
25. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of motifs. Analytical catalog*. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed: 21.06.2020). (In Russ.)
26. Schafer E. *Golden peaches of Samarkand*. Moscow: Nauka, 1981, 608. (In Russ.)
27. *The book of my grandfather Korkut. Oguz heroic epic*, tr. Bartold V. V., prepared by Zhirmunsky V. M., Kononov A. N. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962, 299. (In Russ.)

Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3

Александр А. Казаков^{a, @, ID}

^a Барнаульский юридический институт МВД Российской Федерации, Россия, г. Барнаул

@ kaa-2862@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

Поступила в редакцию 05.06.2020. Принята к печати 06.07.2020.

Аннотация: Публикуются материалы фоминского этапа кулайской культуры с памятника Иткульского микрорайона, находящегося в лесостепном Алтае. Дается подробное описание памятника и раскопа. На памятнике исследована площадь в 320 м². Раскопом выявлены жилище (полуземлянка с площадью котлована 25 м² и выходом коридорного типа), хозяйственная постройка и другие конструкции. Исследована линия ров-вал. На основании полученных материалов (керамический комплекс, панцирная пластина) с привлечением естественно-научных методов произведена культурно-хронологическая интерпретация публикуемого комплекса. Памятник датирован концом III – первой половиной IV в. и отнесен к фоминскому этапу кулайской культуры. Статья снабжена иллюстрациями, в которые включены все артефакты этого комплекса, за исключением фрагментов керамики без орнамента. Материалы публикуются впервые. Введение в научный оборот представленного комплекса позволяет значительно дополнить источниковую базу по изучению древней истории лесостепного Алтая первой половины I тысячелетия. Учитывая, что комплекс представляет артефакты без культурноинородных хронологически близких примесей, его материалы представляют особую ценность для решения дискуссионной проблемы о выделении комплексов фоминского этапа и их культуромаркирующих признаков, что достаточно актуально не только для лесостепного Алтая, но и для сопредельных территорий, на которых имеются аналогичные культурно-хронологически идентичные комплексы (Новосибирская и Кемеровская области).

Ключевые слова: лесостепной Алтай, первое тысячелетие, керамика, хронология, жилище, атрибутика

Для цитирования: Казаков А. А. Комплекс фоминского этапа кулайской культуры городища Городище 3 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 618–625. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

Введение

Городище 3 является одним из памятников Иткульского микрорайона, одного из самых известных на территории Алтайского края. За более чем 110-летнюю историю его исследования различными учеными на территории этого микрорайона, включающего берега озер Большой и Малый Иткуль, исток р. Чемровка до с. Комарово, выявлено порядка 56 памятников археологии, датирующихся от эпохи неолита до позднего Средневековья. Несмотря на то, что памятники этого микрорайона достаточно полно освещены в научной литературе и имеют объемную историографию [1], пока еще нет работы, в которой были бы собраны воедино все имеющиеся по этому микрорайону сведения, проанализированы последовательно сменяющиеся культурно-хронологические группы памятников, проведено комплексное исследование имеющегося материала с применением естественнонаучных методов. Опыт работы великолепного методолога М. П. Грязнова с подобным локальным комплексом памятников в урочище Ближние Елбаны наглядно демонстрирует преимущества подобного комплексного подхода [2].

Не учитывая отсутствия подобного глобального исследования, далеко не все материалы этого комплекса введены

в научный оборот. Таким памятником, сведения о котором уже имеются в научной литературе, но материалы которого до сих пор не опубликованы, является городище Городище 3 [1; 3; 4].

Памятник расположен на залесенной террасе южного берега оз. Большой Иткуль, в 1,9 км к востоку-юго-востоку от заброшенного пионерского лагеря «Бригантина» и в 1,4 км к юго-западу от западной окраины с. Вершинино, в Зональном районе Алтайского края. Открыт Б. Х. Кадиковым в 1955–1958 гг. в результате проводимых им работ по археологическому обследованию озер. Урочище местными называется «крути» или «городища». Это связано с хорошо выраженными в рельефе рвами и валами, которыми окружено городище и располагающиеся в непосредственной близости от него Городище 1 и Городище 2 [1, с. 65, рис. 3-1]. На этой же террасе, на небольшом расстоянии в западном направлении от описываемого памятника, располагаются Городище 4, Городище 5, Городище 6. Все эти памятники окружены круговыми ограничительными линиями.

Высота бортовой террасы, на краю которой расположено городище, составляет порядка 7 м. Площадка городища овальная, с длинной осью по линии *запад – восток*. Размеры площадки 31х41 м, площадь порядка 1000 м². С напольной

стороны площадка ограничена рвом шириной до 4 м и глубиной от 0,8 до 1,4 м. Со стороны озера край террасы срезан, что выделяет небольшую плоскую площадку шириной до 3 м. Вал отсутствует. С внешней стороны рва, перед ограниченной площадкой, прослеживается выброс из рва высотой до 0,15 м. На ограниченной площадке городища прослеживаются три западины подпрямоугольной формы (рис. 1). Размеры западины № 2 – 8,5х12 м, глубина – 0,25 м. Вытянута по линии *запад – восток*. В западине хорошо прослеживаются шурфы, вероятнее всего, заложенные Б. Х. Кадиковым. Размеры западины № 3 – 3,5х6 м, глубина – 0,4 м. Вытянута по линии *восток-юго-восток – запад-северо-запад*. Западина № 1 была исследована раскопом (рис. 1).

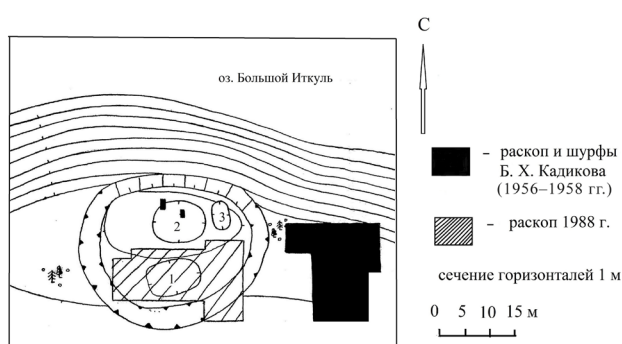

Рис. 1. Глазомерный план Городища 3
Fig. 1. Ocular estimation plan of Gorodishche 3

Описание комплекса Городище 3

Раскоп был заложен в южной части городища. Конфигурация раскопа выбрана с целью получения наибольшего количества информации – полностью исследована западина № 1, часть площади между западинами и линия ров-вал. Общая площадь раскопа составила 320 м² (рис. 2).

Памятник оказался достаточно сложным. Расположение его в сосновом бору, на террасе с густой растительностью и развитой корневой системой, боровыми, легкими и рыхлыми почвами неоднократно вызывало разногласия среди членов экспедиции при трактовке некоторых исследуемых объектов. Кроме того, он оказался двухслойным. Нижний горизонт представлен находками эпохи энеолита, верхний – фоминского этапа кулайской культуры. Эти горизонты достаточно хорошо выражены стратиграфически, хотя и не разделены стерильной прослойкой. Все материалы, происходящие из нижнего, наиболее раннего горизонта, опубликованы [5]. Задачей настоящей публикации является введение в научный оборот материалов верхнего горизонта.

Сооружения верхнего горизонта хорошо выделялись на современной дневной поверхности планиграфически. Описание ограничительной линии, состоящей из рва и выброса из него на внешнюю сторону, дано выше. Исследованная западина № 1 имела подпрямоугольную форму с размерами 7х11,5 м и глубину 0,3 м. Длинной осью ориентирована по линии *запад-юго-запад – восток-северо-*

восток (рис. 1). Культурный слой верхнего горизонта очень слабо насыщен находками. Материал верхнего горизонта неоднороден. Наряду с находками фоминского этапа кулайской культуры в его составе присутствовали и артефакты, представляющие нижний, более древний горизонт. Они попали в верхний горизонт в результате перекопов при ведении хозяйственной деятельности древних насельников, оставивших после себя западины и ров.

После типологического разделения материала к верхнему горизонту отнесены фрагменты и скопления керамики (рис. 3, 1–7). Встречены и фрагменты костей, но ввиду присутствия в верхнем горизонте материала из нижнего горизонта, попавшего туда во время деятельности по сооружению городища, с полной уверенностью, к какому комплексу они относятся – раннему или позднему, говорить не приходится. Интересной находкой является панцирная железная пластина с заклепками (рис. 3, 8).

Четких закономерностей в распределении материала не выявлено. Из восьми встреченных скоплений керамики три находились в заполнении западины, причем без выделения какой-либо зоны локализации, три находились с северной стороны западины (ближе к озеру), одно – на входе в западину и одно – во рве. Железная пластина также найдена в заполнении рва (рис. 2).

Все конструкции фиксировались на первом слое зачистки, сразу после снятия дерна, на глубине 7–10 см. Контуры конструкций из-за особенностей раскопа, о которых было сказано выше, не отличались особой четкостью. Всего в раскопе зафиксированы контуры западины, двух кострищ, восьми ям, рва и ровика для частокола (?).

Одно кострище зафиксировано у юго-западного угла котлована, другое, более крупное – у северо-восточного (рис. 2). Первое кострище имело неправильную форму и размеры 0,45х0,55 м. Находок в нем не встречено. Второе кострище было более крупным (1х2,5 м). В заполнении этого кострища встречены мелкие фрагменты керамики и пережженных костей.

Заполнение всех ям, несмотря на их различную форму, было практически одинаковым. В заполнении ям находок не встречено, за исключением ямы 5 (небольшое скопление угля у дна) и ямы 7 – несколько фрагментов керамики. Планиграфически ямы расчленяются на две группы. Одна (ямы № 1–4) располагается в восточной части раскопа в районе рва, вторая (ямы № 5–8) – вокруг западины. Назначение ям неизвестно. На уровне гипотезы можно предположить, что они появились в результате выемки грунта для утепления конструкции, воздвигнутой над западиной. Об этом свидетельствует их расположение вокруг котлована западины.

Наибольшие размеры имела яма № 8, расположенная у северо-западного угла котлована. Ее размеры составляли 2,4х3 м. С востока, вероятнее всего, прослеживался вход. О ее назначении как хозяйственной конструкции могут свидетельствовать и гипотетические столбовые ямки.

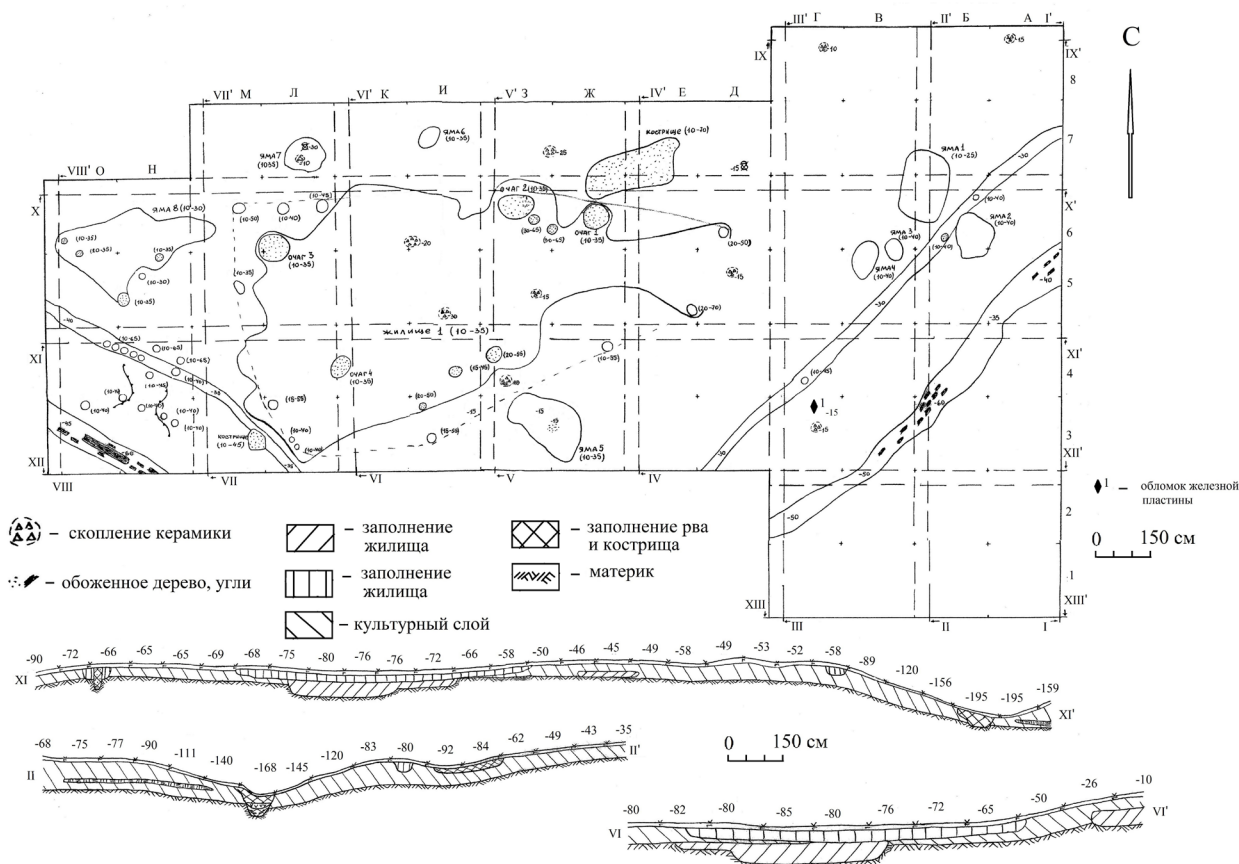

Рис. 2. План раскопа и профили бровок городища Городище 3
Fig. 2. Excavation plan and baulk sections of Gorodishche 3

Здесь необходимо отметить, что как раз по поводу т. н. столбовых ямок и происходило наибольшее количество дискуссий, в которых мнения разделились. Одна часть считала, что они есть, другие их либо не видели, либо таковыми не считали. Сомнения вызывает отсутствие в их заполнении остатков дерева и тот факт, что они не были заглублены в дно котлована. Наличие этих пятен за пределами котлованов и ям также вызывает сомнения в их трактовке как столбовых ямок. Расположение исследуемого объекта в сосновом бору с достаточно плотной растительностью позволяет трактовать эти ямки как сгнившие либо сгоревшие остатки небольших деревьев, хотя и не исключает возможности рассматривать их как остатки столбов – конструктивных элементов постройки, от которой остался исследуемый котлован. Степень сохранности этих объектов не позволяет однозначно интерпретировать их назначение, однако отсутствие следов их заглубления в дно котлована заставляет сильно усомниться в их предназначении как части конструкции постройки. На уровне теперь уже недоказуемой гипотезы их можно называть столбовыми ямками. Это же замечание относится и к остаткам частокола. Иногда возникало ощущение, что они располагались там, где их хотели видеть. Держатель листа, прекрасный полевик

М. Т. Абдулганеев, не всегда мог однозначно и уверенно говорить об их наличии. Недаром даже в отчете, рядом со словосочетанием *столбовые ямки* у него в скобках стоит знак вопроса. Стремление к объективности не позволяет умалчивать об этом факте. Возможно, что будущие исследования позволят более конкретно определиться с механизмом появления этих объектов и найдут более объективные способы их фиксации и исследования, тем более что на памятнике еще имеется два неисследованных объекта.

Контуры исследованного котлована, как и контуры всех остальных конструкций, были зафиксированы сразу под дерном, с глубины 7–10 см. Форма котлована в плане аморфная. Видимо, стенки в мягком песчаном грунте оплыли. Первоначально, вероятнее всего, котлован имел прямоугольную форму. Об этом свидетельствуют его границы на поверхности, до начала работ, южная стенка и юго-западный угол (рис. 2). Площадь котлована порядка 25 м². Примерные размеры котлована – 4х6 м. С востока зафиксирован выход коридорного типа, длиной около 5 м. Его наименьшая ширина (в месте, где он выходит из котлована) – 1,3 м, на выходе – 2,7 м. По периметру котлована, как с внутренней, так и с внешней стороны, прослежены столбовые ямки (?). Внутри котлована зафиксированы остатки четырех

наземных очагов открытого типа. Форма их округлая или овальная, размеры от 0,45х0,65 до 0,65х1 м, находок в углестом заполнении очагов не было, прокалы не зафиксированы. Один очаг располагался у северо-западного угла жилища, другой – у северо-восточного, еще один – у северной стенки около входа и еще один – ближе к юго-западному углу.

Заполнение котлована хорошо фиксировалось в бровке. Его глубина составила 0,35 м от современной дневной поверхности. В материк котлован не впущен.

Такие особенности исследованной конструкции, как наличие выхода коридорного типа, очагов и скоплений керамики, позволяют трактовать исследованный котлован как жилище.

Ров хорошо фиксировался по более темному заполнению. Ширина его составляла от 0,4 до 1,3 м, глубина – от 0,35 до 0,65 м. На внешней стороне рва фиксировался выброс из него. В заполнении рва встречались отдельные уголки и мелкие фрагменты керамики. В юго-восточной части встречена панцирная железная пластина. У дна рва во многих его частях прослежены остатки обожженных плашек (рис. 2).

Вдоль внутренней границы рва, на расстоянии порядка 3 м от него, прослежена канавка глубиной до 0,35 м. В этой канавке местами фиксировались неглубокие столбовые ямки, не превышающие глубины канавки. Наличие этой канавки и ямок внутри нее позволяет предполагать наличие небольшого частокола, огораживающего жилищные и хозяйственные постройки. Функциональное назначение этого частокола неясно. Вероятнее всего, он выполнял роль поскотины, ограничивающей границы территории жилой зоны и затрудняющей доступ на эту территорию как скота, так и нежелательных посетителей. Метрические характеристики этой конструкции не позволяют трактовать ее как элемент фортификации. О функциональном назначении линии ров-вал на кулайских и одинцовских городищах уже говорилось, поэтому на этом вопросе останавливаться не будем.

Результаты

Определение культурно-хронологической принадлежности описанного комплекса не вызывает особых затруднений. Основным индикатором здесь выступает керамический комплекс. Даже несмотря на его малочисленность, он достаточно выразителен.

Судя по полному отсутствию фрагментов плоских днищ, можно говорить о его круглодонности. Сохранившиеся венчики свидетельствуют о баночной форме сосудов (рис. 3, 2–5, 7). Два венчика имеют крайне слабую профилировку, что свидетельствует о наметавшемся переходе к горшковидным формам (рис. 3, 1, 6). Судя по большим фрагментам сохранившихся венчиков можно говорить о приземистости форм, когда высота сосуда равна или чуть меньше диаметра его устья.

Из орнаментальных элементов встречены ямки (рис. 3, 1, 4, 6), гребенчатая уточка (рис. 3, 5), гребенчатый полулунный штамп (рис. 3, 4) и насечки (рис. 3, 2, 3, 7).

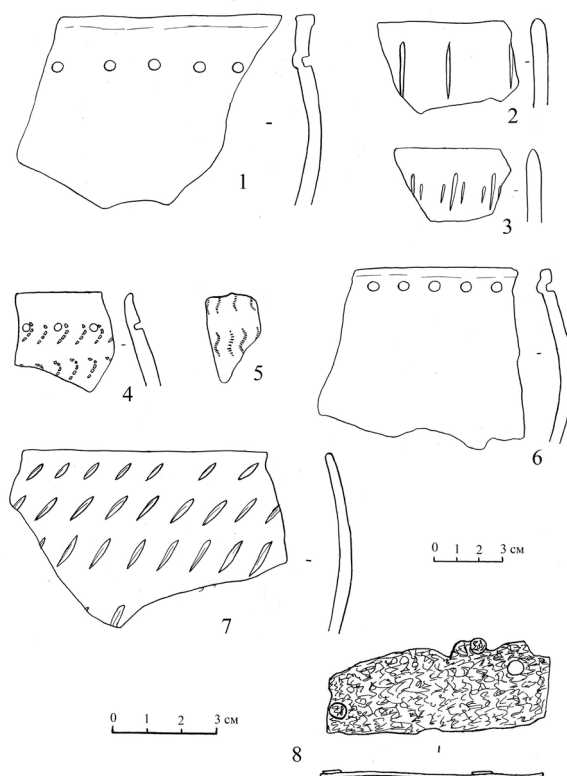

Рис. 3. Фрагменты керамики (1–7) и железная панцирная пластина (8) с городища Городище 3

Fig. 3. Fragments of pottery (1–7) and an iron shell plate (8) from Gorodishche 3

Орнаментальная композиция проста. Украшалась лишь верхняя часть сосудов (верхняя треть). Ямки используются как самостоятельный элемент орнамента, так и в сочетании с другими элементами. Более одного элемента орнамента (кроме сочетания с ямками) на орнаментальном поле не встречается. В орнаментальной композиции присутствует только один мотив – горизонтальный.

Сочетание всех вышеперечисленных признаков свидетельствует о принадлежности описанного керамического комплекса, а следовательно и всего исследованного верхнего горизонта к фоминскому этапу кулайской культуры. Необычным является широкое распространение такого орнаментального элемента, как насечки, которых пока не встречено на других керамических комплексах кулайской керамики лесостепного Алтая. Несмотря на это, наличие культуродиагностического элемента – гребенчатого S-видного штампа, иногда называемого гребенчатой уточкой, который не встречается больше ни на каких других орнаментальных комплексах, кроме кулайского, позволяет нам отнести этот комплекс именно к фоминскому этапу кулайской культуры. Наличие насечек на этой керамике, вероятнее всего, объясняется взаимодействием с представителями культур раннего железного века лесостепного Алтая (каменской, староалейской или быстрианской), у которых

этот элемент в орнаментации керамики распространен достаточно широко [5].

Подобная керамика встречена в пункте БЕ-7 [2, табл. 50], погребениях могильника Татарские могилки (памятник известен под разными названиями, обоснование используемого названия смотрите в [6, с. 6–7]) [7, с. 30–31, 207–209; 8, с. 145–146], на поселении Малый Иткуль 1 [9, с. 105], городище Малый Иткуль 6 [1, с. 54, 72], пункте БЕ-3 [10] и других памятниках Алтайского края.

Фоминский этап кулайской культуры датируется в пределах второй половины II–IV вв. [7, с. 114; 11, с. 44; 12–14]. Эту дату подтверждают и наблюдения В. В. Горбунова. По его мнению, панцирная пластина, найденная во рве городища Городище 3, датируется III – первой половиной IV в. [15].

Кроме того, имеются и данные радиоуглеродного датирования этого памятника, проведенного по образцам дерева в лаборатории четвертичной геологии СО РАН. Анализ показал возраст образца в пределах первой половины IV в. (СОАН-2996, 310 ± 25 лет н. э.).

Все это позволяет нам достаточно уверенно датировать памятник концом III – первой половиной IV в. и отнести представленный комплекс к фоминскому этапу кулайской культуры на территории лесостепного Алтая.

Заключение

Публикуемый комплекс позволяет поставить вопрос о выделении культуродиагностирующих признаков керамики

фоминского этапа кулайской культуры или самостоятельной фоминской культуры. Существующие в настоящее время работы характеризуют керамические комплексы преимущественно погребально-поминальных памятников [2; 7; 8]. Анализу поселенческих комплексов этого времени посвящены две крупные обобщающие работы [11; 12], изданные более 30 лет назад, но не утратившие своей актуальности и сегодня, т. к. до последнего времени этому вопросу уделялось недостаточно внимания.

За этот период накопился достаточно представительный фонд источников как с однослойных, так и с многослойных поселенческих комплексов лесостепного Алтая, до настоящего времени слабо представленный в научной литературе. Даже предварительный анализ этих материалов позволил поставить вопрос о пересмотре как нижней хронологической границы памятников фоминского типа, так и о выделении признаков, позволяющих керамические комплексы соотносить с различными этапами развития кулайской культурно-исторической общности [9; 14; 16–29].

Именно в этом плане однослойные поселенческие комплексы, пускай и с небольшим количеством находок, представляют огромный интерес для исследователей, с них происходят «чистые», эталонные коллекции, анализ которых уже в настоящее время позволяет выделить признаки, характерные именно для памятников фоминского типа. Представленный комплекс как раз относится к такому кругу памятников.

Литература

1. Абдулганеев М. Т., Кадиков Б. Х., Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю. История исследования археологических памятников Зонального района // Зональный район. История, люди и судьбы / ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул: Управление архивного дела администрации АК, 2003. С. 50–78.
2. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 256 с.
3. Абдулганеев М. Т., Казаков А. А. Кулайская культура (I–IV вв. н.э.) на территории лесостепного Алтая // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1. Поселения и жилища / под общ. ред. Н. В. Лукиной. Томск: ТГУ, 1994. С. 303–306.
4. Абдулганеев М. Т., Кунгурова Н. Ю. Ранние культурные слои Малого Иткуля 1 и Городища 3 // Проблемы изучения древней и средневековой истории / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 18–27.
5. Абдулганеев М. Т., Владимиров В. Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н. э. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. 148 с.
6. Григоров Е. В., Казаков А. А. Барнаульско-Бийское Приобье в I–XII вв. (по данным погребального обряда). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. 230 с.
7. Ширин Ю. В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк: Кузнец. крепость, 2003. 288 с.
8. Уманский А. П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1974. С. 136–149.
9. Абдулганеев М. Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 103–110.
10. Казаков А. А. Материалы первого тысячелетия с памятника Ближние Елбаны 3 (по материалам Государственного Эрмитажа) // Народы и религии Евразии. 2019. № 1. С. 18–25. DOI: 10.14258/nreur(2019)1-02
11. Троицкая Т. Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 126 с.
12. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1984. 255 с.

13. Казаков А. А. Материалы I тысячелетия со сборов у с. Фоминского // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2016. № 22. С. 116–121.
14. Горбунов В. В. Культурно-исторические процессы на территории лесостепного Алтая в I тыс. н. э. // V (XXI) Всероссийский археологический съезд. (Барнаул, 2–7 октября 2017 г.) Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 272–273.
15. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. 1. Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 173 с.
16. Бородаев В. Б., Горбунов В. В. Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин. Барнаул: АлтГУ, 1993. Т. 2. С. 183–189.
17. Бородаев В. Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения / отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. С. 96–114.
18. Горбунов В. В. Ритуальные захоронения животных кулайской культуры (грунтовый могильник Обские Плесы 2) // Погребальный обряд древних племен Алтая / отв. ред. Ю. Ф. Кирышин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. С. 156–166.
19. Григоров Е. В. К вопросу о нижней хронологической границе памятников фоминского типа в Верхнем Приобье (по материалам поселений) // Древние поселения Алтая / ред. Ю. Ф. Кирышин, А. Л. Кунгуров. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. С. 212–213.
20. Иванов Г. Е. Поселение Бочанцево 1 – памятник кулайской культуры в степном Алтае // Охрана и исследование археологических памятников Алтая: тезисы докладов и сообщений к конф. (Барнаул, 12–13 апреля 1991 г.) Барнаул: БГПУ, 1991. С. 117–121.
21. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Погребения кулайской культуры на памятнике Кармацкий в Барнаульском Приобье // Игорь Геннадьевич Глушков / редкол.: В. И. Молодин, Н. В. Конопина, Т. Н. Глушкова. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2012. Ч. 3. С. 102–109.
22. Шамшин А. Б., Сингаевский А. Т. Этнокультурная ситуация на территории Барнаульского Приобья в конце 3 в. до н. э. – 1 в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири / сост. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 51–79.
23. Ширин Ю. В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // Российская археология. 2004. № 2. С. 51–60.
24. Ширин Ю. В. Размещение и культурная специфика южных групп памятников кулайской культурной непрерывности // Интеграция археологических и этнографических исследований / гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 145–148.
25. Горбунов В. В., Кунгуров А. Л. Памятники первой половины I тыс. н. э. археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 в Барнаульском Приобье // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2. С. 150–157. DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-26
26. Горбунов В. В., Папин Д. В. Местонахождение МГК-1 – новый памятник фоминского этапа кулайской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. № 23. С. 66–70.
27. Чемякин Ю. П. О нижней дате и ареале формирования кулайской культуры // Интеграция археологических и этнографических исследований / гл. ред. Н. А. Томилов. Барнаул; Омск: Наука, 2015. С. 136–139.
28. Рыбаков Д. Ю. Керамический комплекс поселения Рюзаково (Духовое) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2011. № 11. С. 87–94.
29. Рыбаков Д. Ю. Статистический анализ керамического комплекса городища Тимирязево III и его культурно-хронологический контекст // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4. С. 156–161. DOI: 10.17223/19988613/42/28

Complex of Settlement Gorodishche-3 Belonging to Fominsky Stage of Kulaiskaya Culture

Aleksandr A. Kazakov^a, @, ID

^a Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia, Barnaul

@ kaa-2862@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-2652-2002>

Received 05.06.2020. Accepted 06.07.2020.

Abstract: The article introduces materials of the Fominsky stage of the Kulaiskaya culture from the site in the Itkul microdistrict located in the forest-steppe Altai. It gives a detailed description of the site and its excavation. The site covered an area of 320 m². The excavation revealed a semi-dugout with a pit area of 25 m² and a corridor-type exit, a household building, and other structures. The author focuses on the moat and earthwork line and made a cultural and chronological interpretation of the complex based on ceramic and shell plate. The monument dates back to the late III – first half of the IV century and belongs to the Fominsky stage of the Kulaiskaya culture. The article contains previously unpublished photos of all the artifacts, except plain pottery. The introduction of the presented complex into scientific circulation improves the source base of ancient history studies of the forest-steppe Altai in the first half of the 1st millennium. The complex contains artifacts unpolluted with any culturally similar and chronologically close artifacts, which means that it can help identify the Fominsky stage and their cultural-markers. The matter is important not only for the archaeology of the forest-steppe Altai, but also for the neighboring territories with culturally and chronologically similar complexes in Novosibirsk and Kemerovo Regions.

Keywords: forest-steppe Altai, the first millennium, ceramics, chronology, dwelling, attribution

For citation: Kazakov A. A. Complex of Settlement Gorodishche-3 Belonging to Fominsky Stage of Kulaiskaya Culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 618–625. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-618-625>

References

1. Abdulganeev M. T., Kadikov B. Kh., Kiryushin Yu. F., Kungurova N. Yu. History of the study of archaeological sites of the Zonal District. *Zonal district: history, people and destinies*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: Upravlenie arkhivnogo dela administratsii AK, 2003, 50–78. (In Russ.)
2. Gryaznov M. P. *The history of the ancient tribes of the Upper Ob based on the excavations at Bolshaya Rechka village*. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1956, 256. (In Russ.)
3. Abdulganeev M. T., Kazakov A. A. Kulay culture (I–IV centuries AD) on the territory of the forest-steppe Altai. *Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Vol. 1. Book 1. Settlements and dwellings*, ed. Lukina N. V. Tomsk: TGU, 1994, 303–306. (In Russ.)
4. Abdulganeev M. T., Kungurova N. Yu. Early cultural layers of Maly Itkul 1 and Gorodishche 3. *Problems of studying ancient and medieval history*, eds. Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001, 18–27. (In Russ.)
5. Abdulganeev M. T., Vladimirov V. N. *Typology of Altai settlements 6–2 centuries BC*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1997, 148. (In Russ.)
6. Grigorov E. V., Kazakov A. A. *Barnaul-Biysk Ob region in the I–XII centuries (according to the funeral rite)*. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2018, 230. (In Russ.)
7. Shirin Yu. V. *Upper Priobye and Foothills of the Kuznetsk Alatau at the beginning of the I millennium AD (funerary sites of the Fominskaya culture)*. Novokuznetsk: Kuznets. krepost, 2003, 288. (In Russ.)
8. Umanskii A. P. Burial grounds of the Upper Ob culture on the Upper Chumysh. *Bronze and Iron Age of Siberia*, ed. Larichev V. E. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1974, 136–149. (In Russ.)
9. Abdulganeev M. T. Fominsky complex of the settlement of Maly Itkul-1. *Problems of studying ancient and medieval history*, eds. Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2001, 103–110. (In Russ.)
10. Kazakov A. A. Materials of the 1st millennium monument Blizhnie Elbany 3 (materials of the State Hermitage). *Nations and Religions of Eurasia*, 2019, (1): 18–25. (In Russ.) DOI: 10.14258/nreur(2019)1-02
11. Troitskaya T. N. *Kulay culture in the Novosibirsk Ob region*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1979, 126. (In Russ.)
12. Chindina L. A. *Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age*. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta, 1984, 255. (In Russ.)

13. Kazakov A. A. Materials of the I millennium from collections near the village Fominsky. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2016, (22): 116–122. (In Russ.)
14. Gorbunov V. V. Cultural and historical processes on the territory of the forest-steppe Altai in the 1st millennium AD. V (XXI) *All-Russian Archaeological Congress*, Barnaul, October 2–7, 2017. Barnaul: AltGU, 2017, 272–273. (In Russ.)
15. Gorbunov V. V. *Military affairs of the Altai population in the III–XIV centuries. Pt. 1. Defensive weapons (armor)*. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2003, 173. (In Russ.)
16. Borodaev V. B., Gorbunov V. V. Troitsk-1 – a new settlement of the Kulai culture on the left bank of the Barnaul Ob region. *Protection and study of the cultural heritage of Altai*, ed. Kiryushin Yu. F. Barnaul: AltGU, 1993, vol. 2, 183–189. (In Russ.)
17. Borodaev V. B. Novoobintsevsky treasure. *Anthropomorphic images*, ed. Wasilewski R. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1987, 96–114. (In Russ.)
18. Gorbunov V. V. Ritual burials of animals of the Kulai culture (underground burial ground Obskie Plesy 2). *Burial ritual of the ancient Altai tribes*, eds. Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1996, 156–166. (In Russ.)
19. Grigorov E. V. On the question of the lower chronological boundary of the Fominsk-type monuments in the Upper Ob region (based on materials from settlements). *Ancient settlements of Altai*, eds. Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1998, 212–213. (In Russ.)
20. Ivanov G. E. Settlement Bochantsevo 1 – a monument of the Kulai culture in the steppe Altai. *Protection and use of archaeological sites of Altai: Proc. Conf.*, Barnaul, April 12–13, 1991. Barnaul: BGPU, 1991, 117–121. (In Russ.)
21. Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Burials of the Kulay culture at the Karmatsky monument in the Barnaul Ob region. *Igor Gennadievich Glushkov*, ed. board: Molodin V. I., Konoplina N. V., Glushkova T. N. Khanty-Mansiysk: OOO "Pechatnyi mir g. Khanty-Mansiisk", 2012, pt. 3, 102–109. (In Russ.)
22. Shamshin A. B., Singaevskii A. T. Ethnocultural situation in the Barnaul Ob region at the end of the 3rd century BC – 1 century AD. *Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia*, comp. Soenov V. I. Gorno-Altaysk: AKIN, 2007, iss. 5, 51–79. (In Russ.)
23. Shirin Yu. V. On early Kulay sites in the Upper Ob' basin. *Russian Archaeology*, 2004, (2): 51–60. (In Russ.)
24. Shirin Yu. V. Placement and cultural specificity of the southern groups of monuments of Kulai cultural continuity. *Integration of archaeologic and ethnographic research*, ed. N. A. Tomilov. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015, 145–148. (In Russ.)
25. Gorbunov V. V., Kungurov A. L. The sites of the first half of the 1st millennium AD of the archaeological complex Maly Gonninsky Cordon-1 in the Barnaul Ob region. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (2): 150–157. (In Russ.) DOI: 10.14258/izvasu(2018)2-26
26. Gorbunov V. V., Papin D. V. Location of MGK-1 – a new monument of the Fominsk stage of the Kulai culture. *Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory*, 2017, (23): 66–70. (In Russ.)
27. Chemyakin Yu. P. On the lower date and area of formation of the Kulai culture. *Integration of archaeologic and ethnographic research*, ed. N. A. Tomilov. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015, 136–139. (In Russ.)
28. Rybakov D. Yu. Ceramic complex of settlement Ryzakovo (Dukhovoe). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (11): 87–94. (In Russ.)
29. Rybakov D. Yu. Statistical analysis of Timiryazovo III hillfort's pottery complex and its cultural and chronological context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2016, (4): 156–161. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/42/28

Рыболовный промысел населения Прикамья и его учет в источниках 1720–1780 гг.*

Анна А. Космовская^{a, b, @, ID}

^a Пермский государственный институт культуры, Россия, г. Пермь

^b Пермская государственная фармацевтическая академия, Россия, г. Пермь

@ akosmovskaya@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

Поступила в редакцию 29.03.2020. Принята к печати 25.05.2020.

Аннотация: На основе финансовых документов Соликамской и Кунгурской воеводских канцелярий, часть из которых впервые вводится в научный оборот, в статье рассмотрены поступления в казну от сдачи на откуп и в оклад рыбных ловель в Прикамье в 1720–1780 гг. Географические особенности Прикамья определили распространение рыболовных промыслов. Проблема функционирования уездных канцелярий при сборе рыболовного откупа на указанной территории еще не получила рассмотрения в историографии. Размеры рыбного оброка и объемы собираемости также не становились предметом специального исследования в исторической литературе. Автором предпринята попытка оценить размеры поступлений в казну с рыболовного промысла населения Прикамья на протяжении периода функционирования воеводских канцелярий в XVIII в. Суммы сборов позволяют сделать выводы о незначительном месте рыбного оброка в общей структуре налоговых поступлений. Исследование различных финансовых документов воеводской канцелярии дает возможность составить представление о рыболовном промысле населения Прикамья, размерах сборов с рыбной ловли и проанализировать социальную структуру плательщиков. Сборы с рыбных ловель в основном платили государственные крестьяне в уездах и приписанные к заводам работники. Обычно стоимость использования угодья не менялась на протяжении нескольких лет, а суммы платежей редко превышали 1 руб. в год.

Ключевые слова: XVIII век, структура налоговых поступлений, воеводская канцелярия, рыбные промыслы, оброк, оклад, государственная регалия

Для цитирования: Космовская А. А. Рыболовный промысел населения Прикамья и его учет в источниках 1720–1780 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 626–635. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-626-635>

Введение

Среди многочисленных сборов, введенных в Петровскую эпоху, в 1704 г. в систему откупов попали и рыбные промыслы населения Российского государства. Рыболовный промысел занимал важное место в хозяйственной деятельности населения различных губерний, богатых водными ресурсами. Прикамье в составе Чердынского, Соликамского, Кунгурского уездов относилось к территориям, где население брало на оброк рыбные ловли.

Изучение отражения рыболовного оброка (оклада) в финансовой отчетности воеводских канцелярий XVIII в., с нашей точки зрения, позволяет оценить вклад отдельных видов налоговых поступлений в бюджет на местном уровне. Особенности географической среды Прикамья определили возможности рыболовного промысла. Обилие рек и водоемов привело к развитию здесь отдачи на откуп

рыбных ловель. Рыбный оброк¹ на местном прикамском уровне не становился предметом специального исследования в исторической литературе. Изучение промыслов населения позволяет реконструировать традиционные занятия населения Прикамья, раскрыть отдельные вопросы экономической истории региона и определить некоторые повседневные занятия местных жителей, ускользнувшие пока что от внимания исследователей.

В данной статье рассмотрены экономические аспекты рыболовного откупа. Это определило обращение к работам, посвященным в основном вопросам налогообложения в XVIII в. В историографии представлены работы, в которых анализируется организация налогообложения Российской империи в целом, включая основные реформы XVIII в. Это труды Е. В. Анисимова [1; 2], С. М. Троицкого [3; 4] и других авторов [5–9]. Вопросы реформирования

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60007 «Эффективность финансовой политики воеводской администрации Прикамья в XVII–XVIII вв.».

¹ Оброк в статье понимается как плата за срочное или бессрочное пользование рыболовными угодьями, вытекающее из договора найма. В 1727 г. правительство перешло к окладной системе сборов с рыболовства.

социально-экономической сферы в Российском государстве XVII–XVIII вв. получили рассмотрение в ряде работ современных исследователей [10–13]. Развитие и функционирование воеводских канцелярий и центрального аппарата управления было затронуто в трудах Н. П. Ерошкина [14], А. А. Преображенского [15], Д. В. Басманцева [16]. Вопросы регионального управления налоговыми поступлениями изучались на материалах Прикамья XVII–XVIII вв. [17; 18].

Что касается рыбного промысла как традиционного занятия населения, то применительно к Прикамью данная тема была рассмотрена с позиции особенностей питания населения Русского Севера. На основе данных памятников Пермского края XVI – начала XVIII в. Е. Н. Поляковой проанализированы названия рыбных, мясных и молочных продуктов, а также основы прозвищ и фамилий из таких названий. Автором сделан вывод о преемственности культуры питания Русского Севера, о сохранении основных традиций этой культуры в Прикамье с XVI до XX в. [19].

Исследования непосредственно рыболовного промысла в российской историографии представлены в основном общими работами по разнообразным хронологическим периодам и территориям [20–25]. Сходным по использованной источниковой базе и поднимаемым вопросам представляется исследование О. А. Алексеевой [26]. Автор привлекает в качестве источника окладные книги, отмечает их особенности. Основным назначением книг как финансовых документов была фиксация населения, которое платило оклад с арендованных угодий, поэтому сведения о плательщиках представлены полно (имя, статус и место жительства) [26, с. 44]. Сведения о ловах при этом могут быть фрагментарными.

Таким образом, исследование истории рыболовецкого промысла в Прикамье с позиции собираемости оброка не получило рассмотрения в историографии. Детальный анализ сборов с рыбных ловель представляется целесообразным только на основе архивного материала.

Цель данной статьи – анализ учета рыбного оброка в документах воеводских канцелярий XVIII в.

Методы и материалы

Нами проанализированы материалы фондов 439, 444, 576 и 955 Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Основными видами источников были приходно-расходные книги, рапорты, ведомости и прочая отчетная документация воеводских канцелярий, изучение которой позволяет сделать выводы о развитии рыбных промыслов в Прикамье. Среди использованных опубликованных источников – указы, связанные с законодательным регулированием рыбного промысла. В финансовой документации, доступной автору данной статьи, не указаны размер и границы ловель. Поэтому невозможно четко выделить факторы, влиявшие на размер оклада (кроме, пожалуй, размера рыбных угодий). Тем не менее в подобных

документах достаточно информации для решения поставленной цели – учета сбора с рыбных ловель в Прикамье. Данные финансовых документов дают представление о распространении рыбного промысла в Чердынском, Соликамском, Кунгурском уездах: расположении используемых ловель, количестве и социальном составе населения, занятого этим промыслом, а также размере оклада с рыболовного промысла.

В качестве основного метода использовался сравнительный анализ. Обработка статистических данных с помощью сравнительно-исторического метода применялась для изучения пространственно-горизонтального среза оброка с рыбных ловель. Сравнительно-классификационный метод применялся в процессе сравнительного исследования отдельных налоговых поступлений. С помощью аналитического метода была проведена систематизация имеющихся данных, что позволило прийти к выводам о сборах с рыболовных промыслов населения Прикамья.

Результаты

Несколько замечаний необходимо сделать о территории Прикамья и административной юрисдикции в исследуемый период. Соликамская провинция была одной из провинций Российской империи после Петровских реформ. 29 мая 1719 г. Сибирская губерния была разделена на три провинции, в том числе Соликамскую провинцию, в которой числились города Соликамск и Чердынь вместе с уездами. 4 июня 1724 г. город Кунгур с Кунгурским уездом был передан из Вятской провинции в Соликамскую. 29 апреля 1727 г. Соликамская провинция была включена в состав Казанской губернии. Центром провинции был город Соликамск, с 1737 г. – Кунгур. 13 августа 1737 г. пермский провинциальный воевода был переведен из Соликамска в Кунгур, который стал провинциальным городом, а провинция стала именоваться Кунгурской (с 1766 г. – Пермской). 27 января 1781 г. Пермская провинция Казанской губернии вошла в состав Пермского наместничества. Все данные в таблицах ниже необходимо соотносить с разделением по уездам (Чердынский, Соликамский и Кунгурский, сборы осуществлялись отдельно по уездам, а иногда и по городам). До 1737 г. учет велся воеводами Соликамской провинции, с 1737 г. – Кунгурской (Пермской).

Хронологическими границами исследования являются 1720–1780 гг. Нижняя граница соотносится с указом «об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской канцелярии» 1704 г. и наличием архивных данных. Верхняя граница обусловлена преобразованием местных органов власти в связи с вхождением Пермской провинции Казанской губернии в состав созданного Пермского наместничества (27 января 1781 г.). Воеводские учреждения, которые занимались сбором данного налога, были упразднены.

6 января 1704 г. выходит указ Петра I «Об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской

Канцелярии»². Согласно данному указу и некоторым вышедшим позднее³, был изменен порядок пользования казенными рыбными ловлями. Последние были обращены в регалию: «рыбные ловли, которые были на оброке и безоброчно, все что ни есть взять на Себя Великаго Государя, и ведать и отдавать из Ижерской Канцелярии дел рыбных ловель, откупщикам наоброк с торгу из наддачи, людям добрым и пожиточным и с добрыми поруками, тому кто больше даст»⁴.

Для обеспечения беспрепятственного и оперативного поступления налоговых сборов в казну были созданы новые учреждения в центре и на местах. Важное место в системе новых центральных органов управления заняли финансовые коллегии, в частности Камер-коллегия, тринадцатая статья регламента которой предусматривала мероприятия по укреплению источников доходов: «Однако же надлежит Камер-коллегии ... рыбные ловли везде по возможности умножать, к приращению приводить» [3, с. 20].

Для сбора косвенных налогов (в том числе с рыбных ловель, промыслов) учреждалась должность камерира. Он должен был составить переписную книгу с угодьями, с которых брались «государевы подати». Камериры действовали на основании «Инструкции или Наказа земским камерирам в Губерниях и Провинциях» от 7 января 1719 г.⁵ Камериры вели книгу откупов, имели право надзирать за деятельностью земских комиссаров и рассыльщиков [27, с. 5]. В обязанности сборщиков входило составление переписных и приходных земских книг.

В 1727 г. правительство переходит к окладной системе сборов с рыболовства, а с 1740-х гг. сдает часть промыслов в долговременное монопольное пользование, а часть их жалует даже в вечное владение не только учреждениям и компаниям, но и отдельным лицам. С конца 1720-х гг. учет рыбного оклада велся воеводами уездных канцелярий.

Рассмотрим взимание оброка с рыболовных промыслов на территории Прикамья. Период до 1723 г. не попал в отчетность воеводской канцелярии исследуемых фондов. Косвенные сведения о суммах сбора можно почерпнуть из счетных выписок книг 1725 г.

В правление Петра I правительство облагает все возможные угодья оброком. В Соликамскую воеводскую канцелярию из камерирской конторы приходили следующие

промемотии. 11 декабря 1723 г. в письме воеводам было указано, что в имениях баронов Строгановых «доходные бани, мельницы, рыбные ловли и пчелные борти ульи, которые были неросписные и збору с них в казну не бывало, описать и положенным по оброку и указу и отдать на откуп охочим людям из наддачи с публичного торгу»⁶.

Переход на новую систему налогообложения нашел свое отражение в документах камерирской конторы 1725–1727 гг. В копии книги камерирской конторы «приходу и отсылки в рентерею» за 1725–1727 гг. представлены несколько экстрактов, которые позволяют делать выводы о налоговых поступлениях за текущие годы⁷.

Для удобства данные сведены в таблицы по отдельным периодам и источникам поступления в Соликамскую (до 1737 г.) и Пермскую канцелярии (с 1737 г.). В материалах иногда не разделены источники поступления (тогда заводится отдельная графа для учета всей суммы упомянутых сборов). Автор ограничивается объединением данных видов налогов в одну колонку с уточнением (это касается случаев совместного учета оброка с мельниц и рыбных ловель и т. п.). Иногда данные по отдельным налогам в 1720-е гг. отследить трудно, поскольку их относили к категории «крепостные сборы». В таких случаях отдельно рассматривать рыбный оброк не представляется возможным⁸.

По счетной выписке из книг 1725 г. «денежной казны кроме золота и ясака провинции Соли Камской капитана рентмейстера Дмитрия Шетнева» на 1724 г. с оброчных домовых бань, с Шустовских Ленвенских варниц (местный соляной промысел), рыбных ловель и т. п. было учтено 339,2 руб. Статистика за 1720-е гг. представлена в табл. 1.

Табл. 1. Оброк с рыбных ловель в 1720-е гг., руб.

Tab. 1. Fishing tax in the 1720s, rub.

Источник	1724	1725	1726
Соликамский уезд. С вотчин баронов Строгановых рыбных ловель ⁹	48,6375	106,6375	106,6375
Кунгурский уезд. Кунгурских сборов на 1726 г. с рыбных ловель и хмелевого щипанья ¹⁰	–	–	3,93

² Указ об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской канцелярии 1704 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. II Отд-ия Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. IV: 1700–1712. С. 232–240.

³ О правилах поручительства за откупщиков рыбных ловель 1704 г. // ПСЗРИ. Собрание первое... Т. IV. С. 270; Правила отдачи рыбных ловель на откуп. 1705 г. // ПСЗРИ. Собрание первое... Т. IV. С. 276–278; Указ о ведении сбора с рыбных ловель всего Государства в Семеновской Приказной Палате 1704 г. // ПСЗРИ. Собрание первое... Т. IV. С. 240.

⁴ Указ об отдаче рыбных ловель на откуп, и о ведении оных в Ижерской канцелярии 1704 г...

⁵ Инструкция или Наказ земским камерирам в Губерниях и Провинциях от 7 января 1719 г. // ПСЗРИ. Собрание первое. Т. V: 1713–1719. № 3296. С. 638–647.

⁶ РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 3. Л. 35. 1723 г.

⁷ РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. 1727 г.

⁸ РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 16. Л. 30 об. 1725 г.

⁹ РГАДА. Ф. 955. Оп. 1. Д. 1. Л. 97. 1727 г.

¹⁰ Там же. Л. 98 об.

После составления окладных книг с оброчными статьями учет велся согласно им. В окладной книге оброчных статей были расписаны рыбные ловли с озерами в Соликамском уезде («С озера Павловского – 50 коп., с озера Черного – 25 коп., с озера Кривого – 2 руб.»¹¹ и т. п.) и отдельно в вотчинах Строгановых, которые находились в уезде.

В 1730–1750-е гг. статистика становится более разнообразной. Данные «реестра денежной казны таможенных, кабацких и канцелярских и протчих сборов», посланной из Кунгурской канцелярии в провинциальную Соликамскую канцелярию с выборным счетчиком кунгурцем Захаром Поповым, по собранным средствам представлены в табл. 2¹².

По данным годового экстракта репорта Кунгурского воеводского правления канцелярии 1736 г. («Сколько каких сборов взять надлежало в то число: во взятие и в доимке и также в расходе и за расходом в остатке денежной казны»¹³) в 1736 г. было остаточных 25,41 руб. (вероятнее всего, это весь оклад по Кунгурскому уезду на тот момент). Из них было собрано 22,6325 руб., оставалось донять 2,7775 руб. Данные об окладе на 1736 г. показывают, что в целом по Кунгурскому и Соликамскому уездам он составлял 137,3475 руб. В приходе за 1736 г. значилось 134,57 руб., а донять оставалось 2,7775 руб.¹⁴

Табл. 2. Оклад с рыбных ловель в 1730–1750-е гг., руб.

Tab. 2. Fishing lease in the 1730s–1750s, rub.

Источник	Остаток от прошлых сборов (1732, 1734, 1736)	1736	Остаток на начало 1738 г.	1738	1747	1748	1749	1759
Кунгурский и Соликамский уезды ¹⁵	0,33 (1732); 22,63 (1734). В 1736 г. остаточных – 25,41. Из них собрано 22,6325, осталось донять 2,7775	Оклад–137,3475, в приходе 134,57, донять 2,7775	–	–	–	–	–	–
Соликамский уезд. С посада ¹⁶	–	–	1,7625 ¹⁷	–	–	–	–	–
Соликамский уезд. В вотчинах господ баронов Строгановых ¹⁸	–	–	71,0825 ¹⁹	–	–	–	–	–
Соликамский уезд. С рыбных ловель в целом	–	–	–	111,9375 ²⁰	111,9375 ²¹ , подтверждается данными ²²	Оклад 111,9375. Собрано 109,2875, в доимке 2,65 ²³	Оклад 111,9375. Собрано все ²⁴	–

¹¹ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 121. Л. 55 об. 1747 г.

¹² РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 90. Л. 89–92 об.

¹³ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 102. Л. 170 об.–171. 1736 г.

¹⁴ Там же. Л. 176 об.–177.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 5. 1738 г.

¹⁷ Подтверждается: РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 125. 1738 г.

¹⁸ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. Л. 5. 1738 г.

¹⁹ Подтверждается: РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 125. 1738 г.

²⁰ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. 1738 г.

²¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. 1747 г.

²² РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 76. Л. 3 об. 1747 г.

²³ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 72. 1748 г.

²⁴ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79. 1749 г.

Источник	Остаток от прошлых сборов (1732, 1734, 1736)	1736	Остаток на начало 1738 г.	1738	1747	1748	1749	1759
Кунгурский уезд. С рыбных ловель	–	–	–	–	12,307 ²⁵	–	–	7,355 ²⁶
Кунгурский уезд. Мельницы, рыбные ловли, с пашенной земли, хмелевого щипанья, домовых бань, сенокоса, пашенных земель, с лавок и лавочных мест	–	–	–	–	30,43 ²⁷	–	–	75,005 ²⁸

Анализируя данные за 1738 г., 1747–1749 гг., можно определить и сборы с Соликамского уезда. На 1738 г. было собрано 111,9375 руб. по годовому рапорту 1738 г. («Репорт Соликамской канцелярии воеводского правления о приходе и о расходе и об остатке денежной казны 1738 г. по местам и по сборам»²⁹).

Складывание сборов по Кунгурскому уезду (25,41 руб.) с данными по Соликамскому (111,9375 руб.) дают искомую сумму в 137,3475 руб. за 1736 г. Судя по поздним документам, оклад значительно не менялся.

На 1747 г. оклад указан прежний, причем он соотносится с данными других источников. 111,9375 руб. было собрано согласно книге приходной Пермской провинциальной канцелярии «таможенных, кабацких и канцелярских сборов свозной и с приписных к Пермской провинции городов денежной казны 1747 г.»³⁰. Сведения в данном документе подтверждаются аналогичной расходной книгой за 1747 г.³¹

В 1748 г. по окладу значилось также 111,9375 руб. Из них в том же году было собрано 109,2875 руб., а в доимке значилось 2,65 руб. (Данные указаны в рапорте «канцелярии Соли Камской, сочиненной по статской форме, о приходе и расходе разных сборов денежной и ясашной казны декабря месяца 1748 г.»³²). Доимка, скорее всего, была собрана в следующем налоговом периоде, потому что в 1749 г. она уже не находит отражения в документах. За указанный год были собраны все 111,9375 руб.³³

В конце 1740–1750-х гг. Пермская провинциальная канцелярия иногда не утруждала себя точным учетом

налогов по каждой статье дохода. Рыбные ловли в 1759 г. принесли в казну 7,355 руб.³⁴, а дополнительно с мельниц, рыбных ловель, с пашенной земли, хмелевого щипанья, домовых бань, сенокоса, пашенных земель, с лавок и лавочных мест было получено в Пермской провинциальной канцелярии 75,005 руб.³⁵

Настольные реестры и прочие документы Пермской провинциальной канцелярии дают представление о сборах по всем трем уездам в 1750–1760-е гг. Из-за фиксации недоимочности можно определить, с каких рыбных угодий собирались деньги.

В 1765 г. среди должников числились: чердынец посадский человек Яков Пиминов (с Крымского истока – 0,405 руб.), крестьянин Александр Казанцов (с Юсьвинского истока – 0,7625 руб.), чердынец посадский человек Матвей Верещагин (при реке Печоре печорского падуна с речки Подчерья – 4,5 руб.), Чердынского уезда крестьянин Семен Девятков (при Печоре реке с падуна речки Вугура – 2,185 руб.), крестьянин Иван Макаров (при Печоре ж с падуна – 3,8525 руб.)³⁶.

Далее в реестре фиксировалось, что часть недоимок была погашена. По доношению крестьянина села Опачевки Кунгурского уезда Якова Южанинова, в воеводской канцелярии было принято за крестьянина Калину Кадмымцова с рыбной ловли с мельничного пруда с реки Уды (на прошлый 1764 г. – 10 коп.). По доношению Пермской провинциальной канцелярии штатной команды солдата Ефима Березина, принято за оных владельцев

²⁵ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. 1747 г.

²⁶ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 3 об.–30. 1759 г.

²⁷ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 77. 1747 г.

²⁸ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 3 об.–30. 1759 г.

²⁹ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 124. 1738 г.

³⁰ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 75. Л. 2. 1747 г.

³¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 76. Л. 3 об. 1747 г.

³² РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 72. 1748 г.

³³ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 79. 1749 г.

³⁴ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 3 об.–30. 1759 г.

³⁵ Там же. Л. 3 об.–30.

³⁶ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 190. Л. 8 об.–9. 1765 г.

крестьянина Александра Казанцова, чердынца посадского человека Матвея Верещагина с рыбной ловли с означенного Юсьвинского истока, с Печорского падуна с речки Подчерья на прошлый 1764 г. 5 руб. 26,25 коп.³⁷

В доимке 1765 г. в Чердыни числилось в Покровском острожке с крестьянина Кондратия Окулова и Ивана Вотолина «с мельничного пруда с речки Кишерти» на 1765 г. – 0,05 руб. В городе Чердыни «чердынца посадского Якова Пиминова с Крымского истоку на 1764–1765 гг. по 40,5 коп. – 0,81 руб., итого 0,86 руб.»³⁸.

В 1760-е гг. оклад с рыбных ловель трудно зафиксировать точно из-за особенностей учета (записи рыбных ловель вместе с другими источниками дохода в казну). Проще приход и небольшую недоимочность проиллюстрировать конкретными данными в табл. 3.

В 1766 г. доимка постепенно собиралась. По доношению Гумера Баизигитова, на прошлые 1758–1766 гг. было принято 8 руб. (это было учтено отдельно). 14 декабря (по доношению кунгурца посадского человека Михаила Ярышкина) было собрано с показанной рыбной ловли 0,05 руб. С чердынца посадского Матвея Верещагина при реке Печоре (печорского падуна с речки Подчерья) собрали в качестве доимки 4,5 руб. С крестьянина Чердынского уезду Семена Девяткова (при Печоре реке с падуна речки Вутура на 1764–1765 гг.) было взято 4,37 руб., а с крестьянина Ивана Макарова при Печоре с падуна – 7,705 руб.³⁹ Итого с рыбных ловель в канцелярии было принято за «взысканные с владельцев Якова Пиминова, Семена Девяткова, Ивана Макарова с показанных рыбных ловель на прошлые 1764 и 1765 гг.» 17,435 руб.

Табл. 3. Оклад с рыбных ловель в 1760-е гг., руб.

Tab. 3. Fishing lease in the 1760s, rub.

Источник	1763 и остаточные от 1761–1762 гг.	1765	1766	На 1766 г. остатки 1765 г.	На 1768 г. остатки 1767 г.	1769
ППК (Пермская провинциальная канцелярия в Кунгуре). С рыбных ловель ⁴⁰	0,5 (1761); 11,705 (1762); 41,55 (1763) ⁴¹	–	–	38,2125 ⁴²	28,1825 ⁴³	–
ППК. С рыбной ловли, хмелевого щипанья, сеного покоса, пашенных земель, с лавок и лавочных мест и прочее ⁴⁴	–	–	–	238,27 ⁴⁵	270,295 ⁴⁶	62,6925 ⁴⁷
С отпусков рыбных ловель печатей ⁴⁸	0,25	–	–	–	–	–
С рыбных ловель Чердынской рагуши, остатки	10,9425 ⁴⁹	–	–	–	–	–
В доимке по окладу с рыбных ловель Кунгурского уезда ⁵⁰	–	0,1	–	–	–	–
Города Чердыни доимка ⁵¹	–	11,705	–	–	–	–
Приход по недоимкам	–	5,3625	–	–	–	–
В доимке с рыбных ловель по окладу ⁵²	–	–	0,86	–	–	–
12 апреля по татарина Гумера Баизигитова принято на прошлые 1758–1766 гг.	–	–	8	–	–	–
Итого с рыбных ловель принято взысканных на 1764–1765 гг.	–	–	17,435	–	–	–

³⁷ Там же.

³⁸ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 8–9. 1766 г.

³⁹ Там же. Л. 8–9 об.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 3 об.–30. 1759 г.

⁴¹ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 165. 1764 г.

⁴² РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 203. Л. 6 об.–42 об. 1766 г.

⁴³ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 282. Л. 1 об.–32 об. 1768 г.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 133. Л. 3 об.–30. 1759 г.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 203. Л. 6 об.–42 об. 1766 г.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 282. Л. 1 об.–32 об. 1768 г.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 365. Л. 1. 1770 г.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 165. 1764 г.

⁴⁹ Там же. Л. 5.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 190. Л. 8 об.–9. 1765 г.

⁵¹ Там же.

⁵² РГАДА. Ф. 439. Оп. 1. Д. 202. Л. 8–9. 1766 г.

Обратимся к статистике более позднего периода (табл. 4). В годовых рапортах Соликамской воеводской канцелярии (фонды Пермской канцелярии за этот период автором не изучались) оклад с Соликамского уезда зафиксирован на уровне 49,575 руб. («с рыбных ловель Соликамского уезда, кои состоят за владельцами государственными и приписными и горных заводах крестьянах оклад – 49,575, собрано – 47,735, в доимке – 1,84 руб.»). На 1775 г. с рыбных ловель в г. Чердыни предполагалось собрать 2,65 руб., из них в казну поступило 0,9575 руб., а доимка составила 1,6925 руб.⁵³ С чердынского магистрата («с рыбных ловель, состоящих в казенных дачах») по окладу канцелярии требовался 31,4 руб., 1,8 руб. было собрано, а 29,6 руб. попали в недобор.

По поводу недоимки была сделана следующая запись: «онные деньги чрез нарочного послано от Соликамской канцелярии и взыскиваются неослабно»⁵⁴. В Чердынском уезде в 1780 г. оклад с рыбных ловель составил 35,4 руб. Совокупный оклад с Соликамского и Чердынского уездов в 1774–1881 гг. можно оценить примерно в 84,975 руб. Он несколько снизился по сравнению с серединой XVIII в. Можно предполагать, что в Кунгурском уезде изменения были аналогичными, т. е. фиксируется незначительное снижение рыбного оклада к концу XVIII в.

Заключение

Оценим данные денежные поступления в сравнении со всеми средствами, которые собирали местные воеводские канцелярии в XVIII в. В распоряжении автора статьи имеются данные по Соликамской провинциальной канцелярии. В счете 1735 г. сумма прихода за этот год составила 32232,8075 руб.⁵⁵ В 1758 г. полученные средства оценивались в 16490,725 руб. К этому времени основные суммы прихода были сконцентрированы уже в Кунгурской канцелярии. Согласно настольному реестру 1780 г., общий приход составил 82205,8675 руб.⁵⁶ Автором исключаются при этом подушная подать и соляная регалия, которые собирались отдельно. В таких условиях сборы с рыбных ловель представляли незначительные суммы в размере до 1 % от денежных средств, поступавших в распоряжение канцелярий.

Имеющиеся в распоряжении автора статьи данные позволяют судить о размерах оброка и оклада с рыболовного промысла населения Прикамья на протяжении периода функционирования воеводских канцелярий в XVIII в. Этот оклад занимал незначительное место в общей сумме сборов с населения Прикамья, даже с исключением подушной подати и соляной регалии из общей структуры налоговых поступлений. Несмотря на это, оклад с рыбных ловель учитывался детально. Во многих реестрах он фигурирует

Табл. 4. Оклад с рыбных ловель в 1770–1780-е гг., руб.

ab. 4. Fishing lease in the 1770s–1780s, rub.

Источник	Остаток денежной казны с 1774 г. по 1775 г.	1775	1780	Остаточных в 1780 г. и 1781 г.
Окладные сборы с рыбных ловель на 1774 г.	36,7775 ⁵⁷	–	–	–
По городу Чердыни рыбных ловель ⁵⁸	–	–	–	2,35
Рыбных ловель оклад ⁵⁹	–	–	35,4	–
С чердынского магистрата с рыбных ловель, состоящих в казенных дачах ⁶⁰	–	–	оклад – 31,4; 1,8 – собрали; 29,6 – недобор	–
Чердынь	–	С рыбных ловель 2,65, из них собрано 0,9575, а доимка составила 1,6925 ⁶¹	–	–
С рыбных ловель Соликамского уезда, кои состоят за владельцами государственными и приписными и горных заводах крестьянах оклад ⁶²	–	оклад – 49,575: 47,735 – собрано; в доимке 1,84	–	–

⁵³ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. Л. 104 об. 1775 г.

⁵⁴ Там же. Л. 106

⁵⁵ РГАДА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 115. Л. 48 об.–49. 1737 г.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 415. 1780 г.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 511. Л. 18 об.–19. 1780 г.

⁵⁹ Там же. Л. 27 об.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 576. Оп. 1. Д. 509. Л. 106. 1775 г.

⁶¹ Там же. Л. 104 об.

⁶² Там же. Л. 103.

с описанием плательщика (социальный статус, имя и фамилия) и водоема, с которого взимался оброк (впоследствии сборы по окладу). Недоимки тоже собирались и фиксировались в доимочных книгах. В основном данные сборы платили государственные крестьяне в уездах, а также приписанные к заводам работники, взявшие угодья для коммерческого использования. Встречаются упоминания и коренного населения Прикамья – например, татары тоже брали угодья на оброк. Это касалось не только водоемов, но и рек.

Суммы платежей за пользование водными угодьями редко превышали 1 руб. в год. Как правило, стоимость использования угодья не менялась на протяжении нескольких лет. Это становится особенно заметно, если анализировать доимочные книги. Таким образом, детальное изучение ряда финансовых документов воеводской канцелярии позволяет составить представление о рыболовном промысле населения Прикамья, собираемости рыбного оклада и сделать выводы о социальной структуре плательщиков.

Литература

1. Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в I четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
2. Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России, 1719–1728 гг. Л.: Наука, 1982. 296 с.
3. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1966. 275 с.
4. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. Формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 394 с.
5. Милуков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевич, 1905. 678 с.
6. Дмитриева З. В., Козлов С. А. История российского налогообложения в XVI–XVIII веках в контексте проблемы «налоги–войны» // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3. С. 62–74. DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-62-74
7. Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. СПб.: Ист. ил., 1999. 286 с.
8. Корчмина Е. С. Подушная подать: микроисследование по материалам Переславль-Рязанского уезда в середине XVIII в. // Экономическая история. 2015. № 2. С. 8–23.
9. Иванов А. Г. Государственные подати и повинности ясачных марийцев в конце XVII – первой четверти XVIII века // Вестник Марийского государственного университета. 2014. № 2. С. 106–110.
10. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России. М.: Текст, 1994. 317 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX в.: генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.
12. Милов А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.
13. Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 1999. 575 с.
14. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1983. 352 с.
15. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 391 с.
16. Басманцев Д. В. Провинциальное и уездное воеводское управление на территории Чувашии в XVIII веке: дис... канд. ист. наук. Чебоксары, 2015. 288 с.
17. Космовская А. А. Эффективность налоговой политики Российского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII веках) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4. С. 77–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87
18. Космовская А. А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI–XVII вв. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2019. 243 с.
19. Полякова Е. Н. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности). Статья вторая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 5. С. 5–15.
20. Куманцов М. И. Возникновение и развитие рыболовства Северного Причерноморья. Часть 1 (от древности до начала XX в.). М.: Изд-во ВНИРО, 2011. 236 с.
21. Кирьянов И. К., Коренюк С. Н., Чагин Г. Н. Рыболовство в Пермском крае в стародавние времена. Пермь: Книжный мир, 2007. 163 с.
22. Мосияш С. С. Пути любительского рыболовства: от древности до наших дней. СПб.: ГосНИОРХ, 2012. 145 с.
23. Богачев А. И. Обеспечение продовольственной безопасности на основе развития рыбного хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2018. № 5. С. 110–121.
24. Богачев А. И. Роль рыболовства и аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности: мировой аспект // Вестник сельского развития и социальной политики. 2017. № 4. С. 2–4.

25. Лукин А. А., Богданова В. А., Костюничев В. В. Перспективы развития российской аквакультуры // Рыбная сфера. 2016. № 1. С. 35–36.
26. Алексеева О. А. Рыболовецкий промысел в Псковском крае в XVIII в. // Вестник Псковского государственного педагогического университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2007. № 1. С. 42–53.
27. Ларина О. Г., Русаков И. Б. Историко-правовые аспекты местного управления регалийными доходами в России в 1719–1724 гг. // Актуальные вопросы местного самоуправления в Российской Федерации: сб. науч. ст. по итогам I Всерос. науч.-практ. конф., посв. Дню местного самоуправления. (Стерлитамак, 26–27 апреля 2018 г.) Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018. С. 4–7.

original article

Fishing in the Kama River Area in the Sources of 1720–1780*

Anna A. Kosmovskaya^{a, b, @, ID}

^a Perm State Institute of Culture, Russia, Perm

^b Perm State Pharmaceutical Academy, Russia, Perm

@ akosmovskaya@list.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5968-3174>

Received 29.03.2020. Accepted 25.05.2020.

Abstract: The research was based on previously unpublished financial documents of the Solikamsk and Kungursk provincial archives. The research featured income from fishing lease in the Kama River Area in 1720–1780. The geographic features of the region determined the distribution of fishing areas. The role of provincial offices (voivodships) in collecting fishing leases in this territory is new to historiography, as well as the issue of the fishing quota and the lease volume. The author made an attempt to estimate the size of revenues from the fishing industry for the population of the Kama region in the XVIII century. The low fees revealed that the fish lease played a minor role in the general structure of tax revenues. The study of various financial documents made it possible to describe the local fishing industry, the amount of fishing fees, and the social structure of leasers, who were free peasants and factory workers. As a rule, the rent hardly changed during the period and rarely exceeded 1 ruble for a fishing area per year.

Keywords: XVIII century, structure of tax revenues, voivodship office, fisheries, quitrent, salary, state regalia

For citation: Kosmovskaya A. A. Fishing in the Kama River Area in the Sources of 1720–1780. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 626–635. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-626-635>

References

1. Anisimov E. V. *State transformations and the autocracy of Peter the Great in the first quarter of the XVIII century*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997, 331. (In Russ.)
2. Anisimov E. V. *Tax reform of Peter I. The introduction of the poll tax in Russia, 1719–1728 gg.* Leningrad: Nauka, 1982, 296. (In Russ.)
3. Troitskii S. M. *Financial policy of Russian absolutism in the XVIII century*. Moscow: Nauka, 1966, 275. (In Russ.)
4. Troitskii S. M. *Russian absolutism and nobility of the XVIII century Formation of bureaucracy*. Moscow: Nauka, 1974, 394. (In Russ.)
5. Miliukov P. N. *State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great*, 2nd ed. St. Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, 1905, 678. (In Russ.)
6. Dmitrieva Z. V., Kozlov S. A. History of Russian taxation in the XVI–XVIII centuries in the context of "taxes and wars". *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, (3): 62–74. (In Russ.) DOI: 10.22204/2587-8956-2019-096-03-62-74
7. Kozlov S. A., Dmitrieva Z. V. *Taxes in Russia before the XIX century*. St. Petersburg: Ist. il., 1999, 286. (In Russ.)
8. Korchmina E. S. The poll tax: microanalysis on the materials of the Pereslavl'-Ryzansky county in the middle of the XVIII. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2015, (2): 8–23. (In Russ.)

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-31-27001 (The effectiveness of the financial policy of the provincial administration of the Kama River Area in the XVII–XVIII centuries).

9. Ivanov A. G. State tributes and dues of the Mari at the end of the XVII century and the first quarter of the XVIII century. *Vestnik of the Mari State University*, 2014, (2): 106–110. (In Russ.)
10. Medushevsky A. N. *The approval of absolutism in Russia*. Moscow: Tekst, 1994, 320. (In Russ.)
11. Mironov B. N. *Social history of Russia during the period of the empire: XVIII – early XX century: the genesis of personality, democratic family, civil society, and the rule of law*, 3rd ed. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003, vol. 1, 548. (In Russ.)
12. Milov L. V. *Great Russian plowman and features of the Russian historical process*. Moscow: ROSSPEN, 1998, 573. (In Russ.)
13. Kamensky A. B. *From Peter I to Paul I. Reforms in Russia in the XVIII century. Holistic analysis experience*. Moscow: RGGU, 1999, 575. (In Russ.)
14. Eroshkin N. P. *History of state institutions in pre-revolutionary Russia*, 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1983, 352. (In Russ.)
15. Preobrazhenskiy A. A. *Ural and Western Siberia in the late XVI – early XVIII centuries*. Moscow: Nauka, 1972, 391. (In Russ.)
16. Basmantsev D. V. *Provincial and district voivodeship administration in the territory of Chuvashia in the XVIII century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Cheboksary, 2015, 288. (In Russ.)
17. Kosmovskaya A. A. Effectiveness of Russian tax policy (the problem of tax arrears in Solikamsk uezd in the XVII and XVIII centuries). *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 2018, (4): 77–87. (In Russ.) DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87
18. Kosmovskaya A. A. *Provincial administration in the Perm Kama region at the end of the XVI–XVII centuries*. Perm: Permskii gosudarstvennyi institut kultury, 2019, 243. (In Russ.)
19. Polyakova E. N. Prikamye food culture of the XVI–XVIII centuries (lexics and onomastics data of Perm written monuments). The second article. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2009, (5): 5–15. (In Russ.)
20. Kumantsov M. I. *The emergence and development of fishing in the Northern Black Sea region. Part 1 (from antiquity to the early XX century)*. Moscow: Izd-vo VNIRO, 2011, 236. (In Russ.)
21. Kiryanov I. K., Korenyuk S. N., Chagin G. N. *Fishing in the Perm region in ancient times*. Perm: Knizhnyi mir, 2007, 163. (In Russ.)
22. Mosiash S. S. *Recreational fishing routes: from antiquity to the present day*. St. Petersburg: GosNIORKh, 2012, 145. (In Russ.)
23. Bogachev A. I. Provision food security based on development fisheries. *Bulletin NGIEI*, 2018, (5): 110–121. (In Russ.)
24. Bogachev A. I. The role of fisheries and aquaculture in food security: the world aspect. *Vestnik selskogo razvitiia i sotsialnoi politiki*, 2017, (4): 2–4. (In Russ.)
25. Lukin A. A., Bogdanova V. A., Kostyunichev V. V. Prospects for the development of Russian aquaculture. *Rybnaia sfera*, 2016, (1): 35–36. (In Russ.)
26. Alekseeva O. A. Fishing industry in the Pskov region in the XVIII century. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye i psikhologo-pedagogicheskie nauki*, 2007, (1): 42–53. (In Russ.)
27. Larina O. G., Rusakov I. B. Historical and legal aspects of local management of regulative income in Russia in 1719–1724. *Topical issues of local self-government in the Russian Federation: Proc. I All-Russian Sci.-Prac. Conf., dedicated to the Day of Local Government, Sterlitamak, April 26–27, 2018*. Sterlitamak: Sterlitamaskii filial FGBOU VO "Bashkirskii gosudarstvennyi universitet", 2018, 4–7. (In Russ.)

Стоянка Карасор-2 в Верхнем Притоболье

Елена В. Подзубан^{а, @}

^а Костанайский государственный историко-краеведческий музей, Казахстан, г. Костанай

[@] podzuban@mail.ru

Поступила в редакцию 04.06.2020. Принята к печати 29.07.2020.

Аннотация: В научный оборот вводится коллекция находок материальной культуры доисторического периода, полученная на стоянке Карасор-2 в ходе стационарного исследования археологического объекта Карасор за время полевого сезона 1998 г. Группа памятников Карасор располагается в Верхнем Притоболье, вблизи города Лисаковск. В географическом отношении Верхнее Притоболье приурочено к северной части Тургайского прогиба. Территория Тургайского прогиба соединяет Западно-Сибирскую и Туранскую равнины. С запада Тургайский прогиб ограничен Зауральским плато, а с востока – Казахским мелкосопочником и отрогами гор Улутау. Природно-географические особенности этого региона не способствуют сохранению культурного слоя на памятниках. В этой связи на стоянке Карасор-2 находки, представленные фрагментами керамики и каменными изделиями, были собраны с поверхности по причине разрушенного культурного слоя. В публикации керамика дана описательная характеристика, а каменный инвентарь был исследован с помощью технико-типологического метода. Поскольку обнаруженные на стоянке Карасор-2 фрагменты керамики слишком малы, основной акцент при определении временной и культурной принадлежности собранных материалов был сделан с опорой на результаты технико-типологического анализа каменной индустрии. Автор пришел к выводам, что на рассматриваемом памятнике оставлены каменные индустрии эпохи мезолита и позднего энеолита. При этом с последним периодом соотносится основной комплекс каменного инвентаря, находящий прямые аналогии с каменной индустрией терсекской культуры. Временной диапазон собранной с поверхности коллекции каменного инвентаря и керамики на представленной стоянке предположительно определяется периодом от финала мезолита до эпохи бронзы.

Ключевые слова: энеолит, Тургайский прогиб, каменная индустрия, технико-типологический анализ, скребки, ножи, кварцитопесчаник, мезолит, бронзовый век

Для цитирования: Подзубан Е. В. Стоянка Карасор-2 в Верхнем Притоболье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 636–647. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647>

Введение

В степных просторах Верхнего Притоболья, относящегося географически к северной части Тургайского прогиба, на берегу высохшего озера в 15 км к югу от г. Лисаковск (Тарановский район, Костанайская область) находится группа памятников Карасор¹. Археологические работы на памятнике Карасор проводились в полевые сезоны 1998–1999 гг. В ходе исследований было выявлено восемь памятников, которые распространяются вокруг озера и располагаются преимущественно западнее от него (рис. 1). Общая площадь, которую занимает группа памятников Карасор, составляет примерно 196 га. На этом археологическом объекте культурный слой сильно разрушен песчаным выдувом. Раскопы закладывались только на Карасоре-1, где за два года было исследовано около 3000 м². На остальных объектах проводились сборы с поверхности.

В 160 м к юго-юго-востоку от Карасора-1 находится памятник Карасор-2, о котором пойдет речь в данной публикации. Значительная часть археологического объекта Карасор-2

разрушена песчаным выдувом, поэтому находки были собраны с поверхности. В ходе сбора с поверхности было получено 879 артефактов, которые представлены фрагментами керамики (170 экз.) и изделиями из камня (709 экз.)².

В силу природно-географических условий на территории Тургайского прогиба происходит медленное накопление почвенного слоя, что обуславливает плохую сохранность культурного слоя на большинстве памятников. В этой связи культурный слой многих археологических объектов в этом регионе полностью или частично разрушен, поэтому их отложения содержат смешанный разновременный материал. Группа памятников Карасор является ярким примером таких объектов. Кроме того, на территории Тургайского прогиба отсутствуют многослойные стратифицированные памятники каменного века, на которых культурные слои разделены стерильными прослойками. Радиоуглеродные даты крайне редки и имеются преимущественно для терсекских памятников. Ввиду этих особенностей такие методы, как описательный, технико-типологический, сравнительный,

¹ Логвин А. В., Подзубан Е. В. Раскопки поселения Карасор-1. Исследование карасорской группы памятников // Отчет о полевых исследованиях отряда Лисаковской археологической экспедиции летом 1998 г. Костанай: Архив Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притоболья, 1999. С. 5.

² Там же. С. 40.

применялись для исследования коллекции, полученной на стоянке Карасор-2.

Цель данной публикации – определить хронологическую и культурную принадлежность стоянки Карасор-2. Вытекающие задачи: ввести в научный оборот новые сведения о материальной культуре доисторического периода, полученные на стоянке Карасор-2; дать характеристику каменной индустрии при помощи технико-типологического анализа.

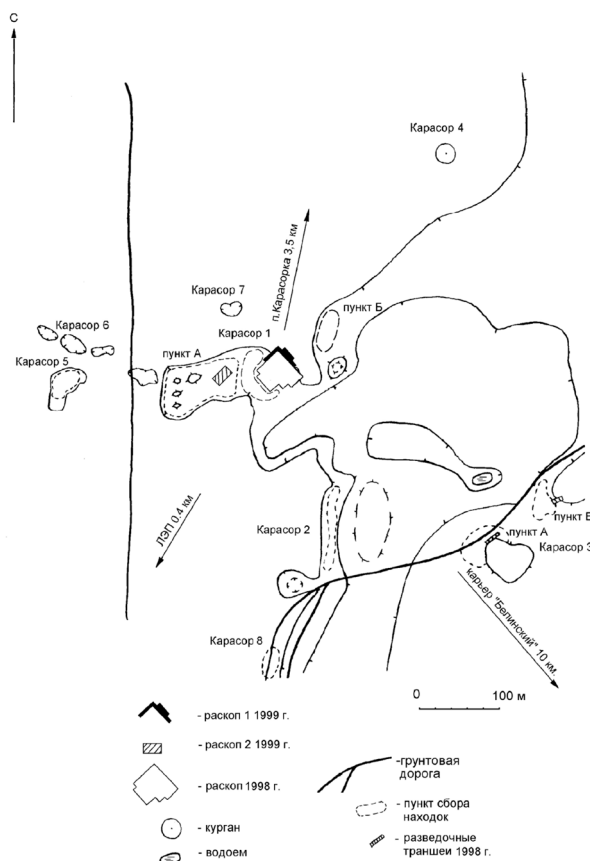

Рис. 1. Ситуационный план местности. Карасорская группа памятников

Fig. 1. Layout plan. Karasor monument group

Результаты

Собранная с поверхности керамика на стоянке Карасор-2 сильно фрагментирована. Все же стало возможным выделить верхние части сосудов (17 фр.), стенки сосудов (149 фр.) и придонные части (4 фр.). Верхние части сосудов представлены орнаментированными (14) и неорнаментированными (3) фрагментами. Из орнаментированных фрагментов восемь верхних частей – от одного сосуда с округлым венчиком, на которые нанесен узор подпрямоугольными вдавлениями. Тесто фрагментов – с примесью шамота, талька и крупнозернистого песка, их толщина – 8 мм.

Один фрагмент верхней части сосуда орнаментирован рядами вдавлений, выполненными углом штампа.

Срез венчика уплощен, скошен наружу и орнаментирован большими подтреугольными вдавлениями. Тесто фрагмента – с примесью шамота, его толщина – 8 мм. Внутренняя поверхность заглажена зубчатым штампом (рис. 2, 4). Пять мелких фрагментов верхних частей сосудов орнаментированы зубчатым штампом. Из них два фрагмента – с уплощенным венчиком, а три – с округлым. Примесь шамота прослеживается в тесте 1 фрагмента, примесь шамота, талька и крупнозернистого песка отмечена в тесте 4 фрагментов, их толщина – от 5 до 8 мм.

Три неорнаментированных мелких фрагмента верхних частей сосудов – с уплощенным венчиком (2 фр.) и округлым (1 фр.). Примесь шамота отмечена в тесте 2 фрагментов, примесь шамота и талька – в тесте 1 фрагмента, их толщина – 8 мм, 11 мм и 19 мм.

Среди фрагментов стенок сосудов прослеживаются орнаментированные (41 фр.) и неорнаментированные (108 фр.). Преимущественно орнаментированные фрагменты стенок сосудов – небольших размеров, поэтому проследить заверченный узор не удалось. Однако орнаментированные фрагменты стенок сосудов были разделены на группы в соответствии с приемами нанесения орнамента. Выделены десять фрагментов, которые происходили от одного сосуда, украшенные по всей поверхности рядами подтреугольных вдавлений. Тесто фрагментов – с примесью шамота и крупнозернистого песка, толщиной 5 мм. Пять фрагментов от одного сосуда орнаментированы каннелюром в сочетании с отпечатками зубчатого штампа. В тесто фрагментов добавлена слюда, шамот, крупнозернистый песок, их толщина – 8 мм. На трех фрагментах отмечены каннелюры. Тесто фрагментов – с примесью шамота и крупнозернистого песка, их толщина – от 8 до 12 мм. На одном фрагменте прослеживаются каплевидные вдавления, а другой фрагмент украшен отпечатками гладкого штампа. В тесте первого фрагмента присутствует шамот и крупнозернистый песок, в тесте второго – только шамот. Толщина фрагментов – соответственно 10 мм и 9 мм. Зубчатый штамп прослеживается на 21 фрагменте стенок сосудов. Поскольку стенки сосудов очень мелкие, то только на одном фрагменте удалось проследить узор, состоящий из заштрихованных треугольников. Примесь шамота присутствует в тесте 10 фрагментов, шамот, слюда и крупнозернистый песок отмечены в тесте 8 фрагментов, шамот и крупнозернистый песок наблюдался в тесте 3 фрагментов. Толщина стенок этих фрагментов – от 6 до 9 мм.

В тесте неорнаментированных фрагментов стенок сосудов в качестве примеси прослеживается преимущественно шамот (53 фр.). Шамот и крупнозернистый песок присутствует в тесте 21 фрагмента, тальк и шамот – в 12 фрагментах. Примесь талька, шамота и крупнозернистого песка выявлена в тесте 3 фрагментов, примесь слюды – в 1 фрагменте, без видимых примесей в тесте – 18 фрагментов. Толщина неорнаментированных фрагментов стенок – от 5 до 10 мм.

В коллекции керамики присутствуют четыре неорнаментированных фрагмента от придонной части плоскодонных

сосудов. Примесь шамота отмечена в тесте 2 фрагментов, шамота и талька – в тесте 1 фрагмента, без видимых примесей – 1 фрагмент. Толщина придонных частей – от 8 до 13 мм.

Технико-типологический анализ каменного инвентаря на памятнике проводился с учетом следующих показателей: продукты первичного расщепления; морфологические параметры заготовок (отщепы, пластины, пластинчатые отщепы); размеры пластин и орудий на пластинах (основное внимание уделяется ширине заготовки); процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывался характер используемого сырья [1, с. 4]. Под каменной индустрией понимается «совокупность устойчиво повторяющихся типов заготовок (техника расщепления), типов вторичной обработки продуктов расщепления (техника ретуширования) и типов изделий (набор типов форм)» [2, с. 9].

Как и на большинстве памятников Тургайского прогиба, на стоянке Карасор-2 каменный инвентарь изготовлен из традиционных для этого региона видов сырья. Основная доля каменных изделий приходится на кварциты и кварцитопесчаники (86 %), мелкозернистый песчаник (7 %), кремнистый

алевролит (1,3 %), кремнистый сланец (1,4 %), фтаниты (1,6 %). Менее 1 % приходится на такие породы, как халцедонит, яшму, кахолонг, крупнозернистый песчаник.

Под *первичным расщеплением* понимается процесс подготовки нуклеуса (ядрище) из сырья с целью его дальнейшего раскалывания для получения сколов-заготовок (вторичных заготовок) – отщепов и пластин. Известно, что процедура изготовления нуклеуса проходит четыре стадии [3, с. 6]. В рассмотренной коллекции встречены обломки нуклеусов – 3 экз., преформа – 1 экз. и нуклеидный обломок – 1 экз., что составило 0,7 % каменных изделий. На обломках нуклеусов сохранились негативы от снятия пластин шириной от 6 до 14 мм.

Преформа нуклеуса изготовлена из фтанита, ее размеры – 53×23×15 мм. Ударная площадка отсутствует. На одной плоскости преформы прослеживаются поперечные сколы, на противоположной плоскости сохранились два негатива от продольных сколов шириной 10 и 13 мм. Боковые стороны и один торец покрыты желвачной коркой. Второй торец приострен подтеской по краю с двух сторон. Судя по волнам на негативах от продольных сколов их скалывание производилось со второго торца (рис. 3, 1).

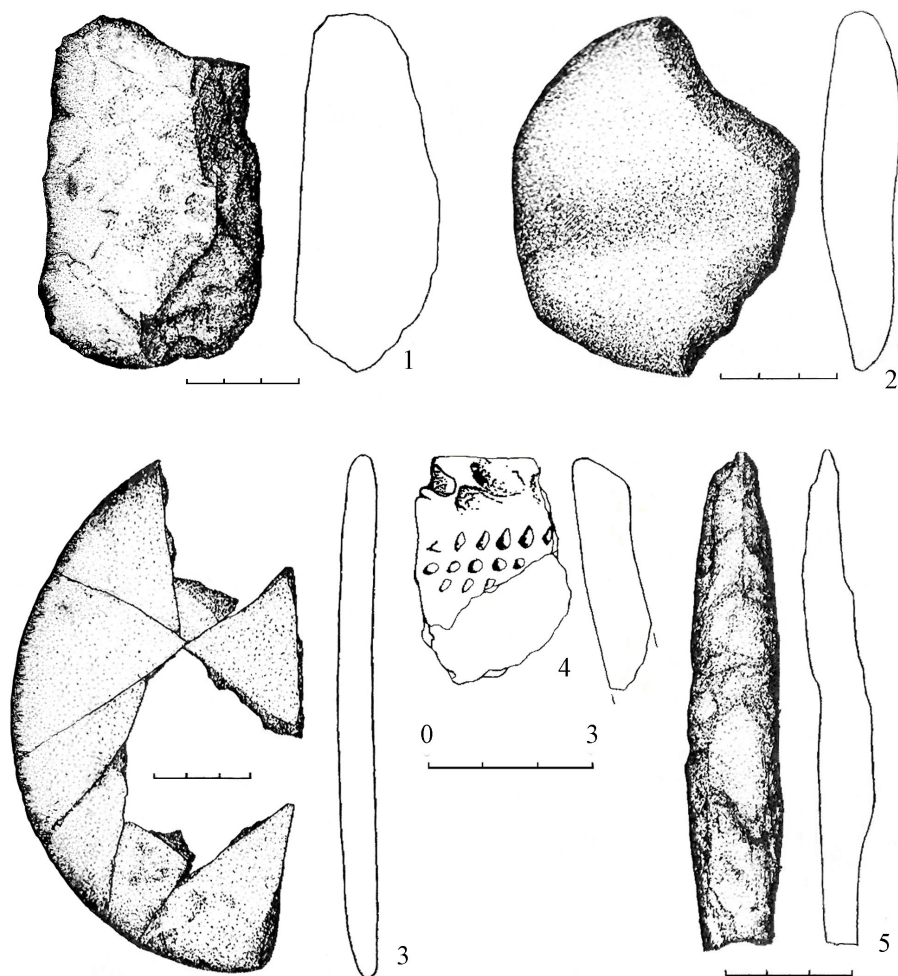

Рис. 2. Находки со стоянки Карасор-2. 1 – рубящее орудие; 2 – абразив; 3 – тёрочник; 4 – фрагмент керамики; 5 – индивидуальное орудие
Fig. 2. Karasor-2 site finds. 1 – chopping tools; 2 – abrasive; 3 – rubbing stone; 4 – ceramic fragment; 5 – individual tool

Нуклеидный обломок выполнен из породы кварцито-песчаника и полностью покрыт желвачной коркой, его размеры – 55×63×19 мм. На одной его поверхности сохранились негативы от краевого снятия отщепов, размеры которых укладываются в диапазон от 11 до 40 мм (рис. 3, 2).

В ходе первичного расщепления появляются *отходы производства*, к которым относятся отщепы, сохранившие полностью или частично желвачную корку; обломки сырья; пластины с коркой (краевые сколы); неправильные пластины с аморфным сечением, отходы вторичной обработки. В рассматриваемой коллекции каменного инвентаря выявлены *отходы производства* (45 % каменных изделий), которые представлены отщепами, сохранившие полностью (35 экз.) или частично (80 экз.) желвачную корку, обломками сырья (184 экз.), пластинами с коркой (краевые сколы) (8 экз.) и отходами вторичной обработки (13 экз.).

Отщепы-отходы по наибольшему диаметру распределяются в пределах от 0 до 110 мм (рис. 3, 3–5). Среди них преобладают экземпляры с наибольшим диаметром от 11 до 40 мм – 98 экз. (85 %). Остальные отщепы-отходы по наибольшему размеру распределяются следующим образом: до 10 мм – 1 экз., от 41 до 50 мм – 10 экз., от 51 до 60 мм – 3 экз., от 61 до 70 мм – 1 экз., от 71 до 80 мм – 1 экз., от 101 до 110 мм – 1 экз.

Среди обломков сырья преобладают экземпляры диаметром от 11 до 40 мм – 162 экз. (88 %). Остальные обломки сырья по наибольшему диаметру распределяются таким образом: от 41 до 50 мм – 12 экз., от 51 до 60 мм – 5 экз., от 61 до 70 мм – 1 экз., от 71 до 80 мм – 3 экз., от 81 до 90 мм – 1 экз. Среди обломков кремня желвачная корка сохранилась полностью на 30 экз., частично – на 72 экз. В ходе работы с обломками сырья часть из них подлежала

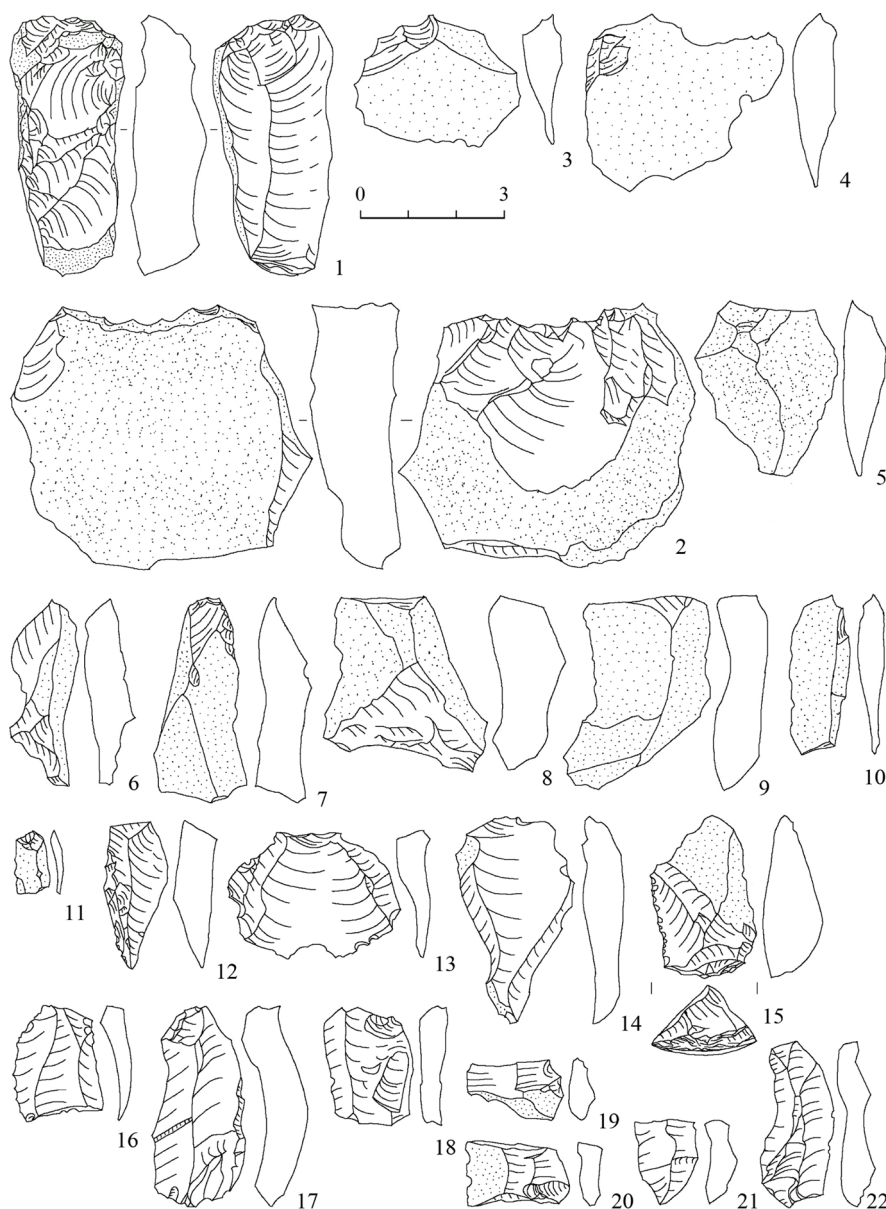

Рис. 3. Каменные изделия со стоянки Карасор-2. 1 – преформа нуклеуса; 2 – нуклеидный обломок; отходы производства: 3–5 – отщепы-отходы, 6–10 – краевые пластины, 11 – отщеп оббивки, 12 – резцовый отщеп, 13, 14 – отщепы-заготовки, 15 – пластинчатый отщеп; пластины-заготовки: 16–18 – проксимальные части, 19, 20 – медиальные части, 21 – дистальные части, 22 – целая пластина

Fig. 3. Stone tools from the Karasor-2 site. 1 – nucleus preform; 2 – nucleic fragment; production waste: 3–5 – waste flakes, 6–10 – edge plates, 11 – flaking spallation, 12 – incisal flake, 13, 14 – casting flakes, 15 – plate flake; casting plates: 16–18 – proximal parts, 19, 20 – medial parts, 21 – distal parts, 22 – complete plate

восстановлению. Это позволило предположить, что первичный раскол производился на стоянке преимущественно из пород кварцитопесчаника и кварцита серого, коричневатого-серого и светло-коричневого цветов.

Пластины с коркой (краевые сколы) сохраняют параметры, характерные для пластин, за исключением следов предшествующих сколов на поверхности, поскольку их дорсальная поверхность покрыта желвачной коркой (рис. 3, 6–10). В рассматриваемой коллекции краевые сколы, сохранившие полностью (4 экз.) или частично (4 экз.) желвачную корку, представлены частями: дистальными – 2 экз., медиальными – 2 экз., проксимальными – 4 экз. По ширине они равномерно распределяются от 12 до 27 мм.

Отходы вторичной обработки представлены сколами оббивки (11 экз.) и резцовыми сколами (2 экз.). Сколы оббивки возникали при изготовлении двусторонне обработанных орудий. Все сколы оббивки по наибольшему размеру распределяются от 11 до 20 мм. Первичная корка присутствует на трех сколах оббивки (рис. 3, 11). Резцовые сколы по наибольшему диаметру распределяются следующим образом: от 11 до 20 мм – 1 экз., от 31 до 40 мм – 1 экз. На естественно заостренной дистальной части одного из резцовых сколов отмечены следы подтески и сработанности (рис. 3, 12).

В процессе расщепления нуклеус нуждался в «подживлении» с целью получения правильных пластин с параллельными краями. В ходе «подживления» появлялись технические сколы, или продукты «омоложения» нуклеуса, к которым принадлежат вертикальные сколы, ребристые пластины, сколы с основанием, сколы с ударной площадкой. В представленной коллекции *технические сколы* насчитывают 7 экз. (1 % каменных изделий), это сколы с основанием (1 экз.), ударные площадки (3 экз.), вертикальные сколы (3 экз.). Скол с основанием предположительно был снят с нижней части нуклеуса, его размеры – 44×38×9 мм. На поверхности скола сохранились негативы от снятия пластин шириной 9 мм, 13 мм и 15 мм (рис. 4, 2).

Сколотые ударные площадки – овальной формы (2 экз.) и округлой (1 экз.). Размеры одного скола с ударной площадки овальной формы – 33×22×6 мм. На узком крае фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной 7 мм и 12 мм (рис. 4, 3). Размеры второго скола с ударной площадки овальной формы – 38×21×18 мм. Эта ударная площадка несет «захваченный» небольшой участок контрфронта, на котором сохранились негативы от мелких паразитических сколов, отходящих от края ударной площадки. Размеры скола с ударной площадки округлой формы – 21×17×6 мм. На узком крае фронта ударной площадки сохранились негативы от снятия пластин шириной 7 мм, 9 мм и 12 мм (рис. 4, 4).

Вертикальные сколы представлены обломками. Размеры самого крупного из них – 27×24×5 мм. На поверхности вертикальных сколов фиксируются негативы от снятия пластин шириной от 3 до 14 мм (рис. 4, 1).

В коллекции каменного инвентаря присутствуют *вторичные заготовки*, к которым отнесены отщепы без вторичной обработки (191 экз.), пластины без вторичной обработки (13 экз.) и пластинчатые отщепы (9 экз.).

Отщепов без вторичной обработки насчитывается 27 % от общего количества каменных изделий (рис. 3, 13, 14). Преобладают отщепы-заготовки с наибольшим диаметром от 11 до 40 мм (181 экз.). При этом из них на отщепы-заготовки размером от 21 до 30 мм приходится 46 %, от 11 до 20 мм – 36 % и от 31 до 40 мм – 18 %. Остальные отщепы без вторичной обработки по наибольшему диаметру распределяются следующим образом: до 10 мм – 2 экз., от 41 до 50 мм – 6 экз., от 61 до 70 мм – 1 экз., от 81 до 90 мм – 1 экз. Визуально прослеживается утилизация по боковым краям с дорсала и вентрала на 14 экз. отщепов без вторичной обработки. Дорсальная поверхность трех отщепов без вторичной обработки позволяет предположить, что они были сколоты с бифасов.

Пластины без вторичной обработки составляют 1,8 % от общего количества каменного инвентаря. Среди них преобладают сломанные пластины (12 экз.). Одна пластина целая, ее размеры – 34×14×4 мм. Из сломанных пластин доминируют медиальные части – 6 экз. (рис. 3, 19, 20), чуть меньше проксимальных частей – 4 экз. (рис. 3, 16–18) и дистальных – 2 экз. (рис. 3, 21). Большинство пластин-заготовок – с параллельными краями. Только три пластины неправильной формы: конвергентные (2 экз.) и дивергентные (1 экз.). Преимущественно по одному краю с дорсальной поверхности визуальное прослеживание утилизации на 5 экз.

Ширина всех пластин без вторичной обработки распределяется от 8 до 20 мм. С опорой на методику Г. Ф. Коробковой пластины без вторичной обработки были разделены на три группы: от 7 до 10 мм (1 экз.); от 11 до 15 мм (6 экз.); от 16 до 25 мм (6 экз.) [2, с. 9]. Толщина пластин без вторичной обработки колеблется от 2 до 8 мм, при этом пластин-заготовок толщиной от 2 до 4 мм – 67 %.

Среди пластин без вторичной обработки преобладают экземпляры с треугольным (7 экз.) и трапециевидным (5 экз.) сечением. Пластин-заготовок с прямым профилем – 7 экз., пластин с изогнутым профилем – 6 экз. Среди медиальных частей пластин представлены прямоугольные (2 экз.), трапециевидные (3 экз.) и квадратные (1 экз.) формы. Проксимальные части пластин-заготовок преимущественно встречаются с точечными (1 экз.), гладкими (2 экз.) и двугранными (1 экз.) площадками. Дистальные части имеют ныряющий (1 экз.) и перообразный (1 экз.) типы окончаний. Целая пластина – неправильной формы (дивергентная), с гладкой площадкой и ступенчатым окончанием (рис. 3, 22).

По мнению специалистов в области экспериментальной археологии, «причиной возникновения ступенчатого окончания принято считать слишком сильную нагрузку "на отрыв" в момент скалывания. Она приводит к сильному изгибу уже отделившейся части скола, превышающему его пластические возможности, в результате чего скол ломается, образуя либо ступеньку, либо излом. Условием

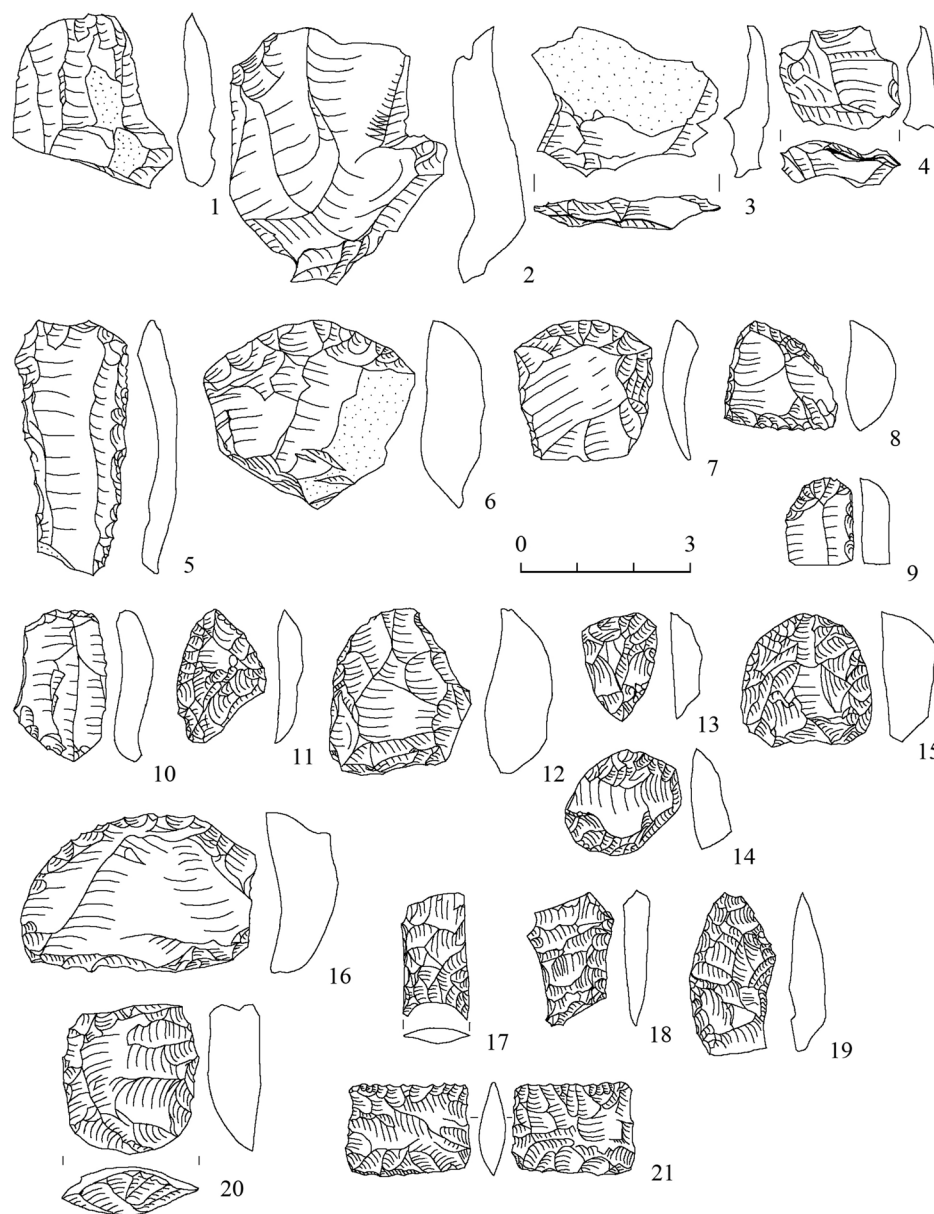

Рис. 4. Каменные изделия со стоянки Карасор-2.

Технические сколы: 1 – вертикальный скол, 2 – скол с основанием, 3, 4 – сколы с ударной площадкой; 5 – пластина с ретушью по боковому краю; 6–16 – скребки; двусторонне обработанные орудия: 17–20 – наконечники, 21 – дисковидное орудие

Fig. 4. Stone tools from the Karasor-2 site. Technical flakes: 1 – vertical flake, 2 – base flake, 3, 4 – strike pad flakes; 5 – side retouched plate; 6–16 – scrapers; double-sided finished tools: 17–20 – arrowheads, 21 – disc tool

формирования перообразного окончания признаются оптимальные пропорции нагрузки "на сжатие" и "на отрыв" при регулярной поверхности скалывания» [4, с. 44–45]. При ныряющем варианте скол доходит до нижнего конца нуклеуса, но отщепление не заканчивается, а продолжается, захватывая часть основания нуклеуса [5, с. 32].

Пластиночатые отщепы без вторичной обработки составляют 1,3 % от общего количества каменных изделий (рис. 3, 15). Они распределяются по наибольшему диаметру так: от 11 до 20 мм – 3 экз., от 21 до 30 мм – 5 экз., от 31 до 40 мм – 1 экз. Визуально прослеживается утилизация по боковым краям с дорсала на 2 экз. пластиночатых отщепов.

Коллекция орудий (орудийный набор) на памятнике Карасор-2 состоит из 166 экз. (23 % каменных изделий). Среди них выделены группы орудий из отщепов (143 экз.),

из пластин (5 экз.), из плитки (1 экз.), из обломков сырья (3 экз.), из пластиночатых отщепов (2 экз.) и прочие орудия (12 экз.). В свою очередь группы орудий делятся на категории, а они на типы и варианты.

При их изготовлении использовались такие техники вторичной обработки, как ретуширование (92,7 %), шлифование (4,8 %), оббивка (2,4 %). Самым распространенным приемом вторичной обработки является ретуширование. Данным способом изготовлена большая часть типов орудий таких групп: из пластин, из отщепов, из пластиночатых отщепов, из плитки. Классификация ретуши производилась по следующим признакам: расположение на плоскостях орудия (дорсальная, вентральная, бифасиальная, чередующаяся); степень покрытия ретушью поверхностей орудия (покрывающая – распространяющаяся на всю плоскость изделия,

распространенная – занимает более трети ширины орудия, *захватывающая* – занимает менее трети ширины орудия, *краевая*) [6, с. 107–108]; наклон ретуши (*стелющаяся* – нанесена под углом до 10°, *плоская* – от 10° до 30°, *полукрутая* – от 30° до 60°, *крутая* – от 60° до 90°, *вертикальная* – 90°); соотношение размеров фасеток (*равнофасеточная* и *разнофасеточная*; *протяженная* и *прерывистая*) [7, с. 150–153].

Подавляющее большинство орудий из отщепов содержат краевую протяженную и равнофасеточную ретушь с дорсала (122 экз.) и с вентрала (2 экз.). Среди орудий из отщепов бифасиальная обработка отмечена на 19 экз. Кроме того, отходы вторичной обработки содержат отщепы оббивки. Из всех видов ретуши среди орудий из отщепов превалирует *крутая* (61 экз.), *полукрутая* (29 экз.) и *плоская* (19 экз.). Орудия этой группы преимущественно были изготовлены из отщепов, которые по наибольшему размеру распределяются от 11 до 40 мм (96 %). При этом 55 % приходится на отщепы, укладываемые в интервал от 21 до 30 мм.

Орудия из пластин (5 экз.) оформлены краевой равнофасеточной и протяженной ретушью с дорсальной поверхности. Из видов ретуши на орудиях из пластин отмечены *крутая* (3 экз.), *плоская* (1 экз.) и *полукрутая* (1 экз.). Для изготовления орудий из пластин преимущественно использовались медиальные части (3 экз.), дистальные (1 экз.) и целая пластина, ее размеры – 42×19×5 мм. Все орудия изготовлены из пластин с прямым профилем. По ширине орудия из пластин распределяются следующим образом: от 7 до 10 мм – 1 экз., от 11 до 15 мм – 2 экз., от 16 до 25 мм – 1 экз., более 25 мм – 1 экз. Толщина орудий из пластин колеблется от 3 до 11 мм, при этом четыре изделия – толщиной от 3 до 5 мм.

На орудиях из пластинчатых отщепов (2 экз.) отмечена *краевая* протяженная и равнофасеточная ретушь с дорсала. В одном случае – *крутая* ретушь, во втором – *вертикальная*. Пластинчатые отщепы, из которых выполнены орудия, по наибольшему диаметру укладываются в интервал от 21 до 30 мм.

На орудие, изготовленное из плитки кремнистого сланца, нанесена *крутая* краевая, протяженная и равнофасеточная ретушь. Плитка по наибольшему размеру помещается в диапазоне от 81 до 90 мм.

Орудия из обломков сырья (3 экз.) обработаны двусторонней плоской краевой протяженной и равнофасеточной ретушью. Изделия этой группы были выполнены из обломков сырья, которые по наибольшему размеру распределяются таким образом: от 41 до 50 мм – 1 экз.; от 51 до 60 мм – 2 экз.

Пластины с ретушью по боковым краям (3 экз.) изготовлены из целой пластины (рис. 4, 5) и сломанных частей. Ретушь нанесена по одному боковому краю с дорсала – *крутая* (2 экз.) и *плоская* (1 экз.).

Категория *скребков* включает орудия из *пластин* (2 экз.), *отщепов* (94 экз.) и *пластинчатых отщепов* (2 экз.). Первая группа орудий изготовлена из медиальных частей

пластин. Один из них – с прямым лезвием, второй – с выпуклым. На скребке с прямым лезвием отмечена сработанность по боковому краю с вентрала. Скребок с выпуклым лезвием дополнительно оформлен крутой ретушью по боковому краю с дорсала (рис. 4, 9).

Скребки из отщепов представлены орудиями с одним лезвием – 23 экз. (рис. 4, 6), с двумя – 9 экз. (рис. 4, 7), с тремя – 5 экз. (рис. 4, 8), с лезвием-углом – 3 экз. (рис. 4, 11), биполярным – 1 экз. (рис. 4, 14) и с участком скребковой ретуши – 5 экз. Помимо концевых выделены скребки подтреугольной формы (2 экз.), округлой (1 экз.) и сегментовидной (1 экз.).

Один из скребков подтреугольной формы почти по всему периметру оформлен крутой ретушью (рис. 4, 12). Второй подтреугольный скребок – миниатюрной формы, его размеры – 17×12×13 мм. Высокая вертикальная ретушь нанесена по всему периметру отщепа, захватывая всю дорсальную поверхность (рис. 4, 13). Округлый скребок – со сплошной обработкой дорсальной поверхности, а лезвие оформлено вертикальной ретушью, занимающей $\frac{3}{4}$ периметра отщепа (рис. 4, 15). На сегментовидном скребке – прямая, соединяющая концы дуги лезвия, естественного происхождения со следами сработанности и частичного ретуширования (рис. 4, 16).

Кроме того, среди скребков из отщепов высока доля обломков скребков (31 экз.) и скребковых лезвий (13 экз.). Следы утилизации отмечены по боковым краям на 4 экз., дополнительная ретушь по боковым краям с дорсала присутствует на 1 экз., следы сильной сработанности лезвия отмечены на 2 экз. Преимущественно скребковое лезвие оформлялось крутой ретушью (64 %) и полукрутой (24 %). При этом ретушь занимает $\frac{2}{3}$ поверхности отщепа на 3 экз. и $\frac{1}{2}$ поверхности на 2 экз.

Скребки из пластинчатых отщепов – с прямым (рис. 4, 10) и выпуклым, слегка скошенными лезвиями. Скребок с выпуклым лезвием содержит сработанность по одному боковому краю с дорсала.

Скрёбла (3 экз.) изготовлены из *отщепов* (2 экз.) и кремнистой сланцевой *плитки* (1 экз.). Орудие из плитки – с одним лезвием, оформленным крутой ретушью. Небольшой участок на торце плитки обработан двусторонней краевой ретушью (рис. 5, 1). Скрёбла из отщепов представлены обломками лезвий. На одном обломке отмечена существенная сработанность лезвия с вентрала.

Ножи (9 экз.) выполнены из рассеченных обломков *сырья* (3 экз.) и из *отщепов* (6 экз.). Орудия, изготовленные из обломков сырья, укладываются в диапазон от 41 до 60 мм. Из них – два ножа с прямым лезвием (рис. 5, 5), один – с округлым (рис. 5, 4). Лезвия оформлены двусторонней краевой ретушью. Большая часть поверхности этих орудий покрыта желвачной коркой.

Среди второй группы орудий представлены ножи из целых отщепов (2 экз.) и обломки лезвий ножей (4 экз.). По наибольшему размеру целые отщепы помещаются

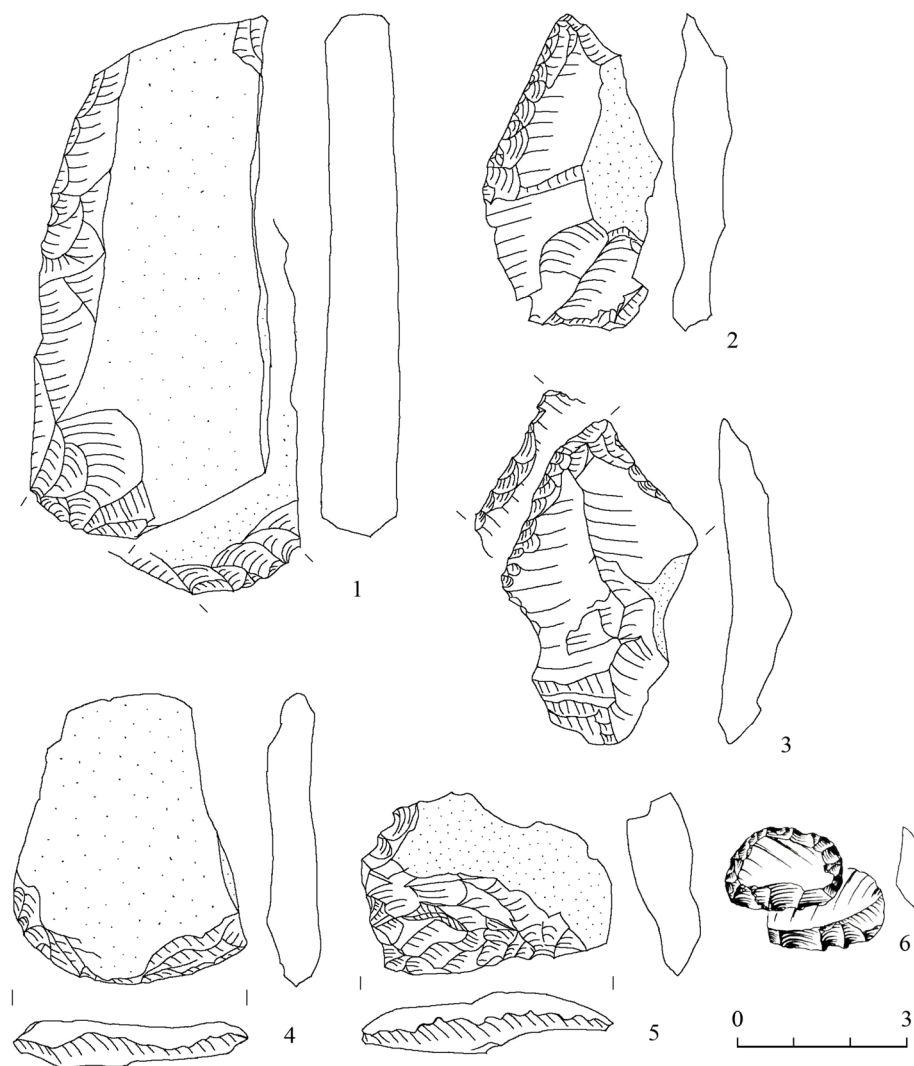

Рис. 5. Каменные изделия со стоянки Карасор-2.
1 – скребло; 2–5 – ножи;
6 – скребок-нож
Fig. 5. Stone tools from the Karasor-2 site. 1 – scraper; 2–5 – knives; 6 – scraper-knife

в интервал от 51 до 60 мм. На одном целом отщепе боковой край по всей длине оформлен стелющейся ретушью с дорсала (рис. 5, 2). На втором отщепе один край частично обработан плоской ретушью с дорсала, а второй – с вентрала. Боковые края на отщепе сходятся под углом (рис. 5, 3).

Скребок-нож изготовлен из отщепа. Три боковых края отщепа оформлены крутой ретушью с дорсала, а один край обработан двусторонней краевой ретушью (рис. 5, 6).

Категория двусторонне обработанных орудий насчитывает 19 экз.: наконечники стрел (9 экз.), дисковидное орудие (1 экз.) и обломки двусторонне обработанных орудий (9 экз.).

Наконечники стрел представлены обломками тыльных частей – 7 экз., срединных – 1 экз. и перьевых – 1 экз. (рис. 4, 19). Среди тыльных частей: с прямым основанием – 2 экз., с выемкой – 2 экз. (рис. 4, 17), с черешком – 1 экз. (рис. 4, 18), с округлым – 2 экз. Округлое основание одного из обломков тыльных частей модифицировано в скребковое лезвие (рис. 4, 20).

Дисковидное орудие – подчетыреугольной в плане формы, его размеры – 21×16×5 мм. Двусторонне обработанное

орудие – плоское, края тонкие и острые, сечение линзовидное (рис. 4, 21).

Отщепов с участком ретуши найдено 21 экз. Из них 8 экз. – с частично присутствующей желвачной коркой на поверхности отщепов. На одном отщепе помимо участка ретуши отмечена сработанность по боковым краям с дорсала. Преимущественно участок на отщепах оформлялся плоской ретушью.

К прочим орудиям отнесены отбойники (2 экз.), тёрочники (3 экз.), рубящее орудие, абразив, орудия индивидуальной формы (2 экз.) и сколы со шлифованных орудий (3 экз.).

Отбойники (2 экз.) по форме: один – подпрямоугольный, а второй – трапециевидный. На торцах орудий присутствуют следы сработанности, характерные для отбойника.

Тёрочники (3 экз.): одно орудие крупных размеров изготовлено из мелкозернистого песчаника, рабочая поверхность полностью заглажена; второе орудие выполнено из кремнистой сланцевой плитки, обе поверхности предмета тщательно зашлифованы; третье орудие представлено

обломком, у которого рабочая поверхность сильно заглажена и частично пришлифована (рис. 2, 3).

Из орудий индивидуальной формы одно представляет собой обломок плитки со следами сработанности на торце, которые характерны для рубящего орудия. Обе поверхности плитки пришлифованы. Второе изделие сложно отнести к определенному типу. Оно удлиненной формы, его размеры – 114×22×9 мм. Обработано двусторонней оббивкой и пришлифовано (рис. 2, 5).

Абразив представлен обломком с двумя рабочими поверхностями. Одна поверхность – прямая, а другая – слегка вогнутая (рис. 2, 2).

Рубящее орудие с утраченной обушковой частью: продольное сечение симметричное, длина изделия – 92 мм, ширина лезвия – 53 мм, округлое лезвие и боковые края оформлены двусторонней оббивкой по краю, поверхности орудия обработаны нерегулярными сколами (рис. 2, 1).

Выводы

Следует подвести итоги технико-типологической характеристики каменной индустрии, полученной на стоянке Карасор-2, опираясь на следующие показатели: продукты первичного расщепления; морфологические параметры заготовок; размеры пластин и орудий на пластинах; процентное соотношение заготовок и орудий из пластин и отщепов; признаки, отражающие приемы вторичной обработки; типологический состав орудийного набора. Как самостоятельный показатель учитывается характер используемого сырья.

Каменный инвентарь на стоянке преимущественно изготавливался из кварцитов и кварцитопесчаников (86 %) и мелкозернистого песчаника (7 %). Незначительное количество приходится на фтанит (1,6 %), кремнистый алевролит (1,3 %), кремнистый сланец (1 %), халцедонолит (0,2 %), яшму (0,7 %), кахолонг (0,7 %). Для сравнения обратим внимание, что на эталонных памятниках маханджарской культуры (Соленое Озеро-2, Екидин-24) каменные изделия из кварцитов и кварцитопесчаников составляют более 90 %, а на памятниках энеолитического времени «абсолютно преобладают орудия, изготовленные из кварцитов и кварцитопесчаников» [8, с. 40]. Наличие на стоянке Карасор-2 каменных изделий из фтанита, яшмы, халцедонолита и алевролита мы объясняем присутствием в этой коллекции мезолитических материалов. Ближайшие выходы упомянутого сырья находятся в пределах координат 51–52° с. ш., 66–68° в. д. на территории Тургайского прогиба. Это Тас-Обинское проявление яшм и фтанитов; Красивинское проявление яшм и фтанитов [9, с. 218]. Переход на новый источник сырья преимущественно из кварцитов и кварцитопесчаников приходится на период раннего неолита в этом регионе. Выходы кварцитов и кварцитопесчаников отмечены по р. Кайбынды. Координаты этой территории: 49–50° с. ш., 66–67° в. д. [10, с. 449–450]. Эти ближайшие выходы сырья

расположены в радиусе 300–350 км от рассматриваемого памятника. Не исключено, что древнейшие обитатели Тургайского прогиба для получения изделий из камня использовали сырье и с Южного Урала.

В коллекции каменного инвентаря рассматриваемой стоянки отсутствуют нуклеусы как для снятия пластин, так и для снятия отщепов. Выполненная из фтанита преформа ядрища нами увязывается с периодом мезолита – раннего неолита. Изготовленный из кварцитопесчаника нуклевидный обломок является примером снятия отщепов на стоянке Карасор-2, поскольку специально подготовленные нуклеусы для снятия отщепов не были найдены. Хотя не исключено, что первичное расщепление для подготовки пренуклеусов, с которых снимали отщепы, осуществляли на памятнике. Об этом свидетельствует повторяющийся цвет (серый, коричневатый-серый и светло-коричневый) среди обломков сырья, отщепов-отходов и отщепов-заготовок, которые были получены из кварцитов и кварцитопесчаников. Среди продуктов «омоложения» нуклеусов наличие вертикальных сколов и сколов с ударной площадкой говорит в пользу того, что на стоянке также велось раскалывание нуклеусов с целью получения пластин. В среднем ширина таких пластин – от 7 до 14 мм. Отсутствие истощенных нуклеусов на памятнике Карасор-2 мы объясняем тем, что сработанные до определенной степени ядрища преобразовывали в какие-либо орудия.

Из трех основных видов заготовок доминирующее положение занимают отщепы, которые составляют 89,6 %. Судя по наибольшему диаметру, устойчивой заготовкой являлись отщепы от 11 до 40 мм, которых насчитывается 95 %. При этом из них на отщепы-заготовки размером от 21 до 30 мм приходится 46 %.

Среди заготовок пластины составляют всего 6 %. Большинство пластин – без вторичной обработки, и орудий из них с параллельными краями – 78 %. Среди пластин-заготовок преобладают сломяные, преимущественно медиальные (50 %) и проксимальные (33,3 %) части. Преобладают пластины без вторичной обработки с треугольным (58 %) и трапециевидным (41,6 %) сечениями. Пластин-заготовок с прямым профилем – 54 %, с изогнутым – 46 %. Проксимальные части пластин-заготовок представлены площадками точечного (20 %), двугранного (20 %) и гладкого (60 %) типов. Дистальные части имеют ныряющее (33,3 %), ступенчатое (33,3 %) и перообразное (33,3 %) окончания.

Пластинчатые отщепы без вторичной обработки насчитывают 4 % из указанных видов заготовок. Устойчивой заготовкой среди пластинчатых отщепов были изделия диаметром от 11 до 30 мм, на которые приходится 89 %. К сожалению, провести сопоставление с коллекциями памятников каменного века Тургайского прогиба по данному показателю не представляется возможным из-за отсутствия таковых сведений.

Как уже было отмечено выше, ширина всех пластин без вторичной обработки на стоянке распределяется от 8 до 20 мм. На пластины-заготовки шириной от 11 до 15 мм и от 16 до 25 мм приходится по 46 %. Преобладающая толщина пластин-заготовок прослеживается у 67 % – от 2 до 4 мм. Орудия из пластин по ширине равномерно распределяются от 10 до 30 мм. Большинство орудий из пластин по толщине укладывается в интервал от 3 до 5 мм. Ближайшие аналогии по ширине для пластин-заготовок и орудий из пластин мы находим на энеолитических памятниках Тургайского прогиба [8, с. 41].

На Карасоре-2 орудия преимущественно изготавливались из трех основных видов заготовок. Большинство орудий выполнено из отщепов, на которые приходится 92,8 % от суммы всех групп орудий. Орудия из пластин составляют 3 %, а орудия из пластинчатых отщепов – 1,3 %. Единичные орудия изготовлены из плитки кремнистого сланца (0,6 %) и обломков сырья (2 %). В ходе сопоставления по этому показателю с памятниками каменного века мы отмечаем ближайшее сходство с коллекциями памятников эпохи энеолита Тургайского прогиба [8, с. 40].

Среди приемов вторичной обработки, которые использовал человек в древности на стоянке Карасор-2, применялось ретуширование, техника шлифования и оббивки. Край заготовки намеренно отделывался, чаще всего краевой ретушью с дорсала. По характеру ретушь преимущественно прослеживается равнофасеточная, протяженная, крутая или полукрутая. По данному показателю провести сопоставление с материалами памятников каменного века Тургайского прогиба также невозможно.

В перечне орудийного набора стоянки выявлены каменные изделия, которые выступают маркерами для уточнения времени обитания человека на памятнике. К ним относятся, прежде всего, скребки из отщепов, которые представлены разнообразными типами. На них приходится 66 % среди орудий из отщепов. Категория двусторонне обработанных орудий составляет 13 % среди группы орудий из отщепов. Наиболее примечательно из этой категории выразительное дисковидное орудие. Среди двусторонне обработанных наконечников прослеживаются тыльные части с прямым основанием, округлым, с выемкой и черешком. Кроме того, это такие орудия, как скребок-нож и ножи из отщепов и из расщепленных обломков сырья, а также тёрочки, рубящее орудие, абразив среди категории прочих орудий. Подобные типы орудий устойчиво присутствуют в орудийных наборах энеолитических памятников (Кожай-1, Кумкешу-1, Каинды-3) терсекской культуры [8, с. 53–57; 11, с. 14–43]. Сопоставления прослеживаются по орудийному комплексу с материалами, полученными на поселении Белкарагай-1 рассматриваемого региона [12, с. 134]. На сопредельной территории ближайшее сходство по каменной индустрии мы прослеживаем

с ботайскими древностями [13, с. 22–26; 14, с. 466–479; 15, с. 21–67] и материалами южно-уральских энеолитических памятников [16, с. 128–131, 177; 17, с. 158–177].

Заключение

Керамика является ведущим признаком в вопросах датировки и культурной принадлежности. Однако на памятнике Карасор-2 крайне фрагментированные экземпляры керамики не могут выполнить в полной мере возложенную на них роль. Хотя прослеженный узор в виде заштрихованных треугольников на одном фрагменте стенки сосуда, нанесенный зубчатым штампом, и описанные приемы орнаментации свидетельствуют в пользу ее энеолитического происхождения, вполне возможно, что в коллекции керамики присутствуют фрагменты сосудов эпохи бронзы. Подтверждением тому являются неорнаментированные фрагменты от придонных частей плоскодонных сосудов.

Оставленный человеком на памятнике каменный инвентарь, по нашему мнению, также разновременный. Более 94 % каменных изделий изготовлено из кварцита и кварцитопесчаника, мелкозернистого песчаника и кремнистого сланца. При этом кварциты и кварцитопесчаники однородны по цветовому спектру среди отходов производства, технических сколов, заготовок и орудий из них. Как среди заготовок, так и орудий прослеживается подавляющее превалирование отщепов. Для отщепов-заготовок и орудий из них характерно устойчивое преобладание размера по наибольшему диаметру от 11 до 40 мм. Внешний облик и параметры пластин позволяют утверждать о вырождении пластинчатой индустрии. Кроме того, типичный орудийный набор и маркирующие изделия указывают на финальный период каменного века. Таким образом, по всем показателям технико-типологического анализа, которые были доступны для сравнения, основной комплекс каменной индустрии, по нашему мнению, был оставлен человеком в эпоху позднего энеолита и связывается с терсекской культурой.

Незначительное присутствие на памятнике Карасор-2 каменных изделий из фтанита, яшмы, халцедонита, кахолонга и алевролита мы объясняем тем, что в этой коллекции находится мезолитический материал. Каменные изделия из этих видов сырья единично встречены среди отходов производства, технических сколов, заготовок из пластин и отщепов и орудий из них. Кроме того, преформа нуклеуса выполнена из фтанита.

Благодарности

Автор выражает признательность и благодарность за предоставленную возможность обработать коллекцию со стоянки Карасор-2 сотрудникам Лисаковского музея истории и культуры Верхнего Притобья в лице руководителя музея Ш. Е. Ермагамбетовой и заместителя руководителя Ю. П. Будановой.

Литература

1. Подзубан Е. В. Каменные индустрии мезолитических и неолитических комплексов Кустанайского Притоболья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 30 с.
2. Коробкова Г. Ф. Культуры и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии (по материалам каменной индустрии) // Советская археология. 1975. № 3. С. 8–27.
3. Таймагамбетов Ж. К., Нохрина Т. И. Археологические комплексы пещеры Караунгур (Южный Казахстан). Туркестан: Мирас, 1998. 186 с.
4. Гиря Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1997. Ч. 2. 198 с.
5. Уиттакер Дж. Ч., Алаев С. Н., Алаева Т. В. Расщепление камня: технология, функция, эксперимент. Иркутск: Оттиск, 2004. 312 с.
6. Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1994. 284 с.
7. Васильев С. А. К методике изучения элементов вторичной обработки каменных орудий // Проблемы археологии Северной и Восточной Азии / отв. ред. С. В. Маркин, С. А. Гладышев. Новосибирск: Б. и., 1986. С. 147–161.
8. Калиева С. С., Логвин В. Н. Скотоводы Тургай в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай: Б. и., 1997. 180 с.
9. Палант А. И., Тимеева Л. В. Отчёт по теме: «Обобщение геологических материалов по Тургайской области и составление карты перспектив на камнесамоцветное сырьё в м-бе 1:500000 по территории деятельности СКПГО». Кустанай, 1983. Т. 1–2. 254 с.
10. Гуськова А. И. Восточный склон Тургайского прогиба и западная часть Казахского щита // Геология СССР. Т. XX. Центральный Казахстан. М.: Недра, 1972. Кн. 1. С. 444–464.
11. Калиева С. С. Поселение Кожай 1. Алматы: Б. и., 1998. 255 с.
12. Логвин А. В., Шевнина И. В. Поселение Белкарагай 1 // Древний Тургай и Великая степь: часть и целое / отв. ред. А. З. Бейсенов. Костанай-Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2015. С. 122–141.
13. Заитов В. И. Характеристика каменных орудий поселения Ботай (предварительный анализ) // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья / отв. ред. С. Я. Зданович. Челябинск: ЧелГУ, 1985. С. 17–33.
14. Зайберт В. Ф. Ботайская культура. Алматы: ҚазАқпарат, 2009. 576 с.
15. Зайберт В. Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск: Наука, 1993. 244 с.
16. Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М.: Наука, 1982. 328 с.
17. Мосин В. С., Григорьев С. А., Таиров А. Д., Боталов С. Г. Древняя история Южного Зауралья. Т. 1: Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. 532 с.

original article

Karasor-2 Site in the Upper Tobol

Elena V. Podzuban ^{a, @}

^a Kostanay Regional Museum of Local History, Kazakhstan, Kostanay

@ podzuban@mail.ru

Received 04.06.2020. Accepted 29.07.2020.

Abstract: The present article introduces a collection of prehistoric material culture finds obtained at the Karasor-2 site during a stationary study of the Karasor archaeological site in 1998. A group of Karasor monuments is located near the town of Lisakovsk in the Upper Tobol river valley, which is in the northern Turgai depression. The territory of the Turgai depression connects the West Siberian and Turan plains. The Turgai depression borders on the Trans-Ural Plateau in the west and on the Kazakh hilly area and the spur of the Ulatau mountains in the east. The local nature and geography destroy the cultural layer on the monuments. Thus, the finds represented by fragments of ceramics and stone products at the Karasor-2 site were collected from the surface, as the cultural layer had been destroyed. The article gives descriptive characteristics of the ceramics, while the stone tools were studied with the technical and typological method. Since the ceramic fragments are too small, the dating and cultural affiliation of the artifacts was based on the results of the technical and typological analysis of the stone tools. Most likely, the stone finds date back to the Mesolithic and Late Eneolithic periods. Most tools are similar to the stone industry of the Tersek culture and belong to the Eneolithic Age. The author believes that the time range of the stone tools and ceramics is from the Late Mesolithic to the Bronze Age.

Keywords: Eneolithic period, Turgai depression, stone industry, technical and typological analysis, scrapers, knives, quartzite sandstone, Mesolithic, Bronze Age

For citation: Podzuban E. V. Karasor-2 Site in the Upper Tobol. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 636–647. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-636-647>

References

1. Podzuban E. V. *Stone industries of the Mesolithic and Neolithic complexes of the Kustanai Tobol area*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2010, 30. (In Russ.)
2. Korobkova G. F. Cultural and local variations of medieval Asia (based on materials from the stone industry). *Sovetskaya arkheologiya*, 1975, (3): 8–27. (In Russ.)
3. Taimagambetov Zh. K., Nokhrina T. I. *Archaeological complexes of the Karaungur cave (South Kazakhstan)*. Turkestan: Miras, 1998, 186. (In Russ.)
4. Giryа E. Yu. *Technological analysis of stone industries: a technique of micro-macroanalysis of ancient tools*. St. Petersburg: IIMK RAN, 1997, pt. 2, 198. (In Russ.)
5. Whittaker J. C., Alaev S. N., Alaeva T. V. *Flintknapping: making and understanding stone tools*. Irkutsk: Ottisk, 2004, 310. (In Russ.)
6. Derevyanko A. P., Markin S. V., Vasilev S. A. *Paleolithology: introduction and basics*. Novosibirsk: Nauka: Sib. izd. firma, 1994, 284. (In Russ.)
7. Vasilev S. A. To the methodology of studying the elements of the secondary processing of stone tools. *Problems of Archeology of North and East Asia*, eds. Markin S. V., Gladyshev S. A. Novosibirsk, 1986, 147–161. (In Russ.)
8. Kalieva S. S., Logvin V. N. *Turgai pastoralists in the third millennium, BC*. Kostanay, 1997, 180. (In Russ.)
9. Palant L. I., Timeeva L. V. Report on the topic: "Generalization of geological materials in the Turgai region and roadmap for gemstone raw materials in a scale of 1: 500000 in the area of operation of the SKPGO". Kostanay, 1983, vol. 1–2, 254. (In Russ.)
10. Guskova A. I. The eastern slope of the Turgai depression and the western part of the Kazakh highlands. *Geology of the USSR. Vol. XX. Central Kazakhstan*. Moscow: Nedra, 1972, book 1, 444–464. (In Russ.)
11. Kalieva S. S. *Settlement Kozhai 1*. Almaty, 1998, 255. (In Russ.)
12. Logvin A. V., Shevnina I. V. *Settlement Belkaragai 1. The ancient Turgai and the Great Steppe: part and whole*, ed. Beisenov A. Z. Kostanay-Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2015, 122–141. (In Russ.)
13. Zaitov V. I. Characteristics of stone tools of the Botay settlement (preliminary analysis). *Eneolithic and Bronze Age of the Ural-Irtysh interfluvies*, ed. Zdanovich S. Ya. Chelyabinsk: ChelGU, 1985, 17–33. (In Russ.)
14. Zaibert V. F. *Botay culture*. Almaty: KazAkparat, 2009, 576. (In Russ.)
15. Zaibert V. F. *Eneolithic of the Ural-Irtysh interfluvie*. Petropavlovsk: Nauka, 1993, 244. (In Russ.)
16. Matiushin G. N. *Eneolithic of the Southern Urals*. Moscow: Nauka, 1982, 328. (In Russ.)
17. Mosin V. S., Grigorev S. A., Tairov A. D., Botalov S. G. *Ancient history of the Southern Trans-Urals. Vol. 1: The Stone Age. The Bronze Age*. Chelyabinsk: Izd-vo IuUrGU, 2000, 532. (In Russ.)

Археологические памятники среднего течения р. Кия: история открытия и перспективы изучения*

Анна С. Савельева^{a, @, ID1}; Павел В. Герман^{a, ID2}; Иван А. Плац^{a, ID3}; Лариса Ю. Боброва^{b, ID4}

^a Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Россия, г. Кемерово

^b Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, Россия, г. Кемерово

@ antverpen@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-3017-5808>

Поступила в редакцию 12.05.2020. Принята к печати 26.06.2020.

Аннотация: В статье обобщаются сведения о полевых исследованиях на археологических памятниках, расположенных на берегах среднего течения р. Кия. При этом Кия рассматривается как одна из магистральных рек для ключевой историко-культурной территории Южной Сибири – Кия-Чулымского междуречья. Полевые работы здесь проводились с конца XIX в., однако целенаправленные археологические исследования ведутся с 1950-х гг. Приводятся данные о результатах разведок и раскопок, предпринятых А. И. Мартыновым, Г. С. Мартыновой, И. И. Баухником, А. М. Кулемзиным, А. В. Циркиным, А. П. Окладниковым, В. И. Молодиным, В. В. Бобровым, А. С. Васютиным, В. Н. Жаронкиным, П. В. Германом, А. В. Фрибусом, П. Г. Соколовым. Особо подчеркивается значение разведок и поисков памятников, проведенных на берегах среднего лесостепного течения Кии и имевших характер спланированных. Собраны сведения о семи разведках, результатом которых стало открытие почти восьмидесяти новых археологических объектов. Историографическая работа по теме сопровождалась картографированием памятников с учетом типа археологического объекта и вида археологических изысканий. Анализ известных в научных публикациях трактовок пространственной локализации памятников в окрестностях сел Шестаково, Чумай, г. Мариинск (А. М. Кулемзин, И. И. Баухник) и результаты картографирования позволили изложить авторское представление о едином Среднекийском археологическом микрорайоне, включающем Шестаковский, Чумайский и Арчекасский (Мариинский) археологические комплексы. Для каждого из них предварительно сформулированы особенности соотношений видов археологических работ, типологической и хронологической атрибуции памятников.

Ключевые слова: историография, раскопки, разведка, картографирование, археологический микрорайон

Для цитирования: Савельева А. С., Герман П. В., Плац И. А., Боброва Л. Ю. Археологические памятники среднего течения р. Кия: история открытия и перспективы изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 648–663. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-648-663>

Введение

На территории Кемеровской области р. Кия протекает в пределах Тисульского, Чебулинского и Мариинского административных районов. Этот самый крупный левый приток р. Чулым берет начало в горах Кузнецкого Алатау. Образуясь несколькими горными источниками, течет с юго-востока на северо-запад сначала в пределах главного хребта, затем – в глубоком ущелье. Ниже устья р. Кожух Кия становится равнинной рекой, вбирает крупные притоки рек Серта, Алчедат, Юра, Чебула и до Мариинска течет по лесостепи, вновь попадая в зону тайги ниже по течению [1, с. 40; 2, с. 33].

В своем среднем течении р. Кия пересекает в меридиональном направлении Мариинско-Ачинский почвенный округ расчлененной предгорной лесостепи. Этот участок

именуется Мариинской лесостепью и расположен на границе двух физико-географических формирований – гор Кузнецкого Алатау Алтае-Саянской горной страны и Чулымо-Енисейской впадины Западно-Сибирской равнины¹ [3, с. 34]. Основной рельеф здесь – холмистая равнина с низкотеррасами, а определяющий компонент условий местобитания человека – лесостепь. Последнее объясняется привлекательностью таких факторов, как полукрытость местности, климатический комфорт, плодородие почв (черноземов, луговых, серых лесных), высокая продуктивность естественных сенокосов и пастбищ [4, с. 27].

На берегах среднего течения р. Кия известно множество археологических памятников. Учет историографического опыта их исследований позволит в дальнейшем тщательнее

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-49-420005 п_а.

¹ Геолого-промышленный атлас Канско-Ачинского угольного бассейна. Красноярск: Универс, 2001. С. 6.

планировать маршруты археологических разведок, намечать менее исследованные территории и хронологические периоды, а по хорошо разработанным направлениям, иллюстрированным большим количеством археологических материалов, – выходить на уровень интерпретаций и построения хроностратиграфических колонок, делать выводы о приуроченности археологических объектов к определенным участкам.

Немаловажным в обосновании территориальной выборки предлагаемого обзора полевых археологических работ представляется выделение Кия-Чулымского междуречья в качестве одной из ключевых историко-культурных территорий Южной Сибири. Такое понятие по меньшей мере отражает значимость бассейна р. Кия в определении западных границ ареала на стыке более крупных историко-географических регионов Сибири – бассейнов Верхней Оби и Среднего Енисея, представляя собой часть Обь-Чулымского междуречья [5–7].

История полевых работ на памятниках бассейна р. Кия ранее рассматривалась в контексте археологических исследований северо-восточных районов Кемеровской области. Последние не раз становились предметом научных публикаций. В их задачи входили отражение событийной канвы на всем пространстве региона [8], описание территориальных групп [9–11] и памятников отдельных категорий [12–14]. Все эти сводки наряду с полевыми отчетами и публикациями результатов раскопок и разведок [15–17], перечнями археологических памятников Кемеровской области [18; 19] и непосредственно ее северо-восточных районов [20] послужили источниками для решения задач предлагаемой статьи.

История открытия археологических памятников на берегах среднего течения р. Кия

Наличие курганных групп в окрестностях сел на берегах средней Кии – Верх-Чебула, Алчедат, Чумай и д. Кураково – отмечено Г. О. Оссовским еще в конце XIX в.² [21, с. 118]. Однако первая разведка с выделением, описанием и картографированием археологических объектов здесь произведена только в 1958 г. археологической экспедицией Кемеровского областного краеведческого музея, возглавляемой А. И. Мартыновым³. В ходе работ обследованы памятники тагарского времени – *Кураковские курганы* (13)⁴ в 0,5 км к западу от села; курган на дороге между с. Михайловка и с. Алчедат в 2 км от с. Михайловское⁵. Тогда же были зафиксированы восемь курганов на левом

берегу р. Кия напротив с. Шестаково – *Михайловские курганы*⁶ (18). В процессе стационарных исследований могильника, проводившихся А. И. Мартыновым и Г. С. Мартыновой в 1959–1968 гг., были выявлены еще пять насыпей [22, с. 4], две из которых «были грабительски раскопаны школьниками в начале пятидесятых годов»⁷. Кроме того, имеются сведения о наличии в составе могильника еще большего количества курганов – до 34, однако большая их часть к 1980-м гг. была полностью уничтожена распашкой [19, с. 116]. Все визуально фиксируемые насыпи могильника были раскопаны, исследованные курганы относятся к таштыкской культуре. Материалы Михайловского могильника представлены керамическими сосудами, железными, бронзовыми и костяными предметами, берестяными туесками [22]. Кроме таштыкских склепов на территории могильника исследовано несколько погребений андроновской культуры [5; 7].

Также в 1958 г. А. И. Мартыновым были начаты работы на могильнике тагарской культуры *Усть-Серта I* (30), расположенном в 4 км к югу от одноименного села. По данным ученого, были раскопаны четыре из пяти курганов [18]. В 1959 г. А. И. Мартыновым были начаты раскопки одиночного кургана тагарско-таштыкского времени *Алчедат I* (32), расположенного в 2 км от с. Михайловка. Полностью памятник был исследован только в 1972 г. [23, с. 52]. Полученный в ходе раскопок материал представлен большим количеством бронзовых предметов и глиняной посудой [23].

В период 1958–1960 гг. А. И. Мартыновым был открыт курган *Алчедат III* (33) в 1,5 км к юго-востоку от с. Алчедат (более точное время открытия памятника не установлено). В 2018 г. на поверхности насыпи кургана в выносе из барсучьей норы был собран археологический материал – кости человека, фрагменты керамики, целый керамический сосуд и два фрагмента бронзовых изделий⁸.

Еще одно открытие сделано А. И. Мартыновым в 2,5 км к северу от г. Мариинск – на левом берегу р. Кия обследовано городище эпохи средневековья (X–XII вв.) *Мариинск II* (54). В 1959 г. А. И. Мартыновым был открыт новый памятник – поселение эпохи бронзы *Мариинск I* (54) (собраны кремневые отщепы, фрагменты керамики и костей животных) [19, с. 76].

С начала 1960-х гг. периодически предпринимались обследования южных и юго-западных склонов горы Арчекас вблизи г. Мариинск, выше по течению р. Кия. В 1961 г. И. И. Баухником открыты городище железного века *Арчекас I* (47) и поселение эпохи бронзы и раннего железа *Арчекас II* (46) в районе Медвежьей курьи [19, с. 73].

² Отчет Императорской археологической комиссии за 1895 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1897. С. 43, 44; Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1898. С. 99, 100.

³ Научный архив Института археологии Российской академии наук (НА ИА РАН). Ф. Р-1. Д. 1774. С. 14. 1959 г.

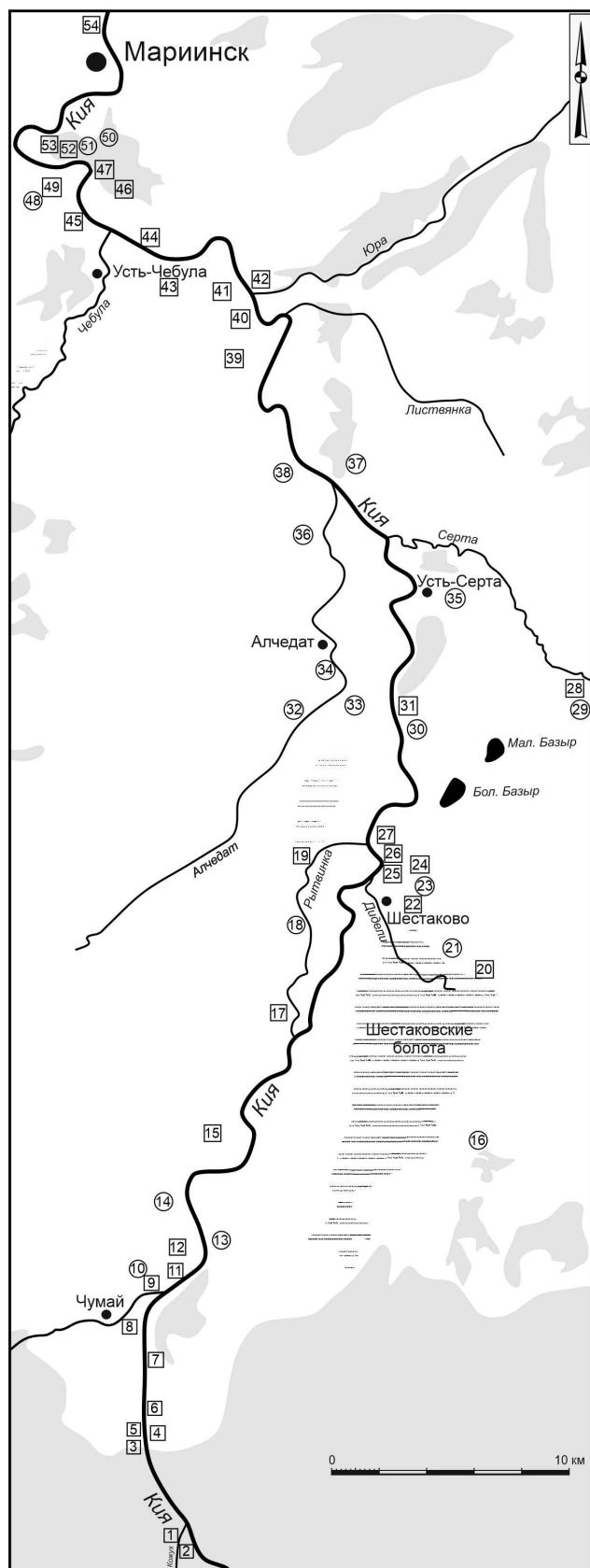
⁴ Здесь и далее курсивом в скобках указан номер объекта на рисунке.

⁵ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 1774. С. 7, 14. 1959 г.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (НА КМАЭЭ). Д. 297. С. 1. 1969 г.

⁸ Научный архив лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук (НА ЛА ФИЦ УУХ СО РАН). Д. Б. С. 49–52. 2019 г.

- 1 – ст. Кожух I
- 2 – ст. Устье Кожуха I
- 3 – пос. Смирновский ручей III
- 4 – пос. Чумай I
- 5 – пос. Смирновский ручей I, II
- 6 – пос. Чумай II, IX, пос. Бухтай
- 7 – ст. Чумай VI, м/н Чумай X
- 8 – пос. Чумай XI
- 9 – пос. Чумай IV
- 10 – к.м. Чумай I
- 11 – пос. Чумай V
- 12 – ст. Чумай III
- 13 – к.м. Кураково
- 14 – к.м. Чумай II
- 15 – пос. Чумай VIII
- 16 – к.м. Новоивановский
- 17 – пос. Михайловское
- 18 – к.м. Михайловка
- 19 – пос. Михайловка II
- 20 – пос. Шестаково IV, V
- 21 – к.м. Шестаково III
- 22 – гор. Шестаково I, пос. Шестаково II, III, VI, XVI, XVII, м/н Шестаково VIII, XXIII
- 23 – к.м. Шестаково I, II
- 24 – пос. Шестаково XX
- 25 – пос. Шестаково XVIII, XIX, ст. Шестаково XXII, м/н Шестаково XXIV
- 26 – пос. Шестаково VII, X, ст. Шестаково IX
- 27 – пос. Шестаково XI, XIII-XV, XXI, ст. Шестаково XII
- 28 – пос. Курск-Смоленка I, II
- 29 – к.м. Курск-Смоленка I, II
- 30 – к.м. Усть-Серта I
- 31 – пос. Усть-Серта
- 32 – о.к. Алчедат I
- 33 – о.к. Алчедат III
- 34 – к.м. Алчедат II
- 35 – к.м. Усть-Серта II
- 36 – о.к., пос. Дмитриевка
- 37 – к.м. Подаик
- 38 – о.к. Балка
- 39 – пос. Кубаево IV
- 40 – пос. Кубаево II, III
- 41 – пос. Кубаево I
- 42 – пос. Раевка
- 43 – пос. Усть-Чебула I, II
- 44 – пос. Арчекас V, VI
- 45 – о.к. Усть-Чебула
- 46 – пос. Арчекас II
- 47 – гор. Арчекас I
- 48 – к.м. Баим
- 49 – пос. Усть-Чебула III, Баим
- 50 – к.м. Арчекаские курганы II
- 51 – к.м. Арчекаские курганы I
- 52 – пос. Соколиное Гнездо
- 53 – пос. Арчекас III, IV
- 54 – пос. Мариинск I, гор. Мариинск II

ст. – стоянка
 пос. – поселение
 гор. – городище
 к.м. – курганный могильник
 о.к. – одиночный курган
 м/н – местонахождение

Рис. Археологические памятники среднего (лесостепного) течения р. Кия
 Fig. Archaeological sites of the middle (forest-steppe) Kiya River valley

На поселении найдены фрагменты керамических сосудов, изделия из кости, камня, бронзы и железа [9]. На городище зафиксирован земляной вал, жилищные западины. Найдены фрагменты керамики, железная пластинка, каменные отщепы.

В 1976 г. работы на городище Арчекас I были возобновлены А. В. Циркиным, возглавлявшим один из отрядов Южносибирской археологической экспедиции. Исследованы четыре землянки, хозяйственные ямы, кострища. Обнаружено 600 фрагментов керамики, 2,5 тыс. фрагментов костей животных, обломки зернотерок, грузила, железные ножи, рыболовный крючок, костяные наконечники стрел, ложила, проколки, фрагмент бронзового ножа [24; 25, с. 79–82]. В полевом отчете нижняя граница памятника установлена по обломку ручки бронзового ножа – тесинский этап (II в. до н.э.), а верхняя – по железным ножам с горбатой спинкой – конец V–VI вв. н.э.⁹ В публикации материалов городище датировано II–I вв. до н.э. – III–IV вв. н.э. [25, с. 84, 85].

В 1961 г. А. И. Мартыновым открыто *Михайловское поселение* (17) таштыкской культуры в 5 км выше села. Раскопки проводились с перерывами начиная с 1964 г., наиболее интенсивно – в 1966–1968 гг., 1971 г. За это время вскрыто более 12 тыс. м² площади памятника, обнаружены остатки более чем 80 жилищ, керамика, изделия из бронзы, железа, обломки каменных зернотерок, пестов и мотыг [26]. Михайловское поселение, датированное III–IV вв. н.э.¹⁰, является важнейшим источником по изучению планировки таштыкских поселков и конструкций жилищ [27].

В 1961 г. были открыты *Шестаковские курганы* (курганный могильник Шестаково I) (23) в 0,6 км восточнее одноименного села¹¹. В 1968 г. этот могильник из 10 курганов позднеатагарского и таштыкского времени с впускными захоронениями эпохи раннего Средневековья был исследован А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным. В ходе работ найдено более 500 предметов из бронзы, железа, серебра, золотой фольги, сотни глиняных сосудов, поделки из дерева и бересты, моделированная из глины голова человека [28–32].

По всей видимости, тогда же, в 1961 г., А. И. Мартыновым был зафиксирован курганный могильник *Алчедат II* (34) из восьми курганов вблизи с. Алчедат, на левом берегу р. Кия [19, с. 113; 33, с. 243]. Позднейшие обследования показали, что могильник полностью распахан [34, с. 28].

В 1963 г. И. И. Баухником недалеко от устья руч. Кабедат было открыто поселение раннего железного века *Арчекас V* (44). С памятника происходят бронзовые и железные вещи [9]. В 1997 г. работы на памятнике производились В. Н. Жаронкиным – собран подъемный

материал, выявлен культурный слой стоянки переходного тагаро-таштыкского времени¹² [35, с. 81].

В первой половине 1960-х гг. предпринимались и первые обследования берегов р. Кия в окрестностях с. Чумай. В 1964 г. А. М. Кулемзиным в 1,5–1,8 км северо-восточнее села был открыт курганный могильник тагарского времени *Чумай II* (14) из четырех курганов. Подъемный материал включал фрагменты керамики и костей животных. В 2 км северо-восточнее села, в нижнем течении р. Карагач, по аналогичным сборам открыто поселение переходного тагарско-таштыкского времени *Чумай VIII* (15).

В 1965 г. И. И. Баухником открыто еще одно поселение бронзового века на горе Арчекас у «Соколиного Гнезда» – *Арчекас III* (53). Зафиксированы жилищные западины, собраны фрагменты керамики, каменные отщепы, фрагмент бронзового ножа. По одному из предположений, с поселения происходит известный «арчекасский» кельт с геометрическим орнаментом [19, с. 73; 35, с. 79, 80; 36]. В то же время А. М. Кулемзиным ниже по течению р. Кия было открыто поселение эпохи бронзы на окраине с. Новоалександровка. Подъемные сборы включали каменные отщепы, вкладыши, фрагменты керамики и обломок бронзового предмета [19, с. 117].

В 1966 г. были предприняты первые археологические раскопки на северо-восточной окраине с. Чумай. Местным учителем истории Н. Д. Барабашем исследованы пять курганов могильника переходного тагарско-таштыкского времени *Чумай I* (10) [19].

В 1968 г. открыты поселения тагарско-таштыкского времени *Шестаково XX* (24) [10, с. 105; 19, с. 128] и *Шестаково XVII* (22). На последнем подъемные сборы включали фрагменты глиняной посуды, обломки каменных зернотерок, пестов, железные и бронзовые предметы. Объект обследовался А. М. Кулемзиным в 1986 г. в ходе работ по уточнению археологической карты Кемеровской области¹³. В 1975 г. неподалеку от поселения Шестаково XVII А. П. Окладниковым был собран каменный инвентарь неолитического облика, произведены небольшие раскопки. Памятник получил наименование поселения *Шестаково XVI* (22). В современной учетной документации не исключается, что поселения Шестаково XVI и XVII являются одним памятником, представленным двумя культурно-хронологическими пластами.

В 1968 г. А. М. Кулемзиным открыт курганный могильник *Усть-Серта II* (35), датированный позднеатагарским временем и расположенный в 1,2 км к востоку от села. На момент открытия были видны три курганные насыпи.

⁹ НА КМАЭЭ. Д. 533. С. 24, 25. 1977 г.

¹⁰ НА КМАЭЭ. Д. 319. С. 23. 1972 г.

¹¹ НА КМАЭЭ. Д. 320. Л. 1. 1969 г.

¹² Перечень объектов культурного наследия (памятников археологии), находящихся на территории Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных актов. Кемерово, 2007. С. 80.

¹³ НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14, 15. 1991 г.

Вследствие интенсивной распушки при осмотре памятника в 1974 г. удалось зафиксировать только два кургана¹⁴.

В 1971 г. Кузбасской археологической экспедицией принята разведка берегов р. Кия от с. Чумай до г. Мариинск. Имеются сведения об обнаружении в ходе рекогносцировки неолитического поселения «на левом берегу Кии около с. Чумай» [37, с. 292], однако соотнести эти данные с каким-либо из открытых позднее и известных на сегодняшний день археологических объектов в окрестностях с. Чумай не представляется возможным. Тогда же А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным по подъемным сборам открыто поселение тагарского времени в восточной части с. Шестаково – *Шестаково III* (22) [10, с. 96; 19, с. 125] и укрепленное городище позднетагарского – раннетащтыкского времени *Шестаково I* (22) в 0,6 км юго-восточнее села. Поселение Шестаково III обследовалось А. М. Кулемзиным в 1986 г. в ходе работ по уточнению археологической карты Кемеровской области¹⁵.

Раскопки городища Шестаково I велись А. И. Мартыновым и М. Б. Абсалямовым с 1971 г. по 1981 г. Обнаружены остатки жилищ, захоронение человека под насыпью вала. В числе находок – каменные зернотерки, песты, железные ножи, бронзовые украшения, костяные наконечники стрел, керамика [38–40].

А. М. Кулемзиным раскопки в 1971 г. были предприняты на горе Арчекас в 4 км южнее г. Мариинск – на открытом курганном могильнике *Арчекаские курганы I* (Арчекас) (51). В двух курганах исследованы захоронения 14 человек, совершенные в двух бревенчатых склепах с сожжением погребальной камеры, и одно грунтовое захоронение. Обнаружено 20 глиняных сосудов, 60 бронзовых, серебряных, костяных и каменных изделий. Автором раскопок памятник датирован позднескифским или скифо-сарматским временем, в то же время отмечена нетипичность материального комплекса арчекасских курганов для скифского времени Южной Сибири [41, с. 97; 42].

В этом же 1971 г. А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным открыто поселение *Шестаково II* (22) в 1 км к юго-востоку от села. В 1974 г. оно было обследовано повторно – собраны фрагменты керамики, каменных зернотерок, кости животных¹⁶ [10, с. 96; 43, с. 214]. В 1977 г. разведочные раскопки поселения Шестаково II предприняты Шестаковским отрядом археологической экспедиции КемГУ. По результатам работ памятник датирован тагаро-тащтыкским периодом, выявлен керамический комплекс тюркского

времени [16, с. 158]. Новые сборы и разведочные раскопки на площади 8 м² были произведены П. В. Германом в 2018 г.¹⁷ В ходе работ обнаружено более 900 единиц находок: кости животных, фрагменты керамики, костяные изделия. Выделены два основных периода функционирования поселения: познетагарский (I в. до н.э. – III в. н.э.) и тащтыкский (III–VI вв. н.э.) [44, с. 30].

В 1971 г. А. И. Мартыновым и А. М. Кулемзиным открыт курганный могильник *Новоивановский* (16) в 1,5–2 км северо-восточнее с. Новоивановка¹⁸. Всего зафиксировано восемь курганов, в том числе один с признаками грабительских раскопок. По мнению А. М. Кулемзина, памятник примечателен как «самый крайний из известных в области тагарских могильников, располагающихся так близко к тайге»¹⁹. Могильник обследовался повторно А. М. Кулемзиным в 1974 г.

В 1972 г. А. И. Мартыновым открыты пять курганов могильника переходного тагарско-тащтыкского времени *Подаяик* (37); по подъемным сборам – поселение тащтыкского времени *Михайловка II* (19) в 0,3 км юго-западнее села на левом берегу р. Кии [20]. А. М. Кулемзиным выявлено поселение железного века *Чумай IX* (6) на правобережной террасе р. Кия, в 300–400 м выше сопки Кондовый Бухтай. Собраны фрагменты керамики, зафиксированы жилищные западины. Открыты поселения эпохи ранней бронзы *Чумай I* (4) и *Чумай VI* (7). В числе находок с них – фрагменты керамики и костей, каменные отщепы, ножевидные пластины [19, с. 119, 121].

В 1973 г. А. М. Кулемзиным открыто поселение тагарско-тащтыкского переходного времени *Шестаково IV* (20) в 5 км к юго-востоку от села. Подъемные сборы включали фрагменты керамики и костей животных²⁰ [10, с. 96–98; 43, с. 214]. Тогда же по сходному материалу открыто поселение *Шестаково VI* (22) в 3–3,5 км к юго-востоку от села под сопкой Лысая гора [10, с. 96–98; 43, с. 214].

Существенно пополнилось количество археологических памятников по берегам р. Кия благодаря разведочным работам А. М. Кулемзина 1974 г. Как и прежде, они велись преимущественно в двух районах – в окрестностях сел Шестаково и Чумай. Район разведки охватил среднее течение р. Кия на протяжении сел Чумай, Новоивановка, Шестаково, Усть-Серта и Подаяик²¹ [43, с. 213]. В ходе работ открыты памятники эпохи палеолита – местонахождение *Шестаково VIII* (22) и стоянка *Шестаково IX* (26). На местонахождении собран подъемный материал – большое скребло, семь крупных ножевидных пластин из порфирита.

¹⁴ НА КМАЭЭ. Д. 574. С. 9. 1975 г.

¹⁵ НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14, 15. 1991 г.

¹⁶ НА КМАЭЭ. Д. 574. С. 7. 1975 г.

¹⁷ НА ЛА ФИЦ УУХ СО РАН. Д. Б. 2019 г.

¹⁸ НА КМАЭЭ. Д. 574. С. 4. 1975 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 1.

Зафиксированы кости крупных животных²². В полевом отчете подчеркнуто – на выдуве с обнаруженным местонахождением археологический материал разновременный – включает неолитический комплекс, предметы из бронзы и железа, фрагменты керамики тагарского и таштыкского времени, обломки зернотерок, кости животных. Контрольные раскопки памятника произведены академиком А. П. Окладниковым в 1975 г. [10, с. 98, 99; 43, с. 214].

На стоянке Шестаково IX обнаружены кости мамонта, оббитые гальки из кварцита²³. На период открытия это была самая древняя палеолитическая стоянка в Сибири [8, с. 113]. В 1975 г. под руководством А. П. Окладникова произведена шурфовка. В 1977 г., 1978 г. раскопки велись экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР, возглавляемой В. И. Молодиным [45, с. 23; 46, с. 138]. Выявлены кости крупных животных, остатки жилища, отходы каменной индустрии, следы очагов [19, с. 126]. Стоянка датирована поздним палеолитом – 25–18 тыс. л. н. [45, с. 26]. В 1992 г., 1993 г. раскопки на площади 180 м² произведены Позднепалеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН. Помимо двух культурных горизонтов эпохи голоцена в раскопе выявлены пять палеолитических горизонтов; обнаружены предметы искусства, в частности стилизованная антропоморфная фигурка из массивной трубчатой кости [47; 48].

На этой же террасе А. М. Кулемзиным на глубине 1,2–1,5 м был зафиксирован слой отложений около 2 м толщиной. В нем прослежены зольные вкрапления и мелкие осколки костей животных. Слой был датирован эпохой неолита и обозначен как поселение Шестаково X (26) [10, с. 103–105; 19, с. 126].

В полевой сезон 1974 г. А. М. Кулемзиным открыто поселение тагарско-таштыкского времени Шестаково V (20) в 5,5 км юго-восточнее села. Собраны фрагменты керамики, обломки зернотерок, костей животных, тесло неолитического облика²⁴ [10, с. 98; 43, с. 214]. В качестве особенности поселения автором открытия подчеркнуто «необыкновенно низкое расположение по сравнению с известными в области тагарскими поселениями»²⁵.

Курганный могильник Шестаково III (21) из четырех курганов таштыкской культуры открыт А. М. Кулемзиным в 4 км юго-восточнее села. Подъемный материал представлен фрагментами керамики, обожженными костями. Курганы были примечательны видневшимися в насыпи песчаниковыми глыбами [10, с. 96; 43, с. 214]. Раскопки кургана 1 произведены П. В. Германом в 2014 г., 2015 г. – исследованы склеп, десять погребений детского могильника и поминальник таштыкской культуры (V–VI вв. н.э.), а также слой кратковременной стоянки раннего бронзового века. В сожженном склепе обнаружены кости не менее 60 человек [49].

В ходе работ 1974 г. в окрестностях с. Чумай открыты неолитические поселение Чумай V (11), стоянки Чумай III (12) и Чумай VII²⁶; двухслойное поселение Чумай IV (9) на восточной окраине села. Подъемные сборы включали фрагменты керамики позднеатагарского времени, а также обсидиановые отщепы, нуклеусы и вкладыши [43, с. 213].

В 1975 г. А. М. Кулемзиным открыт могильник таштыкского времени Шестаково II (23) из пяти курганов в 0,6 км восточнее села²⁷. Первоначально были обнаружены два кургана, разрушенные силосной траншеей. Они исследованы в 1976 г. и определены как раннеташтыкские²⁸ [50]. Позже под угрозой разрушения оказались два других кургана²⁹. Аварийные раскопки кургана 3 произведены М. Б. Абсалямовым в 1979 г. (по другим данным – в 1978 г.³⁰). В ходе работ обнаружена только керамика и фрагменты гипсовых масок таштыкского времени³¹ [10, с. 96]. В 1980 г. А. М. Кулемзиным исследован курган 4. Найдены керамика, фрагменты глиняных масок, бронзовая бляшка «зеркало»³² [51, с. 204]. Курган датирован III–IV вв. н. э. – временем развитой таштыкской культуры³³.

В 1975 г. А. М. Кулемзиным открыто поселение Шестаково XI³⁴ (27). Работы на памятнике, который первоначально был определен как тагарское поселение, велись в 1979–1983 гг., 1986 г. По итогам первого года раскопок датировка определялась в широких пределах – от переходного тагарско-таштыкского времени до эпохи ранних тюрков Южной Сибири (I в. до н.э. – VI–VII вв. н.э.)³⁵.

²² НА КМАЭЭ. Д. 574. С. 7. 1975 г.

²³ Там же. С. 8.

²⁴ Там же. С. 2, 3, 5.

²⁵ Там же. С. 4, 5.

²⁶ Там же. С. 2, 3, 5.

²⁷ НА КМАЭЭ. Б/н. С. 1. 1979 г.; НА КМАЭЭ. Д. 580. С. 29. 1981 г.

²⁸ НА КМАЭЭ. Б/н. С. 3, 4, 6. 1979 г.

²⁹ НА КМАЭЭ. Д. 569. С. 11. 1980 г.

³⁰ НА КМАЭЭ. Д. 580. С. 29. 1981 г.

³¹ НА КМАЭЭ. Д. 569. С. 11, 13. 1980 г.

³² НА КМАЭЭ. Д. 580. С. 33–35. 1981 г.

³³ Там же. С. 37.

³⁴ НА КМАЭЭ. Д. 936. С. 2. 1980 г.

³⁵ Там же. С. 24.

Тогда же были обнаружены остатки детского погребения, совершенного скорченно на боку. В 1981 г. выявлены наличие вала и рва. За все время раскопок найдены поделки из рога, кости, железа, камня, глины, шлак, керамика, кости животных [10, с. 105]. Работы показали, что памятник многослойный³⁶. Его территория была обитаема с эпохи неолита, в бронзовом веке (в андроновское и ирменское время), основной же материал датирован позднеаштатским временем и ранним Средневековьем [52–54].

Перечень памятников на берегу р. Кия в окрестностях с. Шестаково был пополнен в 1976 г. А. М. Кулемзиным открыта стоянка эпохи неолита *Шестаково XII* (27), собраны отщепы, вкладыши, скребки³⁷. В 2011 г., 2012 г. в ходе разведочных работ по мониторингу состояния и сохранности памятников отрядом КемГУ, возглавляемым А. В. Фрибусом, в разведочных шурфах на Шестаково XII получено около 1 тыс. находок – предметы каменной индустрии, фрагменты керамики [11, с. 173–175].

В 1976 г. А. В. Циркиным открыто и частично исследовано поселение бронзового века *Арчекас IV* (*Лысая Гора*) (53). В разведочном шурфе обнаружены фрагменты керамики [24, с. 252; 35, с. 81].

В 1977 г. В. И. Молодиным открыто и частично исследовано раскопками поселение бронзового века *Шестаково XIX* (25). В 1978 г. раскопки производил отряд Южносибирской экспедиции, возглавляемый В. В. Бобровым [10, с. 105]. Поселение обследовано А. М. Кулемзиным в 1986 г. в ходе работ по уточнению археологической карты Кемеровской области³⁸.

В 1977 г. А. С. Васютиным на площади 16 м² произведены раскопки поселения *Шестаково VII* (26), именуемого им «поселение Шестаково на Яру» или «Шестаково IV»³⁹. Согласно полевому отчету о памятнике стало известно именно в этот год. Наименование «Шестаково VII» последовательно отстаивается А. М. Кулемзиным, указывающим на дату открытия местонахождения в 0,5 км к северу от села – 1974 г.⁴⁰ [10, с. 98; 43, с. 214]. Материалы сборов

и из разведочных шурфов представлены фрагментами керамики и костей животных. А. С. Васютиным поселение датировано II–I вв. до н. э. – второй половиной I тыс. н. э.⁴¹

В 1978 г. Кузбасским отрядом Южносибирской археологической экспедиции КемГУ с задачей поиска памятников эпохи бронзы была предпринята разведка в 3 км от д. Чумай на площади протяженностью 2 км вверх по течению р. Кия⁴² [55, с. 211]. В ходе этих работ В. В. Бобровым открыто и исследовано контрольными раскопками поселение бронзового века *Бухтай*⁴³ (6). Предприняты контрольные раскопки поселения эпохи поздней бронзы *Чумай II* (6) [19, с. 119]. Открыто многослойное поселение *Смирновский ручей* (*Смирновка*) I (5). В разведочном шурфе найдены керамика, отщепы, скребок, обломок наконечника стрелы⁴⁴. Тогда же был собран подъемный материал (кремневые отщепы) на возвышающемся здесь же скалистом берегу – поселении *Смирновский ручей* (*Смирновка*) II⁴⁵ (5).

Поселение *Смирновский ручей I* исследовано В. В. Бобровым в 1979 г. в ходе работ⁴⁶ на площади 488 м². Помимо неолитического комплекса, с памятника происходит керамика эпохи ранней и развитой бронзы⁴⁷ [17, с. 190], а также эпохи раннего Средневековья [56; 57, с. 70].

В 1979 г. А. М. Кулемзиным произведена разведка по правому берегу р. Кия вниз от с. Шестаково на расстоянии 6 км и в глубину от края надпойменной террасы на 200 м⁴⁸. В ходе рекогносцировки по подъемным сборам фрагментов керамики, углей, золы, костей животных открыто поселение позднего тагарского времени *Шестаково XVIII* (25) на северной окраине сел⁴⁹ [10, с. 105]. Объект обследовался А. М. Кулемзиным в 1986 г.⁵⁰ На сегодняшний день большая часть территории памятника нарушена огородами [11, с. 172].

В ходе этой же разведки А. М. Кулемзиным по подъемным сборам открыты три поселения тагарско-таштыкского времени в 150–200 м южнее поселений Шестаково XI и XII – *Шестаково XIII* (27), *XIV* (27), *XV*⁵¹ (27) [10, с. 105]. Объекты обследовались повторно в 1986 г.⁵² В современной учетной

³⁶ НА КМАЭЭ. Д. 580. С. 2. 1981 г.

³⁷ НА КМАЭЭ. Б/н. С. 7. 1979 г.

³⁸ НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14, 15. 1991 г.

³⁹ НА КМАЭЭ. Д. 607. 1978 г.

⁴⁰ НА КМАЭЭ. Д. 936. С. 3. 1980 г.

⁴¹ НА КМАЭЭ. Д. 607. С. 6. 1978 г.

⁴² НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 7309. С. 26, 31. 1979 г.

⁴³ Там же. С. 28, 31.

⁴⁴ Там же. С. 28, 29.

⁴⁵ Там же. С. 30.

⁴⁶ НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 5793. С. 5. 1980 г.

⁴⁷ Там же. С. 9–11.

⁴⁸ НА КМАЭЭ. Д. 936. С. 25. 1980 г.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14, 15. 1991 г.

⁵¹ НА КМАЭЭ. Д. 936. С. 26. 1980 г.

⁵² НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14, 15. 1991 г.

документации не исключается, что поселения могли составлять единый археологический комплекс с городищем Шестаково XI. Тогда же А. М. Кулемзиным по подъемным сборам открыто поселение тагарского времени *Усть-Серта* (31) на береговой дороге из Усть-Серты в с. Шестаково.

В 1979 г. была открыта стоянка эпохи неолита в устье Берлехского ручья, на правом берегу р. Кия. С памятника происходят торцовые нуклеусы, ножевидные пластины и керамика [17, с. 190]. Ниже впадения р. Смирновка в р. Кия на террасовидном останце В. В. Бобровым открыто поселение *Смирновский ручей* (*Смирновка*) III (3) – собраны кремневые отщепы и керамика раннего Средневековья [17, с. 190].

В 1980 г. А. М. Кулемзиным открыто местонахождение подъемного материала раннего железного века *Чумай X* (7) в 1,8 км юго-восточнее села, на правом берегу р. Кия севернее сопки Кондовый Бухтай. Собраны фрагменты керамики и костей [19].

В 1982 г. А. М. Кулемзиным была предпринята масштабная разведка по среднему и нижнему течению р. Кия – обследована территория поймы Кии протяженностью около 150 км от с. Чумай до с. Туйла, за исключением пространств от г. Мариинск до с. Таежная Михайловка. Таким образом, рекогносцировка охватила зоны лесостепи, подтаежного лиственного леса и черневой низинной тайги⁵³. В работах принимали участие В. В. Шаповалова и А. М. Коротаев. В общей сложности удалось выявить более двадцати археологических памятников, в том числе ряд объектов в среднем течении р. Кия: поселение *Чумай XI* (8) в северо-восточной части села; поселение бронзового века *Раевка* (42) на берегах правого притока Кии – р. Юра; одиночный курган раннего железного века у с. *Дмитриевка* (36) в 450 м к северо-западу от села; четыре поселения тагарского и переходного тагарско-таштыкского времени в окрестностях с. *Кубаево* (39–41); одиночный курган тагарского – переходного тагарско-таштыкского времени в 160 м северо-западнее села *Усть-Чебула* (45). Открыт ряд памятников переходного тагарско-таштыкского времени – одиночные курганы *Курск-Смоленка I* (29) в 0,3 км западнее села и *Курск-Смоленка II* (29) в 1,2 км южнее села, оба со следами грабительских раскопок, а также расположенные рядом поселения *Курск-Смоленка I* (28) и *Курск-Смоленка II* (28) в 0,4 км к западу от села, зафиксированные по подъемным сборам фрагментов керамики и костей животных. Открыты курганный могильник *Баим* (48) и поселение *Баим* (49) в 2,5 км юго-восточнее поселка,

на берегу Романовской курьи; поселения *Усть-Чебула II* (43) в 3 км юго-восточнее села, в 80 м юго-западнее курьи Подкова; *Усть-Чебула III* (49) в 4 км северо-западнее села на южном берегу Романовской курьи; поселение переходного тагарско-таштыкского времени *Усть-Чебула I* (43) в 340 м северо-западнее села⁵⁴.

Не позднее 1985 г. А. М. Кулемзиным было открыто поселение эпохи поздней бронзы *Соколиное Гнездо* (52) на западном склоне горы Арчекас.

В 1986 г. А. М. Кулемзиным предпринята разведка «с целью уточнения археологической карты Кемеровской области и составления учетной документации на археологические памятники»⁵⁵. Помимо обследования ранее выявленных памятников, по подъемным сборам открыты поселение позднего этапа таштыкской культуры (III–VI вв. н. э.) *Шестаково XXI* (27) в 1,5 км к северу от с. Шестаково; тагарское поселение *Дмитриевка* (36) в 0,8 км юго-восточнее села; одиночный курган тагарско-таштыкского времени *Балка* (38) в 2,5 км северо-западнее с. *Дмитриевка*⁵⁶.

После почти десятилетнего перерыва полевые исследования в бассейне р. Кия возобновились в 1997 г. В ходе разведочных работ Кузбасской археологической экспедиции совместной лаборатории археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН и КемГУ, возглавляемых В. Н. Жаронкиным, на юго-восточном склоне горы Арчекас открыто поселение *Арчекас VI* (44). По подъемному материалу памятник датирован переходным тагаро-таштыкским временем⁵⁷ [35, с. 81].

Интенсификация полевых археологических исследований на берегах среднего течения р. Кия имела место в 2000-х гг. Помимо упомянутых работ А. В. Фрибуса (2011, 2012) и П. В. Германа (2014, 2015, 2018) на ранее известных памятниках в окрестностях сел Шестаково и Чумай (поселения Шестаково II, Шестаково XII, Чумай III, могильник Шестаково III, одиночный курган Алчедат III) произведены поиски новых археологических объектов. Так, Мариинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН, возглавляемым П. В. Германом, зафиксированы стоянки эпохи бронзы *Устье-Кожуха I* (2) (изначальное наименование памятника – *Кожух I*)⁵⁸ [58] и раннего железного века *Шестаково XXII* (25). В 2010–2012 гг. на стоянке Устье-Кожуха I совместным отрядом ФИЦ УУХ СО РАН и КемГУ раскопками исследован участок более 350 м². Находки представлены изделиями из камня, фрагментами керамических сосудов, следами бронзолитейного производства [59–62]. В 2012 г. П. Г. Соколовым в 0,8 м выше устья р. Кожух открыта стоянка эпохи бронзы *Кожух I*⁵⁹ (1).

⁵³ НА КМАЭЭ. Д. 937. С. 21. 1983 г.

⁵⁴ Там же. С. 22–28.

⁵⁵ НА КМАЭЭ. Д. 783. С. 14. 1991 г.

⁵⁶ Там же. С. 15, 16.

⁵⁷ Перечень объектов культурного наследия (памятников археологии), находящихся на территории Кемеровской... С. 80.

⁵⁸ НА ЛА ФИЦ УУХ СО РАН. Д. А. 2010 г.

⁵⁹ НА ЛА ФИЦ УУХ СО РАН. Д. В. 2015 г.

В 2019 г. экспедицией ФИЦ УУХ СО РАН выявлены курганный могильник *Арчекаские курганы II* (50), местонахождения эпохи неолита – переходного тагаро-таштыкского времени *Шестаково XXIII* (22) и нового времени – *Шестаково XXIV* (25) [63]. Поиски новых памятников и исследования на выявленных археологических объектах в среднем течении р. Кия в настоящее время продолжаются силами Мариинского отряда Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН.

Перспективы изучения памятников на берегах р. Кия: Среднекийский археологический микрорайон

Археологические исследования берегов среднего течения р. Кия ведутся с конца XIX в., прерываясь в первой половине XX в. и в 1990-е гг., и продолжаются на современном этапе. За это время стали известны более 80 памятников. Лесостепные пространства бассейна р. Кия явились объектом по меньшей мере семи широких археологических разведок (без учета работ по мониторингу сохранности памятников, периодически производимых в первой четверти XXI в. [64, с. 168; 65, с. 94]). Наиболее масштабные разведки имели место в 1958 г. (А. И. Мартынов), 1971 г. (А. М. Кулемзин, А. И. Мартынов), 1974 г. (А. М. Кулемзин), 1978 г. (В. В. Бобров), 1979 г., 1982 г., 1986 г. (А. М. Кулемзин). Вклад этих ученых в дело изучения древностей Мариинской лесостепи трудно переоценить.

В предложенном обзоре учтены данные о 84 археологических памятниках. На берегах среднего течения р. Кия известны четыре городища, четыре местонахождения, 15 могильников, семь одиночных курганов, семь стоянок и 46 поселений (14 памятников обследовались визуально, 39 объектов выявлены на основании сборов подъемного материала, на 11 предпринималась закладка разведочных шурфов, на 19 производились раскопки).

Проведенный анализ архивных и опубликованных материалов, а также результаты картографирования археологических объектов позволяют еще раз акцентировать три основные группы концентрации археологических объектов среднего течения р. Кия – в окрестностях сел Шестаково, Чумай и г. Мариинск. Обоснования археологических комплексов вблизи перечисленных населенных пунктов приводятся в работах И. И. Баухника [9] и А. М. Кулемзина [10; 66–68]. Их идеи получили развитие в публикациях других кемеровских археологов [11; 69].

Нам представляется, что археологические объекты, расположенные по берегам среднего (лесостепного) течения р. Кия, образуют самостоятельный Среднекийский археологический микрорайон (АМР), включающий Арчекаскую (Мариинскую), Шестаковскую и Чумайскую группы памятников (или археологические комплексы) [70]. Картографирование объектов (рисунок) позволяет говорить об условности границ между комплексами и отсутствии значительных по протяженности участков по берегам р. Кия, где археологические памятники неизвестны.

Представления о территориальной обособленности этих групп в целом отражают современные знания о локализации археологических объектов и подлежат дополнению и корректировке. Между комплексами фиксируются объекты «рассеянного» типа, которые в процессе более детального археологического обследования прилегающих территорий могут сформировать самостоятельные локальные и локально-хронологические группы. Таким образом, основанием для обособления Арчекаского (Мариинского), Шестаковского и Чумайского археологических комплексов в составе Среднекийского АМР выступает не столько их пространственная локализация, сколько специфика культурно-хронологического содержания каждого из комплексов, имеющая взаимодополняющий характер.

Так, в окрестностях с. Чумай преобладают поселения и стоянки, могильники единичны (Чумай I, Чумай II) и, вероятно, полностью уничтожены. Более половины объектов *датированы эпохой неолита и бронзовым веком*. Местонахождения более позднего времени, например раннего железного века, малочисленны (поселения Чумай VIII и Чумай IX, могильники Чумай I и Чумай II). В эту же группу включены поселенческие памятники, локализованные на границе лесостепного и горно-таежного участков течения р. Кия – вблизи Смирновского ручья и в устье р. Кожух. Объекты чумайской группы в большинстве своем открыты по подъемным сборам. Исследованные шурфовой или раскопками памятники единичны (поселения Чумай II, Чумай III, Смирновский ручей I, Устье-Кожуха I). Важно отметить, что чумайский участок концентрации археологических объектов следует рассматривать в качестве ключевой территории промысловой охоты и добычи рудных ископаемых в древности.

В окрестностях с. Шестаково в период с 1960-х гг. открыто более 30 археологических памятников, датированных от эпохи палеолита (местонахождение Шестаково VIII, стоянка Шестаково IX) до Средневековья (поселение Шестаково VII). Территория в окрестностях села представляет собой микроравнину в долине р. Кия, в пойме, на террасе и по коренным берегам которой локализованы разновременные археологические объекты. Большая их часть относится к *позднетагарскому, тагарско-таштыкскому и таштыкскому времени*. В основном объекты представлены поселениями; могильники немногочисленны (Шестаково I–III). К этой же группе предварительно отнесены курганный могильник Усть-Серта I и одноименное поселение, а также памятники вблизи сел Михайловка и Алчедат, расположенные на левом берегу Кии – противоположном от с. Шестаково. В данной группе численно преобладают объекты, на которых проводились шурфовки и раскопки. Территория шестаковской группы памятников является продолжением цепочки археологических объектов, тянущихся с незначительными разрывами от с. Чумай. В особенности это касается объектов раннего железного века, поскольку

для этого периода характерна непрерывность освоения лесостепного пространства р. Кия.

В урочище Арчекас и в окрестностях г. Мариинск, замыкающих лесостепное пространство р. Кия на севере, начиная с 1960-х гг. открыто около 20 археологических памятников. Среди них преобладают объекты поселенческого типа, датированные *ранним железным веком*. Здесь чаще производились обследования и сборы подъемного материала, чем раскопки. Несколько объектов на горе Арчекас были подвергнуты шурфовке и раскопкам еще в 1960–1970-е гг. (Арчекаские курганы I, городище Арчекас I, поселения Арчекас IV и Арчекас V). В последние годы урочище Арчекас выступает как место обнаружения «кладов» бронзовых вещей раннего железного века и Средневековья [35, с. 85]. Характерной особенностью арчекаских памятников является симбиоз разнотипных археологических материалов и очевидный «культовый» характер ряда объектов, заключающийся в особенности локализации и специфике поселенческих и погребальных комплексов, а также наличии «кладов». На основании обнаруженных на памятниках урочища Арчекас многочисленных находок кулайской культуры раннего железного века и синкретичных «тагаро-кулайских» образцов мелкой пластики следует предполагать, что данная территория являлась одним из ключевых мест контактов древних насельников таежного и лесостепного Нижнего Причумылья и Мариинской лесостепи. Именно на этом пограничном участке выявлен, пока что единственный, курганный могильник эпохи Средневековья (Арчекаские курганы II), аналогии которому известны в подтаежных районах нижнего течения р. Кия. Указанная специфика археологических объектов урочища Арчекас аргументирует северную границу Среднекиевского АМР.

Перечисленные археологические комплексы бассейна Средней Кии представляют собой отдельные участки

освоения лесостепного пространства р. Кия в древности. Их объединение в составе Среднекиевского АМР обосновано приуроченностью к одной из ключевых речных магистралей бассейна Среднего Причумылья и представленной спецификой отдельных комплексов: Чумайский (южный) – контактный участок с горно-таежной территорией, представляющий собой важный промыслово-сырьевой комплекс; Арчекаский (северный) – контактная зона с подтаежной территорией Среднего Причумылья; Шестаковский (центральный) – территория основной концентрации археологических памятников Среднекиевского АМР. В совокупности материалы каждого из трех перечисленных археологических комплексов важны для цельного понимания историко-культурных процессов на западной периферии Мариинской лесостепи – в бассейне Средней Кии.

Заключение

Предпринятое обобщение истории полевых археологических исследований на берегах р. Кия демонстрирует значительный объем накопленных археологических источников, достаточный для формирования локальных культурно-хронологических колонок. Материалы известных памятников характеризуют периоды освоения человеком данной территории с эпохи верхнего палеолита до Средневековья. Помимо этого, значительный историко-культурный и научный потенциал содержат объекты нового времени, которые в большинстве своем не учтены и, соответственно, не изучались. Поиски и полевые исследования памятников Средневековья и периода освоения Сибири русскими образуют самостоятельную задачу на перспективу. Совокупный анализ имеющихся материалов археологических комплексов р. Кия с привлечением данных сопредельных территорий позволит создать локальную модель этнокультурогенеза в древности и раннем Средневековье.

Литература

1. Кемеровская область / отв. ред. Удодов В. П. Новокузнецк: КузГПА, 2012. 254 с.
2. Гутак Я. М., Котлова К. В. Геологические памятники природы бассейна реки Кия (Кемеровская область) и их рекреационное значение // Изв. Алт. отд-я РГО. 2015. № 2. С. 33–37.
3. Евтушик Н. Г., Багмет Г. Н., Дьяченко Н. К., Егорова Н. Т., Верхозина М. В. Практикум по физической географии Кемеровской области. Новокузнецк: МАОУ ДПО ИПК, 2017. 83 с.
4. Мордкович В. Г. Западно-Сибирская лесостепь – сгусток биоразнообразия, универсальный биом и резерват грядущих биогеографических реконструкций // Сибирский экологический журнал. 2012. Т. 19. № 1. С. 27–34.
5. Мартынов А. И. Андроновская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Из истории Кузбасса / ред. З. Г. Карпенко. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1964. С. 227–245.
6. Бобров В. В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. Вып. 13. С. 28–36.
7. Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово: КемГУ, 1989. 198 с.
8. Кулемзин А. М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. Вып. 13. С. 107–115.
9. Баухник И. И. Археологические находки с горы Арчекас // Известия лаборатории археологических исследований / отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1970. Вып. 2. С. 49–53.

10. Кулемзин А. М. Шестаковский археологический комплекс // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1980. Вып. 11. С. 95–106.
11. Фрибус А. В., Соколов П. Г., Баштанник С. В., Трусова Е. В. Шестаковский археологический микрорайон: 40 лет спустя // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 2012. Вып. 26. С. 170–175.
12. Абсалямов М. Б. О типах жилищ на тагарских и тагарско-таштыкских поселениях // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 34–42.
13. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Тагарские поселения. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 123 с.
14. Мартынова Г. С. Новые поселения эпохи раннего железа в Мариинской лесостепи // Проблемы археологических культур степей Евразии / отв. ред. А. И. Мартынов. Кемерово: КемГУ, 1987. С. 61–69.
15. Кулемзин А. М. Результаты археологической разведки лаборатории археологических исследований Кемеровского педагогического института в 1965 г. // Известия лаборатории археологических исследований / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1967. Вып. 1. С. 108–110.
16. Бобров В. В., Пяткин Б. Н. Информация о полевых работах кафедры археологии Кемеровского государственного университета в 1977 году // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 155–159.
17. Бобров В. В., Добжанский В. Н. Работы Кузбасского отряда Южносибирской экспедиции // Археологические открытия. 1980. Т. 1979. С. 190–191.
18. Мартынов А. И. Материалы к археологической карте Кемеровской области // Ученые записки Кемеровского педагогического института. Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1961. Вып. 4. С. 152–164.
19. Кулемзин А. М., Бородин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области. Материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1989. Вып. I. 158 с.
20. Мартынов А. И. Памятники и отдельные находки предметов скифо-сарматского времени в Томско-Енисейском лесостепном районе // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Новокузнецкий полиграфический производственный комбинат Кемеровского областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 1973. Вып. VI. С. 4–89.
21. Герман П. В. Сибирский период научной деятельности Г. О. Оссовского // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 116–119.
22. Мартынова Г. С. Таштыкские племена на Кие. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 112 с.
23. Мартынов А. И. Алчедатский курган // Известия лаборатории археологических исследований / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1974. Вып. 5. С. 52–67.
24. Циркин А. В. Исследования в окрестностях г. Мариинска Кемеровской области // Археологические открытия. 1977. Т. 1976. С. 251–252.
25. Циркин А. В. Мариинское городище и его место в материальной культуре Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1977. Вып. 9. С. 68–86.
26. Мартынова Г. С. Михайловское поселение по результатам раскопок 1967 г. // Известия лаборатории археологических исследований / ред. А. И. Мартынов. Кемерово: Б. и., 1970. Вып. 2. С. 54–80.
27. Мартынова Г. С. Таштыкское поселение в Кемеровской области // Археологические открытия. Т. 1967. С. 168–169.
28. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Шестаковские курганы. Кемерово: Б. и., 1971. 249 с.
29. Мартынов А. И. Скульптурный портрет человека из Шестаковского могильника // Советская археология. 1974. № 4. С. 231–242.
30. Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // Тюркологический сборник 1977 / отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, 1981. С. 232–248.
31. Полосьмак Н. В. Внешность обманчива... // Наука из первых рук. 2010. № 5. С. 83–89.
32. Мартынов А. И., Мартынова Г. С., Кулемзин А. М. Тайны Шестаковских курганов. 2-е изд., перераб. Кемерово: Лазурь-К, 2017. 118 с.
33. Мартынов А. И., Кулемзин А. М., Биглер Э. И. Тагарские курганы и отдельные находки тагарских бронзовых предметов в Ачинско-Мариинском лесостепном районе // Мартынов А. И. Ягуня: Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово: Б. и., 1973. С. 239–245.
34. Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Симонов Д. А., Соколов П. Г., Ширин Ю. В., Фрибус А. В. Результаты археологических разведок по мониторингу состояния, сохранности и использования объектов археологического наследия Кемеровской области // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. Вып. III. С. 5–41.
35. Бобров В. В., Боброва Л. Ю. Бронзовые предметы скифского времени с горы Арчекас (Кузнецкий Алатау): новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 78–86. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.2.078-086

36. Ковтун И. В., Марочкин А. Г. Арчекаский кельт и проблема сейминско-турбинской эпохи Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 1. С. 69–76.
37. Мартынов А. И. Раскопки в Кузбассе // Археологические открытия. 1972. Т. 1971. С. 292–293.
38. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Шестаковское поселение по материалам раскопок 1976 г. // Археологические открытия. 1977. Т. 1976. С. 219.
39. Мартынов А. И., Абсалямов М. Б. Раскопки Шестаковского городища // Археологические открытия. 1978. Т. 1977. С. 255–256.
40. Мартынов А. И. Работы отряда Южносибирской экспедиции // Археологические открытия. 1983. Т. 1981. С. 213–214.
41. Кулемзин А. М. Арчекаские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1979. Вып. 10. С. 87–99.
42. Кулемзин А. М. Арчекаский феномен в памятниках скифского времени Центральной Азии // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи: сб. мат-лов Междунар. науч. конф. Астана, 2008. С. 205–207.
43. Кулемзин А. М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия. 1975. Т. 1974. С. 213–214.
44. Герман П. В., Савельева А. С., Онищенко С. С. Шестаково II – поселение раннего железного века в Мариинской лесостепи // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 21–32.
45. Бобров В. В. Древности земли Кузнецкой (Рассказы археолога). Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2015. 166 с.
46. Молодин В. И. Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 307 с.
47. Деревянко А. П., Зенин В. Н. Некоторые результаты исследований многослойной стоянки Шестаково // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 56–57.
48. Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Машенко Е. Н. Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 168 с.
49. Герман П. В. Раскопки таштыкского погребально-поминального комплекса Шестаково III в Мариинской лесостепи в 2014 и 2015 гг. // Археологические открытия. 2017. Т. 2015. С. 438–440.
50. Кулемзин А. М. Новые памятники в Кемеровской области // Археологические открытия. 1977. Т. 1976. С. 212–213.
51. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с.
52. Кулемзин А. М. Раскопки городища Шестаково XI // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока / ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Б. и., 1987. С. 71–74.
53. Кулемзин А. М. Продолжение охранных раскопок в Кемеровской области // Археологические открытия. 1981. Т. 1980. С. 189.
54. Кулемзин А. М. Раскопки поселения Шестаково XI // Археологические открытия. 1983. Т. 1981. С. 206.
55. Бобров В. В., Бородин Ю. М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия. 1979. Т. 1978. С. 210–211.
56. Бобров В. В. Керамика поселения Смирновский ручей-1 // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. регион. конф. (7–9 апреля 1982 г.) Иркутск: ИГУ, 1982. С. 87–88.
57. Окунева И. В. Кузбасс в эпоху раннего средневековья // Альманах современной науки и образования. 2007. № 2. С. 69–74.
58. Герман П. В., Савельева А. С. Новые материалы эпохи бронзы северных предгорий Кузнецкого Алатау // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: мат-лы XV Междунар. Западно-Сибирской археолого-этнографич. конф. (Томск, 19–21 мая 2010 г.) Томск: Аграф-Пресс, 2010. С. 132–135.
59. Баштанник С. В., Ковтун И. В., Фрибус А. В., Конончук К. В. Раскопки поселения Устье Кожуха 1 в 2010–2013 гг. // Археологические открытия. 2015. Т. 2010–2013. С. 587–589.
60. Ковтун И. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В. Самусьское время Устья-Кожуха-1, юго-восточный фактор и «гранито-агальматолитовый» путь // Историко-культурное наследие Кузбасса (актуальные проблемы изучения и охраны памятников археологии). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. Вып. III. С. 104–113.
61. Ковтун И. В., Фрибус А. В., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н. Горно-таежный андроновидный комплекс Устья-Кожуха 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-3. С. 46–51.
62. Марочкин А. Г., Баштанник С. В., Жаронкин В. Н., Фрибус А. В., Конончук К. В., Соколов П. Г., Ковтун И. В. Полевые исследования Северо-Восточного и Нижнетомского отрядов Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2011 года. Кемерово: ИЭЧ СО РАН, 2011. Вып. 3. С. 132–135.
63. Герман П. В., Савельева А. С., Марочкин А. Г., Веретенников А. В. Новые данные об археологических памятниках на северо-востоке Кузбасса // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2019. № 10. С. 15–20.
64. Соколов П. Г., Фрибус А. В. Некоторые аспекты сохранения объектов археологического наследия в индустриально развитых регионах (на примере Кемеровской области) // Сохранение археологического наследия: проблемы и пер-

- спективы: мат-лы конф. «Противодействие незаконной деятельности в области археологии». (Москва, 9–10 декабря 2013 г.) М.: ИА РАН, 2015. С. 166–174.
65. Соколов П. Г., Фрибус А. В. Основные аспекты сохранения объектов археологического наследия (на примере Кемеровской области) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-3. С. 93–97.
66. Кулемзин А. М. Комплекс археологических памятников у с. Чумай // Археология, этнография и музейное дело / отв. ред. В. В. Бобров. Кемерово: Никалс, 1999. С. 43–47.
67. Кулемзин А. М. Перспективы сохранения и использования Шестаковского комплекса объектов исторического, культурного и природного наследия // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6. С. 71–75.
68. Кулемзин А. М. Концепция и методика создания Шестаковского историко-природного музея-заповедника // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. № 4. С. 10–15.
69. Баштанник С. В. Историко-культурный потенциал западной части Кийско-Чулымского междуречья // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 13–19.
70. Марочкин А. Г., Герман П. В., Савельева А. С., Плац И. А., Веретенников А. В. Археологические микрорайоны на юге Томь-Чулымского междуречья // Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК: краткие мат-лы XVIII Междунар. Западносибирской археолого-этнографич. конф. (Томск, 19–21 мая 2020 г.) Режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Марочкин_и_Ар.pdf#overlay-context=node/41 (дата обращения: 07.05.2020).

review article

Archaeological Sites of the Middle Kiya River: History of Discoveries and Study Prospects*

Anna S. Savelieva^{a, @, ID¹}; Pavel V. German^{a, ID²}; Ivan A. Plats^{a, ID³}; Larisa Yu. Bobrova^{b, ID⁴}

^a Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Kemerovo

^b Museum «Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia» of Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ antverpen@mail.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>

ID² <https://orcid.org/0000-0002-8123-6992>

ID³ <https://orcid.org/0000-0002-3039-9310>

ID⁴ <https://orcid.org/0000-0003-3017-5808>

Received 12.05.2020. Accepted 26.06.2020.

Abstract: The article introduces some information about the expeditionary studies on the archaeological sites located on the banks of the Middle Kiya River valley. The authors believe that the Kiya is one of the main rivers for such important historical and cultural area of South Siberia as the Kiya – Chulym interfluvium. The expeditionary studies have been conducted here since the late XIX century; however, professional archaeological studies began as late as in the 1950s. The paper describes the excavations conducted by A. I. Martynov, G. S. Martynova, I. I. Baukhnik, A. M. Kilemzin, A. V. Tsirkin, A. P. Okladnikov, V. I. Molodin, V. V. Bobrov, A. S. Vasyutin, V. N. Zharonkin, P. V. German, A. V. Fribus, and P. G. Sokolov. It focuses on the carefully planned excavations conducted on the banks of the middle forest-steppe part of the Kiya River valley. Seven expeditions discovered eighty previously unknown archaeological sites. While performing the historiographic mapping of archaeological sites, the authors took into account the type of artifact and the type of archaeological study. The authors analyzed the localization of the archaeological sites near the villages of Shestakovo and Chumay and the city of Mariinsk published by A. M. Kulemzin and I. I. Baukhnik and compared them with the results of the mapping. They defined the territory as a single Middle-Kiya archaeological microdistrict that includes the archaeological complexes of Shestakovo, Chumay, and Archekas (Mariinsk). The article also includes some preliminary ideas about the types of archaeological studies, as well as typological and chronological description of the monuments.

Keywords: historiography, excavations, exploration, mapping, archaeological microdistrict

* The reported research was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the government of the Kemerovo region, grant No. 20-49-420005 r_a.

For citation: Savelieva A. S., German P. V., Plats I. A., Bobrova L. Yu. Archaeological Sites of the Middle Kiya River: History of Discoveries and Study Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 648–663. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-648-663>

References

1. *Kemerovo region*, ed. Udodov V. P. Novokuznetsk: KuzGPA, 2012, 254. (In Russ.)
2. Gutak Ja. M., Kotlova K. M. Natural geologic landmars of the Kiya river basin (Kemerovo region) and their recreational value. *Izv. Alt. otd-ya RGO*, 2015, (2): 33–37. (In Russ.)
3. Evtushik N. G., Bagmet G. N., Diachenko N. K., Egorova N. T., Verkhovina M. V. *Workshop on physical geography of the Kemerovo region*. Novokuznetsk: MAOU DPO IPK, 2017, 83. (In Russ.)
4. Mordkovich V. G. West Siberian forest-steppe is a cluster of biodiversity, a universal biome, and a reserve of forthcoming biogeographic reconstructions. *Sibirskiy Ekologicheskii Zhurnal*, 2012, 19(1): 27–34. (In Russ.)
5. Martynov A. I. Andronovo era in the Ob-Chulyum interflaves. *From the history of Kuzbass*, ed. Karpenko Z. G. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1964, 227–245. (In Russ.)
6. Bobrov V. V. Late Bronze Age of the Ob-Chulyum interfluve region. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, iss. 13, 28–36. (In Russ.)
7. Bobrov V. V., Mikhailov Iu. I. *Monuments of the Andronovo culture of the Ob-Chulyum interfluve*. Kemerovo: KemGU, 1989, 198. (In Russ.)
8. Kulemzin A. M. History of the studies of archaeological sites in the Kemerovo region. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1985, iss. 13, 107–115. (In Russ.)
9. Baukhnik I. I. Archaeological finds from the Archekas mountain. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1970, iss. 2, 49–53. (In Russ.)
10. Kulemzin A. M. The archaeological complex of Shestakovo. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1980, iss. 11, 95–106. (In Russ.)
11. Frius A. V., Sokolov P. G., Bashtannik S. V., Trusova E. V. Shestakovsky archaeological district: 40 years later. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 2012, iss. 26, 170–175. (In Russ.)
12. Absaliyev M. B. About types of dwellings in Tagar and Tagar-Tashtyk settlements. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1977, iss. 9, 34–42. (In Russ.)
13. Martynov A. I., Absaliyev M. B. *The Tagar settlements*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1988, 123. (In Russ.)
14. Martynova G. S. New settlements of Early Iron Age in Mariinsk forest-steppe. *Problems of archaeological cultures of the steppes of Eurasia*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: KemGU, 1987, 61–69. (In Russ.)
15. Kulemzin A. M. The results of archaeological exploration of the Archaeological Research Laboratory of the Kemerovo Pedagogical Institute in 1965. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1967, iss. 1, 108–110. (In Russ.)
16. Bobrov V. V., Piatkin B. N. Information about excavation works of the Department of Archeology in Kemerovo State University in 1977. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1977, iss. 9, 155–159. (In Russ.)
17. Bobrov V. V., Dobzhanskii V. N. Works of the Kuzbass detachment of the South Siberian expedition. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1980, 1979: 190–191. (In Russ.)
18. Martynov A. I. Materials for the archaeological map of the Kemerovo region. *Scientific notes of the Kemerovo Pedagogical Institute*. Kemerovo: Kemer. kn. izd-vo, 1961, iss. 4, 152–164. (In Russ.)
19. Kulemzin A. M., Borodkin Iu. M. Archaeological sites of Kemerovo region. *The materials to the Corpus of historical and cultural sites of the USSR*. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1989, iss. I, 158. (In Russ.)
20. Martynov A. I. Monuments and individual finds of objects of the Scythian-Sarmatian time in the Tomsk-Yenisei forest-steppe region. *News of the archaeological research laboratory*. Kemerovo: Novokuznetskii poligraficheskii proizvodstvennyi kombinat Kemerovskogo oblastnogo upravleniia izdatelstv, poligrafii i knizhnoi trgovli, 1973, iss. VI, 4–89. (In Russ.)
21. German P. V. German P. V. Siberian period of scientific activity G. O. Ossovski. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, 2013, (3): 116–119. (In Russ.)
22. Martynova G. S. *Tashtyk tribes on the Kiya River*. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoiar. un-ta, 1985, 112. (In Russ.)
23. Martynov A. I. The Alchedat mound. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo: Kem. kn. izd-vo, 1974, iss. 5, 52–67. (In Russ.)
24. Tsirkin A. V. Research near the city of Mariinsk, Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1977, 1976: 251–252. (In Russ.)
25. Tsirkin A. V. Mariinsky fortified settlement and its place in material culture of Ob-Chulyum interfluve. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1977, iss. 9, 68–86. (In Russ.)

26. Martynova G. S. Mikhailovsky settlement according to the results of excavations of 1967. *News of the archaeological research laboratory*, ed. Martynov A. I. Kemerovo, 1970, iss. 2, 54–80. (In Russ.)
27. Martynova G. S. Tashtyk settlement in the Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1968, 1967: 168–169. (In Russ.)
28. Martynov A. I., Martynova G. S., Kulemzin A. M. *Shestakovsky burial ground*. Kemerovo, 1971, 249. (In Russ.)
29. Martynov A. I. Sculptural portrait of a man from the Shestakovsky burial ground. *Sovetskaia arkheologiya*, 1974, (4): 231–242. (In Russ.)
30. Savinov D. G. Anthropomorphic statues and the issue of early Turkic-Kyrgyz ties. *Turkic digest 1977*, ed. Kononov A. N. Moscow: Nauka, 1981, 232–248. (In Russ.)
31. Polosmak N. V. Appearances are deceptive... *Science First Hand*, 2010, (5): 83–89. (In Russ.)
32. Martynov A. I., Martynova G. S., Kulemzin A. M. *Secrets of the Shestakovo barrows*, 2nd ed. Kemerovo: Lazur-K, 2017, 118. (In Russ.)
33. Martynov A. I., Kulemzin A. M., Bigler E. I. Tagar mounds and individual finds of Tagar bronze objects in the Achinsk-Mariinsky forest-steppe region. Martynov A. I. *Jagun: News of the archaeological research laboratory*. Kemerovo, 1973, 239–245. (In Russ.)
34. Bashtannik S. V., Zharonkin V. N., Simonov D. A., Sokolov P. G., Shirin Yu. V., Fribus A. V. The results of archaeological reconnaissance for monitoring the condition, preservation and use of archaeological heritage of the Kemerovo region. *Historical and cultural heritage of Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 3, 5–41. (In Russ.)
35. Bobrov V. V., Bobrova L. Yu. Newly discovered bronze artifacts of the Scythian period from Archekas Mountain, Kuznetsk Alatau. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2017, 45(2): 78–86. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.2.078-086
36. Kovtun I. V., Marochkin A. G. The Archekas celt and the issue of the Seima-Turbino period in the Kuznetsk basin and in the Achinsk-Mariinsk forest-steppe. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, 2011, (1): 69–76. (In Russ.)
37. Martynov A. I. Excavations in Kuzbass. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1972, 1971: 292–293. (In Russ.)
38. Martynov A. I., Absaliyev M. B. Shestakovo settlement based on excavation materials of 1976. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1977, 1976: 219. (In Russ.)
39. Martynov A. I., Absaliyev M. B. Excavations of Shestakovo settlement. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1978, 1977: 255–256. (In Russ.)
40. Martynov A. I. The work of the detachment of the South Siberian expedition. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1983, 1981: 213–214. (In Russ.)
41. Kulemzin A. M. Archekas mounds. *Archeology of South Siberia*. Kemerovo: KemGU, 1979, iss. 10, 87–99. (In Russ.)
42. Kulemzin A. M. Archekassky phenomenon in the sites of the Scythian time of Central Asia. *Nomads of the Kazakh steppes: ethnosociocultural processes and contacts in Eurasia of the Scythian-Saka era*: Proc. Intern. Sci. Conf. Astana, 2008, 205–207. (In Russ.)
43. Kulemzin A. M. Exploration in the Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1975, 1974: 213–214. (In Russ.)
44. German P. V., Savelieva A. S., Onishchenko S. S. Shestakovo II – a settlement of the Early Iron Age in Mariinsk forest-steppe. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaya pisanitsa"*, 2019, (10): 21–32. (In Russ.)
45. Bobrov V. V. *Antiquities of the Kuznetsk land (Tales of the archaeologist)*. Kemerovo: Izd-vo KRIPKiPRO, 2015, 166. (In Russ.)
46. Molodin V. I. *Essays on the history of Siberian archeology*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2015. 307. (In Russ.)
47. Derevianko A. P., Zenin V. N. Some results of studies of the multilayer temporary settlement Shestakovo. *Review of the results of the field and laboratory investigations of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993*. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1995, 56–57. (In Russ.)
48. Derevianko A. P., Molodin V. I., Zenin V. N., Leshchinskiy S. V., Mashchenko E. N. *Late Paleolithic location of Shestakovo*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003, 168. (In Russ.)
49. German P. V. Excavations of the Tashtyk funeral-memorial complex Shestakovo III in the Mariinsk forest-steppe in 2014 and 2015. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 2017, 2015: 438–440. (In Russ.)
50. Kulemzin A. M. New sites in the Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1977, 1976: 212–213. (In Russ.)
51. Vadetskaya E. B. *The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 1999, 440. (In Russ.)
52. Kulemzin A. M. Excavations of Shestakovo XI fortified settlement. *Research of monuments of ancient cultures of Siberia and the Far East*, ed. Derevianko A. P. Novosibirsk, 1987, 71–74. (In Russ.)
53. Kulemzin A. M. Continuation of security excavations in the Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1981, 1980: 189. (In Russ.)
54. Kulemzin A. M. Excavations of the settlement of Shestakovo XI. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1983, 1981: 206. (In Russ.)

55. Bobrov V. V., Borodkin Iu. M. Archaeological exploration in the Kemerovo region. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 1979, 1978: 210–211. (In Russ.)
56. Bobrov V. V. Ceramics of the settlement Smirnovsky Ruchei-1. *Problems of archeology and ethnography of Siberia: Proc. regional conf.*, April 7–9, 1982. Irkutsk: IGU, 1982, 87–88. (In Russ.)
57. Okuneva I. V. Kuzbass in the Early Middle Ages. *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2007, (2): 69–74. (In Russ.)
58. German P. V., Savelieva A. S. New materials of the Bronze Age of the northern foothills of the Kuznetsk Alatau. *Culture as a System in a Historical Context: Experience of the West Siberian Archaeological and Ethnographic Conferences: Proc. XV Intern. West Siberian archaeological and ethnographic conf.*, Tomsk, May 19–21, 2010. Tomsk: Agraf-Press, 2010, 132–135. (In Russ.)
59. Bashtannik S. V., Kovtun I. V., Fribus A. V., Kononchuk K. V. Excavations of the settlement Ustye Kozhuha-1 in 2010–2013. *Arkheologicheskie otkrytiia*, 2015, 2010–2013: 587–589. (In Russ.)
60. Kovtun I. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N., Fribus A. V. Samus time of the Ust-Kozhukh-1, the southeast factor and the "granite-agalmatolite" path. *Historical and cultural heritage of Kuzbass*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, iss. 3, 104–113. (In Russ.)
61. Kovtun I. V., Fribus A. V., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N. Taiga-mountain andronoid complex of ustje Kozhukha 1 Site. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 46–51. (In Russ.)
62. Marochkin A. G., Bashtannik S. V., Zharonkin V. N., Fribus A. V., Kononchuk K. V., Sokolov P. G., Kovtun I. V. Expeditionary studies of the North-East and Nizhnetomsk detachments of the Kuzbass archaeological expedition of the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Materials of the scientific session of the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2011. Kemerovo: IECh SO RAN, 2011, iss. 3, 132–135. (In Russ.)
63. German P. V., Savelieva A. S., Marochkin A. G., Veretennikov A. V. New data about archaeological sites in northeastern Kuzbass. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2019, (10): 15–20. (In Russ.)
64. Sokolov P. G., Fribus A. V. Some aspects of the conservation of archaeological heritage in industrialized regions (on the Kemerovo region's example). *Archaeological Heritage Preservation: the problems and prospects: Proc. conf. "Countering illegal archeology activities"*, Moscow, December 9–10, 2013. Moscow: IA RAN, 2015, 166–174. (In Russ.)
65. Sokolov P. G., Fribus A. V. Main aspects of preservation of archaeological heritage (the case of Kemerovo region). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (1-3): 93–97. (In Russ.)
66. Kulemzin A. M. The complex of archaeological sites near the Chumai village. *Archeology, Ethnography and Museology*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo: Nikals, 1999, 43–47. (In Russ.)
67. Kulemzin A. M. Prospects for the conservation and use of Shestakovo complex of objects of historical, cultural and natural heritage. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, (2-6): 71–75. (In Russ.)
68. Kulemzin A. M. The concept and methodology of creating Shestakovskiy historical and natural museum-reserve. *Uchenye zapiski muzeia zapovednika "Tomskaia pisanitsa"*, 2016, (4): 10–15. (In Russ.)
69. Bashtannik S. V. Historical and cultural potential of the western part Kyi-Chulym interfluv. *Historical and Social-Educational Idea*, 2013, (5): 13–19. (In Russ.)
70. Marochkin A. G., German P. V., Savelieva A. S., Plats I. A., Veretennikov A. V. Archaeological microdistricts in the south of the Tom-Chulym interfluv. *Western Siberia in the Transcultural Space of Northern Eurasia: Results and Prospects of 50 Years of ZSAEC Research: Proc. XVIII Intern. West Siberian archaeological and ethnographic Conf.*, Tomsk, May 19–21, 2020. Available at: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Марочкин_и_Ап.pdf#overlay-context=node/41 (accessed 07.05.2020). (In Russ.)

К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект

Александр Н. Садовой^{a, @, ID}

^a Субтропический научный центр Российской академии наук, Россия, г. Сочи

@ sadovoy.a.n@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-2153-63459>

Поступила в редакцию 25.06.2020. Принята к печати 27.07.2020.

Аннотация: Представлены промежуточные результаты компаративного анализа направленности земельных реформ на срезах XIX–XX и XX–XXI вв., их средне- и долгосрочных последствий на территориях традиционного природопользования этнических меньшинств в трансграничной зоне юга России. Акцентируется внимание на соотношении государственных и этнических интересов в ходе проведения землеустройства и формировании института частной земельной собственности. Актуальность исследования определяется проблемами развертывания системы регионального этнологического мониторинга, научного прогнозирования направленности и динамики изменения этносоциальной обстановки под воздействием проводимой национальной и аграрной политики российского государства. Отмечено, что в предложенном государством механизме формирования земельного рынка изначально был заложен принцип социальной стратификации на основе коррупционной составляющей. В национальных районах реорганизация земельных отношений объективно инициировала вторичный процесс – этническую стратификацию, проявившуюся в концентрации выделенных паев в руках отдельных фамилий, представляющих национальную элиту – социальную страту, сформированную в советский период. На основе пилотажных исследований по системам природопользования автохтонного населения и переселенцев в трансграничной зоне юга России и социальной политике конца XIX – начала XXI в. проводится тезис об устойчивой тенденции сохранения федеральным центром рычагов прямого воздействия на процессы: а) административно-территориального устройства; б) формирования системы расселения и структуры населения (включая этническую); в) образования социальных страт земельных собственников; г) трансформации традиционных систем природопользования и жизнеобеспечения сельских анклавов. Эта тенденция позволяет рассматривать историю земельной политики российского государства в контексте общего курса национальной политики, входящей в настоящее время в предметное поле междисциплинарных исследований, объединяющих историков, этнологов, политологов, социологов и экономистов.

Ключевые слова: земельные реформы, этническая территория, национальная политика, этническая стратификация

Для цитирования: Садовой А. Н. К формированию института частной земельной собственности в трансграничных зонах юга России: этнический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 664–676. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-664-676>

Введение

Модернизация социально-экономической инфраструктуры России на основе воссоздания института частной собственности актуализирует внимание на историческом опыте регуляции межэтнических отношений в сфере природопользования и землепользования. Взаимообусловленность процессов формирования гражданской идентификации и сохранения этнической территории объективно прослеживается на всем постсоветском пространстве. В обосновании этого этнокультурного процесса [1] заложен тезис об имперской природе национальной политики России, ограничивающей возможности формирования институтов гражданского общества, социальную мобильность и развитие этнических секторов экономики на основе института частной земельной

собственности. В этой связи исследование попыток решения земельного вопроса, предпринятых российским государством, приобретает актуальность и в контексте определения зоны противопоставления государственных и этнических интересов, представляемых национальными элитами.

С другой стороны, проявление центробежных тенденций объективно приводит к формированию социального заказа на развертывание региональной системы этносоциального мониторинга, направленного на выявление реакции населения страны на федеральный курс социальной политики. Правовым основанием мониторинга выступает п. 32 «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года»¹, в котором предусматривается мониторинг состояния межнациональных

¹ Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // СЗ РФ. 24.12.2012. № 52. Ст. 7477.

(межэтнических) отношений в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Развертывание системы мониторинга неразрывно связано с моделированием системы коммуникационных (социальных связей), формируемых в ходе социальных реформ, определению их этнической составляющей, как потенциального источника дестабилизации этносоциальной обстановки. Акцентирование в ходе научно-прикладных исследований внимания на земельной собственности как одном из базовых социальных регуляторов социальных отношений определяется тем, что данный социальный институт в России, в отличие от большинства стран мира, претерпевал неоднократные глубинные трансформации. Вследствие этого к началу XXI в. на территории страны, с одной стороны, не сохранилось социальных страт, сохраняющих земельную собственность на протяжении нескольких поколений. С другой стороны, в национальных районах трансграничной зоны юга России (Восточный Алтай, Тофалария и др.) развитие этнических форм предпринимательства обуславливают этническую стратификацию при устойчивом восприятии территорий традиционного природопользования как этнической территории.

Методологические подходы исследования этносоциальных последствий земельных реформ

Земельные реформы объективно выступают внешним фактором воздействия на этнический сектор сельской экономики, что позволяет рассматривать их в качестве одной из составляющих национальной политики. В силу этого научное прогнозирование средне- и долгосрочных последствий реформ возможно только на основе принципов системного подхода (анализа). Согласно последним феномен *этносоциальная обстановка* рассматривается в качестве многоуровневой, многокомпонентной, динамично меняющейся системы внутри- и межэтнических коммуникаций, существующих в сфере экономики, управления, культуры и т. д. [2], а механизм (комплекс причинно-следственных связей) трансформации системы коммуникаций – в качестве объекта исследования.

Предметная область при таком подходе ограничивается хронологически – пиками воздействия на традиционные системы социальной организации и жизнеобеспечения. Использование принципов выборочного подхода для ограничения предметной области исследования определяет алгоритм анализа и оценки последствий земельных реформ по двум хронологическим срезам – XIX–XX вв.; XX–XXI вв. Первый срез обуславливается процессами формирования института земельной собственности в ходе реализации буржуазных реформ 1860–1910-х гг. Второй – восстановлением этого института в ходе проведения земельной реформы 1990–2010-х гг. В этой связи история развития социалистического сектора сельской экономики нами рассматривается в качестве самостоятельного объекта исследования.

Территориальные рамки исследования при системном подходе ограничиваются изопрагмами территорий

традиционного природопользования (этнических групп, сельских анклавов). В связи с этим исследование ограничивалось горными районами (полигонами) трансграничной зоны юга России, в границах которых традиционные системы природопользования и жизнеобеспечения были проанализированы на основе широкого спектра источников, включая материалы этнографических исследований. Следует акцентировать внимание на том, что категория трансграничности не дает основания для прямой экстраполяции представленных в статье тенденций на центральные районы России [3].

Трансформация системы социальных коммуникаций раскрывалась в контексте столкновений интересов социальных страт. Так, реакция автохтонного населения пограничных районов России на проводимый курс земельной политики рассматривается в контексте пересечения интересов исполнительной власти (центр, регионы), этнических меньшинств и переселенцев (нерезидентов). Формы противостояния интересов рассматриваются как проявление перманентного межэтнического взаимодействия (противостояния), наиболее четко проявляющегося в периоды системных политических кризисов. Позиция федерального центра в исследовании представлена положениями нормативных актов XIX–XXI вв., определивших направленность и содержание административно-территориальных преобразований и правовое оформление института частной земельной собственности. Позиция органов региональной власти определялась на основе синтеза экспертных оценок [4–11], позиция этнических меньшинств – на основе анализа материалов полевых исследований в границах выборочных полигонов, историографических источников, обобщенных в диссертационных исследованиях и ряде монографий. Пакет используемых в процессе исследования методик опубликован в [12].

Следует отметить, что круг привлеченных историографических источников отражает существенные методологические ошибки в оценке направленности и содержания этнических процессов, инициированных национальной политикой советского периода. Речь идет об использовании метода аналогов, при котором суждения и выводы по процессам в среде локальных этнических групп переносятся на более высокий иерархический уровень. В качестве примера можно привести концепции о прогрессивном характере: а) перевод автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона с кочевого образа жизни на оседлый на основе развития интенсивных форм экономики; б) переселение горцев Дагестана на равнину; в) раскрытие рекреационного потенциала горных районов и т. д. Анализ механизма трансформации традиционных систем жизнеобеспечения автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона показал, что собственно кочевой уклад экономики автохтонного населения в предреволюционный период был характерен только для двух этнических групп – казахов и теленгитов, локализованных в опустыненных районах

Восточного Алтая. Экспертным сообществом Дагестана на основе полевых исследований неоднозначно оцениваются последствия переселения горцев на равнину как инициировавшего исчезновение сотен горных аулов и сокращение сельскохозяйственных угодий [13; 14]. Раскрытие рекреационного потенциала национальных районов, по мнению исследователей, помимо трансформации системы традиционного землепользования инициирует такие процессы, как коммодификация, трансформация традиционной культуры, широкий спектр проявлений фольклоризма [15–18]. Вышеизложенное диктует крайне осторожное отношение к практике применения аксиологического подхода при анализе последствий земельных реформ.

Тенденции земельной политики в имперский период

Одна из специфичных черт российской империи, определивших общую направленность национальной политики в трансграничных зонах, проявилась в неопределенности и открытости, или бесконтрольности, ее южных границ. Особенно отчетливо эта специфика прослеживалась в районах пересечения границ в горных экосистемах и на территориях традиционного природопользования автохтонного населения, что объективно приводило к столкновению государственных и этнических интересов. В Алтае-Саянском экорегионе межгосударственные границы были согласованы с Цинским Китаем только во второй половине XIX в., на Кавказе – в это же время, после признания Османской империей результатов Кавказской войны (1817–1864 гг.). В этих районах трансграничной зоны полная топографическая съемка присоединенных к России территорий и землеустроительные работы осуществлялись по факту принятия автохтонных групп населения в подданство Его Императорского Величества. Собственно отношение органов государственной власти к традиционным социальным институтам, представителям национальных элит, формам этнической экономики (природопользования, жизнеобеспечения) формировалось в течение XIX в. в период буржуазных реформ. В Саяно-Алтайском экорегионе правовая регуляция коммуникаций между органами власти и автохтонным населением осуществлялась по положениям Устава «Об управлении инородцев»², составленного М. М. Сперанским. Специфика социальной организации социальных групп, ведущих экстенсивные формы скотоводства, определяла проблему признания особого правового статуса национальной элиты (зайсанов). С первой половины XIX в. вплоть до административно-территориальных реформ конца XIX – начала XX в. ее еще относили к страте наследственного дворянства. На Черноморском побережье Кавказа та же проблема определялась жестким противостоянием работорговле со стороны государства, которая было основным источником благосостояния элит ряда субэтносов адыгов (аристократических племен). В этом

контексте определение круга потенциальных земельных собственников в трансграничной зоне как потенциальной социальной опоры проводимой политики являлось одной из сложнейших задач государственного строительства.

Собственно институт гражданства в национальных районах мог сформироваться только при выходе личности из системы традиционных социальных коммуникаций, основанных на нормах обычного права, признании личностью (а не группой) приоритета норм государственного права (законов, нормативных актов) в сфере регуляции социальных отношений, включая поземельные. В имперский период этот процесс не был завершен.

Проиллюстрируем процессы трансформации земельных отношений при переходе от института подданства к институту гражданства и обусловленную этим процессом сферу столкновений государственных, этнических и частных интересов на примере выборочных районов трансграничной зоны юга России. В пограничных районах Горного Алтая в первой половине XIX в. интересы верховного собственника (земельного) представлял Кабинет Его Императорского Величества. Так как пограничные районы были закрыты для переселенцев, воздействие губернской и уездной администрации на традиционный уклад жизни автохтонного населения было минимальным. Во многом разрыв между органами власти и сельскими анклавами определялся дисперсной системой расселения, мобильностью автохтонного населения и слабо развитой транспортной сетью. Этносоциальная обстановка обуславливала, что в течение конца XVIII – первой половины XIX в. российским правительством выдерживался курс кодификации норм обычного права национальных меньшинств [19], что на уровне местной администрации не способствовало противопоставлению государственных и этнических интересов. Прямое воздействие на традиционный уклад жизни автохтонного населения Саяно-Алтайского экорегиона оказывала только Русская Православная церковь (РПЦ). Так, Алтайской духовной миссией РПЦ вплоть до начала XX в. последовательно проводился курс, способствующий развертыванию административно-территориальной структуры и системы сельского самоуправления, идентичный внутренним районам Российской империи [20; 21].

Сибирское поземельное устройство, проходившее в духе реформы 1861 г., имело тот же алгоритм мероприятий, который уже был апробирован на государственных землях Европейской России в 1870–1880-х гг. Правительство находилось перед дилеммой: решить вопрос землеустройства населения Сибири предоставлением права частного владения крестьянам или регламентировать характер землепользования, сохранив право собственности за государством и Кабинетом Его Императорского Величества [22, с. 52–53]. Дискуссии по данному вопросу проводились в стенах Департамента общих дел Министерства государственных

² Об управлении инородцев // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб.: Тип. И. Отд-ия Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII: 1822–1823. № 29126. С. 394–417

и земельных имуществ с начала 1880-х гг. Результатом деятельности комиссии А. С. Ермолова (1894 г.) стал проект «Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях»³, утвержденный Государственным Советом 31 мая 1899 г. Закон предусматривал землеустройство казенных крестьян, монополизацию казной земельной собственности, отрицание принципов крестьянского частного землепользования, ограничение в широких масштабах крестьянского землепользования [23, с. 20–27]. Кабинетские крестьяне и оседлое автохтонное население подвергалось землеустройству согласно «Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества»⁴.

Процесс землеустройства автохтонного населения экорегиона был запущен в 1901 г. Однако вплоть до 1912 г. автохтонное население Центрального Алтая и пограничной полосы с Монголией и Тувой (Восточный Алтай) под землеустроительные работы не попадало. Основной причиной была заинтересованность Кабинета в продлении ежегодной субсидии (200 тыс. руб.) на проведение работ и формирование системы арендных платежей на земельных участках, не попавших под землеустройство. Как правило, под отвод не попадал комплекс летних пастбищ (включая лесные), что определяло проблему реорганизации всего комплекса коммуникационных связей между социальными стратами алтай-кижи, теленгитов, казахов. Крупными собственниками стад активно предпринимались попытки закрепления за собою зимних пастбищ, локализованных в долинных комплексах, путем объединения земельных наделов. Осуществлялось это подкупом производителей работ и лиц, проводящих геодезическое обследование и топографическую привязку наделов, с целью занижить качественную оценку пастбищ, перевести их в разряд неудобных земель, что резко увеличивало площадь наделов. Используя приемы внеэкономического принуждения, бай, крупные собственники стад, сосредотачивали в своих руках и душевые паи разорившихся соплеменников [20]. Этническая стратификация, таким образом, с одной стороны, обусловила произвольный характер процесса «нарезки земель», с другой – дестабилизировало этносоциальную обстановку на границах с Монголией и Тувой.

На Кавказе сложилась качественно иная ситуация. Значительная часть автохтонных этносов во второй половине XIX в. была охвачена движением мухаджирства и покинула этническую территорию. Вопросы о предоставлении национальной элите прав земельного собственника были

сняты для всей трансграничной зоны. Проблема проявилась в задачах сельскохозяйственного освоения присоединенных земель. Решена она была на основе инициирования миграций из внутренних районов империи и Османской Порты. Заселение и административно-территориальное устройство побережья регламентировалось «Положением о заселении Черноморского округа и управлении оным»⁵ (10.03.1866). Земли переселенцам передавались в пользование. Надел достигал размера в 30 десятин «удобной» (пахотная, сенокосная) земли на двор, что было существенно ниже норм наделения в Саяно-Алтайском экорегионе, где минимальной душевой нормой было 15 десятин. К концу XIX в. норма надела на Западном Кавказе сократилась до 3 десятин удобной земли, что в условиях влажных субтропиков было явно недостаточно для товарного производства сельскохозяйственной продукции, это ориентировало органы местной власти на раскрытие рекреационного потенциала территории, а не на развитие сельскохозяйственного производства. В то же время ход землеустройства нескольких полиэтничных по составу волн переселенцев неизбежно ставил перед имперским правительством проблему формирования слоя земельных собственников как социальной опоры на присоединенных к государству территориях.

В отличие от Саяно-Алтайского экорегиона на Западном Кавказе социальная стратификация учитывалась как политический фактор прямого воздействия на этносоциальную обстановку в пограничной зоне. В этой связи здесь последовательно реализовывалась стратегия продажи казенных земель представителям российского дворянства и буржуазии. С 1872 г. она осуществлялась участками (не более 3000 десятин) по цене 10 руб./дес. с рассрочкой выплаты на 10 лет по равным долям. Большая часть приобретенных земель землевладельцами сдавалась на условиях аренды переселенцам или сохранялась в качестве резервного фонда для дальнейшей продажи [24, с. 48–52]. Начиная с 1880-х гг. государственные льготы не распространялись на иностранных подданных, которые могли рассчитывать только на аренду частновладельческих земель по договору. В силу этого формируемая по Черноморскому побережью страта земельных собственников однозначно выступала сторонником проводимого курса социальной политики, что нельзя сказать о широком слое арендаторов, сформировавших полиэтничные по составу сельские анклавы (территориальные общины).

К концу XIX в. по всему побережью сформировался земельный рынок: прибрежный участок трансграничной зоны и верховья р. Мзымта стали районом перманентных объектов земельных сделок и крупных спекуляций, направленных на формирование городской (дачи), а не сельской

³ Главные основания поземельного устройства крестьян и инородцев, водворившихся в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской на казенных землях // ПСЗРИ. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1899. Т. XVI: 1986. Отд.-ие 1. № 12998. С. 503–505.

⁴ Положение о поземельном устройстве крестьян и инородцев, водворившихся в Алтайском округе на землях Кабинета Его Величества // ПСЗРИ. Собрание третье: с 1 марта 1881 г. по 1913 г. СПб.; Пг.: Гос. тип., 1902. Т. XIX: 1899. Отд.-ие 1. № 16991. С. 554–566.

⁵ Извлечение из высочайше утвержденного Положения о Черноморском округе // ПСЗРИ. Собрание второе: с 12.12.1825 по 28.02.1881. СПб.: Тип. 2-го Отд.-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1968. Т. XXXXI: 1866. Отд.-ие 1. С. 237–242.

среды. В отличие от Алтае-Саянского экорегиона домовладение с распространением функций пользования и распоряжения прилегающим земельным участком (приусадебным, парковым, садовым и т. д.) в этом районе стало основным маркером социальной стратификации. В социальную верхушку динамично растущих городских селений включались представители известных в России фамилий.

При оценке внутривластной составляющей последствий имперского политического курса по всей трансграничной зоне юга России стоит акцентировать внимание на системе социальных противоречий, проявляющихся в несовпадении интересов органов государственной власти и подконтрольного им населения. Этнические интересы, представленные национальными элитами, проявлялись в стремлении: а) сохранить этническую территорию, социальные регуляторы традиционного природопользования, минимизировать воздействия на традиционный уклад жизни со стороны региональных органов исполнительной власти (Горный Алтай); б) сформировать в моноэтнических сельских анклавах систему землепользования на основе традиционной хозяйственной специализации и арендные статьи собственниками имений (Черноморское побережье). Позиция региональных органов власти проявлялась в стремлении создать резервный земельный фонд для переселенцев, сформировать на этой основе институт земельной собственности, увеличить налоговую базу. Позиция имперских (центральных) органов власти проявлялась в противопоставлении этнических интересов и интересов региональных органов власти. Этническая территория и ресурсы Саяно-Алтайского экорегиона рассматривались в качестве резервного колонизационного фонда, позволяющего с помощью инициированных трудовых миграций противостоять двум линиям сепаратизма. Региональный сепаратизм проявился в стремлении регионального управления минимизировать воздействие центральных органов власти на весь спектр социальных процессов (политических, экономических, культурных). Этнический сепаратизм определялся интересами национальных элит. На Черноморском побережье процесс формирования этнических территорий сельскими анклавами переселенцев не был четко выраженным. В отдельных случаях (греческие и эстонские селения верховьев р. Мзымты) протекал бесконтрольно.

Земельные реформы конца XX – начала XXI в. К проблеме выявления циклов дестабилизации этносоциальной обстановки

Специфика политического курса конца XX в. определялась идеологическим конструктом, согласно которому государственная земельная собственность, находящаяся вне гражданского оборота, рассматривалась в среде экспертного сообщества в качестве неэффективного социального института, не способного решать проблемы экономического

характера. В связи с этим земли сельскохозяйственного назначения выступали самым первым объектом приватизации государственного и муниципального имущества в стране. Правовой основой этого процесса выступил Закон РСФСР от 23 ноября 1990 г. «О земельной реформе»⁶, согласно которому на территории РСФСР: а) отменялась монополия государства на землю; б) вводилась собственность граждан на земельные участки, предоставленные для ведения личного подсобного и крестьянского хозяйства (ст. 4); в) допускалась продажа земли только органами государственной власти и Советами народных депутатов (ст. 9); г) исключалась реституция (возврат земельных участков бывшим их собственникам и их наследникам) и передача земельных участков в собственность иностранным гражданам (ст. 4); д) устанавливался 10-летний мораторий на куплю-продажу земельных участков (ст. 9); в) вводилась платность землепользования через земельный налог. Законом предусматривалось проведение земельной реформы в два этапа.

На первом этапе предполагалось осуществить последовательно: а) закрепление за местными советами народных депутатов прав по распоряжению землей, уточнение административных границ (сельсоветов), б) выявление потребности в земле граждан, предприятий, учреждений и организаций; в) формирование специального фонда земель (для их последующего перераспределения) и установление ставок земельного налога и цены земли. На втором этапе местным советам народных депутатов и органам Государственного комитета РСФСР по земельной реформе предписывалось осуществить передачу и закрепление земель гражданам, предприятиям, организациям и учреждениям в собственность, пользование (включая аренду) и владение в соответствии с действующим законодательством РСФСР. По своему содержанию закон вторгался в предмет ведения Конституции 1977 г., способствуя разрыву не только социально-экономической, но и политической структуры страны. Это прослеживается по ст. 12, в которой государством гарантировалось «бесплатное и бессрочное пользование» землями, закрепленными за колхозами.

Стоит вспомнить, что колхозы (в отличие от совхозов) являлись социальными институтами, образованными в 1930-е гг. на основе обобществления (коллективизации) парцелл земель, выкупленных по ряду субъектов РФ сельскими анклавами (общинами) или крестьянскими хозяйствами в ходе буржуазных реформ 1860-х – начала 1900-х гг., церковных земельных владений и собственности дворянства и буржуазии. Непризнание российским государством, в отличие от стран Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония) и Восточной Европы (Чехия, Болгария, Венгрия, Румыния), права реституции недвижимой собственности, национализированной в начале XX в. [25], было тождественно констатации факта, что органами государственной власти

⁶ О земельной реформе. Закон РСФСР от 23.11.1990 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 29.11.1990. № 26. Ст. 327.

взял курс на формирование страты земельных собственников с чистого листа. Формируемый на основе передела земель социальный слой не должен был включить в себя потомков дореволюционных элит [5]. Не предусматривался и возврат наследникам усадебных строений и прилегающих к ним садово-парковых участков, отнесенных в настоящее время к объектам историко-культурного и природного наследия [4], даже в случаях, когда допускалась возможность их приватизации.

Так, были проигнорированы протесты «Постоянного Совета дворянских общин России (ПСОДОР)», воссозданного в 1992 г. потомками российского дворянства, против передачи по проекту губернатора В. И. Матвиенко дворцов и особняков Санкт-Петербурга в любые частные руки и недоумение у юристов-специалистов по международному праву и праву наследования собственности по предложенной модели выкупать эту недвижимость у государства по реальной стоимости. Этническая составляющая дореволюционного землепользования полностью игнорировалась. Для трансграничной зоны юга России это означало, что возможность получения в собственность земель для представителей автохтонного населения (резидентов) и нескольких волн переселенцев (нерезидентов), занятых в сельскохозяйственном производстве, уравнивались (Саяно-Алтайский экорегион). Потомки дореволюционных собственников домовладений и прилегающих к ним земельных участков (ботанических садов) Черноморского побережья Кавказа также были лишены права реституции. Принадлежащие им особняки, переданные в советский период под санатории и пансионаты, оставались в ведомственной собственности (как правило, федеральной). Часть из них, приватизированные в 1990-е гг., были уничтожены (например, комплекс «Ривьера»).

Содержание земельной реформы на начальном этапе определялось и ходом конституционной реформы, в соответствии с которой до начала работы Федерального Собрания регулирование социальных отношений, находящихся ранее в компетенции Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, делегировалось Президенту РФ. Согласно п. 2 Указа Президента РФ Б. Н. Ельцина «О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в Российской Федерации»⁷, предполагалось, что в целях обеспечения оперативного регулирования экономическими процессами в стране, обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод граждан процесс преобразований будет осуществляться в указном порядке. В качестве обоснования делегирования высшему лицу государства неограниченных прав реорганизации института земельной собственности, не имеющих исторических precedентов, выступал далеко

не бесспорный тезис об отсутствии в РФ «актуального действующего земельного законодательства» [8, с. 37].

С технической точки зрения (алгоритм проведения реформ) возможность бесконфликтной реализации закона в национальных районах путем привлечения представителей сельских советов была сомнительна. Материалы полевых исследований 1990-х гг. в горных и горно-таежных районах Саяно-Алтайского экорегиона показывают, что процедура соотношения административных границ сельсоветов и границ традиционного природопользования, особенно в труднодоступных районах, была трудно разрешимой задачей. Эти границы были весьма условны и никогда не маркировались. На районном уровне информацией о «теневых» секторах этнической экономики и социальных регуляторах традиционного природопользования органы власти, как правило, не владели, как в дореволюционный, так и в советский периоды. Имеющаяся в сельсоветах землеустроительная документация охватывала только поселковые и припоселковые территории. Промысловые участки, выгоны и сезонные пастбища, локализованные на землях гослесфонда, как правило, не картографировались. В силу этого изопрагмы подконтрольной сельским советам территории носили формальный характер. А многоукладность этнической экономики сельских анклавов, значительная часть которой находилась в теневом секторе и базировалась на экстенсивных формах природопользования с охватом федеральных земель (лесов 1 категории), ставила под вопрос саму процедуру выявления потребности в земле граждан. Системный кризис органов территориального управления и ограниченный круг специалистов в сфере этнической экономики повсеместно выступали фактором, ограничивающим возможности определения кадастровой стоимости промысловых участков и сезонных пастбищ в национальных районах, тех парцелл этнической территории, которые в начале 2010-х гг. стали активно отчуждаться бизнес-структурами с целью раскрытия рекреационного потенциала субъектов РФ.

Задачей приватизации земли и реформирования колхозов и совхозов декларировалось создание на базе ликвидируемого сектора социалистической экономики крестьянских (фермерских) хозяйств, а не латифундий. На первый взгляд этот курс был направлен на формирование широкой социальной поддержки процессу «декоммунизации» сельской экономики. Так, в целях создания условий для становления частного уклада аграрной экономики синхронно с Законом РСФСР «О земельной реформе» был принят и Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»⁸, который по своему содержанию можно рассматривать в качестве правового механизма реорганизации системы коммуникационных связей, определяющих структуру

⁷ О правовом регулировании в период поэтапной конституционной реформы в РФ. Указ Президента РФ от 07.10.1993 № 1598 // Российская газета. 09.10.1993.

⁸ О крестьянском (фермерском) хозяйстве. Закон РСФСР от 22.11.1990 № 348-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 29.11.1990. № 26. Ст. 324.

традиционных форм землепользования сельских анклавов, как внутренних (поселковых), так и внешних (межпоселковых, межэтнических и др.). Трансформация системы определялась предоставлением отдельным хозяйствам правового закрепления за собою парцелл земли, находящихся до реформ в коллективном пользовании. То, что этот процесс инициировал переорганизацию системы поземельных связей в целом, игнорировалось. В результате, как на территории Горного Алтая, так на Черноморском побережье Кавказа, были инициированы процессы свертывания сельскохозяйственного производства совхозов-миллионеров.

Принятые позднее законодательные акты РФ (Земельный кодекс РСФСР⁹; Постановление Правительства РФ «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса»¹⁰) скорректировали и дополнили содержание выше рассмотренных нормативно-правовых документов. В частности, совхозам, колхозам, акционерным обществам «предоставлялось право» (по формуле «могут») трансформировать земельные участки, предоставленные на праве постоянного (бессрочного) пользования, в коллективную (совместную или долевую) собственность; допускалось право собственности на землю для «бюджетников» – лиц, занятых в социальной сфере, пенсионеров и других лиц. Таким образом, уже с начала 1990-х гг. государством осознанно проводился курс, направленный на расширение субъектного состава граждан, получивших право собственности на земельную долю, за счет производителей [9, с. 22].

Земельный кодекс РСФСР воспроизвел, развил и скорректировал ряд положений Закона «О земельной реформе». Его содержание не входило в противоречие с курсом «фермеризации» и не ограничивало сроков приватизации. В этой связи проводимый курс приватизации земель позволил экспертному сообществу провести тезис о соответствии принимаемых Россией нормативных актов уже международной практике. Согласно последней для сохранения социальной стабильности (на основе баланса интересов) признавалась целесообразность формирования (органами власти) страты земельных собственников *из среды производителей сельскохозяйственной продукции*.

В то же время, как по Кодексу, так и по последующим за ним нормативным актам, регулирующим земельные отношения, прослеживается и обратная тенденция – отчуждение производителя от земельной собственности. Это прослеживается по тому, что с начала 1990-х гг. государством последовательно и осознанно проводился курс, направленный на расширение субъектного состава граждан, получивших право собственности на земельную долю *за счет производителей* [9, с. 22]. Эта тенденция прослеживается

в том, что согласно Земельному кодексу РСФСР (1991), помимо производителей сельхозпродукции, допускалось право собственности на землю для «бюджетников» – лиц, занятых в социальной сфере, и пенсионеров. Далее, в Постановлении Правительства РФ «О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса» (1992) список потенциальных собственников был расширен уже путем включения в него работников сельскохозяйственных предприятий, уволенных по сокращению штатов (после 01.1992) и «временно отсутствующих», но сохраняющих право трудоустройства физических лиц (военнослужащих, студентов и т. д.). Стоит акцентировать внимание на том, что обозначенные этими двумя нормативными актами социальные группы в условиях системного кризиса 1990-х гг. однозначно могут быть отнесены к категории малоимущих – социальной страте, не ориентированной на активное участие в приватизации земельных участков, находящихся за границами припоселковой территории. Были и исключения. Так, на территории традиционного природопользования шапсугов Причерноморья представителям бюджетников (учителя, медики) удалось оказать прямое воздействие на процессы реорганизации сельскохозяйственных организаций.

В несколько иной плоскости стоит рассматривать Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю»¹¹, согласно которому субъектный состав граждан, получивших право собственности на землю, был расширен уже *за счет руководителей и специалистов* сельскохозяйственных органов и сельскохозяйственного профиля органов местного самоуправления, органов государственной власти субъектов РФ, руководителей и специалистов, проработавших в колхозах, совхозах и других сельскохозяйственных организациях не менее пяти лет и не проживающих в сельской местности на время проведения реформ. По своему содержанию указ был ориентирован на достаточно широкий слой городского чиновничества, контролирующего на региональном уровне в дореформенный период социалистический сектор сельской экономики, и существенно углубил процессы социальной стратификации сельского населения, а в национальных районах – этнической и этносоциальной стратификации. Открытый доступ к фонду перераспределения земель, сформированному за счет «свободных земельных долей (паев)» [9, с. 22], инициировал процесс формирования новой для России социальной страты: а) не имеющей прямого отношения собственно к производству сельскохозяйственной продукции; б) обладающей административным ресурсом как для получения кредитов, так и для вывода наиболее продуктивных сельскохозяйственных угодий из хозяйственного оборота; в) обладающей опытом организации товарного

⁹ О введении в действие Земельного кодекса РСФСР. Постановление ВС РСФСР от 25.04.1991 № 1103-1-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 30.05.1991. № 22. Ст. 769.

¹⁰ О порядке приватизации и реорганизации предприятий и организаций агропромышленного комплекса. Постановление Правительства РФ от 04.09.1992 № 708 // Российские вести. 1992. № 60.

¹¹ О реализации конституционных прав граждан на землю. Указ Президента РФ от 07.03.1996 № 337 // СЗ РФ. 11.03.1996. № 11. Ст. 1026.

сельскохозяйственного производства на основе найма (постоянного и сезонного) маргинальных слоев сельского населения; г) имеющей устойчивые контакты с силовыми структурами и представителями судебной системы.

Директивный, безвозмездный и массовый характер земельных преобразований охватил почти 12 млн граждан, что свидетельствует о стремлении реформаторов сформировать широкую социальную поддержку преобразований. С другой стороны, провал этого курса прослеживается – уже к середине 1990-х гг. не более 10 % земельных долей (по стране) оставалась в распоряжении граждан, занятых в сельскохозяйственном производстве. Объективно потенциал формируемой социальной страты крупной сельской буржуазии определял перспективу углубления процессов мобилизации движимой и недвижимой собственности на уровне семейных кланов и их активного внедрения как в региональный земельный рынок, так и региональные политические процессы, включая этнические. На наш взгляд, Указ Президента РФ «О реализации конституционных прав граждан на землю» (1996) в какой-то мере нейтрализовал негативные последствия курса «фермеризации», проявившиеся в странах Восточноевропейского Партнерства уже на начальном этапе проводимых там земельных реформ. Ориентация на формирование слоя мелких земельных собственников на всем постсоветском пространстве привела к «несоответствию между эффективностью крупных хозяйств и малым размером хозяйств фермеров, имеющих ограниченные возможности механизации производства» [25, с. 112].

Ситуация в РФ во многом определялась крайне ограниченными возможностями сохранения даже выделенной земельной собственности. Именно отсутствие серьезного правового обеспечения при образовании земельных долей инициировал раскол в среде научного сообщества в оценке направленности, содержания и социальных последствий проводимых реформ [6; 8, с. 37]. Основанием выступало повсеместная практика решения поземельных споров: значительное число свидетельств о праве собственности на землю, выданных в ходе реформ, уже в начале 2000-х гг. органами государственной власти (повсеместно по субъектам РФ) во многих работах признавалось *незаконными*.

Исходя из вышеизложенного земельный вопрос, как и в начале XX в., вновь стал рассматриваться в качестве фактора будущей дестабилизации социальных отношений. Во многом это определялось и тем, что, как по нормативным актам, так и по ходу реализации реформы, в предложенном государством алгоритме наделения землей не учитывалась этническая составляющая земельных отношений. Рассматривать эту проблему можно в двух плоскостях. С одной стороны, как проявление недооценки воздействия традиционной хозяйственной специализации на существующие в национальных районах системы землепользования. Так, в горных районах Центрального Алтая и Тофаларии это проявлялось в том, что в ходе земельной реформы не был решен вопрос о правовом закреплении территорий

традиционного природопользования сельских анклавов, отнесенных к местам компактного проживания коренных малочисленных народов. Более того, в границах сезонных пастбищ разворачивалась сеть рекреационных объектов, находящихся в собственности нерезидентов, чем инициировались процессы не только этносоциальной, но и этнической стратификации.

В ходе реформирования земельных отношений не всегда учитывались и последствия этнодемографических процессов, взаимосвязь между системой традиционных межэтнических коммуникаций в сфере природопользования и последствиями административно-территориальных преобразований, инициированных миграциями. В качестве примера можно привести конфликтную ситуацию 2017 г. в Ногайском районе Республики Дагестан, где решением республиканских властей была предпринята попытка предоставить статус сельских поселений участкам земель, образованным на «землях отгонного животноводства» переселенцами с горных территорий республики [26]. Возникший социальный конфликт не был локальным явлением: системный (комплексный) характер недооценки этнических интересов народов Дагестана проявляется в настоящее время по выявленной экспертами проблеме «невостребованности республиканской стратегии развития кооперации крестьянско-фермерских и личных подсобных хозяйств на уровне сельских анклавов» [14; 27, р. 353].

В отдельных районах трансграничной зоны проведение земельной реформы приводит и к полной утрате этнической территории. Примером является ситуация в среде шапсугов – субэтнуса адыгов Причерноморья, отнесенных законодательством к категории коренных малочисленных народов России. В силу того, что совхозные и колхозные земли на побережье были отнесены к категории особо ценных (курортная зона), земля не была включена в стоимость акций, не приватизировалась и осталась в пользовании формируемых на основе долгосрочной аренды (49 лет) акционерных обществ. В результате «выпущенные» акции были скуплены за бесценок представителями нескольких адыгских фамилий, не имеющих прямого отношения к сельскохозяйственному производству. Результатом «приватизации» стало свертывание высокоэффективного сельскохозяйственного производства [28, с. 334, 335; 29, с. 319–320] и, как следствие, распад традиционной (многовековой) системы жизнеобеспечения этого субэтнуса адыгов в целом. Устойчивый характер процесса сужения территорий традиционного природопользования национальных сельских анклавов черноморского побережья и прилегающих к ним анклавов проявился и на подготовительном этапе Зимней Олимпиады 2014 г. Развертывание инфраструктуры способствовало интенсивной продаже земельных участков в горном кластере, вырубке садов и строительству частных гостиниц, свертыванию отгонного животноводства, введению запрета на содержание скота на подворьях. В результате этой политики традици-

онные формы предпринимательства эстонской, греческой и армянской групп населения в верховьях р. Мзымты также претерпели существенную трансформацию.

Исходя из принципов системного подхода земельную реформу можно рассматривать и в спектре изменения иерархически соподчиненной системы коммуникационных связей, выражающих групповые интересы: от федерального и регионального чиновничества до конкретных сельскохозяйственных производителей (фермеров, наемных работников, дольщиков-рантье и т. д.). В этом контексте проведение земельных реформ способствовало формированию в информационном пространстве мифа о наличии широкого слоя собственников земли на селе. По мнению экспертов, в этом процессе «не последнюю роль сыграли органы местного самоуправления» [8, с. 40]. Историческим фоном мифотворчества как социокультурного процесса выступили процессы обнищания, маргинализации, стратификации населения на основе криминализации сельской экономики [11; 30], свертывания социальной инфраструктуры и депопуляции сельского населения.

В этой связи интерес представляют попытки региональной историографии провести тезис об ответственности за социальные последствия на федеральный центр [7; 8; 31]. Основанием оценки выступает динамика нормотворчества, «скоропалительный» и непродуманный характер проводимого Правительством РФ курса земельных преобразований. За период 1991–2000 гг. по вопросам землепользования было принято 32 закона, 52 президентских указа, 180 постановлений правительства, 242 нормативно-правовых акта Госкомзема РФ [32]. С учетом нормативных актов, принимаемых на региональном уровне, формирование института частной земельной собственности оказалось в правовом поле, крайне сложном для восприятия сельским населением. В целом при сопоставлении современного курса земельной политики с опытом правовой регуляции земельных отношений в имперский период (на последнем этапе) можно отметить историческую преемственность национальной политики, проявившуюся в игнорировании органами власти (всех уровней) этнических интересов. При идентичном характере определения страты собственников земли (в 1890-е и 1990-е гг.) в ходе контрреформ конца XX в. был полностью проигнорирован «имперский опыт» решения земельного вопроса, для которого был характерен длительный подготовительный период, включающий сбор информации о характере землепользования, севооборотах, этнических формах предпринимательства, «балансе» групповых интересов; подготовку (на местах) штата землеустроителей; определение объемов финансирования, требуемых для проведения землеустроительных работ. И только на этой основе – проведение земельных преобразований.

Заключение

Проведенное пилотажное исследование отражает наличие прямых аналогов между целями земельных реформ, декларируемыми правительством России на срезе XIX–XX и XX–XXI вв.: формирование крестьянских хозяйств на собственной земле и земельного рынка; развитие малого бизнеса и сельскохозяйственной кооперации; укрепление налоговой базы. В этом контексте попытки сопоставления алгоритмов (последовательности) проведения реформ и выявления ее региональной специфики, предпринимаемые в отечественной историографии [10; 32; 33, с. 5], актуализируют проблему реорганизации предметного поля исследований и придание им интеграционного характера. Системный анализ вторичных процессов (как исторических прецедентов), инициированных земельными реформами, на наш взгляд, может выступить основой научного прогнозирования изменения текущей социальной (этносоциальной) обстановки.

Исходя из выявленных тенденций, следует вывод, что начиная с Указа Президента РФ от 27.12.1991 № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»¹², целью земельных реформ было не повышение эффективности земледелия путем рационализации использования земли, обозначенной в преамбуле Закона «О земельной реформе» 1990 г., а формирование социальной опоры федерального центра на местах в лице среднего класса из среды провинциального чиновничества. В предложенном государством механизме формирования земельного рынка изначально был заложен принцип социальной стратификации на основе коррупционной составляющей. В национальных районах реорганизация земельных отношений объективно инициировала вторичный процесс – этническую стратификацию, проявившуюся в концентрации выделенных паев в руках отдельных фамилий, представляющих национальную элиту – социальную страту, сформированную в советский период.

На основе пилотажных исследований по системам природопользования автохтонного населения и переселенцев в трансграничной зоне юга России и социальной политике конца XIX – начала XXI в. прослеживается устойчивая тенденция сохранения федеральным центром рычагов прямого воздействия на процессы административно-территориального устройства, формирования системы расселения и структуры населения (включая этническую), социальных страт земельных собственников, природопользования и жизнеобеспечения сельских анклавов. Эта тенденция позволяет рассматривать земельную политику российского государства в контексте общего курса национальной политики, входящей в настоящее время в предметное поле междисциплинарных исследований [34], объединяющих историков, этнологов, политологов, социологов и экономистов.

¹² О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР. Указ Президента РФ от 27.12.1991 № 323 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 02.01.1992. № 1. Ст. 53.

Литература

1. Садовой А. Н. Историческое мифотворчество в структуре этнологической экспертизы: к проблеме разграничения этнического процесса и социальных технологий // Миф в истории, политике, культуре: сб. мат-лов III Междунар. науч. междисциплинарной конф. (Севастополь, 26–27 июня 2019 г.) Севастополь: Филиал МГУ им. М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019. С. 398–402.
2. Садовой А. Н. Методологические и организационные аспекты формирования источниковой базы по современной системе межкультурных коммуникаций // Проблемы современных социокультурных исследований: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Астрахань, 28 ноября 2019 г.) Астрахань: ИД Астраханский университет, 2019. С. 12–16.
3. Садовой А. Н. Этническое предпринимательство в трансграничных районах. К исследованию адаптационных процессов // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф., посв. 30-летию СНИЦ РАН и СГУ. (Сочи, 23–26 октября 2018 г.) Сочи: Оптима, 2018. С. 167–173.
4. Милешина Н. А. Проблемы сохранения усадебного наследия российского дворянства в современном законодательстве и на практике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 1-1. С. 132–135.
5. Милешина Н. А., Потапова Л. А. Восстановление усадебного наследия России: проблемы законодательного обеспечения // Современный ученый. 2017. № 3. С. 241–244.
6. Липски С. А. Земельная реформа в постсоветской России // Экономический журнал. 2013. № 3. С. 139–148.
7. Обухова О. В. Особенности проведения земельной реформы в Российской Федерации на примере Приморского края // Аграрный вестник Приморья. 2016. № 3. С. 55–58.
8. Пустовалова О. В. Реалии земельной реформы 1990 гг. Историко-правовой анализ // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2015. Т. 6. № 2. С. 34–43.
9. Палладина М. И. Правовое регулирование земельной реформы: возникновение и развитие права частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения // Аграрное и земельное право. 2013. № 3. С. 19–25.
10. Серогодский Н. А. Земельная реформа и ее реализация на Кубани (1991 – начало 2000-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 1-1. С. 182–184.
11. Хубиев К. А., Макаров А. И. Альтернативный подход к земельной реформе в России: отношения собственности и проблема их декриминализации // Вопросы политической экономии. 2016. № 2. С. 76–87.
12. Поддубиков В. В., Садовой А. Н., Белозёрова М. В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов: методы прикладной этнологии. Кемерово: Практика, 2014. 358 с.
13. Chenciner R., Magomedkhanov M. Ethno-cultural consequences of the mass migration of highlanders of Dagestan to plains // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 301–302.
14. Магомедханов М. М., Рамазанова З. Б. Трансформация традиций землепользования в Нагорном Дагестане: исторический опыт и социально-экономический эффект // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 12. С. 56–62.
15. Rodzi N. I., Zaki S. A., Subli S. M. Between tourism and intangible cultural heritage // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 85. P. 411–420.
16. Карпова Г. А., Хорева Л. В. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 9. С. 6–14. DOI: 10.22412/1995-042X-10-9-1
17. Куринских П. А. Проблемы фольклоризма в зарубежной историографии // Научный диалог. 2016. № 2. С. 250–260.
18. Магомедханов М. М., Садовой А. Н., Ченсинер Р., Баканов А. В., Гарунова С. М. «Зеленая дорога» монетизации этнотуризма: Дагестан. Проект «Арчи» // История, археология и этнография Кавказа. 2020. Т. 16. № 1. С. 157–184. DOI: 10.32653/CH161157-184
19. Дамешек Л. М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX в. // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России / отв. ред. Е. А. Скрипилов. Иркутск: Изд. Иркутского ун-та, 1983. С. 29–41.
20. Садовой А. Н. Территориальная община Горного Алтая и Шории (конец XIX – нач. XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. 198 с.
21. Храпова Н. Ю. К вопросу о содержании и штатах Алтайской духовной миссии во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири / отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин, В. А. Скубневский. Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. С. 120–123.
22. Храмов А. А. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы в Сибири (1896–1916) // Из истории Алтая / ред. А. П. Бородавкин, А. А. Храмов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. С. 52–68.

23. Корнеева Г. А. Разработка закона «О землеустройстве» 23 мая 1896 г. и вопрос о поземельной собственности в Сибири // Аграрные отношения и земельная политика царизма в Сибири (конец XIX – 1917 г.) / отв. ред. М. Б. Шейнфельд. Красноярск: КГПИ, 1982. С. 15–29.
24. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Сетров М. И., Елисеев Д. О., Лукашев Е. П., Мурадуллаев Р. С. Отчет о НИР «Разработка методов экспертной оценки и прогноза качества жизни населения» (заключительный). Сочи: СНИЦ, 2016. 130 с. № гос. рег. 114100740110.
25. Маасикамае С., Шавров С. А., Юргенсон Э. Земельная реформа и зарубежный опыт // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 110–115.
26. Адиев А. З. Земельная реформа и протесты в Ногайском районе Дагестана (анализ событий 2017 г.) // Власть. 2017. Т. 25. № 11. С. 181–186.
27. Khalidov D. Culture and mountain economy of Dagestan: the growth of conflict potential and the problem of the adequacy of public policy // Proceedings of V International Congress of Caucasologists. Tbilisi, 2019. P. 352–353.
28. Белозёрова М. В. Традиционное природопользование шапсугов: перспективы возрождения // Научный диалог. 2017. № 11. С. 328–339. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339
29. Белозёрова М. В. Источники по истории этнического предпринимательства Республики Адыгея и Причерноморья в начале 1990-х годов // Научный диалог. 2019. № 10. С. 310–327. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-310-327
30. Макаров А. Н. О продовольственной безопасности и земельной реформе // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. 2017. № 1. С. 68–83.
31. Дивногорцева О. И., Кожевникова Л. М. Опыт и проблемы землеустройства в сельском хозяйстве Красноярского края в условиях современной земельной реформы // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Красноярск, 18–20 апреля 2017 г.) Красноярск: КрасГАУ, 2017. Ч. 2. С. 17–22.
32. Дутина Т. А. Развитие земельных отношений в сельском хозяйстве России // Российское предпринимательство. 2014. № 2. С. 78–85.
33. Балашов Е. В. Столыпинская аграрная реформа и современное земельное законодательство // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5. С. 4–7.
34. Садовой, А. Н., Белозёрова М. В., Зиновьев В. П., Кулемзин В. М. Исторический и этносоциальный аспекты анализа эффективности национальной политики российского государства XIX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 178–189. DOI: 10.17223/19988613/65/23

original article

Institute of Private Land in Cross-Border Zones of Southern Russia: Ethnic Aspect

Alexander N. Sadovoy^a, @, ID^a Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Russia, Sochi

@ sadovoy.a.n@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0002-2153-63459>

Received 25.06.2020. Accepted 27.07.2020.

Abstract: The paper presents intermediate results of a comparative analysis of land reforms conducted on the cusps of XIX–XX and XX–XXI centuries. It focuses on their medium- and long-term impact on the native territories of Russia's southern frontier. The article describes the correlation of state and ethnic interests in land management and formation of the private land institute. The research owes its relevance to the problems of the system of regional ethnological monitoring, as well as that of the effect of the national and agricultural state policy on the scientific forecasting of the changes in the ethno-social situation. The corruption-based principle of social stratification was initially incorporated in the mechanism of land market formation proposed by the state. In ethnic regions, the reorganization of land ownership triggered a secondary process of ethnic stratification. As a result, allocated shares concentrated in the hands of ethnic nobility families, thus shaping a social stratum during the Soviet period. The research was a pilot study of the natural resource management systems used by ethnic and migrant communities in the southern frontier and social policy of the late XIX – early XXI centuries. The author concludes that the Russian government retained levers of direct influence on the processes of: a) administrative and territorial structure; b) settlement system and population structure, including ethnic; c) social strata of land owners; d) traditional land use systems

and subsistence of rural enclave transformation. This trend made it possible to consider the history of Russian state land policy in the context of the general course of national policy, which is part of interdisciplinary research that unites history, ethnology, politics, sociology, and economics.

Keywords: land reforms, ethnic territory, national policy, ethnic stratification

For citation: Sadovoy A. N. Institute of Private Land in Cross-Border Zones of Southern Russia: Ethnic Aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 664–676. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-664-676>

References

1. Sadovoy A. N. Historical mythmaking in the structure of ethnological expertise: the problem of ethnic process and social technologies distinction. *Myth in history, politics, culture*: Proc. III Intern. Sci. interdisciplinary Conf., Sevastopol, June 26–27, 2019. Sevastopol: Filial MGU im. M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole, 2019, 398–402. (In Russ.)
2. Sadovoy A. N. Methodological and organizational aspects of the formation of the source base for the modern system of intercultural communications. *Problems of modern sociocultural research*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Astrakhan, November 28, 2019. Astrakhan: ID Astrakhanskii universitet, 2019, 12–16. (In Russ.)
3. Sadovoy A. N. The ethnic entrepreneurship in the transboundary regions. To the methods of adaptation processes analysis. *Social, economic, technological, and environmental aspects of sustainable development of Russian regions*: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated the 30th anniversary of the SNITs RAS and SSU, Sochi, October 23–26, 2018. Sochi: Optima, 2018, 167–173. (In Russ.)
4. Milesheva N. A. Russian nobility's homestead heritage preservation problems in modern legislation and in practice. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, (1-1): 132–135. (In Russ.)
5. Milesheva N. A., Potapova L. A. The restoration of the manor heritage of Russia: legislative support problems. *Sovremennyy uchenyy*, 2017, (3): 241–244. (In Russ.)
6. Lipski S. A. The land reform in post-soviet Russia. *Ekonomicheskii zhurnal*, 2013, (3): 139–148. (In Russ.)
7. Obukhova O. V. Features of the Russian Federation land reforms on the example of Primorsky region. *Agrarnyi vestnik Primoria*, 2016, (3): 55–58. (In Russ.)
8. Pustovalova O. V. Land reforms of 1990: historical and legal analysis. *Interesko Geo-Sibir*, 2015, 6(2): 34–43. (In Russ.)
9. Palladina M. I. The legal regulation of land reform: the emergence and development of private ownership of agricultural land. *Agrarian and land law*, 2013, (3): 19–25. (In Russ.)
10. Serogodskii N. A. Land reform and its realization in Krasnodar Krai (1991 – the beginning of the 2000s). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (1-1): 182–184. (In Russ.)
11. Khubiev K. A., Makarov A. I. An alternative approach to land reform in Russia: property relations and the problem of their decriminalization. *Problems in Political Economy*, 2016, (2): 76–87. (In Russ.)
12. Poddubikov V. V., Sadovoy A. N., Belozerovala M. V. *Expertise and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous small ethnic groups: methods of applied ethnology*. Kemerovo: Praktika, 2014, 358. (In Russ.)
13. Chenciner R., Magomedkhanov M. Ethno-cultural consequences of the mass migration of highlanders of Dagestan to plains. *Proceedings of V International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019. P. 301–302.
14. Magomedkhanov M. M., Ramazanova Z. B. Transformation of land use traditions in Nagorny Dagestan: historical experience and socio-economic effect. *Regionalnye problemy preobrazovaniia ekonomiki*, 2016, (12): 56–62. (In Russ.)
15. Rodzi N. I., Zaki S. A., Subli S. M. Between tourism and intangible cultural heritage. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2013, 85: 411–420.
16. Karpova G. A., Khoreva L. V. Commodification of intangible cultural heritage in the cultural tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom*, 2016, 10(9): 6–14. (In Russ.) DOI: 10.22412/1995-042X-10-9-1
17. Kurinskikh P. A. Problems of folklorism in foreign historiography. *Nauchnyi dialog*, 2016, (2): 250–260. (In Russ.)
18. Magomedkhanov M. M., Sadovoy A. N., Chenciner R., Bakanov A. V., Garunova S. M. The "green path" of ethno-tourism's monetization: Dagestan. The Archi project. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2020, 16(1): 157–184. (In Russ.) DOI: 10.32653/CH161157-184
19. Dameshek L. M. Codification of the norms of customary law of the peoples of Siberia as a source for the history of the internal politics of the autocracy in the nineteenth century. *Source study of the history of state and law of pre-revolutionary Russia*, ed. Skripilev E. A. Irkutsk: Izd. Irkutskogo un-ta, 1983, 29–41. (In Russ.)

20. Sadovoy A. N. *Territorial community of Mountain Altai and Shoria (late – early centuries)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1992, 198. (In Russ.)
21. Hrapova N. Yu. On the matter of content and staffing of the Altai mission agency in the second half of the XIX – early XX centuries. *Major issues of the history of Siberia*, eds. Kiryushin Yu. F., Skubnevsky V. A. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998, 120–123. (In Russ.)
22. Khramkov A. A. On the matter of the results of the land-organizational reform in Siberia (1896–1916). *From the history of Altai*, eds. Borodavkin A. P., Khramkov A. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1978, 52–68. (In Russ.)
23. Korneeva G. A. Development of the law "On land management" on May 23, 1896 and the issue of land ownership in Siberia. *Agrarian relations and land policy of tsarist regime in Siberia (late XIX – 1917)*, ed. Sheinfeld M. B. Krasnoyarsk: KGPI, 1982, 15–29. (In Russ.)
24. Sadovoy A. N., Belozeroва M. V., Setrov M. I., Eliseev D. O., Lukashev E. P., Muradullaev R. S. *Report on research "Development of methods for expert assessment and forecast of the quality of life of the population" (final)*. Sochi: SNITs, 2016, 130. State No. reg. 114100740110. (In Russ.)
25. Maasikamae S., Shavrov S. A., Jirgenson E. Land reform and foreign experience. *Trudy BGTU. Seriya 5: Ekonomika i upravlenie*, 2017, (1): 110–115. (In Russ.)
26. Adiev A. Z. Land reform and protests in the Nogai district of Dagestan (the analysis of the events of 2017). *Vlast*. 2017, 25(11): 181–186. (In Russ.)
27. Khalidov D. Culture and mountain economy of Dagestan: the growth of conflict potential and the problem of the adequacy of public policy. *Proceedings of V International Congress of Caucasologists*. Tbilisi, 2019, 352–353.
28. Belozeroва M. V. Traditional shapsurs' natural resource use: prospects for revival. *Nauchnyi dialog*, 2017, (11): 328–339. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-328-339
29. Belozeroва M. V. Sources on the history of ethnic entrepreneurship of the Republic of Adygea and the Black Sea in the early 1990s. *Nauchnyi dialog*, 2019(10): 310–327. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-310-327
30. Makarov A. N. On food security and land reform. *Socio-economic and engineering systems: research, design and optimization*, 2017, (1): 68–83. (In Russ.)
31. Divnogortseva O. I., Kozhevnikova L. M. Experience and problems of land management in agriculture Krasnoyarsk territory in the conditions of modern land reform. *Science and Education: Experience, Problems, and Development Prospects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Krasnoyarsk, April 18–20, 2017. Krasnoyarsk: KrasGAU, 2017, pt. 2, 17–22. (In Russ.)
32. Dugina T. A. Development of land relations in Russian agriculture. *Rossiyskoe predprinimatelstvo*, 2014, (2): 78–85. (In Russ.)
33. Balashov E. V. Stolypin agrarian reform and contemporary land legislation. *Vestnik VEHGU*, 2010, (5): 4–7. (In Russ.)
34. Sadovoy A. N., Belozeroва M. V., Zinoviev V. P., Kulemzin V. M. Historical and ethnosocial aspects of analysis of the efficiency of the Russian state national policy of the XIX–XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2020, (65): 178–189. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988613/65/23

Жилищное строительство в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг.

Дмитрий П. Сарин^{а, @}

^а Государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа № 950», Россия, г. Москва

[@] sarin.d@mail.ru

Поступила в редакцию 16.05.2020. Принята к печати 22.06.2020.

Аннотация: Статья посвящена проблеме обеспечения жильем трудовых мигрантов в каменноугольных районах Кузбасса в годы первой пятилетки. Определены причины жилищного кризиса в начале 1930-х гг., спровоцировавшего отток вольнонаемной рабочей силы с предприятий угольной промышленности. В работе отражена последовательность решений, принятых центральными органами государственной власти для ликвидации дефицита жилья в Донбассе и Кузбассе путем развертывания крупномасштабного жилищного строительства. Дана характеристика жилищного строительства в Кузнецком бассейне по способу производства и типу зданий. Отличительной чертой нового жилья являлось наличие большого количества общежитий. Акцентируется внимание на том, что размах осуществленного жилищного строительства за относительно короткий период времени стал возможен благодаря возведению сборных стандартных деревянных домов. Выявлены просчеты, допущенные при планировании жилищного строительства, основными из них являлись слабо развитая материальная база и скудные трудовые ресурсы строительной отрасли, которые в совокупности с дефицитом строительных материалов не позволили полностью выполнить производственную программу строительства. На примере Прокопьевска, одного из угольных центров Кузбасса, показан рост жилищного фонда, его состав по типу жилых зданий, количество шахтерского населения, обеспеченного казенным жильем, и средняя обеспеченность жилой площадью, приходящаяся на одного человека. В результате введенного в эксплуатацию жилья значительно расширился жилищный фонд угольной промышленности в целом и объединения «Кузбассуголь» в частности. Сделан вывод, что удовлетворение жилищных потребностей шахтеров и членов их семей не было следствием заботы об улучшении их жилищно-бытовых условий проживания, а являлось необходимым условием для закрепления мигрантов на шахтах, количественный состав которых мог обеспечить выполнение плана угледобычи в годы первых пятилеток.

Ключевые слова: жилищный кризис, угольная промышленность, шахтеры, Донбасс, Прокопьевск, трест «Кузбассуголь», сборные стандартные деревянные дома

Для цитирования: Сарин Д. П. Жилищное строительство в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 677–687. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-677-687>

Введение

Начало индустриализации в СССР выявило проблему дефицита трудовых ресурсов во вновь создаваемых промышленных центрах. Применив директивную политику в области трудовой миграции, центральная власть организовала как добровольное, так и принудительное массовое перемещение трудоспособного населения в наиболее важные с точки зрения индустриализации районы страны, проигнорировав при этом факт отсутствия жилья в них. Недооценка вопроса удовлетворения жилищных потребностей трудовых мигрантов отрицательно повлияла на формирование контингента индустриальных рабочих, в том числе в угольной отрасли Кузбасса, экстенсивное развитие которой предполагало, помимо модернизации находившихся в эксплуатации угледобывающих предприятий и имевших свой жилищный фонд, строительство новых шахт в местах, где жилье отсутствовало вовсе.

Диспропорция между потоком трудовых мигрантов и наличием жилья в угольных районах СССР спровоцировала острый жилищный кризис, который стал одной

из главных причин оттока с угольных рудников вольнонаемных рабочих. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию с жильем, центральная власть в лице ЦК ВКП(б) была вынуждена предпринять решительные шаги для устранения проблемы текучести кадров в угольной отрасли путем развертывания крупномасштабного жилищного строительства в угольных бассейнах страны.

Бурный рост жилищного фонда, произошедший за относительно короткий промежуток времени в промышленных районах Кузбасса в начале 1930-х гг. в условиях индустриального подъема, вызывает интерес с точки зрения корреляции принятых центральными органами власти решений в рамках борьбы с жилищным кризисом в шахтерских городах и поселках с жилищными потребностями горняцкого населения.

В отечественной историографии оценка результатов жилищного строительства в угольных бассейнах страны в период индустриального подъема претерпела существенные изменения. Если в середине 1930-х гг. итоги жилищного строительства, осуществленного в годы первой пятилетки, звучали

как победные реляции с трудового фронта, то со временем исследователи более критично стали оценивать результаты жилищного строительства, особенно в Кузбассе.

В официальных документах 1930-х гг. вместе с достижениями в области шахтного строительства в угольных бассейнах страны провозглашались итоги жилищного строительства. Так, за годы I пятилетки жилищный фонд предприятий угольной промышленности СССР вырос в 2,5 раза. Особо отмечались успехи жилищного строительства в Донбассе, где в два раза вырос жилфонд, а все рабочие, жившие ранее в землянках, были переселены в новые дома¹. В Кузбассе, как считает Б. Циприс, жилфонд горняков увеличился в 3,5 раза [1, с. 253].

Отдавая должное успехам жилищного строительства, А. С. Московский, С. С. Букин, К. А. Заболотская, М. М. Ефимкин и др. оценивают положение дел с обеспечением жильем рабочих в Кузбассе как тяжелое, связывая это с тем, что рост рабочего населения в угольных районах значительно превышал темпы жилищного строительства [2–6].

В. И. Исаев, показывая рост жилищного фонда в каменно-угольных районах Кузбасса в начале 1930-х гг., отмечает, что около половины находящегося в эксплуатации жилья составляли деревянные бараки, засыпные земляные и глинобитные жилые строения, которые не выдерживали испытаний суровой сибирской зимы [7, с. 46–47].

В наше время М. Г. Меерович, Е. В. Конышева, Д. С. Хмельницкий [8; 9] и С. С. Духанов [10], обращаясь к проблеме градостроительства в Кузбассе в 1930-е гг., отмечают «провал программы капитального жилищного строительства в новых промышленных городах» [10, с. 39], к которым относились Анжеро-Судженск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий, Киселёвск, Прокопьевск и Новокузнецк. Также они акцентируют внимание на нереализованности первоначальных планов строительства и остром дефиците жилья. Е. В. Хиценко отмечает социальноэкономические проблемы местной строительной отрасли [11] и недостатки в формировании жилой застройки соцгородов Кузбасса [12].

Следует признать, что жилищное строительство, развернутое в годы I пятилетки в Кузбассе, получило широкое освещение в научных трудах, посвященных индустриальному развитию Сибири, но в то же время не являлось предметом отдельного исторического исследования. Несмотря на значительное количество публикаций, до сих пор отсутствует труд, позволяющий детально рассмотреть аспекты жилищного строительства: источники и объемы финансирования, способы и сроки возведения жилых домов, производство и доставку в населенные пункты стройматериалов, наличие рабочих строительных специальностей на местах. Опираясь на документальные материалы двух федеральных архивов РФ – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) и Российский государственный архив

экономики (РГАЭ) – и государственных архивов Кемеровской (ГАКО) и Новосибирской областей (ГАНО), мы попытаемся восполнить этот пробел.

При подготовке статьи были использованы архивные фонды: КПСС; Г. К. Орджоникидзе; Московского представительства «Востуголь»; Исполкома Западно-Сибирского краевого Совета депутатов трудящихся; Западно-Сибирского Крайкома ВКП(б); Новосибирского областного Коммунального банка; трестов «Кузбассуголь» и «Прокопьевскуголь»; Ленинского и Кемеровского рудоуправлений; Государственного Управления по строительству Кемеровских промышленных предприятий «Кемеровокомбинатстрой» НКТП; публикации в газете «Советская Сибирь» за 1930 г. В работе использован проблемно-хронологический метод, который позволил проследить процесс борьбы с жилищным кризисом в угольной отрасли Кузбасса в годы I пятилетки.

Жилищный кризис в угольных районах в 1928–1930 гг.

В начале I пятилетки жилищное строительство в угольных районах Кузбасса осуществлялось в соответствии с умеренными темпами развития угольной отрасли Сибири. Экономически обоснованное строительство велось доступными для того времени подрядным и хозяйственным способами, при возведении домов использовались местные стройматериалы. Такой порядок ведения жилищного строительства был присущ периоду нэпа, который по инерции продолжался до начала 1930 г.

К началу I пятилетки трест «Сибуголь»², в состав которого входили все угледобывающие предприятия Кузбасса, располагал жилищным фондом в размере 239481 м² полезной площади. Обеспеченность горнорабочих треста «Сибуголь» жильем составляла 60 %, а в Ленинске и Прокопьевске соответственно 51 % и 48 % [13, с. 16]. Жилфонд включал в себя разные типы строений – от каменных и деревянных домов до полуземлянок, часть из которых находилась в малоприспособленном для проживания состоянии. По плану пятилетки к 1933 г. убыль ветхого жилья должна была составлять 22300 м² [13, с. 22].

В 1928 г. в Сибплане при подготовке первого пятилетнего плана для угольной промышленности Кузбасса был согласован размер капиталовложений по жилищному строительству. Всего за 5 лет на строительство нового жилья планировалось затратить 5720 тыс. руб., что составляло порядка 10,8 % от общих капиталовложений. Даже при небольшом росте численного состава горнорабочих планируемый масштаб жилищного строительства не мог покрыть дефицит жилья в угольной отрасли бассейна.

Кардинальное увеличение масштабов жилищного строительства в угольных районах связано с изменением роли, которую

¹ Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Л.-М., 1933. С. 186.

² С 6 октября 1930 г. в результате реорганизации угледобывающие предприятия и вновь строящиеся шахты Кузбасса вошли в состав объединения «Востуголь»; с 1 октября 1931 г. – в состав объединения «Кузбассуголь».

отводило руководство страны индустриальному Кузбассу. В соответствии с решениями XVI съезда ВКП(б) в рамках I пятилетнего плана на Востоке страны была развернута масштабная работа по созданию второго угольно-металлургического центра СССР – Урало-Кузнецкого комбината (УКК). Одним из важных факторов реализации этого проекта являлось расширение угольной промышленности Кузбасса.

Задача расширения угледобычи в Кузбассе находилась в русле общего развития угольной промышленности СССР. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 15 августа 1931 г. «Об увеличении угольных и коксовых ресурсов»³, в 1931 г. в Советском Союзе должны были быть введены в эксплуатацию 90 шахт с полной годовой производительностью в 29 млн т. Из этого числа 49 шахт с годовой производительностью 17 млн т находились в Донбассе, 22 шахты производительностью 7 млн т – в Кузбассе. Помимо этого, в том же году была запланирована закладка новых 14 шахт в Донбассе и 21 шахты в Кузбассе.

Приведенные данные подчеркивают главную роль Донбасса в угольной отрасли и возрастающее значение Кузбасса, что предопределило подходы центральной власти к решению жилищных проблем, связанных с расширением производства в этих районах.

Воплощение в жизнь плана создания УКК требовало существенного увеличения трудовых ресурсов, которыми угольная промышленность не располагала. Покрытие дефицита рабсилы в угледобывающих районах происходило за счет трудовой миграции и имело свои особенности. Так, в Кузнецком бассейне насыщение людскими ресурсами угольных районов в начале 1930-х гг. происходило благодаря организованному набору, осуществлявшемуся в основном по Сибири путем вербовки рабочих на добровольных началах сроком на 6 месяцев. Наряду с внутренней миграцией советское руководство одобрило план вербовки для работы в Донбассе и Кузбассе иностранных специалистов и квалифицированных шахтеров из Европы и США. Кроме трудовых мигрантов к работе на угольные рудники привлекались лица, представлявшие маргинальные группы, к которым относились тылоополченцы, спецпереселенцы и заключенные.

Существенной помехой на пути формирования постоянного состава горняков для старых и новых шахт Кузбасса являлся дефицит жилья при угольных рудниках. Общую картину жилых помещений в шахтерских городах и поселках того периода дал Я. К. Яглом на страницах газеты «Советская Сибирь» в статье «Гигант в окопах»: «Когда

говорят о жилищной норме в Кузбассе, то надо себе представлять, что конкретно скрывается за этим многообещающим названием: это в большинстве случаев бараки и землянки с теснотой, пылью, грязью и прочими прелестями»⁴.

Количественный рост трудящихся угольной промышленности Кузбасса имел устойчивый характер. В то же время на предприятиях бассейна наблюдалась огромная текучесть рабочих кадров среди завербованных рабочих. За первый квартал 1930 г. из 23 тыс. наличного состава рабочих с угледобывающих предприятий бассейна уволились 17 тыс. человек, вновь поступили на работу 19 тыс. человек⁵. Во втором полугодии текучесть кадров увеличилась. При среднем месячном комплекте трудящихся 27436 человек, количество покинувших предприятия составляло 39891 человек, а принятых на предприятия – 36678 человек⁶.

Заместитель председателя Запсибкрайисполкома И. И. Решиков, оценивая ситуацию с текучестью кадров в Кузнецком бассейне, констатировал: «Предприятие превращается в проходной двор, получается переливание воды в решете»⁷. По мнению авторов публикаций того времени, рост текучести шахтерских кадров был связан с безобразными жилищными условиями на рудниках.

На 1 января 1931 г. казенным жильем было обеспечено 14689 рабочих и служащих⁸, что составляло примерно 35–37 % от общего контингента трудящихся угольной промышленности Кузбасса. Всего с учетом членов семей и коэффициента семейности (равного 3,5) в казенных квартирах проживало не менее 50 тыс. человек, которые размещались на 158525 м² жилплощади⁹.

Когда в особом квартале 1930 г. (октябрь-декабрь) в угольные районы приехало значительное количество трудовых мигрантов, местным властям пришлось размещать их на имевшейся жилплощади путем уплотнения прежних жильцов, а в Кемерово и Прокопьевске под жилища были использованы клубы, красные уголки, библиотеки, пожарные депо и даже механические мастерские. Однако дефицит жилья был таков, что 41,3 % шахтеров из числа вновь прибывших ютились в старых ветхих строениях, в землянках и бараках, построенных из обрезков теса и других подручных материалов, в среднем на одного человека, обеспеченного казенным жильем, приходилось по 2,4 м², а «более 40 % шахтеров (Ленинского рудоуправления) снимали частные квартиры»¹⁰ [14, с. 58].

Самое тяжелое положение с жильем было в Прокопьевском и Ленинском районах, где обеспеченность жильем

³ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 842. 1931 г.

⁴ Яглом Я. К. Гигант в окопах // Советская Сибирь. 1930. 12 марта. № 59.

⁵ Кам Г. Крайком не принял мер к ликвидации производственного прорыва // Советская Сибирь. 1930. 26 марта. № 69.

⁶ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1872. 1931 г.

⁷ Решиков И. Вступительная речь зам. пред. Крайисполкома // Советская Сибирь. 1930. 3 ноября. № 255.

⁸ ГАКО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 45. 1931 г.

⁹ РГАЭ. Ф. 8072. Оп. 1. Д. 17. 1931 г.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1872. 1931 г.

составляла 25–30 %¹¹, а на одного человека приходилось всего по 1,4 м². Такой вопиюще низкий показатель обеспеченности шахтеров жилплощадью получался из-за того, что квартиры в течение круглых суток были постоянно заняты полным количеством жильцов. Т. е. койко-места уходящих на работу людей занимали рабочие, только что возвратившиеся с работы из предыдущей смены. Подобный порядок происходил непрерывно в течение суток изо дня в день. Из-за нехватки жилья «люди убежали из Прокопьевска, и рабочий его контингент в течение одного 1931 г. обновился четыре раза» [15, с. 93].

Учитывая положение с жильем и значение бассейна в топливном балансе страны, Совет Труда и Оборона СССР 6 октября 1930 г. принимает постановление «О мерах обеспечения плана добычи угля в квартале октябрь–декабрь 1930 г.», в котором было сформулировано требование: «В целях скорейшего разрешения жилищного вопроса в восточных каменноугольных районах обязать ВСНХ СССР и Востуголь в срочном порядке построить временные жилища облегченного типа»¹². Для этих целей было отпущено 4 млн руб., а для строительства жилья необходимо было использовать пиломатериал, имевшийся на местах.

Еще до принятия данного постановления при каждом руднике, в разной степени интенсивности, велось строительство от 8 до 12 временных бараков, рассчитанных на 120–200 человек¹³. Всего к декабрю объединение «Востуголь», осуществлявшее строительство домов хозяйственным способом, и трест «Кузбасстрой»¹⁴, специализировавшийся на возведении жилья в бассейне, из выделенных центром на жилстроительство 22 млн руб. сумели освоить лишь 30 %¹⁵. Это объясняется ограниченными возможностями строительных организаций и дефицитом стройматериалов.

14 ноября 1930 г. в Новосибирске состоялось заседание партбюро Запсибкрайкома ВКП(б), на котором обсуждалось положение дел в Кузбассе. Рассматривая причины невыполнения производственного задания по угледобыче, отдельно был выделен вопрос обеспечения жильем шахтеров и членов их семей. По мнению выступавшего председателя крайкома союза горняков Суханова, более-менее сносные условия проживания были у прибывших на рудники холостяков, в то же время жилищно-бытовые условия семейных шахтеров не выдерживали никакой критики: «В семейных бараках полнейший кошмар. В одной большой комнате 7–8 семей, причем через перегородку может пролезть человек. Бараки прямо конюшня. В этих бараках

стужа неимоверная. Печи не работают, поставлены какие-то жестянки. Хлеб пекут в землянках, а не в жилищах»¹⁶.

Председатель профсоюза горнорабочих, высказываясь о перспективах закрепления на производстве новых рабочих, утверждал, что завербовавшиеся на полгода рабочие вынуждены были мириться со стесненными жилищными условиями, поскольку они заключили договор, но по истечению этого срока они скажут: «Я честно работал 6 месяцев на производстве, у меня где-то брошена семья. Будьте добры дайте мне квартиру», и в случае, если ему не предоставят приемлемого жилья, то весной они все уйдут¹⁷.

Разворот жилищного строительства в 1931–1932 гг.

Вначале 1930-х гг. текучесть кадров на предприятиях угольной промышленности страны отрицательно сказывалась на качественном составе шахтеров и не позволяла увеличить производительность труда, что в совокупности с другими причинами ставило под угрозу выполнение заданий I пятилетки. Кроме того, текучесть кадров в горняцкой среде значительно снижала эффективность миграционной политики государства в экономическом аспекте, повышая финансовые затраты на вербовочные кампании. Отъезд рабочих из угольных районов по завершению срока вербовки напрямую был связан с острым жилищным кризисом, поэтому решение жилищного вопроса рассматривалось органами центральной власти как способ стабилизации постоянного состава шахтеров.

Прологом такого решения стало постановление ЦК ВКП(б) от 25 марта 1931 г. «О быстрейшем обеспечении жилищами рабочих угольной промышленности и о развитии облегченного жилищного строительства»¹⁸. Дефицит жилья в угольной промышленности СССР планировалось ликвидировать путем развертывания крупномасштабного жилстроительства, включавшего в себя, наряду с постройкой домов из местных материалов (шлака, шлакобетонных камней, пиломатериалов и т. п.), возведение сборных стандартных деревянных домов (бараков), изготовленных заводским способом. Планировалось в 1931 г. обеспечить казенным жильем 700 тыс. трудящихся угольной отрасли и членов их семей. В первую очередь жильем должны были быть обеспечены 250 тыс. человек в Донбассе, 100 тыс. – в Кузбассе, 30 тыс. – в Подмосковном бассейне, 50 тыс. – на Урале и 10 тыс. – в Караганде. Основную часть жилстроительства составляли стандартные дома, на долю которых приходилось 3350 тыс. м² жилой площади.

¹¹ Там же.

¹² РГАЭ. Ф. 8072. Оп. 1. Д. 7. 1930 г.

¹³ Кам Г. Крайком не принял мер к ликвидации производственного прорыва...

¹⁴ В апреле 1931 г. переименован в «Кузбассжилстрой». 1 мая 1932 г. был реорганизован, и на его базе в промышленных центрах Кузбасса были созданы тресты по жилищному и коммунально-бытовому строительству, такие как «Кемеровожилстрой» и др.

¹⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 24. 1930 г.

¹⁶ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 20. 1930 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 817. 1931 г.

При обсуждении масштаба строительства в Донбассе и Кузбассе исходили из того, что на одного человека должно приходиться 6 м² жилплощади¹⁹. Однако уже при утверждении окончательных планов жилищного строительства по Кузбассу, где должно было быть построено 500 тыс. м² жилой площади, из которых 365 тыс. м² приходилось на стандартные дома²⁰, эта норма снизилась до 5 м². В планах стандартного жилищного строительства доля Кузбасса составляла 11 %.

Снабжение строительства материалами, рабсилой, продовольствием и всем необходимым производилось наравне с первоочередными ударными стройками за счет хозорганов, в районе которых проводилось жилищное строительство. Финансирование строительства осуществлялось Центральным банком коммунального хозяйства и жилищного строительства (Цекомбанк). В целях эффективного управления, координации и осуществления стандартного строительства при ВСНХ СССР было создано специальное объединение «Союзстандартжилстрой» (управляющий – Я. П. Шмидт), в ведение которого передали проектно-строительные организации и промышленные предприятия.

При определении сроков реализации плана жилищного стандартного строительства были допущены просчеты, в частности, не были учтены технические возможности производства, пропускная способность железных дорог и наличие рабочих-строителей на местах. В связи с этим повсеместно наблюдалось невыполнение программы жилищного строительства.

Для ускорения начала жилищного строительства в наиболее важных угольных бассейнах ЦК ВКП(б) в постановлении от 30 апреля 1931 г. принимает решение: «Всю готовую и имеющую быть произведенной до 1 августа с. г. продукцию стандартных домов с заводов, предусмотренных постановлением ЦК от 25.03. с. г., направить в первую очередь для нужд Донбасса и Кузбасса за счет всех прочих потребителей»²¹. Этим же постановлением «Союзстандартжилстрой» поручалось в пятидневный срок заключить договоры с угольными объединениями на осуществление строительства жилищ и рабочих поселков в указанных районах.

В первой половине 1931 г. программы капитального строительства по угольной промышленности несколько раз подвергались корректировке. Только в июле ВСНХ окончательно утвердил годовую программу по Кузнецкому бассейну, в соответствии с которой на жилищное строительство выделялось 53,86 млн руб., что составляло 40,3 % от суммы, предназначенной для капитального строительства²².

Исходя из размера отпущенных финансовых и материальных средств, начиная с июля 1931 г. в угольных районах Кузбасса было развернуто жилищное строительство, в том числе стандартных домов. Всего в Кузнецком бассейне для нужд шахтеров планировалось построить 925 сборных бараков, из которых 407 с жилой площадью 128111 м², или 35 %, приходилось на долю Управлений нового шахтостроения (УНШ), остальное стандартное жилье должно было увеличить жилищный фонд кузбасских рудоуправлений²³.

Удельный вес стандартного строительства по районам распределялся следующим образом: Анжеро-Судженский – 98 бараков (10,6 %), Кемеровский – 169 (18,3 %), Ленинск-Кузнецкий – 150 (16,2 %), Прокопьевский – 508 (54,9 %). Большая часть стандартного строительства приходилась на районы южного Кузбасса: Прокопьевское рудоуправление – 206 бараков, Прокопьевское УНШ – 177, Киселёво-Афонинское УНШ – 54, Аралиевское УНШ – 28, Осинниковское УНШ – 43 барака²⁴.

Для ускорения сдачи в эксплуатацию нового жилья Политбюро ЦК партии 5 июня 1931 г. приняло постановление «О состоянии выполнения программы жилищного стандартного строительства в угольных районах», в котором центр требовал в рамках нестандартного строительства жилищ из местных материалов к 1 октября ввести в эксплуатацию²⁵ в Донбассе 400 тыс. м², Кузбассе – 25 тыс. м², Подмосковном бассейне – 35 тыс. м², на Урале – 90 тыс. м². Отдельно перед «Союзстандартжилстроем» была поставлена задача по Кузбассу до 1 ноября закончить строительство деревянных стандартных домов, с учетом того, чтобы не менее 220 тыс. м² должны были быть сданы до 1 октября²⁶.

Как показало время, эти сроки оказались далеки от объективной действительности, на реализацию программы жилищного строительства требовались значительно большие сроки. Несмотря на то, что к 1 января 1932 г., благодаря развернутому стандартному строительству и введению в эксплуатацию домов, сооруженных из местных материалов, постройка которых началась еще в 1930 г., жилищный фонд объединения «Кузбассуголь» увеличился на 212082 м², из которых 110832 м² приходилось на стандартное и 101250 м² – на нестандартное жилищное строительство, в процентном отношении план строительства был выполнен соответственно на 30,4 % и 65,5 %, а общая программа жилищного строительства была выполнена лишь на 40,9 %²⁷.

Невыполнение программы по стандартному жилищному строительству, которое первоначально должно было закончиться

¹⁹ Там же.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

²¹ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 823. 1931 г.

²² ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

²³ Подсчитано автором по данным: ГАНО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 18. 1931 г.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 18. 1931 г.

²⁵ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 834. 1931 г.

²⁶ Там же.

²⁷ РГАЭ. Ф. 8072. Оп. 1. Д. 16. 1931 г.

к 1 декабря 1931 г., имело ряд причин: 1) из-за поздней отгрузки и медленного следования груза по железной дороге детали стандартных домов стали поступать в Кузбасс только с июля, а в Араличево, Осинники и Киселёвск – с октября; 2) начало работ по сборке домов задерживалось на местах в связи с некомплектom поступивших деталей, вначале на угольные рудники поступили рамы, крыши, отоплители, а стен и обвязки не было; 3) на процессе сборки домов в Кузбассе отрицательно сказывался недостаток рабсилы, техперсонала и транспорта, необходимого для перевозок деталей, а также перебои с пиломатериалами и гвоздями²⁸.

Ход стандартного жилищного строительства в угольных бассейнах страны обсуждался 22–23 июня 1931 г. на совещании хозяйственников ВСНХ и Наркомснаба при ЦК ВКП(б), в частности, возглавлявший крупнейшее в СССР объединение «Уголь» К. А. Румянцев, докладывая о положении дел в Донбассе, констатировал: «решение ЦК о стандартном жилищном строительстве пока что идет из рук вон плохо, <...> вот уже 2 месяца прошло, а ни одной избушки нет, <...> мы надеялись, что получим эти стандартные домики, но их нет, рабочего деть некуда и он от нас уходит»²⁹.

В основных промышленных районах Кузбасса строительство осуществлялось силами треста «Кузбассжилстрой». При этом нехватка ресурсов «Кузбассжилстроя» в Анжеро-Судженском районе обусловила передачу ведения жилищного строительства во втором полугодии 1931 г. «Запсибстройобъединению», а во вновь разворачивающихся промышленных районах бассейна Барзасском, Осинниковском, Киселёвском и Араличевском строительстве велось хозяйственным способом.

Для возведения стандартных домов из-за нехватки рабочих строителей большинство предприятий «Кузбассугля» задействовали собственную рабсилу. По согласованию с профорганизациями рабочие привлекались к работе по сборке домов в выходные дни и в свободные от работы часы, а значительная часть рабочих, прибывших по вербовке на угольные рудники, временно передавалась в распоряжение «Кузбассжилстроя»³⁰. Были случаи перемещения рабочих из одного промышленного района в другой. Так, для оказания помощи в постройке большого количества сборных домов и из-за острой нехватки рабсилы в октябре

1931 г. из Анжерки в Прокопьевск были переброшены 750 рабочих, задействованных в строительных работах³¹. Кроме того, к строительству жилья активно привлекались учащиеся местных школ Горпромуча, которых направляли на работу для возведения сборных домов, прекращая при этом занятия на 1–2 месяца³².

Учитывая нехватку рабочих строительных специальностей, Политбюро ЦК ВКП(б) 25 марта 1931 г. обязало ОГПУ выделить из имевшейся в его распоряжении рабочей силы для выполнения работ по сборке домов в Кузбассе и других каменноугольных районах страны 6000 человек³³, а 5 июня было принято особое постановление, в соответствии с которым к возведению стандартных домов в угольных бассейнах страны привлекались кулаки, выселенные в Кузбасс, Донбасс и Подмосковский бассейн³⁴.

Для расширения жилищного строительства в течение 1931 г. «Кузбассуглем» были получены и распределены по промышленным районам дополнительные ассигнования в сумме 13 млн руб., по линии УНШ на индивидуальное жилищное строительство было выделено 100 тыс. руб.³⁵

В рамках нестандартного строительства в Кузбассе возводились буто-герардовские 8-ми квартирные дома; деревянные двухэтажные 8-ми квартирные дома; деревянные типовые общежития на 50 человек; временные бараки на 16 квартир и общежития для холостых рабочих; в Прокопьевске на Тыргане строились 4 дома-коммуны и один такой же дом в Анжерке³⁶. Кроме того, для Геологоразведочного Управления «Кузбассугля» были закуплены 123 крестьянских деревянных дома, которые перенесли и построили в Прокопьевском районе – 36 домов, в Барзасском – 31, Кемеровском – 4 и Хакасском – 52³⁷.

Из стандартных домов основными типами были «Шведский остов», «Норд» и «Сибирский»³⁸. Детали стандартных домов на рудники поставлял «Кузбассжилстрой», за исключением Анжеро-Судженского района, снабжением которого занималось «Запсибстройобъединение»³⁹.

Как отмечалось в конъюнктурном обзоре «Кузбассугля» по капитальному строительству: «Жилищное строительство в 1931 г. велось недопустимо низкими темпами: ведущееся подрядным способом было выполнено на 35,1 % к годовому плану, хозяйственным способом – на 50,8 %»⁴⁰.

²⁸ Там же.

²⁹ РГАСПИ. Орджоникидзе Григорий Константинович. Ф. 85. Оп. 28. Д. 6. 1931 г.

³⁰ ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

³¹ ГАКО. Ф. Р-101. Оп. 2. Д. 79. 1931 г.

³² ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

³³ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 817. 1931 г.

³⁴ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 834. 1931 г.

³⁵ ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

³⁶ РГАЭ. Ф. 8072. Оп. 1. Д. 16. 1931 г.

³⁷ ГАНО. Ф. Р-1142. Оп. 1. Д. 18. 1931 г.

³⁸ ГАКО. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 764. 1933 г.; РГАЭ. Ф. 8072. Оп. 1. Д. 16. 1931 г.

³⁹ ГАКО. Ф. Р-584. Оп. 1. Д. 23. 1931 г.

⁴⁰ ГАКО. Ф. Р-467. Оп. 1. Д. 62. 1932 г.

В связи с этим Комиссия Исполнения СНК СССР Постановлением от 21 января 1932 г. «обязала ликвидировать прорыв 1931 г. в первом квартале, закончив все переходящее строительство с прошлого года к 1 апреля 1932 г.». Несмотря на требования центра, жилстроительство в Кузбассе продолжалось с отставанием от планового задания. Так, за первое полугодие 1932 г. было сдано в эксплуатацию по стандартному строительству 133088 м², или 33,3 % к годовой программе, по нестандартному – 12371 м², или 7,4 %, а всего – 145459 м², или 25 %⁴¹.

Обследование, проведенное в апреле 1932 г. бригадой ВЦСПС и «Кузбассугля», установило «целый ряд нарушений элементарных технических требований, недопустимую, ничем не оправдываемую небрежность, бесхозяйственность, граничащую с преступностью». Чтобы приспособить возведенные по программе 1931 г. стандартные жилища для более или менее нормальных условий, а именно ремонт печей, кровли, поврежденной штукатурки и прочее, требовалось израсходовать до 2 млн руб.⁴²

Продолжая курс ускоренного развития угольной промышленности 15 августа 1931 г. ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об увеличении угольных и коксовых ресурсов», в котором, помимо задач по увеличению угледобычи и расширения технической базы, в угольных бассейнах СССР на 1932 г. была установлена программа жилстроительства⁴³ в размере 2,5 млн м².

В тяжелых жилищных условиях проживали высланные в Кузбасс спецпереселенцы. Например, спецпереселенцы, прибывшие в Анжеро-Судженск, были размещены в земляных бараках спецпоселка, в котором проживало порядка 8500 человек. Новое жилье отчасти улучшило положение спецпереселенцев. Так, в период марта-апреля 1932 г. примерно 2500 спецпереселенцев из земляных бараков были переселены в освобожденные от вольнонаемных жильцов бревенчатые дома-общежития, 3 из которых находились в Анжерке и 4 в Судженке, а также в 9 вновь построенных стандартных 2-х этажных дома. Общая площадь освобожденного жилья для спецпереселенцев составляла 6759 м², в среднем на одного спецпереселенца приходилось 2,7 м² жилой площади⁴⁴.

Впервые задачи промышленного и жилищного строительства были синхронизированы 23 июля 1932 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О состоянии шахтного строительства в угольной промышленности», в котором одновременно

с пуском в эксплуатацию новых 44 шахт на территории СССР Наркомтяжпром был обязан обеспечить возведение жилых домов и объектов культурно-бытового назначения для удовлетворения потребностей шахтеров и членов их семей⁴⁵.

Прирост жилищного фонда в Кузбассе, благодаря возвращенному жилстроительству в начале 1930-х гг., хорошо виден на примере жилищного фонда Прокопьевска, занимавшего важное место в планах развития бассейна. До начала жилстроительства на 1 октября 1930 г. в рабочем поселке имелось 26009 м² жилой площади, на которой проживали 9999 человек, при этом казенными квартирами были обеспечены 2857 горняков, что составляло от общего количества трудящихся всего 28 %⁴⁶. Благодаря осуществленному в 1931–1932 гг. жилстроительству, жилфонд Прокопьевска, получившего в 1931 г. статус города, увеличился в 5 раз, а жилплощадь исчислялась в 130662 м² (табл. 1⁴⁷). При этом удельный вес введенного в эксплуатацию стандартного жилья составлял 59215 м², или 45,3 % жилплощади, в свою очередь нестандартное строительство увеличило жилфонд на 45438 м², что составляло 34,8 %. Квартирный фонд распределялся следующим образом: стандартные дома – 47,1 %; дома, построенные из стройматериалов местного производства, – 52,9 %.

Несмотря на значительный прирост жилфонда, ликвидировать дефицит жилья в Прокопьевске не удалось, поэтому, не считая шахтеров, проживавших в частных домах, еще примерно 5 тыс. человек горняцкого населения размещались в принадлежащих рудоуправлению глинобитных, плетнево-засыпных бараках и полуземлянках, жилплощадь которых составляла 20087 м², или 15,4 % жилфонда.

Для удовлетворения жилищных потребностей шахтеров и членов их семей использовалось 73,3 % имевшейся жилой площади (табл. 2⁴⁸), остальные жилые помещения площадью 34902 м² занимали трудящиеся других организаций и предприятий Прокопьевска.

Подвести общие итоги жилстроительства объединения «Кузбассуголь» позволяют данные о жилищном обслуживании трудящихся рудоуправлений бассейна за период 1930–1934 гг., приведенные в монографии «Вторая угольная база СССР – Кузбасс» (табл. 3⁴⁹). С начала реализации программы жилстроительства в Кузбассе и до завершения 5-летнего плана жилищный фонд «Кузбассугля» увеличился на 299251 м², или на 159,5 %, и составлял 486909 м²

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 842. 1931 г.

⁴⁴ ГАКО. Ф. Р-260. Оп. 1. Д. 14. 1932 г.

⁴⁵ РГАСПИ. КПСС. Ф. 17. Оп. 3. Д. 893. 1932 г.

⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 1872. 1931 г.

⁴⁷ Составлена по: ГАКО. Ф. Р-531. Оп. 2. Д. 5. Л. 66.

⁴⁸ Составлена по: ГАКО. Ф. Р-531. Оп. 2. Д. 5. Л. 66.

⁴⁹ Составлена по данным табл. 58: Вторая угольная база СССР – Кузбасс. Ч. III. Кн. 2. Кузбасс в цифрах / под общ. ред. М. С. Строилова. Новосибирск [и др.]: Научно-техническое изд-во, 1935. С. 74.

жилой площади. Всего казенным жильем было обеспечено 38246 трудящихся-горняков и 58578 членов их семей. В среднем показатели жилплощади, приходящиеся на одного человека, увеличились с 2,92 до 4,02 м², что составляло от запланированной нормы 80,4 %. Значительная часть жилых помещений «Кузбассуголь» в размере 97213 м², что составляло 20 % жилого фонда, была занята работниками сторонних организаций и предприятий.

Наибольший прирост жилья пришелся на 1932 г., когда жилищный фонд предприятий объединения «Кузбассуголь» увеличился на 188342 м² жилой площади. В последующие два года жилищное строительство имело тенденцию сокращения,

так, в 1933 г. жилфонд увеличился на 91989 м², а в 1934 г. – на 75689 м².

Расширение жилфонда происходило на фоне количественного роста населения в шахтерских городах и поселках. Количество работников предприятий, обеспеченных квартирами или койко-местом в общежитии, по сравнению с 1930 г. увеличилось на 24871 человека, что в процентном отношении дало прирост в 186 %. В то же время общее количество шахтерского населения, проживавшего в помещениях жилфонда «Кузбассуголь», увеличилось на 46520 человек, или на 92,5 %, что косвенно свидетельствует о преобладающем притоке на угольные рудники мигрантов-мужчин без семей.

Табл. 1. Жилищный фонд Прокопьевского рудоуправления на 01.01.1933

Tab. 1. Housing Fund of the Prokopyevsk mine on January 1, 1933

Дома (баракы) по роду постройки	Количество зданий	Квартирный фонд (квартиры и комнаты в общежитиях)		Жилплощадь	
		Количество	%	м ²	%
Каменные	20	218	3,82	7866	6
Бревенчатые	311	1160	20,3	24936	19,1
Бревенчатые обл. типа	53	780	13,66	18558	14,2
Стандартные	183	2692	47,1	59215	45,3
Глинобитные	2	8	0,2	272	0,2
Полуземлянки	5	17	0,3	143	0,1
Плетнево-засыпные	161	836	14,6	19672	15,1
Всего	735	5711	100	130662	100

Табл. 2. Обеспечение казенным жильем трудящихся Прокопьевского рудоуправления на 01.01.1933

Tab. 2. State housing for workers of the Prokopyevsk mine on January 1, 1933

Жилфонд	Жилплощадь			Работники		Иждивенцы		Итого		Жилплощадь на 1 человека, м ²
	количество	м ²	%	количество человек	%	количество человек	%	количество человек	%	
Квартиры	2195	47437	49,5	2219	24,6	5595	55,8	7814	41	6,1
Помещение в общежитии	1335	48323	50,5	6799	75,4	4427	44,2	11226	59	4,3
Всего	3530	95760	100	9018	100	10022	100	19040	100	5,0

Табл. 3. Обеспечение жильем трудящихся объединения «Кузбассуголь» в период 1930–1932 г

Tab. 3. Housing for workers of the Kuzbassugol trust in 1930–1932

Год	Жилплощадь, имеющаяся в наличии*		Население, обеспеченное жильем				Занимаемая жилплощадь		Жилплощадь на 1 человека, м ²
			трудо		вместе с членами семей				
	м ²	%	количество человек	%	количество человек	%	м ²	%	
1930	187658	100	13375	100	50304	100	146712	100	2,92
1931	298567	159,1	23874	178,5	65989	131,2	256439	174,8	3,88
1932	486909	259,5	38246	285,9	96824	192,5	389696	265,6	4,02

Прим.: * – без учета Хакасского рудоуправления.

Всего, благодаря жилстроительству, за годы I пятилетки в угольных бассейнах СССР жилищный фонд увеличился⁵⁰ на 3172 тыс. м² и составлял 5222 тыс. м². Доля удельного веса объединения «Кузбассуголь» в жилищном фонде угольной отрасли составляла 9,3 %.

Заключение

Процесс расширения жилищного фонда угольной промышленности Кузбасса в 1928–1932 гг., протекавший в условиях борьбы с жилищным кризисом, происходил благодаря стандартному и нестандартному жилищному строительству.

Анализ жилстроительства в угольных районах в годы I пятилетки позволяет выделить два этапа: 1) 1928–1930 гг. – умеренное плановое строительство жилья трестом «Сибуголь»; 2) 1931–1932 гг. – крупномасштабное жилстроительство в рамках государственной программы.

Начало крупномасштабного жилстроительства в угольных бассейнах СССР стало следствием конфликта между промышленно-экономическими интересами государства и неудовлетворенными жилищными потребностями шахтеров. Показателем конфликта явилась небывалая текучесть рабочих кадров, возникшая в связи с острым дефицитом жилищного фонда в условиях роста контингента шахтеров. Решение о начале жилстроительства было принято ЦК ВКП(б) только после того, как миграционная политика в форме организованного набора не смогла обеспечить закрепление трудовых мигрантов в качестве постоянных рабочих на угольных шахтах.

Несмотря на неполное выполнение программы, осуществленное жилстроительство в Кузбассе позволило обеспечить жильем значительную часть трудовых мигрантов и отчасти улучшить жилищные условия местных шахтеров, но ликвидировать жилищный кризис не удалось.

Литератур

1. Циприс Б. Города Кузбасса // Вторая угольная база СССР Кузбасс. Ч. 2. Кн. 2. Техника производства и экономика Кузбасса / под общ. ред. М. С. Строилова. Новосибирск [и др.]: Научно-техническое изд-во, 1936. С. 250–270.
2. Басюк И. А., Карамшук В. А., Московский А. С. Материально-бытовое положение рабочего класса Сибири в 1926–1937 гг. // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. С. 172–201.
3. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука, 1982. 425 с.
4. Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г., Мишенин С. Е., Бикметов Р. А., Киселев Ю. П., Некрасов Г. С., Теодорович Б. А., Кожихов О. В., Реховская Т. А., Кривошеева Е. А. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово, 1997. 301 с.
5. Букин С. С., Исаев В. И. Жилищная проблема в городах Сибири 1920-х – начале 1960-х годов // ЭКО. 2010. № 2. С. 163–180.
6. Ефимкин М. М. Жилищный фактор в процессе индустриальной адаптации Сибири в XX–XXI вв. // Опыт решения жилищной проблемы в городах Сибири в XX – начале XXI вв. / отв. ред. В. И. Исаев. Новосибирск: Параллель, 2008. С. 3–45.
7. Исаев В. И. Быт рабочих Сибири, 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 240 с.
8. Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928–1932 гг. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»: РОССПЭН, 2011. 268 с.
9. Хмельницкий Д. С. Жилая архитектура Сибири эпохи первой пятилетки. Планы и реальность // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 3. С. 173–179.
10. Духанов С. С. Проблема «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–55. DOI: 10.17223/2312461X/16/4
11. Хиценко Е. В. Задачи типизации жилищного строительства Западной Сибири в 1920-е годы // Архитектон: известия вузов. 2015. № 1. Режим доступа: http://archvuz.ru/2015_1/12/ (дата обращения: 07.04.2018).
12. Хиценко Е. В. Проектирование жилья нового типа соцгородов Западной Сибири в первой пятилетке // Архитектон: известия вузов. 2015. № 2. Режим доступа: http://archvuz.ru/2015_2/14/ (дата обращения: 20.05.2020).
13. Богуславский М., Бранцев Н. Я. Кузбасс и Тельбесс. Новосибирск, 1928. 55 с.
14. Сунгуров Ю. В. Кольчугинский миллиард. Новосибирск: Приобские ведомости, 2008. 220 с.
15. Никитин М. А. Жемчужина Кузбасса // Строим Кузбасс / сост. А. М. Титов. Кемерово, 1984. С. 91–96.

⁵⁰ Итоги выполнения первого пятилетнего плана ... С. 99.

Residential Development in the Coal Mining Districts of the Kuznetsk Basin in 1930–1932

Dmitry P. Sarin ^{a, @}

^a State Budget Educational Institution "School No. 950", Russia, Moscow

@ sarin.d@mail.ru

Received 16.05.2020. Accepted 22.06.2020.

Abstract: The article features the problem of residential development that migrant workers had to face in the mining districts of the Kuznetsk Basin during the first five-year plan. The author identified the causes of the housing crisis in the early 1930s that forced many independent miners to abandon mining enterprises. The paper describes the agenda taken by the central government authorities of Donbass and Kuzbass in order to provide miners with housing. It focuses on the types of housing in the Kuznetsk Coal Basin according to the method of production and building patterns, including communal houses. Prefabricated standard wooden constructions made it possible to build a lot of houses in a relatively short period of time. The main mistakes included a poor material base, limited workforce, and a shortage of building materials. As a result, the initial construction program was never fulfilled. The research focused on the residential development of the coal mining town of Prokopyevsk, its types of dwellings, the number of citizens involved in mining provided with state-owned housing, and the average housing space per capita. Thanks to the housing commissioned, the housing stock was significantly increased in the coal industry in general, and, more particularly, in the Kuzbassugol coal mining trust. The extensive residential development was not aimed at improving the living conditions of miners and their families but at binding migrants to their mines in order to meet the coal-mining program of the first five-year plans.

Keywords: housing crisis, coal industry, miners, Donbass, Prokopyevsk, Kuzbassugol trust, prefabricated standard wooden houses

For citation: Sarin D. P. Residential Development in the Coal Mining Districts of the Kuznetsk Basin in 1930–1932. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 677–687. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-677-687>

References

1. Tsipris B. Towns of Kuzbass. *Kuzbass as the second coal base of the USSR. Pt. 2. Book 2. Technique of production and economy of Kuzbass*, ed. M. S. Stroilov. Novosibirsk: Nauchno-tekhnicheskoe izd-vo, 1936, 250–270. (In Russ.)
2. Basyuk I. A., Karamshuk V. A., Moskovsky A. S. Living situation of the working class of Siberia in 1926–1937. *Culture and everyday life of workers in Siberia during the construction of socialism*, ed. Moskovsky A. S. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980, 172–201. (In Russ.)
3. *The working class of Siberia during the construction of socialism (1917–1937)*, ed. Moskovsky A. S. Novosibirsk: Nauka, 1982, 425. (In Russ.)
4. Zabolotskaya K. A., Khaliulina A. A., Karpenko Z. G., Mishenin S. E., Bikmetov R. A., Kiselev Yu. P., Nekrasov G. S., Teodorovich B. A., Kozhikhov O. V., Rekhovskaya T. A., Krivosheeva E. A. *Coal Industry of Kuzbass, 1721–1996*. Kemerovo, 1997, 301. (In Russ.)
5. Bukin S. S., Isaev V. I. Housing problem in Siberian cities in 1920s beginning of 1960s. *ECO*, 2010, (2): 163–180. (In Russ.)
6. Efimkin M. M. Housing factor in the process of Siberia industrial adaptation in the XX–XXI centuries. *The experience of solving the housing problem in the cities of Siberia in the XX – early XXI centuries*, ed. Isaev V. I. Novosibirsk: Parallel, 2008, 3–45. (In Russ.)
7. Isaev V. I. *Life of workers in Siberia, 1926–1937*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988, 240. (In Russ.)
8. Meerovich M. G., Konysheva E. V., Chmelnizki D. S. *Cemetery of social towns: urban policy in the USSR, 1928–1932*. Moscow: Fond "Prezidentskii tsentr B. N. Eltsina": ROSSPEN, 2011, 268. (In Russ.)
9. Chmelnizki D. S. Housing in Siberia during the early five-year plan periods. Prospects and reality. *Balandinskii chteniia*, 2014, 9(3): 173–179. (In Russ.)
10. Dukhanov S. S. Problems of Western Siberia's "unfinished cities" in the 1930s. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, (2): 38–55. (In Russ.) DOI: [10.17223/2312461X/16/4](https://doi.org/10.17223/2312461X/16/4)

11. Khitsenko E. V. Issues of typification of housing construction in Western Siberia in the 1920s. *Arkhittekton: Proceedings of higher education*, 2015, (1). Available at: http://archvuz.ru/2015_1/12/ (accessed 07.04.2018). (In Russ.)
12. Khitsenko E. V. Design of housing of a new type, socialist town, in Western Siberia during the first five-year period. *Arkhittekton: Proceedings of higher education*, 2015, (2). Available at: http://archvuz.ru/2015_2/14/ (accessed 05.20.2020). (In Russ.)
13. Boguslavskii M., Briantsev N. Iu. *Kuzbass and Telbess*. Novosibirsk, 1928, 55. (In Russ.)
14. Sungurov Iu. V. *Kolchuginsk billion*. Novosibirsk: Priobskie Vedomosti, 2008, 220. (In Russ.)
15. Nikitin M. A. The Pearl of Kuzbass. *Building Kuzbass*. Kemerovo, 1984, 91–96. (In Russ.)

Вклад выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР*

Игорь С. Соловенко^{a, @, ID1}; Анатолий А. Рожков^{b, ID2}; Ольга Т. Лойко^{a, ID3}; Артем Д. Веретенников^{a, ID4}

^a Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, г. Томск

^b Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС», Россия, г. Москва

@ solovenko71@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-4771-2235>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-4541-0922>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-4885-8925>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-4970-9603>

Поступила в редакцию 29.05.2020. Принята к печати 06.08.2020.

Аннотация: Предметом исследования является вклад выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР. Цель – выявление инновационных результатов деятельности выдающихся советских горных инженеров и их влияния на интенсификацию всех процессов, связанных с угледобычей. Методологической базой исследования стала теория модернизации, которая позволяет эффективно сравнивать научно-технические и социально-экономические процессы на разных этапах развития угольной промышленности. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования позволили раскрыть причины и особенности формирования и реализации конкурентоспособного потенциала советских горных инженеров мирового уровня и выявить истоки кризисных явлений в горной науке. Результаты работы – расширение представления о сущности феномена *выдающийся горный инженер*, определение природы его возникновения, выделение важнейшего вклада данных личностей в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР. Использование полученной информации возможно в исследованиях по истории отечественной угольной отрасли, а также как ценный опыт при формировании стратегии развития топливно-энергетического комплекса. Главным выводом авторы считают то, что до рубежа 1970–1980-х гг. в развитии угольной промышленности СССР интенсивные факторы преобладали над экстенсивными. Это стало возможно прежде всего благодаря интеллектуально-инновационному вкладу выдающихся горных инженеров в прирост фундаментальных и прикладных знаний по горному делу.

Ключевые слова: горное дело, интеллект, инновации, интенсификация, горная техника, Кузбасс

Для цитирования: Соловенко И. С., Рожков А. А., Лойко О. Т., Веретенников А. Д. Вклад выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 688–700. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-688-700>

Введение

История развития угольной промышленности СССР и РСФСР переживает существенное переосмысление. Особенно это заметно при сравнении современных исследовательских работ с трудами советских историков и представителей других социальных наук, которые, как правило, акцентировали свое внимание на «ведущей роли партии и рабочего класса» в достижениях советских шахтеров. Конечно, вопросы использования научного потенциала и достижений конкретных горных инженеров в СССР тоже освещались, между тем они имели вспомогательный, во многом косвенный характер. При этом источником достижений советских ученых-инженеров являлась «мудрая»

социально-экономическая и научно-техническая политика коммунистической партии. Даже в первые постсоветские годы научные труды по истории угольной промышленности сохраняли данный перекося в своем содержании, только установки партии уже в большей мере преподносились как топливно-энергетическая политика государства, а информация о выдающихся горных инженерах носила в основном справочный характер. Отдельные труды, посвященные конкретным выдающимся инженерам горного дела, серьезным образом не меняли ситуацию, в том числе в силу своей малочисленности и отсутствия целостной картины вклада горных инженеров в успешное развитие угледобычи в СССР и РСФСР. Сегодняшний интерес к истории

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07350.

угольной промышленности (и не только советской) немислим без тщательного анализа вклада выдающихся инженеров в успешное развитие базовой отрасли народного хозяйства. Это позволит сформировать более объективную картину ее развития, более четко осознать причины подъемов и спадов в угледобыче и следовательно более обоснованно выстраивать прогнозы и перспективы ее функционирования.

Актуальность темы исследования подтверждается и высоким интересом современных ученых к инновационной составляющей деятельности предприятий угольной промышленности, в том числе советской эпохи [1–5]. По мнению авторитетных экспертов, многие научно-технические и технологические разработки горных инженеров СССР до сих пор являются востребованными. Помимо всего прочего, это является подтверждением высокого, а в чем-то и очень высокого, уровня советской инженерной мысли, которая уже десятилетия сохраняет свою конкурентоспособность. Соответственно, возникает вопрос о природе колоссального взлета горной науки и ее реализации в СССР. И здесь нет никаких преувеличений, т. к. начиная с 1920-х гг. советским руководителям приходилось по сути с нуля возрождать предприятия и приумножать достижения угольной отрасли. На наш взгляд, огромную роль здесь сыграли выдающиеся горные инженеры, которые порой отличались по уровню образования, масштабам деятельности, характеру новаторства и т.д., но были объединены общим духом беззаветной любви и преданности своему делу.

Цель работы – выявление инновационных результатов деятельности выдающихся советских горных инженеров и их влияния на интенсификацию всех процессов, связанных с угледобычей. Методологической базой исследования стала теория модернизации, которая позволяет эффективно сравнивать научно-технические и социально-экономические процессы на разных этапах развития угольной промышленности. Сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования позволили раскрыть причины и особенности формирования и реализации конкурентоспособного потенциала советских горных инженеров мирового уровня и показать природу кризисных явлений в их деятельности.

Ключевой проблемой нашего исследования является определение круга лиц – горных инженеров, которых можно причислить к выдающимся. Мы полагаем, что это очень дискуссионный вопрос, поэтому ограничиваемся в большей мере абстрактным пониманием. Оно, в свою очередь, во многом опирается на информацию обо всех горных инженерах, которые упоминаются в литературе (причем как советской, так и современной) при характеристике научно-технических и технологических достижений в развитии угольной промышленности СССР и РСФСР. Все-таки в наиболее авторитетных обобщающих трудах по истории угольной промышленности [6–9] внимание акцентировано на таких

важнейших выдающихся личностях, как А. М. Терпигорев (1873–1959), А. А. Скочинский (1874–1960), Н. А. Чинакал (1888–1979), Л. Д. Шевяков (1889–1963), Н. В. Мельников (1909–1980), Б. Ф. Братченко (1912–2004), В. С. Мучник (1913–1981), В. П. Романов (1915–2002), В. В. Ржевский (1919–1992), Я. Я. Гуменник (1920–1995), В. Д. Ялевский (1926–2005) и М. И. Щадов (1927–2011). Они не только чаще других упоминаются в исторической литературе, но их деятельности, как правило, посвящены отдельные научные [10–13] и научно-популярные¹ труды, многие из них имеют государственные награды высшего достоинства, их именами названы улицы, шахты (им. Л. Д. Шевякова), разрезы (им. М. И. Щадова), отраслевые и академические научные учреждения (Институт горного дела имени Н. А. Чинакала СО РАН), музеи (Московский горный институт им. Терпигорева) и т.п.

Безусловным лидером в этом отношении можно считать академика А. А. Скочинского, имя которого с 1960-х гг. прошлого века носил академический Институт горного дела (ИГД им. Скочинского), к сожалению, ныне прекративший свое существование. Отдельного внимания требует феномен Якова Яковлевича Гуменника, который не имел высшего образования, но в силу своих неординарных способностей и результатов деятельности признавался выдающимся горным инженером, хоть и закончил Сталинский (Новокузнецкий) техникум. Факт научного признания его выдающихся способностей подтверждается дальнейшей работой Я. Я. Гуменника в ИГД им. Скочинского (Москва). Он обязательно упоминается в содержании всех авторитетных исследовательских работ, связанных с научными достижениями в области развития угольной промышленности.

Феномен выдающийся горный инженер

Анализ литературы показал, что по каждому выдающемуся горному инженеру имеется исчерпывающая информация, в том числе по таким важным вопросам, как сфера деятельности, результаты работы, научное признание и т.д. Но сам феномен *выдающийся горный инженер* изучен весьма слабо. Отсутствует анализ природы появления и реализации этого феномена в рассматриваемый период. Немаловажно и то, что недостаточно систематизированы общие черты, присущие деятельности известных горных инженеров, благодаря которым достигнуты выдающиеся результаты в развитии угольной промышленности СССР и РСФСР. Анализ данных вопросов позволяет сформировать более четкую картину развития как базовой угольной отрасли народного хозяйства и горного машиностроения, так и советской горной науки. Соответственно, задачи нашего исследования: выявление сущности феномена *выдающийся горный инженер*, определение природы его возникновения, выделение важнейшего вклада данных личностей в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР.

¹ Угольный Министр Советского Союза (к 80-летию Михаила Ивановича Щадова) / сост.-ред. И. Г. Таразанов, О. И. Глинина, И. М. Колобова. М.: Уголь, 2007. 155 с.

Формирование выдающейся личности является результатом воздействия на этот процесс как объективных, так и субъективных факторов. Вполне очевидно, что все выдающиеся горные инженеры обладали широким набором личных положительных качеств: трудолюбие, целеустремленность, творческие способности, любовь к своему делу, ответственность, новаторский дух и т.д. Отдельного внимания заслуживает важная черта всех выдающихся деятелей горного дела – твердый характер, благодаря которому реализовывался их потенциал, порой вопреки политическому давлению. Служение идеям горного дела для них являлось высшей ценностью, а все остальное было вторичным. Несмотря на давление, унижения, аресты, лагеря и прочие негативные факторы, с которыми им приходилось сталкиваться, они продолжали работать и верить в свои возможности. Яркими примерами здесь являются А. А. Скочинский и Н. А. Чинакал.

Более важной задачей для нас является выявление объективных причин и факторов формирования уникального теоретического и практического потенциала горных инженеров, которых мы сегодня считаем выдающимися. В этой связи на первый план выступает такой важный фактор, как условия формирования и реализации инженерного потенциала в СССР. Базой, объединяющей всех выдающихся инженеров горного дела, является высокий уровень образования, который был напрямую связан с их достижениями. Основная часть наиболее выдающихся горных инженеров XX в. получала данное образование уже в советское время. Те, кто получил высшее техническое образование в дореволюционной России, в своих воспоминаниях неоднократно подчеркивают огромную разницу в системе подготовки студентов-инженеров, которая была явно в пользу советской высшей школы², хотя выдающиеся ученые – академики А. М. Терпигорев и А. А. Скочинский – окончили Санкт-Петербургский горный институт в 1897 и 1900 г. соответственно, Н. А. Чинакал и Л. Д. Шевяков – Екатеринбургский (Днепропетровский) горный институт в 1912 г. В этой связи можно однозначно утверждать, что система подготовки в данных вузах была не хуже, чем в советское время. Однако в сравнении с данными горными институтами все остальные вузы, готовившие инженеров горного дела, серьезным образом тогда отставали в вопросе качества подготовки специалистов.

Только в советское время выравнивается география высококачественной подготовки горных инженеров. Уже в 1930–1940-е гг. начинают «выдавать на-гора» выдающихся инженеров и организаторов горного дела в области угледобычи такие вузы, как Московский и Свердловский горные институты, а также Томский технологический институт (ныне Томский политехнический университет). Особого внимания заслуживает Свердловский горный институт (ныне Уральский государственный горный университет), где уже к началу 1930-х гг. сложилась крупная

научная школа по разработке угольных месторождений, в том числе открытым способом, одним из лидеров которой стал бывший профессор Томского технологического института Л. Д. Шевяков. Многие традиции и принципы этой школы получили продолжение в Кемеровском, Днепропетровском, Магнитогорском, Иркутском и других горных институтах. Представителями уральской научной школы были проведены первые в стране научные исследования по оползням и устойчивости уступов и бортов карьеров [12, с. 240]. Довольно быстро важным центром подготовки горных инженеров, в том числе выдающихся, становится Московский горный институт [14]. Его выпускниками были В. В. Ржевский, В. Д. Ялевский и др. Расширение географии высшего горного образования способствовало усилению конкуренции между вузами, быстрой адаптации выпускников к местным особенностям инженерной деятельности, формированию сети отраслевых научно-образовательных центров и появлению региональных научных школ.

Вполне очевидно и преимущество советской общественной системы в вопросе реализации интеллектуального потенциала горных инженеров. Процесс масштабной индустриализации и дальнейшего экономического развития СССР объективно требовал динамичного увеличения угледобычи. Несмотря на широко распространенное мнение об экстенсивном характере развития народного хозяйства в годы первых пятилеток, с этим сложно согласиться в силу объективного дефицита всех необходимых ресурсов. Доказательством тому является довольно быстро выстроенная в СССР система реализации интеллектуальных возможностей инженеров в области развития технологий угледобычи и создания горно-шахтной техники. Справедливости ради заметим, что данная система опиралась как на демократические, так и административные, порой и репрессивные, методы стимулирования этой деятельности. Среди выдающихся инженеров горного дела были и те, кто в результате репрессий терпел лишения и страдания, но остался верен любимому делу, например Н. А. Чинакал, который в 1928 г. был репрессирован по «Шахтинскому делу» и сослан в Сибирь [8, с. 414]. Необходимо подчеркнуть, что, как правило, репрессированных горных инженеров ссылали в те углепромышленные регионы, которые являлись весьма отдаленными, отсталыми, с экстремальными условиями труда. Однако это тоже давало свои немалые производственно-экономические плоды. На примере инженерной деятельности Николая Андреевича Чинакала можно утверждать, что примитивные и экстремальные условия труда спецконтингента заставляли быстрее искать научно-технические решения, которые не только позволяли больше добывать угля, но и, что еще важнее, сохранять жизни заключенных.

Преобладали все-таки демократические методы реализации интеллектуально-инновационного потенциала

² Терпигорев А. М. Воспоминания горного инженера. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 270 с.

горных инженеров в области угледобычи, которые активно поддерживались государством. Во-первых, советская власть много делала для повышения престижности специальности горного инженера, в том числе используя методы материального стимулирования.

Во-вторых, расширялся спектр отраслевых научно-исследовательских институтов (НИИ), которые не только объединяли единомышленников, но и позволяли повышать квалификацию всем работникам угольной промышленности. Передовой опыт НИИ переносился в производственную деятельность всех, но прежде всего новых и перспективных шахт, разрезов и обогатительных фабрик.

В-третьих, советские инженеры активно заимствовали положительный опыт коллег из других стран, особенно в 1920-е гг.

В-четвертых, в стране расширялась и углублялась связь образования, науки и производства. Подавляющая часть выдающихся горных инженеров системно занималась наукой и дальнейшей реализацией результатов своей деятельности на каких-либо предприятиях. В стране широкое распространение имели движения рационализаторов и изобретателей, в которые энергично вовлекались и угольщики. Наиболее известными изобретателями и рационализаторами из выдающихся были Н. А. Чинакал, Н. В. Мельников, Я. Я. Гуменник и В. В. Ржевский. В 1935 г. при Академии наук СССР была образована Группа горного дела, которую возглавил академик А. М. Терпигорев. Данная Группа занималась решением задач эффективного развития как горнодобывающей отрасли в целом, так и угольной промышленности в частности. Через четыре года на ее основе был организован «Институт горного дела» (ИГД) во главе с академиком А. А. Скочинским, который сыграл важную роль в разработке и внедрении научно-технических и технологических достижений. Огромное значение для активизации научных исследований и пропаганды новейших достижений горной науки имели систематически созываемые в СССР тематические научно-технические конференции и деятельность Всесоюзного горнотехнического общества.

В-пятых, преемственность. Благодаря созданию научных школ и направлений мирового уровня формировались условия мобильной адаптации молодых ученых-горняков к новым научно-производственным требованиям. Например, учеником академика А. М. Терпигорева был выдающийся горный инженер Л. Д. Шевяков, который в свою очередь подготовил таких известных деятелей угольной промышленности, как Т. Ф. Горбачев (член-корреспондент АН СССР), П. И. Кокорин, П. М. Ковачевич, В. Г. Кожевин (профессора Кузбасского политехнического института) и др.

Присутствовала и промежуточная форма стимулирования инженерных достижений. Речь идет об обязательных задачах руководства коммунистической партии и советского правительства, которые сложно было кому-либо игнорировать, особенно после «Шахтинского дела». Сформированная с 1930-х гг. централизованная система

управления угольной промышленностью во многом опиралась на административно-командные методы решения амбициозных задач. Наиболее талантливые горные инженеры решали в первую очередь те задачи, которые являлись наиболее актуальными для угледобычи, потребителей угольной продукции и т.д. В решение макроэкономических задач партии и правительства гармонично вписывался мощный энтузиазм трудящихся и интеллигенции 1930–1950-х гг. Вполне закономерно, что в это время многие выдающиеся горные инженеры часто меняли места жительства и работы. Особенно часто партия направляла на разные и важные участки работы Б. Ф. Братченко. Несмотря на объективно возникавшие бытовые проблемы, он глубоко вникал в особенности труда и использовавшиеся технологии в разных углепромышленных регионах необъятной страны. Неудивительно, что Борис Федорович Братченко стал не только выдающимся горным инженером, но и в течение двух десятилетий возглавлял министерство угольной промышленности СССР (1965–1985), а также под его редакцией мы сегодня имеем самое информативное исследование по истории угледобычи в нашей стране [7].

Важнейшей особенностью выдающейся личности в горном деле являлся широкий кругозор, позволявший инженерам иметь широкий профиль и использовать собственную квалификацию в решении комплексных задач. Порой происходило сочетание технологий разного характера, что коренным образом увеличивало объемы угледобычи или позволяло предлагать рационализаторские предложения. В их умах сочетались идеи технического совершенствования, новых технологий, проведения взрывных и вскрышных работ и т.п. Особенно здесь выделялись такие талантливые инженеры, как А. М. Терпигорев, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, Н. В. Мельников, Б. Ф. Братченко, В. С. Мучник, В. В. Ржевский, В. Д. Ялевский и М. И. Щадов, благодаря этому они выдвигались на различные руководящие должности. Вместе с тем даже на таких высоких должностях, как, например, министр угольной промышленности, они не теряли связь с наукой, занимались подготовкой и защитой диссертаций, непосредственно участвовали во внедрении новых технологий и разработок. Наиболее ярким примером можно считать инженерную деятельность М. И. Щадова – последнего министра угольной промышленности СССР, который внес колоссальный личный вклад в разработку научных основ развития и совершенствования открытой угледобычи в СССР, включая внедрение прогрессивных технологий с применением нового поколения горнотранспортного оборудования; типизацию технологических схем экскавации; оптимизацию параметров системы разработки и темпов подготовки запасов угля к выемке и мн. др.

Среди выдающихся горных инженеров СССР были и те, кто в большей мере занимался прикладными работами. Для узких специалистов стать выдающимся инженером в горном деле было сложнее. Показателем данного

статуса являлись революционные изобретения, разработки и технологии. Это напрямую относится к новаторству Н. А. Чинакала и Я. Я. Гуменника. Так, появление на шахтах проходческих комбайнов советского конструктора-механика Я. Я. Гуменника (серии ПКГ) сравнивали с первым реактивным пассажирским самолетом [6, с. 84], т. к. на базе этой техники произошла революционная интенсификация горных работ, и были установлены мировые рекорды по добыче угля и проходке горных выработок. Немаловажно и то, что некоторые прикладные работы получали развитие в форме научных школ и направлений, например система разработки мощных угольных пластов с передвижными крепями Н. А. Чинакала, члена-корреспондента АН СССР.

Вклад выдающихся горных инженеров был напрямую связан и с объективными факторами: социально-экономические задачи страны и уровень научно-технических достижений в развитии угольной промышленности, в том числе мировой. В первые годы советской власти отечественные инженеры горного дела активно знакомились и использовали более передовой зарубежный опыт уголедобычи. Например, в 1925 г. Л. Д. Шевяков вместе с другими специалистами был командирован для изучения горной техники в Германию, США и Англию. Однако уже с конца 1920-х гг. отечественные инженеры стали больше ориентироваться на собственные силы и возможности. В этот период формируются основы развития советской горной науки под руководством известных еще с досоветского времени исследователей – М. М. Протоdjаконов, Б. И. Бокий, А. М. Терпигорев, А. А. Скочинский и др. [7, с. 193].

В истории советской уголедобычи выделяется ряд этапов, которые отличаются сферами и особенностями реализации научно-технической мысли.

Первый этап (1929–1950)

На данном этапе основные силы выдающихся горных инженеров были направлены на техническое перевооружение угольной отрасли, разработку новых угольных месторождений и индустриальное освоение углепромышленных районов. Первый этап мог закончиться и раньше, но трудности Великой Отечественной войны не позволили решить поставленную задачу, хотя и придали некоторым процессам дополнительный позитивный импульс, например заметно усилилась роль Кузбасса в общесоюзной уголедобыче [6, с. 77]. В это время особенно раскрылся талант таких выдающихся инженеров, как А. М. Терпигорев, А. А. Скочинский, Л. Д. Шевяков, Н. В. Мельников, Н. А. Чинакал и В. С. Мучник. Под их руководством формировались новые и перспективные направления развития отечественной горной науки. В начале рассматриваемого периода самым опытным горным инженером был А. М. Терпигорев. Благодаря его стараниям появилось новое научное направление – механизация горных работ [9, с. 486], которое являлось доминирующим на всем протяжении рассматриваемого этапа.

Механизация уголедобычи, динамичное увеличение количества предприятий и работников, их обслуживающих, серьезно актуализировали проблему безопасности горных работ. Огромный вклад в решение данной проблемы внес А. А. Скочинский, которым была создана совершенно новая наука – рудничная аэрология. Ее особенностью было стремление глубоко изучить природные явления, возникающие при разработке месторождений полезных ископаемых, нейтрализовать возникающие вредные последствия и обеспечить необходимые атмосферные условия при их извлечении из недр [9, с. 481; 15, с. 9].

До Великой Отечественной войны, во время и после нее основной вклад в добычу угля вносили шахты. Строительство высокопроизводительных и безопасных шахт являлось важной государственной задачей. Ее решение было напрямую связано с трудовой деятельностью Л. Д. Шевякова, который считается основателем научной школы в области горного давления, методов расчета опорных целиков в горных выработках и проектирования угольных шахт. Основу данной теории составили исследования математического анализа зависимостей между природными, технико-организационными и экономическими параметрами разработки месторождений [9, с. 486–487]. Многие шахты, спроектированные Л. Д. Шевяковым и его учениками, до сих пор успешно эксплуатируются. Кроме того, он занимался проблемами рудничной доставки, механизации и безопасности горных работ. По признанию зарубежной научно-технической печати, Л. Д. Шевяков являлся наиболее крупным авторитетом в горном деле середины XX в. [12, с. 251].

Накануне войны возникла идея подземной гидродобычи угля. Она была озвучена Владимиром Семеновичем Мучником и встретила поддержку как в научном сообществе, так и в органах государственной власти. Первые шахтные испытания гидротехнологии были проведены в 1930-е гг. в Кизеловском угольном бассейне, Кузбассе и на Донбассе. В 1939 г. в Донецком бассейне была заложена первая в мире опытная гидрошахта. В годы Великой Отечественной войны работы в этом перспективном направлении были законсервированы. Сразу после войны школа была воссоздана в Кузбассе, где она успешно реализовывала свой потенциал в рамках деятельности Кузнецкого научно-исследовательского угольного института (КузНИУИ, г. Прокопьевск) и непосредственно В. С. Мучника [1; 16, с. 101].

Одним из перспективных направлений развития угольной промышленности еще до войны являлся открытый способ разработки месторождений. Первые шаги по использованию данного способа были предприняты в дореволюционной России. Между тем только с 1930-х гг. внимание к этому перспективному способу добычи угля стало возрастать. Значительный вклад в развитие данного направления внес Н. В. Мельников. Он имел непосредственное отношение к созданию в стране всех горных машин для карьеров [17, с. 149]. Под руководством Н. В. Мельникова были созданы совершенно новые методы применения взрывчатых

веществ при ведении открытых горных работ, исследованы многие вопросы теории проектирования карьеров, включая их комплексную механизацию, бестранспортную систему разработки и др. В первые послевоенные годы Н. В. Мельников сделал много для строительства роторных экскаваторов непрерывного действия [9, с. 492; 18, с. 33].

Весьма известным горным инженером в то время стал Николай Андреевич Чинакал. Его инженерный гений проявился в том, что он, находясь в заключении и имея ограниченные возможности, сумел революционным образом облегчить процесс угледобычи. Уже накануне войны он разработал и активно внедрял инновационную конструкцию щитовой системы выемки крутопадающих мощных пластов. Она обеспечивала безопасность работ, снижала себестоимость угледобычи, способствовала росту производительности труда и внедрению графика цикличности [6, с. 65].

На первом этапе развития угольной промышленности СССР громко заявил о себе и Б. Ф. Братченко. Несмотря на частую смену работы вследствие кадровой политики партии, он все-таки сумел вместе с коллегами в послевоенные годы сконструировать и внедрить в производство врубовые машины МВ-60 и КМП-3. Данная новаторская разработка позволяла значительно повысить производительность зарубки угольных и антрацитовых пластов, а в дальнейшем стала основой создания угольных комбайнов нового типа. Благодаря этим врубовым машинам стало возможным перейти к полной механизации труда в подземной угледобыче. За эту разработку в 1949 г. Б. Ф. Братченко был удостоен Сталинской премии³.

В 1930-е гг. начал свою трудовую деятельность будущий «угольный маршал» – Владимир Павлович Романов. После окончания Прокопьевского горного техникума он начал работать горным мастером на шахте № 5 треста «Киселевскуголь» и сразу же показал себя как очень перспективный специалист, использующий нестандартное мышление. До войны В. П. Романов активно внедрял на шахте прогрессивную систему угледобычи с закладкой выработанного пространства. В годы Великой Отечественной войны он использовал оригинальные подходы доступа к пластам, имевшие сложные горно-геологические условия. Владимир Павлович впервые внедрил новую технологию добычи угля – гидровскрышу, став пионером гидродобычи в Кузбассе. Его решения позволили в трудное для страны время выполнять и перевыполнять план по угледобыче. Во многом благодаря талантливым решениям В. П. Романова шахта № 5 вышла из кризиса и стала одной из передовых в тресте. После войны труд и опыт талантливого инженера стали использовать и на других шахтах Кузнецкого бассейна [19].

Даже краткое перечисление основных заслуг выдающихся горных инженеров показывает кардинальные изменения в развитии угольной промышленности СССР и РСФСР в 1930–1940-е гг. Характерной чертой первого

этапа являлось заметное увеличение наукоемкости отрасли. В результате наша страна не только сумела самостоятельно обеспечить свои потребности в важном топливе, но и повысить свою конкурентоспособность в мире, особенно в области создания высокопроизводительных горных машин и транспортной системы [18]. Созданный в конце 1940-х гг. комбайн «Донбасс» положил начало новому технологическому направлению широкозахватной выемки угля с индивидуальной крепью. Был заложен серьезный потенциал для ускоренного развития как угольной промышленности, так и смежных отраслей. Главное внимание в научных исследованиях выдающихся инженеров СССР было приковано к подземной добыче, в то время как их зарубежные коллеги из индустриально развитых стран активно осваивали открытый способ угледобычи.

Второй этап (1951–1965)

1950-е гг. стали временем нового этапа НТР, мощный импульс которому дали достижения естественных наук, их использование в производственной деятельности. В СССР, как и во всем мире, на предприятиях угольной промышленности массово внедрялись ЭВМ, началась автоматизация производственной деятельности, формировалась система горных наук. В развитии мировой угольной промышленности начался период эксплуатации механизированных и автоматизированных горных машин и комплексов, который продолжается и в наше время [20, с. 205]. Весьма амбициозные тогда задачи ставились перед угольщиками руководством советского государства. Отрасль по-прежнему играла ведущую роль в топливно-энергетической политике страны. Соответственно, на втором этапе в истории советской угледобычи выдающиеся инженеры-угольщики были сконцентрированы на решении вопросов комплексной механизации основных процессов и вспомогательных работ, начиная от его выемки до погрузки в транспортные средства, что позволяло существенно увеличить объемы добычи угля, а также снизить себестоимость продукции и количество несчастных случаев на производстве. Вместе с тем активно развивались и другие направления угольной промышленности, появлялись и новые, которые порой выделялись из таких меташкол, как взрывные работы, горная аэрология и др. Некоторые уже устоявшиеся направления реализовывались, как правило, теми опытными учеными, которые занимались той или иной проблематикой на первом этапе, – это А. А. Скоринский, Н. В. Мельников, В. С. Мучник, В. П. Романов, Б. Ф. Братченко и др. Появилось и новое поколение выдающихся деятелей горного дела, которые создавали принципиально новые технологии и направления (Я. Я. Гуменник, В. В. Ржевский и др.).

При непосредственном участии выдающихся горных инженеров начиная с 1950-х гг. происходил масштабный геотехнологический переход в подземной добыче угля

³ Биографический очерк / сост. П. М. Лень, О. И. Глинина // Министр угля (к 100-летию Бориса Федоровича Братченко) / сост.-ред. И. Г. Таразанов, О. И. Глинина, И. М. Колобова. М.: Уголь, 2012. С. 16.

на столбовые системы разработки – длинными столбами по простиранию и длинными столбами по падению. Этот переход создал благоприятные предпосылки для повышения эффективности технического перевооружения шахт с пологими и наклонными пластами, показал преимущество в сравнении с широко применяемой тогда в США камерно-столбовой системой [7, с. 222; 9, с. 8]. При этом были значительно увеличены объемы очистных работ с применением широкозахватных очистных комбайнов, внедрение которых позволило в несколько раз повысить уровень механизации навалки угля в очистных забоях.

В первой половине 1960-х гг. перед инженерным сообществом была поставлена задача ускоренного роста угледобычи за счет ввода в действие новых мощностей, а также форсированного развития открытой добычи и гидродобычи [6, с. 93]. Напрямую ее решением занимались и выдающиеся горные инженеры, которых можно условно разделить на кузбасских и столичных. Первые в большей мере были ориентированы на решение вопросов угледобычи в Кузнецком бассейне, который стал играть ключевую роль в общесоюзной добыче угля и развитии отраслевой науки. Уже в 1951 г. здесь было проведено испытание нового проходческого комбайна ШМБ-1, повлиявшее на дальнейшие конструкторские разработки в этом направлении. Через четыре года в Кузбассе успешно прошел испытания инновационный проходческий комбайн (ПКГ-1), изобретенный механиком шахты «Байдаевская» Я. Я. Гуменником. Новый проходческий комбайн стал крупным событием в жизни угольной отрасли всей страны, т. к. его применение позволило уменьшить количество людей, занятых на подготовительных работах, и увеличить добычу угля за счет подготовительных забоев [6, с. 83–84]. Данный комбайн побил все мировые рекорды и с точки зрения принципа разрушения забоя стал образцом для всех последующих горных комбайнов в мире. Не менее важно и то, что это изобретение стало возможно в обычной мастерской, а не в стенах какого-либо НИИ.

На втором этапе благодаря кузбасскому инженеру Владимиру Семеновичу Мучнику выделились в самостоятельный раздел и получили развитие закономерности подземной гидравлической добычи угля. В Кузнецком бассейне довольно быстро были созданы необходимое оборудование и технологические системы гидрошахт. Благодаря деятельности прокопьевских горных инженеров отдела гидродобычи КузНИУИ, а позднее вновь созданному в г. Новокузнецке институту ВНИИГидроуголь (которыми руководил В. С. Мучник) с 1952 г. гидродобыча велась на нескольких экспериментальных участках шахты «Тырганские уклоны». Вскоре гидротехнологии стали успешно внедряться и в других углепромышленных регионах, в том числе и за рубежом [6, с. 237–238; 12, с. 215–216; 16, с. 101].

Центральной фигурой угольного Кузбасса в рамках рассматриваемого этапа стал Владимир Павлович Романов,

который в 1957 г. получил высшее инженерное образование⁴. Уже через четыре года он был назначен на должность начальника комбината «Кузбассуголь» и стал ответственным за угледобычу во всем бассейне. При В. П. Романове ударными темпами вводились в эксплуатацию новые шахты, разрезы и обогатительные фабрики. На новой должности он уже решал масштабные инженерные задачи, предлагая нестандартные решения по выводу из кризиса предприятий комбината. Большое внимание Владимир Павлович уделял техническому перевооружению угледобывающих предприятий Кузнецкого бассейна. От устаревших «деревянных» лав было взято направление на комплексную механизацию и автоматизацию производства. Шахты и разрезы внедряли передовые технологии угледобычи, оснащались высокопроизводительными механизированными комплексами. Рост производительности труда способствовал широкому распространению движения «тысячников», когда из одного забоя добывались тысячи и более тонн угля в сутки. Все это происходило в то время, когда угольная промышленность стала постепенно «выдавливаться» другими отраслями ТЭК, а над многими шахтами нависла угроза ликвидации. Используя собственный авторитет, инженерный опыт и государственное мышление, Владимиру Павловичу удавалось отстаивать перед руководством КПСС стратегически важные интересы угольной отрасли всей страны⁵.

Из выдающихся горных инженеров, которые находились в столице и занимались общепромышленными проблемами, центральное место занимал Николай Васильевич Мельников. Период 1950–1960-х гг. стал для него звездным временем, в том числе и потому, что в это время он являлся академиком АН СССР, директором ИГД им. А. А. Скопинского и министром угольной промышленности. В своей докторской диссертации (1951) Н. В. Мельников научно обосновал необходимость форсированного развития открытого способа добычи угля, указывая на его преимущества, свой замысел он стремился реализовать на практике. Среди прочей деятельности в данном направлении выделяются следующие его достижения. Во-первых, создание основополагающих трудов по горным наукам как единой системы знаний и общепринятой классификации систем открытой разработки месторождений полезных ископаемых. Во-вторых, создание научных основ комплексного автоматизированного карьера, ориентированного на использование новых технологий, в том числе и в сфере безопасности рудных работ. В-третьих, система прогнозирования добычи полезных ископаемых. Николай Васильевич верно определил приоритетные проблемы развития горной науки как для того времени (надежность и долговечность горных машин), так и в будущем – это разработка морских месторождений твердых полезных ископаемых, применение безлюдных технологий добычи угля и др. [17, с. 149–151; 18, с. 79–81].

⁴ Дьяков Ю. Угольный маршал // На-гора. 2015. № 6. С. 2.

⁵ Дьяков Ю. Угольный маршал ... С. 2; Владимир Павлович Романов // Уголь. 2000. № 7. С. 2.

1950-е гг. стали последними годами жизни академика А. А. Скочинского. Несмотря на преклонный возраст, он продолжал трудиться в рамках своего ведущего направления исследовательской деятельности – горной аэрологии. В 1951 г. ему удалось осуществить то, о чем он писал еще в 1930-е гг. – провести опыты по применению сейсмоакустики для улавливания предупредительных признаков внезапных выбросов угля и газа. Это позволило серьезно продвинуться в решении таких важных вопросов, как прогноз газообильности шахт, методы управления газовыделением в них, комплекс мероприятий по борьбе с рудничной пылью, предупреждение самовозгорания углей и руд, проветривание карьеров и т.д. [10, с. 193].

На втором этапе в сообществе горных инженеров появляется новая «звезда» – Владимир Васильевич Ржевский. Его поступление в Московский горный институт в 1936 г. совпало с активным интересом к открытому способу угледобычи, что определило главное направление научной деятельности талантливого студента. Уже в своей кандидатской диссертации молодой ученый вносит существенный вклад в развитие теории Е. Ф. Шешко о вскрытии карьерных полей, что имело высокую степень актуальности для того времени. В рамках своей докторской диссертации В. В. Ржевский разработал теорию режима горной деятельности, в которой представлены научное обоснование мощности и глубины карьера, принципы планирования календаря производственных работ, отработка карьера этапами и др. В 1940–1950-х гг. в МГИ под руководством В. В. Ржевского создавались аналитические методы расчета оптимальных параметров технологических схем отработки карьеров, на основе которых затем были сформированы научные основы классификации систем открытой разработки [21, с. 333].

В течение второго этапа развивался инженерно-организаторский талант Бориса Федорович Братченко, которого партия закономерно выдвигала на высокие руководящие должности в разных регионах страны. В основном он занимался развитием горного дела, в том числе продолжал исследовательскую деятельность, направленную на решение задач полной механизации труда в подземной угледобыче.

Таким образом, на втором этапе сохранялась высокая динамика вклада выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности, хоть и преобладали школы и направления, возникшие в 1930–1940-е гг. Данная динамика несколько ослабла в результате реформы управления народным хозяйством, которая вовлекла в орбиту руководства совнархозов значительное количество горных инженеров, в том числе выдающихся. На успешное развитие угледобычи влияло формирование крупных научных школ, которые под руководством выдающихся деятелей горного дела выявляли новые горизонты инженерной мысли. Ярко выделялись в это время выдающиеся горные

инженеры Кузбасса. В 1958 г. наша страна впервые за всю историю развития отечественной угольной промышленности стала мировым лидером по добыче угля (493,2 млн т) и удерживала первенство по 1979 г. включительно, когда добыча угля составила 718,7 млн т⁶. Между тем было очевидно и снижение внимания выдающихся инженеров к созданию высокопроизводительной и надежной горной техники, что стало одним из первых факторов генезиса кризисных явлений, охвативших угольную промышленность СССР и РСФСР через два десятка лет. Видимо, это было связано и с тем, что на предприятиях отрасли сохранялся низкий уровень эксплуатации имеющейся техники [6, с. 91], что снижало мотивацию инженеров к решению данного вопроса.

Третий этап (1966–1988)

На данном этапе развития угольной промышленности в СССР, благодаря научно-техническому прогрессу, в подземной угледобыче произошел инновационный переход от использования широкозахватных комбайнов к совершенно новому их поколению – узкозахватным комбайнам, которые стали основным элементом для перехода к комплексно-механизированным забоям (КМЗ), включающим кроме узкозахватного комбайна (струга) передвижной конвейер и механизированную передвижную крепь. Очистной механизированный комплекс позволял резко интенсифицировать процесс отбойки угля и обеспечивал кардинальное повышение безопасности горнорабочих очистного забоя. В это время СССР являлся лидером в изобретении, конструировании и проектировании узкозахватных комбайнов и механизированных крепей⁷. Лучшие советские инженеры занимались проблемами комплексной механизации производственных процессов в угледобыче.

На третий этап приходится самая плодотворная изобретательская деятельность Николая Васильевича Мельникова. В это время им были получены авторские свидетельства на способ взрывного дробления горных пород, вибратор, пневматический ударный механизм, шарошечное долото планетарно-эксцентрикового типа, инерционный вибратор, устройство для добычи полезных ископаемых скважинным способом и др. [19]. На уровне всесоюзных научно-образовательных и исследовательских центров Николай Васильевич продолжал участвовать в решении вопросов стратегического развития угольной промышленности. Уже после смерти Н. В. Мельникова в 1981 г. вышла его объемная работа «Горные инженеры» [12], в которой анализируется успех деятельности советской горной науки в лице ее лучших представителей. Данная книга стала важным вкладом в популяризацию горной науки, и сегодня она представляет значительный исследовательский интерес для представителей различных наук.

⁶ Уголь России: юбилейное издание к 70-летию со Дня шахтера и 295-летию с начала угледобычи в России / отв. ред. В. В. Рашевский. М.: Принтлето, 2017. С. 78.

⁷ Там же. С. 55.

Почти на протяжении всего третьего этапа в истории советской угольной промышленности СССР занимал Борис Федорович Братченко (1965–1985). Несмотря на высокую должность и дефицит времени, он продолжал вносить вклад и в развитие инженерной мысли. В период 1971–1975 гг. Б. Ф. Братченко много сделал для комплексной механизации угольных и сланцевых шахт, технического перевооружения, реконструкции и строительства заводов угольного машиностроения, положил начало созданию топливно-энергетических комплексов в Восточной Сибири (КАТЭК), Казахстане (Экибастузский ТЭК) и Якутии (Южно-Якутский ТЭК). За большие заслуги в развитии угольной промышленности Борис Федоровичу Братченко в 1982 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Даже на пенсии он на общественных началах продолжал заниматься популяризацией инженерного дела в рамках отраслевого журнала «Уголь» и вновь созданной Академии горных наук⁸.

На третьем этапе продолжались меры по внедрению принципиально новой технологии гидравлической добычи угля на шахтах страны. Ключевую роль в данном процессе по-прежнему играли Владимир Семенович Мучник и возглавляемый им ВНИИГидроуголь. В это время гидродобыча сформировалась как самостоятельное технологическое направление, благодаря которому заметно повысилась производительность труда (в 2,5 раза), снизились себестоимость (в 1,5 раза) и использование ресурсов. Одновременно повысилась степень извлечения угля из недр и улучшились условия труда шахтеров. При этом на шахте «Байдаевская-Северная» с хорошими выдержанными пластами средней мощности была достигнута небывалая для подземной добычи в стране производительность труда в 300 т в месяц на рабочего, что не уступало производительности труда на многих разрезах Кузбасса⁹.

В рамках рассматриваемого этапа ведущим способом добычи угля стал открытый. Многие ученые-инженеры работали над совершенствованием технологических процессов в этом направлении горного дела. Ведущим из них являлся Владимир Васильевич Ржевский, который развил плодотворную деятельность в стенах Московского горного института, ставшего в то время лидером среди вузов горного профиля. В. В. Ржевский стал основателем нового научного направления и научной школы, предметом изучения которых стали физические процессы горного производства при добыче твердых полезных ископаемых. Он также был инициатором применения математических методов и вычислительной техники в горном деле, организатором ряда новых горных специальностей в вузах СССР и зарубежных стран. Весьма инновационным решением для того времени можно считать его

инициативу о подводной добыче полезных ископаемых. Благодаря крупномасштабным исследованиям на шельфе многих морей были заложены научные основы подводной геотехнологии, морского горного дела [21, с. 335–337; 22, с. 217]. Немаловажно и то, что, пожалуй, никто за годы своей трудовой деятельности не подготовил для страны столько знаменитых горных инженеров, как В. В. Ржевский.

Важную роль в развитии угольной промышленности в 1970–1980-е гг. сыграл Михаил Иванович Щадов. С момента его перехода на комбинат «Востсибуголь» главным направлением его инженерной деятельности стала открытая угольная добыча. При непосредственном участии М. И. Щадова были спроектированы, построены и введены в эксплуатацию высокомеханизированные, оснащенные экскаваторами большой единичной мощности крупнейшие разрезы Восточной Сибири. Начиная с 1970-х гг. объединение «Востсибуголь» становится пробным полигоном, на котором испытывали отечественную горнодобывающую технику и новейшие технологии открытой системы разработки угольных месторождений. Использование новой техники позволило применять на разрезах экономически эффективную бестранспортную систему разработки, почти полностью устранявшую ручной труд. В результате разрезы Восточной Сибири имели производительность труда, сопоставимую с лучшими зарубежными компаниями, и самую низкую себестоимость добычи угля в СССР.

В течение 1977–1985 гг. М. И. Щадов последовательно прошел путь от заместителя до министра угольной промышленности СССР. На этих государственных постах он не только совершенствовал систему комплексного освоения углепромышленных территорий (например, создание региональных ТЭК), но и возглавлял крупные инновационные научно-исследовательские и конструкторские разработки, которые повышали эффективность использования отечественных природных ресурсов. М. И. Щадов внес огромный вклад в создание бестранспортных и транспортных (в том числе поточных) технологий с использованием как мощного, так и мобильного горного и транспортного оборудования: драглайнов, других одноковшовых и роторных экскаваторов, тяговых агрегатов, автосамосвалов, конвейеров. Им получены важные научные результаты в области обоснования технологических комплексов разработки сложноструктурных угольных и рудных месторождений, повышения качества и стоимости добытого полезного ископаемого [21, с. 336]. В 1984 г. за создание шагающих экскаваторов большой единичной мощности и внедрение на их основе бестранспортных систем разработки угольных месторождений в восточных районах страны Михаилу Ивановичу была присуждена Государственная премия СССР. Важный вклад внес он в решение вопросов

⁸ К 100-летию со дня рождения Бориса Федоровича Братченко – выдающегося горняка, министра угольной промышленности СССР в период 1965–1985 годы // Горная промышленность. 2012. № 3. С. 99–102.

⁹ Об ускорении научно-технического прогресса в СССР (1989 г.) // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 653. Оп. 1. Д. 58. Л. 42.

по созданию безопасных и здоровых условий труда шахтеров на угольных предприятиях отрасли¹⁰. Несмотря на колоссальную занятость, М. И. Щадов находил время для передачи своего опыта и знаний молодому поколению горняков, ведя преподавательскую деятельность на кафедре открытых горных работ в Московском горном университете.

В начале третьего этапа наиболее заметной фигурой из выдающихся горных инженеров оставался В. П. Романов. Он продолжал возглавлять организации, отвечавшие за угледобычу всего Кузбасса. При его непосредственном участии в бассейне продолжилось строительство новых шахт, разрезов и обогатительных фабрик. Их производство выделялось современными научно-техническими разработками, технологиями, механизацией и автоматизацией процессов, наличием новых комбайнов и комплексов. Большое внимание уделялось поиску интенсивных факторов роста производства. Например, Владимир Павлович предложил создать шахтлаборатории, чтобы вести на них поиск и исследование современных технологий и оборудования шахтного производства, с доведением разработок до уровня промышленных образцов, пригодных для практического использования. При нем в Кузбассе стали использовать прогрессивную форму организации труда – суточные комплексные бригады, что позволило инициировать движение «пятисоттысячников» и «миллионеров». Весьма актуальной и не до конца реализованной в то время была еще одна инициатива В. П. Романова – строительство мощных шахт производительностью по пять-шесть млн т [18; 19]. После ухода на персональную пенсию в 1978 г. Владимир Павлович возглавил Кемеровский филиал Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов Минуглепрома СССР, который стал кузницей кадров руководителей предприятий отрасли, в том числе и для зарубежных специалистов¹¹.

Как крупный теоретик и практик технико-технологической модернизации подземной угледобычи вошел в историю отечественной угольной промышленности Владлен Данилович Ялевский. Его первые инженерные достижения приходятся на рубеж 1950–1960-х гг., когда он сумел показать свои неординарные способности в области проектирования шахт. Однако в полном объеме его талант как горного инженера и организатора крупного производства раскрылся на третьем этапе развития угольной промышленности СССР. Первым ярким достижением в области увеличения угледобычи, механизации, снижения себестоимости и повышения производительности труда стало внедрение В. Д. Ялевским конвейерной системы на новокузнецкой шахте «Зырянская», а также внедрение здесь высокопроизводительных очистных комплексов. Все его проектные решения значительно

уменьшали техногенное воздействие на окружающую среду, прежде всего за счет экономии земельных отводов под горное производство [23, с. 106–107]. В 1978 г. В. Д. Ялевский стал генеральным директором производственного объединения «Южкузбассуголь» и благодаря всеобъемлющей интеллектуализации и использованию последних достижений науки в короткие сроки сумел сделать его ведущим в Кузбассе. Под его руководством осваивались новые технологии добычи угля, например развороты механизированных комплексов на 180 градусов, что обеспечивало бригадам возможность работать без разрыва очистного фронта и таким образом добиваться рекордной добычи угля. Ему во многом удалось развить и укрепить движение «бригад-миллионеров»¹² [8, с. 424]. С 1989 г. В. Д. Ялевский был главным научным сотрудником Института угля СО РАН, одновременно с 1994 г. он являлся директором института «Кузбассконверсуголь». Он разработал и внедрил в практику научную концепцию создания высокорентабельных угледобывающих предприятий. Созданная им система угольного производства модульного типа с одним очистным забоем и прилегающими к нему выработками сейчас успешно работает на шахте «Котинская» угольной компании «СУЭК-Кузбасс»¹³. В целом можно утверждать, что В. Д. Ялевский совершил техническую революцию на шахтах Кузбасса. Его опыт широко распространялся в стране, в том числе собственными учениками, например Ю. Н. Малышевым, который впоследствии стал академиком РАН.

Таким образом, третий этап стал кульминацией в развитии угольной промышленности СССР и РСФСР. Благодаря серьезному вкладу выдающихся горных инженеров, в 1988 г. отрасль, руководимая М. И. Щадовым, добилась рекордного результата в угледобыче за всю историю существования СССР – 771,8 млн т, в том числе и максимального уровня добычи в РСФСР – 425,4 млн т, из которых 159,2 млн т было добыто в Кузбассе¹⁴. Базовая отрасль народного хозяйства характеризовалась заметными качественными изменениями: в прошлое уходил ручной труд, повысилась безопасность производства, имела место достаточно высокая производительность труда и т. д. В некоторых областях советская инженерная мысль существенно опережала зарубежную [12, с. 230–231]. Вместе с тем стали проявляться и кризисные явления как в среде отраслевых НИИ и проектно-конструкторских институтов, так и в отрасли в целом. Так, на третьем этапе мы уже не встречаем выдающихся инженеров-конструкторов, которые бы имели уровень Н. А. Чинакала и Я. Я. Гуменника. Снижается и уровень инновационных идей, сравнимый, например, с революционной технологией гидродобычи 1930-х гг. или внедрением

¹⁰ Лебедев А. В. Огромный вклад М. И. Щадова в создание безопасных и здоровых условий труда шахтеров // Угольный Министр Советского Союза (к 80-летию Михаила Ивановича Щадова) / сост.-ред. И. Г. Таразанов, О. И. Глинина, И. М. Колобова. М.: Уголь, 2007. С. 106.

¹¹ Шахтерский маршал Владимир Павлович Романов: воспоминания / сост. Ю. П. Киселев, Р. С. Бикметов. Кемерово: Летопись. 2002. С. 26–27.

¹² Тотыш Ю. С. Директорский корпус Кузбасса: Ялевские. Семья шахтеров. Документальная повесть. Кемерово: ООРИФ «Весть», 2008. С. 115.

¹³ Там же. С. 203.

¹⁴ Уголь России: юбилейное издание к 70-летию со Дня шахтера ... С. 78.

узкозахватных комбайнов. Немаловажную роль в этом, на наш взгляд, сыграло заметное сокращение финансирования государством угольной промышленности в силу потери ее роли в топливно-энергетической политике [6, с. 103], что привело к урезанию бюджетных расходов на развитие отраслевой науки и снижению изобретательской активности¹⁵. Не менее важно и то, что на государственном уровне отсутствовала системная методологическая работа по стимулированию интеллектуально-инновационного потенциала горных инженеров, трудовой энтузиазм которых стал снижаться в силу экстенсивного характера развития экономики и усиливавшегося дефицита материальных стимулов научной деятельности.

Заключение

В целом вклад выдающихся горных инженеров в развитие угольной промышленности СССР и РСФСР был многогранен. Во многом благодаря их деятельности наша страна стала

великой угольной державой, создав конкурентоспособные шахты и разрезы. С именами выдающихся инженеров горного дела связано появление профильных научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов, научных школ, фундаментальных трудов и горнотехнических учебных заведений. Научный потенциал советских горных инженеров до сих пор используется в угольной промышленности России. Соответственно, выдающиеся горные инженеры – это гении инженерной мысли, чьи идеи в области горного дела оставались актуальными на протяжении последующих десятилетий. Анализ изученной проблемы позволяет утверждать о преобладании до рубежа 1970–1980-х гг. интенсивных факторов над экстенсивными в развитии угольной промышленности СССР. Это стало возможно прежде всего благодаря интеллектуально-инновационному вкладу выдающихся горных инженеров в прирост фундаментальных и прикладных знаний горного дела.

Литература

1. Твердов А. А., Иванов И. А. Проблемы, задачи и перспективы развития горного образования в России // Горный журнал. 2015. № 12. С. 80–83. DOI: 10.17580/gzh.2015.12.18
2. Плакиткин Ю. А., Плакиткина Л. С. Мировой инновационный проект «Индустрия-4.0» – возможности применения в угольной отрасли России. 1. Программа «Индустрия-4.0» – новые подходы и решения // Уголь. 2017. № 10. С. 44–51. DOI: 10.18796/0041-5790-2017-10-44-50
3. Коркина Т. А. Формирование и использование человеческого капитала предприятия как фактора инновационного развития // Региональная конкурентоспособность и образование в контексте глобальных вызовов: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. IV Уральского вернисажа науки и бизнеса. (Челябинск, 3 марта 2017 г.) Челябинск: Энциклопедия, 2017. С. 195–200.
4. Волков С. А. Повышение инновационной активности и результативности человеческого капитала угольной компании: дис. ... канд. экон. наук. Курск, 2019. 130 с.
5. Масилова М. Г. Старение персонала как кадровая проблема на предприятиях угольной промышленности // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 2. С. 251–254. DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0061
6. Заболотская К. А., Халиулина А. А., Карпенко З. Г., Мишенин С. Е., Бикметов Р. А., Киселев Ю. П., Некрасов Г. С., Теодорович Б. А., Кожинов О. В., Реховская Т. А., Кривошеева Е. А. Угольная промышленность Кузбасса, 1721–1996. Кемерово, 1997. 301 с.
7. История угледобычи в России / под общ. ред. Б. Ф. Братченко. М.: ПИК ВИНТИ, 2003. 479 с.
8. Дьяков Ю. И., Кузьмин А. Г., Коновалов А. Б., Паршуков А. Д. Угольный Кузбасс: страницы истории. Кемерово, 2005. 458 с.
9. Копытов А. И., Масаев Ю. А., Першин В. В. История развития горного дела. Новосибирск: Наука, 2009. 510 с.
10. Лидин Г. Д. Александр Александрович Скочинский. 1874–1960. М.: Наука, 1969. 232 с.
11. Курносов А. М., Розентрер Б. А. Лев Дмитриевич Шевяков. 1889–1963. М.: Наука, 1973. 223 с.
12. Мельников Н. В. Горные инженеры – выдающиеся деятели горной науки и техники. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1981. 271 с.
13. Малышев Ю. Н. Вклад академика Н. В. Мельникова в развитие угольной промышленности // Горная промышленность. 2009. № 1. С. 4–8.
14. Московский горный: 1918–1998 / под ред. Л. А. Пучкова. М.: Изд-во Моск. гос. горн. ун-та, 1998. 370 с.
15. Шадрунова И. В., Глухова А. Ю., Уразаева И. В. История горного дела. Магнитогорск: МГТУ им. Г. И. Носова, 2007. 207 с.
16. Дмитриев П. Н. История горной науки и техники. Развитие технологии и техники подземной добычи угля. СПб.: Свое изд-во, 2019. 140 с.
17. Сальникова Е. П. Николай Васильевич Мельников – имя в горной науке // История горного дела в России: XVIII–XX вв. / науч. ред. В. Н. Шайдунов. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2011. С. 148–154.
18. Раткина А. П. Николай Васильевич Мельников. 1909–1980. М.: Наука, 1986. 231 с.

¹⁵ Государственный проектно-конструкторский и научно-исследовательский институт по автоматизации угольной промышленности (Гипроуглеавтоматизация). Отчет о научно-технической и финансово-хозяйственной деятельности за 1991 г. // Российский государственный архив экономики. Ф. 801. Оп. 1. Д. 46. Л. 129–130.

19. Медведев В. А. Маршалы уходят в отставку: Владимир Павлович Романов (1915–2002) // Директорский корпус Кузбасса: Очерки современного написания / ред.-сост. В. С. Кладчихин. Новосибирск: Сибирское время, 2009. Т. 1. С. 425–427.
20. Шевкун Е. Б. История горного дела. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2015. 244 с.
21. Коваленко В. С. Вклад академика В. В. Ржевского в становление и развитие научной школы МГИ–МГТУ «Технологические системы открытых горных работ» // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2010. № S1. С. 329–338.
22. Томаков П. И. Становление и развитие московской школы горняков-открытчиков // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2000. № 9. С. 215–221.
23. Малышев Ю. Н. Памяти учителя, новатора, человека с большой буквы // Горная промышленность. 2016. № 2. С. 104–107.

original article

Contribution of Prominent Mining Engineers to the Development of Coal Industry in the USSR and RSFSR*

Igor S. Solovenko^{a, @, ID1}; Anatoly A. Rozhkov^{b, ID2}; Olga T. Loyko^{a, ID3}; Artem D. Veretennikov^{a, ID4}

^a National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

^b National University of Science and Technology MISiS, Russia, Moscow

@ solovenko71@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0003-4771-2235>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-4541-0922>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-4885-8925>

ID4 <https://orcid.org/0000-0003-4970-9603>

Received 29.05.2020. Accepted 06.08.2020.

Abstract: The research featured the contribution of prominent mining engineers to the development of the coal industry of the USSR and Russia. The research objective was to identify innovative results of the outstanding Soviet mining engineers and their influence on the intensification of all processes associated with coal mining. The methodological basis of the study was the theory of modernization. The authors compared scientific, technical, and socio-economic processes at different stages of development of the coal industry. Comparative-historical and problem-chronological research methods helped to reveal the causes and features of the competitive potential of Soviet world-class mining engineers, as well as to identify the origins of the crisis in mining science. The study contributed to a better understanding of the prominent mining engineer phenomenon, revealed its origins, and defined the most important contributions to the development of the coal industry of the USSR and Russia. The research will be of interest for historians of domestic coal industry. It is also valuable experience in formulating the development strategy of the fuel and energy complex. Intensive factors prevailed over extensive ones in the development of the USSR coal industry before the turn of the 1970s–1980s. This was made possible thanks to the intellectual and innovative contribution of prominent mining engineers to the development of fundamental and applied mining knowledge.

Keywords: mining, intelligence, innovation, intensification, mining equipment, Kuzbass

For citation: Solovenko I. S., Rozhkov A. A., Loyko O. T., Veretennikov A. D. Contribution of Outstanding Mining Engineers to the Development of Coal Industry in the USSR and RSFSR. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 688–700. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-688-700>

References

1. Tverdok A. A., Ivanov I. A. Problems, tasks, and prospects for the development of mining education in Russia. *Gornyi Zhurnal*, 2015, (12): 80–83. (In Russ.) DOI: 10.17580/gzh.2015.12.18
2. Plakitkin Yu. A., Plakitkina L. S. The Industry-4.0 global innovation project's potential for the coal industry of Russia. 1. Industry-4.0 program – new approaches and solutions. *Ugol'*, 2017, (10): 44–51. (In Russ.) DOI: 10.18796/0041-5790-2017-10-44-50

* The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-29-07350.

3. Korkina T. A. Formation and use human capital of the enterprise as factor of innovative development. *Regional competitiveness and education in the context of global challenges*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. IV Ural Opening Day of Science and Business, Chelyabinsk, March 3, 2017. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2017, 195–200. (In Russ.)
4. Volkov S. A. *Increasing innovation activity and the effectiveness of human capital of a coal company*. Cand. Econ. Sci. Diss. Kursk, 2019, 130. (In Russ.)
5. Masilova M. G. Aging of personnel as staffing problem at the coal industry enterprises. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2019, 8 (2), 251–254. (In Russ.) DOI: 10.26140/anie-2019-0802-0061
6. Zabolotskaya K. A., Khaliulina A. A., Karpenko Z. G., Mishenin S. E., Bikmetov R. A., Kiselev Yu. P., Nekrasov G. S., Teodorovich B. A., Kozhikhov O. V., Rekhovskaya T. A., Krivosheeva E. A. *Coal Industry of Kuzbass, 1721–1996*. Kemerovo, 1997, 301. (In Russ.)
7. *History of coal mining in Russia*, ed. Bratchenko B. F. Moscow: PIK VINITI, 2003, 479. (In Russ.)
8. Dyakov Yu. I., Kuzmin A. G., Konovalov A. B., Parshukov A. D. *Coal Kuzbass: pages of history*. Kemerovo, 2005, 458. (In Russ.)
9. Kopytov A. I., Masaev Yu. A., Pershin V. V. *History of the development of mining*. Novosibirsk: Nauka, 2009, 510. (In Russ.)
10. Lidin G. D. *Alexander Alexandrovich Skochinsky. 1874–1960*. Moscow: Nauka, 1969, 232. (In Russ.)
11. Kurnosov A. M., Rozentreter B. A. *Lev Dmitrievich Shevyakov. 1889–1963*. Moscow: Nauka, 1973, 223. (In Russ.)
12. Melnikov N. V. *Mining engineers are outstanding figures in mining science and technology*, 3rd ed. Moscow: Nauka, 1981, 271. (In Russ.)
13. Malyshev Yu. N. The contribution of Academician N. V. Melnikov to the development of the coal industry. *Russian Mining Industry*, 2009, (1): 4–8. (In Russ.)
14. *Moscow mining: 1918–1998*, ed. Puchkov L. A. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. gorn. un-ta, 1998, 370. (In Russ.)
15. Shadrunkova I. V., Glukhova A. Yu., Urazaeva I. V. *History of mining*. Magnitogorsk: MGTU im. G. I. Nosova, 2007, 207. (In Russ.)
16. Dmitriev P. N. *History of mining science and technology. Development of technology and techniques for underground coal mining*. St. Petersburg: Svoe izd-vo, 2019, 140. (In Russ.)
17. Salnikova E. P. Nikolai Vasilievich Melnikov's name in mining science. *History of mining in Russia: XVIII – XX centuries*, ed. Shaidurov V. N. St. Petersburg: Izd-vo Nevskogo in-ta iazyka i kultury, 2011, 148–154. (In Russ.)
18. Ratkina A. P. *Nikolay Vasilievich Melnikov. 1909–1980*. Moscow: Nauka, 1986, 231. (In Russ.)
19. Medvedev V. A. Marshals resign: Vladimir Pavlovich Romanov (1915–2002). *Kuzbass Directorship: Essays on Modern Writing*, ed. and comp. Kladchikhin V. S. Novosibirsk: Sibirskoe vremia, 2009, vol. 1, 425–427. (In Russ.)
20. Shevkun E. B. *History of mining*. Khabarovsk: Izd-vo Tikhookean. gos. un-ta, 2015, 244. (In Russ.)
21. Kovalenko V. S. The contribution made by V. V. Rzhnevskiy, member of the academy of sciences, to formation and development of the scientific school at MGI-MGGU "Technological systems of open pit mining works". *Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*, 2010, (S1): 329–338. (In Russ.)
22. Tomakov P. I. Formation and development of the Moscow school of open-miners. *Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal)*, 2000, (9): 215–221. (In Russ.)
23. Malyshev Yu. N. In memory of a teacher, innovator, and man with a capital M. *Russian Mining Industry*, 2016, (2): 104–107. (In Russ.)

Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом

Дмитрий А. Суровень^{a, @, ID}

^a Уральский государственный юридический университет, Россия, г. Екатеринбург

@ Yamato.ur@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Поступила в редакцию 31.03.2020. Принята к печати 08.06.2020.

Аннотация: Анализируются сведения японских источников о начале религиозно-политических преобразований периода раннего Ямато, произошедших в царствование государя Мимаки (известного под посмертным почетным именем Сūdзин, 324–331 гг. пр. [испр. хрон.]), в сравнении с результатами археологических исследований, дающих материалы для анализа процесса развития солярных культов при дворе династии Мива, связанных со становлением культа солнечного божества – покровителя правящей династии. Данные реформы были начаты после периода распада и бедствий, известного как «период восьми правителей», и воссоединения государства Ямато под властью государя Мимаки. Археологические материалы показывают, что различные солярные культы существовали уже на рубеже III–IV вв. Осуществление функций управления требовало для руководства сельскохозяйственными работами также знаний солнечного годичного цикла (в это время в Японии появляются признаки использования китайского календаря), для чего требовалось осуществление астрономических наблюдений. Род государя Дзимму считал своим главным богом солнечное божество Таками-мусуби, которому служила жрица-шаманка. Кроме того, существовали различные формы солярного культа у местных политических лидеров области Ямато, связанных со священной горой Мива. Около этой священной горы расположены и шесть древнейших курганов начального периода Ямато – самого государя Сūdзина и его сородичей. Царствование Мимаки ознаменовалось тем, что вместо прежних верховных жриц-правительниц III в. в начале IV в. в Ямато к власти пришли государи-мужчины в ситуации, когда сам правитель брал на себя жреческие функции и начинал отпирать культ божества – покровителя своего государства.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, солярные культы, гора Мива, верховные жрицы-правительницы, Бимиху, Июй, верховный жрец-правитель, О-моно-ниси, О-куни-дама

Для цитирования: Суровень Д. А. Религиозно-политические реформы государя Мимаки. Часть 1: Культ горы Мива и смена верховной жрицы-правительницы правителем – верховным жрецом // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 701–713. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-701-713>

Введение

В связи с формированием на рубеже III–IV вв.¹ [испр. хрон.]² монархической власти государей Ямато возникает **культ бога – покровителя правящей династии** (на основе синкретизма культов солнечных божеств). В результате чего в правление государя Мимаки (посмертное почетное имя Сūdзин, 324–331 гг. [испр. хрон.]³), когда в политической борьбе против общинной знати укрепилось положение правящей династии, и была проведена религиозно-политическая реформа, связанная с упорядочением культов нового образования и решением вопроса о храмовых хозяйствах – тогда начинает формироваться синкретический культ богини Солнца – покровительницы

(и родоначальницы) правящей династии, впоследствии получившей имя Аматаэрасу-омиками⁴. Р. Элвуд назвал произошедшие события «религиозным переворотом Сūdзина начала IV века», указав, что приход Сūdзина к власти представляет собой явный разрыв с прошлым: новые стили, новая идеология, даже новые религиозные верования становятся главными в жизни японского народа [13, р. 200] (см. [11, р. 23]). Так как данные события слабо исследованы, прежде всего, в российской и отчасти в западной исторической науке – необходимо внимательно проанализировать материалы японских источников, сопоставив их с имеющимися на данный момент результатами археологических исследований.

¹ См. [1, р. 116; 2, р. 3; 3, с. 54; 4, с. 31, 37; 5, с. 10; 6, с. 15; 7, с. 108, 109, 28, 65, 106]. Подробнее см. [8; 9].

² О хронологии см. [8–10].

³ О нем и хронологии см. [10; 11, р. 24–26].

⁴ 天照大御神 яп. Аматаэрасу-омиками (Великое августейшее божество, сияющее в небесах). См. [12, р. 81, 82].

Вступление на престол

По случаю восшествия на престол государя Мимаки (Сүдзина) и переезда его во дворец Мидзугаки был провозглашен указ правителя (яп. *микотонори*). В нем упоминались заслуги государевых предков⁵, особо подчеркивалось то, что власть Мимаки унаследована от пращуров, что он будет продолжать их дела, будет заботиться о «черноголовых» (о народе)⁶. Мимаки призывал всех знатных сановников (яп. *кэй* – сановную знать)⁷ и всех служилых людей⁸ объединить усилия в установлении мира и спокойствия в Поднебесной (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 4-й год пр., 10-я луна; Nihongi, V, 2–3).

Эта речь очень хорошо совпадает с предположением, что Мимаки пришел к власти после периода ожесточенной борьбы. Видимо, с последствиями этой борьбы связаны и несчастья, которые описаны в начале правления Мимаки: страну постиг мор (яп. *экибэ* – эпидемия⁹), от которой умерло около половины населения¹⁰; в стране бродяжничали люди (по причине неурожая и войны¹¹), и были мятежи¹², бунты и измены¹³ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 5-й – 6-й год пр.; Nihongi¹⁴, V, 3; см. также: Кодзики, св. 2-й, Сүдзин; Kojiki¹⁵, II, LXIV)¹⁶. Об этих же несчастьях говорится и в «Синсэн-сёдзи-року»: «... в царствование государя (сумэра-микото)

[посмертное почётное имя (яп. *окурина*) – Сүдзин], правившего территорией [государства] из дворца Мидзугаки-но мия в Сики, в Поднебесной были бедствия (яп. *магагато*¹⁷)»¹⁸ (Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й, [513] Каму-мия-бэ-но мия-цүко). В мирной стране, подвластной многие поколения династии спокойно сменявших друг друга правителей (как это подается в официальных хрониках), такого быть не могло. В «Кэмбриджской истории Японии» по поводу сведений о Сүдзине из древнеяпонских источников сказано: «Остается впечатление, что рождение монархического государства Ямато сопровождалось использованием военной силы» [1, р. 118].

По сообщению «Кодзики», постигшие страну несчастья расценивались как наказание *О-моно-нуси*, по «Нихон-сёки» – как наказание богов Небес и земли за то, что, во-первых, во дворце правителя в «Великом зале» осуществлялось поклонение (яп. *мацури*)¹⁹ богине солнца Аматэрасу и богу – покровителю территорий Ямато – Ямато-но *О-куни-дама*; во-вторых, не осуществлялось должным образом поклонение божеству *О-моно-нуси* (см.: [16, 頁118; 17, с. 26–27]) (чьей ипостасью считался *О-куни-дама*²⁰); в-третьих, происходило неправильное поклонение другим богам.

⁵ 「惟 我皇祖、諸天皇等。」 – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии «Кокуси-тайкэй» 国史大系). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. С. 158; «Вот, мои царственные предки, все государи [прежних времен]...» – Нихон-сёки: Анналы Японии. СПб.: Гиперион, 1997. Т. I. С. 207.

⁶ 黎元 яп. *рэй-гэн*, кит. *ли-юань* – благонамеренный люд; простой народ, массы; черноголовые, народ (Большой китайско-русский словарь (БКРС). М.: Наука, 1983. Т. III. С. 821; БКРС. Т. IV. С. 411). Ср.: Нихон-сёки, 1994. С. 207.

⁷ 卿 яп. *кэй*, кит. *цзин* – сущ. 1) сановник, вельможа... министр; уст. министры, правительство (БКРС. Т. II. С. 766); 卿 яп. *кэй* – в соч. знать (др.-яп.) (Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М.: Русск. яз., 1977, с. 121).

⁸ 百僚 др.-яп. *момо-но тукаса*, яп. *момо-но цүкаса* – досл. все (букв. сто) служилые люди (чиновники) (Нихон-сёки, 1957. С. 158); где 僚 др.-яп. *тукаса*, яп. *рё* / *цүкаса*, кит. *ляо* – 1) чиновник, служащий; 2) слуга, подчиненный, низший служащий (БКРС. Т. IV. С. 803; Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов... С. 85); 「其 羣卿百僚。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 158; где 羣 яп. *кэй*, кит. *цюнь* – сущ. 1) а) ...скопище (людей) ... в) перед сущ. – указывает на его собирательность и множественность; все... 4) * родня; родственник; прил. * послушный, смиренный... 羣臣 яп. *гун-син*, кит. *цюнь-чэнь* – министры; свита; подданные, слуги (БКРС. Т. II. С. 882, 883).

⁹ 疾疫 яп. *сицуэки*, кит. *цзэй* – мор, эпидемия (БКРС. Т. III. С. 675); см. (Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов... С. 407, 408).

¹⁰ В «Кодзики»: 「此天皇之御世 役(疫)病 多起、人民 爲 盡。」 «[В] царствование этого государя появилась во множестве эпидемия, народ умирал» – Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн дзэнсё» 日本古典全集). Токио 東京: Асахи симбун сякан 朝日新聞社, 1968. Т. II. С. 97; Кодзики 古事記 (из серии «Нихон котэн бунгаку дзэнсё» 日本古典文学全集). Токио 東京: Сёгаккан 小学館, 2001. С. 182, 183, прим. 6; где 役 疫 яп. *эки*, кит. *й* – эпидемия; мор; 疫病 яп. *экибэ*, кит. *йбэн* – 1) эпидемия... (БКРС. Т. III. С. 1056, 1057); 盡 яп. *дзин*, кит. *цзэнь* – гл. ... 3) * умирать (БКРС. Т. II. С. 297). Ср.: «В царствование этого государя приключалось много заразных хворей, и народ начал вымирать» – Кодзики: Записи о деяниях древности. СПб.: Шар, 1994. Т. II. С. 56.

¹¹ 流離 яп. *сасурау*, кит. *лю* 'ли' – 1) переселяться [по причине неурожая или войны]; 2) мыкаться по белу свету; стать бездомным... (БКРС. Т. IV. С. 525).

¹² 背叛 яп. *хайхан*, кит. *бэйпэн* – изменять, предавать; взбунтоваться; измена; изменнический, предательский (БКРС. Т. III. С. 191).

¹³ 「國內 多 疾疫。民 有 死亡者。且 大半矣。<...> 百姓 流離 或 有 背叛。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 158–159. См. [11, р. 29].

¹⁴ Цит. по: Nihongi: Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697 / tr. by W. G. Aston. London: Allen, 1956. Pt. I. 407 p.

¹⁵ Цит. по: Kojiki: Records of ancient matters / tr. by B. H. Chamberlain. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 1–428.

¹⁶ См. [14, с. 28; 15, 頁24; 7, с. 71; 13, р. 200; 1, р. 117].

¹⁷ Записано специальными иероглифами 災疫 (Синсэн-сёдзи-року, в 30-ти свитках 新撰姓氏録. 全三十卷 // Саэки Арикиё 佐伯 有清. «Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкё. Хомбун-хэн 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (Исследование «Синсэн-сёдзи-року». Основной текст). Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku.html> (дата обращения: 22.08.2018)) – видимо, сокр. вм. 災變 яп. *сай-хэн*, кит. *цзэй-бянь* – бедствие, катастрофа, напасть (БКРС. Т. III. С. 804); где 災變 яп. *магагато* (禍事) – бедствие, несчастье (Японско-русский словарь (ЯРС). М.: Русск. яз., 1984. С. 346); где 災 вм. 災 яп. *сай*, кит. *цзэй* – сущ. 1) стихийное бедствие (напр. неурожай, наводнение, голод, эпидемия, саранча); 2) беда; горе, несчастье, напасть (БКРС. Т. III. С. 799, 803).

¹⁸ 「山城国。神別。天神。神宮部造。... 磯城瑞籬宮ノ御宇【諡 崇神】。天皇ノ御世、天下 有 災。」 – Синсэн-сёдзи-року, в 3-х частях 新撰姓氏録 // Саэки Арикиё 佐伯 有清. «Синсэн-сёдзи-року»-но кэнкё. Хомбун-хэн 新撰姓氏録の研究 本文篇. Токио 東京: Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1962. С. 241; ср.: 「...磯(し)城(きの)瑞(みづ)籬(がきの)宮(みやに)御(あまのした)宇(しろしめし)【諡は崇神】天皇の御世に、天下に災おこりき。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 16-й. Режим доступа: <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/20syouji.htm> (дата обращения: 22.08.2018).

¹⁹ 祭 яп. *мацури* – 1) праздник, празднество; 2) заупокойная служба... синт. богослужение; яп. *мацуру* – 1) обожествлять; поклоняться; посвящать божеству; 2) служить панихиду (в годовщину смерти) (Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов... С. 431, 429).

²⁰ См.: Нихон-сёки, 1997. С. 144; [13, р. 201].

Культ солнца

Важность богини солнца Амата́расу-о́миками в японском пантеоне является всеобщее признанной. Исследователи полагают, солнце в ранней Японии считалось источником не только божественности, но и времени и места [12, р. 81]. Однако время, когда началось поклонение солнцу, установить трудно [12, р. 82]. Возможно, считают ученые, миф о богине солнца (позднее – Амата́расу) был получен от этнической группы, обитавшей в области к югу от реки Янцзы в Китае, в то время как культ Така́ми-мусу́би, другого божества, связанного с солнцем, был, возможно, получен от алтайских народов [12, р. 82]. Ученые полагают, что народ тунгусо-маньчжурской этнической группы пришел на Японский архипелаг, принеся с собой культ Така́ми-мусу́би [18, р. 161]. Таким образом, различные солнечные божества почитались в Японии переселенцами с континента, появившимися на Японских островах в середине I тыс. до н. э.

В связи с этим Рой Эндрю Миллер отметил возможность существования у предков древних японцев мировоззрения, основанного на направлении на *восток*, что связано с культом *восходящего солнца* [12, р. 86]. По мнению Р. Э. Миллера, японский язык сохранил лексическое свидетельство ранней системы ориентации, обращенной на *восток*, которая, наиболее вероятно, была подобна системе, известной среди самых ранних *тюркских* народов, связанных с культом восходящего солнца. Это лингвистическое свидетельство японского языка сохранено в малом этимологическом ряду, представленном японским словом *ниси* «запад» – что созвучно со словом языка островов Рюкю *ниси* «север». Эти два термина обозначения географических направлений вряд ли могут быть несвязанными формами. Различие в значениях между этими двумя примерами – изменение в системах ориентации в то время, когда носители языка перемещались на Японский архипелаг. Данные два слова *ниси* происходят от праалтайского **niŋ* «левый, [в направлении] на север» («левый» совпадает с понятием «север» только в системе ориентации, обращенной на восток) [12, р. 86].

Ова Ивао провел исследование мифа о сокрытии богини Амата́расу-о́миками в пещере. Для того чтобы выманить богиню из пещеры, боги выполняют обряд «выманивания» Амата́расу, который сопровождается некоторыми элементами оргиастического праздника. Амата́расу-о́миками из любопытства открывает камень, запирающий вход пещеры, чтобы видеть то, что происходит снаружи. Участники обряда держат зеркало, чтобы отразить ее сияние. Амата́расу-о́миками, обманутая такой уловкой, выходит полностью. Участники обряда перекрывают ей путь назад, и она вновь освещает Равнину Высоких Небес²¹. Ова Ивао приводит много примеров из истории древнего мира (включая Египет, индейцев центральной и южной Америки, а также апокрифических книг), чтобы объяснить общую для всех связь между пещерами и подобными пещере структурами (как символами

могилы и смерти) – и восходом солнца в период *зимнего солнцестояния* (как символом возрождения и восстановления). Пещеры или расщелины скал служат символами женских половых органов; и поэтому лучи солнца, падающие в отверстия пещер или расщелин, особенно при восходе солнца в *день зимнего солнцестояния*, выступают как символ полового акта, плодородия и возрождения. Другими словами, пещеры и доисторические погребальные камеры были местами, ассоциировавшимися сразу и со смертью, и с надеждой на восстановление, возрождение и, следовательно, плодородие. Миф о сокрытии Амата́расу в пещере содержит все эти элементы, даже оргию (связанную с обрядами обеспечения плодородия). Поэтому миф о сокрытии Амата́расу в пещере часто интерпретируется как символ затухания солнца до зимнего солнцестояния и роста его силы после зимнего солнцестояния, т. е. «смерти» и «восстановления» солнца [12, р. 82–83]. Древние люди знали, что солнце было источником жизни: мир без солнца был бы безжизненным. Они поклонялись Солнцу, чтобы молить о его «возрождении» после *зимнего солнцестояния*, вызвать возобновление роста и зерновых культур весной, увековечить «здесь-и-теперь» саму жизнь. Существовало и более раннее «двустороннее» мировоззрение, основанное на *восходе* солнца и его *закате* [12, р. 88–89].

Следует отметить, что в Европе введение металлургии меди и начало бронзового века было связано с ростом там культов поклонения солнцу. В захоронениях бронзового века в Европе тела умерших были положены обращенными на восток по направлению к восходящему солнцу. Возможно, такая ориентация тел была результатом развивающегося культа солнца в обществах, где возникала металлургия (см. [12, р. 83]). Обработка металлов пришла в Японию в период *яёй* (300 г. до н. э. – 300 г. н. э.). Поэтому существуют дополнительные основания для того, чтобы предполагать, что в данный период поклонение солнцу было уже широко распространено. Кроме того, наряду с обработкой металлов, поклонение солнцу появляется вместе с развитием земледелия [12, р. 84]. Таким образом, Ова Ивао доказывает существование в доисторической Японии культов поклонения солнцу, которые легли в основу культа Амата́расу. Ова Ивао полагает, что культ солнца существовал в определенной форме в Японии уже в период *яёй*, т. е. до периода *кофун* [12, р. 82, 83].

Появление земледелия повлекло за собой у людей и желание получать хорошие урожаи, для чего (чтобы регулировать цикл сельского хозяйства) нужно было **знать солнечный календарь**. Обладать знанием о самых долгих и самых коротких днях года – означало познать волю богов. В результате три географических направления у земледельцев становятся особенно важными: (1) истинный восток (направление восхода солнца в весеннем и осеннем *равноденствиях*) и направления восхода солнца при (2) зимнем и (3) летнем *солнцестояниях*. Эти три географических

²¹ См.: Кодзики, 1994. С. 55–57; Нихон-сёки, 1997. С. 135–138.

погребальным инвентарем в могильных курганах типа *дзэмп-кбэн-фун*. Зеркала датируются периодом от Ранней до Поздней Хань и периодами Вэй-Цзинь, т. е. приблизительно с 100 г. до н. э. до 550 г. н. э., часто намного более ранней даты, чем сами курганы, в которых они были обнаружены. Именно с конца III – начала IV в. методы изготовления форм для отливки зеркал в Японии достигли уровня, сопоставимого с такими же методами изготовления форм на континенте [12, р. 83]. И не является неправдоподобным идея о том, что изготовление бронзовых зеркал, связанное с культом солнца, началось здесь – у горы Мива в конце III – начале IV в., учитывая их появление как погребального инвентаря с середины четвертого столетия [12, р. 85]. Приблизительно с середины IV в. зеркала, произведенные внутри страны, начали заменять импортированные зеркала. Ова Ивао цитирует мысль Вацудзи Тэцуро о том, что поклонение солнцу, вероятно, достигло пика приблизительно в V в. [12, р. 83].

Вайда Манабу считает, что *объектом* культа, обряды которого проводились в течение нескольких столетий в государевом доме Ямато для божества – покровителя (*ками*) правящего рода, видимо, было само солнце. Солнцу, известному тогда, возможно, как *мужское божество* (солнечный бог) по имени Такаки (или Таками-мусуби) [а не Аматаэрасу], служила жрица-шаманка, которая исполняла обряды в солнечном культе как «жена солнца» [12, р. 82]. И действительно, из анализа материалов древнеяпонских источников становится ясно, что выходцы с острова Кюсю – предки правящего рода Ямато и их люди – изначально поклонялись, прежде всего, богу Таками-мусуби. По сведениям «Нихон-сёки», еще в походе, в год *цутиноз-ума* (55-й год цикла) [298 г. испр. хрон.], Дзимму организовал религиозный праздник, посвященный Таками-мусуби, на котором сам Дзимму исполнял жреческие функции²⁶ (Нихон-сёки, св. 3-й, Дзимму, год *цутиноз-ума*; Nihongi, III, 19).

Культы Мива

Кроме этого, существовали различные формы солярного культа у местных политических лидеров (см. [12, р. 82]). По завершению «Восточного похода» [в 300 г. испр. хрон.] в Центральной Японии государь Дзимму вступил в брак с женщиной из рода жриц бога *Кото-сиро-нуса* –

божества – покровителя территорий вокруг горы Унэби (округа Товоти), где располагалась резиденция Дзимму. Кото-сиро-нуса считался сыном главного бога – покровителя Центральной Японии – О-моно-нуса, чье святилище располагалось на горе Мива, именуемой в источниках также горой Миморо (яп. Миморо-яма – досл. гора Священной рощи)²⁷. Версия «Кодзика» особо подчеркивает священный брак *матери* второй жены первого правителя Ямато (т. е. тещи государя Дзимму) с божеством горы Мива. От этого «союза божества горы Мива с земной женщиной» был рожден сын, который стал основателем линии правителей (*ками*) Мива, проводившим ритуалы для божества горы Мива [1, р. 118]. Связывая смысл этих мифов с археологическими находками на горе Мива, Уэда Масааки и другие ученые пришли к выводу, что первые правители Ямато освящали и укрепляли свою власть, идентифицируя себя с уже существовавшим культом божества горы Мива [1, р. 118].

Материалы «Кудзи-хонки» показывают, что еще в начале царствования государя Дзимму [в 301 г. испр. хрон.] проявилась связь рода Ниги-хаяхи и его сына Умасимади (т. е. прежних властителей области Ямато) (предков клана Мононобэ-но *мурадзи*) с богом О-Мива-но *ками*: «Умасимади преподнес [государю Дзимму] небесные сокровища *мидзу-такара*, поставив священные щиты (*каму татэ*), совершил религиозные обряды очищения. Еще поставил (яп. *татта*) нынешние (т. е. новые – С. Д.) деревья (яп. *има ки*). Еще большое количество [букв. пятьдесят] гребней (яп. *куси*) воткнул, окружив кольцом (*саси-мэ-гураситэ*) (священный) меч *фуцунуси-но цуруги* (др.-яп. *путунуси-но туруги*), великому божеству²⁸, почитая [его], совершил религиозные обряды (*агамэ-мацурумасита*) внутри государева дворца (яп. *доно-но ути-ни*)»²⁹. Чуть выше названо имя этого великого божества – великий бог **О-Мива** (др.-яп. **Опо-Мива**) (Кудзи-хонки, св. 7-й [1], Дзимму, 1-й год пр., 1-я луна). Следует обратить внимание на тот факт, что названия святилища О-Мива-*дзиндзя* и рода О-Мива-*удзи* фактически записываются иероглифами «*о-ками-дзиндзя*» (досл. святилище **великого бога**) и «*о-ками-удзи*» (досл. род **великого бога**)³⁰. В разделе «Генеалогия рода Мононобэ» в «Кудзи-хонки» особо подчеркивается, что и при дворе Дзимму (жрецом Умасимади), и при дворе Суйдзэя (сыном Умасимади – Хико-юки), и при

²⁶ Nihongi, 1956, р. 122; а также: Ibid. р. 122, note 2, 3, 4, 5; Нихон-сёки, 1997. С. 185; [9, с. 189].

²⁷ См.: Нихон-сёки, 1997. С. 145.

²⁸ В издании «Кудзи-хонки» 1901 г. иероглифы 大神 *о-ками* «великое божество» отнесены к мечу *фуцунуси-но цуруги*: 「布都主劍ノ大神。」 (Кудзи-хонки 舊事本紀 // Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 // Кокусин-тайкэй 国史大系. Токио 東京: Кайдзай дзасси-ся 経済雑誌社, 1901. Т. 7. С. 319). В переводе на современный японский язык другая разбивка знаков – иероглифы 大神 *о-ками* «великое божество» отделены запятой от меча *фуцунуси-но цуруги* и отнесены к совершению обрядов внутри дворца: 「大神を宮殿の内に崇め祀りました。」 (Кудзи-хонки, в 10-ти свитках 舊事本紀. 全十巻 // Сэндай кудзи-хонки, св. 1-й – 10-й 先代舊事本紀. Режим доступа: [http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki07\(1\).files/mokujik.htm](http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki07(1).files/mokujik.htm) (дата обращения: 22.08.2020)).

²⁹ 「宇摩志麻治命 奉獻レ天瑞寶、乃 豎レ神楯以爲。亦 立レ今木。亦 五十櫛 刺繞レ於 布都主劍 大神、崇齋レ殿内…」 – Кудзи-хонки, 1901. С. 319; ср.: 「宇摩志麻治命は天の瑞寶を たてまつり神盾を たてて 斎き祀りました。また、新木 と たくさん櫛(櫛)を布都(ふつ)主(ぬし)劍(のつるぎ)のまわりに 刺し巡らして、大神を宮殿の内に崇め祀りました。」 – Кудзи-хонки, св. 7-й (1). Режим доступа: [http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki07\(1\).files/mokujik.htm](http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki07(1).files/mokujik.htm) (дата обращения: 22.08.2020).

³⁰ 大神神社 яп. О-Мива-*дзиндзя* – досл. Святилище великого бога; 大神姓(うぢ) яп. О-Мива-*удзи* – досл. Род великого бога. См.: (566) 大和国、神別、地祇、大神(オミワノ)朝臣 (Синсэн-сёдзи-року, св. 17-й, [566] О-Мива-но *асоми*) – Синсэн-сёдзи-року 新撰姓氏録 // Гунсё руйдзё: синкё 群書類従: 新校. Токио 東京: Найгай сёсэки 内外書籍, 1937. Т. 19. С. 473.

дворах других «восьми правителей» (внуками Умасимади и другими членами клана Умасимади) осуществлялось исполнение религиозных ритуалов (др.-яп. *матури*, совр.-яп. *мацури*) **великому богу**, т. е. О-Мива-но *ками*³¹ (Кўдзи-хонки, св. 5-й [5], 1-е – 6-е поколения).

Исследователи пришли к выводу, что, как это является истинным для появления ранних монархических государств в других частях мира, зарождение государственности Ямато в конце III в. н. э. было тесным образом связано с исполнением религиозных обрядов местным божествам (*ками*), что давало правителям Ямато и сакральные, и светские функции. Изучая мифы (которые постоянно изменялись и пересматривались до того, как в ныне существующей форме были записаны в начале VIII в.) и выясняя предназначение археологических объектов, раскопанных на соседствующих с резиденциями правителей культовых местах, историки стали определять формы взаимосвязи между властью ранних правителей Ямато и культом божества, что, как верили, пребывало на горе Мива [1, р. 116].

Гора Мива считалась в синтоизме одной из самых священных, а ее культ относится к числу наиболее древних: сама гора, а не символический заместитель божества (*синтай* – «тело божества») до сих пор считается сакральным объектом поклонения [19, с. 122–123] (см. [1, р. 116–117]). Древние легенды показывают, что гора Мива являлась священной горой, где поклонялись очень могущественному *локальному* божеству (яп. *ками*) [1, р. 116] – покровителю данной местности³², благополучие населения которой зависело от его благосклонности [6, с. 25, 26; 1, р. 116]. Следует обратить внимание на то, что одним из имен О-моно-нуси считался теоним «О-куни-тама» (др.-яп. Опо-куни-тама – досл. Великий дух страны)³³. Воображение веривших в него людей наделяло *куни-тама* горы Мива свойствами, которые делали это божество могущественным распорядителем самого их существования. От *куни-тама* зависело, будет ли светить солнце или польет дождь, вовремя ли взойдут посевы, будет ли богатый урожай или его погубит засуха, а то и разрушительный тайфун [6, с. 26]. Поэтому бог горы Мива получил имя О-моно-нуси-но *ками* (др.-яп. Опо-моно-нуси – досл. Великий хозяин [всех] вещей [всех духов-моно]³⁴)³⁵. А для того, чтобы не было засух, тайфунов, землетрясений, страшных эпидемий, уносящих множество жизней, *куни-тама* следовало должным образом почитать [6, с. 26].

Ками древности не нуждались в постоянных жилищах. Но с *ками* надо было общаться, чтобы испросить их покровительство. Для этого выбирались специальные

места, куда *ками* могли на время «снизойти». Это могла быть *вершина горы* или же отдельно стоящее дерево, а то и необычной формы скала или камень. Такие места обозначали веточкой вечнозеленого дерева *сакаки*, огораживали свитой из соломы веревкой (*симэнава*) [6, с. 25]. В святилище О-Мива-дзиндзя божество, которому здесь поклонялись, символизировала сама гора [6, с. 22]. Она считалась особо чистым местом, свободным от какой бы то ни было скверны. И люди, приходившие сюда, должны были быть чистыми душой и телом. Прежде чем вступить в священные пределы Мива, они совершали омовение в протекавшей неподалеку одноименной речке Мива. Только очистившись таким способом, они могли пройти к Мива [6, с. 25–26].

В 1971 г. ученые провели археологические исследования горы Мива и ее окрестностей. В результате (на самой горе и вокруг нее) они выкопали различные жертвенные вещи и религиозные символы [1, р. 117]. Научные обследования обнаружили в трех местах на склоне горы, как раз на линии, соединяющей расположенный у подножия горы молеальный зал святилища О-Мива-дзиндзя³⁶ с вершиной горы, нагромождения больших камней. Судя по остаткам ритуальных предметов вокруг, это были *ивакура* (досл. каменные сидения), соорудившиеся древними людьми для встречи божества [6, с. 26].

Обряд общения с *ками* состоял из его встречи, пиршества «вместе с ним» и проводов. Пиршество было самой важной частью обряда: считалось, что вкушая «вместе с божеством» принесенные ему в дар яства, люди приобщаются к *ками*, обретают его покровительство. Встреча с *ками* происходила глубокой ночью, что придавало обряду таинственный, мистический характер. После проводов божества использовавшиеся в ходе обряда ритуальные предметы либо сжигали, либо закапывали в землю. И только соломенная веревка *симэнава* напоминала людям о том, что перед ними место, куда «нисходит божество» [6, с. 25].

В ходе археологических исследований горы Мива и ее окрестностей в 1971 г. на самой горе и вокруг нее были найдены жертвенные вещи и религиозные символы, указывавшие на особые, тесные отношения самых первых государей с культом божества, пребывавшего на горе Мива, с которым связывались и сакральные, и светские функции правителей Ямато [1, р. 116]. Кроме того, археологи установили, что **древнейшие курганы начального периода** Ямато, т. е. рубежа III–IV вв. [19, с. 122] (шесть захоронений, построенных **между 250 и 350 гг.**) находятся именно

³¹ 「字摩志麻治命<...>大神 奉齋 殿内。<...>字摩志麻治命。此命、橿原宮御宇天皇ノ御世【神武】... 奉齋ノ大神。」– Кўдзи-хонки, 1901. С. 263, 265–270.

³² 國魂 яп. *куни-тама* – досл. дух кун [страны – территорияльной общины] – Нихон-сёки, 1957. С. 159.

³³ См.: Нихон-сёки, 1997. С. 144; [13, р. 201; 11, р. 29].

³⁴ Акима Тосио указывает, что древние японцы называли термином *моно* 物 или 鬼 («духи» или «злые духи») разные предметы, которые, как верили, были заряжены мистической энергией [20, р. 153].

³⁵ 大物主神 яп. О-моно-нуси-но *ками* – досл. Великий хозяин [всех] вещей – духов *моно* – Нихон-сёки, 1957. С. 46.

³⁶ См. фото О-Мива-дзиндзя в: Нара-кэн Сакураи-си О-мива-дзиндзя-но *сэсси* Мива-ни масу Химукай-дзиндзя, соно 1 奈良県桜井市 大神神社撰社 神坐日向神社 (みわにますひむかいじんじや) その1. Режим доступа: <http://www3.kcn.ne.jp/~mamama/nara/temple/miwa-himukai-shrine-01.htm> (дата обращения: 15.06.2015).

у подножия горы Мива [1, р. 116; 19, с. 122]. Причем первые **пять** из них являются могилами людей, живших в период **царствования Сūdзина**: (1) курган Хасихака в городе Сакураи (ок. 280 м длиной) – захоронение **дочери Кōрэя** (7-го государя в официальной генеалогии) – Ямато-тотохимо-мосо-бимэ, умершей во время правления Сūdзина³⁷; (2) курган Тоби Тяусу-яма в Сакураи (207 м) – предположительно, захоронение **старшего сына Кōгэна** (8-го) и сподвижника Сūdзина – знаменитого **Ō-бико** (др.-яп. Опо-пико)³⁸; (3) курган Мэсури-яма в Сакураи (240 м) – предположительно, захоронение **сына Ō-бико** – Такэнуна-кава-вакэ³⁹; (4) курган Андон-яма в Тэнри, теперь считающийся местом захоронения **Сūdзина** (Сūdзин-рѐ, 242 м) [21, р. 80]; (5) курган Ниситон-дзука в городе Тэнри (230 м) – предположительно, захоронение **дочери Сūdзина** (10-го государя) – Тоё-суки-ири-химэ⁴⁰ (или жены Кōгэна – Икага-сикомэ)⁴¹. (6) Шестой курган Сибутани Муко-яма является могилой **внука Сūdзина** – государя Кэйкō⁴² (Кэйкō-рѐ, 310 м) [1, р. 114; 21, р. 80]. Вряд ли подлежит сомнению, что подобная группа курганов была призвана обозначать идею некой преемственности власти [19, с. 123].

Хотя эти шесть курганов (рис.), подобно некоторым ранним захоронениям на холмах, имеют форму в виде замочной скважины, а также вертикальную каменную погребальную камеру, они обладают и другими чертами, которые позволяют нам ассоциировать эти сооружения с появлением государства Ямато. Во-первых, курганы чрезвычайно большие: каждый из шести по меньшей мере в два раза больше чем любой курган, найденный в Корее. Во-вторых, они построены друг за другом в районе Сйки. И в-третьих, в них помещены выразительные гробы, сделанные из расщепленного бамбука и сосны и окруженные большим количеством зеркал, оружия, орудий и украшений. Открытие ряда таких огромных курганных захоронений, построенных в одном и том же районе Сйки приблизительно между 250 и 350 гг., оставляет мало сомнений в том, что они были построены для следующих друг за другом правителей нового и расширявшегося монархического государства Ямато. Более ранние захоронения на холмах периода *яй* сооружались для глав федерации земледельческих общин, а данные более поздние курганы Ямато даже в самом начале периода Ямато предназначались для династии могущественных жрецов-правителей, которые стояли во главе населения большей части Японских островов [1, р. 114–115].

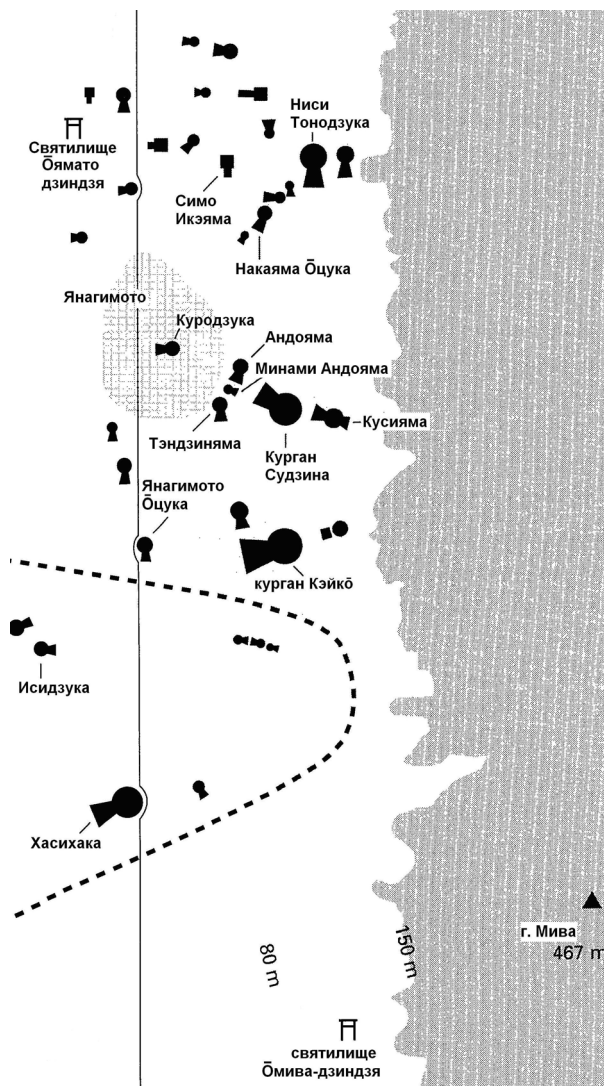

Рис. Курганная группа Ō-мива [21, р. 79]

Fig. Ō-miwa mounds [21, р. 79]

Примечательно, что именно на территории округа Сйки (позднее – уезд Верхний Сйки провинции Ямато) и находилась священная гора Мива⁴³ (Кūdзи-хонки, св. 4-й [2]). Именно сюда – в округ Сйки – государь Мимаки в начале своего царствования перенес свою резиденцию. Кроме того, гора Мива неоднократно фигурирует в «Кодзики» и «Нихон-сёки», а наиболее популярные предания, связанные с ней, относятся к правлению Сūdзина [19, с. 122–123; 21, р. 80].

³⁷ См.: Нихон-сёки, 1997. С. 202, 214; Кодзики, 1994. С. 48; [21, р. 80].

³⁸ Кофун то рѐсю – 1 古墳と陵主-1. Режим доступа: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYS01.htm> (дата доступа: 12.05. 2015).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² О нём см. [22–24].

⁴³ 「日本國ノ青垣ノ三諸山、則 大倭國ノ城上郡ニ 座 是 也。 <...> 此大三輪ノ大神。」 – Кūdзи-хонки, 1901. С. 235; ср.: 「日本(やまと)國の青垣の三諸山(みもろやま)に住み... 大倭國の城上郡(しきかみのこおり)に鎮座される神がこれです。... 三諸山(みもろやま)に... これが大三輪(おおみわ)の大神です。」 – Кūdзи-хонки, св. 4-й (2). Режим доступа: [http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki04\(2\).files/mokujik.htm](http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/kujihonki/KHonki04(2).files/mokujik.htm) (дата доступа: 22.08.2018).

Получив из археологических данных неоспоримое доказательство ранней связи между новым государством Ямато и древним культом божества, пребывающего на горе Мива, ученые смогли увидеть глубинные исторические слои в мифах, которые подтверждали священные узы между правителями Ямато и божеством горы Мива, особенно в мифах, касающихся времени царствования государя Сūdзина, что был похоронен в одном из шести могильных курганов округа Сйки у горы Мива [1, р. 117, 118; 21, р. 80].

Начало религиозно-политических реформ

Как можно судить по материалам древнеяпонских источников, с приходом к власти в 324 г. [испр. хрон.] государя Мимаки (посмертное почетное имя – Сūdзин) традиционная ситуация с отправлением культа божества горы Мива меняется. Начиная с его царствования «Кūdзи-хонки» перестает упоминать об исполнении потомками Умасимади обрядов великому богу О-Мива при дворе государя⁴⁴ (Кūdзи-хонки, св. 5-й [5], 6-е поколение). В «Нихон-сёки» сообщается, что «до этого... Ямато-но опо-куни-митама, "Душу великой страны Ямато", почитали ритуалами в великом государевом дворце. Вот устранился он (т. е. правитель Мимаки – С. Д.) мощи эт[ого] бог[а], вместе с ним... проживать было неспокойно. Тогда... обряды в честь Ямато-но опо-куни-митама – доверили Нунаки-но ири-бимэ-но микото»⁴⁵. То есть жрицей бога Ямато-но О-куни-тама была назначена вторая дочь государя Мимаки – Нунаки-но ири-бимэ. Она была дочерью Мимаки от его второй жены – О-ама-химэ (др.-яп. Опо-ама-пимэ), названной в «Кодзики» прародительницей клана Овари-но мурадзи (др.-яп. Вопари-но мурази)⁴⁶ (Кодзики, св. 2-й Сūdзин; Кūdзи-хонки, св. 5-й [3] «Генеалогия клана Овари», 7-е поколение). В «Нихон-сёки» о ней сказано: «младшая супруга (др.-яп. *пи*, *яп. хи*) Вопари-но Опо-ама-пимэ. В одном [толковании] сказано, [что она] дочь Опо-ама-но сūkунэ, [звали её] Я-сака-пуру Ама-иробэ»⁴⁷ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сūdзин, 1-й год пр.). По сведениям «Кūdзи-хонки», О-ама-химэ (ее другое имя – Кацураги-но Такана-химэ) была современной жрицей государей Кōсэ и Кōана⁴⁸ (Кūdзи-хонки, св. 5-й [3] «Генеалогия клана Овари», 7-е поколение).

Однако в тексте источника было сделано многозначительное пояснение: «у Нунаки-но ири-бимэ-но микото выпадали волосы, а тело ее совсем исхудало, так что служить

[божеству] она не могла»⁴⁹ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сūdзин, 6-й год пр.). По сообщению Икэда Дзиндзō, в кургане Хигаси Норикура в Тэнри, в погребальной камере, есть некая эпиграфическая надпись неизвестного происхождения, гласящая, что Нунаки-ири-бимэ-но микото умерла в 17-й день 3-й луны года *хиноэ-тора* (3-го года цикла) в возрасте 57 лет. Курган Хигаси Норикура в Тэнри считается могилой Нунаки-ири-бимэ-но микото⁵⁰. Год *хиноэ-тора* (3-го года цикла) в середине IV в. выпадает на 366 г. (см.: [25, с. 103]). Это означает, что она родилась в 309 г. [испр. хрон.]. Если Нунаки-ири-бимэ-но микото родилась в 309 г. [испр. хрон.], то в царствование государя Мимаки (324–331 гг. [испр. хрон.]) она была в возрасте от 15 до 22 лет. Зачем было нужно определять в жрицы заведомо немощную женщину? Видимо, ее назначение жрицей бога – покровителя территории (*кунитама*) – было неслучайным. Возможно, оно преследовало цель – не создавать в лице жрицы противовес государю – верховному жрецу божества *кунитама*.

О чем это говорит? О каких-то религиозно-политических изменениях, произошедших в царствование государя Мимаки. Зачем были нужны эти преобразования? Письменные источники и данные археологических раскопок дают однозначный ответ на данный вопрос: это связано с религиозным авторитетом и с политической властью. До этого, в III – начале IV в. н. э., функции верховных религиозных руководителей выполняли женщины – это правительница федерации общин Нюй-ван-го на Северном Кюсю по имени Бимику (яп. Химико), ее преемница – Июй (яп. Иё)⁵¹, а в Центральной Японии функции верховной жрицы главного культа Ямато («жены» верховного бога-покровителя О-моно-нуси, находившейся с ним в священном браке) в начале 20-х гг. IV в. [испр. хрон.] выполняла принцесса Ямато-тото-хи-момосо-бимэ (в «Кодзики»: Ямато-то-момосо-бимэ) – дочь правителя западной части федерации Ямато – государя Кōрэя. Ее устами вещал О-моно-нуси – бог горы Мива [6, с. 37] (см. [13, р. 200]) (Нихон-сёки, св. 4-й, Кōрэй, 2-й год пр.; Кодзики, св. 2-й, Кōрэй). Это были личности шаманского типа, влияние которых основывалось на их способностях передавать волю богов [13, р. 204].

Однако на рубеже III–IV вв., как считают исследователи, происходит важное изменение во властных структурах государства Ямато, а именно переход всей полноты

⁴⁴ См.: Кūdзи-хонки, 1901. С. 269 и след.

⁴⁵ Нихон-сёки, 1997. С. 207.

⁴⁶ 「尾張連之祖、意富阿麻比売」 – Кодзики, 2001. С. 180; Кодзики, 1994. С. 55; 「七世孫... 大海姫命... 此命、磯城瑞籬宮御宇天皇【崇神】立為^レ皇妃、誕生^レ一男二女。即、八坂入彦命。次、淳中城入姫命。」 – Кūdзи-хонки, 1901. С. 256–257.

⁴⁷ 「妃尾張大海媛。一云：大海宿禰ノ女 八坂振天某邊。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 158. В русском переводе допущена путаница, поэтому сведения толкования отнесены к предыдущей жене из области Ки. См.: Нихон-сёки, 1997. С. 206.

⁴⁸ 「七世孫... 此命、腋上池心宮御宇天皇御世【孝昭】為<...>妹、大海姫命。【亦名、葛木高名姫命。】」 – См.: Кūdзи-хонки, 1901. С. 256–257.

⁴⁹ Нихон-сёки, 1997. С. 207; [13, р. 201; 11, р. 29].

⁵⁰ 天理東乗鞍石室 (墓碑所在箇所等) 沼名木入比賣命/崇神女 (陵主名) 丙寅年、3月、17日、57 (没年月日薨年) 天理東乗鞍 (古墳名等) – Кофун то рёсю – 2 古墳と陵主-2. Режим доступа: <http://www11.ocn.ne.jp/~jin/RYOS2.htm> (дата обращения: 22.03.2015).

⁵¹ Подробнее о них см. [26; 27].

власти от личностей шаманского типа, которыми чаще всего были женщины, к правителю-мужчине (*δ-кими*) [13, р. 199]. Это косвенно подтверждается и сообщениями китайских источников. В «Лян-шу» (в разделе «Во-цзюань») после фразы об избрании в 247–248 гг. 13-летней девочки Июй (в тексте – Тайюй, яп. Тоё) на должность главы федерации Нюй-ван-го в Северном Кюсю сообщается: «После этого [правления] снова (кит. *фү* – вторично) установили (кит. *ли*) мужчину-государя (кит. *нань-ван*); и вместе с тем (кит. *бин*) [он] получил [из] Срединного государства титул (кит. *цзюэ*) [с] приказом о назначении на должность (или: жалованную грамоту, верительную бирку, скипетр – кит. *мин*)»⁵² (Лян-шу, св. 54-й, ле-чжуань, 48, *чжу-и*, Во). Получается, что после правления Июй в конце III в. на трон Нюй-ван-го был избран правитель-мужчина (когда – неизвестно, но после последнего известного по источникам посольства – от Июй в 266 г.).

Есть несколько иное истолкование данного сообщения. Японские исследователи обратили внимание на использование в тексте «Лян-шу» иероглифа *бин* (и вместе с тем), который истолковали в значении «парно, параллельно, вместе, наравне; оба, в равной степени, равно»⁵³ (яп. *нараби-ни*⁵⁴). В этом случае предлагается такое прочтение текста «Лян-шу»: «Снова (кит. *фү*) установили на трон дочь члена правящего рода (кит. *цзүн-ньюй*) [правительницы] Бимику [по имени] Тайюй (Июй), сделав ее государем (кит. *ван*). После этого снова (кит. *фү*) установили (кит. *ли*) мужчину-государя (кит. *нань-ван*); [который] наравне (кит. *бин* – одновременно) [с Июй] получил [из] Срединного государства титул (кит. *цзюэ*) [с] приказом о назначении на должность (или: жалованную грамоту, верительную бирку, скипетр – кит. *мин*)». Это истолковывается как то, что одновременно с правительницей Северного Кюсю Июй назначение на должность получил и мужчина – правитель Центральной Японии (Ямато). Исследователи предполагают, исходя из сведений «Кодзики» о годе смерти государя Мимаки (Сүдзина, в 318 г. н. э.) [11, р. 25, 26], что это мог быть отец государя Мимаки – локальный правитель Кайка⁵⁵ (9-й государь в официальной генеалогии). Это означало, что вместо прежних верховных жриц-правительниц в конце III в. к власти и на Кюсю, и в Центральной Японии пришли государи-мужчины. А в описываемую эпоху это было возможно лишь при условии, что сам правитель брал на себя жреческие функции, сам начинал отправлять культ

божества – покровителя своего государства [6, с. 37]. По сведениям источников, таким божеством-покровителем был бог, носивший имя «Великий дух – покровитель страны Ямато» (др.-яп. Ямато-но Опо-кунитама), который стал отождествляться с богом святилища О-Мива у подножия горы Мива – О-моно-ниси [13, р. 201]. «В одной книге сказано: ... Оно-моно-ниси-но *ками*... ещё зовётся Опо-кунитама-но *ками*...»⁵⁶ (Нихон-сёки, св. 1-й, <8.6>). Поэтому в «Нихон-сёки» и сообщается, что в первые годы своего царствования государь Мимаки «... [бога] Ямато-но Опо-кунитама... **почитал обрядами** в великом государевом дворце»⁵⁷ (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 6-й год пр.). Р. Элвуд подчеркивает, что территориальные божества – О-куни-тама или О-моно-ниси, или иногда просто Ямато-но *δками* [«Великий бог Ямато»] (это теонимы, которые в конечном счете были именами, обозначающими фактически синкретического бога – покровителя земель области Ямато) – стали чрезвычайно важными в царствование государя Мимаки (Сүдзина). Эти божества ассоциировались с вертикальной космологией – они сходили на гору Миморо и с нее поднимались на небеса [13, р. 204–205].

Но исследователи полагают, что дело не ограничилось только этим. Именно в описываемое время сложилось представление о том, что тело государя (*δ-кими*) является обителью духа божества (*митама*) горы Мива [6, с. 37]. Укоренению такого представления способствовали сложившиеся, очевидно, в этот период обряды, сопровождавшие воцарение *δ-кими*. В древний обряд «вкушения вместе с божеством плодов нового урожая» (яп. *ниинамэсай*)⁵⁸ вносились новые элементы, превратившие его в главный обряд, отправлявшийся при воцарении (см. [11, р. 28]). В частности, *δ-кими*, удалившись в специально выстроенное помещение, некоторое время проводил там, возлежа на циновке, накрытый одеялом. Считалось, что тогда-то в него и вселялся «божественный дух». Этот обряд под названием *дайдзёсай* сохранился до наших дней. Без него император не может считаться императором [17, с. 38]. Став обителью божественного духа, *δ-кими* узурпировал и жреческие функции культа божества – покровителя страны (*кунитама*) [17, с. 37]. Именно в разделах о правлении Мимаки (Сүдзина) в источниках появляются упоминания о проведении подобных обрядов самим государем.

⁵² 「復立卑彌呼ノ宗女 臺與爲王、其後復立男王、並受中國爵命。」– Лян-шу 梁書 (из серии «Эр ши сы ши цюань и» 二十四史全譯). Шанхай 上海: Хань-юй дацзюань чубаньшэ 漢語大詞典出版社, 2004. С. 730; цит. по: [28, 頁38]; где 爵 кит. *цзюэ* – сущ. ... 2) титул, ранг... гл. пожаловать титул; возвести в ранг (БКРС. Т. III. С. 31); 命 кит. *мин* – сущ. 1) приказ... повеление; 2) декрет, указ; мандат... приказ о назначении на должность; назначение; 受命 кит. *шоу мин* – принять назначение; 3) ... жалованная грамота; верительная бирка; скипетр (как знак достоинства) (БКРС. Т. II. С. 761).

⁵³ 並 кит. *бин* – наречие 1) парно, параллельно; рядом, вместе; наравне; 2) ...оба; [всё] в равной степени, равно... (БКРС. Т. II. С. 234).

⁵⁴ См.: Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов... С. 52.

⁵⁵ Тоё то нарандэ сяку-и-о укэта нан-ō 台と並んで爵位を受けた男王 // Сирё-сёса-но хохё-ни цуйтэ 史料操作の方法について. Режим доступа: <http://www2.odn.ne.jp/~cbe66980/Main/kusegakunoto-san-BBS.htm> (дата обращения: 29.03.2020). См. [11, р. 25–26].

⁵⁶ Нихон-сёки, 1997. С. 144.

⁵⁷ 「...倭大國魂...祭於天皇大殿之内。」– Нихон-сёки, 1957. С. 159. См.: Нихон-сёки, 1997. С. 207 [13, р. 200].

⁵⁸ 新嘗祭 яп. *ниинамэ-но мацури*, *ниинамэсай* – праздник вкушения вместе с божеством плодов нового урожая. См. [29, с. 115, 116–117].

Так, в «Нихон-сёки» сказано, что старые методы жреческой знати (путем объявления воли божества жрицей-шаманкой, входившей в священный транс, когда божество «входило» в ее тело) не имели должного эффекта (см. [13, р. 204]). Желая знать причины бедствий, Мимаки приказал предпринять гадание. «И вот некое божество, **вселившись в Ямато-тотопи-момосо-бимэ-но микото**, рекло...». Выяснилось, что это О-моно-нуси, который устами Ямато-тотопи-момо-со-бимэ дал распоряжения (см. [1 р. 117; 11, р. 29]). «Вот, услышав слова божества, в соответствии с наставлением этим совершили ритуалы. Однако **никаких знаков не последовало**»⁵⁹. Таким образом, подчеркивает Р. Эллууд, шаманский обряд, осуществлявшийся женщинами-шаманками (т. н. женский шаманизм), показал свою неэффективность [13, р. 204]. Служа мужскому божеству, Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ была неспособна дать правильные советы по исполнению культа и выполнению обрядов [13, р. 204]. «Тогда государь **сам совершил** ритуальное омовение, а потом ритуальное очищение дворца, **вознес молитвы**... В ту ночь во сне явился... **Опо-моно-нуси-но kami** и рек...»⁶⁰. В этом случае нужный эффект был достигнут (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин, 7-й год пр., 2-я луна). В «Кодзики» говорится: «В царствование этого государя приключалось много заразных хворей, и народ начал вымирать. Оттого государь печалился и вздыхал, и вот как-то ночью, когда он **возлежал на божественном ложе**, явился ему во сне **великий бог Опомононуси-но kami** и изрек...»⁶¹ (Кодзики, св. 2-й, Сүдзин). Способ исполнения культа путем одержимости божеством, который использовали женщины-шаманки, подобные Бимиху и Июю на Кюсю (в первой половине – середине III в.), а также Ямато-тото-хи-момо-со-бимэ в Кинай (на рубеже III–IV вв.), был дискредитирован и заменен способом получения откровения от божества при помощи вещей снов самого мужчины-государя [13, р. 199, 204; 11, р. 23, 26–27].

Хотя подобные сны-откровения упомянуты в разделе о Дзимму, они не имели тогда большого значения вплоть до царствования Мимаки (Сүдзина), для которого сны-откровения бога О-моно-нуси были заметно более подходящими, чем практика возгласения воли божества шаманками, находящимися в религиозном транс. Это связано с тем, что в данный период стало предполагаться духовное превосходство мужчин, проявлявшееся не только в том, что в снах-откровениях участвовало мужское божество, появлявшееся во снах главным образом спящих мужчин и указывавшее им, кого нужно использовать в качестве мужчин – жрецов данного бога, но также, видимо,

в описании более общих патриархальных черт. Хотя повсюду в «Нихон-сёки» и «Кодзики» *ками* говорят при посредстве женщин, находящихся в шаманском транс, а реже это происходило с мужчинами, тем не менее именно обычно мужчины являлись теми, кто получал сны-откровения. В отличие от неясных и иносказательных общений с богами шаманок в транс, речи О-моно-нуси во снах, обращенных к государю, кратки и ясны. Эти отличительные черты религиозной практики периода Сүдзина, вместе с чрезвычайно опасными обстоятельствами, при которых они возникли, безошибочно показывают что-то новое, упорно противодействовавшее тому, что было ранее. Это новое – божества (чаще мужские), говорящие во сне с правителем-мужчиной и требующие исполнения обрядов мужчинами-жрецами, что было полностью противоположным тому, что было до этого времени (божества, чаще женские, общающиеся через шаманок в религиозном транс (часто одновременно являвшихся правительницами), когда божество «овладевало» женщиной и адресовало свои пророчества государыне) [13, р. 205]. Изменения были настолько заметными и значительными, что Роберт Эллууд назвал их «религиозным переворотом (духовной революцией) Сүдзина» [13, р. 199] (см. [11, р. 32–34]). Мифолого-религиозный мир Бимиху, описанный в «Вэй-чжи», без сомнения, был отражением архаического аграрного общества периода *яэй*. Этот мир вскоре быстро был устранен и заменен, по крайней мере в сфере элиты, нововведениями начала периода *кофун* [13, р. 205; 11, р. 33].

Заключение

Таким образом, Мимаки присвоил себе функции верховного жреца страны Ямато. Кроме того, видимо, здесь имели место и экономические интересы – это была попытка прибрать к рукам доходы от священных хозяйств храмов О-моно-нуси. Реформы Мимаки вызвали большое недовольство в среде знати, решившейся в дальнейшем на открытые военные выступления против государя – это говорило о том, что были затронуты коренные (экономические) интересы аристократии. Возмущение старой жреческой знати, связанной с культом О-моно-нуси и контролирующей доходы священных хозяйств этого божества, в «Нихон-сёки» выразилось в том, что «некоторые же стали бунтовать»⁶². Этот натиск трудно было сдерживать одной лишь добродетелью. Поэтому государь, рано вставая, ложился запоздно и просил у богов Неба, богов Земли **простить** его»⁶³. А причиной этого в источнике как раз и названо то, что до этого⁶⁴ культ *кунитама* стал исполняться во дворце государя (Нихон-сёки, св. 5-й, Сүдзин,

⁵⁹ Нихон-сёки, 1997. С. 208; см. [13, р. 201].

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Кодзики, 1994. С. 56; см. [13, р. 201].

⁶² 「或有^レ背叛。」 – Нихон-сёки, 1957. С. 159.

⁶³ Нихон-сёки, 1997. С. 207.

⁶⁴ 「先是」 досл. перед этим – Нихон-сёки, 1957. С. 159.

6-й год пр.). Отличия этой ситуации от тех обрядов поклонения Ō-моно-нуси, которые ранее проводились при дворах прежних правителей начиная с Дзимму, заключались в том, что, во-первых, раньше это делали жрецы и жрицы из ста-

рых жреческих родов Ямато (каковыми были, например, потомки Ниги-хаяхи и Умасимади); а во-вторых, прежние государи не посягали на контроль над доходами храмовых хозяйств бога Ō-куни-нуси.

Литература

1. Egler D. G. The Cambridge history of Japan. Vol. I.: Ancient Japan. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1993. 602 p. DOI: <https://doi.org/10.1080/03612759.1994.9949110>
2. Kanzaki Ivan Hisao. San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation. Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002. 10 p.
3. 石井 好. 音響工学の観点からみた上代地名(伊都の丸地名)の伝播の研究 // 研究紀要 (東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 1999. 第36号. 頁49–64.
4. 石井 好. 上代地名伝播に関する数値実験: 東遷説の正当性 // 研究紀要 (東京都立航空工業高等専門学校電子工学科). 2000. 第37号. 頁27–38.
5. Арутюнов С. А. Дзимму-тэнно: мифический вымысел и историческая реконструкция // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ие, 1975. С. 9–12.
6. Светлов Г. Е. Путь богов: синто в истории Японии. М.: Мысль, 1985. 240 с.
7. Воробьев М. В. Древняя Япония: историко-археологический очерк. М.: Изд. вост. лит., 1958. 119 с.
8. Суровень Д. А. К вопросу о времени основания династии Ямато и царствования государя Дзимму // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. С. 136–220. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.3.14752
9. Суровень Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода *Каму-ямато-иварэ-бико* // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств / отв. ред. Е. Р. Кастель, Е. С. Соколова. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1998. С. 175–198.
10. Суровень Д. А. Проблема периода «восьми правителей» и развитие государства Ямато в царствование *Мимаки* (государя Судзина) // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 1999. № 13. С. 89–113.
11. Ellwood R. Patriarchal revolution in ancient Japan: Episodes from the *Nihonshoki Sūjin* chronicle // Journal of feminist studies in religion. 1986. Vol. 2. No 2. P. 23–37.
12. Palmer E. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese // Monumenta Nipponica. 1991. Vol. 46. № 1. P. 69–90.
13. Ellwood R. S. The Sujin religious revolution // Japanese journal of religious studies. 1990. Vol. 17. № 2-3. P. 199–217. DOI: 10.18874/jjrs.17.2-3.1990.199-217
14. Конрад Н. И. Древняя история Японии // Конрад Н. И. Избранные труды: история. М.: Наука, 1974. С. 11–74.
15. 石田 一浪. 神話と歴史. 東京: 新潮社, 1960. 54頁.
16. 三浦 洋人. はだか日本史. 東京: 彩光新社, 1958. 271頁.
17. Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации: история, религия, культура. М.: Искусство, 1994. 271 с.
18. Matsumae Takeshi. The myth of the descent of the heavenly grandson // Asian folklore studies. 1983. Vol. 42. № 2. P. 159–179. DOI: 10.2307/1178480
19. Мещеряков А. Н., Грачёв М. В. История древней Японии. СПб.: Гиперион, 2002. 512 с.
20. Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla // Japanese journal of religious studies. 1993. Vol. 20. № 2-3. P. 95–185.
21. Edwards W. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai // Monumenta Nipponica. 1999. Vol. 54. № 1. P. 75–110.
22. Суровень Д. А. Обстоятельства вступления на трон государя Ōтараси-хико в древнем Ямато // Мир Востока и Мир Запада: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. Междунар. науч. практ. конф. (Уфа, 25 апреля 2018 г.) Уфа: УГНТУ, 2018. С. 442–446.
23. Суровень Д. А. Экспансия государства Ямато в Южной Японии в конце 30-х годов IV века н. э. в правление Ōтараси-хико (государя Кэйко) // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории. Екатеринбург: УрГПУ, 2002. С. 180–196.
24. Суровень Д. А. Объезд Восточных территорий государем Ōтараси-хико и административно-территориальные реформы начала 40-х гг. IV в. в Ямато // Уральское востоковедение: Международный альманах. 2011. № 4. С. 10–39.
25. Цыбульский В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М.: Наука, 1987. 384 с.
26. Суровень Д. А. Возникновение раннерабладельческого государства в Японии (I век до н. э. – III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 1995. № 2. С. 150–175.

27. Суrowень Д. А. Ранняя форма государства и первые политические объединения в древней Японии // Проблемы истории общества, государства и права / гл. ред. А. С. Смыкалин. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. Вып. 6. С. 110–268.
28. 山尾 幸久. 日本古代王権形成史論. 東京: 岩波書店, 1983. 486, 15頁.
29. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика. М.: Наука, 1990. 206 с.

original article

Religious-political Reforms of Emperor Mimaki. Part 1: The Cult of Mount Miwa and the Change of the Supreme Priestess and Ruler with a Male Supreme Ruler and Priest

Dmitriy A. Surowen^{a, @, ID}^a Ural State Law University, Russia, Ekaterinburg

@ Yamato.ur@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5676-0859>

Received 31.03.2020. Accepted 08.06.2020.

Abstract: The present research featured a comparative analysis of 1) Japanese sources dating the early Yamato period about the religious and political transformations that happened under Emperor Mimaki, also known under the posthumous honourable name of Sūjin (324–331 CE) and 2) archaeological data on the solar cult of the Miwa dynasty. The reforms followed the period of disintegration and disasters known as "the period of eight rulers" and the reunion of the Yamato state under Emperor Mimaki. Archaeological evidence shows that various solar cults existed as early as the turn of the III–IV centuries. The ruler was supposed to manage agricultural works, which required knowledge of the solar year cycle and astronomical observations. In that period, Japan probably relied on Chinese calendar system. Emperor Jimmu's clan saw solar deity Takami-musubi as their patron, with a shamanic priestess as the head of the cult. In addition, the local political leaders of the Yamato region also exercised various forms of solar cults associated with the sacred Mount Miwa, which is surrounded with six ancient mounds dated the early Yamato period and belonging to Emperor Sūjin and his relatives. The supreme priestesses of Yamato were replaced by male rulers during the reign of Mimaki in the late III – early IV centuries. The ruler assumed the priory functions and conducted religious rites celebrating the divine patron of his state.

Keywords: ancient Japan, Yamato, solar cults, Mount Miwa, supreme priestess-rulers, Bimihu, Yiyü, supreme priest-ruler, Ō-mono-nushi, Ō-kuni-dama

For citation: Surowen D. A. Religious-political Reforms of Emperor Mimaki. Part 1: The Cult of Mount Miwa and the Change of the Supreme Priestess and Ruler with a Male Supreme Ruler and Priest. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 701–713. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-701-713>

References

1. Egler D. G. *The Cambridge history of Japan. Vol. I.: Ancient Japan*. Cambridge-N. Y.: Cambridge University Press, 1993, 602. DOI: <https://doi.org/10.1080/03612759.1994.9949110>
2. Kanzaki Ivan Hisao. *San kan seibatsu: The Yamato invasion of Korea and the origins of the Japanese nation*. Annapolis, Maryland: United States Naval Academy, 2002, 10.
3. Ishii Yoshimi. Study on the propagation of the Nara period place name (Ito no Maru place name) from the viewpoint of acoustic engineering. *Research bulletin (Department of Electronic Engineering, Tokyo Metropolitan College of Aeronautical Technology)*, 1999, (36): 49–64. (In Jap.)
4. Ishii Yoshimi. Numerical experiment on propagation of place names: legitimacy of the east transition theory. *Research Bulletin (Department of Electronic Engineering, Tokyo Metropolitan College of Aeronautics and Technology)*, 2000, (37): 27–38. (In Jap.)
5. Arutyunov S. A. Jimmu-tenno: mythical fiction and historical reconstruction. *Siberia, Central and East Asia in the Middle Ages*, ed. Larichev V. E. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-ye, 1975, 9–12. (In Russ.)
6. Svetlov G. E. *The way of the gods: Shinto in the history of Japan*. Moscow: Mysl, 1985, 240. (In Russ.)
7. Vorobiev M. V. *Ancient Japan: historical and archaeological essay*. Moscow: Izd. vost. lit., 1958, 119. (In Russ.)

8. Surowen D. A. To a question of chronology of the establishing of Yamato dynasty and reign sovereign Jimmu. *Genesis: Historical research*, 2015, (3): 136–220. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-868X.2015.3.14752
9. Surowen D. A. The Foundation of Yamato state and the problem of the Eastern campaign of Kamu-Yamato-Iware-biko. *Historical-legal studies of Russian and foreign states*, eds. Kastel E. R., Sokolova E. S. Ekaterinburg: Izd. UrGUA, 1998, 175–198. (In Russ.)
10. Surowen D. A. The Problem of the "Eight Rulers" Period and the development of the Yamato state in the reign of Mimaki (emperor Sūjin). *Izvestiia Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnyye nauki*, 1999, (13): 89–113. (In Russ.)
11. Ellwood R. Patriarchal revolution in ancient Japan: Episodes from the Nihonshoki Sūjin chronicle. *Journal of feminist studies in religion*, 1986, 2(2): 23–37.
12. Palmer E. Land of the Rising Sun. The predominant east-west axis among the early Japanese. *Monumenta Nipponica*, 1991, 46(1): 69–90.
13. Ellwood R. S. The Sujin religious revolution. *Japanese journal of religious studies*, 1990, 17(2-3): 199–217. DOI: 10.18874/jjrs.17.2-3.1990.199-217
14. Konrad N. I. Ancient history of Japan. *Selected Works: History*. Moscow: Nauka, 1974, 11–74. (In Russ.)
15. Ishida Ichirō. *Myths and history*. Tōkyō: Shinchōsha, 1960, 54. (In Jap.)
16. Miura Yōnin. *History of Japan*. Tōkyō: Saikō shinsha, 1958, 271. (In Jap.)
17. Svetlov G. E. *Cradle of Japanese civilization: history, religion, culture*. Moscow: Iskusstvo, 1994, 271. (In Russ.)
18. Matsumae Takeshi The myth of the descent of the heavenly grandson. *Asian folklore studies*, 1983, 42(2): 159–179. DOI: 10.2307/1178480
19. Meshcheriakov A. N., Grachev M. V. *History of ancient Japan*. St. Petersburg: Giperion, 2002, 512. (In Russ.)
20. Akima Toshio. The myth of the Goddess of the Undersea World and the Tale of Empress Jingū's subjugation of Silla. *Japanese journal of religious studies*, 1993, 20(2-3): 95–185.
21. Edwards W. Mirrors on Ancient Yamato: The Kurozuka kofun discovery and the question of Yamatai. *Monumenta Nipponica*, 1999, 54(1): 75–110.
22. Surowen D. A. Circumstances of puler Ōtarashi-hiko's enthronement in ancient Yamato. *World of the East and World of the West: Problems and prospects: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ufa, April 25, 2018*. Ufa: UGNTU, 2018, 442–446. (In Russ.)
23. Surowen D. A. Expansion of the Yamato state in Southern Japan during the late 330s in the reign of Ōtarashi-hiko (emperor Keiko). *Problems of domestic and foreign history, theory and methods of history teaching*. Ekaterinburg: UrGPU, 2002, 180–196. (In Russ.)
24. Surowen D. A. Detour of the Eastern territories by Ōtarashi-hiko and administrative-territorial reforms of the early 340s in Yamato. *Uralskoe vostokovedenie: Mezhdunarodnyi almanakh*, 2011, (4), 10–39. (In Russ.)
25. Tsybulskii V. V. *Lunar-solar calendar of East Asian countries*. Moscow: Nauka, 1987, 384. (In Russ.)
26. Surowen D. A. The emergence of the slave-owning state in Japan (I c. B.C. – III c. A.D.). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1995, (2): 150–175. (In Russ.)
27. Surowen D. A. Early form of state and early political associations in ancient Japan. *Problems of the history of society, state and law*, ed. Smykalin A. S. Ekaterinburg: UrGUU, 2019, iss. 6, 110–268. (In Russ.)
28. Yamao Yukihisa. *History of the formation of ancient Japanese kingship*. Tōkyō: Iwanami shoten, 1983, 486, 15. (In Jap.)
29. Sila-Novitskaia T. G. *Cult of the Emperor in Japan: myths, history, doctrines, politics*. Moscow: Nauka, 1990, 206. (In Russ.)

Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе

Роман О. Балабашук^{a, ID1}; Михаил С. Яницкий^{a, @, ID2}; Андрей В. Серый^{a, ID3}; Ольга А. Браун^{a, ID4}; Ольга В. Маслова^{b, ID5}; Анастасия В. Микляева^{c, ID6}; Владимир В. Терещенко^{d, ID7}; Игорь А. Филенко^{e, ID8}; Римма Д. Санжаева^{f, ID9}; Соелма Б. Дагбаева^{g, ID10}; Юлия Ю. Неяскина^{h, ID11}; Руслан В. Кадыров^{i, ID12}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

^b Российский университет дружбы народов, Россия, г. Москва

^c Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург

^d Смоленский государственный университет, Россия, г. Смоленск

^e Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

^f Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова, Россия, г. Улан-Удэ

^g Забайкальский государственный университет, Россия, г. Чита

^h Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, г. Петропавловск-Камчатский

ⁱ Тихоокеанский государственный медицинский университет, Россия, г. Владивосток

@ direktorspi@kemsu.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-2179-3401>

ID6 <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

ID7 <https://orcid.org/0000-0003-4189-3901>

ID8 <https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>

ID9 <https://orcid.org/0000-0001-6395-9938>

ID10 <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>

ID11 <https://orcid.org/0000-0003-3223-6512>

ID12 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Поступила в редакцию 27.08.2020. Принята к печати 17.09.2020.

Аннотация: В исследовании осуществлена верификация структурно-содержательной модели хронотопических характеристик образа мира студентов вуза, включающей субъективные пространственно-временные и ценностно-смысловые компоненты. На основании результатов эмпирического исследования, в котором приняло участие 450 студентов очной формы обучения из 10 городов Российской Федерации, дано феноменологическое описание образа мира студентов вузов, раскрыты особенности трансформации его пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих в процессе обучения. Показано, что студенты вузов обнаруживают в целом невысокий уровень развития и недостаточно прогрессивную динамику субъективных хронотопических характеристик образа мира, особенно проявляющуюся на этапе обучения в магистратуре: отсутствие поступательной динамики при формировании профессиональной, гражданской и мировоззренческой идентичности; отсутствие смысловой связанности между прошлым, настоящим и будущим; низкий общий уровень осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов; нарастание проявлений ценностной дезориентации, увеличение значимости низших материалистических ценностей. На основании полученных результатов сделан вывод о необходимости разработки и внедрения системы психолого-педагогической поддержки эффективного становления целостной системы хронотопических характеристик образа мира обучающихся. В данном контексте определены приоритетные направления психолого-педагогического сопровождения становления хронотопических характеристик образа мира студентов вуза: целенаправленное обеспечение условий эффективного становления идентичности, временной перспективы и системы ценностно-смысловых ориентаций личности обучающихся.

Ключевые слова: жизненный мир, хронотоп, время, пространство, ценностно-смысловая сфера, студенты

Для цитирования: Балабашук Р. О., Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Маслова О. В., Микляева А. В., Терещенко В. В., Филенко И. А., Санжаева Р. Д., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В. Трансформация пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих образа мира в процессе обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 714–726. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726>

Введение

Социальные изменения, характерные для постмодернистского общества, формируют новую реальность, в которой происходит жизнеосуществление человека, и тем

самым меняют его образ жизни и жизненный мир в целом. Объективное изменение жизненного мира человека закономерно сопровождается и трансформацией его субъективного образа. Особенно актуальной в этой связи является

проблема освоения новой социальной реальности молодым поколением [1] и, соответственно, изучение отражения этой реальности в сознании современной молодежи, изменения ее образа мира. От того, какой образ мира складывается в итоге у современной молодежи, зависит и формируемое последней реальное будущее нашего общества.

Согласно принятому в психологии личности пониманию, образ мира – это система представлений человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности, субъективная интерпретация человеком жизненного пространства, позволяющая ему ориентироваться в действительности [2]. С. Д. Смирнов определяет образ мира так же как систему ожиданий, связывая его с временным измерением [3]. Значит, образ мира человека, являющийся индивидуальным выражением его жизненного мира, имеет пространственно-временную организацию.

Поскольку жизненный мир человека в постнеклассической психологии рассматривается не только как внешняя среда или объективные условия жизни человека, но и как уникальное, и, по существу, внутреннее пространство, масштаб которого задается ценностно-смысловыми измерениями [4], то и образ мира дополняется сегодня аналогичными ценностно-смысловыми координатами. Так, в модели В. П. Серкина структура образа мира представлена как субъективными пространственно-временными характеристиками реальности, так и дополнительным квазиизмерением – значениями и смыслом отражаемых событий и явлений [5].

Содержательные характеристики образа мира традиционно описываются с использованием такого понятия, как хроно-топ [6–8]. Данный феномен рассматривается И. О. Логиновой в качестве пространственно-временного континуума, в котором живет человек, преодолевая пространство и время и последовательно овладевая им в процессе жизнеосуществления [9]. По мнению В. П. Зинченко, наряду с пространством и временем в хронотопе содержатся значащие, смысловые и ценностные аспекты сознания, которые он называет ценностно-смысловым измерением [10]. А. М. Медведев, К. В. Мартиросян и А. Ю. Хачатрян полагают, что аналогично жизненному миру и его индивидуальному образу хронотоп включает в себя и сверхчувственные, в частности смысловые характеристики, «отсоединившиеся» у человека от временного и пространственного измерений и занимающие у него ведущую роль [11].

Анализ этих и других психологических исследований позволил нам ранее описать образ мира студентов вуза как систему, представляющую собой совокупность взаимосвязанных пространственно-временных и ценностно-смысловых компонентов [12].

К *пространственным характеристикам* образа мира относятся круг общения и социальное окружение человека – группы членства, их участники и присутствие им социально-психологические особенности [13]. Эти особенности определяют психологическую «территорию» группы – групповое пространство, которое в свою очередь

характеризуется наличием своих смыслов и ценностей [14]. Мы полагаем, что в качестве наиболее общей и операционализируемой характеристики субъективного пространства человека можно рассматривать идентичность личности, представляющую собой упорядоченную иерархию суб-идентичностей в основных сферах жизнеосуществления.

Основной *временной характеристикой* образа мира является временная перспектива личности как многоаспектный феномен, характеризующийся множественностью временных перспектив, т. е. существованием отдельных перспектив прошлого и будущего, а также их связанностью с настоящим – темпоральной интеграцией [15]. В данном исследовании под временной перспективой личности понимается совокупность представлений человека о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам. В качестве временных характеристик рассматривается индивидуальное восприятие активности, эмоциональной окрашенности, наполненности времени и т. п. К подобным характеристикам можно отнести субъективно описываемую личную историю (нарратив) и образ личного и профессионального будущего студентов.

Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира в нашей модели выступают системы личностных ценностей и личностных смыслов, операционализируемые через такие параметры, как ценностные ориентации личности, их осознанность, внутреннее принятие и реализованность в жизни, общая осмысленность жизни и осмысленность ее отдельных временных локусов – прошлого, настоящего и будущего, определяющие актуальное смысловое состояние личности. При этом системы ценностных ориентаций и личностных смыслов рассматриваются в неразрывном единстве как метасистема ценностно-смысловых ориентаций личности [16], представляющая собой систему более высокого порядка, обеспечивающую общую регуляцию всего спектра жизнедеятельности человека.

В качестве модельной группы для изучения пространственно-временных и ценностно-смысловых характеристик образа мира могут рассматриваться студенты вузов как особая общность, характеризующаяся переходом из одной социальной ситуации развития в другую, проявляющимся в изменении социокультурной, а зачастую и физической среды, сложившегося образа жизни, социально-экономического статуса и т. д. Период обучения в вузе можно определить как особую кризисную ситуацию, связанную с изменением «формата взаимодействия» с пространством и временем собственной жизни и закладывающую основы формирования образа Я и образа мира в зрелом возрасте [17–19]. Исследование изменений, происходящих в сознании молодежи, посредством описания названных характеристик образа мира студентов в динамике позволит дополнить недостающие научные знания в этой сфере и предложить рекомендации по повышению эффективности психолого-педагогического сопровождения формирования образа мира студентов вузов.

Цель настоящего исследования заключалась в верификации предлагаемой модели пространственно-временных и ценностно-смысловых характеристик образа мира студентов, раскрытии их содержания и динамики в процессе обучения в вузе.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 450 студентов 1–6 курсов очной формы обучения вузов городов Владивосток, Кемерово, Москва, Петропавловск-Камчатский, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Смоленск, Томск, Улан-Удэ, Чита, представляющих собой однородную группу по характеру и режиму деятельности. Данная выборка сбалансирована по полу, возрасту и профилю обучения.

В организационном плане исследование представляет собой метод поперечных срезов, т. е. динамика анализируемых характеристик оценивалась путем их сравнения в группах студентов, находящихся на различных этапах обучения. Основными эмпирическими методами выступили опрос и комплекс диагностических методик. Опрос реализован с помощью самостоятельно разработанной анкеты, направленной на установление природно-географических характеристик места проживания, данных о часовом поясе и солнечном времени места проживания, пола, возраста и направленности обучения респондентов. Комплекс психодиагностических методик включал в себя опросник структуры идентичности, разработанный М. С. Яницким, А. В. Серым, О. А. Браун на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [20]; модифицированный графический тест «Круги» Т. Коттла [21]; методику «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [21]; адаптированную методику «Шкала полихронных ценностей» А. Блюдорна [21]; адаптированную методику «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье [21]; методику «Семантический дифференциал времени» (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой и К. Р. Червинской [22]; методику Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого [23]; тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева в концептуализации А. В. Серого [23].

Нормальность распределения данных проверялась по критериям Шапиро-Уилка и Колмогорова-Смирнова с коррекцией Лиллиефорса. Поскольку большинство изучаемых характеристик не имеют нормального распределения, для оценки достоверности групповых различий (в зависимости от количества сравниваемых выборок и численности групп) использовались Н-критерий Краскела-Уоллиса, U-критерий Манна-Уитни и ϕ^* -критерий Фишера.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с целью настоящего исследования нами проведен содержательный анализ выделенных в теоретической части работы хронологических характеристик образа мира студентов вуза и их динамики в процессе вузовского

обучения. Для этого приводится феноменологическое описание общих результатов по каждой характеристике как по всей исследуемой выборке, так и по отдельным курсам обучения.

Пространственные характеристики образа мира студентов вуза

К пространственным характеристикам студентов вузов в нашей модели отнесены, в частности, общая направленность обучения, формирующая профессиональный образ мира и, соответственно, профессиональные особенности образа мира в целом. Помимо осознания принадлежности к той или иной профессиональной общности, субъективное психологическое пространство личности определяется и значимостью для нее членства в других социальных группах и представляет собой более широкую социально-психологическую «территорию», которая может быть рассмотрена как система идентичности личности. Такая система, представляющая собой иерархию субидентичностей в основных сферах жизнеосуществления, изучалась с использованием опросника, разработанного нами на основе теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда [20]. Итоговая иерархия отдельных компонентов идентичности личности всей исследуемой группы и ее динамика в период обучения представлены в табл. 1.

Доминирующую позицию в иерархии образов Я студентов вуза занимает личностная идентичность – представление о себе как об уникальной личности. Все остальные компоненты идентичности, отражающие социальное и коммуникативное Я, имеют относительно более низкий ранг значимости. Наиболее приоритетными среди них оказываются семейно-ролевые и учебно-профессиональные основания идентичности. Следует отметить, что по результатам исследования, проведенного нами ранее на международной студенческой выборке, ведущие позиции в системе идентичности личности занимали те же самые компоненты, однако они явно демонстрировали иную относительную приоритетность – по своей значимости описанные образы Я представляли следующую иерархическую последовательность: сын / дочь; мужчина / женщина; уникальная личность; будущий профессионал; студент; муж / жена [20].

Идентичность личности трансформируется в процессе ее социализации, при этом подразумевается, что по мере ее осуществления должна возрастать значимость целенаправленно сконструированных компонентов идентичности, сформированных в результате осознанного подключения конкретных социализирующих агентов [24]. В нашем исследовании значимость рассматриваемых компонентов идентичности в период обучения в вузе, являющегося одним из наиболее важных для формирования личности, претерпевает определенные изменения. Так, к концу обучения все более отчетливо повышается приоритетность образа себя как уникальной личности, особенно ярко выраженная на этапе обучения в магистратуре. Закономерно, что в этот

Табл. 1. Результаты теста структуры идентичности в зависимости от курса обучения, средние ранги

Tab. 1. Identity structure test depending on the year of study, average ranks

Компоненты структуры идентичности	Все (n=449)	Курс обучения				
		1 (n=124)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Я как уникальная личность	4,2	4,1	4,5	4,1	4,1	2,9
Я как мужчина / женщина*	4,9	5,3	5,1	4,9	3,8	3,5
Я как сын / дочь	5,1	5,0	5,0	5,0	5,2	5,8
Я как (будущий) профессионал	5,6	6,3	5,5	5,1	5,1	5,5
Я как студент	6,1	6,1	5,8	6,4	6,2	6,3
Я как (будущий) муж / жена	7,0	7,8	6,8	6,7	6,4	6,6
Я как друг / подруга	7,1	6,8	6,8	7,7	7,8	7,1
Я как (будущий) отец / мать	8,4	8,6	8,1	8,9	8,1	8,3
Я как представитель молодежи	8,8	9,0	8,7	8,5	9,4	9,1
Я как гражданин своей страны	9,5	8,9	9,5	9,7	9,7	10,7
Я как представитель своего народа	9,5	9,0	9,7	9,6	9,6	9,4
Я как житель данного города	10,1	9,9	10,4	9,7	10,8	8,6
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i>	10,6	10,5	10,9	11,1	10,2	8,6
Я как член неформальной группы	11,5	11,5	11,3	11,5	12,4	10,8
Я как последователь своей религии	12,3	11,8	12,6	12,1	12,4	13,3
Другое	12,9	12,0	13,4	12,9	14,0	10,8

Прим.: * – различия между 1 и 5 курсами достоверны при $p < 0,01$.

период повышается ранг значимости таких компонентов идентичности, как *мужчина / женщина* и *муж / жена* при относительном понижении ранга образа *Я как сын / дочь*. Требуется отдельного изучения несколько неожиданное отсутствие какой-либо определенной динамики компонента идентичности *Я как профессионал*, а также относительное снижение значимости общегражданского и мировоззренческого (*Я как представитель вида Homo sapiens*) оснований идентичности.

Временные характеристики образа мира студентов вуза

К временным характеристикам образа мира студентов вуза можно отнести, в частности, связанность трех временных измерений (модусов времени) – прошлого, настоящего и будущего – и их субъективную приоритетность

(доминантность). Эти характеристики исследовались с использованием модифицированного графического теста «Круги» Т. Котла [21]. Результаты по данной методике представлены в табл. 2. По всей описываемой выборке подавляющее большинство студентов демонстрируют весьма низкую связанность своей временной перспективы – три четверти респондентов характеризуются отсутствием смысловой связанности между собственным прошлым, настоящим и будущим. Анализ связи отдельных временных модусов демонстрирует несколько большую связанность настоящего с будущим, чем с прошлым, и минимальную субъективную связь будущего и прошлого. Тем не менее по мере обучения в вузе связанность всех трех временных модусов между собой последовательно возрастает, исключением является относительное снижение данного показателя у студентов магистратуры, которое можно объяснить переходом в новую ситуацию развития, сопряженную в ряде случаев со сменой ранее выбранной образовательной траектории.

Для большинства студентов наиболее важное место во временном компоненте образа мира занимает их будущее, отчетливо доминирующее над другими модусами, собственное настоящее имеет относительно среднюю значимость, и наименьшую приоритетность обнаруживает модус прошлого. Данные результаты представляются вполне ожидаемыми и соответствуют ведущей смысловой направленности на будущее, свойственной периоду юности и ранней зрелости. Уровень доминантности модусов прошлого, настоящего и будущего в период обучения в вузе демонстрирует в целом волнообразный характер с тенденцией к относительному повышению значимости своего будущего при понижении значимости прошлого.

Еще одной операционализируемой характеристикой временного компонента образа мира являются его хронологические рамки или протяженность временной перспективы личности, исследуемая с использованием адаптированной методики «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна [21]. Как видно из приведенных в табл. 3–4 результатов, время наступления ближайшего будущего для студентов составляет чаще всего период в 1 год – такое представление свойственно четверти респондентов, при этом за период обучения доля указавших годичную перспективу относительно увеличивается, и на старших курсах достигает одной трети опрошенных. Среднесрочная перспектива для большинства студентов находится в интервале от 1 до 5 лет и практически не изменяется за время обучения. Долгосрочная перспектива для половины и более исследуемых находится в диапазоне 5–10 лет, однако обучающиеся в магистратуре здесь являются явным исключением – ровно половина из них определяет долгосрочную перспективу как интервал в 1–3 года, что, вероятно, связано с меньшей продолжительностью обучения по сравнению с бакалавриатом. Ближайшее прошлое чаще всего связывается периодом в 1 год и менее, относительно недавнее прошлое – с интервалом от 1 года до 3, который

Табл. 2. Результаты модифицированного графического теста «Круги» в зависимости от курса обучения, % респондентов
 Tab. 2. Modified graphic test "Circles" depending on the year of study, % of respondents

Модусы времени	Все (n=449)	Курс обучения				
		1 (n=124)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Связанность временной перспективы						
Прошлое – настоящее	0 – 74,9	0 – 86,4	0 – 70,4	0 – 71,1	0 – 66,0	0 – 79,2
	2 – 4,9	2 – 4,0	2 – 5,6	2 – 4,8	2 – 3,8	2 – 8,3
	4 – 16,3	4 – 6,4	4 – 21,6	4 – 19,3	4 – 20,8	4 – 12,5
	6 – 3,8	6 – 3,2	6 – 2,5	6 – 4,8	6 – 9,4	6 – 0,0
Настоящее – будущее	0 – 72,7	0 – 85,6	0 – 67,3	0 – 68,7	0 – 64,2	0 – 75,0
	2 – 5,1	2 – 4,8	2 – 5,6	2 – 6,0	2 – 3,8	2 – 4,2
	4 – 17,0	4 – 7,2	4 – 22,8	4 – 18,1	4 – 22,6	4 – 12,5
	6 – 5,1	6 – 2,4	6 – 4,3	6 – 7,2	6 – 9,4	6 – 8,3
Будущее – прошлое	0 – 85,7	0 – 90,4	0 – 88,3	0 – 81,9	0 – 75,5	0 – 79,2
	2 – 1,8	2 – 2,4	2 – 0,6	2 – 1,2	2 – 3,8	2 – 4,2
	4 – 7,8	4 – 4,8	4 – 8,6	4 – 9,6	4 – 9,4	4 – 8,3
	6 – 4,7	6 – 2,4	6 – 2,5	6 – 7,2	6 – 11,3	6 – 8,3
Доминантность модуса времени						
Прошлое	0 – 42,3	0 – 48,8	0 – 34,9	0 – 40,2	0 – 54,7	0 – 34,8
	2 – 49,0	2 – 44,8	2 – 49,3	2 – 56,1	2 – 39,6	2 – 65,2
	4 – 8,7	4 – 6,5	4 – 15,8	4 – 3,7	4 – 5,7	4 – 0,0
Настоящее	0 – 18,4	0 – 11,2	0 – 26,0	0 – 18,3	0 – 15,1	0 – 13,6
	2 – 70,8	2 – 79,2	2 – 61,7	2 – 69,5	2 – 77,4	2 – 72,7
	4 – 11,0	4 – 9,6	4 – 12,3	4 – 12,2	4 – 7,5	4 – 13,6
Будущее	0 – 9,2	0 – 7,2	0 – 8,6	0 – 9,6	0 – 13,2	0 – 13,6
	2 – 46,4	2 – 48,0	2 – 47,0	2 – 50,6	2 – 43,4	2 – 27,3
	4 – 44,1	4 – 44,8	4 – 44,4	4 – 39,8	4 – 43,4	4 – 59,1

Прим.: связанность временной перспективы: 0 – временные модусы не граничат друг с другом; 2 – граничат; 4 – пересекаются; 6 – включают друг друга; доминантность модуса времени: 0 – модус меньше других; 2 – модус меньше одного, но больше другого (средний); 4 – больше других.

указали более трети опрошенных, причем доля студентов, выбравших такой вариант, по мере обучения последовательно возрастает. Обращает на себя внимание, что среднесрочный интервал в ретроспективе несколько короче, чем перспективный, скорее всего, это отражает возрастные особенности респондентов и общее доминирование образа будущего в их восприятии времени. Отдаленное прошлое охватывает для более половины опрошенных ретроспективу в 5–10 лет, практически не увеличиваясь с возрастом. Некоторым исключением здесь вновь являются студенты магистратуры, относительно чаще демонстрирующие более короткую протяженность отдаленной ретроспективы.

Специфичность временных характеристик образа мира проявляется также в субъективной полихронности или же монокронности – предпочтении включаться в решение одновременно нескольких задач или же реализации одномоментно только какой-либо одной деятельности. Этот показатель оценивался при помощи адаптированной «Шкалы полихронных ценностей» А. Блюдорна [21]. Как видно из табл. 5, в нашем исследовании уровень полихронности в целом оказался несколько ниже, чем при стандартизации данной методики на общероссийской выборке, что явно противоречит существующим представлениям о большей

многозадачности поколения Z [25]. Данный показатель снижается по мере прохождения обучения в бакалавриате, вновь увеличиваясь у обучающихся в магистратуре, что, вероятно, отражает особенности организации и общей направленности обучения на этих уровнях образования.

Существенной характеристикой временного компонента образа мира является субъективное представление о ценности времени, которое в данном случае анализировалось с использованием адаптированной методики «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье [21], результаты по которой представлены в табл. 6. Отношение ко времени как значимой ценности в рассматриваемой нами группе несколько ниже, чем в общероссийской выборке, что может объясняться более молодым возрастом респондентов, объективно характеризующихся относительно большим временным ресурсом жизнеосуществления. Динамика данного показателя в зависимости от курса обучения имеет отчетливый параболический характер, достигая максимума в середине обучения и значительно снижаясь в период обучения в магистратуре, что, возможно, связано с уменьшением общего объема аудиторной нагрузки в учебном плане магистерских программ.

Табл. 3. Результаты методики «Индекс протяженности временной перспективы» в отношении своего будущего в зависимости от курса обучения, % респондентов

Tab. 3. "Index of time perspective" test (future) depending on the study year, % of respondents

Вариант ответа	Все (n=442)	Курс обучения				
		1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Ближайшее будущее						
1 день	2,26	2,56	1,83	2,41	1,85	4,17
1 неделя	10,18	10,26	12,80	7,23	9,26	4,17
2 недели	5,43	1,71	4,88	13,25	3,70	4,17
1 месяц	17,19	11,97	21,34	14,46	16,67	25,00
3 месяца	10,63	11,97	9,76	12,05	7,41	12,50
6 месяцев	7,47	11,97	4,88	7,23	7,41	4,17
9 месяцев	1,36	3,42	0,61	–	1,85	–
1 год	23,98	21,37	25,00	18,07	31,48	33,33
3 года	10,18	9,40	9,76	13,25	11,11	4,17
5 лет	9,50	11,97	8,54	9,64	7,41	8,33
10 лет	1,13	2,56	0,61	–	1,85	–
15 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
20 лет	0,23	0,85	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
Будущее в среднесрочной перспективе						
1 день	1,13	0,85	1,22	1,20	1,92	–
1 неделя	1,36	1,71	1,22	1,20	1,92	–
2 недели	3,85	4,27	3,66	3,61	5,77	–
1 месяц	6,79	6,84	7,32	6,02	5,77	8,33
3 месяца	9,50	10,26	9,76	8,43	5,77	16,67
6 месяцев	12,22	10,26	14,63	14,46	1,92	12,50
9 месяцев	2,49	0,85	2,44	2,41	5,77	4,17
1 год	18,79	19,66	18,29	19,28	19,23	16,67
3 года	19,68	20,51	20,12	15,66	26,92	12,50
5 лет	15,84	14,53	16,46	16,87	13,46	20,83
10 лет	5,43	6,84	3,66	6,02	7,69	4,17
15 лет	2,71	3,42	1,22	4,82	1,92	4,17
20 лет	0,23	–	–	–	1,92	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
Долгосрочное будущее						
1 день	0,45	–	0,61	1,20	–	–
1 неделя	0,23	–	0,61	–	–	–
2 недели	0,45	–	–	1,20	1,85	–
1 месяц	1,58	2,56	1,83	1,20	0,00	–
3 месяца	2,04	1,71	1,83	3,61	1,85	–
6 месяцев	2,04	2,56	1,22	1,20	3,70	4,17
9 месяцев	0,45	–	0,61	1,20	–	–
1 год	10,41	9,40	10,98	8,43	7,41	25,00
3 года	15,16	17,09	10,98	20,48	11,11	25,00
5 лет	22,62	20,51	26,22	19,28	25,93	12,50
10 лет	26,02	23,93	29,88	24,10	29,63	8,33
15 лет	6,79	8,55	6,71	3,61	5,55	12,50
20 лет	7,69	10,26	4,88	9,64	9,26	4,17
25 лет	1,58	0,85	1,22	3,61	1,85	–
Более 25 лет	2,49	2,56	2,44	1,20	1,85	8,33

Табл. 4. Результаты методики «Индекс протяженности временной перспективы» в отношении своего прошлого в зависимости от курса обучения, % респондентов

Tab. 4. "Index of time perspective" test (past) depending on the study year, % of respondents

Вариант ответа	Все (n=442)	Курс обучения				
		1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Ближайшее прошлое						
1 день	3,39	3,42	3,66	3,61	3,70	–
1 неделя	9,50	10,26	8,54	9,64	9,26	12,50
2 недели	6,33	4,27	6,71	10,84	3,70	4,17
1 месяц	14,25	13,68	14,63	15,66	12,96	12,50
3 месяца	10,86	10,26	14,63	9,64	5,55	4,17
6 месяцев	10,86	8,55	9,15	13,25	14,81	16,67
9 месяцев	3,85	4,27	3,66	3,61	3,70	4,17
1 год	25,34	34,19	21,34	20,48	27,78	20,83
3 года	10,86	8,55	12,20	7,23	14,81	16,67
5 лет	3,17	2,56	3,05	4,82	1,85	4,17
10 лет	1,13	–	1,83	–	1,85	4,17
15 лет	0,23	–	–	1,20	–	–
20 лет	–	–	–	–	–	–
25 лет	–	–	–	–	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
Относительно недавнее прошлое						
1 день	1,81	2,56	0,61	4,88	–	–
1 неделя	4,52	5,98	5,49	1,22	3,70	4,17
2 недели	8,60	5,98	10,98	6,10	5,55	20,83
1 месяц	13,57	15,38	14,63	9,76	14,81	8,33
3 месяца	15,61	17,95	15,85	15,85	14,81	4,17
6 месяцев	10,41	11,97	8,54	14,63	7,41	8,33
9 месяцев	3,62	4,27	4,27	1,22	3,70	4,17
1 год	18,79	12,82	19,51	18,29	25,93	29,17
3 года	15,38	15,38	12,80	20,73	16,67	12,50
5 лет	6,33	6,84	6,71	3,66	7,41	8,33
10 лет	0,68	0,85	–	2,44	–	–
15 лет	–	–	–	–	–	–
20 лет	–	–	–	–	–	–
25 лет	0,23	–	–	1,22	–	–
Более 25 лет	–	–	–	–	–	–
Отдаленное прошлое						
1 день	0,45	0,85	–	–	1,85	–
1 неделя	0,68	1,71	–	–	–	4,17
2 недели	0,68	–	–	3,61	–	–
1 месяц	1,36	1,71	1,23	1,20	1,85	–
3 месяца	2,04	1,71	0,61	2,41	5,55	4,17
6 месяцев	2,71	2,56	3,68	2,41	–	4,17
9 месяцев	0,90	0,85	1,23	1,20	–	–
1 год	11,99	13,68	10,43	15,66	7,41	12,50
3 года	17,87	18,80	17,79	15,66	18,52	20,83
5 лет	29,41	25,64	30,67	32,53	29,63	29,17
10 лет	22,17	23,08	25,77	16,87	22,22	12,50
15 лет	6,56	4,27	6,75	6,02	9,26	12,50
20 лет	1,58	1,71	1,84	–	3,70	–
25 лет	1,13	2,56	–	2,41	–	–
Более 25 лет	0,23	0,85	–	–	–	–

Табл. 5. Результаты методики «Шкала полихронных ценностей» в зависимости от курса обучения, баллы
 Tab. 5. "Scale of polychronic values" test depending on the study year, points

Шкала теста		Все (n=441)	Курс обучения				
			1 (n=117)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=53)	5, 6 (n=24)
Полихронность*	M	2,92	3,03	2,98	2,87	2,55	2,98
	σ	0,92	0,90	0,93	0,87	0,87	1,12
Монохронность	M	3,55	3,55	3,48	3,66	3,52	3,73
	σ	0,83	0,76	0,87	0,89	0,71	0,85

Прим.: * – различия между 1 и 4 курсами достоверны при $p=0,02$.

Важной характеристикой образа мира является субъективное восприятие прошлого, настоящего и будущего. С учетом направленности и результатов других, ранее приведенных тестов для изучения представления о времени в семантическом пространстве студентов вузов нами анализировались результаты по факторам активности и эмоциональной окраски времени методики «Семантический дифференциал времени» Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой и К. Р. Червинской [22], представленные в табл. 7. Значения как активности, так и эмоциональной окраски времени в описываемой группе в континууме *прошлое – настоящее – будущее* последовательно возрастают, что отражает оптимистические ожидания и высокий уровень мотивации деятельности и жизнеосуществления в целом у большинства респондентов. Динамика выраженности различных метафорических образов времени в процессе обучения в вузе в большинстве случаев проявляется слабо, демонстрируя общую тенденцию умеренного роста ощущения насыщенности времени и субъективной удовлетворенности оцениваемым временем в бакалавриате и последующее относительное снижение этих показателей в период магистратуры, что может соответствовать переживанию нормативного для этого этапа кризиса профессионального и личного самоопределения. Описанной закономерности соответствует рост у студентов магистратуры представлений о тревожности как важной характеристики образов собственного прошлого, настоящего и будущего одновременно.

Табл. 6. Результаты по методике «Шкала ценности времени как экономического ресурса» в зависимости от курса обучения, баллы

Tab. 6. "Time value scale as an economic resource" test depending on the study year, points

Ценность времени	Все (n=444)	Курс обучения				
		1 (n=119)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5,6 (n=24)
M	4,24	4,16	4,24	4,39	4,33	4,00
σ	0,74	0,72	0,71	0,73	0,79	0,77

Общий средний балл активности образа настоящего по всей выборке составляет 4,1 балла; активность будущего несколько выше – 4,5; наименее активным воспринимается прошлое – 3,96. При этом показатели активности всех трех временных модусов соответствуют пониженному уровню в сравнении с показателями нормативной выборки. Похожая ситуация наблюдается и в характеристике эмоциональной окраски времени: прошлое – 4,2; настоящее 4,34; будущее – 4,84. Однако здесь баллы оценки прошлого и настоящего достигают повышенного уровня, а будущего – только пониженного. Таким образом, для студентов характерна относительно низкая оценка активности времени и несколько более выраженное восприятие его эмоциональности.

Табл. 7. Результаты по методике «Семантический дифференциал времени» в зависимости от курса обучения, баллы
 Tab. 7. "Semantic time differential" test depending on the study year, points

Характеристика времени	Все (n=447)	Курс обучения				
		1 (n=122)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Настоящее						
Активное	4,5	4,6	4,5	4,4	4,6	4,0
Напряженное*	3,9	3,5	4,3	3,9	3,9	4,0
Радостное	4,4	4,5	4,2	4,4	4,7	4,2
Стремительное	4,5	4,6	4,5	4,4	4,7	4,2
Плотное	4,5	4,4	4,6	4,3	4,6	4,2
Яркое	4,5	4,6	4,4	4,4	4,7	4,4
Тревожное**	3,7	3,4	4,2	3,6	3,4	4,0
Цветное	4,6	4,7	4,5	4,5	4,8	4,5
Постоянное	3,1	2,9	3,2	3,3	3,4	2,8
Светлое***	4,5	4,5	4,6	4,5	4,9	4,0

Характеристика времени	Все (n=447)	Курс обучения				
		1 (n=122)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Прошлое						
Активное	4,2	4,3	4,2	4,2	4,4	4,3
Напряженное	3,8	4,1	3,6	3,9	4,0	4,1
Радостное	4,2	4,2	4,3	4,4	4,2	4,0
Стремительное	4,2	4,1	4,3	4,1	4,4	3,9
Плотное	4,2	4,1	4,3	4,3	4,3	4,4
Яркое	4,4	4,4	4,5	4,3	4,6	4,2
Тревожное	3,8	3,8	3,7	3,6	4,1	4,3
Цветное	4,4	4,4	4,4	4,3	4,5	4,1
Постоянное	3,4	3,3	3,5	3,5	3,3	2,8
Светлое	4,2	4,2	4,2	4,3	4,2	4,0
Будущее						
Активное	5,4	5,5	5,3	5,4	5,4	5,3
Напряженное	3,3	3,1	3,1	3,5	3,7	3,3
Радостное	5,4	5,4	5,5	5,4	5,4	5,3
Стремительное	5,1	5,2	5,2	5,1	5,0	4,9
Плотное	5,1	5,2	5,1	5,2	5,1	5,2
Яркое	5,4	5,4	5,3	5,2	5,4	5,5
Тревожное****	2,8	2,5	2,9	2,7	3,3	3,0
Цветное	5,3	5,4	5,3	5,3	5,4	5,2
Постоянное	3,6	3,3	3,7	3,8	3,7	3,3
Светлое	5,3	5,3	5,4	5,4	5,3	5,3

Прим.: * – различия между 1 и 2 курсами достоверны при $p < 0,01$; ** – различия между 1 и 2 курсами достоверны при $p < 0,01$; между 2 и 4 курсами – при $p = 0,03$; *** – различия между 4 и 5 курсами достоверны при $p = 0,02$; **** – различия между 1 и 4 курсами достоверны при $p = 0,01$.

Ценностно-смысловые характеристики образа мира студентов вуза

Ценностные составляющие образа мира студентов вуза изучались посредством анализа частоты представлений отдельных ценностных типов в описываемой выборке в целом и по отдельным курсам обучения, диагностированных при помощи модифицированной методики Р. Инглхарта (табл. 8). Результаты нашего исследования в целом свидетельствуют об относительно более высокой доле промежуточного, т. е. «неопределившегося» в ценностном отношении типа, а также индивидуализирующегося типов в сравнении с результатами общероссийских опросов, что тем не менее вполне соответствует как общей характеристике ценностей молодежи поколения Z, характеризующегося несформированностью системы ценностей и аноимией, так и возрастным особенностям нашей выборки, определяющим ее постматериалистическую ценностную направленность. Однако динамика распределения описываемых ценностных типов в период обучения в вузе здесь явно противоречит нормативному развитию системы ценностей личности, заключающемуся в поступательном повышении процента ориентирующихся на высшие ценности и поэтапном снижении доли студентов, характеризующихся несформированностью системы ценностей. В нашем исследовании, напротив, отмечается заметный рост числа неопределившихся в ценностном отношении и представителей

адаптирующегося типа при одновременном снижении процента отнесенных к социализирующемуся и индивидуализирующемуся типам (доля последнего возрастает лишь у студентов магистратуры). Таким образом, становление системы ценностных ориентаций в вузе в нашем случае скорее имеет обратный и деструктивный характер, что может быть связано как с общими социально-экономическими изменениями в обществе, так и с трансформацией системы высшего образования.

Приведенные результаты подтверждаются показателями развития системы смысловых ориентаций студентов вузов, которые изучались с использованием реконцептуализированного теста СЖО Д. А. Леонтьева (табл. 9). Как следует из приведенных данных, общий уровень осмысленности жизни, осмысленности ее прошлого, настоящего и будущего, уровень ответственности за себя и свою жизнь в описываемой группе в целом заметно ниже, чем в других исследованиях, реализованных на студенческой выборке [16; 26]. Наблюдается незначительная положительная динамика по большинству рассматриваемых параметров (за исключением показателей по шкале *Процесс жизни*) в период обучения в бакалавриате с последующим резким снижением показателей по всем шкалам теста у студентов магистратуры. Эти данные свидетельствуют о некоторой экзистенциальной фрустрации обучающихся в магистратуре, связанной, вероятно, с определенным непониманием

Табл. 8. Результаты по методике ценностной структуры массового сознания в зависимости от курса обучения, % респондентов

Tab. 8. Mass consciousness value structure depending on the study year, % of respondents

Ценностный тип	Все (n=441)	Курс обучения				
		1 (n=120)	2 (n=162)	3 (n=81)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
Адаптирующийся	29,71	20,00	35,19	25,93	37,04	37,50
Социализирующийся	22,00	33,33	19,14	19,75	14,81	8,33
Индивидуализирующийся	8,84	11,67	6,79	8,64	7,41	12,50
Промежуточный	39,46	35,00	38,89	45,68	40,74	41,67

смысла реализуемой ими учебно-профессиональной деятельности.

Приведенные результаты демонстрируют относительно невысокий уровень развития субъективных хронотопических характеристик образа мира студентов вуза и недостаточно прогрессивную динамику их становления в процессе вузовского обучения, особенно заметную при анализе его ценностно-смысловой составляющей, показатели которой в ряде случаев обнаруживают отчетливый негативный тренд. Все это свидетельствует в пользу актуальности и необходимости разработки и внедрения в практику воспитательно-образовательного процесса вузов специальной системы мер психолого-педагогической поддержки эффективного становления целостной системы хронотопических характеристик образа мира обучающихся.

Табл. 9. Результаты по тесту смысложизненных ориентаций в зависимости от курса обучения, стандартные баллы
Tab. 9. Life-meaning orientations test depending on the study year, standard points

Шкала СЖО	Все (n=447)	Курс обучения				
		1 (n=122)	2 (n=164)	3 (n=83)	4 (n=54)	5, 6 (n=24)
ОЖ	4,4	4,2	4,6	4,5	4,6	3,2
Цели	4,3	4,2	4,4	4,4	4,6	2,8
Процесс	4,1	4,2	4,4	4,0	4,0	2,8
Результат	4,3	4,4	4,4	4,6	4,5	2,9
Локус – Я	4,5	4,2	4,5	4,8	5,0	3,7
Локус – жизнь*	4,9	4,4	5,2	5,0	5,0	3,9

Прим.: * – различия между 1 и 2, между 2 и 5 курсами достоверны при $p=0,02$; между 3 и 5 курсами – при $p=0,05$.

Заключение

Образ мира студентов вуза представляет собой находящуюся в процессе становления систему, включающую пространственно-временные и ценностно-смысловые характеристики. В разработанной нами модели к пространственным характеристикам образа мира студентов отнесена система идентичности личности, очерчивающая ее социально-психологическую «территорию».

Временными характеристиками образа мира выступают временная перспектива личности как совокупность представлений студентов о своем прошлом, настоящем и будущем и отношений к этим временным локусам. Ценностно-смысловыми характеристиками образа мира являются ценностные ориентации личности, их осознанность, внутреннее принятие и реализованность в жизни, а также общая осмысленность жизни и осмысленность своего прошлого, настоящего и будущего.

В эмпирическом исследовании, посвященном изучению феноменологии образа мира студентов вузов и трансформации его пространственно-временных и ценностно-смысловых составляющих в процессе обучения, выявлены в целом невысокий уровень развития и недостаточная динамика рассматриваемых хронотопических характеристик: отсутствие поступательной динамики при формировании профессиональной, гражданской и мировоззренческой идентичности; отсутствие смысловой связанности между прошлым, настоящим и будущим; низкий общий уровень осмысленности жизни и ее отдельных временных локусов; нарастание проявлений ценностной дезориентации; увеличение значимости низших материалистических ценностей. Данные результаты свидетельствуют в пользу актуальности и необходимости разработки и внедрения в практику воспитательно-образовательного процесса вузов специальной системы мер психолого-педагогической поддержки эффективного становления целостной системы хронотопических характеристик образа мира обучающихся.

В качестве основных направлений психолого-педагогического сопровождения развития хронотопических характеристик образа мира в воспитательно-образовательном процессе вуза мы рассматриваем целенаправленное обеспечение условий эффективного становления идентичности, временной перспективы и системы ценностно-смысловых ориентаций личности обучающихся. Поскольку, как следует из анализа полученных результатов, формирование пространственно-временных компонентов образа мира студентов вуза определяется достигнутым уровнем развития системы их ценностно-смысловых ориентаций, в качестве первоочередного направления психолого-педагогического сопровождения становления хронотопических характеристик образа мира может рассматриваться создание в процессе обучения необходимых условий для продуктивного развития системы ценностно-смысловых ориентаций личности.

Литература

1. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14.
2. Серкин В. П. Пять определений понятия и схема образа мира // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2006. № 1. С. 11–19.
3. Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1981. № 2. С. 15–29.
4. Ключко В. Е., Краснорядцева О. М., Хван Н. В. Индивидуально-психологические характеристики двух типов хронотопической организации жизненного мира человека // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 148–154.
5. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.
6. Некрасова Е. В. Хронотоп и хронотопические характеристики человека как психологической системы // Ползуновский вестник. 2003. № 3-4. С. 203–210.
7. Некрасова Е. В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека: дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 344 с.
8. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск-М.: Универсум, 2010. 312 с.
9. Логинова И. О. Хронотопические характеристики жизненного самоосуществления человека // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 7-2. С. 98–103.
10. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
11. Медведев А. М., Мартиросян К. В., Хачатрян А. Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 1 // Мир науки. 2017. Т. 5. № 4. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (дата обращения: 07.06.2020).
12. Яницкий М. С., Серый А. В., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира студентов вузов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9–10 октября 2019 г.) СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. Вып. 2. С. 851–859.
13. Михальский А. В. Хронотоп в жизненном пути личности: будущее через призму пространства и времени // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 10-5. С. 71–74. DOI: 10.18454/IRJ.2015.41.128
14. Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б. Психологическое и социально-психологическое пространство личности и группы: понимание, виды и тенденции исследования // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 45–56.
15. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М., Смысл, 2004. 608 с.
16. Утюганов А. А. Система ценностно-смысловых ориентаций курсантов вузов национальной гвардии: феноменология и психолого-педагогические детерминанты формирования: дис. ... д-ра психол. наук. Кемерово, 2019. 401 с.
17. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность как психолого-педагогическая проблема вузовской подготовки психологов-практиков // Актуальные проблемы психологического знания. 2009. № 4. С. 49–58.
18. Ковдра А. С. Психологические особенности временной перспективы студентов вуза // Гуманизация образования. 2012. № 2. С. 30–35.
19. Прокопич О. А. Ценностно-смысловые предикторы сбалансированной временной перспективы личности студентов вуза в период обучения: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово. 2016. 251 с.
20. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
21. Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. М.: ИП РАН, 2011. 293 с.
22. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2009. 43 с.
23. Яницкий М. С., Серый А. В. Диагностика уровня развития ценностно-смысловой сферы личности. Новокузнецк: МАОУ ИПК, 2010. 102 с.
24. Лубский А. В. Российская идентичность: методологические проблемы интердисциплинарных научных исследований // Сборник научных трудов SWorld. 2013. Т. 25. № 2. С. 68–75.
25. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «Поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
26. Утюганов А. А. Формирование гражданско-патриотических ценностей и их смысловых детерминант у курсантов военного вуза. Новосибирск: НВИ войск национальной гвардии, 2015. 159 с.

Transformation of Space-Temporal and Value-Semantic Components of the Image of the World during the University Studies

Roman O. Balabashchuk ^{a, ID1}; Mikhail S. Yanitskiy ^{a, @, ID2}; Andrey V. Seryy ^{a, ID3}; Olga A. Braun ^{a, ID4}; Olga V. Maslova ^{b, ID5}; Anastasia V. Miklyaeva ^{c, ID6}; Vladimir V. Tereshchenko ^{d, ID7}; Igor A. Filenko ^{e, ID8}; Rimma D. Sanzhayeva ^{f, ID9}; Soelma B. Dagbaeva ^{g, ID10}; Yulia Yu. Neyaskina ^{h, ID11}; Ruslan V. Kadyrov ^{i, ID12}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

^b Peoples Friendship University of Russia, Russia, Moscow

^c Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

^d Smolensk State University, Russia, Smolensk

^e Tomsk State University, Russia, Tomsk

^f Banzarov Buryat State University, Russia, Ulan-Ude

^g Transbaikal State University, Russia, Chita

^h Vitus Bering Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

ⁱ Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

@ direktorspi@kemsu.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0001-9034-3274>

ID2 <https://orcid.org/0000-0003-3049-8594>

ID3 <https://orcid.org/0000-0002-9318-4333>

ID4 <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

ID5 <https://orcid.org/0000-0003-2179-3401>

ID6 <https://orcid.org/0000-0001-8389-2275>

ID7 <https://orcid.org/0000-0003-4189-3901>

ID8 <https://orcid.org/0000-0001-7072-8273>

ID9 <https://orcid.org/0000-0001-6395-9938>

ID10 <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>

ID11 <https://orcid.org/0000-0003-3223-6512>

ID12 <https://orcid.org/0000-0002-3778-5548>

Received 27.08.2020. Accepted 17.09.2020.

Abstract: The study features the image of the world of the university students and verifies its structural and content model of chronotopic characteristics. It includes subjective space-temporal and value-semantic components. An empirical study resulted in a phenomenological description of the image of the world that students develop at university. The paper focuses on the transformation of these spatial-temporal and value-semantic components in the learning process. The study involved 450 students from 10 cities of the Russian Federation. They showed a low level of development and insufficient dynamics of subjective chronotopic characteristics of the world image. This result was especially prominent in students working for their Master's degree. Neither did they reveal any progress in professional, civil, and ideological identity, nor any semantic connection between the past, present, and future. The participants demonstrated a low level of meaningfulness of life and individual time locus. The value disorientation manifestations were high, while the significance of the bottom materialistic values was low. The authors believe that students need a better system of psychological and pedagogical support to develop an integral chronotopic system of the image of the world. The article introduces some priority directions of psychological and pedagogical support that could help students to develop identity, time perspective, and the system of value and semantic orientations.

Keywords: life world, chronotope, time, space, value-semantic sphere, students

For citation: Balabashchuk R. O., Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Maslova O. V., Miklyaeva A. V., Tereshchenko V. V., Filenko I. A., Sanzhayeva R. D., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V. The Transformation of the Space-Temporal and Value-Semantic Components of the Image of the World during the University Studies. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 714–726. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-714-726>

References

1. Levada Yu. A. Generations of the XX century: opportunities for research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2001, (5): 7–14. (In Russ.)
2. Serkin V. P. Five definitions of the concept and the scheme of the image of the world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, (1): 11–19. (In Russ.)
3. Smirnov S. D. World of images and image of the world. *Vestnik Moskovskogo univerteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1981, (2): 15–29. (In Russ.)
4. Klochko V. E., Krasnoryadtseva O. M., Khvan N. V. Individual psychological characteristics of two types of chronotopical organization of human lifeworld. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo univerteta*, 2015, (3-3): 148–154. (In Russ.)

5. Serkin V. P. World image and life's mode interrelation. *Mir psikhologii*, 2009, (4): 109–119. (In Russ.)
6. Nekrasova E. V. Chronotope and chronotopic characteristics of a person as a psychological system. *Polzunovskiy vestnik*, 2003, (3-4): 203–210. (In Russ.)
7. Nekrasova E. V. *Space-temporal organization of the human life world*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Barnaul, 2005, 344. (In Russ.)
8. Tolstykh N. N. *Chronotope: culture and ontogeny*. Smolensk-Moscow: Universum, 2010, 312. (In Russ.)
9. Loginova I. O. The chronotopic characteristics of human vital self-fulfillment. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2009, (7-2): 98–130. (In Russ.)
10. Zinchenko V. P. Values in consciousness structure. *Voprosy filosofii*, 2011, (8): 85–97. (In Russ.)
11. Medvedev A. M., Martirosian K. V., Hachatrian A. Y. Chronotope of subjective reality as a basic concept in the study of ethnic self-consciousness. Part 1. *Mir nauki*, 2017, 5(4). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (accessed 07.06.2020). (In Russ.)
12. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Balabashchuk R. O. Chronotopic features of the university students' image of the world. *Herzen's readings: psychological research in education: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, St. Petersburg, 9–10 October 2019. St. Petersburg, 2019, iss. 2, 851–859. (In Russ.)
13. Mikhalskiy A. V. The chronotope in personal life path: the future through space and time. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2015, (10-5): 71–74. (In Russ.) DOI: 10.18454/IRJ.2015.41.128
14. Zhuravlev A. L., Kupreychenko A. B. Psychological and socio-psychological space of person and group: understanding, types and trends in researches. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2011, 32(4): 45–56. (In Russ.)
15. Nuttin J. *Motivation, action and perspective of the future*. Moscow: Smysl, 2004, 608. (In Russ.)
16. Utyuganov A. A. *The system of value-semantic orientations of cadets of National Guard Universities: phenomenology and psychological and pedagogical determinants of formation*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Kemerovo, 2019, 401. (In Russ.)
17. Schneider L. B. Professional identity as a psychological and pedagogical problem of practicing psychologists high school training. *Aktualnye problemy psikhologicheskogo znaniia*, 2009, (4): 49–58. (In Russ.)
18. Kovdra A. S. Psychological peculiarities of temporal perspective students of the university. *Gumanizatsiia obrazovaniia*, 2012, (2): 30–35. (In Russ.)
19. Prokonich O. A. *Value-semantic predictors of balanced time perspective of University students' personality during the study*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Kemerovo, 2016, 251. (In Russ.)
20. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Peleh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identity as a dynamic hierarchical system: social and cultural context of formation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo univerteta*, 2018, (2): 131–140. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-2-131-140
21. Nestik T. A. *Attitude to time in small groups and organizations*. Moscow: IP RAN, 2011, 293. (In Russ.)
22. Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaya K. R. *Semantic differential of time: expert psychodiagnostic system in medical psychology*. St. Petersburg: NIPNI im. V. M. Bekhtereva, 2009, 43. (In Russ.)
23. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. *Diagnostics of the level of development of the value-semantic sphere of the individual*. Novokuznetsk: MAOU IPK, 2010, 102. (In Russ.)
24. Lubsky A. V. Russian identity: methodological problems of interdisciplinary research. *Sbornik nauchnykh trudov SWorld*, 2013, 25(2): 68–75. (In Russ.)
25. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Peleh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (72): 46–67. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/72/3
26. Utyuganov A. A. *Formation of civil and patriotic values and their semantic determinants among military university cadets*. Novosibirsk: NVI voisk natsionalnoi gvardii, 2015, 159. (In Russ.)

Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования

Марина А. Билан^{a, @, ID1}; Елена Н. Ермолаева^{a, ID2}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ lma_05-80@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-1346-6163>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-1353-1287>

Поступила в редакцию 10.07.2020. Принята к печати 03.08.2020.

Аннотация: Цель – изучить ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования. В качестве методов исследования использовались методика жизненных стратегий М. О. Мдивани и П. Б. Кодесс, методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, методика Р. Инглхарт, модифицированная М. С. Яницким, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд. Проанализирована иерархия ценностей выпускников с разным уровнем социально-психологической адаптации. Критерием разделения на группы послужила методика К. Роджерса и Р. Даймонд в адаптации А. К. Осницкого. Выявлены общие и вариативные ценности в структуре жизненных стратегий выпускников. Для респондентов с высоким уровнем адаптации характерна целеустремленность, готовность брать на себя ответственность за принимаемые жизненные решения, сценарий будущего оптимистичен. Доминирующим ценностным типом является социализирующий, ценностный компонент включает конкретные жизненные ценности и ценности профессиональной самореализации. Установлено, что выпускники со средним уровнем социально-психологической адаптации придерживаются конформистских ценностей. У этих студентов доминирующими ценностными типами являются социализирующий и адаптирующий. Для них характерна тревога и неуверенность в дальнейшем будущем, отсутствует готовность преодолевать трудности для достижения своих жизненных целей. В долгосрочной перспективе преимущество имеют ценности профессиональной самореализации. Сделан вывод, что следует акцентировать внимание на выпускниках с низким и средним уровнем адаптации, оказывать им психолого-педагогическую поддержку на этапе вхождения в самостоятельную жизнь.

Ключевые слова: образ будущего, жизненные цели, ценности, ценностные типы, профессиональное самоопределение, юношеский возраст

Для цитирования: Билан М. А., Ермолаева Е. Н. Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 727–734. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-727-734>

Введение

Современное общество постоянно предъявляет новые требования к развитию личности. В период модернизации образования особую концептуальную значимость приобретают изменения, происходящие в среде современной обучающейся молодежи. Обучение в среднем профессиональном образовательном учреждении является одним из важнейших этапов самоопределения и личностного развития, становления идентичности молодого человека. Система профессионального образования реализует базовые задачи подготовки квалифицированных специалистов среднего звена, потенциально востребованных на рынке труда, обладающих необходимыми профессиональными и личностными компетенциями, мотивированных на достижение высоких результатов [1–4]. Помимо этого, поскольку конкурс и требования к поступлению в учреждения среднего профессионального образования значительно ниже, чем в высшем учебном заведении, образование данного

уровня является более доступным. За короткий период обучения студент имеет возможность понять, насколько верно им выбрана специальность, что в дальнейшем будет способствовать осознанному выбору образовательной траектории в высшем учебном заведении. Для большинства выпускников ссузов среднее специальное образование является своеобразным трамплином для получения в будущем образования более высокого уровня [2].

Студенческая молодежь отличается особым характером жизненных стратегий, обусловленным переходностью и крайней неустойчивостью ее социального положения, занимаемых ею позиций и усваиваемых образцов. На данном жизненном этапе молодые люди начинают активно воплощать различные социальные роли, а значит, реализовывать свои жизненные стратегии. Процесс формирования жизненных стратегий осуществляется при непосредственном участии механизма адаптации, который заключается в готовности человека приспособиться к изменяющимся условиям

внешней социальной и природной среды. Сущность социальной адаптации заключается в согласованности действий человека с ожиданиями внешнего мира, которая рождает различные модели поведения личности и типы жизненных стратегий [3–6]. Смена одной жизненной ситуации другой вынуждает человека отказаться от привычных условий его жизни и предполагает некоторый период для адаптации к новым условиям социальной действительности с полным принятием норм, ценностей и традиций социального окружения [7]. Следовательно, личностная адаптация выпускников имеет особое значение для успешного профессионального становления. Основанием личностной адаптации является осознание выпускником своих жизненных ориентаций [3–4]. Степень интеграции жизненных требований с личностными потребностями, ценностями отражает жизненную стратегию личности [8]. Жизненную стратегию можно считать сформированной при условии наличия осмысленных жизненных целей, системы ценностных ориентаций и определенной жизненной позиции [8–9]. При этом система ценностных ориентаций является ядром жизненных стратегий, поскольку она позволяет соотносить индивидуальные потребности и мотивы с осознанными и принятыми личностью ценностями и нормами социума [10–13].

Цель данного исследования состоит в изучении ценностных компонентов жизненных стратегий выпускников учреждений среднего профессионального образования.

Методы

Исследование проводилось в 2018 г. на базе Государственного профессионального образовательного учреждения «Кемеровский педагогический колледж». Выборку составили 65 студентов-выпускников, обучающихся по разным направлениям подготовки, в возрасте от 18 до 22 лет. В исследовании приняли участие выпускники трех специальностей: Преподавание в начальных классах, Специальное дошкольное образование, Педагогика дополнительного образования. Для проведения исследования использовались следующие методики: анкетирование; методика исследования жизненных стратегий М. О. Мдивани и П. Б. Кодеес [14]; методика «Ценностные ориентации» М. Рокича в модификации Д. А. Леонтьева [15]; методика Р. Инглхарта, модифицированная М. С. Яницким [15]; методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда в адаптации А. К. Осницкого [16].

Результаты и обсуждение эмпирического исследования

Все респонденты были поделены нами на две группы. Критерием разделения выборочной совокупности на группы выступил уровень социально-психологической адаптации: **первая группа** (31 человек; 47 %) – выпускники со средним уровнем социально-психологической адаптации; **вторая группа** (34 человека; 53 %) – выпускники с высоким уровнем социально-психологической адаптации. В нашей

выборке отсутствовали выпускники с низким уровнем социально-психологической адаптации, поэтому в анализе данная группа не представлена.

Описание результатов исследования начнем с методики «Ценностные ориентации» М. Рокича. Общими в структуре значимых терминальных ценностей обеих групп являются любовь и здоровье. Это объясняется возрастными особенностями юношеского периода, характеризующегося перестройкой эмоциональной сферы, возникновением чувства любви, выбором спутника жизни. Полученные нами результаты находят свое подтверждение в ранее проведенных исследованиях. В других исследованиях отмечено, что ценность *любовь* является приоритетной у современных студентов [17]. Так, в исследовании М. М. Акулич и В. В. Пить показано, что забота о своем здоровье является важнейшей ценностью молодых людей [12].

Для первой группы респондентов важны такие ценности, как активная деятельная жизнь и наличие хороших и верных друзей. При этом в структуре значимых терминальных ценностей респондентов второй группы присутствует ценность *счастливая семейная жизнь и развитие*. Эти данные согласуются с другими исследованиями. Как отмечают М. М. Акулич и В. В. Пить, молодежь заинтересована в счастливой семейной жизни и создании семьи [12]. В исследованиях Н. А. Журавлевой отмечено, что приоритетными ценностями молодежи являются семья, любовь, общение с друзьями, материальный достаток, работа, карьера [18]. При этом для респондентов обеих групп отвергаемыми ценностями являются общественное признание, развлечения, свобода, счастье других, творчество, красота природы и искусства.

Общими предпочитаемыми инструментальными ценностями обеих групп являются воспитанность, честность, ответственность, самоконтроль, жизнерадостность. В студенческом возрасте растет стремление к самостоятельности, автономности, независимости. Вариативным в ценностях является то, что для первой группы важными ценностями являются аккуратность и широта взглядов, а для второй – эффективность в делах и исполнительность.

Все респонденты к отвергаемым инструментальным ценностям относят высокие запросы, непримиримость к недостаткам в себе и других, чуткость, рационализм. При этом для респондентов первой группы характерен конформизм: они отвергают ценность *смелость в отстаивании своего мнения*.

Рассмотрим ценностные типы респондентов по методике Р. Инглхарта в модификации М. С. Яницкого (табл. 1). Наиболее распространенным ценностным типом в обеих группах является социализирующий. Данный тип характеризуется направленностью на традиционные ценности и ценности значимых других. Важными ценностями для социализирующегося типа являются семья, карьера, общественное признание, престиж. Как отмечает М. С. Яницкий, именно для молодых людей характерна ориентация на ценности социализации [19–20]. Д. Р. Базарова

объясняет распространенность этого типа тем, что студенты имеют уже достаточный опыт социализации в различных социальных институтах (детский сад, школа, общественные и творческие организации и др.), в результате чего происходит интернализация индивидом ценностей, норм и поведенческих стандартов данного общества, социально адаптированная психическая саморегуляция личности [21].

Табл. 1. Представленность ценностных типов респондентов, %
Tab. 1. Representation of value types, %

Ценностный тип	1 группа (n=31)	2 группа (n=34)
Адаптирующийся	35,49	20,58
Социализирующийся	48,39	58,83
Индивидуализирующийся	6,45	2,94
Промежуточный	9,67	17,65

При этом в первой группе респондентов также распространен адаптирующийся тип. Данный ценностный тип направлен на сохранение достигнутого, ориентирован на ценности выживания и самоутверждения, т. е. преобладают стремления к экономической и физической безопасности. Этим респондентам присуща высокая тревожность и фрустрационная напряженность [15]. Завершающий этап обучения предполагает субъективный выбор дальнейшего профессионального пути, а следовательно, адаптацию к новым социальным условиям.

Меньше всего респонденты обеих групп ориентированы на индивидуализирующийся тип. Данный тип отличается независимостью суждений и оценок, интернализированностью социальных норм, ориентирован на ценности

самореализации, творчества, свободы и терпимости. Для промежуточного типа, который в большей степени представлен во второй группе, характерна неустойчивость в поведении, отсутствие упорядоченной иерархии ценностей, несогласованность терминальных и инструментальных ценностей, несформированность нормативной регуляции поведения [15].

Обратимся к результатам исследования по методике жизненных стратегий М. О. Мдивани и П. Б. Кодеес. Данная методика позволяет рассмотреть субъективную значимость целеполагания через 2, 5, 10 и 15 лет (табл. 2).

В обеих группах иерархия целей через 2 года совпадает. Иерархия значимых жизненных целей включает по степени важности: профессиональную самореализацию, эмпатийное общение, саморазвитие и самореализацию, позитивное социальное проявление, внешний успех. Первое место в иерархии жизненных целей занимает профессиональная самореализация. Объяснить это можно тем, что выборка представлена студентами-выпускниками, а к окончанию обучения акцент смещается на профессиональное развитие, карьерный рост, поиски партнера и создание семьи [22–23]. Кроме того, 85 % респондентов планируют получение высшего образования. Второе место в иерархии жизненных целей занимает эмпатийное общение. Актуализация потребности в общении является психологической закономерностью юношеского возраста. Именно в этот период молодой человек озадачивается поиском друзей, спутника жизни, задумывается о создании семьи. Данные результаты согласуются с результатами, представленными выше. Так, по методике М. Рокича в структуру значимых ценностей входят *счастливая семейная жизнь и наличие хороших и верных друзей*, а доминирующим типом личности по методике

Табл. 2. Иерархия жизненных стратегий респондентов по степени значимости, средние значения
Tab. 2. Hierarchy of life strategies by degree of significance, mean values

Ранг	1 группа (n=31)	М	2 группа (n=34)	М
<i>Жизненные стратегии через 2 года</i>				
1	Профессиональная самореализация	5,3	Профессиональная самореализация	6,3
2	Эмпатийное общение	7,7	Эмпатийное общение	7,1
3	Саморазвитие и самореализация	7,8	Саморазвитие и самореализация	8,5
4	Позитивное социальное проявление	10,8	Позитивное социальное проявление	10,4
5	Внешний успех	12,5	Внешний успех	12,6
<i>Жизненные стратегии через 5 лет</i>				
1	Профессиональная самореализация	6,2	Эмпатийное общение	6,2
2	Эмпатийное общение	7,4	Профессиональная самореализация	7,2
3	Саморазвитие и самореализация	8,2	Саморазвитие и самореализация	9,0
4	Внешний успех	11,1	Позитивное социальное проявление	10,2
5	Позитивное социальное проявление	11,4	Внешний успех	11,9
<i>Жизненные стратегии через 10 лет</i>				
1	Эмпатийное общение	6,8	Эмпатийное общение	6,5
2	Профессиональная самореализация	7,3	Саморазвитие и самореализация	7,8
3	Саморазвитие и самореализация	8,4	Позитивное социальное проявление	9,1
4	Внешний успех	10,0	Профессиональная самореализация	9,3
5	Позитивное социальное проявление	10,4	Внешний успех	10,2

Ранг	1 группа (n=31)	М	2 группа (n=34)	М
<i>Жизненные стратегии через 15 лет</i>				
1	Эмпатийное общение	5,8	Эмпатийное общение	6,9
2	Саморазвитие и самореализация	7,7	Саморазвитие и самореализация	7,9
3	Позитивное социальное проявление	8,6	Профессиональная самореализация	8,3
4	Профессиональная самореализация	8,7	Позитивное социальное проявление	9,7
5	Внешний успех	10,0	Внешний успех	10,4

Р. Инглхарта является социализирующийся (ориентация на семью, карьеру и общественное признание). Наши результаты находят подтверждение и в других исследованиях. М. М. Акулич и В. В. Пить отмечают, что жизненными стратегиями молодежи являются стремления добиться успеха в своей профессии, получить профессиональное образование и создать крепкую и счастливую семью [12].

Заметим, что при планировании жизненных целей на ближайшие 5 лет значимыми в обеих группах остаются профессиональная самореализация и эмпатийное общение. При этом для всей выборки субъективная значимость эмпатийного общения через 10 и 15 лет имеет первостепенное значение. Возможно, это связано с тем, что к этому периоду респонденты планируют реализоваться в профессиональном плане – приоритетным становится укрепление межличностных отношений, построение эффективных взаимоотношений с окружающими и близкими людьми.

Для респондентов первой группы через 5 и 10 лет внешний успех становится важнее, чем позитивное социальное проявление. Для второй группы через 10 лет важным становится саморазвитие и самореализация (расширение кругозора), достижение жизненных целей, появление возможности для личностного развития. Похожие тенденции отмечены и в других исследованиях [24].

Для респондентов второй группы при оценке значимости жизненных стратегий через 5 лет эмпатийное общение занимает более значимое, а профессиональная самореализация – менее значимое положение в иерархии, чем у респондентов первой группы. Для респондентов первой группы внешний успех занимает более значимое положение при оценке важности через 10 лет, в отличие от респондентов второй группы. При оценке значимости жизненных стратегий через 15 лет эмпатийное общение, саморазвитие и самореализация становятся наиболее важными для всех групп выпускников. Этот выбор отражает стремление к построению парных отношений и семьи в будущем, а также к личностному росту, развитию рефлексии, расширению кругозора.

Для более детального изучения содержательных жизненных стратегий нами была составлена анкета. Отметим наиболее существенные моменты. Важнейшей характеристикой жизненной стратегии личности является умение брать на себя ответственность за принимаемые решения [25]. В этой связи мы задали респондентам вопрос «Предпочитаете ли вы брать на себя ответственность в жизни?». Только 35 % респондентов обеих групп ответили

утвердительно на данный вопрос, 58 % ответили «Скорее да, чем нет», остальные затруднились ответить. Далее нами был задан вопрос «От чего, по Вашему мнению, главным образом зависит то, как складывается Ваша жизнь?». Варианты ответов были сгруппированы в два блока: самостоятельный выбор или навязанный извне. Чуть более половины респондентов обеих групп (52 %) продемонстрировали самостоятельный выбор. 35 % респондентов всех групп выбрали вариант ответа «В равной степени от меня и от внешних обстоятельств», остальные затруднились с ответом. Ранее в своих статьях мы отмечали, что важной составляющей жизненной стратегии личности является способность контролировать события собственной жизни [11]. Анализируя данные анкетирования респондентов, можно констатировать, что у большинства респондентов данная характеристика сформирована.

Еще один значимый компонент жизненной стратегии – жизненная цель (К. А. Абульханова-Славская), которая выполняет ориентирующую и направляющую функцию в жизни [25]. Целеполагание включает в себя иерархию жизненных целей, смыслов и ценностей. В процессе целеполагания личность стремится определить границы своих возможностей [3; 8; 9; 11]. Поэтому мы задали респондентам вопрос «Знаете ли Вы, чего хотите достичь в жизни?». 55 % респондентов второй группы продемонстрировали уверенность. В первой группе 18,8 % ответили утвердительно. Далее мы задали вопрос «Можете ли Вы для достижения своей цели длительное время усилием воли выполнять неинтересную работу?»; респонденты второй группы более уверенно отвечали «да» (41 %) в сравнении с первой группой (11 %).

Важным компонентом жизненной стратегии является готовность к самостоятельному преодолению жизненных трудностей, готовность к принятию ответственности за собственный выбор, а не перекладывание ответственности на других людей, обстоятельства и т. п. [8–12]. Как следствие, мы задали респондентам вопрос «Если Вы на своем пути встречаете серьезные препятствия, то чаще всего Вы отказываетесь от своей цели?». При встрече с серьезными препятствиями на своем пути большинство респондентов первой и второй групп (58 % и 73 %) скорее не готовы отказаться от своей цели. При этом в первой группе 10 % респондентов ответили, что откажутся от своей цели, если встретят серьезные препятствия на своем пути. Заметим, что во второй группе таких ответов не было. 23 %

респондентов второй группы утвердительно ответили, что ни при каких обстоятельствах не откажутся от своей цели, тогда как в первой группе доля таких ответов составила 11 %. Таким образом, респонденты второй группы рассчитывают достичь своих целей, опираясь на собственные ресурсы.

Затем мы задали респондентам вопрос «С каким чувством Вы смотрите в будущее?». Большинство респондентов второй группы (69,5 %) выбрали вариант «С надеждой и оптимизмом». Среди респондентов первой группы большая часть ответила «Спокойно, но без особых надежд» (56 %). Значительный процент выпускников первой группы (33 %) смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью, тогда как во второй – всего 5 %. Схожие результаты были получены в исследовании М. В. Лисаускене. По мнению автора, для части молодых людей будущее представляется пугающим, вследствие чего они стараются жить одним днем, не планируя свою жизнь на длительную перспективу. Преследуемое целым рядом страхов и тревог молодое поколение, проживающее в обществе глобального риска, ощущает нестабильность социума и старается жить здесь и сейчас [17].

Также мы задали вопрос «Что бы Вы пожелали себе в будущем?». Распространенными ответами респондентов обеих групп были: найти хорошую работу, иметь хорошую семью, здоровья, достижения целей, уверенности в себе, материального благополучия, получить высшее образование, иметь хороших друзей, сил, терпения. При этом респонденты первой группы чаще всего отвечали: здоровья (25 %), найти хорошую работу (23 %), а респонденты второй группы: найти хорошую работу (41 %), иметь хорошую семью (32 %). Данные результаты согласуются с утверждениями, что приверженность традиционным семейным ценностям является значимым вектором для современных студентов, а жизненный успех ассоциативно связан с созданием семьи, воспитанием детей и профессиональной самореализацией [17].

Заключение

Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников средних профессиональных учебных заведений характеризуются рядом особенностей:

1. При планировании ближайшего будущего все респонденты в первую очередь ориентированы на профессиональную самореализацию. Как жизненная стратегия она включает цели – овладеть профессией, получить хорошее образование, найти свое призвание в жизни. Ориентация на данный тип стратегии объясняется тем, что выборку составили студенты выпускных курсов, которым в ближайшее время

предстоит определиться с местом работы или дальнейшей учебы. Второй значимой стратегией является эмпатийное общение, включающее цели – иметь хорошую семью, иметь верных друзей, найти настоящую любовь, иметь интересный круг общения. Данный возрастной период характеризуется тем, что выпускник расставляет для себя приоритеты в жизненных ценностях. И несмотря на то, что профессиональная самореализация является ведущей, общению также отводится значимое место. В долгосрочной перспективе (через 10–15 лет) для всех респондентов значимыми стратегиями становятся эмпатийное общение, саморазвитие и самореализация. Следовательно, профессиональный успех, хорошая работа, семейное благополучие – те факторы, по мнению студентов-выпускников, которые могут способствовать самореализации и саморазвитию в будущем.

2. Ценностные компоненты жизненных стратегий выпускников с разным уровнем социально-психологической адаптации различны. Иерархия ценностных ориентаций респондентов с высоким уровнем адаптации представлена ценностями *развитие, счастливая семейная жизнь*. При этом выбраны ценности-средства: воспитанность, честность, ответственность, самоконтроль, эффективность в делах и исполнительность, жизнерадостность. Доминирующим ценностным типом является социализирующий, что свойственно для юношеского возраста. Данные респондентов характеризует готовность претерпевать трудности на пути к своей цели, принять ответственность за собственные поступки и решения; они смотрят в будущее с оптимизмом и знают, чего хотят достичь в жизни.

Иерархия ценностных ориентаций респондентов со средним уровнем адаптации представлена несколько иначе. Значимыми ценностями являются активная деятельная жизнь и наличие хороших и верных друзей. Ценностями-средствами выбраны воспитанность, честность, аккуратность, чуткость и широта взглядов, ответственность. Распространенными ценностными типами являются социализирующий и адаптирующий. Респонденты данной группы смотрят в будущее с тревогой и неуверенностью либо без особых надежд, большинство из них не готово справляться с возникающими трудностями для достижения своей цели.

Полученные данные свидетельствуют о необходимости психолого-педагогической поддержки студентов-выпускников. Необходимо организовывать превентивные мероприятия, направленные на помощь в адаптации выпускникам за пределами учебного заведения. Акцент следует делать на развитии целеполагания, осознания субъективной ответственности за свое будущее.

Литература

1. Власова Т. А. Адаптация студентов младших курсов к образовательному процессу вуза // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 6–11.
2. Кремень Ф. М. Социально-психологические особенности профессиональных стратегий студентов высших и средних профессиональных заведений // Личность в пространстве и времени. 2018. № 7. С. 62–71.

3. Лодкина Е. В., Толпыгина Е. А., Горбань И. Г. Психологическое содержание жизненных стратегий студенческой молодежи // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2012. № 1. С. 86–94.
4. Чередниченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 256–282. DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-256-282
5. Харитоновна Е. В. К проблеме адаптации выпускника школы к обучению в системе СПО // Вопросы педагогики. 2019. № 11-2. С. 270–274.
6. Симеева И. Н. Психология адаптации субъекта к изменениям жизнедеятельности. Калининград: Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2019. 265 с.
7. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 25.03.2020).
8. Дементий А. И., Купченко В. Е. Жизненные стратегии. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. 189 с.
9. Кормакова В. Н. Жизненные стратегии в системе профессионального самоопределения личности // Наука. Искусство. Культура. 2016. № 1. С. 154–161.
10. Медведев А. М. Особенности формирования жизненной стратегии современной молодежи // Мир современной науки. 2011. № 4. С. 70–73.
11. Ляхова М. А. Психологические составляющие жизненной стратегии личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 3. С. 83–90.
12. Акулич М. М., Пить В. В. Жизненные стратегии современной молодежи // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 8. С. 34–43.
13. Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. 2010. № 1. С. 27–35.
14. Мдивани М. О., Кодеес П. Б. Методика исследования жизненных стратегий личности // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 146–150.
15. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИПО, 2017. 202 с.
16. Осницкий А. К. Определение характеристик социальной адаптации // Психология и школа. 2004. № 1. С. 43–56.
17. Лисаускене М. В. Молодые сибиряки: жизненные ценности и модели поведения «поколения Z» (опыт исследований молодежи Иркутской области в 1991, 2013, 2018 гг.) // Siberian Socium. 2019. Т. 3. № 1. С. 46–60. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-46-60
18. Журавлева Н. А. Ценностные ориентации молодежи в условиях макросоциальных преобразований // Духовно-нравственные проблемы современной личности / отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: ИП РАН, 2018. С. 299–321.
19. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
20. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. А. Г. Дикой, Т. Х. Невструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147–159.
21. Базарова Д. Р. Исследование ценностного компонента образа мира молодежи: модифицированный тест Р. Инглхарт – М. С. Яницкого // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 3–7.
22. Браун О. А., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В., Билан М. А. Динамические характеристики системы идентичности студентов-психологов в процессе обучения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 30. С. 15–29. DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.15
23. Рассохина И. Ю., Аршинова Е. В., Билан М. А., Горбатова М. М. Карьерные планы в профессиональном становлении молодежи // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 223–229.
24. Корниенко А. В. Представления о жизненной успешности студенческой молодежи // Мир педагогики и психологии. 2018. № 9. С. 104–111.
25. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.

Value Components of Life Strategies in Graduates of Vocational Postsecondary Institutions

Marina A. Bilan ^{a, @, ID1}; Elena N. Ermolaeva ^{a, ID2}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@lma_05-80@mail.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-1346-6163>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-1353-1287>

Received 10.07.2020. Accepted 03.08.2020.

Abstract: The research featured value components of life strategies exhibited by graduates of secondary vocational education institutions. The research methods involved M. O. Mdivani and P. B. Kodess's method of life strategies, M. Rokeach's method of value orientations, R. Inglehart's method modified by M. S. Yanitskiy, C. Rogers and R. Dymond's method of social and psychological adaptation diagnostics, etc. The authors analyzed the hierarchy of values in graduates with different levels of social and psychological adaptation. The graduates were divided into groups on the basis of C. Rogers and R. Dymond's methodology adapted by A. K. Osnitsky. The test revealed common and variable values in the structure of the graduates' life strategies. Respondents with a high level of adaptation were purposeful and ready to take responsibility for important decisions; their scenario of the future was optimistic; socializing value type predominated; the value component included specific life values and values of professional self-actualization. Graduates with a medium level of socio-psychological adaptation adhered to conformist values; their dominant value types were socializing and adapting; they had a high level of anxiety and uncertainty about the future while showing no willingness to overcome difficulties and achieve their life goals. The values of professional self-actualization had an advantage in the long-term perspective. The authors included that graduates with low and medium adaptation levels need psychological and pedagogical support when they enter independent life.

Keywords: image of the future, life goals, values, value types, professional self-actualization, young age

For citation: Bilan M. A., Ermolaeva E. N. Value Components of Life Strategies in Graduates of Vocational Postsecondary Institutions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 727–734. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-727-734>

References

1. Vlasova T. A. Adaptation of the first-year students to the educational process of high school. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2015, (1): 6–11. (In Russ.)
2. Kremen F. M. Social and psychological features of professional strategies of students of higher and secondary specialized educational institution. *Lichnost v prostranstve i vremeni*, 2018, (7): 62–71. (In Russ.)
3. Lodkina E. V., Tolpygina E. A., Gorban' I. G. Students' life strategies. *Problemy sostialno-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri*, 2012, (1): 86–94. (In Russ.)
4. Cherednichenko G. A. Employment and labor market outcomes of college and vocational school graduates. *Voprosy obrazovaniya*, 2020, (1): 256–282. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2020-1-256-282
5. Kharitonova E. V. School graduate's adaptation to learning in the secondary vocational education system. *Voprosy pedagogiki*, 2019, (11-2): 270–274. (In Russ.)
6. Simaeva I. N. *Psychology of adaptation of the subject to changes in vital activity*. Kaliningrad: Izd-vo Baltiiskogo federalnogo un-ta im. I. Kanta, 2019. 265.
7. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(43). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 25.03.2020). (In Russ.)
8. Dementiy L. I., Kupchenko V. E. *Life strategies*. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2010, 189. (In Russ.)
9. Medakova V. N. Life strategies in the system of professional identity. *Science. Arts. Culture*, 2016, (1): 154–161. (In Russ.)
10. Medvedev A. M. Features of formation of vital strategy of modern youth. *Mir sovremennoi nauki*, 2011, (4): 70–73. (In Russ.)
11. Lyahova M. A. Psychological components of the personality life strategy. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, (3): 83–90. (In Russ.)
12. Akulitch M. M., Pit V. V. Life strategies of the modern youth. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (8): 34–43. (In Russ.)

13. Sinyagin Yu. V., Pereverzina O. Yu., Yakovleva Yu. A., Polyakova A. V. The main approaches to the study of life strategies of individual. *Akmeologiya*, 2010, (1): 27–35. (In Russ.)
14. Mdivani M. O., Kodess P. B. Method of personal living strategies investigation. *Voprosy psikhologii*, 2006, (4): 146–150. (In Russ.)
15. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
16. Osnitsky A. K. Characterization of social adaptation. *Psikhologiya i shkola*, 2004, (1): 43–56. (In Russ.)
17. Lissauskene M. V. Younger Siberians: life values and behavior models of the generation Z (studies of Irkutsk region in 1991, 2013, and 2018). *Siberian Socium*, 2019, 3(1): 46–60. (In Russ.) DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-1-46-60
18. Zhuravleva N. A. Valuable orientations of youth in the conditions of macrosocial transformations. *Spiritual and moral problems of the modern personality*, eds. Volovikova M. I., Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Moscow: IP RAN, 2018, 299–321. (In Russ.)
19. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
20. Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Development of the system of value-semantic orientations of the individual in the professional activity of specialists in deontological status. *Personality and professional activity*, eds. Dikaia L. G., Nevstrueva T. Kh. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2008, vol. 1, 147–159. (In Russ.)
21. Bazarova D. R. The research of values component of youth's world image: a modified test of R. Inglehart – M. Yanitskiy. *BSU bulletin*, 2014, (5): 3–7. (In Russ.)
22. Braun O. A., Arkuzin M. G., Arshinova Ye. V., Bilan M. A. Dynamic characteristics of the identity system of psychology students in the learning process. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2019, 30: 15–29. (In Russ.) DOI: 10.26516/2304-1226.2019.30.15
23. Rassokhina I. Yu., Arshinova Ye. V., Bilan M. A., Gorbatova M. M. Career plans in the professional formation of youth. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2017, (4): 223–229. (In Russ.)
24. Kornienko A. V. Ideas about the life success of student youth. *Mir pedagogiki i psikhologii*, 2018, (9): 104–111. (In Russ.)
25. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Life strategy*. Moscow: Mysl, 1991, 299. (In Russ.)

Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык

Юлия В. Борисенко^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ evseenkova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>

Поступила в редакцию 30.07.2020. Принята к печати 29.09.2020.

Аннотация: *Проблема.* В данной статье изложены результаты исследования, целью которого была апробация и адаптация англоязычной методики исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI), созданной в 1997 г. J. E. Cote. Описаны особенности перевода, адаптации и апробации методики, даны рекомендации по использованию опросника в практике. *Метод.* В нашем исследовании приняли участие 245 испытуемых: 145 женщин и 100 мужчин в возрасте от 17 до 70 лет ($M=28,33$; $SD=14,37$). Результаты методики сравнивались с результатами методики «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. Л. Солдатовой (СЭИ-тест). *Результаты.* Статистический анализ полученных данных, включавший факторный, дисперсионный, корреляционный анализ и вычисление α -Кронбаха, позволяет сделать вывод о достаточной достоверности методики, а также достаточной конструкторной и операциональной валидности методики. *Выводы.* Методика исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI) (в русскоязычном варианте «Шкала определения стадии идентичности Дж. Котэ») успешно апробирована на российской выборке и может быть применена в практике психологического консультирования и для дальнейших исследований в области идентичности.

Ключевые слова: идентичность, стадии, диагностика, родительская идентичность, ранняя зрелость, средняя зрелость

Для цитирования: Борисенко Ю. В. Адаптация методики Identity Stage Resolution Index (ISRI) на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 735–743. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>

Введение

Современный мир не дает человеку готовых решений, позиций в жизни и социуме, предоставляя свободу выбора своего пути, предъявляет значительные требования к самоопределению человека в жизни. Постиндустриальная эпоха с ее меняющимися ориентирами, поликультурностью, полимодальностью векторов развития определяет возможности поливариативности траекторий развития человека, при этом создавая определенную нагрузку на внутреннее условия самоопределения личности. Это определяет исследовательский интерес к проблематике идентичности. Современные исследователи процессуальных характеристик идентичности раскрывают процессы поиска и принятия обязательств на два отдельных, но взаимосвязанных процесса, отражая вариативность выбора одной из многих возможных альтернатив идентичности.

Первоначально психологическое осмысление феномена идентичности получило развитие в работах Э. Эриксона [1] и Дж. Марсии [2]. Для Э. Эриксона идентичность в основном представляет собой субъективное ощущение тождественности и непрерывности во времени и в разных социальных ситуациях и пространственных контекстах, и она лучше всего представлена одним биполярным измерением (сформированная идентичность – диффузная идентичность). Далее была разработана парадигма статуса идентичности [2; 3] – нео-эриксоновская модель

идентичности, определившая на долгие годы направления исследования идентичности [4]. Для Дж. Марсии каждый статус идентичности представляет собой комбинацию уровней (существующих или отсутствующих) поиска и принятия решения [2]. Достигнутая идентичность характеризуется обязательствами, принимаемыми человеком на себя в процессе поиска идентичности, в то время как предрешенная идентичность характеризуется обязательствами, принятыми без какого-либо предварительного поиска. Мораторий и диффузия, с другой стороны, характеризуются относительным отсутствием принятия обязательств, но различаются в том, участвует ли человек в систематическом поиске своей идентичности. Люди, находящиеся в статусе моратория, в настоящее время изучают потенциальный жизненный выбор, в то время как при диффузной идентичности индивиды практически не занимаются систематическим исследованием своей идентичности. Многочисленные исследования, в основном кросс-культурные, были сосредоточены на предполагаемых предшественниках, коррелятах и результатах этих статусов [2; 5]. Таким образом, выделяются четыре стадии процесса идентичности: достигнутая (проведенный поиск, принятие обязательств); мораторий (проведенный поиск, непринятие обязательств), предрешенная (не проведенный поиск, принятие обязательств), диффузная (не проведенный поиск, непринятие обязательств) [6].

В отечественных работах идентичность определяется через тождество самому себе, преемственность индивида и его самосознания во времени. Выделяют психофизиологическую идентичность (чаще всего в медицинских науках) – как единство физиологических и психических процессов и свойств организма. В психологии большое внимание получают исследования социальной идентичности, т. е. осознания человеком принадлежности к какой-либо социальной группе (или группам). Важно, что идентичность может не проявляться в обычных обстоятельствах во внешнем поведении человека, но определяет его самотождественность и восприятие своей жизни и личности как некоего целого [6].

Кроме того, развивает свой подход Е. А. Солдатова и И. А. Шляпникова, которые рассматривают идентичность через призму решения психологических задач возраста [7]. Согласно их идеям, процесс достижения личностной зрелости связан с формированием новых свойств личности, обуславливающих способность человека к решению новых возрастных задач. Данными авторами «эго-идентичность понимается как глубинная личностная структура, которая выполняет регулирующую, управляющую и оценивающую функции с целью сохранения самотождественности, непрерывности и интегративности личности в условиях системных преобразований структуры личности и социальной ситуации развития в период нормативных кризисов» [7, с. 29]. Достижение личностной зрелости определяется формированием определенных свойств личности, соответствующих конкретному возрасту, равно как их интеграцией. Именно интеграция и является функцией идентичности личности [7].

В этом смысле интересны идеи J. Côté, который развил данные положения в своей модели капитала идентичности. Согласно его представлениям [8], для современного постмодернистского общества западной культуры характерна ориентация на потребление, являющаяся не только основой функционирования экономических систем, но и способом создания собственной социальной идентичности. Неопределенность социальных ориентиров может вызывать чувство незащищенности, усиливающее у молодых людей ориентацию на мнения окружающих [9]. Следствием быстрой смены укладов жизни, когда взрослые не могут обеспечить своих детей моделями поведения, успешными в новых условиях [5], становится уменьшение влияния старшего поколения на становление идентичности молодежи [10]. При этом снижение значимости наследственных социальных позиций в постиндустриальных обществах приводит к тому, что молодому человеку приходится самому строить траекторию своей жизни [11], самостоятельно отвечая за собственное развитие, в том числе и за поиск своей идентичности [12].

Разрешение кризиса идентичности, по мнению J. Côté [8], предполагает интеграцию молодого человека в социум взрослых самодостаточных людей. Условиями этой интеграции являются, во-первых, развитие чувства

взрослости, определяемого внутренним переживанием, основанном на мнении окружающих, т. е. достижение взрослой идентичности, а во-вторых, развитое ощущение, что человек нашел свое собственное место в обществе и референтную группу людей, с которыми он готов разделить свою жизнь (социальная идентичность). Оба этих условия согласуются с позициями Э. Эриксона, где кризис идентичности, приходящийся на пограничную точку между подростковым возрастом и взрослостью (переход во взрослость), предполагает достижение ощущения того, что человек нашел свое место в мире взрослых [13].

Оба эти параметра: взрослая идентичность и социальная идентичность – рассматриваются J. Côté [8] как показатели разрешения кризиса идентичности. При этом легкость или затруднения на пути достижения взрослой и социальной идентичности определяются имеющимися у личности в период кризиса ресурсами (капиталом). J. Côté подробно останавливается на проблеме ресурсов личности, способствующих достижению идентичности. Ресурсы идентичности, по его мнению, можно разделить на две большие группы: социальные и психологические. Социальные ресурсы, такие как экономический статус родительской семьи, принадлежность к определенной этнической или социальной группе (например, к скаутам, к членам спортивной или иной команды или ассоциации, к сотрудникам компании), дают преимущества обладающим ими индивиду в поиске своей идентичности, облегчают нахождение своего круга общения [8]. Психологические ресурсы – это характеристики личности (психическое здоровье, способности) и различные возрастные характеристики, которые могут быть ресурсом (гибкость, мобильность), особенности характера, внутренний локус контроля, самоуважение, умение выстроить целеполагание, видение социальных перспектив, способность к критическому мышлению и любые когнитивные способности, нравственные характеристики, самоуважение, самооэффективность, принятые в различных сферах обязательства личности, навыки самопрезентации [14]. Они помогают человеку разбираться и активно справляться с трудностями поиска идентичности, распознавать и использовать преимущества возможностей, возникающих на пути к зрелости.

Социальные ресурсы, позволяющие легче совершить поиск своей идентичности, включают в себя приписываемые или передаваемые коды идентичности, такие как родительский социальный класс, финансовое обеспечение, позволяющее получить лучшее образование, связи родителей, позволяющие получить лучшую работу, и этническая принадлежность человека, определяющие конкретные социальные контексты, облегчающие достижение идентичности. Сюда могут относиться также заработанные человеком профессиональная репутация и статус, равно как и его собственные профессиональные связи. J. Côté делает акцент на том, что не столько финансовая составляющая, сколько культурные коды социального статуса наряду с паттернами поведения человека, такими как навыки общения и другие социальные

навыки, определяют значение социальных ресурсов. В свою очередь, психологические ресурсы поддерживают социальные ресурсы, например навыки презентации, которые помогают человеку легче найти место в социуме.

Социальные и психологические ресурсы включаются в т. н. капитал идентичности (по J. Côté). Большой капитал идентичности способствует более легкой интеграции личности в сообщество взрослых людей. Чем больше ресурсов капитала идентичности накапливает индивид, тем ближе он к разрешению кризиса поиска идентичности (идентичностному переходу) в какой-либо области. При этом в контексте постмодернистского общества жизненно важны те ресурсы, которые помогут личности осуществить поиск и выбор пути в ситуациях отсутствия нормативных требований или в ситуациях остаточных нормативных требований, которые сохраняются в каких-то сферах жизни человека. J. Côté полагает, что наиболее важны психологические ресурсы, приобретенные в процессе развития, особенно навыки взаимодействия с различными социальными слоями и умения коммуницировать в различных социальных контекстах. Важно, что ресурсы, приобретенные на любом этапе развития, облегчают последующую траекторию развития личности и поиска ею идентичности в различных контекстах современного поливариативного мира.

В связи с тем, что в одних сферах жизни нормативные требования размываются, а в других сохраняются либо трансформируются (например, в сфере семьи и воспитания детей), поиск собственной идентичности может представлять достаточно сложный процесс. Соответственно, молодые люди как никогда нуждаются в широком репертуаре личностных и социальных ресурсов для вхождения во взрослое общество. Те молодые люди, кто не имеет либо имеет недостаточно этих ресурсов, сталкиваются с большими проблемами в социальной и / или экономической сферах жизни. J. Côté полагает, что именно поэтому широкий выбор вариантов поведения и траектории жизни в современном обществе приводит к увеличению периода перехода ко взрослости, т. е. удлинению периода моратория идентичности, что проявляется в неспособности сделать выбор, и избегания принятия обязательств в юности и ранней взрослости (например, выбор гражданского брака как вариант откладывания важного решения) [8].

Именно поэтому проблемы идентичности в ранней юности [15; 16] и ранней взрослости [17] привлекают значительное внимание исследователей [18–20]. И если проблемы выбора образовательной траектории, профессии и профессиональной идентичности привлекают внимание исследователей очень давно [21], то вопросы, связанные с личным счастьем человека, его супружеской и родительской идентичностью как ориентирами жизненного пути личности, остаются малоисследованными и ждут своей разработки [22].

На основе данных положений J. Côté в 1997 г. была создана методика исследования стадий идентичности Identity Stage Resolution Index (ISRI). Первоначально методика

была разработана с учетом результатов исследований [14] и включала семь вопросов, касавшихся двух конструктов идентичности: взрослой идентичности и социальной идентичности.

В последующих исследованиях количество вопросов сократилось до шести элементов, причем каждая подшкала включала по три утверждения. Методика была переведена и адаптирована нами в 2020 г. В переводе методика получила название «Шкала определения стадии идентичности Дж. Коте» (ISRI). В русском варианте методика включает 6 утверждений – по три утверждения для каждого параметра: идентичность взрослого и социальная идентичность. Для оценки идентичности взрослого используются следующие утверждения: Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком (ИБ1), Вас уважают как состоявшегося взрослого человека (ИБ2), Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости (ИБ3). Для оценки социальной идентичности: Вы нашли свое место в жизни (СИ1), Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ2), Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем (СИ3). Испытуемому необходимо выбрать один из предложенных вариантов ответа: совершенно верно (оценивается в 4 балла); большей частью верно (3 балла); скорее верно, чем неверно (2 балла); скорее неверно, чем верно (1 балл); неверно (0 баллов). Результаты методики оцениваются по суммарному баллу всех ответов. При этом, согласно J. Côté, при 18–24 баллах для испытуемого характерна достигнутая идентичность, при 13–17 баллах – предпринятая идентичность, при 7–12 баллах наблюдается мораторий идентичности и при 0–6 присутствует диффузная идентичность.

Методы и организация исследования

Целью нашего исследования была апробация и адаптация англоязычной методики исследования стадии идентичности личности Identity Stage Resolution Index (ISRI). Методика компактна, широко используется за рубежом, переведена на голландский [23] и польский языки [24].

С разрешения автора исходный текст методики был переведен на русский язык. Адекватность перевода была определена с помощью экспертных оценок с участием филологов, а также подтверждена в обратном переводе русского варианта на английский язык. Далее в апробации опросника приняли участие 245 человек (145 женщин и 100 мужчин) – жители Кемеровской области в возрасте от 17 до 70 лет ($M=28,33$; $SD=14,37$).

Для оценки критериальной валидности нами использовалась методика «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. А. Солдатовой (СЭИ-тест) [7].

Статистический анализ данных включал расчет описательных статистик, корреляционный, факторный анализ, t-критерий Стьюдента. Для обработки данных использовались программы STATISTICA 10.

Результаты

Конструкторная (факторная) валидность теста.

Учитывая данные автора [8], мы исходили из предположения о двухфакторной структуре опросника, однако был предпринят и эксплораторный, и конфиматорный факторный анализ. При эксплораторном факторном анализе без вращения выяснилось, что в русскоязычной версии при двухфакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 62 %. Проверив однофакторную модель, мы обнаружили, что при однофакторной модели доля объясняемой дисперсии составила 73 % (табл. 1).

Табл. 1. Результаты факторного анализа

Tab. 1. Results of factor analyses

Вопрос	Однофакторная модель	Двухфакторная модель	
		фактор 1	фактор 2
Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком	–0,88	0,01	–0,79
Вас уважают как состоявшегося взрослого человека	–0,91	0,12	–0,89
Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости	–0,87	0,33	–0,88
Вы нашли свое место в жизни	–0,90	–0,89	–0,30
Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	–0,86	–0,85	–0,04
Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	–0,67	–0,66	0,11
Общая дисперсия	4,35	3,43	1,56
Доля дисперсии	0,73	0,42	0,20

Далее был проведен подтверждающий (конфиматорный) факторный анализ для определения согласованности однофакторной и двухфакторной моделей с моделированием структурных уравнений (SEPATH, STATISTICA 10) и использованием для анализа структуры метода GLS→ML, включающего в том числе оценивание с помощью метода максимального правдоподобия. Результаты вычисления критериев согласованности для двух оцениваемых структур (*model fit*) представлены в табл. 2.

Сделан вывод, что двухфакторное решение является оптимальным для данной методики с учетом, что для нее значения индексов 2 и 3 меньше 0,05 при значениях индексов 4 и 5, близких к 1, что говорит о хорошей согласованности двухфакторной модели.

Табл. 2. Критерии согласия модели для двух вариантов факторной структуры

Tab. 2. Consistency criteria for two models of the factor structure

Критерий	Двухфакторная структура	Однофакторная структура
М-П Хи-квадрат	88,57	342,89
RMS стандартизованных остатков	0,048	0,084
RMSEA Стингера–Линда	0,049	0,079
Гамма индекс	0,944	0,792
Индекс Джорескога (GFI)	0,968	0,873

Предсказуемость ответов на вопросы внутри опросника (т. е. внутренней согласованности вопросов методики) была рассчитана с помощью коэффициента Кронбаха. α -Кронбаха, вычисленные нами отдельно для мужчин и женщин по данным изучаемого опросника, представлены в табл. 3.

Табл. 3. Внутренняя согласованность адаптированного опросника, α -Кронбаха

Tab. 3. Reliability of the adapted test, Cronbach's α

Параметр	Вся выборка	Мужчины	Женщины
Взрослая идентичность	0,88	0,82	0,89
Социальная идентичность	0,79	0,84	0,78

Тест-ретестовая надежность оценивалась по результатам использования опросника с интервалом 6 месяцев. Значение коэффициента корреляции по Пирсону между результатами двух замеров составляло 0,90 при 1 %-ном уровне значимости.

Операциональная валидность. В силу того, что в нашей стране нет диагностических методик, разработанных в рамках концепции Ж. Е. Соте для оценки операциональной валидности опросника, был проведен корреляционный анализ взаимосвязей данных опросника с оценками опросника «Тест статусов и структуры эго-идентичности» Е. Л. Солдатовой (СЭИ-тест). По результатам корреляционного анализа по Пирсону ($p \leq 0,05$) диффузная идентичность = –0,31; достигнутая идентичность = 0,48; предпринятая идентичность = 0,23.

СЭИ-тест выстроен в рамках концепции Дж. Марсии о стадиях процесса идентичности, и, несмотря на критику позиции Дж. Марсии Дж. Котэ, векторы разворачивания процессов идентичности в обоих подходах схожи.

Проанализировав отдельно группу наших испытуемых, которые продемонстрировали достигнутую идентичность по методике ISRI, с помощью ранговой корреляции

по Спирмену, мы обнаружили, что их результаты прямо связаны с достигнутой идентичностью СЭИ-теста ($0,48, p \leq 0,05$) и обратно коррелируют с диффузной идентичностью ($-0,61, p \leq 0,05$). Для предрешенной идентичности взаимосвязи оказались незначимыми.

У группы испытуемых, продемонстрировавших предрешенную идентичность по методике ISRI, обнаружилось, что их результаты прямо связаны с предрешенной идентичностью СЭИ-теста ($-0,61, p \leq 0,05$), остальные взаимосвязи оказались незначимыми.

У группы испытуемых с диффузной идентичностью по методике ISRI результаты прямо связаны с диффузной идентичностью СЭИ-теста ($0,72, p \leq 0,05$) и обратно коррелируют с достигнутой идентичностью ($-0,49, p \leq 0,05$). Для предрешенной идентичности взаимосвязи оказались незначимыми.

Проанализировав отдельно группу наших испытуемых, которые продемонстрировали мораторий идентичности по методике ISRI, мы не обнаружили значимых связей ни с одним из параметров СЭИ-теста.

Дисперсионный анализ позволил уточнить данные, полученные с помощью корреляционного анализа, о согласованности адаптированной методики с данными СЭИ-теста. Так, диффузной идентичности по СЭИ-тесту соответствуют самые низкие результаты по изучаемой методике «Шкала определения стадии идентичности Дж. Коте». Для предрешенной идентичности наблюдается самая большая дисперсия и средние результаты по изучаемой методике, что, вероятно, связано с различными обстоятельствами формирования предрешенной идентичности личности. Самые высокие баллы по «Шкале определения стадии идентичности Дж. Коте» характерны для лиц с достигнутой идентичностью по СЭИ-тесту (рис.).

С учетом того, что методика включает в себя два параметра: социальную и взрослую идентичность, было сделано предположение, что ее результаты могут быть связаны с возрастом испытуемых. Для уточнения данных мы провели сравнение результатов групп ранней взрослости

(средний возраст $M=22,19$; $SD=10,07$) и средней взрослости (средний возраст $M=42,22$; $SD=12,21$). Было проведено сравнение между группами разных возрастов по t-критерию Стьюдента для независимых выборок при $p \leq 0,01$ (табл. 4).

Табл. 4. Различия между группами разных возрастов по t-критерию Стьюдента, $p \leq 0,01$

Tab. 4. Differences between two age groups, Student's t-test, $p \leq 0,01$

Параметр	Среднее		t	Ст. отклонение	
	ранняя взрослость	средняя взрослость		ранняя взрослость	средняя взрослость
Вы считаете себя состоявшимся взрослым человеком	1,66	3,57	-13,79	1,05	0,97
Вас уважают как состоявшегося взрослого человека	1,69	3,56	-14,81	1,04	0,65
Вы чувствуете, что Вы достигли зрелости	1,47	3,40	-13,51	1,18	0,75
Вы нашли свое место в жизни	1,46	3,43	-13,11	1,23	0,82
Вы выстроили свой стиль жизни, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	1,69	3,17	-9,14	1,31	0,91
Вы нашли свой круг общения, который устраивает Вас и будет устраивать в дальнейшем	2,53	3,41	-6,14	1,23	0,63
Идентичность	10,50	20,55	-15,06	5,43	3,73

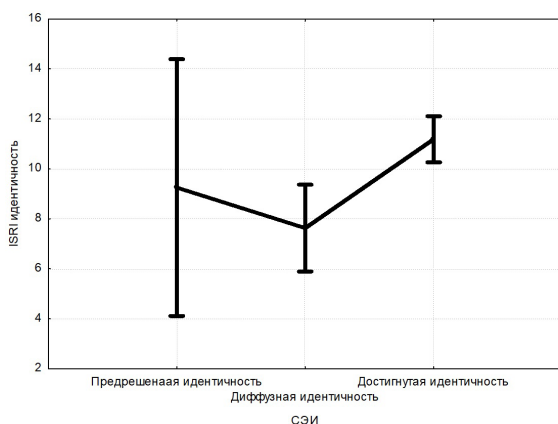

Рис. Результаты дисперсионного анализа
Fig. One-way ANOVA results

Были найдены значимые различия между двумя группами по результатам данной методики по параметру *идентичность*, что согласуется с теоретическими положениями автора методики, полагающего, что с возрастом многие вопросы поиска идентичности решаются через вхождение в профессиональное и социальное сообщество взрослых. Кроме того, были найдены различия и по результатам всех вопросов методики [14]. При этом лица в период средней взрослости оценивают себя выше по всем параметрам, что согласуется с теоретическими положениями автора. Статистически значимых различий между мужчинами и женщинами в период ранней взрослости, так же как и между мужчинами и женщинами в период средней взрослости, выявлено не было.

Заключение

Результаты нашего исследования позволяют сделать вывод о приемлемой валидности переведенной методики и возможности ее использования на русскоязычной выборке для изучения особенностей идентичности. Следует отметить некоторые ограничения настоящего исследования. Во-первых, его результаты основываются на самоотчетах испытуемых. Это создает некоторые ограничения в интерпретации и экстраполяции результатов. Во-вторых, при изучении операциональной валидности переведенной методики мы не изучали отдельные ее шкалы, например, шкала социальной идентичности не была исследована. Однако, подсчет результатов методики включает в себя обе шкалы, т. е. дальнейшая работа с использованием данной методики может быть выстроена в направлении изучения особенностей взаимосвязей взрослой и социальной идентичности, а также в направлении изучения ресурсов, позволяющих найти свою идентичность, как это было сделано, например, на польской выборке [24]. Наконец, изучение в этом исследовании результатов небольшой выборки ограничивает обобщаемость результатов. Несмотря на данные ограничения, методика может быть использована в рамках исследований идентичности. Методика очень компактна и проста по сравнению с аналогами, что отвечает

современным тенденциям в психодиагностике и позволит использовать ее как удобный диагностический инструмент для оценки стадии идентичности личности в ранней и средней взрослости [25]. Методика позволяет исследователям отслеживать прогресс людей во взрослой жизни и их оценку становления в обществе значимых других (социальную и личностную идентичность с точки зрения автора [14]). Исследования с использованием данной методики могут быть сопоставимы с зарубежными исследованиями идентичности [26; 27], в том числе идентичности лиц с психологическими проблемами [28; 29], и родительской идентичности [17; 30].

Примечания

Исследование проводилось с соблюдением норм профессиональной и исследовательской этики. Все испытуемые принимали участие в исследовании добровольно после подробного описания предполагаемой работы, им была гарантирована анонимность и возможность выйти из исследования на любом этапе работы. В силу специфики полученных данных открытый доступ к ним отсутствует. Материалы можно получить при обращении к автору статьи. Конфликт интересов в связи с описанными в статье данными отсутствует. Автор выражает благодарность всем участникам исследования.

Литература

1. Erikson E. H. Identity: youth and crisis. N. Y.: W. W. Norton, 1968. 336 p.
2. Marcia J. E. Identity and psychosocial development in adulthood // Identity: An International Journal of Theory and Research. 2002. Vol. 2. № 1. P. 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02
3. Kroger J. Identity in childhood and adolescence // International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences / ed. J. D. Wright. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015. Vol. 11. P. 537–542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
4. Luyckx K., Schwartz S. J., Goossens L., Beyers W., Missotten L. Processes of personal identity formation and evaluation // Handbook of identity theory and research / eds. S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. N. Y.: Springer, 2011. P. 77–98. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_4
5. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E. A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders: identity in eating disorders // European Eating Disorders Review. 2017. Vol. 25. № 1. P. 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487
6. Злоказов К. В. Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона // Педагогическое образование в России. 2015. № 9. С. 155–161.
7. Солдатова Е. А., Шляпникова И. А. Связь эго-идентичности и личностной зрелости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 29–33.
8. Côté J. E. The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings. London, Ontario, Canada, 2016. 80 p. DOI: 10.13140/RG.2.1.4202.9046
9. Berzonsky M. D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. № 2. P. 295–299. DOI: 10.1016/j.paid.2010.10.007
10. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth // Europe's Journal of Psychology. 2017. Vol. 13. № 3. P. 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
11. Kroger J. Identity development: Adolescence through adulthood. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007. 306 p.
12. Peters J. R., Eisenlohr-Moul T. A., Upton B. T., Talavera N. A., Folsom J. J., Baer R. A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. 2017. Vol. 39. № 3. P. 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x

13. Debast I., Rossi G., Alphen S. P. J. van, Pauwels E., Laurence C., Dierckx E., Peuskens H., Santens E., Schotte C. K. W. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms // *Journal of Personality Assessment*. 2015. Vol. 97. № 4. P. 321–329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
14. Cote J. E. An empirical test of the identity capital model // *Journal of Adolescence*. 1997. Vol. 20. № 5. P. 577–597. DOI: 10.1006/jado.1997.0111
15. Inguglia C., Inguglia S., Liga F., Lo Coco A., Lo Cricchio M. G. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress // *Journal of Adult Development*. 2015. № 22. P. 1–13. DOI: 10.1007/s10804-014-9196-8
16. Verschuere M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences // *Psychologica Belgica*. 2017. Vol. 57. № 1. P. 32–42. DOI: 10.5334/pb.348
17. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain // *Scandinavian Journal of Psychology*. 2018. Vol. 59. № 2. P. 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416
18. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2005. Vol. 5. № 1. P. 1–20.
19. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. H. J. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model // *Journal of Adolescence*. 2008. Vol. 31. № 2. P. 207–222. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.002
20. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 1. P. 58–82. DOI: 10.1016/j.jrp.2007.04.004
21. Doeselaar L. van, Becht A., Klimstra T., Meeus W. H. J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity // *European Psychologist*. 2018. Vol. 23. № 4. P. 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334
22. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development // *The Oxford handbook of identity development* / eds. K. C. McLean, M. Syed. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 539–561.
23. Luyckx K., De Witte H., Goossens L. Perceived instability in emerging adulthood: The protective role of identity capital // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2011. Vol. 32. № 3. P. 137–145. DOI: 10.1016/j.appdev.2011.02.002
24. Piotrowski K., Brzezińska A. I. Polish adaptation of James Côté's Identity Stage Resolution Index // *Psychological Studies*. 2015. Vol. 53. № 3. P. 33–44. DOI: 10.2478/V1067-010-0138-7
25. Борисенко Ю. В. Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2020. 552 с.
26. Piotrowski K., Brzezińska A., Luyckx K. Adult roles as predictors of adult identity and identity commitment in Polish emerging adults: Psychosocial maturity as an intervening variable // *Current psychology*. 2018. DOI: 10.1007/s12144-018-9903-x
27. Vossylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? // *Emerging Adulthood*. 2018. Vol. 6. № 1. P. 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698
28. Berzonsky M., Kinney A. Identity processing style and depression: The mediational role of experiential avoidance and self-regulation // *Identity: An International Journal of Theory and Research*. 2019. Vol. 19. № 2. P. 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341
29. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity impairment as a central dimension in personality pathology // *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*. 2020. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9
30. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Lyyra A.-L., Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age // *Parenting: Science and Practice*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989

Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI)

Julia V. Borisenko ^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ evseenkova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-5218-2841>

Received 30.07.2020. Accepted 29.09.2020.

Abstract: *Objective.* In this article we present the translation and adaptation of the "Identity Stage Resolution Index (ISRI)" into Russian. *Method.* We studied the results of 245 participants: 100 male and 145 female at the age of 17–70 years old ($M=28,33$; $SD=14,37$). We analyzed the results of ISRI comparing them to Russian test of statuses and structure of ego-identity (E. L. Soldatova). *Results.* The statistic analysis of the data let us conclude that Russian version of ISRI has been shown to be a generally valid and reliable psychometric technique for assessing identity stages. *Conclusion.* The "Identity Stage Resolution Index (ISRI)" was successfully translated and adopted into Russian and might be used as a psychometric technique for psychological consulting and investigation for identity.

Keywords: identity, identity stages, measures, parental identity, early adulthood, middle adulthood

For citation: Borisenko J. V. Russian Adaptation of Identity Stage Resolution Index (ISRI). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 735–743. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-735-743>

References

1. Erikson E. H. *Identity: youth and crisis*. N. Y.: W. W. Norton, 1968, 336.
2. Marcia J. E. Identity and psychosocial development in adulthood. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2002, 2(1): 7–28. DOI: 10.1207/S1532706XID0201_02
3. Kroger J. Identity in childhood and adolescence. *International Encyclopedia of the Social and Behavior Sciences*, ed. Wright J. D., 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2015, vol. 11, 537–542. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.34015-6
4. Luyckx K., Schwartz S. J., Goossens L., Beyers W., Missotten L. Processes of personal identity formation and evaluation. *Handbook of identity theory and research*, eds. Schwartz S. J., Luyckx K., Vignoles V. L. N. Y.: Springer, 2011, 77–98. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_4
5. Verschueren M., Luyckx K., Kaufman E. A., Vansteenkiste M., Moons P., Sleuwaegen E., Berens A., Schoevaerts K., Claes L. Identity processes and statuses in patients with and without eating disorders: identity in eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2017, 25(1): 26–35. DOI: 10.1002/erv.2487
6. Zlokazov K. V. Issues of the identity development in studies of Erikson's followers. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 2015. (9): 155–161. (In Russ.)
7. Soldatova E. L., Shlyapnikova I. A. Correlation between ego-identity and maturity of personality. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya*, 2015, 8(1): 29–33. (In Russ.)
8. Côté J. E. *The identity capital model: A handbook of theory, methods, and findings*. London, Ontario, Canada, 2016, 80. DOI: 10.13140/RG.2.1.4202.9046
9. Berzonsky M. D., Cieciuch J., Duriez B., Soenens B. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2011, 50(2): 295–299. DOI: 10.1016/j.paid.2010.10.007
10. Galanaki E., Leontopoulou S. Criteria for the transition to adulthood, developmental features of emerging adulthood, and views of the future among greek studying youth. *Europe's Journal of Psychology*, 2017, 13(3): 417–440. DOI: 10.5964/ejop.v13i3.1327
11. Kroger J. *Identity development: Adolescence through adulthood*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2007, 306.
12. Peters J. R., Eisenlohr-Moul T. A., Upton B. T., Talavera N. A., Folsom J. J., Baer R. A. Characteristics of repetitive thought associated with borderline personality features: A multimodal investigation of ruminative content and style. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2017, 39(3): 456–466. DOI: 10.1007/s10862-017-9594-x
13. Debast I., Rossi G., Alphen S. P. J. van, Pauwels E., Laurence C., Dierckx E., Peuskens H., Santens E., Schotte C. K. W. Age neutrality of categorically and dimensionally measured DSM-5 section II personality disorder symptoms. *Journal of Personality Assessment*, 2015, 97(4): 321–329. DOI: 10.1080/00223891.2015.1021814
14. Cote J. E. An empirical test of the identity capital model. *Journal of Adolescence*, 1997, 20(5): 577–597. DOI: 10.1006/jado.1997.0111

15. Inguglia C., Ingoglia S., Liga F., Lo Coco A., Lo Cricchio M. G. Autonomy and relatedness in adolescence and emerging adulthood: Relationships with parental support and psychological distress. *Journal of Adult Development*, 2015, (22): 1–13. DOI: 10.1007/s10804-014-9196-8
16. Verschueren M., Rassart J., Claes L., Moons P., Luyckx K. Identity statuses throughout adolescence and emerging adulthood: A large-scale study into gender, age, and contextual differences. *Psychologica Belgica*, 2017, 57(1): 32–42. DOI: 10.5334/pb.348
17. Piotrowski K. Adaptation of the Utrecht-Management of Identity Commitments Scale (U-MICS) to the measurement of the parental identity domain. *Scandinavian Journal of Psychology*, 2018, 59(2): 157–166. DOI: 10.1111/sjop.12416
18. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Kokko K. Identity processes in adulthood: Diverging domains. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2005, 5(1): 1–20.
19. Crocetti E., Rubini M., Meeus W. H. J. Capturing the dynamics of identity formation in various ethnic groups: Development and validation of a three-dimensional model. *Journal of Adolescence*, 2008, 31(2): 207–222. DOI: 10.1016/j.adolescence.2007.09.002
20. Luyckx K., Schwartz S. J., Berzonsky M. D., Soenens B., Vansteenkiste M., Smits I., Goossens L. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence. *Journal of Research in Personality*, 2008, 42(1): 58–82. DOI: 10.1016/j.jrp.2007.04.004
21. Doeselaar L. van, Becht A., Klimstra T., Meeus W. H. J. A review and integration of three key components of identity development: Distinctiveness, coherence, and continuity. *European Psychologist*, 2018, 23(4): 278–288. DOI: 10.1027/1016-9040/a000334
22. Schwartz S., Luyckx K., Crocetti E. What have we learned since Schwartz (2001)? A reappraisal of the field of identity development. *The Oxford handbook of identity development*, eds. McLean K. C., Syed M. Oxford: Oxford University Press, 2015, 539–561.
23. Luyckx K., De Witte H., Goossens L. Perceived instability in emerging adulthood: The protective role of identity capital. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2011, 32(3): 137–145. DOI: 10.1016/j.appdev.2011.02.002
24. Piotrowski K., Brzezińska A. I. Polish adaptation of James Côté's Identity Stage Resolution Index. *Psychological Studies*, 2015, 53(3): 33–44. DOI: 10.2478/V1067-010-0138-7
25. Borisenko J. V. Psychological fatherhood readiness: psychological and pedagogical context and care technologies. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2020, 552. (In Russ.)
26. Piotrowski K., Brzezińska A., Luyckx K. Adult roles as predictors of adult identity and identity commitment in Polish emerging adults: Psychosocial maturity as an intervening variable. *Current psychology*, 2018. DOI: 10.1007/s12144-018-9903-x
27. Vosylis R., Erentaitė R., Crocetti E. Global versus domain-specific identity processes: Which domains are more relevant for emerging adults? *Emerging Adulthood*, 2018, 6(1): 32–41. DOI: 10.1177/2167696817694698
28. Berzonsky M., Kinney A. Identity processing style and depression: The mediational role of experiential avoidance and self-regulation. *Identity: An International Journal of Theory and Research*, 2019, 19(2): 83–97. DOI: 10.1080/15283488.2019.1567341
29. Bogaerts A., Luyckx K., Bastiaens T., Kaufman E., Claes L. Identity impairment as a central dimension in personality pathology. *Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment*, 2020. DOI: 10.1007/s10862-020-09804-9
30. Fadjukoff P., Pulkkinen L., Lyyra A.-L., Kokko K. Parental identity and its relation to parenting and psychological functioning in middle age. *Parenting: Science and Practice*, 2016, 16(2): 87–107. DOI: 10.1080/15295192.2016.1134989

Содержательные характеристики гражданской идентичности студентов*

Ольга А. Браун^{a, @, ID}; Михаил Г. Аркузин^a

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ oabraun09@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Поступила в редакцию 29.06.2020. Принята к печати 24.07.2020.

Аннотация: Статья посвящена описанию результатов эмпирического исследования содержательных характеристик гражданской идентичности студентов. Исходя из методологии конструктивистского подхода, гражданская идентичность понимается как формирующееся в процессе личностного развития когнитивно-ценностное образование, выражающееся в субъективной значимости своей гражданской принадлежности, в структуре которого выделяются когнитивный (содержательный), аффективный (эмоционально-оценочный) и поведенческий компоненты. Изучение когнитивной составляющей гражданской идентичности студентов является первым этапом исследования ее актуального состояния. Исследование проходило в феврале 2020 г., для сбора данных использовались опрос (анкетирование, методика «Опросник гражданина» О. С. Дейнека) и анализ документов (контент-анализ сочинений «Моя страна Россия»). В результате была описана структура содержательного компонента гражданской идентичности, включающая образ государства, власти, сограждан, модельный образ гражданина, представления о ценностях, природной среде, культуре и истории России. Полученные данные дают основание утверждать, что гражданская идентичность имеет мировоззренческие, социальные и средовые основания. Наиболее позитивно респондентами оцениваются природа, территория и исторические достижения России, к проблемным представлениям относятся образ государства, сограждан, власти. Изучение содержательных оснований гражданской идентичности является необходимым этапом разработки технологий ее сопровождения в процессе обучения.

Ключевые слова: личность, Я-концепция, социальная идентичность, этническая идентичность, средовая идентичность, гражданская идентичность, патриотизм, содержательный компонент идентичности

Для цитирования: Браун О. А., Аркузин М. Г. Содержательные характеристики гражданской идентичности студентов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 744–754. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-744-754>

Введение

Социальные изменения, происходящие в мире, затрагивают различные аспекты жизнедеятельности человека, трансформируют не только поведенческие сценарии, но и процессы социальной категоризации. Постмодернизм современного общества проявляется в культурном разнообразии и приводит к размыванию привычных устоявшихся признаков социальных категорий, норм, ценностей. Одновременно обостряются процессы межгруппового социального взаимодействия, переходя из политического противостояния в информационную войну, целью которой является формирование определенного самосознания личности. В таких условиях изучение представлений о гражданской идентичности из научной проблемы превращается в социальную необходимость, связанную с безопасностью государства. Понимание значимости гражданской идентичности молодежи для устойчивого функционирования общества находит свое отражение и на государственном уровне. В государственной программе «Патриотическое воспитание

граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.», Указе Президента РФ от 01.06.2012 № 761 «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы», Указе Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», федеральных образовательных стандартах подчеркивается значение патриотизма как ценности, и закрепляется необходимость гражданского воспитания студентов.

Проблема исследования связана со сложившимся на данный момент противоречием между значимостью гражданской идентичности для личности и социума и слабой изученностью ее актуального содержания в молодежной студенческой среде.

В настоящее время в психологии описано большое количество различных видов идентичности. Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и Е. Н. Загоруйко описывают более 10 оснований, по которым различные исследователи выделяют виды и формы идентичности [1]. Различные виды идентичности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00066 «Система идентичности личности учащейся молодежи: динамика, факторы, угрозы».

группируются в блоки на основе сходства объектов идентификации. Например, идентичности, в которых объектом идентификации выступают некоторые социальные группы, образуют в совокупности социальную идентичность; психические свойства, черты характера – личностную; идеи, ценности, принципы – мировоззренческую; элементы окружающей среды – средовую и т. д. В некоторых случаях объект идентификации имеет сложную структуру, включающую социальные, мировоззренческие и средовые компоненты. К таким видам идентичности относится гражданская идентичность. Неопределенность объекта идентификации как психологической категории приводит к появлению многочисленных подходов к определению понятия.

Ряд исследователей в качестве объекта идентификации при формировании гражданской идентичности называют нацию, обосновывая это тем, что в англоязычной литературе нация – синоним государства и его граждан, поэтому гражданская идентичность называется национальной [2]. При этом понятие *нация* они рассматривают как общность людей, складывающуюся в ходе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, этнических особенностей культуры и характера. Однако среди исследователей гражданской идентичности существует и другое понимание нации. Согласно модели гражданского национализма, нация – граждане, объединившиеся в государственную общность независимо от этнического происхождения, – предполагает общность законов и правовых институтов, четкие географические границы, а также гражданство и общую культуру [3]. В такой трактовке понятие *нация* становится очень близко понятию *государство*. И соответственно, как пишет З. В. Сикевич, национальная самоидентификация будет предполагать «символическое включение себя в гражданскую общность "мы – россияне"», т. е. станет синонимом гражданской идентичности (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Гелленер и др.) [4].

В некоторых работах определение гражданской идентичности строится через понятие *гражданское общество* и предполагает принятие определенных прав и обязанностей человека как некоторых ценностей, т. е., скорее, является элементом мировоззренческой идентичности [5]. С. Н. Голикова определяет гражданскую идентичность как «осознание человеком принадлежности к гражданскому сообществу, имеющее для него значимый смысл и базирующееся на результатах личностного самоопределения, характеризующее его взаимоотношения с гражданским сообществом и выполнение определенных социальных ролей внутри него» [6, с. 97].

Существуют определения, акцент в которых ставится на социальной составляющей гражданской идентичности. В трудах В. С. Агеева [7], А. Г. Асмолова и др. гражданская идентичность выступает как осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл, основанное

на признаке гражданской общности, характеризующем ее как коллективного субъекта.

Относительно менее представленным в психологии является подход, рассматривающий гражданскую идентичность как элемент группового самосознания, надиндивидуальный феномен, характеристику коллективного субъекта (А. Г. Асмолов [8], Т. Водолажская [9] и др.).

Таким образом, в настоящее время гражданская идентичность может рассматриваться как идентичность с нацией, гражданским обществом или государством. В рамках подхода, рассматривающего гражданскую идентичность как идентичность с государством, условно можно выделить несколько направлений, в первом понятие *государство* рассматривается как самостоятельный элемент психической реальности, не дифференцируясь на отдельные компоненты, сторонники второго направления рассматривают государство прежде всего как социальную группу – сообщество сограждан, подчеркивая тем самым социальный характер гражданской идентичности.

Предпринимаются попытки сформулировать некоторое интегральное определение гражданской идентичности. В частности, И. В. Вилкова отмечает, что понятие *гражданская идентичность* объединяет философские, социально- и политико-ориентированные категории и выражается в осознании личностью принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, готовности и способности выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности, пользоваться правами, принимать активное участие в жизни государства [10].

В рамках данного исследования под гражданской идентичностью понимается сложное комплексное когнитивно-ценностное образование, выражающееся в субъективной значимости своей гражданской принадлежности, основанное на осознании себя гражданином своей страны и ощущении связанности, причастности к ее судьбе и сообществу граждан. Гражданская идентичность тесно связана с другими видами идентичности, в первую очередь теми, в которых объектом идентификации выступают большие социальные группы, поскольку именно они реализуют те же психологические функции, что и гражданская идентичность. Например, Г. У. Солдатова на базе своих исследований доказывает, что гражданская идентичность как подсистема является составной частью этнической идентичности [11]. Как показывают наши исследования, это утверждение характерно скорее для титульного этноса, что же касается других этнических групп, то здесь соотношение этнической и гражданской идентичности не столь однозначно [12; 13]. С точки зрения Т. Водолажской, гражданская и этническая идентичности «имеют различную степень значимости для представителей титульного и не титульного этноса и могут находиться как в отношениях взаимной поддержки и дополнения (для первых), так и в отношениях конкуренции и противостояния (для вторых)» [9, с. 141].

Как и любой вид идентичности, гражданская идентичность имеет свою структуру. Наибольшее единодушие наблюдается в выделении когнитивного компонента, содержащего некоторые представления о том, что значит быть гражданином конкретного государства. Помимо этого, Р. В. Ефименко и С. Т. Баранов предлагают выделять коннотативный (эмоционально-мотивационный), аксиологический (ценностный) и поведенческий компоненты [14].

Трехкомпонентную структуру, включающую когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты, предлагают А. М. Дробизева [5], В. Н. Павленко и С. А. Таглин [15]. Трехкомпонентной структуры придерживается и Л. Б. Шнейдер, выделяя находящиеся во взаимодействии и взаимосвязи содержательный, ценностный и оценочный параметры, включающие смыслы, хронотопы, прототипы и ценности, порождаемые самосознанием и закрепляемые памятью [16].

А. А. Николаева предлагает следующую структуру: 1) когнитивный компонент; 2) эмоционально-оценочный компонент; 3) ценностно-ориентировочный компонент, включающий в себя уважение прав и свобод других граждан, самоуважение, принятие и уважение правовых основ государства и общества, гражданственность и др.; 4) деятельностный компонент, подразумевающий социальную активность личности в общественной жизни, ответственность за принятые решения и их последствия, самостоятельность в выборе этих решений и др. [3].

Н. В. Безгина выделяет и подробно описывает четыре структурных компонента гражданской идентичности: когнитивный, эмоциональный, поведенческий и семантосимволический компонент, под которым автор понимает представления об идеальном гражданине – «Я-гражданский идеал» – и установки, нормы, характеристики гражданина – «Я-гражданские ориентиры» [17].

Похожая структура предлагается М. И. Рожковым и Т. Н. Сапожниковой. Описывая гражданскую идентичность школьников, они выделяют мотивационно-ценностный (характеризует направленность отношений человека к государству, в котором он живет, к гражданскому обществу и самому себе, к гражданским правам и обязанностям); когнитивный; эмоционально-оценочный (отражает собственное отношение к общественно-политическим событиям, принятие или непринятие своей принадлежности к гражданам определенного государства) и практический (определяет реальное поведение) компоненты [18].

Оригинальную структуру гражданской идентичности предлагает С. Н. Голикова. Она выделяет два сложных компонента:

1) побудительно-отношенческий компонент, объединяющий качества и личностные образования, отражающие устойчивые отношения, складывающиеся между личностью и гражданским сообществом, переживание данных отношений, а также побудительную сферу формирования гражданской идентичности окружающих;

2) когнитивно-поведенческий компонент, включающий качества и личностные образования личности, характеризующие представления о гражданском обществе, собственной социальной роли в нем, опыт социально значимой деятельности и т. д. [19].

Мы предлагаем выделять в структуре гражданской идентичности 3 компонента: когнитивный, эмоционально-оценочный (аффективный) и мотивационный потенциал. Нам представляется, что выделение отдельного ценностно-ориентировочного (аксиологического) компонента продиктовано скорее его значимостью, чем содержательной спецификой. Поскольку ценностные ориентации личности, по мнению многих авторов (М. Рокич, Ш. Шварц, У. Билски и др.), представляют собой определенные убеждения (когнитивный компонент), обладающие особой субъективной значимостью (оценочный компонент) [20], соответственно, аксиологические элементы гражданской идентичности могут быть рассмотрены в рамках когнитивного и аффективного компонентов.

Как показывают результаты исследований, идентичность, как и любое психическое свойство, меняется в процессе развития личности под воздействием объективных обстоятельств [21]. В своем исследовании мы придерживаемся конструктивистского понимания идентичности, согласно которому она не является врожденным свойством, а формируется, в том числе и намеренно при жизни человека. Основным институтом формирования гражданской идентичности, помимо семьи, являются образовательные организации, в задачи которых входит организация психолого-педагогического сопровождения становления гражданской идентичности. Однако подобная работа невозможна без оценки актуального состояния гражданской идентичности студентов. Цель исследования – изучение гражданской идентичности студентов вузов, в частности ее содержательного компонента.

Методы и материалы

Исследование проходило в феврале 2020 г. на базе социально-психологического института Кемеровского государственного университета, было опрошено 47 студентов. Основу выборки составили студенты направлений Организация работы с молодежью и Социальная работа, поскольку их будущая профессиональная деятельность предполагает участие в реализации социальной и молодежной политики, а следовательно, предъявляет особые требования к осознанию гражданственности.

Для уточнения социально-демографических характеристик респондентов и дополнительного изучения различных компонентов гражданской идентичности была составлена анкета. В анкету вошли прямые вопросы, уточняющие образ России как государства и дифференцирующие признаки для категорий *россиянин* и *патриот России*. Варианты ответов к вопросам формулировались таким образом, чтобы позволить оценить не только критериальную, но и коррелирующую идентичность [15]. Большинство вопросов были

полузакрытыми и позволяли выбрать несколько вариантов, наиболее отражающих мнение респондентов.

Часть вопросов была сформулирована на основе проведенных ранее социологических исследований, что позволило сопоставлять полученные результаты. В частности, в анкете были использованы вопросы из исследований ISSP и Института социологии РАН [22]; исследования 2013 г. М. А. Пфетцера, А. А. Зеленина, М. С. Яницкого [23]; исследований ВЦИОМ; опроса Ф. Э. Шереги [25]; опроса «Ценности российской молодежи» [24], проведенного в 2017 г. коллективом исследователей Государственного университета управления; социологического исследования «Молодежь Ставрополя: патриотизм и толерантность» 2017 г.¹.

Еще одной методикой, направленной на изучение гражданской идентичности, был «Опросник гражданина» О. С. Дейнека. Опросник гражданина был разработан О. С. Дейнека в конце 1990-х гг. и использовался в большом количестве исследований, зарекомендовав себя как надежный инструмент для анализа отношения к государству [26]. Методика представляет собой многофакторный шкальный опросник, содержащий в данной версии 23 утверждения, по отношению к которым опрашиваемому предлагается выразить определенную степень согласия (или несогласия) по 7-балльной шкале.

В рамках данного исследования при помощи опросника оценивались образ и имидж страны, представления о законах, моральных нормах, традициях, проблемах страны. Помимо оценки представлений об актуальных характеристиках России как государства, опросник позволяет оценить и представления о будущем страны, которые являются важным компонентом образа государства [27]. По каждому утверждению подсчитывался средний балл, свидетельствующий о степени соответствия данной характеристики образу государства, существующему у респондентов.

Сочинение на тему «Моя страна Россия» позволяет оценить имплицитные характеристики содержательного

компонента гражданской идентичности. Инструкция испытуемым – Напишите, пожалуйста, небольшое сочинение (объем около 10 предложений) на тему «Моя страна Россия».

Обработка сочинений осуществлялась методом контент-анализа. На основе анализа представленных текстов были выделены следующие категории, относящиеся к содержательному компоненту гражданской идентичности: природа; территория и размер; культура и достопримечательности; история; государство и власть; проблемы и недостатки; население (граждане); будущее. В процессе обработки проводился терминологический подсчет представленности категорий, т. е. фиксировалась частота упоминаний различных индикаторов.

Результаты

На основе предыдущих исследований и собственной модели идентичности были выделены следующие параметры образа государства, отраженные в Опроснике гражданина:

- 1) политический и экономический оптимизм, уверенность в будущем (утверждения 1; 4; 7; 15);
- 2) отношение к власти, степень доверия (утверждения 5; 12; 16; 20; 21);
- 3) негативные характеристики, проблемы (утверждения 6; 11; 14; 19; 22).

К утверждениям, характеризующим социальный аспект содержательного компонента гражданской идентичности (отношение к согражданам), мы отнесли 13 и 10. Утверждения 8, 9 и 18 через отношение к социальным регуляторам поведения характеризуют, скорее, мотивационный потенциал, а 23 – эмоционально-оценочный компонент. Остальные утверждения отражают локус контроля (2) и специфику ценностных ориентаций (космополитизм / культурный релятивизм (3) и индивидуализм / коллективизм (17)). Результаты опросника представлены в табл. 1.

Наиболее выраженное единодушие респонденты демонстрируют по отношению к оценке внешнеполитических

Табл. 1. Основные статистические данные, полученные с помощью методики «Опросник гражданина» О. С. Дейнека
Tab. 1. Data obtained from the Citizen's Questionnaire by O. S. Deyneka

Утверждение опросника		М	Std Dev
1	У меня есть образ будущего нашего государства	4,43	1,38
2	Любой гражданин всегда должен рассчитывать на себя, а не ждать помощи от государства	4,48	1,67
3	Я разделяю позицию людей в разных странах, которые отказываются от ценностей своей культуры ради прогресса	3,96	1,76
4	Я верю, что экономическая ситуация в России улучшится через 3 года	3,61	1,53
5	Введение новых законов в стране почти всегда вызывает у меня тревогу	4,70	1,55
6	Самой большой бедой нашей страны я считаю расовую и этническую дискриминацию	2,98	1,77
7	Обстановка в России позволяет людям ставить долгосрочные цели	3,13	1,63
8	Я всегда стараюсь подчиняться законам, которые существуют в стране	5,61	1,20
9	Если бы у меня появилась возможность уехать из России, я бы не раздумывая это сделал(а)	4,26	2,02

¹ Анализ данных социологического исследования «Молодежь Ставрополя – 2017: социальный портрет». Ставрополь, 2017. 71 с. Режим доступа: http://kdm26.ru/wp-content/uploads/docs/soc_portret-2017.pdf (дата обращения: 25.05.2020).

	Утверждение опросника	M	Std Dev
10	В бедах нашей страны виноваты сами люди	3,98	1,57
11	Я считаю безработицу самой острой проблемой нашей страны	4,11	1,59
12	Российские граждане понимают и принимают основные цели политики своего правительства	3,43	1,56
13	Я полагаю, что в сложной для страны ситуации россияне смогли бы пожертвовать личным интересом ради блага общества	3,83	1,58
14	Основной проблемой российского общества является высокий уровень коррупции	5,59	1,48
15	Я верю, что наше государство способно достигнуть многого в глобальном мире	5,44	1,37
16	В целом можно говорить о высокой порядочности российских государственных деятелей	2,54	1,52
17	Для меня материальное благосостояние важнее, чем сохранение культурной среды	3,57	1,50
18	Принципы морали в нашем обществе работают лучше, чем закон	4,24	1,48
19	Я считаю, что в российском обществе слишком сильно расслоение по доходам	5,7	1,21
20	В современной российской политике имеется последовательная стратегия развития и четкий набор приоритетов	3,59	1,38
21	Во всех проблемах нынешнего общества виновата власть	4,57	1,22
22	Я считаю проблему миграции самой острой для нашей страны	3,71	1,50
23	Я горжусь тем, что я гражданин России	4,78	1,69

Прим.: чем больше значение M, тем выше степень согласия испытуемых с данным утверждением (степень согласия оценивалась испытуемыми по 7-балльной шкале).

успехов России (M=5,44), несколько слабее представляют себе обобщенный образ будущего (M=4,43), а вот экономический оптимизм и уверенность в завтрашнем дне существенно ниже (M=3,61; M=3,13). Подобные результаты настораживают, поскольку, как показывают исследования, низкий экономический оптимизм и низкий оптимизм перспективы (невозможность ставить долгосрочные цели) являются факторами, снижающими лояльность к государству [28]. Примечательно, что наши результаты близки данным, полученным в аналогичном исследовании 2014 г. Р. К. Хабибулиным, при этом, несмотря на то что более раннее исследование проводилось на разновозрастной выборке (от 18 до 80 лет, средний возраст – 39,5 лет), а молодежь традиционно считается более оптимистично настроенной категорией граждан, уверенность в экономической и социальной стабильности за последние 6 лет не только не возросла, а даже несколько снизилась [29].

Образ власти в свою очередь характеризуется низким уровнем доверия к деятельности и целям (новые законы вызывают тревогу (M=4,7), а цели либо непонятны, либо не принимаются (M=3,43)), обвинительной позицией (M=4,57) и низкой оценкой порядочности (M=2,54). Таким образом, власть расценивается не как элемент, обеспечивающий функционирование государства, состоящий из таких же граждан, как сами респонденты, а как некоторая противостоящая социальная группа, что тоже является тревожным знаком.

Что касается проблем современной России, наиболее значимыми респонденты считают коррупцию (M=5,59) и безработицу (M=4,11), несколько менее остро оценивают ситуацию с миграцией (M=3,71) и практически не отмечают этнической и расовой дискриминации (M=2,98). Обращает на себя внимание, что с 2014 г. (исследование

Р. К. Хабибулина) коррупция так и продолжает занимать первое место в списке проблем. При этом, согласно О. С. Дейнека, пессимизм по поводу снижения коррупции является еще одним фактором формирования миграционного потенциала и снижения уровня гражданской идентичности [26].

Оценивая сограждан, респонденты не слишком верят в готовность других пожертвовать личным интересом ради блага общества (M=3,83) и не рассматривают граждан России как ответственных за сложившуюся ситуацию (M=3,98). Эти данные подтверждают, что граждане страны и власть оцениваются как две не связанные социальные группы, и кроме того, свидетельствуют о низкой уверенности в возможности повлиять на сложившуюся ситуацию. Такое отстранение от государства проявляется и в локусе контроля. Отсутствие иждивенчества по отношению к государству, с одной стороны, является благоприятным фактом, с другой – может являться индикатором снижения идентичности и формирования позиции «Я от вас ничего не жду, и вы от меня ничего не требуйте».

Что касается системы ценностей, то здесь испытуемые демонстрируют средний уровень этноцентризма и коллективизма. Именно такой уровень в психологии принято считать наиболее благоприятным.

Таким образом, по результатам «Опросника граждан» О. С. Дейнека образы государства, власти и сограждан, входящие в структуру гражданской идентичности, являются достаточно противоречивыми и не несут устойчивой позитивной окраски, в то же время респонденты гордятся Россией (M=4,78), и это утверждение занимает 4 место по степени согласованности.

Дополнительно характеристики образа государства и его граждан изучались при помощи анкеты. В частности,

у респондентов спрашивали, чем, по их мнению, могут гордиться граждане России (табл. 2). Учитывая достаточно низкий уровень экономического и социального оптимизма, очевидно наличие иных оснований гордости за страну.

Табл. 2. Ответы респондентов на вопрос «Как вы считаете, чем можно гордиться гражданам России?»

Tab. 2. Responses to the question "What can Russian citizens be proud of?"

Вариант ответа	% / количество человек
Победа в Великой Отечественной войне	54 / 25
История страны, культурное наследие	54 / 25
Природные богатства страны	54 / 25
Территория	43 / 20
Спортивные достижения	26 / 12
Развитие искусства (театр, кино, литература и пр.)	24 / 11
Достижения науки	22 / 10
Мощь вооруженных сил	20 / 9
Место России в мировом сообществе	11 / 5
Сегодня нам нечем гордиться	11 / 5
Всем, что было сделано в советский период	9 / 4
Другое	7 / 3
Демократические преобразования в стране	4 / 2
Революция 1917 г.	4 / 2
Православие	2 / 1

Прим.: в ответах возможно было выбрать не более 3 вариантов.

Исходя из полученных результатов, предметом национальной гордости респондентов служат в первую очередь события прошлого (история, победа в Великой Отечественной войне) и объективные средовые характеристики (природа, территория). По данным Института социологии РАН, значение победы в Великой Отечественной войне остается основным историческим событием, которым гордятся россияне, уже на протяжении нескольких десятков лет, а вот современных характеристик, устойчиво оцениваемых как повод для гордости, так и не появилось, кроме того, по результатам нашего исследования, количество респондентов, которые считают, что им нечем сегодня гордиться, превышает общероссийские данные примерно в 3,5 раза [30].

Из достижений России, не относящихся к историческому наследию, наиболее высоко оцениваются спортивные, в области искусства и науки, а также вооружение. Примечательно, что демократические преобразования, произошедшие в стране за последние 30 лет, респонденты оценивают примерно так же, как революцию 1917 г.

Вопрос «Чем можно гордиться гражданам России?» был включен в лонгитюдное исследование общественного мнения молодежи Кемеровской области в 2005, 2006 и 2013 годах [23]. И хотя в этих исследованиях выборка была существенно шире и включала молодежь в возрасте 18–30 лет, данные, приведенные в монографии С. А. Пфетцера, А. А. Зеленина и М. С. Яницкого позволяют отследить динамику представлений о предметах национальной гордости молодежи Кузбасса на протяжении 15 лет. В целом за последние 7 лет первые 4 позиции в списке того, чем могут гордиться граждане России, остались неизменными. При этом возросла позитивная оценка достижений науки и вооруженных сил, однако эта оценка все еще не достигла значений 2005 г. и 2006 г. Стабильно низко оцениваются демократические преобразования, революция 2017 г. и православие. Таким образом, представления молодежи о предметах гордости граждан России достаточно устойчивы и отражают значимость истории и средовых характеристик как оснований гражданской идентичности.

Для изучения образа гражданина, относящегося к содержательному компоненту гражданской идентичности, в анкете был предусмотрен вопрос «Как Вы думаете, насколько важно каждое из следующих обстоятельств для того, чтобы считаться настоящим россиянином?», респондентам было необходимо оценить некоторые характеристики по шкале от «совсем неважно» до «очень важно». Так изучался не только образ гражданина, своего рода модель, имеющаяся у испытуемых, но и устанавливались основные дифференцирующие признаки, на основании которых происходит категоризация. Для удобства обработки шкала оценки была преобразована в порядковую: от 1 до 4 (табл. 3).

Табл. 3. Результаты оценки значимости различных характеристик в структуре образа настоящего россиянина

Tab. 3. Assessing the significance of various characteristics within the image structure of a true Russian citizen

Характеристика	М	Std Dev
Чувствовать себя россиянином	3,3	0,71
Говорить по-русски	3,3	0,81
Иметь российское гражданство	3,1	0,80
Уважать российский политический строй и законы	3,1	0,78
Прожить в России большую часть своей жизни	3,0	0,77
Родиться в России	2,8	0,97
Иметь предков, родившихся в России	2,5	0,74
Быть православным	1,8	0,81

Наиболее значимым дифференцирующим признаком испытуемые считают субъективное чувство принадлежности, что вполне согласуется с доминирующим в последние годы психологическим подходом, на втором месте – языковой и на третьем – формальный признаки. Наименее

значимым является рождение самого человека и его предков на территории России. Таким образом, россиянин в сознании студентов – это человек, чувствующий себя гражданином (т. е. имеющий гражданскую идентичность), говорящий по-русски, имеющий соответствующий формальный статус, уважающий политику и законы России и живущий на ее территории. Такой образ представляется весьма лояльным по отношению к мигрантам и включает элементы практически всех существующих подходов к гражданской идентичности (психологического, лингвистического, формального, территориального и т. д.).

Последней методикой, направленной на изучение образа государства, являлось сочинение на тему «Моя страна Россия». В ходе обработки сочинений нами были выделены индикаторы всех составляющих содержательного компонента гражданской идентичности: образ государства и власти, социальной группы, среды и территории. При этом наиболее позитивным являлся именно последний.

Согласно В. П. Серкину, к групповым семантическим универсалиям в оценке стимула для группы численностью 5–99 человек относятся характеристики, упомянутые более чем 4 испытуемыми [31]. В нашем случае к таким характеристикам относятся следующие.

1. Средовые характеристики:
 - 1.1. Природа, природные ресурсы (24 упоминания).
 - 1.2. Большая (великая) территория (16).
2. Культурно-исторические:
 - 2.1. Культура, достопримечательности (8).
 - 2.2. История, историческое наследие (9).
3. Государство и власть:
 - 3.1. Власть и В. В. Путин (7).
4. Проблемы:
 - 4.1. Коррупция (5).
 - 4.2. Проблемы, минусы, недостатки (9).
5. Характеристики социальной среды:
 - 5.1. Многонациональность (9).
 - 5.2. Люди, их характеристики, менталитет (9).
 - 5.3. Таланты (5).

В неструктурированных описаниях природные характеристики являются значительной частью образа России как объекта идентификации. Кроме того, характеристики этого блока единодушно оцениваются позитивно, в отличие от всех остальных. В представленных категориях нашли отражения все характеристики, которые респонденты оценили как наиболее значимые предметы гордости. Достаточно часто в сочинениях связь с государством выстраивается через связь с малым социальным окружением и индивидуальную историю: я здесь вырос(ла), здесь живут мои близкие и т. д. Таким образом, работа с индивидуальными историями в рамках нарративного дискурса может быть значимым ресурсом развития гражданской идентичности.

Проведенное исследование позволило выделить абстрактный и предметный уровень в структуре содержательного компонента гражданской идентичности. К абстрактному

уровню относится образ государства, его истории, традиций, образ гражданина, власти, сограждан как социальной группы. К предметному уровню – характеристики природы и окружающей среды. Все составляющие образа могут быть актуальными или ретроспективными, а также характеризовать представления о будущем. При этом социальный и экономический оптимизм, наряду с доверием к власти, является значимым фактором формирования гражданской идентичности. Наиболее позитивными составляющими образа России как объекта идентификации для респондентов являются природа и история страны, именно они, наряду с личной и семейной историей, вероятно, и являются основой позитивной гражданской идентичности. Несколько менее однозначно оцениваются люди, и наиболее противоречивыми являются образы государства, власти и будущего.

Заключение

Гражданская идентичность представляет собой элемент Я-концепции, заключающийся в категоризации себя как гражданина определенного государства. Она формируется на основе субъективной значимости гражданской принадлежности и ощущении связанности с сообществом сограждан. В структуре гражданской идентичности выделяется когнитивный, аффективный компонент и мотивационный потенциал. Содержательный и аффективный компоненты содержат представления об объекте идентификации, модельном поведении, дифференцирующих признаках и ценностное отношение к ним. Именно на основе этих представлений формируется готовность к соответствующему поведению.

Результаты проведенного исследования содержательного компонента гражданской идентичности студентов позволили сформулировать следующие выводы.

1. В структуре содержательного компонента идентичности выделяются представления о государстве и власти; модельный образ гражданина; представления о согражданах как социальной группе и об окружающей среде.

2. Содержательный компонент гражданской идентичности включает абстрактный и предметный уровни. К абстрактным составляющим когнитивного компонента относятся образ государства, его истории, актуального состояния, потенциальных возможностей; образ гражданина государства как социальной категории, включающий критериальные и коррелирующие признаки, представления о правах и обязанностях; образ власти; образ сограждан как социальной группы. Предметный уровень включает образ природы, средовые и территориальные характеристики.

3. Результаты исследования позволили выделить как позитивные основания идентичности, т. е. события, факты, явления, которые могут быть отнесены к достижениям России и субъективно оцениваются студентами как значимые, так и проблемные зоны, на коррекцию которых должна быть направлена работа по психолого-педагогическому сопровождению гражданской идентичности студентов вузов.

4. К наиболее положительно оцениваемым элементам образа России как объекта идентификации относятся исторические достижения, в частности победа в Великой Отечественной войне; вооруженные силы; роль на международной арене; природа и территория. Именно эти составляющие содержательного компонента являются основаниями позитивной гражданской идентичности студентов. Как негативные характеристики испытуемые отмечают коррупцию, безработицу, социальное неравенство. К проблемным зонам содержательного компонента могут быть отнесены образ власти и отношение к ней, представления о социальных и экономических перспективах. Эти представления требуют особого внимания при организации психолого-педагогического сопровождения гражданской идентичности.

В настоящее время гражданская идентичность справедливо рассматривается обществом и наукой как фактор консолидации вокруг интересов страны [32]. Это вопрос не только личной, но и общественной безопасности. Трансформация российского общества, рост социальной мобильности, доступность информации, культурный постмодернизм являются факторами, повышающими риск идентификационного кризиса, что может привести к формированию сепаратистских и даже экстремистских настроений среди молодежи. Соответственно возрастает значение исследований гражданской идентичности и разработки эффективных технологий ее сопровождения в процессе развития личности.

Литература

1. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: НГПУ, 2007. 472 с.
2. Salazar J. M. Social identity and national identity // *Social identity: international perspectives* / eds. S. Worchel, J. F. Morales, D. Paetz, J.-C. Deschamps. L.: SAGE, 1998. P. 114–124.
3. Николаева А. А. Гражданская идентичность в структуре социальных идентичностей личности // *Вестник практической психологии образования*. 2011. № 4. С. 67–70
4. Сикевич З. В. Образ России в контексте национальной идентичности русских (по материалам социологических исследований) // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2009. № 3-1. С. 166–173.
5. Дробижева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* / отв ред. В. С. Магун. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. С. 10–29.
6. Голикова С. Н. Особенности гражданской идентичности педагогов // *Омский научный вестник*. 2011. № 1. С. 97–99.
7. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990. 240 с.
8. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии / под ред. А. Г. Асмолова. М.: Федеральный ин-т развития образования, 2011. Ч. 2. 338 с.
9. Водолажская Т. Идентичность гражданская // *Образовательная политика*. 2010. № 5-6. С. 140–142.
10. Виалова И. В. К вопросу об определении сущности понятия гражданская идентичность // *Гуманитарные научные исследования*. 2012. № 6. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386> (дата обращения: 20.03.2020).
11. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 389 с.
12. Браун О. А., Аркузин М. Г. Структурно-содержательные характеристики региональной идентичности студентов // *Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием*. (Иркутск, 27–30 июня 2019 г.) Иркутск: ИГУ, 2019. С. 161–167.
13. Браун О. А., Аркузин М. Г. Приоритет гражданской идентичности в системе оснований социальной идентификации личности как основа патриотизма // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2016. № 4. С. 18–22.
14. Ефименко Р. В., Баранов С. Т. Гражданская идентичность как базовая ценность в жизнедеятельности россиян // *Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета*. 2011. № 3. С. 115–117.
15. Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2005. 483 с.
16. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: МПСИ, 2007. 128 с.
17. Безгина Н. В. Психологическая структура гражданской идентичности // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2013. № 3-1. С. 241–249.
18. Рожков М. И., Сапожникова Т. Н. Формирование у школьников гражданской идентичности и межэтнической толерантности в поликультурном пространстве. Ярославль: Канцлер, 2013. 128 с.
19. Голикова С. Н. Развитие гражданской идентичности педагогов в процессе непрерывного профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2012. 23 с.

20. Яницкий М. С., Серый А. В., Иванов М. С., Утюганов А. А., Хакимова Н. Р. Постнеклассическая педагогическая психология: ценностно-смысловой тренд. Кемерово: КРИРПО, 2017. 202 с.
21. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (дата обращения: 11.05.2020).
22. Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения республики Мордовия // Власть. 2011. № 5. С. 110–115.
23. Пфетцер С. А., Зеленин А. А., Яницкий М. С. Политическое участие и политические ценности молодежи российской провинции. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 143 с.
24. Бегичева О. Л., Гришаева С. А., Поляков М. Б., Тимохович А. Н., Чуев С. В. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.
25. Шереги Ф. Э. Гражданская идентичность молодежи // Энергия: экономика, техника, экология. 2010. № 3. С. 65–72.
26. Дейнека О. С. Опыт эмпирических исследований политического и экономического сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 3. С. 13–26.
27. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. 432 с.
28. Вартанова И. А. Отношение студенческой молодежи к экономической и политической стабильности в обществе: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2013. 20 с.
29. Хабибулин Р. К. Характеристики авторитета российской государственной власти в сознании граждан: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2015. 177 с.
30. Горшков М. К., Андреев А. Л., Дробизева А. М., Кузнецов И. М., Латова Н. В., Латов Ю. В., Мареева С. В., Мчедлова М. М., Петухов В. В., Петухов Р. В., Седова Н. Н., Тихонова Н. Е., Трофимова И. Н., Шевченко А. Г. Российское общество и вызовы времени. М.: Весь Мир, 2016. Кн. 4. 400 с.
31. Серкин В. П. Решение задачи о случайности / неслучайности количества групповых ассоциаций: критерий оценки и валидный набор ассоциаций // Психологическая диагностика. 2009. № 4. С. 22–33.
32. Бугайчук Т. В., Коряковцева О. А. Гражданская идентичность как условие развития гражданского общества // Развитие политических институтов и процессов: зарубежный и отечественный опыт: мат-лы X Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 26 апреля 2019 г.) Омск: ОмГУ, 2019. С. 148–152.

original article

Content of Civil Identity of Students*

Olga A. Broun^{a, @, ID}; Mikhail G. Arkuzin^a

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ oabraun09@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1213-9558>

Received 29.06.2020. Accepted 24.07.2020.

Abstract: The empirical study featured content-related characteristics of civic identity in university students. According to constructivist approach, civic identity is a cognitive-value formation shaped in the process of personal development. It manifests itself in the subjective significance of one's nationality. Its structure consists of cognitive (meaningful), affective (emotional-evaluative), and behavioral components. The cognitive component was the first stage in the present study of students' civic identity conducted in February 2020. The authors used a Citizen's Questionnaire developed by O. S. Deyneka and analyzed essays "Russia is My Country". The analysis revealed the structure of the substantial component of civic identity: the image of the state, government, fellow citizens, an ideal citizen, etc., and ideas about Russian values, environment, culture, history, etc. The data obtained gave reason to believe that civic identity has worldview, social, and territorial foundations. The respondents admired the nature, territory, and historical achievements of Russia, while the image of the state, fellow citizens, and authorities belonged to problematic representations. The present research can help to develop new technologies for the support of civic identity at university.

* The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00066 "The system of identity of the personality of young students: dynamics, factors, and threats".

Keywords: personality, self-concept, social identity, ethnic identity, territorial identity, civic identity, patriotism, content-related component of identity

For citation: Broun O. A., Arkuzin M. G. Content of Civil Identity of Students. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 744–754. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-744-754>

References

1. Korolenko Ts. P., Dmitriyeva N. V., Zagoruyko E. N. *Identity. Development. Oversaturation. Flight*. Novosibirsk: NGPU, 2007, 472. (In Russ.)
2. Salazar J. M. Social identity and national identity. *Social identity: international perspectives*, eds. Worchel S., Morales J. F., Paez D., Deschamps J.-C.. L.: SAGE, 1998, 114–124.
3. Nikolaeva A. A. Civic identity in the structure of social identities of an individual. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya*, 2011, (4): 67–70. (In Russ.)
4. Sikevich Z. V. Image of Russia in the context of national identity of Russians (drawing on sociological researches). *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2009, (3-1): 166–173. (In Russ.)
5. Drobizheva L. M. State and ethnic identity: choice and mobility. *Civil, ethnic, and religious identities in modern Russia*, eds. Magun V. S. Moscow: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 2006, 10–29. (In Russ.)
6. Golikova S. N. Features of civic identity of teachers. *Omskiy nauchnyy vestnik*, 2011, (1): 97–99. (In Russ.)
7. Ageev V. S. *Intergroup interaction: socio-psychological problems*. Moscow: Izd-vo MGU, 1990, 240. (In Russ.)
8. *How civil identity is born in the world of education: from phenomenology to technology*, ed. Asmolov A. G. Moscow: Federalnyi in-t razvitiia obrazovaniia, 2011, pt. 2, 338. (In Russ.)
9. Vodolazhskaia T. Civic identity. *Educational Policy*, 2010, (5-6): 140–142. (In Russ.)
10. Vilkova I. V. About definition of the essence of the concept of civic identity. *Humanities scientific research*, 2012, (6). Available at: <http://human.snauka.ru/2012/06/1386> (accessed 20.03.2020).
11. Soldatova G. U. *Psychology of interethnic tension*. Moscow: Smysl, 1998, 389. (In Russ.)
12. Braun O. A., Arkuzin M. G. Structural and contenting characteristics of the regional identity of students. *Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of birthplace: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Irkutsk, June 27–30, 2019. Irkutsk: IGU, 2019, 161–167. (In Russ.)
13. Braun O. A., Arkuzin M. G. Priority of civil identity in system of the bases of social identification of the personality as the patriotism basis. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2016, (4): 18–22. (In Russ.)
14. Efimenko R. V., Baranov S. T. Civil identity as a basic value in the life of Russians. *Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2011, (3): 115–117.
15. Pavlenko V. N., Taglin S. A. *General and applied ethnopsychology*. Moscow: Tovarishestvo nauch. izd. KMK, 2005, 483. (In Russ.)
16. Shneider L. B. *Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis*. Moscow: MPSI, 2007, 128. (In Russ.)
17. Bezgina N. V. Psychological structure of civic identity. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 2013, (3-1): 241–249. (In Russ.)
18. Rozhkov M. I., Sapozhnikova T. N. *Formation of civic identity and interethnic tolerance in multicultural space among schoolchildren*. Yaroslavl: Kantsler, 2013, 128. (In Russ.)
19. Golikova S. N. *Development of civic identity of teachers in the process of continuing professional education*. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr. Omsk, 2012, 23. (In Russ.)
20. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Ivanov M. S., Utyuganov A. A., Khakimova N. R. *Post-non-classical pedagogical psychology: value-semantic trend*. Kemerovo: KRIRPO, 2017, 202. (In Russ.)
21. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic aspects of the experience of the social identity's crisis in the forced change of life situation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 2015, 8(43). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1192-seryi43.html> (accessed 11.05.2020). (In Russ.)
22. Bogatova O. A. Ethnoregional and national-civil identification in the structure of social identity of the population of the Republic of Mordovia. *Vlast*, 2011, (5): 110–115. (In Russ.)
23. Pfttser S. A., Zelenin A. A., Yanitskiy M. S. *Political participation and political values of the youth of the Russian province*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2014, 143. (In Russ.)
24. Begicheva O. L., Grishaeva S. A., Polyakov M. B., Timokhov A. N., Chuev S. V. *Value orientations of Russian youth and the implementation of state youth policy: research results*. Moscow: Izdatelskii dom GUU, 2017, 131. (In Russ.)
25. Sheregi F. E. Youth civic identity. *Energiia: ekonomika, tekhnika, ekologiia*, 2010, (3): 65–72. (In Russ.)

26. Deyneka O. S. The empirience of the empirical studies of political and economic consciousness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2015, (3): 3–26. (In Russ.)
27. Platonov Yu. P. *The peoples of the world in the mirror of geopolitics (structure, dynamics, and behavior)*. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2000, 432. (In Russ.)
28. Vartanova I. A. *Attitude of students to economic and political stability in society*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. St. Petersburg, 2013, 20. (In Russ.)
29. Khabibulin R. K. *Characteristics of the authority of Russian state power in the minds of citizens*. Cand Psychol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2015, 177. (In Russ.)
30. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Drobizheva L. M., Kuznetsov I. M., Latova N. V., Latov Yu. V., Mareeva S. V., Mchedlova M. M., Petukhov V. V., Petukhov R. V., Sedova N. N., Tikhonova N. E., Trofimova I. N., Shevchenko A. G. *Russian society and the challenges of the time*. Moscow: Ves Mir, 2016, book 4, 400. (In Russ.)
31. Serkin V. P. Solving the randomness / non-randomness problem of the number of group associations: assessment criterion and valid set of associations. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2009, (4): 22–33. (In Russ.)
32. Bugaychuk T. V., Koryakovtseva O. A. Civic identity as a condition for the development of civil society. *Development of political institutions and processes: foreign and domestic experience*: Proc. X All-Russian Sci.-Prac. Conf., Omsk, 26 April, 2019. Omsk: OmGU, 2019, 148–152. (In Russ.)

Функциональные особенности блоков мозга и преобладающие стратегии переработки информации в период взрослости

Анастасия О. Кичеева^{a, @}; Ольга Ю. Гребешкова^a

^a Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Россия, г. Абакан

[@] kicheeva@list.ru

Поступила в редакцию 18.05.2020. Принята к печати 26.08.2020.

Аннотация: До настоящего времени нормативные значения высших психических функций у взрослых людей отсутствовали. На основе нейропсихологического анализа функциональных возможностей трех блоков мозга и предпочтения стратегий переработки информации среди здоровых взрослых нами было выделено пять основных типов: 1 – с относительной слабостью функций динамического праксиса; 2 – с мягким дефицитом функций левого полушария; 3 – с относительной слабостью зрительно-пространственных функций; 4 – с мягким дефицитом I блока мозга, сопровождающимся общим ухудшением высших психических функций; 5 – без какого-либо функционального дефицита. Анализ значений нейропсихологических индексов показал, что в подгруппе 1 – самое низкое значение индекса функций III блока мозга на фоне высокого уровня переработки зрительной, слуховой и зрительно-пространственной информации. В подгруппе 2 снижен индекс, отражающий состояние функций левого полушария, проявляющееся в слабости аналитической стратегии переработки слуховой информации, вербально-перцептивных трудностях и незначительном снижении I блока мозга, то есть в снижении произвольной регуляции деятельности. В подгруппе 3 отмечается самое низкое значение индекса правополушарных функций на фоне дефицита правополушарных холистических стратегий переработки информации. Для испытуемых подгруппы 4 характерно снижение функциональных возможностей I блока, которое сопровождается ухудшением и всех остальных показателей, особенно связанных с переработкой слуховой и зрительно-пространственной информации, программирования и контроля. В самом благоприятном положении оказываются взрослые из подгруппы 5, все их показатели находятся на достаточно высоком уровне.

Ключевые слова: высшие психические функции, программирование и контроль, серийная организация движений, кинестетические функции, зрительный гнозис, слуховые функции, зрительно-пространственные функции, левополушарные функции, правополушарные функции

Для цитирования: Кичеева А. О., Гребешкова О. Ю. Функциональные особенности блоков мозга и преобладающие стратегии переработки информации в период взрослости // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 755–765. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-755-765>

Введение

На возможность применения нейропсихологического подхода к проблеме изучения индивидуальных различий психики здорового человека и даже на его преимущества в сравнении с другими подходами указывала Е. Д. Хомская [1–3], по ее мнению, важно проверить справедливость Луриевских идей по отношению к такому объекту, как взрослая норма. Данная проблема имеет теоретическое и практическое значение, это обусловлено тем, что любая диагностика должна базироваться на нормативных значениях исследуемого психического явления, которые сегодня для взрослых испытуемых отсутствуют. На основе проведенного исследования возможно построение когнитивных программ, направленных на оптимизацию умственного развития и преодоление возрастных ограничений. Цель исследования – разработка типологии нормы взрослых в период от 21 до 55 лет с помощью нейропсихологического подхода к изучению индивидуальных различий в состоянии высших

психических функций, такая типология будет полезна для расширения представлений о возрастных особенностях нейрокогнитивных функций в акмеологии.

Высшие психические функции формируются прижизненно под влиянием социокультурных факторов, эти функциональные динамические структуры меняются по мере созревания мозга и формирования той или иной психической деятельности. Нейропсихологический подход оказался продуктивным для исследования высших психических функций не только на ранних этапах онтогенеза, но и в период взрослости, он объясняет механизмы возрастных изменений мозга. Высшие психические функции до настоящего времени изучались лишь на ранних этапах онтогенеза: А. В. Курганский и Т. В. Ахутина [4], Н. Г. Манелис [5], Ю. В. Микадзе [6; 7], А. В. Семенович [8; 9], Т. А. Фотекова [10–12], а вот что происходит в промежутке после их становления и до момента влияния инволюционных процессов, изучением которых занимались И. Ф. Рощина и Н. К. Корсакова [13],

не изучалось. Активные положительные изменения происходят до 20-летнего возраста [9], существенные морфо-функциональные изменения происходят после 50 лет [13], отмечается снижение показателей I функционального блока мозга, который указывает на базисную роль субкортикальных образований в развитии инволюционных процессов. По мнению Н. К. Корсаковой и Н. Ю. Прахт [14], существующие трудности, обусловленные инволюционными процессами, компенсируются за счет функций III блока мозга, а именно функциями программирования и контроля сложных форм деятельности. В большей степени возрастные изменения касаются мнестических (процессы воспроизведения замедлены, неустойчивость следов к интерференции) и пространственных функций (снижаются параметры симультанного гнозиса и актуализации зрительно-пространственных представлений). Снижение зрительно-пространственных функций связано с правым полушарием головного мозга [15].

Ряд исследований [16–18] показывают, что на поздних этапах онтогенеза происходит перераспределение активности правого и левого полушарий мозга, при этом уровень функционирования правого полушария снижается.

Таким образом, с возрастом наиболее дефицитными оказываются глубинные структуры мозга (первый блок) и задние отделы второго блока в правом полушарии с акцентом на его ассоциативную зону.

Что происходит с мозгом и его функциями в промежутке между периодами созревания и инволюции? Высшие психические функции у здоровых взрослых людей практически не исследовались в рамках нейропсихологического подхода. Ф. Гейдж [19] отмечает, что центральной догмой нейронаук на протяжении их столетней истории является представление о том, что зрелый мозг остается стабильным, неизменным, подобно компьютеру с фиксированной памятью и мощностью процессора.

Проблемой возрастных изменений когнитивной сферы занимались в рамках возрастной психофизиологии и психологии Б. Г. Ананьев [20], А. Н. Борисова [21], Е. И. Степанова [22], М. А. Холодная [23], К. У. Шай [24], Y. Stern и др. [25]. Возрастные изменения касаются психомоторной сферы, зрительных функций. Возрастное снижение зрения после 35 лет приводит к замедлению обработки информации зрительной модальности и трудностям распознавания образов. Физический слух ослабевает в течение периода взрослости, в большей степени это касается снижения восприятия звуков высокой тональности [26]. Затрагивают инволюционные процессы и интеллект [21]. Интеллект взрослых динамичен, непрерывен и изменчив, наиболее высокие показатели состояния интеллекта обнаружены в период от 30 до 40 лет, А. Н. Борисова [21] отмечает, что в большей степени возрастные изменения касаются невербального интеллекта. К. У. Шай [24] пишет, что в период от 41 до 50 лет активно снижается конструктивная деятельность. Вербальный интеллект более устойчив к влиянию возраста и даже отмечается положительная динамика

с возрастом, это обусловлено общим объемом знаний, способностью к категориальному обобщению и пониманию значений слов. М. А. Холодная обнаружила, что речевые функции, опирающиеся на оперативную память и требующие концентрации внимания, подвержены возрастным изменениям [23], с возрастом отмечаются трудности удержания порядка следования стимулов [22].

Исследования ученых показали, что психофизиологические функции взрослого человека нестабильны, структура их изменений включает процессы повышения, стабилизации и понижения функционального уровня. Однако на сегодняшний день недостаточно данных о состоянии высших психических функций у здоровых взрослых людей в рамках нейропсихологического подхода.

В нашем исследовании реализуется подход, основанный на изучении особенностей формирования высших психических функций в онтогенезе, который ранее применялся к детям, как с нормальным, так и с отклоняющимся развитием, или трудностями в обучении [27–29]. Особенностью предлагаемой нами типологии является то, что она описывает индивидуально-типологические характеристики высших психических функций здоровых взрослых людей. В литературе можно найти немногочисленные попытки реализации этого подхода к исследованию индивидуально-типологических особенностей взрослой нормы [30–31]. В своей попытке изучить и описать индивидуально-типологические особенности в состоянии высших психических функций взрослых людей мы опирались на положения, сформулированные Т. В. Ахутиной и др. [31]. Согласно этим положениям, норме свойственно неравномерное развитие психических процессов; наблюдаемые диссоциации проходят «по швам» нормальных механизмов ВПФ и отражают их системное строение; норма способна компенсировать функциональные слабости, однако эти слабости можно обнаружить путем нейропсихологического обследования.

В статье представлены результаты диссертационного исследования А. О. Кичеевой [32], которые намечают перспективы для дальнейших исследований в области акмеологии и нейропсихологии нормы. Поскольку факторы когнитивного развития очень разнородны и оказывают вариативное влияние, для понимания их кумулятивного эффекта необходимы междисциплинарные лонгитюдные исследования. Результаты таких исследований могут быть использованы при разработке прогностической модели когнитивного старения, построенной на основе учета биологических, поведенческих и социокультурных факторов. Необходимы исследования, направленные на разработку мультимодального комплекса мер по оптимизации состояния когнитивных функций в поздней взрослости и на последующих этапах онтогенеза, а для этого необходимо в том числе иметь нормативные данные как о состоянии высших психических функций в период взрослости, так и об индивидуально-типологических различиях взрослой нормы.

Выборка и методы исследования

В исследовании принимали участие 180 человек периода взрослости соответственно возрастной периодизации индивидуального развития Д. Бромлей. 1 группа – ранняя взрослость (возраст от 21 года до 25 лет); 2 группа – средняя взрослость (26–40 лет); 3 группа – поздняя взрослость (41–55 лет) [26]. Критериями отбора испытуемых явились следующие факты: отсутствие в анамнезе локальных органических поражений мозга, среднетяжелых и тяжелых черепно-мозговых травм, выраженных неврологических расстройств, хронических головных болей. Нейропсихологическая диагностика проводилась с каждым испытуемым индивидуально. Общее время обследования одного человека составляло 60–70 минут. В итоге был проанализирован 121 параметр, каждый параметр подвергался количественному и качественному анализу. Все это позволяет проанализировать состояние трех блоков мозга в период взрослости.

В каждой группе одинаковое число мужчин и женщин. Были использованы методы нейропсихологического обследования, разработанные А. Р. Лурией и адаптированные в лаборатории нейропсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством Т. В. Ахутиной [28; 29].

1. Методы исследования кинестетических функций:

- пробы на праксис позы пальцев, исследующие кинестетическую организацию движений в правой и левой руках;
- пробы на оральный праксис.

2. Методы исследования зрительного гнозиса, выявляющие особенности зрительного восприятия перцептивно сложных изображений:

- пробы на узнавание перечеркнутых изображений;
- пробы на узнавание наложенных изображений;
- пробы на узнавание недорисованных изображений.

3. Методы оценки слухоречевой информации:

- проба на запоминание двух групп по три слова, позволяющие оценить особенности обработки слухоречевой информации: фонематического восприятия и памяти этой модальности;
- пробы на понимание близких по звучанию названий предметов и действий;
- пробы на написание предметов и действий, позволяющие исследовать номинативную функцию речи.

4. Методы исследования зрительно-пространственных функций:

- пробы на конструирование из кубиков Кооса, исследующие особенности пространственного мышления, способность к анализу и синтезу пространственных структур;
- пробы на изображение трехмерного объекта, исследующие сформированность зрительно-пространственных представлений и зрительно-моторной координации;
- пробы на запоминание невербализуемых фигур, позволяющие оценить особенности зрительно-пространственной памяти;

- пробы на понимание сложных логико-грамматических конструкций.

5. Методы исследования функций серийной организации движений:

- пробы на динамический праксис, которые направлены на исследование серийной организации движений, способности к автоматизации двигательной программы и переключению с одного движения на другое;
- проба на графомоторную координацию, которая позволяет оценить возможность построения графомоторной и зрительно-моторной координации, построения графической двигательной программы, ее автоматизации и способности к переключению от одного элемента к другому;
- проба на реципрокную координацию, которая позволяет судить о сформированности функции серийной организации движений и межполушарного взаимодействия.

6. Методы исследования состояния функций программирования и контроля:

- пересказ текста;
- проба на реакцию выбора (оценивает сформированность произвольной регуляции деятельности);
- пробы на выполнение ритмического рисунка по инструкции.

Статистическая обработка данных производилась с использованием описательных статистик, однофакторного дисперсионного анализа ANOVA. Применялся пакет программ SPSS 17 for Windows.

В процессе обработки рассматривались количественные характеристики выполнения отдельных заданий, подсчитывались суммарные индексы [19; 28]. Этот прием основан на обобщенном и укрупненном подходе к анализу ВПФ, базирующемся на модели трех функциональных блоков мозга, предложенной А. Р. Лурией, и учете особенностей межполушарной асимметрии мозга. Рассматривались укрупненные показатели – индекс функций III блока мозга; индекс, оценивающий функции II блока мозга; индекс левополушарных функций; индекс правополушарных функций; индекс функций I блока мозга. Также подсчитывались индексы отдельных функций: программирования и контроля произвольных форм деятельности; серийной организации движений и речи; кинестетических функций; зрительного гнозиса; зрительно-пространственных функций; слухоречевых функций.

Процедура вычисления индексов состояла в отборе наиболее информативных для каждого индекса показателей, их суммировании и последующей нормализации. Система подсчета индексов помогает в исследовании конкретных высших психических функций и представляет собой значения, в которые входят параметры, отвечающие за конкретный фактор. Подсчет индексов включал в себя следующие процедуры:

1) были выбраны наиболее информативные параметры для каждого индекса (многофункциональные пробы и параметры, которые могут свидетельствовать о состоянии нескольких функций, в индексы не включались);

2) полученные относительные значения суммировались, при этом показатели продуктивности выполнения заданий и баллы за качество выполнения включались в индексы со знаком «+», а показатели ошибок – в индексы со знаком «-». Для каждого испытуемого вычислялись суммарные показатели, отражающие состояние функций каждого из трех блоков мозга, а также индексы, отражающие уровень функционирования левого и правого полушарий, отвечающих за аналитическую либо холистическую стратегии переработки информации. С учетом того, что индексы включали неодинаковое количество показателей, часть из которых были штрафными, т.е. учитывались с отрицательным знаком, значения всех индексов подвергались стандартизации.

Стандартизированные Z-оценки подсчитывались по формуле, где из значения индивидуального показателя по параметру необходимо вычесть среднее по выборке значение для этого параметра и разделить полученный результат на стандартное отклонение. После этого из стандартизированного значения индекса III блока мозга вычиталось стандартизированное значение индекса II блока. Такая же процедура производилась со значениями индексов левого и правого полушарий.

Полученные величины рассматривались как свидетельство того, насколько и в какую (лучшую или худшую) сторону индивидуальное значение отклоняется от среднегруппового, и являлись основанием для отнесения каждого испытуемого в соответствующую группу. Если разница между стандартизированными значениями попарно сравниваемых индексов превышала 1 стандартное отклонение, то взрослый попадал в подгруппу людей с функциональной слабостью II блока или правого полушария соответственно. Если же разностная величина между индексами была ниже, чем -1 стандартное отклонение, испытуемый зачислялся в подгруппу с относительной слабостью функций III блока (левого полушария). Для оценки состояния функций I блока также рассматривалось его стандартизированное значение. Взрослые, имеющие стандартизированное значение индекса ниже, чем -1 стандартное отклонение, были отнесены в подгруппу имеющих относительный дефицит функций регуляции активации. Часть взрослых попали в подгруппы людей без функциональной слабости как по вектору *передние отделы мозга – задние отделы мозга*, так и по вектору *левое полушарие – правое полушарие*.

Результаты

Анализ получившихся комбинаций позволил выделить 5 основных подгрупп (типов):

- 1) с преобладанием мягкого дефицита функций III блока мозга (16,7 %);
- 2) с преобладанием относительной слабости функций левого полушария и дефицитом аналитической стратегии переработки информации (17,8 %);
- 3) с преобладанием относительной слабости функций правого полушария и дефицитом холистической стратегии переработки информации (18,9 %);

4) с преобладанием функциональной слабости I блока мозга (12,2 %);

5) без какого-либо функционального дефицита (34,4 %).

Следует отметить, что во всех случаях речь идет не о нарушении каких-либо функций, но об их мягком относительном снижении в сравнении с другими функциями. Такой дефицит носит парциальный, а не системный характер и компенсируется за счет выработки индивидуального стиля деятельности.

Представляет интерес описание особенностей высших психических функций в каждой из выделенных подгрупп. Анализ значений нейропсихологических индексов показывает, что, как и следовало ожидать, в подгруппе 1 самое низкое значение индекса функций III блока мозга. В подгруппе 2 снижен индекс, отражающий состояние функций левого полушария, а также индекс I блока мозга. В подгруппе 3 отмечается самое низкое значение индекса правополушарных функций. Интересно отметить, что снижение функциональных возможностей I блока, характерное для испытуемых подгруппы 4, сопровождается ухудшением и всех остальных показателей, что позволяет оценить испытуемых этой подгруппы как имеющих самый низкий в нашей выборке уровень развития высших психических функций (рис. 1). Особенно негативно дефицит энергетического блока отражается на функциональных возможностях левого полушария. Как известно, левое полушарие имеет тесные связи с нижестеволовыми отделами мозга.

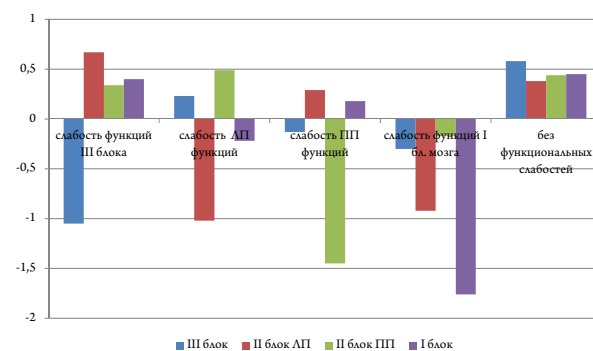

Рис. 1. Величины нейропсихологических индексов в разных подгруппах: ЛП – левополушарные функции; ПП – правополушарные функции

Fig. 1. Neuropsychological indexes in different subgroups: LH – left hemisphere functions; RH – right hemisphere functions

В самом благоприятном положении оказываются взрослые из подгруппы 5, все их показатели находятся на достаточно высоком уровне. Правда, следует отметить, что по состоянию функций левого полушария они несколько уступают взрослым из подгруппы 1.

Выделенные нами подгруппы существенно отличаются друг от друга по функциональным возможностям и характеру взаимодействия трех основных блоков мозга, а также в зависимости от предпочтения право- либо левополушарных стратегий переработки информации (табл. 1). В подгруппе 1

на фоне высокого уровня функционирования всех мозговых структур наблюдается незначительное отставание со стороны функций III блока мозга. Подгруппа 5 характеризуется равномерно высоким уровнем всех показателей. В подгруппе 4, напротив, все показатели снижены, но особенно это касается функций I блока мозга и левого полушария.

Подгруппа 2, выделенная на основе относительной слабости левополушарных функций, характеризуется некоторым снижением функций тонуса и бодрствования. Вероятно, есть связь между функциональными возможностями левого полушария и I блока мозга у взрослых. У испытуемых подгруппы 3 снижен индекс правополушарных функций, в зоне отрицательных значений оказался индекс функций III блока мозга.

Более дифференцированный анализ отдельных высших психических функций в сравниваемых подгруппах позволяет понять, за счет чего снижены значения нейропсихологических индексов, отражающих общее состояние блоков мозга, и получить нейропсихологические профили для каждой подгруппы или выделенного нами типа (табл. 2).

Здоровые взрослые люди характеризуются неодинаковым уровнем состояния высших психических функций. При этом наиболее дифференцирующими оказываются функции переработки полимодальной и слуховой информации, а также серийной организации движений. Состояние зрительного гнозиса и кинестетических функций в выделенных подгруппах отличаются несущественно. Неравномерность в состоянии высших психических функций взрослых наглядно представлена на рис. 2.

Представляет интерес анализ нейропсихологических профилей в каждой из выделенных подгрупп. Испытуемые со слабостью функций III блока мозга (подгруппа 1) имеют высокие показатели зрительно-пространственных (статистические различия с подгруппой 4 – $p < 0,001$), слухоречевых функций (статистические различия с подгруппой 4 – $p < 0,001$) и зрительного гнозиса (статистические различия с подгруппой 2 – $p = 0,003$). На фоне высокого уровня функционирования II блока мозга они демонстрируют низкие показатели динамического праксиса. Это проявляется в некоторых трудностях усвоения, автоматизации и особенно серийной организации двигательной программы. При выполнении программы у этих взрослых встречаются сбои, инертное повторение ошибок с самокоррекцией, иногда эпизодическое расширение программы. Наибольшее число различий наблюдается по этим показателям между подгруппой 1 и подгруппами 5, 3 и 2.

При выполнении пробы на графомоторную координацию взрослые, вошедшие в подгруппу 1, при отсутствии значимых различий чаще допускают ошибки по типу расподобления, уподобления элементов, остановки по ходу выполнения программы. Самый низкий темп выполнения зафиксирован у испытуемых подгруппы 4, имеющих мягкий дефицит I блока мозга (уровень различий с подгруппой 1 – $p = 0,012$). Неравномерность в состоянии высших психических

Табл. 1. Показатели нейропсихологических индексов в разных подгруппах

Tab. 1. Neuropsychological indexes in different subgroups

Подгруппа	Индекс функций III блока мозга	Индекс функций левого полушария	Индекс функций правого полушария	Индекс функций I блока мозга
1	-1,01	0,60	0,31	0,36
2	0,23	-1,02	0,47	-0,21
3	-0,14	0,30	-1,45	0,18
4	-0,31	-0,92	-0,20	-1,78
5	0,70	0,47	0,53	0,51
Уровни различий между подгруппами, p				
1–2	<0,001	<0,001	–	0,015
1–3	<0,001	–	<0,001	–
1–4	0,020	<0,001	–	<0,001
1–5	<0,001	<0,001	–	–
2–3	–	<0,001	<0,001	–
2–4	–	–	0,005	<0,001
2–5	–	<0,001	–	<0,001
3–4	–	<0,001	<0,001	<0,001
3–5	<0,001	–	<0,001	–
4–5	<0,001	<0,001	<0,001	<0,001

Табл. 2. Показатели индексов функций в разных подгруппах

Tab. 2. Index values of the functions in different subgroups

Подгруппа	Индекс функций программирования	Индекс функций серийной организации	Индекс кинестетических функций	Индекс зрительных функций	Индекс слуховых функций	Индекс зрительно-пространственных функций
1	-0,09	-0,79	-0,11	0,39	0,47	0,58
2	-0,43	-0,01	-0,09	-0,49	-0,70	-0,05
3	0,21	-0,11	-0,01	0,12	0,04	-1,05
4	-0,38	-0,18	0,19	0,12	-0,59	-0,61
5	0,38	0,61	0,26	-0,12	0,41	0,59
Уровни различий между подгруппами, p						
1–2	–	0,005	–	0,003	0,000	<0,001
1–3	–	0,014	–	–	–	<0,001
1–4	–	–	–	–	<0,001	<0,001
1–5	–	<0,001	–	–	–	–
2–3	–	–	–	–	0,008	<0,001
2–4	–	–	–	–	–	–
2–5	0,002	0,018	–	–	<0,001	0,002
3–4	–	–	–	–	–	–
3–5	–	0,003	–	–	–	<0,001
4–5	0,024	0,007	–	–	<0,001	<0,001

функций у испытуемых подгруппы 1 проявляется в том, что при самых низких оценках серийной организации движений они имеют самые высокие по выборке показатели зрительного гнозиса и слуховых функций, превосходя в этом даже наиболее благополучную в целом подгруппу 5.

Испытуемые, вошедшие в подгруппу 2, имеют относительную слабость ни одной, а нескольких функций, преимущественно опирающихся на работу левого полушария мозга. Следует отметить, что профиль этой подгруппы снижен в целом, индексы всех функций имеют отрицательные значения, особенно отчетливо снижение проявляется в показателях индексов переработки зрительной и слуховой информации, а также программирования и контроля произвольных форм деятельности (рис. 2). Вероятно, такой профиль описывает неблагоприятный вариант взрослой нормы, который в процессе инволюции может оказаться более уязвимым к негативным возрастным изменениям.

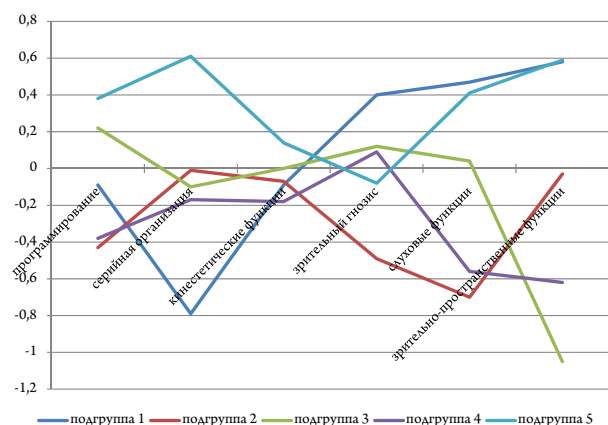

Рис. 2. Нейropsychологические профили в подгруппах
Fig. 2. Neuropsychological profiles in the subgroups

У вошедших в подгруппу 2 взрослых выявлено снижение объема произвольной, произвольной кратковременной и долговременной слухоречевой памяти. Им присущи некоторые дефекты избирательности следов. Они в большей мере, чем испытуемые других подгрупп, за исключением подгруппы 4, склонны допускать звуковые замены при воспроизведении слов. Испытуемым подгруппы 2 свойственны ошибки, связанные с влечением посторонней информации, нарушением порядка слов, пропуски слов, переходы слов в другую группу и вертикальные повторы однажды допущенных ошибок.

Сравнение с другими типологическими группами обнаруживает, что наибольшее количество различий выявлено между подгруппой 2 и подгруппой 1, объединяющей взрослых с преобладанием слабости функций III блока мозга. У последних все показатели слухоречевой памяти существенно лучше, более того, они самые высокие по выборке. У взрослых с относительным дефицитом функций левого полушария, напротив, эти показатели ниже, чем у других. Исключение составляют только те испытуемые,

которые обладают слабостью I блока мозга. Они чаще всех демонстрировали звуковые замены ($p=0,008$) и искажения слов ($p=0,011$), что, вероятно, следует в их случае рассматривать не как модально специфические ошибки памяти, а как проявления дефицита энергетического снабжения.

Взрослые, образующие подгруппу 2, характеризуются полифакторными проявлениями слабостей со стороны высших психических функций. Помимо особенностей слухоречевой памяти, у них выявлена специфика импресивной речи, максимальное количество различий по показателям с подгруппой 3, так, у испытуемых со слабостью левополушарных функций существенно ниже показатели понимания названий предметов, близких по значению ($p=0,001$), понимания названий действий, близких по значению ($p<0,001$), понимания названий действий, близких по звучанию ($p<0,000$). В пробах на зрительный гнозис встречается большее количество вербально-перцептивных ошибок, по сравнению с испытуемыми всех остальных подгрупп (во всех случаях $p<0,032$), что свидетельствует о трудностях номинации, характерных для слабости переработки слуховой информации по левополушарному типу. Наряду с вышеуказанными ошибками наблюдаются затруднения в речевом программировании и подчинении действий речевой инструкции. Анализ данных показывает, что снижение индекса программирования и контроля происходит за счет смыслового программирования речевого высказывания. Включенные в подгруппу 2 испытуемые хуже других опознают перечеркнутые изображения, чаще допуская при этом вербально-перцептивные ошибки. Наиболее явные различия выявлены между подгруппами 2 и 1, а также 2 и 5.

Подгруппа 3 объединяет взрослых с преимущественной слабостью функций правого полушария. Они обладают равномерно средними показателями состояния высших психических функций, на фоне которых заметна относительная слабость зрительно-пространственных функций (рис. 2). Взрослые, вошедшие в подгруппу 3, демонстрируют трудности при копировании трехмерного объекта, их показатели существенно ниже показателей испытуемых всех подгрупп, кроме 4 (во всех случаях различия достигают статистически значимых различий – $p<0,001$). В частности, для них характерны метрические и проекционные ошибки, они чаще, чем представители других подгрупп, допускают ошибки при ориентации изображений в пространстве листа, в результате чего горизонтальные линии изображаемых ими столов оказываются непараллельными верхнему и нижнему краям листа, а вертикальные линии – боковым краям. Испытуемые подгруппы 3 затрачивают существенно больше времени на складывание наиболее сложных 3 и 4 фигур в кубиках Кооса, при этом дефицит холистических стратегий проявляется в частых нарушениях границ образца. Нельзя сказать, что объем их зрительно-пространственной памяти был ниже, чем в других подгруппах, однако при воспроизведении фигур они чаще допускают различные ошибки, обусловленные слабостью

функций правого полушария. Так, испытуемым свойственны дизметрии, случаи «разложения» гештальта, изменение пропорций фигур, а также у них более чем в два раза чаще по сравнению с другими подгруппами встречаются грубые ошибки, связанные с комплексным искажением фигур. О дефиците правополушарных стратегий говорят и имеющиеся трудности удержания порядка следования элементов (статистические различия обнаружены с другими подгруппами, кроме 4, во всех случаях $p < 0,005$).

Таким образом, взрослые подгруппы 3 имеют незначительную слабость правополушарных функций, что существенно отличает их от всех других подгрупп, кроме 4.

Подгруппа 4 самая немногочисленная, в нее вошли 21 человек. Общим для них является некоторое ослабление энергетического блока. Их профиль (рис. 2) свидетельствует о том, что дефицит тонуса и бодрствования негативно сказывается на состоянии высших психических функций, именно в этой группе выявлены самые низкие показатели нейропсихологических индексов и индексов функций. В этой подгруппе, помимо дефицита I блока мозга, отмечается слабость слуховых, зрительно-пространственных функций, программирования и контроля произвольных форм деятельности. Анализ результатов выполнения проб обнаружил, что ухудшение переработки слуховой и зрительно-пространственной информации происходит за счет снижения показателей памяти этих модальностей.

В подгруппе 4 зафиксированы самые низкие по выборке показатели 1 и 2 воспроизведения слов. В то же время испытуемые данной подгруппы статистически достоверно превосходят всех остальных по количеству звуковых замен. Они допускают искажения слов, что несвойственно для здоровых взрослых. Конечно, ошибок такого типа немного, но в других подгруппах они не встречаются совсем. Слабость I блока приводит и к другим ошибкам: наблюдаются вплетения посторонней информации, горизонтальные повторы слов, пропуски, нарушения порядка следования элементов. Особенности слухоречевой памяти испытуемых подгруппы 4 близки к тем, что выявлены в подгруппе 2, объединяющей взрослых с относительной слабостью левополушарных функций. Однако в подгруппе 4 наблюдаемые проявления обусловлены дефицитом энергетического блока. К тому же снижение памяти в этой подгруппе не является модально специфическим, как в подгруппе 2. Это подтверждается анализом особенностей выполнения пробы на запоминание невербализуемых фигур.

В подгруппе 4 наблюдаются самые низкие по выборке показатели третьего и отсроченного воспроизведения фигур. Это говорит о снижении объема произвольной кратковременной памяти и произвольной долговременной. У них самое высокое количество горизонтальных и вертикальных повторов и достаточно много случаев изменения фигур, обусловленных слабостью правополушарных функций. Особенности зрительно-пространственной памяти сближают подгруппу 4 с подгруппой 3, для которой эти

трудности были специфическими. Кроме того, в подгруппе 4 обнаружены и другие затруднения пространственного характера. Они связаны с выполнением проб Хэда, которое сопровождалось более высоким, чем в других подгруппах, количеством пространственных ошибок и общим снижением продуктивности. Замечено нарастание соматотопических ошибок, однако различия с показателями других подгрупп не достигают уровня статистической достоверности.

Нейропсихологический профиль подгруппы 4 демонстрирует незначительное снижение функций программирования и контроля произвольных форм деятельности. Анализ данных показал, что это происходит за счет трудностей усвоения инструкции в пробе на реакцию выбора, снижения темпа ее выполнения и наличия ошибок уподобления.

Таким образом, возникающий дефицит I блока мозга приводит к ухудшению переработки слуховой и зрительно-пространственной информации, прежде всего, к мягкому модально-неспецифическому снижению параметров памяти. Вероятно, именно этот тип можно рассматривать как самый неблагоприятный и наименее устойчивый к возрастным изменениям.

Подгруппа 5 – самая многочисленная, в нее вошли 32,2 % всех обследованных нами взрослых. Все показатели индексов в этой подгруппе достаточно высокие. Особенно хорошо развиты зрительно-пространственные возможности и серийная организация движений. Самый низкий показатель отражает состояние зрительного гнозиса, что связано с наличием ошибок фрагментарности и вербально-перцептивных ошибок. Поскольку в этой подгруппе не зафиксировано каких-либо специфических проблем, то нет необходимости рассматривать выполнение отдельных проб.

Заключение

Проведенное исследование с помощью нейропсихологических методов показало, в состоянии высших психических функций в период взрослости имеет место межиндивидуальная неравномерность. На основе нейропсихологического подхода были выделены варианты взрослой нормы с точки зрения функциональных особенностей блоков мозга и предпочтения стратегий переработки информации. Особенностью предлагаемой нами типологии является то, что она описывает индивидуально-типологические характеристики высших психических функций здоровых взрослых людей. Как отмечалось выше, высшие психические функции ранее исследовались лишь на ранних или поздних этапах онтогенеза или же у больных с локальными поражениями мозга. Полученные данные дополняют нормы акмеологии и нейропсихологии об особенностях высших психических функций в период взрослости.

Выделенные нами подгруппы существенно отличаются друг от друга по функциональным возможностям и характеру взаимодействия трех основных блоков мозга, а также в зависимости от предпочтения право- либо левополушарных стратегий переработки информации.

В подгруппе 1 на фоне высокого уровня функционирования всех мозговых структур наблюдается незначительное отставание со стороны функций III блока мозга. Подгруппа 2, выделенная на основе относительной слабости левополушарных функций, характеризуется некоторым снижением функций тонуса и бодрствования. Вероятно, есть связь между функциональными возможностями левого полушария и I блока мозга у взрослых. У испытуемых подгруппы 3 снижен индекс правополушарных функций, а также в зоне отрицательных значений оказался индекс функций III блока мозга. В подгруппе 4, напротив, все показатели снижены, особенно негативно дефицит энергетического блока отражается на функциональных возможностях левого полушария.

Результаты исследования дополняют данные, полученные отечественными и зарубежными психологами, психофизиологами, намечают перспективы для дальнейших исследований в области акмеологии и нейропсихологии нормы. Поскольку факторы когнитивного развития очень

разнородны и оказывают вариативное влияние, для понимания их кумулятивного эффекта необходимы междисциплинарные лонгитюдные исследования. Результаты таких исследований могут быть использованы при разработке прогностической модели когнитивного старения, построенной на основе учета биологических (психофизиологических, биохимических, молекулярно-генетических), поведенческих и социокультурных факторов. Представляет интерес оценка роли физической среды в устойчивости или податливости высших психических функций к возрастному снижению. Важно выявление ранних предикторов патологического старения и нейродегенеративных заболеваний, выделение биологических и психологических маркеров, связанных с ними. Необходимы исследования, направленные на разработку мультимодального комплекса мер по оптимизации состояния когнитивных функций в поздней взрослости и на последующих этапах онтогенеза.

Литература

1. Хомская Е. Д. Нейропсихология индивидуальных различий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 2. С. 24–32.
2. Хомская Е. Д., Ефимова И. В., Бudyка Е. В., Ениколопова Е. В. Нейропсихология индивидуальных различий. М.: Академия, 2011. 160 с.
3. Хомская Е. Д. Латеральная организация мозга как нейропсихологическая основа типологии нормы // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия. (Москва, 24–26 сентября 1997 г.) М.: Изд-во РПО, 1998. С. 138–144.
4. Курганский А. В., Ахутина Т. В. Трудности в обучении и серийная организация движений у детей 6–7 лет // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1996. № 2. С. 58–66.
5. Манелис Н. Г. Закономерности нормального развития // Нейропсихология: хрестоматия / отв. ред. Е. Д. Хомская. 3-е изд. СПб.: Питер, 2010. С. 870–887.
6. Микадзе Ю. В. Нейропсихологический анализ формирования психических функций у детей // I Междунар. конф. памяти А. Р. Лурия. (Москва, 24–26 сентября 1997 г.) М.: Изд-во РПО, 1998. С. 225–231.
7. Микадзе Ю. В. Нейропсихология детского возраста. СПб.: Питер, 2013. 285 с.
8. Семенович А. В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Academia, 2002. 227 с.
9. Семенович А. В. Введение в нейропсихологию детского возраста. М.: Генезис, 2005. 319 с.
10. Фотекова Т. А. Развитие высших психических функций дошкольников // Фотекова Т. А. Роль факторов среды в формировании высших психических функций в дошкольном и младшем возрасте. Абакан: Бригантина, 2015. С. 33–44.
11. Фотекова Т. А. Развитие высших психических функций младших школьников // Фотекова Т. А. Роль факторов среды в формировании высших психических функций в дошкольном и младшем возрасте. Абакан: Бригантина, 2015. С. 44–61.
12. Кремень Е. Ф., Фотекова Т. А. Функции переработки зрительной и полимодальной информации у младших школьников с разной успешностью обучения // Психология и современный мир: мат-лы Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. (Архангельск, 25 апреля 2019 г.) Архангельск: ИД САФУ, 2019. С. 182–184.
13. Рощина И. Ф., Корсакова Н. К. Нормальное старение и особенности речевой сферы // Центральные механизмы речи: сб. мат-лов IX Всерос. (с Междунар. участием) науч. конф., посв. памяти проф. Н. Н. Трауготт. (Санкт-Петербург, 11–13 ноября 2019 г.) СПб.: Изд-во ВВМ, 2019. С. 73.
14. Корсакова Н. К., Прахт Н. Ю. Нейрокогнитивные изменения при нормальном физиологическом старении // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2001. № 4. С. 39–45.
15. Балашова Е. Ю. Нарушение пространственных функций при сосудистых и атрофических деменциях позднего возраста: дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 231 с.
16. Голдберг Э. Парадокс мудрости: научное опровержение «старческого слабоумия»: революционный взгляд на мышление человека. М.: Поколение, 2007. 381 с.
17. Обухова О. Б. Межиндивидуальная вариативность в развитии когнитивных и индивидуально-личностных функций в зрелом и пожилом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 181 с.
18. Reuter-Lorenz P. A. Aging and cognitive neuroimaging: A fertile union // Perspectives on Psychological Science. 2013. Vol. 8. № 1. P. 68–71. DOI: 10.1177/1745691612469023

19. Gage F. H. Brain, repair yourself // *Scientific American*. 2003. Vol. 289. № 3. P. 46–53. DOI: 10.1038/scientificamerican0903-46
20. Ананьев Б. Г. Психология и проблемы человекознания. 3-е изд., стер. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2008. 431 с.
21. Борисова Л. Н. Динамика интеллектуального развития взрослых и ее зависимость от уровня образования: дис. ... канд. психол. наук. Л., 1990. 189 с.
22. Степанова Е. И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб.: Алетей, 2000. 286 с.
23. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2002. 264 с.
24. Schaie K. W. The Seattle longitudinal study: A twenty-one year exploration of psychometric intelligence in adulthood // *Longitudinal studies of adult psychological development*, ed. K. W. Schaie. N. Y.: Guilford Press, 1983. P. 64–135.
25. Stern Y., Scarmeas N., Habeck C. Imaging cognitive reserve // *International Journal of Psychology*. 2004. Vol. 39. № 1. P. 18–26. DOI: 10.1080/00207590344000259
26. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. 3-е междунар. изд. СПб.: Питер, 2002. 256 с.
27. Матвеева Е. Ю., Корнеев А. А., Ахутина Т. В. Развитие функций произвольной регуляции деятельности у детей 7–9 лет, успешных и испытывающих трудности в обучении (лонгитюдное исследование) // *Когнитивная наука в Москве: новые исследования: мат-лы конф. (Москва, 16 июня 2015 г.)* М.: Институт практической психологии и психоанализа, 2015. С. 301–305.
28. Ахутина Т. В., Матвеева Е. Ю., Романова А. А. Применение Луриевского принципа синдромного анализа в обработке данных нейропсихологического обследования детей с отклонениями в развитии // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2012. № 2. С. 84–95.
29. Полонская Н. Н., Яблокова Л. В., Ахутина Т. В. Динамика функций программирования и контроля и ее связь с трудностями в обучении младших школьников // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 1997. № 2. С. 42–51.
30. Шварц А. Ю., Обухова О. Б., Ахутина Т. В. Психогенетика и нейропсихология: анализ источников индивидуальных различий когнитивных функций в зрелом возрасте // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2009. № 3. С. 28–43.
31. Ахутина Т. В., Яблокова Л. В., Полонская Н. Н. Нейропсихологический анализ индивидуальных различий у детей: параметры оценки // *Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий* / под ред. Е. Д. Хомской, В. А. Москвина. Оренбург: Изд-во ООИПКРО, 2000. С. 137–152.
32. Кичеева А. О. Возрастные и половые особенности высших психических функций в ранней, средней и поздней зрелости: дис. ... канд. психол. наук. Абакан, 2017. 253 с.

original article

Functional Features of the Brain Blocks and Prevailing Strategies of Information Processing in Adults

Anastasiya O. Kicheeva^{a, @}; Olga Yu. Grebeshkova^a

^a Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

[@] kicheeva@list.ru

Received 18.05.2020. Accepted 26.08.2020.

Abstract: The statutory meanings of higher mental functions in adults remained understudied for a long time. The present research was based on a neuropsychological analysis of the functional capacities of three brain blocks and favored strategies of information processing in adults. The analysis made it possible to distinguish five main types: 1 – with relatively weak functions of the dynamic praxis; 2 – with a moderate deficit of the left hemisphere functions; 3 – with relatively weak visual-spatial functions; 4 – with a moderate deficit of brain block I resulting in the general deterioration of higher mental functions; 5 – with no functional deficit. The neuropsychological indexes showed that subgroup 1 had the lowest values of the functions of brain block III and a high level of processing of visual, auditory, and visual-spatial information. In subgroup 2, the index of the state of left hemisphere functions was low, which resulted in weak analytical strategy for processing auditory information, verbal-perceptual problems, and a slight decrease in brain block I. This meant a decrease in the voluntary regulation of activity. Subgroup 3 had the lowest index of right hemisphere functions and a deficiency of right hemispheric holistic information processing strategies. Subgroup 4 had low functional capacities of brain block I and other indicators, especially those associated with the processing of auditory, visual-spatial information, planning, and control. The adults in subgroup 5 showed good for all the indicators.

Keywords: higher mental functions, functional brain blocks, programming and controlling, serial organization of movements, kinesthetic functions, visual gnosis, auditory functions, visual and spatial functions, sinistrocerebral functions, dextrocerebral functions

For citation: Kicheeva A. O., Grebeshkova O. Yu. Functional Features of the Brain Blocks and Prevailing Strategies of Information Processing in Adults. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 755–765. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-755-765>

References

1. Khomskaya E. D. Neuropsychology of individual differences. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1996, (2): 24–32. (In Russ.)
2. Khomskaya E. D., Efimova I. V., Budyka E. V., Enikolopova E. V. *Neuropsychology of individual differences*. Moscow: Akademiia, 2011, 160. (In Russ.)
3. Khomskaya E. D. The lateral brain organization as a neuropsychological basis of the norm typology. *I Intern. Conf. in memory of A. R. Luria*, Moscow, September 24–26, 1997. Moscow: Izd-vo RPO, 1998, 138–144. (In Russ.)
4. Kurgansky A. V., Akhutina T. V. The difficulties in teaching and the serial organization of movements in children aged 5–6. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1996, (2): 58–66. (In Russ.)
5. Manelis N. G. The common factors of healthy growth. *Neuropsychology reading book*, ed. Khomskaya E. D., 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2010, 870–887. (In Russ.)
6. Mikadze Y. V. Neuropsychological analysis of the formation of mental functions in children. *I Intern. Conf. in memory of A. R. Luria*, Moscow, September 24–26, 1997. Moscow: Izd-vo RPO, 1998, 225–231. (In Russ.)
7. Mikadze Y. V. *Pediatric neuropsychology*. St. Petersburg: Piter, 2013, 285. (In Russ.)
8. Semenovich A. V. *The neuropsychological diagnostics and the correction at an early age*. Moscow: Academia, 2002, 227. (In Russ.)
9. Semenovich A. V. *An introduction to the neuropsychology of childhood*. Moscow: Genezis, 2005, 319. (In Russ.)
10. Fotekova T. A. The development of higher mental functions of preschoolers. *The role of the environmental factors in the formation of higher mental functions in preschool age and juniority*. Abakan: Brigantina, 2015, 33–44. (In Russ.)
11. Fotekova T. A. The development of higher mental functions of younger schoolchildren. *The role of the environmental factors in the formation of higher mental functions in preschool age and juniority*. Abakan: Brigantina, 2015, 44–61. (In Russ.)
12. Kremen E. F., Fotekova T. A. The functions of visual and polymodal information in younger schoolchildren with different study progress. *Psychology and modern world: Proc. All-Russian Sci. Conf. for students, postgraduates and young scientists*, Arkhangelsk, April 25, 2019. Arkhangelsk: ID SAFU, 2019, 182–184. (In Russ.)
13. Roshchina I. F., Korsakova N. K. The normal ageing and the specific features of speech sphere. *The central mechanisms of speech: Proc. IX All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation dedicated to the memory of Professor N. N. Traugott*, St. Petersburg, November 11–13, 2019. St. Petersburg: Izd-vo VVM, 2019, 73. (In Russ.)
14. Korsakova N. K., Prakht N. Iu. Neurocognitive changes in normal physiological aging. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2001, (4): 39–45. (In Russ.)
15. Balashova E. Iu. *Impaired spatial functions in vascular and atrophic dementia of senior age*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 1995, 231. (In Russ.)
16. Goldberg E. *The paradox of wisdom: scientific refutation of "senile dementia": a revolutionary view of human thinking*. Moscow: Pokolenie, 2007, 381. (In Russ.)
17. Obukhova O. B. *Interindividual variability in the development of cognitive and individual-personal functions in mature and old age*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2009, 181. (In Russ.)
18. Reuter-Lorenz P. A. Aging and cognitive neuroimaging: A fertile union. *Perspectives on Psychological Science*, 2013, 8(1): 68–71. DOI: 10.1177/1745691612469023
19. Gage F. H. Brain, repair yourself. *Scientific American*, 2003, 289(3): 46–53. DOI: 10.1038/scientificamerican0903-46
20. Ananiev B. G. *Psychology and problems of human studies*. 3rd ed. Moscow: Izd-vo MPSI; Voronezh: MODEK, 2008, 431. (In Russ.)
21. Borisova L. N. *Dynamics of the intellectual development of adults and its dependence on the level of education*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Leningrad, 1990, 189. (In Russ.)
22. Stepanova E. I. *Adult psychology: experimental acmeology*. St. Petersburg: Aleteia, 2000, 286. (In Russ.)
23. Kholodnaya M. A. *The psychology of intelligence: paradoxes of research*, 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2002, 264. (In Russ.)
24. Schaie K. W. The Seattle longitudinal study: A twenty-one year exploration of psychometric intelligence in adulthood. *Longitudinal studies of adult psychological development*, ed. Schaie K. W. N. Y.: Guilford Press, 1983, 64–135.

25. Stern Y., Scarmeas N., Habeck C. Imaging cognitive reserve. *International Journal of Psychology*, 2004, 39(1): 18–26. DOI: 10.1080/00207590344000259
26. Stuart-Hamilton I. *The psychology of ageing*, 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2002, 256. (In Russ.)
27. Matveeva E. Yu., Korneev A. A., Akhutina T. V. Development of executive functions in primary school children with learning disabilities (the longitudinal research). *Moscow cognitive science: new studies*: Proc. Conf., Moscow, June 16, 2015. Moscow: Institut prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza, 2015, 301–305. (In Russ.)
28. Akhutina T. V., Matveeva E. Yu., Romanova A. A. The use of Luria's principle of the syndromic analysis in the information processing of the neuropsychological testing of special needs children. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2012, (2): 84–95. (In Russ.)
29. Polonskaya N. N., Yablokova L. V., Akhutina T. V. The dynamics of the functions of programming and controlling and its connection with the difficulties in teaching elementary schoolchildren. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1997, (2): 42–51. (In Russ.)
30. Schvartz A. Yu., Obukhova O. B., Akhutina T. V. Psychogenetics and neuropsychology: analysis of the sources of individual differences in cognitive functions in adulthood. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 2009, (3): 28–43. (In Russ.)
31. Akhutina T. V., Yablokova L. V., Polonskaya N. N. The neuropsychological analysis of children's individual differences: evaluation items. *The neuropsychology and psychophysiology of the individual differences*, eds. Khomskaya E. D., Moskvina V. A. Orenburg: Izd-vo OOIPKRO, 2000, 137–152. (In Russ.)
32. Kicheeva A. O. *Age and sex peculiarities of higher mental functions in early, middle, and late adulthood*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abakan, 2017, 253. (In Russ.)

Психолого-педагогические условия формирования образовательной среды в полиэтническом пространстве вуза*

Татьяна С. Сергейчик^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ inkafedra2009@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-7564-6795>

Поступила в редакцию 28.06.2020. Принята к печати 15.09.2020.

Аннотация: Статья посвящена психолого-педагогическим условиям формирования образовательной среды в полиэтническом пространстве вуза. Выделяются методы и технологии формирования полиэтнической образовательной среды на основе психологических феноменов лидерства и групповых норм. Предлагаемые технологии обосновываются с точки зрения психологических теорий лидерства, нормообразования, становления малой группы. Описаны практические подходы к реализации выделенных методов и технологий с целью обеспечения наиболее благоприятной среды для обучения студентов в условиях этнического многообразия. К технологиям формирования полиэтнической образовательной среды относятся регулирование деятельности лидера в студенческом коллективе и регулирование групповых норм. Технология регулирования деятельности лидера направлена на развитие личностных качеств лидера студенческого коллектива и привлечение внимания группы к поступкам и деятельности лидера. Среди методов регулирования групповых норм выделяются просвещение, (групповая) дискуссия, индивидуальная беседа по проблемам межкультурного взаимодействия, личный пример преподавателя. Методы и технологии формирования благоприятной образовательной среды, предложенные на основе понимания необходимости воспитания этноориентированной личности, воздействуют на ее психологические характеристики, связанные со способностью и готовностью модифицировать поведение для конструктивного межнационального взаимодействия. В условиях практики поликультурного обучения воспитательные задачи выделенных технологий психолого-педагогической интеракции заключались в том, чтобы погрузить обучающихся в познавательный поликультурный процесс, использовать поликультурную среду вуза как оптимальный фактор саморазвития учащейся молодежи.

Ключевые слова: психолого-педагогические методы, психолого-педагогическое взаимодействие, полиэтническая группа, групповые нормы, лидер

Для цитирования: Сергейчик Т. С. Психолого-педагогические условия формирования образовательной среды в полиэтническом пространстве вуза // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 766–777. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-766-777>

Введение

Современные вузы стремятся наращивать динамику набора иностранных студентов для обучения на основных образовательных программах. С ростом притока иностранных студентов в российские вузы стала очевидной необходимость поиска новых методов педагогического взаимодействия, приемлемых для полиэтнических групп. Преподаватели остро ощутили недостаток педагогического внимания к вопросам межкультурного взаимодействия в современном студенческом коллективе, необходимость обеспечить благоприятную поликультурную среду для обучения в вузе.

Вместе с тем в условиях, когда ключевой характеристикой современных студенческих коллективов становится их полиэтнический состав, преподаватели столкнулись с проблемой неэффективности методов обучения

и воспитания учащейся молодежи, первоначально разработанных для моноэтнических групп. Стало очевидно, что в повседневном учебном процессе иностранные студенты и преподаватели университета испытывают трудности во взаимодействии. Во многих исследованиях указывается на необходимость совершенствования воспитательно-образовательного процесса в полиэтнической среде университета, которая обуславливает поиск и внедрение эффективных моделей педагогической интеракции для успешного совместного обучения студентов разных этнических групп и обеспечения подготовки университетом высококвалифицированных специалистов. Кроме того, существует объективная необходимость регулярных мер по формированию межкультурной толерантности с целью эффективной поликультурно-ориентированной организации учебного

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 19-013-00805 А «Модели педагогической интеракции в процессе обучения иностранному языку в полиэтнической среде вуза».

взаимодействия, поскольку само поликультурное взаимодействие подразумевает обмен опытом на основе разного понимания действительности его участниками.

Что касается студентов, то в современном мире они являются свидетелями множества социальных противоречий. С одной стороны, в условиях глобализации часто звучат идеи о нивелировании культурных различий, современная цивилизация культивирует свободу слова и поступков как ключевой жизненный принцип. С другой стороны, авторитетные структуры и органы власти призывают к сохранению самобытности этнокультур, подчеркивая их важную роль в формировании высоконравственной личности. В этой связи важно отметить, что иностранные студенты, приезжая учиться в российский вуз, часто оказываются «невключенными» из прошлой, основной и часто единственной системы мировосприятия и не всегда демонстрируют готовность интегрироваться в новую культурную среду [1]. Таким образом, молодежь оказывается в эпицентре социальной и психологической напряженности, которая затрудняет формирование толерантных отношений в социуме, а иногда предопределяет развитие поведенческой агрессивности [2].

Обучение в вузе – чрезвычайно значимый период в жизни молодежи. Он включает в себя не только становление студента как специалиста, но в известной степени и трансформацию его личности. Следовательно, важно, чтобы значимые для студента процессы в ходе обучения в вузе оказались не чередой спонтанных, стихийных событий, а имели планомерный характер, стали предметом целенаправленного педагогического участия.

На уровне администрации вузов, как правило, разрабатываются и внедряются разнообразные меры, подчиненные задаче создания продуктивного образовательного пространства для развития межнационального диалога и взаимодействия. Кемеровский государственный университет (КемГУ), например, внедряет комплекс мероприятий по привлечению иностранных студентов к участию в жизни вуза, города и области. КемГУ предлагает разноплановую программу по формированию у молодежи социально значимых качеств – адаптивности, профессиональной мобильности, жизненной устойчивости и т. п., что создает благоприятные социально-педагогические условия для овладения иностранными студентами программ высшего образования [3; 4].

Цель статьи – выделить и обосновать использование психолого-педагогических методов и технологий формирования благоприятной полиэтнической образовательной среды, в которой оптимизированы процессы поликультурного взаимодействия студентов и педагогов. Предлагаются методы, которые будут полезны преподавателю высшей школы в повседневной педагогической деятельности, направленной на воспитание студенческой молодежи, а также логически дополняют комплекс мероприятий вуза по созданию доступной образовательной среды с учетом полиэтнического состава контингента.

Теоретические основы

Представленные выводы основывались на анализе наблюдений и бесед с преподавателями вуза (КемГУ, 41 человек). Наука обладает обширным теоретическим и практическим материалом по целому ряду проблем межнационального взаимодействия, которое формирует среду для жизнедеятельности людей разных этносов. Основу настоящей работы составили исследования отечественных и зарубежных ученых.

Философский взгляд на проблему межнациональных отношений и межнационального общения представлен в исследованиях Н. А. Бердяева, Л. Н. Гумилева, Н. О. Лосского, В. С. Соловьева, Г. Г. Шпета и др. Этносоциологический аспект отражен в трудах Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробизевова, Р. Г. Подольного, И. И. Серовой и др.

Общетеоретические основы национальных и межнациональных отношений изложены в работах Р. Г. Абдулатипова, С. К. Бондыревой, Т. Ю. Бурмистровой, М. И. Богомоловой, З. Т. Гасанова, А. В. Дмитриева, А. Ф. Дашдамирова, Л. М. Захаровой, Л. Н. Когана, В. П. Комарова, В. Г. Крысько, А. М. Магомедова, З. Ф. Мубиновой, Е. И. Чариковой и др.

В настоящее время наряду с понятием *межнациональное общение* используется термин *межкультурная коммуникация*, которые часто рассматриваются как синонимы. В разработку проблем межкультурной коммуникации внесли вклад Л. Г. Веденина, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Е. Ф. Тарасов, А. П. Садохин, В. В. Сафонова, С. Г. Тер-Минасова, И. И. Халеева и др.

Формирование культуры межнациональных отношений в контексте многообразия форм воздействия на чувства, сознание, духовность личности рассматривается такими российскими учеными, как В. П. Бездухов, Г. Н. Волков, М. Н. Кузьмин, Т. Н. Петрова, Э. И. Сокольников и др.

В настоящее время перед учебными заведениями ставится задача поликультурного образования подрастающего поколения, важным аспектом которой становится создание поликультурной среды. Проблема поликультурного образования нашла широкое отражение в работах В. П. Борисенкова, Б. А. Вульфсона, Г. Ж. Даутовой, Г. Д. Дмитриева, А. Н. Джуриного, Н. Г. Марковой, Н. Д. Никандрова, Л. А. Супруновой и др.

Современные исследования межнациональных отношений часто базируются на понимании диалога как необходимого условия межнационального взаимодействия и поиска компромисса в решении взаимно значимых проблем, предполагающих равноправное взаимодействие сторон [5]. Фундаментальное изучение диалога представлено в трудах М. М. Бахтина, Г. Я. Буша, М. С. Кагана и др. Г. Я. Буш, анализируя проблемы диалогичности, утверждает, что диалогические отношения являются универсальным и необходимым условием бытия человека, формой становления и раскрытия его сущности. Только правильно построенный диалог создает атмосферу взаимопонимания, доверия, открытости [6].

При этом главным в развитии межнациональных отношений признается диалог культур. К проблеме диалога культур в своих исследованиях обращаются И. А. Василенко, Н. В. Кокшаров, Б. Д. Парыгин, В. М. Розин, П. В. Сысоев, Е. В. Хлыщева, И. О. Шайтанов и др. Многие ученые отмечают, что в роли посредника, который создает поликультурное пространство, выступает образовательная организация, в том числе и вуз [7]. Образование призвано активно формировать общественный менталитет, понимание целей и задач развития общества. Результатом диалога культур должно быть снятие напряженности, создание обстановки взаимного доверия и уважения [8].

Диалогическая концепция М. М. Бахтина [9] побудила многих отечественных ученых к изучению толерантности и стала основой для современных исследований этого феномена [10]. Поскольку толерантность является доминантой культуры межнационального общения, учет этого феномена в педагогической практике имеет принципиальное значение [11–13].

Проблем толерантности, взаимного уважения, сотрудничества касались такие известные гуманисты, как А. Вольтер, Дж. Локк, А. Маслоу, К. Роджерс, В. А. Сухомлинский и др. Проблемой толерантности в широком понимании этого явления занимались А. Г. Асмолов, А. А. Погодина и др. Существенный вклад в раскрытие содержания толерантности внесли В. Г. Дмитриев, Н. Е. Казаринова, В. М. Куницына, Н. Н. Сотникова и др. Исследования Д. В. Бродского, С. К. Бондыревой, В. Ф. Габдулхакова, А. А. Колюжного и др. сосредоточены на всестороннем анализе толерантности как сложного многоаспектного феномена. Вопрос воспитания толерантности как психолого-педагогическая проблема раскрывается в работах М. И. Губановой, Л. А. Николаевой, М. С. Яницкого и др.

В работе мы опираемся на концептуальные основы разработки проблемы общения, связанные с трудами Б. Т. Ананьева, В. М. Бехтерева, А. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, С. А. Рубинштейна и других отечественных психологов, которые рассматривали общение как важное условие формирования личности, психического развития человека и его социализации.

Особую значимость для нас имели труды А. А. Бодалева, М. С. Кагана, Н. В. Казариновой и В. Н. Куницыной, Я. Л. Коломинского, А. А. Леонтьева, А. С. Макаренко, А. В. Мудрика, В. Н. Мясищева, Н. Н. Обозова, Б. Д. Парыгина, А. В. Петровского и др., где раскрывается сущность межличностных отношений и межличностного общения в широком контексте современных философских, психологических и педагогических представлений.

Проблема формирования образовательной среды вуза в условиях полиэтнического контингента обучающихся изучалась в КемГУ [14–21], был проведен анализ социально-педагогического сопровождения иностранных студентов в условиях университета [22]. Выяснилось, что оно

основывается на консолидации действий различных подразделений университета (Центр межкультурных коммуникаций КемГУ, Центр изучения русского языка как иностранного и др.) по организации учебных, научных, культурных мероприятий, направленных на формирование благоприятных условий для социокультурной адаптации иностранных граждан и успешного освоения ими программ высшего образования. Программа пребывания иностранных студентов в КемГУ – своего рода социальная инфраструктура вуза – дает возможность адекватного вовлечения молодежи в процесс межкультурного диалога и международного сотрудничества.

Основными направлениями социально-педагогического сопровождения иностранных студентов в КемГУ являются диагностика, психологическое, правовое или иное консультирование (индивидуальное и групповое), социокультурное и этнокультурное просвещение, экспертиза содержания образования на соответствие принципам поликультурного образования и диалога культур. Реализация КемГУ совместных проектов с общественными организациями, включающих культурно-развлекательную и культурно-просветительскую деятельность, служит основой для укрепления взаимного уважения и согласия между людьми разных национальностей [22].

В аналогичных исследованиях, например в работах Н. Г. Марковой, приводится авторская методика формирования культуры межнациональных отношений у студентов. Автор при этом подчеркивает важность использования активных методов. Отмечается, что «наиболее эффективными являются те, которые не преподносят готовые решения, а требуют анализа, абстрагирования, классификации фактов в виде диагностики конкретных ситуаций межнационального общения, отношений и понимания, а также использования всех имеющихся знаний и навыков для преодоления культурного непонимания» [23, с. 9–10].

К эффективным методам формирования межкультурной компетентности, кросскультурной грамотности, политолерантности Н. Г. Маркова относит дискуссии, инструктаж, деловые игры, просвещение, ориентирование, моделирование, выполнение индивидуальных и групповых заданий, решение проблемных задач, межкультурные собеседования, анализ этнокультурных ситуаций, межкультурные тренинги, метод мониторинга и диагностики и др., «которые позволяют полноценно погрузиться обучающимся в активное контролируемое конструктивное межнациональное взаимодействие» [8, с. 326].

Обращаясь как к традиционным, так и инновационным методам формирования межкультурной компетентности, некоторые ученые особо выделяют метод межкультурного тренинга [8; 24; 25], основные задачи которого – ознакомление с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что подразумевает проигрывание ситуаций, развертывающихся по специфическим сценариям в двух разных культурах. Таким образом межкультурный тренинг позволяет вовлечь обучающихся в изучение опыта других этносов.

Некоторые методы, использованные в вышеупомянутых работах, мы сочли необходимым актуализировать применительно к проблеме нашего исследования.

Групповые нормы и технологии регулирования деятельности лидера в группе

Рассматривая проблему формирования образовательной среды, под которой принято понимать целостность специально организованных педагогических условий развития личности [26], на наш взгляд, неизбежно обращение к особенностям и функционированию отдельно взятой студенческой группы в вузе, где непосредственно происходит педагогическое взаимодействие.

Студенческая группа представляет собой формальное образование численностью примерно 10–25 обучающихся вуза, сформированное для академических целей. В своей работе мы употребляем понятия *студенческая группа*, *студенческий коллектив* и *учебная группа* как синонимичные, включая понятие *подгруппа* (в том числе *языковая подгруппа*), подразумевающее деление пополам студенческой группы численностью 25–30 человек для семинарских и лабораторных занятий (в том числе по иностранному языку).

Студенческая группа часто рассматривается в качестве малой группы, т. е. как немногочисленная по составу социальная группа, члены которой объединены общей социальной деятельностью и находятся в непосредственном личном общении, что является основой для возникновения эмоциональных отношений, групповых норм и групповых процессов [27].

Отличительной особенностью работ отечественных авторов, посвященных изучению малой группы, является принципиальный акцент на совместной деятельности, объединяющей ее членов (стратометрическая концепция А. В. Петровского, параметрическая концепция Л. И. Уманского – А. С. Чернышева, концепция интеграции коллектива А. И. Донцова, работы Е. И. Головахи, Р. С. Немова, Ю. В. Синягина и др.).

Исследования взаимоотношений в группе включают в себя их обусловленность деятельностью (А. К. Дусавицкий, Я. А. Коломинский, Н. Н. Обозов и др.). В современных исследованиях малых групп предпринимается попытка проанализировать феномен группового сознания – работы Г. В. Акопова, М. И. Найденова, Н. В. Строковой и др. Однако примечательно то, что при рассмотрении тех или иных аспектов психологии группы ученые раскрывают многие групповые явления как принадлежащие не столько самой группе как целостности, сколько образующим ее индивидам [28].

Существует ряд феноменов внутри каждого студенческого коллектива, формирующих условия, в которых протекает становление специалиста. В числе факторов, влияющих на формирование этой среды, особенно важными являются те, которые связаны с определением особенностей жизнедеятельности студенческого коллектива [29].

Одним из факторов, влияющих на создание образовательной микросреды, является позиция лидера в студенческом коллективе. Понятие *лидер* означает человека, играющего доминирующую роль в структуре межличностных отношений [30]. Лидерство в группе – важный и чрезвычайно сложный феномен. Существенная значимость этого явления заключается в том, что члены коллектива признают за лидером право брать на себя наиболее серьезные и ответственные решения, затрагивающие характер всей групповой деятельности [31].

В силу того, что лидер обладает эмоционально-волевым воздействием на коллектив, его активность может выступать педагогическим инструментом организации деятельности и взаимоотношений внутри группы, а также средством управления образовательной микросредой [27]. По этой причине важно как можно раньше выявить лидера в студенческом коллективе, при необходимости уметь регулировать его деятельность, научиться влиять на него в соответствии с целями и задачами воспитательно-образовательного процесса, формировать с его помощью благоприятную педагогическую реальность.

Лидер является влиятельным человеком в группе, поэтому именно он во многом определяет мнения, ценности, образцы поведения остальных ее членов. Лидер стремится осуществлять контроль над групповыми нормами: он может давать оценку поступков и выносить санкции в случае нарушения или несоответствия поведения личности с групповыми нормами [32].

Изложенное выше позволяет выделить еще один фактор формирования образовательной среды, в которой протекает учебная деятельность студенческого коллектива – *групповые нормы*. В психологических исследованиях групповые нормы определяются как правила, стандарты поведения людей в данном коллективе, регулирующие их взаимоотношения [33]. Иными словами, групповая норма – «правило поведения и организации межличностных отношений, принятое в социальной группе и разделяемое всеми или большинством ее участников, что формирует у них не только определенное ролевое поведение, но и личные качества, позволяющие регулировать личные и деловые взаимоотношения» [34, с. 254].

Нормы в студенческом коллективе, характеризуемом полиэтничностью его членов, требуют особенно строгого педагогического контроля и участия. Организация образовательного пространства вуза с учетом полиэтничного многообразия студентов предполагает повышение взаимной культурной грамотности, воспитание культуры межнационального общения, обеспечение взаимоуважения представителей разных этносов, оптимизацию процессов поликультурного взаимодействия студентов и педагогов и т. п. [5]

В период студенчества, на важном этапе социального развития личности, групповые нормы приобретают исключительное значение. Нормы в студенческом коллективе становятся основой для формирования отношения молодого

человека к социальной действительности. Включенность человека в группу является дополнительным фактором, влияющим на его поведение, которое определяется не только индивидуальными потребностями, мотивами и установками, но и групповыми нормами как регуляторами разветвляющихся в ней отношений [35; 36]. По этой причине нормы в коллективе обучающихся могут быть успешно использованы педагогами для решения задач, связанных с воспитанием личности [33].

Между тем групповые нормы охватывают и другие явления образовательной среды. В связи с тем, что студенты склонны соотносить свое поведение и суждения с характеристиками других сверстников, результаты подобного социального сравнения в большой мере определяют их образ мысли и поступки [37]. Например, исследования показывают, что нормы в студенческом коллективе зачастую детерминируют индивидуальные стандарты успеха и уровень учебной успеваемости обучающихся. Когда большинство студентов в группе имеют высокий уровень притязаний в учебе, целеустремленность, готовность компетентно подойти к решению той или иной задачи, меньшинство в свою очередь, даже не обладая особыми академическими способностями и творческим потенциалом, тем не менее на пределе своих возможностей пытается «тянуться» (как выражаются сами студенты) за ними.

Таким образом, среда, в которой протекает подготовка специалиста, во многом зависит от сложившихся групповых норм в студенческом коллективе, их специфики, направленности и силы воздействия на каждого студента. В результате активного взаимодействия, решая конкретные учебные задачи, студенты вместе с тем усваивают нормы и ценностные ориентации, принятые в коллективе, и строят свое поведение на их основе.

В связи с упомянутыми социально-психологическими особенностями функционирования студенческой группы возникает необходимость выделить обоснованные с точки зрения психолого-педагогических теоретических положений методы и технологии создания благоприятной образовательной среды в условиях этнического многообразия обучающейся молодежи.

С целью установления благоприятного социально-психологического климата в студенческом коллективе, закрепления положительных образцов поведения и созидательных ценностей, гармонизации межличностных отношений, характеризующих полиэтничностью, предлагается использовать *технологии регулирования деятельности лидера* в группе.

Основанием для выделения технологии регулирования деятельности лидера в группе служит концепция ценностного обмена Р. А. Кричевского, в основе которой лежит деятельностный подход (А. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Н. Рубинштейн). Лидер выявляется на основе его значительного ценностного вклада в деятельность коллектива. Потенциал лидера в группе распространяется

на формирование моделей поведения членов группы, их мнений и ценностных ориентиров, предполагает контроль групповой деятельности и норм взаимодействия [32].

Уделяя особое внимание *развитию личностных качеств лидера* студенческого коллектива, педагог тем самым создает основу для работы с другими обучающимися группы в направлении формирования значимых качеств для успешного взаимодействия в полиэтнической среде. Поощрение и культивирование у лидера свойств характера этноориентированной личности, проявляющихся в стремлении выбирать вежливые способы обращения, проявлении эмпатии и отзывчивости к иностранным студентам, важны для формирования образцов уважения и толерантности к представителям другой культуры в группе.

Принципиальную значимость для педагога имеет лидер, возникающий стихийно (а не назначенный формально) в каждой отдельной студенческой группе. Естественный путь выделения в коллективе лидера свидетельствует о наличии у него определенных преимуществ (энергичность, мотивированность, интерес к внутригрупповым процессам и т. п.) на фоне остальных. Наш многолетний опыт преподавания в вузе свидетельствует о том, что формальный лидер в студенческом коллективе, как правило, в лице старосты далеко не всегда обладает реальным лидерским потенциалом, а подчас и вовсе демонстрирует посредственные личностные возможности. Кроме того, явление лидерства имеет особое значение в группах первого курса, потому что именно в этот период активно формируются структура и нормы коллектива [29].

Среди других технологий регулирования деятельности лидера в многонациональных студенческих коллективах мы выделяем *привлечение внимания группы к поступкам и деятельности лидера*. Когда лидера отличает высокий уровень притязаний, а его деятельность свидетельствует о нравственных нормах и высоких моральных убеждениях личности, его пример способствует решению педагогической задачи закрепления положительных образцов поведения, благоприятных норм в студенческом коллективе. Этот прием, на наш взгляд, дает возможность не только продвижения идеи успешного обучения, творческих изысканий, активной гражданской позиции, но и поощрения познания многообразия культур и культурных особенностей, осознания и принятия этнических различий, осознания особенностей родной культуры, сопоставления этнокультурных различий, анализа ситуаций межкультурного взаимодействия.

Привлечь внимание к деятельности лидера, к примеру, возможно через краткое интервью с этим студентом, инициируемое преподавателем, к которому имеют возможность подключиться и другие обучающиеся. При этом важно продумать перечень вопросов, способствующих выявлению конструктивных моделей его поведения и обнаружению образцов продуктивного взаимодействия с представителями разных этносов. Разумеется, эта технология требует

деликатного подхода со стороны преподавателя, а главное, соблюдения меры, принципа разумной достаточности и при этом понимания, что любое одобрение деятельности (равно как и порицание поступков) не всегда этично переносить на личность.

Перечисленные технологии позволяют преподавателю разумно использовать потенциал лидера, предоставят возможность направить его влияние на решение целого ряда воспитательных задач и в целом будут благотворно сказываться на групповых процессах, формируя тем самым благополучную педагогическую реальность.

Технологии регулирования групповых норм

Педагогическая интеракция, включающая *технологии регулирования групповых норм*, предполагает интенсивную практику воспитания молодежи. В повседневной практике поликультурного обучения, т. е. на текущих аудиторных занятиях, существует потребность в формировании такой среды, которая позволит полноценно погрузиться обучающимся в учебный процесс. Формирование благополучной этноориентированной вузовской среды подразумевает признание участниками совместной деятельности культурной самобытности всех обучающихся коллектива и проявление ими этнической толерантности.

Обращение к технологиям регулирования групповых норм основано на понимании механизмов нормообразования. Принято считать, когда большинство в группе демонстрирует схожие образцы поведения и взаимодействия, то эти паттерны приобретают характер обязательности для других членов коллектива. Таким образом, человек начинает следовать групповым нормам, потому что в данном обществе существует потенциальное давление, вынуждающее его включиться в данную систему ценностей и выстраивать свое поведение из желания обеспечить собственные интересы [38].

Среди методов и технологий регулирования групповых норм для обеспечения взаимоуважения представителей разных этносов, оптимизации процессов поликультурного взаимодействия студентов и педагогов мы выделяем ряд консервативных активных методов, таких как просвещение, (групповая) дискуссия, индивидуальная беседа по проблемам межкультурного взаимодействия, личный пример преподавателя.

Просвещение как традиционный педагогический метод представляет собой взаимодействие преподавателя с обучающимися посредством информирования, которое направлено на решение специфических педагогических задач. Просвещение может осуществляться в форме инструктажа, индивидуальных и групповых консультаций, лекций, семинаров, тренингов, методических рекомендаций, тематических плакатов и т. д.

Просвещение как содержательная работа педагога имеет своим основным назначением наладить взаимодействие студентов на основе принципов межэтнической толерантности

и взаимного уважения. В условиях аудиторной работы, например на занятиях по иностранному языку в вузе, просвещение целесообразно внедрять в форме кратких индивидуальных и групповых консультаций, а также тематических занятий в соответствии с содержанием рабочей программы дисциплины. Регламент дисциплины – ее содержание, гуманитарный характер, общеобразовательная направленность, дискуссионный характер аудиторной работы – позволяет решить множество воспитательных задач в ходе профессиональной подготовки студентов.

Процесс приобретения знаний об иных культурах (история, география, экология, образование, наука и т. д.), в контакте с которыми человек находится в рамках учебной работы в вузе, будет способствовать формированию кросскультурной грамотности, приемлемых норм поведения в реальных ситуациях взаимодействия представителей разных этнических групп.

Однако просвещение, предусматривающее позицию обучающегося как активного слушателя, читателя, зрителя, относится к информационным методам воспитания. С другой стороны, поисковые (или активные) методы, среди которых мы выделяем **дискуссию**, обладают преимуществом, состоящим в необходимости собственного труда обучающихся в поиске и обработке информации. Поисковые методы побуждают студентов отстаивать свою точку зрения и обогащать ее в процессе общения со сверстниками.

Дискуссия как педагогический метод воспитания призван обеспечить выработку, поддержку и развитие у обучающихся верных в научном и моральном отношении представлений, убеждений на основе вовлечения их в обмен мнениями по общественно и личностно значимым проблемам, порождающим различные точки зрения. Вместе с тем дискуссионный метод направлен на преодоление ошибочных, неверных взглядов – выработку в сознании обучающихся иммунитета к вредным, губительным для общества идеологическим и нравственным установкам.

Наряду с этим атмосфера обмена мнениями в ходе дискуссии способствует воспитанию уважительного отношения к взглядам оппонентов в коллективе – выдержки, корректности и тактичности в межличностном взаимодействии.

Содержание и форма проведения дискуссий на тему культуры межнационального общения предполагают тщательную предварительную проработку с точки зрения их идейной направленности и педагогической целесообразности. Разумеется, дискуссионный метод требует от преподавателей не только интенсивной психолого-педагогической подготовки, но и хорошей осведомленности в области государственной политики и законодательства [39].

В контексте единичных случаев нарушения культуры межэтнического взаимодействия или конфликта предлагается прибегать не к коллективной дискуссии проблемы, а к **индивидуальной беседе** с участником (или участниками) ситуации. Хотя беседа как метод воспитания, основывающийся на активном вопросно-ответном взаимодействии

педагога и обучающихся, во многом предполагает схожий подход, что и дискуссия, основная цель беседы – привлечь самих обучающихся к оценке событий, поступков, явлений жизни коллектива и на этой основе сформировать у них адекватное отношение к окружающей действительности, нравственные ориентиры, гражданский долг и т. п. – те факторы, которые в совокупности формируют нормы в коллективе.

Методы дискуссии и беседы, с одной стороны, подразумевают высокое профессиональное мастерство педагога, с другой – требуют детального планирования тематики и перечня вопросов для обсуждения, определения его хода и рамок (границ), понимания цели и планомерного, последовательного ведения обсуждения к этой цели.

Что касается сущности самой технологии, то начиная с обоснования темы педагог представляет материал для обсуждения, затем формулирует вопросы таким образом, чтобы обучающиеся свободно высказывали свои суждения, приходили к самостоятельным выводам и обобщениям. В заключительном слове преподаватель резюмирует все высказывания, предлагает на их основе наиболее рациональное решение проблемы, излагает конкретную программу действий с целью закрепить принятые в результате обсуждения нормы в поведении и практике взаимодействия обучающихся [40]. При обсуждении вопросов межкультурного взаимодействия заранее продумывается формулировка выводов, поскольку такие явления, как этническая толерантность, понимание межкультурных различий, составляют основу гуманистического мировоззрения и не допускают альтернативных интерпретаций.

Убеждающий смысл любых выводов и рекомендаций педагога будет значительно выше, если они найдут опору в личном повседневном опыте обучаемого [40]. Поэтому значимую роль в понимании студентами того, как строить свои взаимоотношения с окружающими, играет **личный пример преподавателя**. Технология предполагает сознательное управление преподавателем своим поведением, стремление демонстрировать те качества, манеры и поведение, которые соответствуют высокой культуре межнационального взаимодействия, способствуют процессу установления гармоничных и доброжелательных отношений в условиях полиэтнического контингента студенческого коллектива.

Личный пример преподавателя основывается на способности компетентно строить бесконфликтное межнациональное общение с представителями разных этносов, умело осуществлять межкультурное взаимодействие, помогать раскрыть потенциальные возможности всех студентов многонационального коллектива, преодолевать возможные барьеры в ходе этнообусловленного взаимодействия. Таким образом личный пример преподавателя будет нивелировать осложняющие межнациональное общение привычки и манеры поведения, даст обучающимся возможность

осознать нормы, ценности, правила и культуру поведения в многонациональном коллективе.

Следует заметить, что в рамках метода личного примера преподавателя имеют значение и человеческие качества педагога, которые также способствуют формированию благоприятных норм в студенческом коллективе. К таким качествам относятся коммуникабельность, понимание, уважение личности каждого студента в сочетании с разумной требовательностью, справедливость, терпение, эрудиция и разнообразие интересов. Эти качества являются, с одной стороны, важнейшими условиями успешности педагогической деятельности преподавателя высшей школы, с другой – практическим средством воспитания молодежи в рамках метода личного примера.

Выделенные выше методы и технологии формирования благоприятной полиэтнической образовательной среды предлагаются преподавателям вузов для использования в повседневной педагогической практике. Главным принципом методов является их доступность с материальной и технической точки зрения. В современных условиях повышения требований к эффективности вузов для решения новых сложных педагогических проблем преподаватели высшей школы заинтересованы в обращении к методам, требующим адекватного количества моральных и физических ресурсов. Кроме того, большинство описанных технологий не будут отвлекать педагога и студентов от естественного хода занятия – они вполне приемлемы для повседневной педагогической практики и довольно легко вписываются в тематику и содержание гуманитарных дисциплин.

Заключение

Внедрение описанных методов и технологий психолого-педагогической интеракции в полиэтнических группах, выделенных на основе теории лидерства, малых групп и нормообразования, позволит осуществить комплексное исследование, которое направлено на формирование гармоничной образовательной среды, в которой оптимизированы процессы этнокультурного взаимодействия студентов и педагогов в вузе.

Методы и технологии формирования благоприятной образовательной среды, предложенные на основе понимания необходимости воспитания этноориентированной личности, воздействуют на ее психологические характеристики, связанные со способностью и готовностью модифицировать поведение для конструктивного межнационального взаимодействия. В условиях практики поликультурного обучения воспитательные задачи представленных технологий заключались в том, чтобы погрузить обучающихся в познавательный поликультурный процесс, использовать поликультурную среду вуза как оптимальный фактор саморазвития молодежи.

В продолжение темы исследования планируется обратиться к теоретической разработке моделей психолого-педагогической интеракции в условиях полиэтнического

состава учебной группы университета. Кроме того, дальнейшее исследование методов и технологий психолого-педагогической интеракции в студенческих коллективах, характеризующихся полиэтничностью, с целью обеспечить наиболее благоприятные условия обучения мы видим в направлении изучения теоретических основ разработки

учебного пособия. Нас также интересуют практические принципы создания учебного пособия по иностранному языку для студентов неязыковых направлений бакалавриата, обучающихся в условиях полиэтнического состава учебных групп университета.

Литература

1. Солдаткин А. А. Условия интеграции инокультурных мигрантов в полиэтническую среду регионального сообщества // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 1. С. 3–6.
2. Геворкян М. М. Модель формирования толерантных отношений студентов в моноэтнической и полиэтнической среде // Образование личности. 2011. № 4. С. 44–49.
3. Сергейчик Т. С. Особенности реализации стратегии экспорта образования в российском вузе (на примере Кемеровского государственного университета) // Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования / под ред. Л. С. Зникиной. Кемерово: КузГТУ, 2018. С. 55–62.
4. Гринвальд О. Н., Сергейчик Т. С. Взаимодействие субъектов воспитательно-образовательного процесса в полиэтнической среде университета // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 6. С. 151–160. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-6-151-160
5. Маркова Н. Г. Диалог культур как фактор регулирования межнациональных отношений в поликультурном пространстве // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева): сб. тр. Всерос. науч. конф. с Междунар. участием. (Чебоксары, 14–15 мая 2018 г.) Чебоксары: Среда, 2018. С. 307–310.
6. Буш Г. Я. Диалогика и творчество. Рига: Авотс, 1985. 318 с.
7. Нургалеев В., Барановская А. Диалог культур как основа современной педагогической парадигмы // Высшее образование в России. 2004. № 12. С. 48–51.
8. Маркова Н. Г. О проблеме формирования кросскультурной грамотности студентов как индикатора межнационального понимания // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 15. С. 317–329.
9. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 318 с.
10. Николаева А. А., Губанова М. И. Коммуникативная толерантность будущих специалистов профессиональной сферы «человек-человек». Кемерово: КемГУ, 2009. 161 с.
11. Яницкий М. С. Формирование установок толерантного сознания в ходе обучения социальной работе // Фундаментальные исследования. 2005. № 1. С. 42–44.
12. Перевалова А. А. Исследование межкультурной толерантности студентов как одно из условий успешной педагогической интеракции // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Санкт-Петербург, 23–25 мая 2019 г.) СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 145–150.
13. Маркова Н. Г. Воспитание этноориентированной личности в поликультурном образовательном пространстве // Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве / отв. ред. О. К. Позднякова. Самара: СГСПУ; М.: МПСУ, 2018. Т. 6. С. 153–157.
14. Гринвальд О. Н. Из опыта преподавания английского языка в многонациональных группах студентов уровня beginner // Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования: сб. науч. ст. Межвуз. науч.-практ. конф. (Кемерово, 27–28 мая 2019 г.) Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 61–68.
15. Исламов Р. С. Использование машинного перевода на занятиях по английскому языку студентами мультилингвальных групп (на примере темы "English Idioms") // Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования: сб. науч. ст. Межвуз. науч.-практ. конф. (Кемерово, 27–28 мая 2019 г.) Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 114–120.
16. Коломиец С. В. Особенности учебного дискурса в поликультурной образовательной среде вуза: теоретический аспект // Управление человеческими ресурсами в сфере физической культуры, спорта и здорового образа жизни: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием. (Санкт-Петербург, 23–25 мая 2019 г.) СПб.: Политех-Пресс, 2019. С. 188–193.
17. Коломиец С. В. Семиотический подход к изучению учебного дискурса в поликультурной образовательной среде вуза // Современные проблемы науки и образования. М.: ИД Академии естествознания, 2019. Т. XVII. С. 15–16.
18. Коломиец С. В. Особенности реализации содействующей стратегии учебно-педагогического дискурса в полиэтнической среде вуза // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/article/view?id=29377> (дата обращения: 25.06.2020).

19. Ресенчук А. А. Выявление этнокультурных стереотипов на занятиях по дисциплине «Иностранный (английский) язык» в вузе // Вопросы культурологии. 2019. № 8. С. 35–40.
20. Савельева И. В. Из опыта обучения профессионально-ориентированному иностранному языку студентов в поликультурной группе // Профессиональная картина мира: кросс-культурный диалог: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 22–23 ноября 2019 г.) М.: Агентство социально-гуманитарных технологий, 2019. С. 80–83.
21. Савельева И. В. Учебные стратегии и их роль в обучении иностранному языку в полиэтнических группах // Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. участием (Екатеринбург, 23–26 мая 2019 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2019. С. 186–190.
22. Гринвальд О. Н., Сергейчик Т. С. Социально-педагогическое сопровождение иностранных студентов в российском вузе (на примере Кемеровского государственного университета) // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 6. С. 151–154.
23. Маркова Н. Г. Кросскультурная грамотность как индикатор межнационального понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. № 3. С. 5–11.
24. Садохин А. П. Тренинг как метод обучения межкультурной компетентности // Медиакультура новой России: методология, технологии, практики / отв. ред. Н. Б. Кириллова. Екатеринбург-М.: Акад. проект, 2007. С. 385–398.
25. Сазонова Т. В. Проблемы обучения навыкам межкультурной профессиональной коммуникации студентов вуза // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2006. № 2. С. 150–157.
26. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: Союз, 2002. 270 с.
27. Кричевский Р. Л., Дубовская Е. М. Социальная психология малой группы. М.: Аспект Пресс, 2001. 318 с.
28. Гайдар К. М. Субъектная концепция малой группы: преемственные связи с классическими отечественными теориями малой группы, новизна и эвристический потенциал // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4. С. 205–302.
29. Касаткина Н. Э., Сергейчик Т. С. Формирование межличностных отношений в студенческом коллективе. Кемерово: ЮНИТИ, 2005. 165 с.
30. Челдышова Н. Б. Социальная психология. М.: Экзамен, 2009. 173 с.
31. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология. М.: Академия, 2000. 512 с.
32. Кричевский Р. Л. Психология лидерства // Лидерство и малая группа / сост. В. А. Гасимова. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 2016. С. 60–78.
33. Бобнева М. И. Нормы общения и внутренний мир личности // Социальная психология в трудах отечественных психологов / сост. А. Л. Свенцицкий. СПб.: Питер, 2000. С. 339–362.
34. Колесов С. Г. Оценка групповой нормы поведения в малых группах на основе дискретных систем с интегрированием // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 9. С. 254–257.
35. Трофимова Ю. В. Репрезентация групповых норм в описании одnogруппников // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 161–165.
36. Чернов А. Ю. Психологическая структура групповых норм // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2014. № 3. С. 144–148.
37. Курышева О. В. Возраст как критерий социального сравнения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2013. № 2. С. 108–114.
38. Истратов В. А. Анализ теорий появления социальных норм в экономике, социологии и психологии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 11. С. 181–196.
39. Тиллаева Ш. М., Курбанова Ш. Х. Дискуссия как метод идейно-нравственного убеждения учащихся // Молодой ученый. 2016. № 19. С. 396–399.
40. Слостенин В. А., Подымова Л. С., Дубицкая Е. А., Борисова Н. Ю., Духова Л. И. Педагогика. М.: Юрайт, 2018. 246 с.

Psychological and Pedagogical Conditions for Creating the Learning Environment in the Multiethnic Space of the University*

Tatyana S. Sergeichik ^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ inkafedra2009@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-7564-6795>

Received 28.06.2020. Accepted 15.09.2020.

Abstract: The present research featured the psychological and pedagogical conditions that shape the learning environment in the multiethnic space at university. The article focuses on the methods and technologies that develop a multiethnic learning environment based on the psychological phenomena of leadership and group norms. These methods evolved from psychological theories of leadership, norm formation, and small group development. The article also describes how these methods and technologies can be implemented in practice in order to provide the most favorable environment in conditions of ethnic diversity. The technologies include directing leader's activity and developing group norms. The first technology sets behavior patterns and develops personal qualities of the leader while attracting other students' attention to his or her activities. The method of developing group norms includes instruction, group discussion, private counseling on intercultural issues, and teacher's own role model. Methods and technologies for creating a favorable learning environment are based on the need to bring up an ethno-oriented personality. These methods affect psychological characteristics of students, especially those associated with the ability to modify one's behavior for beneficial intercultural communication. In the context of the multicultural learning practice, the educational tasks of the selected technologies of psycho-pedagogical interaction are to immerse students in the cognitive multicultural process, thus using the multicultural environment of the university as a factor of self-development.

Keywords: psycho-pedagogical methods, psycho-pedagogical interaction, polyethnic group, group norms, leader

For citation: Sergeichik T. S. Psychological and Pedagogical Conditions for Creating the Learning Environment in the Multiethnic Space of the University. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 766–777. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-766-777>

References

1. Soldatkin A. A. Conditions of integration of migrants with different cultural backgrounds into multiethnic environment of the regional society. *Actual issues of modern science and society*, 2014, (1): 3–6. (In Russ.)
2. Gevorkyan M. M. Model of formation of tolerance relations students in mono-ethnic and poly-ethnic environment. *Obrazovanie lichnosti*, 2011, (4): 44–49. (In Russ.)
3. Sergeichik T. S. Implementation of export education strategy at Russian university (evidence from Kemerovo State University). *Theoretical and applied aspects of linguistic education*, ed. Znikina L. S. Kemerovo: KuzGTU, 2018, 55–62. (In Russ.)
4. Greenwald O. N., Sergeichik T. S. The interaction of the subjects of educational process in poly-ethnic university environment. *Nauchno-pedagogicheskoye obozreniye*, 2019, (6): 151–160. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2019-6-151-160
5. Markova N. G. Dialogue of cultures as a factor in regulating interethnic relations in a multicultural space. *Problems of education, history, and culture through the prism of ethnic diversity of Russia (dedicated to the 170th anniversary of the Chuvash educator I. Ya. Yakovlev)*: Pros. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Cheboksary, May 14–15, 2018. Cheboksary: Sreda, 2018, 307–310. (In Russ.)
6. Bush G. Ia. *Dialogue and creativity*. Riga: Avots, 1985, 318. (In Russ.)
7. Nurgaleev V., Baranovskaya L. Dialogue of cultures as the basis of the modern pedagogical paradigm. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2004, (12): 48–51. (In Russ.)
8. Markova N. G. On the problem of forming crosscultural literacy of students as an indicator of intercultural understanding. *Siberian Pedagogical Journal*, 2008, (15): 317–329. (In Russ.)
9. Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Sov. Rossiia, 1979, 318. (In Russ.)

* This research was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-013-00805 A "Models of pedagogical interaction in the process of teaching a foreign language in the multiethnic environment of the university".

10. Nikolaeva L. A., Gubanov M. I. *Communicative tolerance of future specialists in the professional sphere "man-man"*. Kemerovo: KemGU, 2009, 161. (In Russ.)
11. Yanitskiy M. S. Formation of attitudes of tolerant consciousness in the course of teaching social work. *Fundamental research*, 2005, (1): 42–44. (In Russ.)
12. Perevalova A. A. Research of intercultural tolerance of students as one of the conditions for successful pedagogical interaction. *Human resource management in the field of physical culture, sports and healthy lifestyle*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, St. Petersburg, May 23–25, 2019. St. Petersburg: Politekh-Press, 2019, 145–150. (In Russ.)
13. Markova N. G. Bringing-up ethnic-oriented personality in polycultural educational area. *Education in the modern cultural and educational space*, ed. Pozdnyakova O. K. Samara: SGSPU; Moscow: MPSU, 2018, vol. 6, 153–157. (In Russ.)
14. Greenwald O. N. Some experience of teaching English in the multinational student groups of "beginners". *Theoretical and applied aspects of linguistic education*: Proc. Interuniversity Sci.-Prac. Conf. Kemerovo, May 27–28, 2019. Kemerovo: KuzGTU, 2019, 61–68. (In Russ.)
15. Islamov R. S. The purposefulness of application of machine translation by the students of multilingual groups in English classes (upon the topic "English Idioms"). *Theoretical and applied aspects of linguistic education*: Proc. Interuniversity Sci.-Prac. Conf. Kemerovo, May 27–28, 2019. Kemerovo: KuzGTU, 2019, 114–120. (In Russ.)
16. Kolomiets S. V. Features of educational discourse in a multicultural educational environment of a university: theoretical aspect. *Human resource management in the field of physical culture, sports and healthy lifestyle*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, St. Petersburg, May 23–25, 2019. St. Petersburg: Politekh-Press, 2019, 188–193. (In Russ.)
17. Kolomiets S. V. Semiotic approach to the study of educational discourse in the multicultural educational environment of the university. *Modern problems of science and education*. Moscow: ID Akademii estestvoznaniia, 2019, vol. XVII, 15–16. (In Russ.)
18. Kolomiets S. V. Peculiarities of application of facilitating strategy of educational discourse in polyethnic environment of university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2019, (6). Available at: <http://www.science-education.ru/article/view?id=29377> (accessed 25.06.2020). (In Russ.)
19. Resenchuk A. A. Identification of ethno-cultural stereotypes on the foreign (English) language discipline classes at the university. *Voprosy kulturologii*, 2019, (8): 35–40. (In Russ.)
20. Saveleva I. V. Experience in teaching a professionally oriented foreign language to students in a multicultural group. *Professional worldview: cross-cultural dialogue*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. Moscow, November 22–23, 2019. Moscow: Agentstvo sotsialno-gumanitarnykh tekhnologii, 2019, 80–83. (In Russ.)
21. Saveleva I. V. Learning strategies and their role in foreign language teaching. *Cognitive strategies of philological education in Russia and abroad*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Ekaterinburg, May 23–26, 2019. Ekaterinburg: UrGPU, 2019, 186–190. (In Russ.)
22. Greenwald O. N., Sergeichik T. S. Social and educational support of international students at Russian university (evidence from Kemerovo State University). *Modern high technologies*, 2019, (6): 151–154. (In Russ.)
23. Markova N. G. Crosscultural competence as an indicator of international understanding. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 2009, (3): 5–11. (In Russ.)
24. Sadokhin A. P. Training as a method of teaching intercultural competence. *Media culture of new Russia: methodology, technologies, practices*, ed. Kirillova N. B. Ekaterinburg-Moscow: Akad. proekt, 2007, 385–398. (In Russ.)
25. Sazonova T. V. Problems of teaching intercultural professional communication skills of university students. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2006, (2): 150–157. (In Russ.)
26. Baeva I. A. *Psychological safety in education*. St. Petersburg: Soiuz, 2002, 270. (In Russ.)
27. Krichevskiy R. L., Dubovskaya E. M. *Small group social psychology*. Moscow: Aspekt Press, 2001, 318. (In Russ.)
28. Gaidar K. M. The subjective concept of a small group: successive links with classical Russian theories of a small group, novelty and heuristic potential. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (4): 205–302. (In Russ.)
29. Kasatkina N. E., Sergeichik T. S. *Formation of interpersonal relationships in the student body*. Kemerovo: IuNITI, 2005, 165. (In Russ.)
30. Cheldyshova N. B. *Social psychology*. Moscow: Ekzamen, 2009, 173. (In Russ.)
31. Petrovskiy A. V., Yaroshevskiy M. G. *Psychology*. Moscow: Akademiia, 2000, 512. (In Russ.)
32. Krichevskiy R. L. *Leadership psychology. Leadership and small group*, comp. Gasimova V. A. Perm: Permskii gos. in-t kultury, 2016, 60–78. (In Russ.)
33. Bobneva M. I. The norms of communication and the inner world of the individual. *Social psychology in the works of domestic psychologists*, comp. Svetsitskiy A. L. St. Petersburg: Piter, 2000, 339–362. (In Russ.)

34. Kolesov S. G. Assessment of group norms of behavior in small groups based on discrete systems with integration. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2012, (9): 254–257. (In Russ.)
35. Trofimova Yu. V. Representation of group norms in the description of classmates. *Vestnik Barnaulskogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016, (1): 161–165. (In Russ.)
36. Chernov A. U. Psychological structure of group norms. *Vestnik KGPU im. V. P. Astafieva*, 2014, (3): 144–148. (In Russ.)
37. Kuryshcheva O. V. Age as a criterion of social comparison. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sostialnye tekhnologii*, 2013, (2): 108–114. (In Russ.)
38. Istratov V. A. An analysis of theories on the emergence of social norms in economics, sociology and psychology. *National Interests: Priorities and Security*, 2016, 12(11): 181–196. (In Russ.)
39. Tillaeva Sh. M., Kurbanova Sh. Kh. Discussion as a method of ideological and moral conviction of students. *Molodoi uchenyi*, 2016, (19): 396–399. (In Russ.)
40. Slastenin V. A., Podymova L. S., Dubitskaya E. A., Borisova N. Yu., Dukhova L. I. *Pedagogy*. Moscow: Iurait, 2018, 246. (In Russ.)

Особенности поведения пользователей в социальных сетях как фактор формирования социальных представлений о брачном партнере

Дарья А. Шмидт^{а, @}

^а Индивидуальный предприниматель Шмидт Д. А., Россия, г. Москва

[@] dariashmidt@mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2020. Принята к печати 30.07.2020.

Аннотация: На основании результатов опроса ставится проблема поиска связи между поведением пользователей в социальных сетях и просматриваемым ими контентом, посвященным романтическим взаимоотношениям, с одной стороны, и социальными представлениями о брачном партнере – с другой. Опрос проводился на выборке 525 человек по авторской анкете, состоящей из трех блоков: 1) авторский опросник социальных представлений о романтических отношениях и браке, разработанный на основании контент-анализа эссе молодых людей и публикаций в социальных сетях; 2) блок социально-демографических характеристик; 3) блок о пользовании социальными сетями и другими каналами коммуникации. Результаты исследования показывают наличие связи между поведением пользователей в социальных сетях и их социальными представлениями о романтическом партнере и брачно-семейных отношениях. Обнаружено, что пользователи, которые часто просматривают в социальных сетях публикации на тему взаимоотношения мужчин и женщин, демонстрируют меньшую ориентацию на брак и долгосрочные романтические взаимоотношения, в большей мере склонны рассматривать романтические взаимоотношения как увлекательное приключение, допуская при этом возможность на разных этапах иметь разных спутников жизни. Наличие подобных элементов в социальных представлениях может обуславливать более терпимое отношение к таким феноменам, как незарегистрированный брак, развод, серийная моногамия.

Ключевые слова: социальные представления, ядро социальных представлений, периферия социальных представлений, брак, романтические отношения

Для цитирования: Шмидт Д. А. Особенности поведения пользователей в социальных сетях как фактор формирования социальных представлений о брачном партнере // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 778–788. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-778-788>

Введение

Актуальность исследования обусловлена негативными тенденциями современного общества: снижением значимости семейных ценностей, увеличением возраста вступления в брак и рождения первых детей, ростом числа разводов и снижением числа зарегистрированных браков. В современной отечественной и зарубежной науке теме семьи и брака уделяется достаточное внимание. Авторы описывают не только статическое состояние семейно-брачных отношений [1; 2], но и тенденции последних десятилетий. В частности, изучаются различные аспекты отношения к незарегистрированному браку (консенсуальному браку, или сожительству) [3; 4], изменение норм сексуального поведения [5; 6].

Одной из тенденций является трансформация брачных ролей, ослабление поляризации мужских и женских ролей, рост потребности в эгалитарных отношениях в семье¹ [7]. Общественный дискурс реагирует на эти изменения тем, что отказывается от конкретных наименований партнеров (муж, жена, невеста) в пользу неопределенных – партнеры, мужчина, девушка, человек [8; 9].

Теоретическим основанием исследования послужила теория социальных представлений С. Московичи [10; 11]. В целом социальные представления о романтических отношениях, браке и семье находятся под влиянием множества факторов: психологических особенностей личности; опыта отношений с противоположным полом и субъективной оценки данного опыта; особенностей воспитания и опыта брачно-романтических отношений родителей; экономических условий жизни (например, наличия жилья и устойчивого дохода); правовой и культурно-религиозной среды; физического здоровья и др.

Не последнюю роль в формировании социальных представлений о романтических отношениях, браке и семье играет информационно-коммуникативная среда, в которой происходит усвоение некоторыми социальными группами общих ценностей и паттернов поведения. Для молодых людей существенную роль в формировании взглядов на мир играют социальные сети, которые зачастую либо полностью вытесняют другие каналы коммуникации, либо выходят на первое место по степени значимости. Период становления молодых людей совпадает с периодом активной

¹ Васильева Л. Любовь и секс глазами разных поколений // Комсомольская правда. 15.07.2005. Режим доступа: <https://ruginations.su/2009/04/30/любовь-и-секс-глазами-разных-поколений/> (дата обращения: 04.02.2019).

информатизации и глобализации западного общества, что делает их зависимыми от технологий [12; 13]. Для молодых людей предпочтительными форматами коммуникации становятся короткие текстовые сообщения, передаваемые как через sms, так и с помощью интернет-мессенджеров [14].

Данные тенденции взаимодействия с информацией приводят к повышению роли социальных сетей и виртуального общения при одновременном снижении эмпатии, повышению субъективного чувства одиночества [15]. При том что среди отличительных черт молодых людей присутствует акцентуация социальной поддержки со стороны референтных групп [16], наблюдается размывание этих референтных групп и «замещение продолжительных и глубоких человеческих отношений нарциссическим одиночеством» [17, с. 131].

В том случае, если молодые люди целенаправленно не вырабатывают у себя коммуникативные навыки, информационные паттерны могут приводить к деградации способности взаимодействия за пределами сети Интернет. Таким образом, складывается парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: в обилии коммуникационных возможностей, которые предоставляет Интернет, активные пользователи страдают именно от отсутствия качественной коммуникации, и их потребности в социальной поддержке и выстраивании гармоничных романтических взаимоотношений зачастую остаются неудовлетворенными, что не может не сказываться и на брачном поведении. «Обособление, изоляция, одиночество и разобщенность преследуют вас во всех сферах жизни... вы всегда встретите людей, уткнувшихся в свои мобильные телефоны, айпады, планшеты, компьютеры и ноутбуки в отчаянной попытке соединиться, пообщаться и быть услышанными. Но, оглянувшись вокруг, вы увидите, что все они игнорируют находящихся рядом людей, не устанавливая с ними контактов, стесняясь заговорить»² [18, р. 75].

Сайты и мобильные приложения для знакомств, казалось бы, должны существенно облегчать поиск партнера за счет сокращения времени на коммуникацию, расширения географии поиска, а также возможностей задать параметры искомого кандидата. Однако на практике они могут снижать вероятность неvirtуальных свиданий, т. к. формируют у пользователей ощущение бесконечности выбора. Пользователи оказываются в ловушке перманентного поиска, пытаясь подобрать себе лучшего партнера [14], а на первое место в списке параметров выбора выходит внешняя привлекательность, что зачастую препятствует формированию психологически гармоничных пар³.

Несмотря на обилие работ по теме семьи, брака и романтических отношений, недостаточно освещенными остаются два аспекта. Первый аспект касается возрастных границ объекта исследования: большинство работ основано

на изучении студенческих выборок, однако современные демографические тенденции указывают на то, что проблема поиска партнера и создания семьи в последние десятилетия затрагивает все более старшие возраста населения, что обуславливает необходимость изучения других поколений, в частности постстуденческой молодежи.

Второй аспект касается отсутствия анализа взаимосвязи между брачным поведением или романтическими отношениями, с одной стороны, и поведением в социальных сетях – с другой. Как уже было доказано ранее, социальные сети, которые обладают столь высокой значимостью для молодых людей, зачастую не связывают романтические отношения с семейными, отчасти пропагандируют серийную моногамию, романтизируют одиночество и практически не упоминают о такой функции семьи, как продолжение рода [9].

Программа настоящего исследования была направлена на решение задачи, поставленной на основании результатов предыдущих этапов – уточнение связи между социальными представлениями респондентов и контентом на тему романтических взаимоотношений, который они просматривают в социальных сетях. Цель – доказать наличие связей между поведением пользователей в социальных сетях и их социальными представлениями о брачном партнере. Гипотеза исследования состоит в том, что пользователи, которые часто просматривают в социальных сетях публикации на тему взаимоотношения мужчин и женщин, демонстрируют меньшую ориентацию на брак и долгосрочные романтические взаимоотношения.

Задачи исследования – проанализировать связи между социальными представлениями респондентов и 1) предпочтительными форматами коммуникации с брачным партнером; 2) частотой пользования социальными сетями; 3) содержанием публикаций на тему романтических отношений, которые респонденты просматривают в социальных сетях.

Методы и материалы

Объект исследования – респонденты в возрасте 18–74 лет на момент проведения исследования. Предмет – социальные представления респондентов о брачном партнере. Исследование было проведено методом опроса, сбор анкет осуществлялся с помощью методики «снежный ком». Число респондентов – 525 человек, среди них в возрастной группе 18–34 лет – 192 человека, 35–54 – 176 человек, 55–74 – 157 человек. Опрос проводился по авторской анкете, которая состоит из трех блоков: 1) авторский опросник социальных представлений о романтических отношениях и браке, состоящий из 45 утверждений; 2) блок социально-демографических характеристик; 3) блок о пользовании социальными сетями и другими каналами коммуникации.

Авторский опросник социальных представлений о романтических отношениях и браке был разработан на основании

² Перевод с англ. В. А. Силаевой.

³ Bleyer J. Love the one you're near // Psychology Today. 2014. Vol. 47. № 4. Режим доступа: <https://www.psychologytoday.com/us/articles/201407/dating-love-the-one-youre-near> (дата обращения: 04.02.2019).

предыдущих этапов исследования: 1) анализа содержания публикаций – текстовых и визуальных сообщений – в социальной сети ВКонтакте (100000 печатных знаков и 327 иллюстраций); 2) контент-анализа эссе молодых людей (36 респондентов в возрасте 23–30 лет, 40000 печатных знаков) [9].

Статистическая обработка результатов проводилась с использованием программ SPSS Statistics 22.0 и MS Excel. Были проанализированы частотные распределения, таблицы сопряженности, значимые различия по критериям У Манна-Уитни и Н Краскала-Уоллеса, осуществлен корреляционный анализ с использованием коэффициента Пирсона. Для выделения ядра и периферии социальных представлений использовался коэффициент Ж.-К. Абрика.

Оценочная шкала в авторском опроснике социальных представлений была составлена в соответствии с требованиями Ж.-К. Абрика о расчете коэффициента позитивных ответов – ТСП (*Taux catégorique positif*) для выявления структуры социальных представлений. Для каждого высказывания опросника расчет ТСП (i) производился по следующей формуле:

$$TSP(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \times 100,$$

где $n(4)$ – число ответов «значительная степень», $n(5)$ – число ответов «очень значительная степень», N – общее число ответов [19].

В ядро социального представления были включены утверждения, коэффициенты которых оказались выше среднего плюс среднееквадратичное отклонение. Согласно Ж.-К. Абрику, ядро социальных представлений представляет собой довольно стабильное образование, связанное с коллективной памятью группы, ее базовыми нормами и ценностями. Именно ядро определяет смысловую сущность социального представления.

Периферическая система социального представления является связующим звеном между ядром и конкретной социальной ситуацией, в которой действует социальное представление, соответственно, периферийные элементы нестабильны и сильно подвержены влиянию контекста. Периферия защищает стабильность ядра в тех случаях, когда наблюдаются расхождения между ситуацией и социальным представлением о ней; если же противоречий накапливается слишком много, именно в периферии запускаются трансформационные процессы, которые впоследствии могут затронуть и ядро [20]. Согласно динамическим теориям социальных представлений, на возможные направления для трансформации указывают элементы периферии, близкой к ядру [21–24]. В периферию, близкую к ядру в данном исследовании, были включены утверждения, коэффициенты которых оказались выше среднего, но ниже среднего плюс среднееквадратичное отклонение.

Результаты

Ядра социальных представлений трех возрастных групп оказались во многом схожи, что объясняется преимущественно брачными традициями в современном обществе. Элементы, которые присутствуют в ядрах всех трех возрастных групп, касаются общности планов на будущее, умения находить выход из трудных жизненных ситуаций, готовности нести ответственности за жизнь близких, признания важности юмора для выстраивания гармоничных отношений в семье.

В ядро социальных представлений о браке респондентов в возрасте 18–34 лет, помимо этого, входят элементы, которые не встречаются у других возрастных групп – отсутствие ограничений в сексе и решение споров исключительно мирным вербальным путем. Специфической чертой молодых респондентов является меньшая ценность зарегистрированного брака, и в предыдущих исследованиях мы показали, что молодые люди зачастую рассматривают романтические отношения в отрыве от семьи и брака – в качестве самостоятельной ценности, а не первого шага к созданию семьи [25]. Уникальным ядерным элементом для респондентов в возрасте 35–54 лет является желание иметь сексуально привлекательного партнера, а для респондентов в возрасте 55–74 лет – восприятие отношений как упорной работы, требующей определенного терпения, а также признание важности творческих отношений для гармонизации семейного климата. Периферия социальных представлений, близкая к ядру, у разных возрастных групп состоит из 16–18 элементов. Среди элементов периферии, близкой к ядру, 10 встречаются у всех трех возрастных групп.

Опрос подтверждает высокую значимость интернет-каналов коммуникации для молодых людей, в том числе в части взаимодействия с романтическим или брачным партнером. 90,6 % заходят в социальные сети ежедневно, а 49,7 % уделяют социальным сетям более двух часов в день. Для респондентов 18–34 лет выше значимость аудио-визуального контента и переписки с помощью электронной почты и мессенджеров. Правила делового общения, предписывающие отдавать предпочтение текстовым сообщениям, которые адресат может просмотреть в удобное для него время, распространяются и на сферу личного: с помощью сообщений и электронной почты с партнером или потенциальным партнером⁴ молодые люди общаются не реже, чем с помощью голосовых звонков. У респондентов других возрастных групп популярность переписки с романтическим партнером уже не столь высока (табл. 1).

Приводимые ниже различия в социальных представлениях о брачном партнере в зависимости от моделей поведения в сети Интернет характерны для участников исследования любого возраста. Однако при интерпретации полученных данных необходимо помнить, что в группе 18–34 лет доля интернет-пользователей и пользователей социальных сетей наиболее высока (среди респондентов 18–34 лет только 1 %

⁴ Под потенциальным партнером в исследовании понимается человек, с которым респондент находится в процессе ухаживаний, начала романтических отношений.

не пользуются социальными сетями, в то время как в группе 55–74 лет – 30 %), что позволяет говорить о высокой актуальности полученных выводов для молодежной группы.

В табл. 2 представлены несколько утверждений из опросника социальных представлений. Во втором столбце указан коэффициент позитивных ответов, на основе которого производится отнесение элемента к ядру или периферии. Во третьем и четвертом столбцах приводится сравнение ответов на данный вопрос двух групп респондентов: тех, кто всегда общается с партнером с помощью переписки, и тех, кто никогда не прибегает к данной форме коммуникации (в процентах от общего числа респондентов данных групп). В ядро социальных представлений входят утверждения с ТСП выше 81 балла. В периферию, близкую к ядру, – утверждения с ТСП от 63 до 80 баллов.

Респонденты, которые общаются с партнером или потенциальным партнером по переписке так же часто, как с помощью голосовых звонков, в большей степени ориентируются на сексуальную свободу, о чем

Табл. 1. Доля респондентов, которые часто общаются с супругом / партнером / потенциальным партнером с помощью различных средств коммуникации, %

Tab. 1. Respondents that frequently communicate with their spouse / partner / potential partner via various means of communication, %

Средства коммуникации	18–34 года	35–54 года	55–74 года	p
Личное общение	79,7	79,9	64,6	0,481
Голосовые звонки	63,0	58,3	57,8	0,206
Видеозвонки	16,1	11,6	6,4	0,000***
Переписка (по электронной почте, через мессенджеры, соцсети)	65,6	42,0	22,0	0,001***

Прим.: *** – $p < 0,001$; оценка по критерию Н Краскала-Уоллеса.

Табл. 2. Различия в степени согласия респондентов с отдельными утверждениями авторского опросника социальных представлений о брачном партнере в зависимости от предпочтительной формы коммуникации с партнером

Tab. 2. Differences in the degree of agreement with certain statements in the questionnaire of social representations about the marriage partner depending on the preferred form of communication with the partner

Утверждение из опросника социальных представлений	ТСП, количество баллов	Доля согласных с утверждением среди тех, кто общается с супругом / сексуальным партнером / потенциальным партнером с помощью переписки (по электронной почте, через мессенджеры, соцсети)		
		всегда, %	никогда, %	p
Крайне важно, чтобы твой партнер умел находить выход из трудных жизненных ситуаций	92	87	96	0,013*
У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения	79	86	76	0,035*
Не будьте с кем попало, ждите родную душу	72	66	79	0,018*
Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская – на заботу, создание комфортной атмосферы	69	63	74	0,049*
Многие проблемы современных семей оттого, что женщины утратили истинную женственность, а мужчины – мужественность	57	46	68	0,001***
Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудность лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность	48	43	57	0,008**
На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни	48	48	36	0,001***
Излишняя откровенность с партнером приносит только неприятности	46	34	55	0,001***
Семья нужна, прежде всего, для рождения и воспитания детей	35	22	46	0,001***
Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам	34	20	43	0,001***

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$; оценка по критерию U Манна-Уитни.

свидетельствует более высокая степень согласия с утверждением «У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения» (входит в периферию социальных представлений, близкую к ядру), а также с утверждением «На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни» (входит в периферию).

Респонденты, которые не общаются с романтическим партнером по переписке, в большей степени продемонстрировали ориентацию на традиционные ценности, в частности деторождение – «Семья нужна, прежде всего, для рождения и воспитания детей» (периферия социальных представлений), а также верность и готовность отказываться от кратковременных увлечений в ожидании подходящего спутника жизни – «Не будьте с кем попало, ждите родную душу» (элемент периферии, близкой к ядру) и «Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудность лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность» (элемент периферии).

Респонденты, придерживающиеся традиционных способов общения с романтическим партнером, в большей степени демонстрируют согласие с высказываниями о ролях мужчин и женщин в современном мире: «Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская – на заботу, создание комфортной атмосферы» (элемент периферии, близкой к ядру), «Многие проблемы современных семей оттого, что женщины утратили истинную женственность, а мужчины – мужественность» и «Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам» (элементы периферии).

Интересно, что те респонденты, которые в меньшей степени используют переписку во взаимодействии с романтическим партнером, демонстрируют и меньшую открытость, готовность говорить о своих чувствах и потребностях.

Это выражается в гораздо большей степени согласия с утверждением «Излишняя откровенность с партнером приносит только неприятности» (элемент периферии социальных представлений).

Что касается установок на создание семьи и деторождение, то здесь прослеживается связь не только с предпочтительными форматами коммуникации с партнером, но и с количеством времени, проводимым в соцсетях: среди респондентов, которые заходят в социальные сети не каждый день, степень согласия с утверждением «Семья нужна, прежде всего, для рождения и воспитания детей» составляет 52 %, а среди тех, кто проводит в соцсетях более двух часов в день, – почти в два раза ниже (28 %, значимые различия на уровне $p < 0,05$). Таким образом, завсегдатаи социальных сетей в меньшей степени ориентированы на продолжение рода.

Так как среди молодых людей доля интернет-пользователей выше, рассмотрим некоторые особенности социальных представлений в группе 18–34 лет в зависимости от предпочтительной формы коммуникации с партнером (табл. 3). Во втором столбце указан коэффициент позитивных ответов, на основе которого производится отнесение элемента к ядру или периферии. Во третьем и четвертом столбцах приводится сравнение ответов на данный вопрос двух групп респондентов: тех, кто всегда общается с партнером с помощью переписки, и тех, кто никогда не прибегает к данной форме коммуникации (в процентах от общего числа респондентов данных групп). В ядро социальных представлений респондентов 18–34 лет входят утверждения с ТСП выше 84 баллов. В периферию, близкую к ядру, – утверждения с ТСП от 63 до 83 баллов.

Молодые люди, которые обычно переписываются с романтическим или брачным партнером, гораздо чаще соглашались с высказыванием «У партнеров в сексе

Табл. 3. Различия в степени согласия респондентов в возрасте 18–34 лет с отдельными утверждениями авторского опросника социальных представлений о брачном партнере в зависимости от предпочтительной формы коммуникации с партнером
Tab. 3. Differences in the degree of agreement of respondents aged 18–34 with the questionnaire of social representations about the marriage partner depending on the preferred form of communication with the partner

Утверждение из опросника социальных представлений	ТСП, количество баллов	Доля согласных с утверждением среди тех, кто общается с супругом / сексуальным партнером / потенциальным партнером с помощью переписки (по электронной почте, через мессенджеры, соцсети)		
		всегда, %	никогда, %	$p < 0,05$
У партнеров в сексе не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения	89	94	81	0,047
Хочется жить с сексуально привлекательным человеком	83	85	65	0,044
Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская – на заботу, создание комфортной атмосферы	71	65	89	0,031
Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам	25	16	39	0,014

не должно быть никаких ограничений, никакого стеснения». Данный элемент входит в ядро социальных представлений данной возрастной группы и является отличительным для нее (в ядрах социальных представлений других возрастных групп данный элемент не встречается). Направленность влияния особенностей коммуникации на установку в отношении сексуальной сферы не очевидна, ее изучение можно отнести к перспективам развития данного исследования.

Еще одним утверждением, с которым гораздо чаще соглашаются молодые люди, отдающие предпочтение переписке с романтическим или брачным партнером, – «Хочется жить с сексуально привлекательным человеком». Несмотря на то, что данный элемент не входит в ядро социальных представлений, он является частью периферии, близкой к ядру (ТСР=83, при том что в ядро входят элементы с показателем ТСР от 84 баллов), и согласно динамическим теориям социальных представлений потенциально ядро социальных представлений о брачном партнере может обогатиться данным элементом.

Отличия между молодыми людьми, которые общаются или не общаются с романтическим партнером по переписке, наблюдаются и в отношении еще одного элемента периферии, близкой к ядру, – «Энергия в семье должна распределяться правильно. Мужская энергия должна быть направлена на достижения, созидания, женская – на заботу, создание комфортной атмосферы» (ТСР=71) – с высказыванием чаще соглашаются те, кто не общается с романтическим партнером по переписке. Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении высказывания «Сегодня определяющая роль в семье принадлежит женщинам», которое входит в периферию социальных представлений.

Таким образом, те молодые люди, которые усваивают современные форматы коммуникации (в частности, общение с партнером по переписке), в большей степени поддерживают идеи сексуальной свободы, максимизации эротического удовольствия. Для них секс является не только важной частью жизни, но и естественной составляющей социального дискурса: они готовы открыто говорить о своих потребностях в данной сфере. Те же, кто придерживаются традиционных средств коммуникации, в большей степени склонны к консервативным убеждениям: они чаще задумываются о распределении ролей в современном обществе, могут сетовать на утрату традиционных мужских и женских качеств и моделей поведения.

Восприятие брака и романтического партнера связано и с частотой, с которой респонденты встречаются в социальных сетях публикации по вопросам романтических взаимоотношений. В табл. 4 представлены несколько утверждений из опросника социальных представлений. Во втором столбце указан коэффициент позитивных ответов, на основе которого производится отнесение элемента к ядру или периферии. Во третьем и четвертом столбцах приводится сравнение ответов на данный вопрос двух групп респондентов: тех, кто часто встречается в социальных сетях

публикации на тему романтических взаимоотношений, и тех, кто никогда не встречается подобных публикаций (в процентах от общего числа респондентов данных групп). В ядро социальных представлений входят утверждения с ТСР выше 81 балла. В периферию, близкую к ядру, – утверждения с ТСР от 63 до 80 баллов.

Те, кто часто встречается статьи и короткие высказывания на тему романтических взаимоотношений, чаще соглашались с высказываниями индивидуалистического или гедонистического характера: «Хочется жить с сексуально привлекательным человеком» (входит в ядро социальных представлений), «На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни», «Поиск взаимной любви похож на автогонки: мы мчимся за одними, за нами мчатся другие» и «По-настоящему зрелый человек может спокойно жить в одиночестве» (входят в периферию).

Напротив, те, кто не встречается публикаций на тему романтических взаимоотношений, в большей степени склонны соглашаться с высказываниями, постулирующими ценности семьи и верности: «Отдых для пары – отдых вместе, а не друг от друга» (входит в периферию, близкую к ядру) и «Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудность лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность» (входит в периферию).

Различия между респондентами, которые часто встречаются в социальных сетях публикации по теме романтических взаимоотношений, и тех, кто не встречается подобных публикаций, выявляются и в ходе анализа методики незаконченных предложений. Описывая супружескую жизнь, около 45 % в обеих группах приводят позитивные определения, около 40 % – нейтральные, около 10 % – негативные. Однако ассоциативный ряд ответов в двух группах не идентичен, в частности, обращают на себя внимание различия в содержании позитивных определений. Многие из тех, кто часто встречается в социальных сетях публикации по вопросам взаимоотношений мужчин и женщин, имеют романтизированные и отчасти идеализированные представления о супружестве, что выражается в преобладании таких определений, как радость, счастье, идиллия, подарок. Здесь и далее курсивом приводятся ответы участников исследования на задание «Продолжите предложение. **Супружеская жизнь кажется мне...**»: важной частью счастливой жизни; гармоничной и счастливой; долго и счастливо; идеальным сочетанием свободы и романтического уюта; подарком свыше.

Кроме того, в ассоциативном ряду данной группы супружеская жизнь довольно часто представляется легким приключением, развлечением и даже порой решением проблем: легкой и приятной; интересным приключением, возможностью проверить, кто вы есть на самом деле; приятным путешествием; удивительным путешествием, в котором бывает и хорошее, и плохое, но возглавляет это путешествие любовь двоих; решением многих проблем; очень счастливой, и интересной и взаимовыгодной.

Табл. 4. Различия в степени согласия респондентов с отдельными утверждениями авторского опросника социальных представлений о брачном партнере среди тех, кто встречается и не встречается в соцсетях публикации по вопросам взаимоотношений мужчин и женщин

Tab. 4. Differences in the degree of agreement with the questionnaire of social representations about the marriage partner among those respondents who read and those who do not read publications about relations between men and women

Утверждение из опросника социальных представлений	ТСР, количество баллов	Доля согласных с утверждением среди тех, кто часто встречается / не встречается публикации по вопросам взаимоотношений мужчин и женщин в социальных сетях		
		часто встречается, %	не встречается, %	p
Хочется жить с сексуально привлекательным человеком	81	85	71	0,016*
Отдых для пары – отдых вместе, а не друг от друга	65	60	83	0,001**
На разных жизненных этапах допустимо иметь разных спутников жизни	48	50	33	0,002**
Почти каждая женщина хотела бы хранить верность. Трудно лишь в том, чтобы найти такого мужчину, для которого можно было бы хранить верность	48	41	61	0,007**
Поиск взаимной любви похож на автогонки: мы мчимся за одними, за нами мчатся другие	44	50	33	0,047*
По-настоящему зрелый человек может спокойно жить в одиночестве	40	43	29	0,043*

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; оценка по критерию У Манна-Уитни.

Те респонденты, которые не встречаются в социальных сетях публикации на тему взаимоотношений мужчин и женщин, склонны давать позитивные определения несколько иного характера. Для них супружеская жизнь представляется более сложным, многогранным феноменом, вызовом для развития, интересной задачей: *интересной и увлекательной; длинной и интересной дорогой в мир неизведанного; крепостью, которую нужно оберегать и защищать от невзгод; многогранной, интересной, где партнеры настроены больше «отдавать», а не «брать»; счастливой, если муж и жена уважают друг друга.*

Нейтральные определения супружеской жизни (40 %) схожи для группы тех, кто встречается в социальных сетях публикации по вопросам взаимоотношений мужчин и женщин, и тех, кто не встречается подобных публикаций. Ядро ассоциаций составляют определения «ответственность», «долгая дорога», «совместная работа, труд», «партнерство», «забота», «испытание»: *дорогой ... с ямами, а иногда цветущей поляной... в зависимости от времени года; длительным туристическим походом; длинной дорогой, на которой множество ям и ухабов, которые можно пройти только опираясь на надежного партнера, а иногда и пронося его на своей спине; большим трудом двух партнеров; большой ответственностью для людей, которые нашли друг друга; большой ежедневной работой; испытанием на прочность; сложной системой взаимоотношений, в которой один за всех и все за одного; повседневной заботой о семье.*

Негативные определения супружеской жизни (10 %) также схожи и выстраиваются вокруг ассоциаций «скука»,

«рутина», «тяжелая ноша», «трата времени»: *тоской зеленой; унылой; бесконечное наступание на горло своему «хочу»; немного однообразной; пустой тратой времени.*

Заключение

Результаты исследования показывают наличие связи между поведением пользователей в социальных сетях и их социальными представлениями о брачном партнере. Обнаружились связи между некоторыми элементами ядра и периферии социальных представлений (напомним, что значительная часть данных высказываний представляет собой расхожие фразы из публикаций в социальных сетях) и выбором мессенджеров в качестве предпочтительного формата коммуникации с брачным партнером, а также частотой пользования социальными сетями и частотой просмотра публикаций на тему романтических отношений.

Те респонденты, которые проводят больше времени в социальных сетях, общаются с партнером по переписке, часто встречаются публикации на тему взаимоотношений мужчин и женщин, в большей степени ориентированы на свободу самовыражения и наличие сексуально привлекательного партнера. Эти люди в большей мере склонны рассматривать романтические взаимоотношения как увлекательное приключение, допуская при этом возможность на разных этапах иметь разных спутников жизни. Наличие подобных элементов в социальных представлениях может обуславливать более терпимое отношение к таким феноменам, как незарегистрированный брак, развод, серийная моногамия.

Респонденты, которые часто встречают публикации на тему взаимоотношений мужчин и женщин, несколько чаще склонны воспринимать супружескую жизнь как легкий, приятный феномен, призванный решать проблемы и дарить радостные эмоции. Эти данные соотносятся с результатами, полученными нами ранее в ходе анализа визуальных сообщений в социальной сети ВКонтакте: 51 % изображений отличались позитивным эмоциональным фоном и репрезентировали взаимоотношения между мужчинами и женщинами вне контекста будущего брака как способ испытать радость, удовлетворенность, получить поддержку [26]. Таким образом, мы можем наблюдать, что контент, сгенерированный социальными сетями, усваивается активными интернет-пользователями и становится частью периферии их социальных представлений, близкой к ядру. В долгосрочной перспективе это может привести к изменению социальных представлений о брачном партнере, браке и романтических отношениях и к изменению брачного поведения.

Помимо этого, обнаруживается, что постоянные читатели публикаций на тему романтических отношений в большей степени склонны к индивидуалистическим ценностям, вплоть до полного отказа от отношений, которое они могут трактовать как духовную зрелость – *«По-настоящему зрелый человек может спокойно жить в одиночестве»*, и здесь можно проследить связь с контентом социальных сетей. Как показывают наши предыдущие исследования, содержание публикаций в социальных сетях о романтических отношениях в большей степени носит индивидуалистический и гедонистический характер, транслируемые текстовые и визуальные сообщения зачастую отличаются инфантильным подходом к жизни, способствуют формированию у читателей противоречивых представлений о партнере, браке, романтических отношениях. Публикации не позиционируют романтические отношения как шаг к созданию семьи, а понятие *«одиночество»* довольно часто рассматривается в позитивном контексте [9; 26].

Пользователи, уделяющие большое значение публикациям в социальных сетях, особенно на околопсихологическую тематику, довольно хорошо усваивают модные постулаты наподобие *«ты всего достоин»* и *«нужно стремиться к тому, чтобы быть самодостаточной личностью»*, отсюда боязнь оказаться слишком зависимым от отношений и, следовательно, слишком несовременным и уязвимым. В итоге респонденты, уделяющие повышенное внимание социальным сетям и общению посредством Интернета, чаще других допускают возможность одинокого проживания, без романтического партнера, а также в меньшей степени демонстрируют установки на создание семьи и деторождение, что может стать миной замедленного действия для института семьи в целом. В силу того, что

в группе 18–34 лет доля интернет-пользователей и пользователей социальных сетей наиболее высока, это позволяет говорить о высокой актуальности полученных выводов для работы с молодежью.

Напротив, те респонденты, которые мало времени проводят в социальных сетях, не встречают там публикаций на тему взаимоотношений мужчин и женщин и предпочитают традиционные виды общения с партнером, в большей степени продемонстрировали ориентацию на семейные ценности и традиционное распределение ролей в семье. Для данной группы более высокую значимость имеет идея верности, они чаще рассматривают партнера не только в контексте приятных эмоций, но и в контексте создания семьи и продолжения рода. Такие респонденты чаще воспринимают совместную жизнь как сложный, многогранный и интересный феномен, который принесет радость и счастье только при условии вложения определенных усилий (взаимное уважение, поддержка, совместный отдых пары). Данная группа респондентов чаще ратует за сохранение или возвращение истинных мужественности и женственности, полагая, что распространение эгалитарных отношений, смешение ролей мужчин и женщин являются причинами демографических проблем.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждается: пользователи, которые часто просматривают в социальных сетях публикации на тему взаимоотношения мужчин и женщин, демонстрируют меньшую ориентацию на брак и долгосрочные романтические взаимоотношения. Соответственно, можно говорить о том, что особенности поведения пользователей в социальных сетях являются одним из факторов формирования социальных представлений о брачном партнере. Однако остается открытым вопрос о направлении связи между частотой использования социальных сетей и объемом получаемой информации на тему романтических взаимоотношений, с одной стороны, и социальными представлениями респондентов – с другой. Современные алгоритмы формирования ленты новостей в социальных сетях устроены таким образом, чтобы максимально соответствовать интересам пользователей, т. е. пользователю с более высокой частотой показываются публикации, аналогичные тем, которые он ранее отмечал как понравившиеся. И наоборот – сообщения по темам, которые пользователь игнорировал, через какое-то время перестают возникать в его поле зрения. Кроме того, развивающийся искусственный интеллект начинает учитывать и поисковые запросы пользователя за пределами социальных сетей, время, которое он проводит на тех или иных страницах, и ряд других параметров интернет-активности⁵.

В попытках интерпретации причинно-следственной связи мы оказываемся в герменевтическом круге. С одной стороны, пользователи социальных сетей отчасти сами выбирают публикации, которые им будут показываться

⁵ Kolowich L. How the News Feed Algorithms Work on Facebook, Twitter & Instagram. 2016. Режим доступа: <https://blog.hubspot.com/marketing/how-algorithm-works-facebook-twitter-instagram?fbclid=IwAR0nFw7CqwszdX9mIvJEnkrHs2qxi-MiumeuONRDI84urjQAiT9DPFsM1FQ> (дата обращения: 26.02.2020).

(подписываясь на определенные паблики, отмечая отдельные сообщения как понравившиеся, оставляя к ним комментарии), и можно предположить, что данный выбор основан на уже сложившихся социальных представлениях и установках пользователей. С другой стороны, постоянно просматривая контент определенной направленности (и не видя информацию противоположного толка), пользователь становится приверженцем определенной концепции, его смутные, неясные мысли могут перерождаться в твердые сознательные или подсознательные убеждения.

Литература

1. Астахова Ю. Г., Агасарян М. В. Социология семьи. Липецк: Липецкий гос. технический ун-т, 2012. 67 с.
2. Целуйко В. М. Психология современной семьи. М.: Владос, 2004. 286 с.
3. Вовк Е. А. Незарегистрированные отношения: разновидности брака или альтернатива ему? // Человек. Сообщество. Управление. 2005. № 2. С. 67–90.
4. Гурко Е. М. Представления студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / под ред. Т. А. Гурко. М.: Ин-т социологии РАН, 2006. С. 200–210.
5. Молевич Е. Ф. Гендерные сдвиги в современных брачно-семейных отношениях: смена парадигмы // Женщина в российском обществе. 2002. № 2-3. С. 38–42.
6. Долбик-Воробей Т. А. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78–83.
7. Погодина Е. К. Основы семейной жизни. Витебск: Изд-во УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2003. 94 с.
8. Verhaeghe P. Love in a time of loneliness: Three essays on drives and desires. N. Y.: Other Press, 1999. 212 p.
9. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети "ВКонтакте" // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 46–65.
10. Moscovici S. The phenomenon of social representations // Social representations / eds. M. Farr, S. Moscovici. Cambridge-Paris: CUP, 1984. P. 3–69.
11. Емельянова Т. П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: ИП РАН, 2016. 475 с.
12. Strauss W., Howe N. The fourth turning: an American prophecy – what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny. N. Y.: Three Rivers Press, 1997. 400 p.
13. Howe N., Strauss W. Millennials rising: the next great generation. N. Y.: Vintage, 2000. 432 p.
14. Balbi A. Finding love in a hopeless place: dating patterns of American millennials. 2016. 79 p. Honors Theses – Providence Campus, 21. Available at: https://scholarsarchive.jwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=student_scholarship (дата обращения: 23.07.2019).
15. Богачева Н. В., Сивак Е. В. Мифы о «поколении Z». М.: ВШЭ, 2019. 64 с.
16. Ожиганова Е. М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97.
17. Бауман З. Петрополия. М.: ВЦИОМ, 2019. 156 с.
18. Selimi T. J. #Loneliness: the virus of the modern age. Carlsbad, CA: BalboaPress, 2016. 236 p.
19. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles // Actes de la Cinquième conférence Abric internationale sur les représentations sociales. Montréal, 2000. P. 87–88.
20. Flament C. Structure et dynamique des représentations sociales // Les représentations sociales / ed. D. Jodelet. Paris: PUF, 1989. P. 204–219.
21. Sartawi M. Exploring stability and change through social representations: towards an understanding of religious communities // The Cambridge Handbook of Social Representations / eds. G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge, 2015. P. 341–357.
22. Galli I., Nigro G. The social representation of radioactivity among Italian children // Journal for the theory of social behavior. 1987. Vol. 26. № 3. P. 535–549. DOI: 10.1177/053901887026003004
23. Gervais M.-C. Social representations of nature: the case of the 'Braer' oil spill in Shetland. Ph. D. thesis. London School of Economics and Political Science, 1997. 336 p.
24. Biotechnology – the making of a global controversy / eds. M. W. Bauer, G. Gaskell. N. Y.: Cambridge University Press, 2002. 411 p.
25. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и брак в социальных представлениях поколений миллениалов и бэби-бумеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 1. С. 29–43. DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43
26. Емельянова Т. П., Шмидт Д. А. Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений) // Социальная и экономическая психология. Ч. 2. Новые научные направления / отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. М.: ИП РАН, 2018. С. 321–336.

Social Net Users' Behavior as a Forming Factor of Social Representations about Spouse

Daria A. Shmidt^{a, @}

^a self-employed entrepreneur D. A. Shmidt, Russia, Moscow

@ dariashmidt@mail.ru

Received 21.05.2020. Accepted 30.07.2020.

Abstract: The present research traced the connection between the behavior of social net users and 1) the content they view devoted to romantic relationships and 2) their social representations about their prospective spouse. The survey involved 525 respondents and an authentic questionnaire of three blocks. The first block of questions was based on a content analysis of young people's essays and social net entries. It featured social representations about romantic relationships and marriage. The second block was connected with socio-demographic characteristics. The third block analyzed the use of social networks and other communication channels. The study revealed a link between one's behavior in social networks and social representations about a romantic partner, married life, and family relations. Users that frequently viewed social media posts about relationships between men and women were not marriage-oriented and did not seek long-term romantic relationships. They viewed romantic relationships as an exciting adventure and they entertained a possibility of having different partners at different life stages. Such elements in social representations may lead to a more tolerant attitude to such phenomena as unregistered marriage, divorce, and serial monogamy.

Keywords: social representations, core of periphery components, periphery components, marriage, romantic relationships

For citation: Shmidt D. A. Social Net Users' Behavior as a Forming Factor of Social Representations about Spouse. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 778–788. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-778-788>

References

1. Astakhova Yu. G., Agasaryan M. V. *Sociology of the family*. Lipetsk: Lipetskii gos. tekhnicheskii un-t, 2012, 67. (In Russ.)
2. Tseluyko V. M. *Psychology of the modern family*. Moscow: Vlos, 2004, 286. (In Russ.)
3. Vovk E. A. Unregistered relationships: a variety of marriage or its alternative? *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*, 2005, (2): 67–90. (In Russ.)
4. Gurko E. M. Representations of student youth about marriage. *Current family problems in Russia*, ed. Gurko T. A. Moscow: In-t sotsiologii RAN, 2006, 200–210. (In Russ.)
5. Molevich E. F. Gender shifts in modern marriage and family relations: paradigm shift. *Woman in Russian Society*, 2002, (2-3): 38–42. (In Russ.)
6. Dolbik-Vorobey T. A. Student youth on issues of marriage and birth rates. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003, (11): 78–83. (In Russ.)
7. Pogodina E. K. *Basics of family life*. Vitebsk: Izd-vo UO "VGU im. P. M. Masherova", 2003, 94. (In Russ.)
8. Verhaeghe P. *Love in a time of loneliness: Three essays on drives and desires*. N. Y.: Other Press, 1999, 212.
9. Emelyanova T. P., Shmidt D. A. Social representations about the future partner and marriage in the social network "Vkontakte". *Institut psikhologii Rossiiskoy akademii nauk. Sotsialnaya i ekonomicheskaya psikhologiya*, 2017, 2(2): 46–65. (In Russ.)
10. Moscovici S. The phenomenon of social representations. *Social representations*, eds. Farr M., Moscovici S. Cambridge-Paris: CUP, 1984, 3–69.
11. Emelyanova T. P. *Social representations: history, theory, and empirical research*. Moscow: IP RAN, 2016. 475. (In Russ.)
12. Strauss W., Howe N. *The fourth turning: an American prophecy – what the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. N. Y.: Three Rivers Press, 1997, 400.
13. Howe N., Strauss W. *Millennials rising: the next great generation*. N. Y.: Vintage, 2000, 432.
14. Balbi A. Finding love in a hopeless place: dating patterns of American millennials. 2016, 79. *Honors Theses – Providence Campus*, 21. Available at: https://scholarsarchive.jwu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1023&context=student_scholarship (accessed 23.07.2019).
15. Bogacheva N. V., Sivak E. V. *Myths of generation Z*. Moscow: VShE, 2019, 64. (In Russ.)
16. Ozhiganova E. M. Strauss Howe generational theory. Opportunities of practical application. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*, 2015, (1): 94–97. (In Russ.)

17. Bauman Z. *Retrotopia*. Moscow: VTsIOM, 2019, 156. (In Russ.)
18. Selimi T. J. *#Loneliness: the virus oh the modern age*. Carlsbad, CA: BalboaPress, 2016, 236.
19. Abric J.-Cl. La notion de noyau central: bilans et perspectives actuelles. *Actes de la Cinquième conférence Abric internationale sur les représentations sociales*. Montréal, 2000, 87–88.
20. Flament C. Structure et dynamique des représentations sociales. *Les représentations sociales*, ed. Jodelet D. Paris: PUF, 1989, 204–219.
21. Sartawi M. Exploring stability and change through social representations: towards an understanding of religious communities. *The Cambridge Handbook of Social Representations*, eds. Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J. Cambridge, 2015, 341–357.
22. Galli I., Nigro G. The social representation of radioactivity among Italian children. *Journal for the theory of social behavior*, 1987, 26(3): 535–549. DOI: 10.1177/053901887026003004
23. Gervais M.-C. *Social representations of nature: the case of the 'Braer' oil spill in Shetland*. Ph. D. thesis. London School of Economics and Political Science, 1997, 336.
24. *Biotechnology – the making of a global controversy*, eds. Bauer M. W., Gaskell G. N. Y.: Cambridge University Press, 2002, 411.
25. Emelyanova T. P., Shmidt D. A. Romantic relations and marriage in social representations of Millennials and Baby-Boomers. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, (1): 29–43. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7235-2019-1-29-43
26. Emelyanova T. P., Shmidt D. A. Romantic relationships and readiness for marriage, represented by online communities (experience in analyzing visual messages). *Social and Economic Psychology. Pt. 2. New scientific approaches*, eds. Kovaleva Yu. V., Nestik T. A. Moscow: IP RAN, 2018, 321–336. (In Russ.)

Описание картинок русско-французскими детьми-билингвами: лексико-грамматический анализ

Стелла Е. Бойкова^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ boyykova_stella@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5196-4414>

Поступила в редакцию 06.08.2020. Принята к печати 25.09.2020.

Аннотация: Рассмотрен франкоязычный и русскоязычный дискурс детей-билингвов разных типов. Цель – проанализировать билингвальный дискурс на материале картинок, подразумевающих использование русских и французских возвратных глаголов. В качестве материала использован авторский корпус детской русско-французской билингвальной речи. Изучены комментарии русско-французских детей билингвов к картинкам, для описания которых можно использовать возвратные и взаимовозвратные глаголы, а также их невозвратные аналоги на другом языке. Респондентами выступили естественные билингвы, проживающие во Франции в смешанных русско-французских или русских семьях. Настоящая работа продолжает традицию рассказа по картинкам. Экспериментальный материал представляет собой 22 картинки с изображением кота, совершающего то или иное действие. Встретились как абсолютные совпадения с искомыми глаголами, так и синонимичные глаголы или конструкции другого типа (пассивная форма, инфинитив). Кроме того, были употреблены предложения, состоящие исключительно из наречий или существительных. Уровень владения французским языком выше, чем русским, во всех трех группах. Это следует из нескольких показателей: отсутствие русских комментариев к изображению, количество ошибочных или нестандартных высказываний, частые переключения на французский язык. Интерференционное влияние французского языка на русский выражено сильнее, чем обратное явление. Что касается возвратных глаголов, в целом ошибок в их образовании и употреблении было мало как в русском, так и во французском дискурсе.

Ключевые слова: билингвизм, детская речь, детский билингвизм, межъязыковая интерференция, языковая компетенция, билингвальные ошибки, переключение кода

Для цитирования: Бойкова С. Е. Описание картинок русско-французскими детьми-билингвами: лексико-грамматический анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 789–801. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-789-801>

Введение

Среди методов сбора корпусов элицитированных рассказов метод рассказа по картинкам является классическим и в то же время самым популярным на сегодняшний день [1, с. 10]. Начиная с 1980-х гг. в качестве стимульного материала часто использовалась книжка с картинками "Frog, where are you?"¹ («Лягушка, где ты?»).

В настоящей статье мы рассмотрим комментарии русско-французских детей-билингвов к картинкам, при описании которых можно использовать возвратные и взаимовозвратные глаголы и их невозвратные аналоги на другом языке. Цель – рассмотреть особенности билингвального дискурса на материале картинок, подразумевающих использование русских и французских возвратных глаголов. Задачи исследования включают в себя анализ допущенных в речи испытуемых ошибок и оценку реакции на стимульный материал. Материал исследования представляет собой 22 картинки с изображением кота, совершающего то или иное действие.

Объект нашего исследования – билингвальный дискурс, традиционно входящий в фокус интереса лингвистов: «Дискурс, понимаемый как текст в процессе его использования в языковой деятельности, является максимально естественным... объектом и одновременно предметом лингвистического исследования» [2, с. 3].

Практическая ценность заключается в том, что результаты могут быть привлечены к разработке методики преподавания французского и / или русского языков детям-билингвам с учетом характерных ошибок и других особенностей, а также использованы в методике сопровождения детей-билингвов в их языковом развитии. Авторский корпус и стимульный материал может привлекаться для других исследований русско-французского билингвизма и в процессе преподавания расширенного курса французского языка для магистрантов.

Языковое развитие билингва может происходить совершенно в разных контекстах и ситуациях [3]. Развитие может быть как гармоничным, так и осложненным. Билингвальная речь характеризуется *переключением кода* (*code-switching*),

¹ Mayer M. Frog, Where Are You? N. Y.: Dial Press, 1967. 32 p.

когда билингв спонтанно переходит на другой язык, будь то на уровне слова, синтагмы, фразы или нескольких фраз, а затем снова возвращается к исходному языку, и употреблением *заимствований* (*emprunts*) [4; 5]. Согласно Ф. Грожану к заимствованиям относятся элементы иного языка, претерпевающие морфологические и часто фонологические изменения [4, р. 74].

Далеко не всегда билингвам удается полностью дезактивировать второй язык в ситуации монолингвального общения [4, р. 77]. В большинстве случаев речь билингвов на одном языке так или иначе испытывает влияние второго, не активного в момент речи языка, т. е. мы имеем дело с языковой *интерференцией*.

Явлением интерференции лингвисты заинтересовались уже в середине XX в. Первоначальной сферой употребления этого термина была ареальная лингвистика, где языковые контакты рассматривались на глобальном уровне. Активный интерес к интерференции на уровне индивида возник после публикации книги У. Вайнрайха «Языковые контакты». У. Вайнрайх определяет интерференцию следующим образом: «Те случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта, мы будем называть явлениями интерференции. Понятие интерференции подразумевает переустройство моделей, являющееся результатом введения иноязычных элементов в те области языка, которые отличаются более высокой структурной организацией, например, ядро системы фонем, большая часть морфологии и синтаксиса, некоторые области словаря (обозначения рода, цвета, погоды и т. д.)» [6, с. 22].

Работа У. Вайнрайха породила формирование узкого и широкого понимания интерференции [7, с. 235]. В широком понимании интерференция представляет собой любые виды взаимодействия языков [8–10], в узком – перенос норм родного языка на другой в процессе речи [11].

Дети-билингвы могут испытывать трудности в освоении языка [12]. Безусловно, проблемы, связанные с освоением языка, могут быть связаны с другими проблемами, такими как проблемы со слухом или когнитивными отклонениями [13, р. 34–35]. Однако бывает и так, что языковые трудности не имеют других дополнительных причин [14]. В нашей работе мы фокусируем внимание на речевых отклонениях русско-французских детей-билингвов, не связанных с экстралингвистическими факторами.

Исходные данные эксперимента

Стимульный материал

Экспериментальный материал представляет собой 22 картинки с изображением кота, выполняющего то или иное действие. Картинки были созданы специально для данной работы художником Э. Марьянчик. Отметим, что испытуемым материал был показан без каких-либо подписей.

Выбор сквозного персонажа не случаен. Кот – хорошо знакомое детям домашнее животное, традиционно вызывающее симпатию. Это важно для установки психологического контакта с испытуемыми. Изображения задуманы максимально несложными для интерпретации. Мы сознательно не взяли героя русских или французских сказок (например, Кот в сапогах или кот Матроскин), чтобы не привлекать языковые коннотации, связанные с этими персонажами. Представляется вероятным, что введение персонажа из русских сказок повлекло бы за собой большее влияние русского языка (то же касается французского языка). Именно поэтому был разработан совместно с художником образ кота, максимально нейтральный.

Для проведения тестирования были отобраны глаголы, являющиеся возвратными в русском языке, и их французские аналоги, не требующие возвратного местоимения. Кроме того, были выбраны некоторые французские глаголы, требующие возвратного местоимения *se* (*réfléchis* (возвратные) и *récioproques* (взаимовозвратные)) и не являющиеся возвратными в русском языке. Всего было отобрано 20 глаголов (табл. 1). Все отобранные глаголы были проиллюстрированы картинками с изображением кота, выполняющего то или иное действие (рис. 1, 1–20). Глаголы *ouvrir/s'ouvrir* и *fermer/se fermer* требуют отдельного комментария. К ним была добавлена дополнительная пара картинок, подключающая другой контекст употребления (рис. 1, 21, 22).

Табл. 1. Глаголы для стимульного материала

Tab. 1. Verbs for the stimulus material

Французский язык	Русский язык
se lever	встать
se laver (les mains)	вымыть руки
se brosser (les dents)	чистить зубы
se coiffer (les cheveux)	причесать волосы
se promener	гулять
s'évanouir	падать в обморок
s'écrier	воскликнуть
s'enfuir	сбежать
apparaître	появиться
naître	рождаться
sourire	улыбаться
rire	смеяться
se souvenir de qqch, se rappeler qqch	вспомнить о чем-либо
se regarder	смотреть друг на друга
se parler	говорить друг с другом
s'aimer	любить друг друга
monter	подниматься
descendre	спускаться
(s')ouvrir	открыться (открываться)
(se) fermer	закраться (закрывается)

Рис. 1. Стимульный материал
Pic. 1. Stimulus material

В русском языке глаголы *открыться* (*открываться*) / *закраться* (*закрывать*) – возвратные, если речь идет о действии, выполняемом без непосредственного участия агенса, в то время как их невозвратные аналоги (*открыть* (*открывать*) / *закрыть* (*закрывать*)) подразумевают наличие одного.

Во французском языке дело обстоит несколько иначе. Там так же как и в русском языке существует противопоставление по возвратности / невозвратности (*ouvrir – s'ouvrir; fermer – se fermer*), однако не всегда прослеживается четкая закономерность употребления возвратного или невозвратного глагола.

Обратимся к толкованию этих глаголов в словаре². Первое, что обращает на себя внимание при изучении словаря, это наличие у невозвратного глагола *ouvrir* переходного (*transitif*) и непереходного (*intransitif*) типов. У непереходного глагола *ouvrir* есть сфера пересечения значений со своим возвратным аналогом. Кроме того, у него есть отдельное значение, которое проявляется исключительно в контексте магазинов и музеев: *работать, принимать клиентов*. Например: *Le musée ouvrira bientôt au public* – музей скоро откроется для посещений³. В русском языке в этом контексте встречается возвратная форма.

² Dictionnaire Larousse en ligne. Режим доступа: www.larousse.fr (дата обращения: 30.07.2020).

³ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

В связи с этой особенностью мы решили предложить в тесте по два варианта изображений для каждого из вышеупомянутых глаголов. В первом случае изображен магазин (рис.1, 19, 20), во втором случае – коробка (рис.1, 21, 22). Для русского языка в обоих случаях употребимы возвратные глаголы **открыться** / **закраться**: *коробка открывается / закрывается – магазин открывается / закрывается*. Что касается французского языка, то здесь могут быть варианты. В случае с коробкой возможен только возвратный глагол **s'ouvrir – se fermer**: *la boîte s'ouvre / se ferme*. В случае с магазином возможно употребление невозвратного непереходного глагола **ouvrir / fermer**: *le magasin ouvre / ferme*.

Отметим, что вместо глагола могут быть использованы краткое причастие (в русском языке) – *открыт / закрыт* или же пассивный залог (во французском языке) – *être ouvert / fermé*.

Таким образом, эти глаголы создают потенциальную трудность для билингва, поскольку здесь возможно не только интерференционное влияние русского языка, но и имеют место внутриязыковые сложности. В частности, мы выдвигаем гипотезу употребления билингвами глаголов *s'ouvrir / se fermer* вместо нетранзитивных невозвратных *ouvrir / fermer* в контексте с магазином под влиянием русского языка.

Испытуемые

В нашем исследовании приняли участие естественные билингвы, говорящие на русском и французском языках, посещающие занятия по русскому языку раз в неделю в школе «Апрелик» в г. Бордо (Франция). Билингвы ходят на занятия в трех группах. Группы сформированы отчасти

в соответствии с возрастом детей, но в большей степени в зависимости от их уровня освоения программы русского языка. Самая младшая группа «Букварята», в ней учатся 5 девочек в возрасте от 6 до 8 лет 10 месяцев. Средняя группа «Первый класс» самая малочисленная – 4 ребенка (2 девочки, 2 мальчика) в возрасте от 7 до 8,5 лет. Третья группа «Старшие» самая наполненная – 8 детей (4 девочки, 4 мальчика) от 10 лет 10 месяцев до 13 лет 2 месяцев.

Все респонденты являются т. н. естественными билингвами с более или менее доминирующим билингвизмом. У нескольких испытуемых сбалансированное двуязычие. Занятия в школе поддерживают владение русским языком.

Исследование проводилось индивидуально с каждым респондентом последовательно на русском и французском языках. Испытуемые могли выбирать язык, на котором хотели начинать испытание (русский или французский соответственно). Большинство респондентов предпочли отвечать сначала на французском языке. Вопрос экспериментатора звучал максимально нейтрально: *Что ты видишь на этой картинке? / Qu'est-ce que tu vois sur cette image?* Картинки с 1 по 20 были показаны единым изображением; картинки 21 и 22 были показаны отдельно.

Для того чтобы составить лингвистический портрет детей, принявших участие в исследовании, родителям была предложена специальная анкета. Среди детей был проведен небольшой опрос. Он показывает, как сами дети оценивают свои знания русского и французского языков.

Ниже представлено анкетирование в классе «Букварята» (табл. 2). Такие же данные были собраны и для других классов.

Табл. 2. Анкетирование класса «Букварята»

Tab. 2. Questionnaire survey for the Bukvariata class

Имя ребенка	Ст.	А.	К.	Кл.	С.
Возраст	8 лет 10 месяцев	7 лет 7 месяцев	8 лет 3 месяца	6 лет 3 месяца	8 лет
Пол	женский	женский	женский	женский	женский
Количество детей в семье	2	2	2	2	2
Ребенок в семье по очередности	второй	второй	второй	второй	второй
Место рождения	Франция	Франция	Франция	Франция	Бордо
Основная страна пребывания	Франция	Франция	Франция	Франция	Франция
Проживание в других странах, продолжительность	–	–	–	–	Минск (Беларусь), каждый год 5 недель
Считаете ли Вы важным поддерживать многоязычие у ребенка?	+	+	+	+	+

Имя ребенка	Ст.	А.	К.	Кл.	С.
Языки, на кото- рых говорят в семье	• мама – РЯ (род-ной), ФЯ; • папа – ФЯ; • бабушка (м) – РЯ; • бабушка (п) – ФЯ; • дедушка (п) – ФЯ; • старший брат (20 лет) – РЯ, ФЯ	• мама – РЯ (род-ной), ФЯ; • папа – ФЯ; • бабушка и дедуш-ка (м) – РЯ; • бабушка и дедуш-ка (п) – ФЯ; • старший ребен-ок (10 лет) – ФЯ, РЯ (с мамой, бабушкой и дедуш-кой (м))	• мама – РЯ (род-ной), ФЯ; • папа – РЯ (род-ной), ФЯ	• мама – РЯ, ФЯ (билингв); • папа – ФЯ; • бабушка (м) – РЯ (родной), ФЯ; • дедушка (м) – ФЯ; • бабушка и дедуш-ка (п) – ФЯ	• мама – РЯ (род-ной), ФЯ; • бабушка (м) – РЯ; • бабушка и дедуш-ка (п) – ФЯ; • старший брат – ФЯ, РЯ
Члены семьи, постоянно проживающие с ребенком	мама, папа, стар-ший брат	мама, папа, стар-ший ребенок	мама, папа	мама (билингв), старший брат	мама, старший брат
Язык общения с ребенком	• РЯ (мама); • ФЯ (папа и брат); • ФЯ – общий	• РЯ (с мамой, бабушкой и дедуш-кой (м)); • ФЯ – общий	• ФЯ и РЯ (оба родителя)	• РЯ (мама); • ФЯ (брат)	• ФЯ
Языки занятий в школе	ФЯ	ФЯ	ФЯ, АЯ	ФЯ	ФЯ
Языки дополни- тельных занятий (искусство, спорт, музыка)	ФЯ	ФЯ, РЯ, АЯ (1 час в неделю)	ФЯ, РЯ, АЯ	АЯ	РЯ, ФЯ
Языки чтения (можно также указать любимые книги)	ФЯ	РЯ, ФЯ	ФЯ, РЯ, АЯ	ФЯ, РЯ	ФЯ
Языки мультфиль- мов, фильмов, телепередач	ФЯ	РЯ, ФЯ	ФЯ, РЯ, АЯ	РЯ	РЯ, ФЯ
Языки спектаклей	ФЯ	ФЯ	ФЯ, РЯ, АЯ	ФЯ	ФЯ
Языки общения с друзьями	ФЯ	• РЯ, ФЯ; • няня – РЯ	ФЯ, РЯ, АЯ	ФЯ	ФЯ
Когда ребенок начал говорить?	1,5 года	1,5 года	2 года	2 года	1,5 года
Какими были первые слова? На каком языке?	на ФЯ	• [муси] (ФЯ); • папа (РЯ)	на ФЯ	на ФЯ и РЯ	мама (ФЯ)
В каком воз- расте появился второй язык в окружении ребенка?	с рождения	с рождения	в 4 года	с рождения	с рождения
В каком возрасте ребенок заговори- л на втором языке? На других языках?	в 3 года	в 2 года	в 5 лет	в 2 года	мне кажется, она еще не «гово-рит» по-русски
Когда примерно ребенок стал раз- делять языки?	в 3 года	в 5 лет (с мамой и братом по-русски, с папой – по-фран-цузски)	в 5 лет	в 2 года (никогда не путала)	–

Имя ребенка	Ст.	А.	К.	Кл.	С.
Как долго были смешанные высказывания? Можете ли вы привести примеры таких высказываний?	ребенок многое понимает по-русски, но разговаривает по-русски только в России, здесь почти не говорит	–	5 лет	начало слов по-русски, окончание – по-французски, пример: соченьки (от гл. <i>sauter</i> – прыгалки)	–
Возникали ли трудности в общении на каком-либо из языков? Понадобилась ли помощь логопеда?	нет, но трудности в произношении звуков [ч], [ш], [щ] и различении мягких и твердых согласных	- словарный запас на русском; - да, ставили звуки [p], [ʌ]	нет	–	трудно говорить по-русски
Оцените владение каждым из языков ребенком по 10-балльной шкале (от 1 до 10)	- ФЯ – 10; - РЯ – 3	- ФЯ – 6; - РЯ – 6	- ФЯ – 9; - РЯ – 5	- ФЯ – 10; - РЯ – 7	- ФЯ – 9; - РЯ – 3
На Ваш взгляд, отдает ли ребенок предпочтение какому-либо из языков?	ФЯ	Периодами. После посещения России – русский преобладает	ФЯ	РЯ	ФЯ
Можете ли Вы привести примеры особенностей в русском и французском языках, встречающихся в речи Вашего ребенка?	ребенок не любит русские книги, поскольку не понимает общий смысл	- французско-русские слова (бейбик); - то, что не знает, заменяет на «эта штучка»; - все время использует «свой» (свои игрушки)	–	строит фразы на французский манер (иди там, я буду идти)	–
Хотелось ли бы Вам что-то изменить / улучшить в языковом развитии Вашего ребенка?	да, больше говорить по-русски, многие слова не знает, что означают	увеличить словарный запас	улучшить РЯ	хотелось бы, чтобы дети больше говорили на РЯ	да, упор на РЯ, на построение фраз и обогащение словарного запаса
Самостоятельная оценка детей уровня владения языком по шкале от 0 до 10					
РЯ	6	10	7	10	9
ФЯ	10	10	10	10	10
Другие языки	6 (АЯ)	10 (ИЯ); 10 (АЯ)	3 (АЯ)	–	7 (ИЯ)

Прим.: ФЯ – французский язык; РЯ – русский язык; АЯ – английский язык; ИЯ – испанский язык; м – по линии мамы; п – по линии папы.

Анализ ошибок в речи русско-французских детей-билингвов

В настоящее время тема речевых отклонений в речи детей-билингвов редко находит освещение в специальной литературе. Наше исследование призвано внести вклад в заполнение этой лакуны. Нам кажется важным

рассмотреть и проанализировать этот отрицательный материал. Отклонения от нормы у монолингвальных детей исследуются многими научными школами во всем мире. В России вопросами детской речи, и в том числе отклонениями от нормы, занимается лаборатория детской речи под руководством С. Н. Цейтлин. В монографии

О. В. Кукушкиной содержится анализ речевых неудач в письменных работах абитуриентов [15]. В отличие от ошибок в сфере искусственного билингвизма, которому посвящен ряд исследований [16–18], в нашей работе внимание сфокусировано на вопросах естественного билингвизма. Анализ грамматических ошибок в речи естественных детей-билингвов был проведен в работе [19] на материале немецкого и русского языков, однако нам не известны прецеденты исследований по детскому русско-французскому билингвизму.

Под речевой ошибкой мы вслед за С. Н. Цейтлиным понимаем «нарушение языковых норм» [20, с. 13]. Мы отдельно рассмотрим внутриязыковые и межъязыковые ошибки в русском и французском языках, а также переключения кода и эллиптические фразы.

Русский язык: внутриязыковые ошибки

Прежде всего, приведем отклонения от нормы в русском языке, не вызванные интерференцией. Ниже представим диаграмму, отображающую количество грамматических ошибок, встретившихся в разных частях речи (рис. 2).

Среди отклонений, допущенных в русском языке, наиболее частотными в речи испытуемых во всех трех классах были ошибки в падеже существительных. Ошибки такого типа встретились у 9 детей из 17. Всего было допущено 16 ошибочных употреблений падежа имен существительных.

Рис. 2. Неинтерференционные внутриязыковые грамматические ошибки в русском языке, %

Pic. 2. Noninterference intralingual grammatical errors in Russian, %

В исследовании Н. В. Гагариной также большинство из выявленных ошибок – ошибки в падеже существительных: "The most morphological errors are registered in the domain of noun morphology: 65 instances in the whole corpora; 39 of them – which constitute 60 % – are case errors" [19, с. 154].

Г. Н. Чиршева, анализируя дискурс англо-русских детей-билингвов, утверждает, что «ошибки в использовании падежных форм объясняются не влиянием английского языка, в котором категория падежа практически отсутствует, а характерной особенностью усвоения этой категории

и субстантивных синтаксис русскими детьми» [7, с. 273]. С этим положением трудно не согласиться. Действительно, ошибка в падеже существительных не может быть интерференционной и в нашем случае, поскольку во французском языке категория падежа отсутствует, как и в английском.

Предлоги представляют трудность для большинства испытуемых, что подтверждается наличием ошибок такого типа у 6 испытуемых в нашем исследовании. Представляется вероятным, что эти две ошибки взаимосвязаны.

Следует, однако, отдельно затронуть вопрос о возрастных рамках, характерных для этого типа ошибок. Дети-монолингвы осваивают категорию падежа к трем годам [7, с. 273]. У детей-билингвов эта категория усваивается чуть позже: "Case oppositions are rather seldom and they develop later than in monolingual children" [19, с. 149]. Г. Н. Чиршева отмечает, что после трех лет «ребенок начинает использовать флексии различных падежей в соответствии с нормой русского языка» [7, с. 273].

Мы не можем согласиться с тем, что категория падежа полностью усваивается билингвами к трем годам. Возраст испытуемых в нашем исследовании существенно превышает три года, и при этом ошибки в падежных окончаниях существительных по-прежнему остаются самыми частотными.

Ошибок на родовую принадлежность имен существительных мы не встретили, однако было два случая ошибочного употребления числа. Оба примера встретились в старшей группе. Один пример (комментарий к картинке 21) скорее относится к категории оговорок, поскольку была сделана автокоррекция: *я вижу открытый какой-то коробки... коробку*. Второй пример (комментарий к картинке 15) являет собой пример ошибки: *он говорит с птицами*. Испытуемая употребляет множественное число существительного *птицы*, в то время как на картинке изображен только один цыпленок. Здесь возможны два объяснения. Прежде всего, вероятно, проблема кроется в неуверенном владении падежными окончаниями существительных. Допускаем, что множественное число в данном случае было результатом обобщения трех идущих подряд картинок (14–16) с изображением дополнительного персонажа (цыпленка).

В нашем материале встретились ошибки и в других частях речи. Так, у четырех респондентов из разных групп было допущено по одной ошибке в образовании наречия. Наречия были необходимы как возможный аналог глаголам *спускаться / подниматься* при описании действия, изображенного на картинках 17 и 18: *потом он внизу идет* (18⁴) – ср.: *потом он вниз идет; это кот, он пошел внизу* (18) – ср.: *это кот, он пошел вниз; кошка идет наверх* (17) – ср.: *кошка идет наверх; он... потом он... идет ну... на... э... низ* (18) – ср.: *потом он идет вниз*. Как мы видим, большинство ошибок связано с наречием *вниз* (три случая из четырех).

Отклонения, связанные с употреблением глаголов, встретились в каждой группе. Эти ошибки касаются двух аспектов: спряжение глагола по неверному типу

⁴ В скобках возле примеров указаны номера картинок, к которым они приводились.

или же некорректный выбор лица. Ошибочный выбор спряжения глагола встретился у трех респонденток: две девочки ошиблись единично и одна дважды. Пример: *он **мьет** тарелки* (2). Объяснение: глагол *мыть*, тип спряжения по словарю А. Зализняка – 12а⁵. Выбран неверный тип спряжения без чередования гласной. Может относиться к разряду ошибок, устраняющих факты, чуждые языковой системе (по классификации С. Н. Цейтлин). Такая ошибка характерна для детской речи.

С этим же глаголом, но в возвратной его форме, такую же ошибку допустила другая респондентка: *он **мьется*** (2).

Встретились ошибки такого типа с другими глаголами: *Потом они **целоваются*** (16). Глагол *целоваться*, тип спряжения по словарю А. Зализняка – 2а. Выбран неверный тип спряжения (по типу *кувыркаться* – 1а).

Встретилась видовременная ошибка: *он **расчесается*** (4). В этом случае настоящее время образовано от основы совершенного вида.

Ошибки в лице глагола (несогласование приглагольного местоимения и глагола) допустили в речи четверо испытуемых по одному разу. В двух случаях трудности возникли с глаголом *идти* и личным местоимением третьего лица единственного числа: *Он **идем** в парк* (5) – ср.: *он **идет** в парк*; *Он **иди** наверх... наверху* (17) – ср.: *он **идет** наверх*. В одном случае испытуемая колебалась в выборе местоимения, что, возможно, и повлекло за собой неверный выбор лица глагола: *он... они **спит*** (16).

Один из респондентов сделал самокоррекцию на неправильный вариант: *Это кот, который его любил... **любишь*** (16) – ср.: *который его **любит***.

Отдельно остановимся на употреблении глаголов в начальной форме с личным местоимением. Всего встретилось два таких случая в разных группах: *он **сделать** прическу* (4) – ср.: *он **сделал** прическу*; *он **смотреть** птица* (14) – ср.: *он **смотрел** (на) птицу*.

Это очень интересное явление. В статье Н. В. Гагариной [21] рассматривается категория инфинитива в детской речи. Речь идет о т. н. опциональных (корневых) инфинитивах, т. е. употреблении «инфинитивных форм в контекстах, недопустимых в нормативном языке, например, *Киска пить* (Вместо *Киска пьет*)» [21, с. 94]. При этом отмечается, что к трем годам в речи монолингвальных детей эти конструкции исчезают: «Три года являются краеугольным камнем в развитии грамматических категорий родного языка, так как считается, что к этому возрасту дети, усваивающие родной язык, в целом овладевают базовыми грамматическими правилами» [21, с. 96].

Местоимения вызвали трудности у испытуемых в разных группах. Как и с именем существительным, несколько ошибок было допущено в категории падежа. Однако в отличие от существительных ошибок в падежах местоимений было существенно меньше: *Он **любит** другая* (10);

*Он **хорошо*** (11) – ср.: *ему **хорошо***; *Он **себя** сказал* (13) – ср.: *себе **сказал***.

У одной респондентки встретились употребления притяжательных местоимений вместо местоимения с предлогом: *Его **есть** идея* (13) – ср.: *у **него***; *Цыпленок **его** поговорил* (15) – ср.: *с **ним***.

Встретилось избыточное употребление местоимения: *это кот, который он **играет*** (5) – ср.: *это кот, который **игр**ает*. Этот случай, на наш взгляд, скорее относится к оговоркам.

Одна ошибка касается рода местоимения: *Кот стал другом с **ней*** (16). В данном случае имеется в виду цыпленок – слово мужского рода.

Интересно отметить случай употребления возвратного местоимения *себя* с глаголом *расчесывать*: *кошка, которая **себя** расчесывает* (4).

Теперь представим примеры неинтерференционных лексических ошибок. Неверный выбор слова: *Потом он как это... **выбегает** от шляпы* (6) – ср.: *убегает / выпрыгивает из шляпы*; *он **выходит** из шляпы* (9) – ср.: *он **выпрыгивает** из шляпы*; *вот этот он **от шляпы** **васкакнул**...* ну, он был в шляпе (9) – ср.: *вот он **из** шляпы **выскочил***; *он **больной*** (6) – ср.: *ему **больно***. Детское словотворчество: *это кот **свое** **девочка-кот*** (10). Видоизменение слов нормативного языка: *кот, он **идет**... ну, это не **верхница**!* Кот, который хочет по **верхница**, как это... как это сказать! (17) – ср.: *лестница*.

Русский язык: межъязыковые ошибки

Межъязыковые ошибки в основном были совершены на лексическом уровне. Обилие лексических ошибок указывает на недостаточную компетенцию в русском языке. Исследование [22] показало тесную связь между уровнем развития лексического и грамматического уровней у детей-билингвов: для начала формирования грамматики необходим определенный уровень освоенной лексики. Согласно результатам нашей работы, эта связь характерна не только для совсем маленьких детей, но прослеживается и в более старшем возрасте. Так, респонденты с хорошим словарным запасом, как правило, не испытывали трудностей с грамматикой. И наоборот, испытуемые с небольшим словарным запасом допускали большее количество отклонений на уровне грамматики и синтаксиса.

Возвратные глаголы испытали на себе интерференционное влияние русского языка, но таких случаев зафиксировано всего четыре: три в группе «Старшие» и один в группе «Букварята»: *это кот... **встается** утром* (1) – cf.: *il se lève le matin*; *расчесывается хвост* (4) – cf.: *il se peigne la queue*; *кот **расчесывается** себе хвост* (4) – cf.: *il se peigne la queue*; *они **любят*** (14) – cf.: *ils s'aiment*.

Во всех приведенных случаях произошла замена невозвратных русских глаголов на возвратные под влиянием французского языка. При этом форма *встается* по-русски невозможна в принципе. В то же время другие формы

⁵ Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1977. 800 с.

возможны, но с другим управлением или в другом контексте. Так, глагол *расчесываться* непереходный и соответственно не предполагает наличие дополнения. Кроме того, возвратная форма глагола не может соседствовать с возвратным местоимением, это избыточная конструкция. Что касается глагола *любить*, то согласно словарю В. И. Даля, он скорее применим к половой любви. На наш взгляд, испытываемая имела в виду глагол *любить*, но по аналогии с французским языком, в котором возможна взаимовозвратная форма, добавила маркер возвратности.

В основном ошибки, допущенные в употреблении местоимений, не были связаны с влиянием французского языка. Однако в речи одного из респондентов встретилось местоимение *свой* в значении «принадлежащий третьему лицу»: *это кот свое девочка-кот* (10) – ср.: *это кот и его кошка / это кот со своей подружкой-кошкой*. С большой долей вероятности, эта форма возникла под непосредственным влиянием межъязыковой интерференции.

У двух респондентов замечены случаи потребления местоимения *один* как аналога неопределенного артикля при существительном: *Один, который ест* (2) – cf.: *Un chat / l'un qui mange*; *Один зубы чистит* (3) – cf.: *Un chat / l'un qui*; *Одна коробка открыта* (21) – cf.: *Une boîte est ouverte*.

Ошибки в управлении глагола встретились в речи только одной испытуемой: *кошка, которая поднимается лестницу* (17) – cf.: *qui monte l'escalier*; *кошка, которая спускается лестницу* (18) – cf.: *qui descend l'escalier*.

Французский язык: внутриязыковые ошибки

Во французском языке наибольшее количество внутриязыковых ошибок допущено на число имени существительного (19). Все эти ошибки связаны со словом *escalier*. Это, безусловно, внутриязыковая ошибка, поскольку в русском языке, как и во французском, в словосочетаниях *подняться / спуститься по лестнице* слово *лестница* употребляется в единственном числе. Как выяснилось, эта ошибка характерна для современной французской разговорной речи: "Le plur. les escaliers est parfois employé, dans le lang. pop. ou fam. pour désigner la cage d'un escalier (Cf. Littré, repris par Rob. 1955)"⁶. В электронном словаре *Larousse* находим специальное уточнение касательно употребления этого слова во множественном числе в разговорном языке: "Dans la langue courante, en particulier à l'oral, on dit indifféremment l'escalier ou les escaliers pour désigner une suite unique de marches: monter les escaliers quatre à quatre; la concierge est dans les escaliers; descendre l'escalier. Dans l'expression soignée, en particulier à l'écrit, préférer dans ce sens escalier au singulier: descendre l'escalier quatre à quatre; la concierge est dans l'escalier"⁷.

Вероятнее всего, колебание в числе возникает вследствие того, что лестница обычно состоит из нескольких ступеней и нескольких пролетов. Частотность этой ошибки указывает на появление новой тенденции в языке.

В «Старшей» группе других ошибок не встретилось. В двух остальных группах встретились другие отклонения от языковой нормы, однако очень немногочисленные. Например, было замечено две ошибки в образовании форм глагола. Одна из учащих группы «Букварята» употребила глагол *apparaitre* в неоднозначной форме: *il y a un poussin qui apparu(t)* (14) – cf.: *qui apparut / qui est apparu*. Здесь возможны два варианта. Либо использовано время *passé simple*, не характерное для устной речи, либо было задумано использование *passé composé* и опущен вспомогательный глагол *être*, что кажется нам более вероятным. Поскольку опрос проходил в устной форме, мы не можем дать однозначную интерпретацию данного примера.

Другим примером ошибки такого типа стало некорректное спряжение глагола *s'ouvrir*: *La boîte s'ouvert* (21) – cf.: *s'ouvre*. Глагол относится к третьей группе французских глаголов, а значит, спрягается особым образом в настоящем времени. Можно предположить, что, как и в предыдущем примере, респондентом было задумано употребление *passé composé* с опущением вспомогательного глагола. Однако в данном случае конечный согласный [t] должен был быть произнесен по правилу согласования с подлежащим женского рода *la boîte*. На наш взгляд, более вероятно, что в данном случае мы имеем дело с ошибочным спряжением глагола в настоящем времени.

У одной испытуемой дважды встретились высказывания, содержащие нестандартный порядок слов: *il voit le magasin ouvert de poisson* (19) – cf.: *il voit le magasin de poisson ouvert*; *il voit le fermé* (20) – cf.: *il le voit fermé*.

Все прочие ошибки в этой категории носят единичный характер. К таким единичным ошибкам относятся отсутствие артикля: *il parle avec poussin* (15); атипичный выбор предлога: *il est allé chez un magasin* (19) – cf.: *il est allé au magasin*; неверный род имени существительного: *il trouve un femelle* и *ils font un bébé* (10) – cf.: *il trouve une femelle*.

Лексических внутриязыковых ошибок во французском языке допущено не было.

Французский язык: межъязыковые ошибки

Интерференционных ошибок во французском языке в целом немного. Среди ошибок такого типа самыми частотными являются ошибочные употребления предлогов: *Après il monte sur l'escalier* (17) – cf.: *monter l'escalier*; *Après il descend sur l'escalier* (18) – cf.: *descendre l'escalier*; *Monter par les escaliers* (17) – cf.: *monter l'escalier*; *Descendre par les*

⁶ Множественное число *les escaliers* (лестницы) иногда употребляется в просторечной или разговорной речи для обозначения лестничной клетки (Cf. Littré, repris par Rob. 1955); *Escalier* // Dictionnaire TLFI. Режим доступа: <https://www.cnrtl.fr/definition/escalier> (дата обращения: 30.07.2020).

⁷ В разговорном языке, особенно устном, слово *escalier* употребляется как в единственном, так и во множественном числе для обозначения нескольких ступеней: *подняться по лестницам через две ступеньки*, *консьерж на лестницах*, *спуститься по лестницам*. В более изысканной речи, особенно на письме, следует употреблять слово *escalier* в единственном числе: *спускаться по лестнице через две ступеньки*; *консьерж на лестнице*; *Escalier* // Dictionnaire Larousse en ligne. Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/escalier/30934> (дата обращения: 30.07.2020).

escaliers (18) – cf.: *descendre l'escalier*; *il va sur une rivière* (5) – cf.: *il va à la rivière*; *il descend de l'escalier* (18) – cf.: *il descend l'escalier*; *il descend des escaliers* (18) – cf.: *il descend l'escalier*; *il monte des escaliers* (17) – cf.: *il monte l'escalier*.

Замечена лишь одна ошибка, допущенная в употреблении возвратных глаголов: *он гуляет... ой, il promène* (5) – cf.: *il se promène*. На наш взгляд, эта ошибка обусловлена тем, что респондентка совершила переключение кода в начале фразы. Вероятно, такая перестройка на русский язык и послужила причиной интерференционной ошибки во французском возвратном глаголе.

Переключение кода; бессвязные, эллиптические предложения

Переключений кода существенно больше в русскоязычном блоке (11), тогда как во франкоязычном блоке их только 3 (по одному в каждой группе). Это свидетельствует в пользу того, что переключения кода часто могут быть связаны с недостаточной компетенцией на одном из языков, что вынуждает билингва переходить на другой, доминантный язык для выражения своих мыслей: *Потом après она elle trouve une chatte; elle a fait un enfant* (10); *Он есть bébé, ну... мальчик или девочка* (10); *Это ресторан poisson* рыбу (19).

В некоторых современных работах отмечается, что переключение кода не связано с уровнем языковой компетенции. Так, в [23] отмечается тесная связь речевого поведения родителей и детей. Авторы указывают на то, что чем больше родители используют в своей речи смешанных высказываний, тем больше двух-трехлетние дети прибегают к переключению кода. Кроме того, дети перенимают речевую манеру собеседника. В частности, в работе [24] отмечены факторы, влияющие на переключение кода у детей. М. Kail [25, р. 53–55] призывает не считать переключение кода у детей однозначным маркером недостаточной компетенции в одном из языков. Мы отчасти согласны с этим утверждением. Действительно, переход на язык **Б** внутри одной фразы не всегда означает низкую компетенцию в языке **А**. Теме переключения кода и факторов, влияющих на него, посвящена другая статья автора [26]. Однако в данном эксперименте, во-первых, участие принимали дети более старшего возраста. Во-вторых, обязательное условие эксперимента – придерживаться, по возможности, сначала одного выбранного языка, а затем переходить на другой. Кроме того, во франкоязычной части исследования переходов на русский язык было крайне мало.

Есть другие показатели, которые указывают на недостаточную компетенцию в русском языке у большинства информантов. Количество эллиптических предложений на русском языке выше, чем на французском: 4 против 1. Приведем несколько примеров такого типа: *И он... они... ну э... они хорошо* (15); *они подружка* (16) – ср.: *они подружились / у него подружка*; *Это картон э-э-э кто он закрыть и... а, я забыла как нужно* (21).

Реакция на стимульный материал: использование искомым лексических единиц

Наш эксперимент изначально задумывался как рассказ по картинкам, базирующийся на некоторых возвратных и невозвратных глаголах русского и французского языков. Поэтому нам, безусловно, важно проследить, какие именно глаголы были использованы информантами. Естественно, совершенно необязательно, чтобы респонденты употребляли именно те ответы, которые лежали в основе изображений. Встретились как абсолютные совпадения с искомыми глаголами, так и синонимичные глаголы или конструкции другого типа (пассивная форма, инфинитив). Кроме того, были употреблены односоставные предложения, состоящие исключительно из наречий или существительных.

Испытуемые не всегда употребляли тождественные по смыслу глаголы на разных языках: по-русски, например, мог быть употреблен глагол *просыпаться*, а по-французски – *se lever*. На наш взгляд, это говорит о том, что, с одной стороны, эти глаголы близки по смыслу (квазисинонимы), а с другой – комментируя на втором языке, ребенок, конечно, мог забыть свой первоначальный вариант или передумать.

Картинки, посвященные взаимовозвратным глаголам (14–16), следует рассмотреть отдельно. Взаимовозвратные глаголы были крайне непопулярны. Во франкоязычном блоке встретилось только два употребления взаимовозвратного глагола *s'aimer*: одно в группе «Букварята» и одно в группе «Первый класс». В группе «Старшие» такая форма не встретилась. Один раз в группе «Букварята» было употреблено выражение *ils se font bisous*, что также является взаимовозвратной конструкцией. Другие глаголы во взаимовозвратной форме употреблены не были.

В русскоязычном блоке не было ни одного случая употребления взаимного местоимения *друг друга*. Обычно действие исходит от главного персонажа: кот видит кого-то, говорит, заводит друга. Возможны два объяснения. Во-первых, кот – сквозной персонаж, соответственно, он – главное действующее лицо и все действия производятся им, в том числе в отношении нового персонажа. Во-вторых, специфика взаимовозвратных глаголов, возможно, по-русски сложнее сказать «они разговаривают друг с другом», чем «кот говорит с другом».

На материале нашего исследования можно сделать вывод, что употребление французских взаимовозвратных глаголов естественнее, нежели употребление русского глагола с взаимным местоимением. При этом большей популярностью пользуются невозвратные глаголы, подразумевающие действие, направленное от главного персонажа к второстепенному.

Французские глаголы в картинках 19–22 заслуживают отдельного внимания. Во французском языке не всегда прослеживается четкая закономерность употребления возвратной или невозвратной формы глаголов *s'ouvrir* – *ouvrir* и *fermer* – *se fermer*. Многое зависит от контекста употребления. Кроме того, мы предполагали, что помимо внутриязыковых

особенностей на эти глаголы мог оказать влияние русский язык. Полученные результаты, однако, показали следующее:

1. Респонденты чаще использовали другие конструкции: пассивный залог (*le magasin / la boîte est ouvert(e), le magasin / la boîte fermé(e)*); отглагольные прилагательные (*le magasin fermé, la boîte ouverte*); кто-то открывает коробку (*on ouvre une boîte*) или же просто указывали наличие объекта (*il y a un magasin*).

2. В комментариях к картинкам с коробкой тем не менее встретились безошибочные употребления искомым глаголов в активной форме: *une boîte qui s'ouvre – une boîte qui se ferme*.

3. В то же время для картинок с магазином использовали другие конструкции, избегая предложений типа *le magasin (s') ouvre*.

Последний пункт может быть осмыслен двояко. С одной стороны, это может быть связано с изображением самого действия: на картинках с коробкой есть стрелочка, подразумевающая действие, тогда как картинки с магазином больше подразумевают описание состояния. С другой стороны, полученные данные косвенно свидетельствуют, что, вероятно, есть некая двусмысленность употребления глаголов *ouvrir – fermer* с существительным *magasin*, вследствие которой респонденты стараются выбирать другие конструкции. Во французском языке возможно употребление возвратного глагола с этим существительным, но смысл будет другой: *Un nouveau magasin s'ouvre/se ferme – открывается / закрывается* новый магазин. В контексте «магазин открыт» следует употребить невозвратную форму: *Le magasin ouvre / ferme*. Мы предполагаем, что внутриязыковая сложность могла стать причиной замены активной глагольной формы на другие конструкции в речи респондентов.

Что касается русских глаголов *открыться – закрыться*, здесь нет таких проблем, как во французском языке. Трудность могла возникнуть с видом глагола, с формообразованием, возможно, с интерференцией. В целом испытуемые справились с комментариями к картинкам, посвященным этим глаголам. Возникли следующие трудности:

1. Поиск нужного по смыслу глагола. Это послужило причиной эллиптических предложений (*Потом она пошла где рыбу*) и пропусков ответа.

2. Форма глагола, например: *Потом солнышко ест, магазин откроеет*.

Были также использованы краткие прилагательные (*открыт, открыта*), наречие (*открыто, закрыто*), существительные (*день, ночь*) и другие конструкции, не содержащие информации о том, открыт объект или закрыт.

Литература

1. Федорова О. В. Психолингвистические исследования дискурса в полевой лингвистике // Социо- и психолингвистические исследования. 2016. № 4. С. 7–18.
2. Федорова О. В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 45 с.
3. De Hower A. Bilingual first language acquisition. Bristol: Multilingual matters, 2009. 432 p.
4. Grosjean F. Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues. Paris: Albin Michel, 2015. 240 p.
5. Lüdi G. L'enfant bilingue: chance ou surcharge? // Acta Romanica Basiliensia. 1986. № 8. P. 13–30.

Заключение

Во всех трех группах уровень владения французским языком выше, чем русским. Это следует из нескольких показателей. Прежде всего, при описании картинок на русском языке дети не всегда комментировали изображение (т. е. просто молчали или говорили «не знаю»), или же комментарий был бессвязный, неразвернутый. Кроме того, количество ошибочных или нестандартных высказываний в русской части опроса существенно больше, чем во французской. В нашем исследовании нашел подтверждение тезис о том, что уровень развития лексики очень тесно связан с уровнем развития грамматики. Частые переключения на сильный язык являются косвенным подтверждением недостаточной компетенции в слабом языке.

Что касается возвратных глаголов, в целом они в большинстве случаев были употреблены правильно. Интерференционное влияние французского языка на русский выражено сильнее, чем обратное явление. Интерференционное влияние русского языка на французский отмечено в случаях, во-первых, когда есть переключение кода (т. е. произошел непосредственный языковой контакт), во-вторых, это влияние характерно для тех респондентов, у которых уровень русского языка достаточно высокий.

Влияние франкоязычной среды приводит к тому, что у большинства респондентов французский язык является доминантным. В тех случаях, когда дома русский язык поддерживается общением с одним из родителей или всеми членами семьи, билингвизм детей выглядит более сбалансированным. По нашим наблюдениям, уровень языковой компетенции не зависит от гендерного фактора. Возраст респондентов и их разбивка на группы (согласно освоению программы школы русского языка) не отражается на уровне владения русским и французским языками. Наилучшие результаты показали те испытуемые, кто использует оба языка в повседневном общении с одинаковой интенсивностью.

В нашем исследовании приняли участие преимущественно дети-билингвы с доминирующим французским языком, соответственно, было бы интересно посмотреть, какие результаты будут получены, если респондентами будут дети с доминирующим русским языком. Материал исследования можно применить для других пар языков. Кроме того, можно проверить результаты исследования при участии большего числа респондентов.

6. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища шк., 1979. 260 с.
7. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012. 487 с.
8. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. Вып. 1: Универсальное и ареальное при обучении произношению. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 60 с.
9. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты: лингвистическая проблематика. Л.: Наука, 1972. 80 с.
10. Ахунзянов Э. М. Двужычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 187 с.
11. Карлинский А. Е. Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1980. 48 с.
12. Hasson N., Camilleri B., Jones C., Smith J., Dodd B. Discriminating disorder from difference using dynamic assessment with bilingual children // *Child language teaching and therapy*. 2013. Vol. 29. № 1. P. 57–75. DOI: 10.1177/0265659012459526
13. Danon-Boileau L. Les Troubles du langage chez l'enfant. Paris: PUF, 2018. 128 p.
14. De Hower A. Développement et évaluation globale du langage chez le jeune enfant plurilingue: le rôle central de l'environnement linguistique // *Le développement du langage chez le jeune enfant / coord. S. Kern. De Boeck Sup*, 2019. P. 123–148.
15. Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах. М.: Диалог-МГУ, 1998. 285 с.
16. Залевская А. А., Медведева И. А. Психолингвистические проблемы учебного двужычия. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. 194 с.
17. Черепанов И. Е. Некоторые аспекты усвоения и воспроизводства омонимичных лексем в ситуации русско-английского учебного билингвизма // *Вопросы психолингвистики*. 2015. № 26. С. 249–255.
18. Черничкина Е. К. К вопросу искусственного билингвизма // *Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал*. 2006. № 5. С. 60–67.
19. Gagarina N. V. Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: a case study // *Путь в язык: одностороннее и двустороннее / отв. ред. С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 137–163.*
20. Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение. М.: Либроком, 2017. 192 с.
21. Гагарина Н. В. Категория инфинитива в детской речи (на материале русского языка) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 59. С. 94–98.
22. Marchmann V. A., Martinez-Sussmann C., Dale P. S. The Language specific nature of grammatical development: evidence from bilingual language learners // *Development science*. 2004. Vol. 7. № 2. P. 212–224. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2004.00340.x
23. Comeau L., Genesee F., Laplante L. The modeling hypothesis and child bilingual codemixing // *International Journal of Bilingualism*. 2003. Vol. 7. № 2. P. 113–126. DOI: 10.1177/13670069030070020101
24. Lanza E. Language mixing in infant bilingualism: a sociolinguistic perspective. Oxford: Oxford university press, 2004. 407 p.
25. Kail M. L'acquisition de plusieurs langues. Paris: PUF, 2015. 128 p.
26. Бойкова С. Е. Проблемы переключения кода в условиях русско-французской детской билингвальной речи // *Русская словесность*. 2016. № 5. С. 23–28.

original article

Description of Pictures by Russian-French Bilingual Children: Lexical and Grammatical Analysis

Stella E. Boykova^a, @, ID^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ boykova_stella@rambler.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-5196-4414>

Received 06.08.2020. Accepted 25.09.2020.

Abstract: This paper provides an analysis of French and Russian discourse produced by different types of bilingual children. The respondents were asked to describe a set of pictures using Russian and French reflexive and reciprocal verbs, as well as their irreflexive analogues from the other language. The respondents were natural bilinguals that lived in France in Russian-French or Russian families. The research followed the long-existing tradition of bilingual discourse studies via picture description. The check set included twenty-two pictures that featured a cat performing different actions. The speech contained verbs that matched the predicted use, their synonyms, and even other verbal constructions, e.g. passive or infinitive verb forms. Furthermore, children used one-member sentences that consisted of nouns or adverbs. In all cases, the children demonstrated a more advanced level of the French language than that of Russian. This followed from several indicators: lack of Russian

comments, amount of incorrect or non-standard comments, and constant switching to French. French interference appeared more pronounced. As for reflexive verbs, the number of errors was insignificant both in Russian and French discourse.

Keywords: bilingualism, children's language, child bilingualism, interlingual interference, linguistic competence, bilingual errors, code switching

For citation: Boykova S. E. Description of Pictures by Russian-French Bilingual Children: Lexical and Grammatical Analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 789–801. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-789-801>

References

1. Fedorova O. V. Psycholinguistic studies of discourse in field linguistic. *Socio Psycho Linguistic Research*, 2016, (4): 7–16. (In Russ.)
2. Fedorova O. V. *Experimental analysis of discourse: theory and practice*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2013, 45. (In Russ.)
3. De Hower A. *Bilingual first language acquisition*. Bristol: Multilingual matters, 2009, 432.
4. Grosjean F. *Parler plusieurs langues: Le monde des bilingues*. Paris: Albin Michel, 2015, 240.
5. Lüdi G. L'enfant bilingue: chance ou surcharge? *Acta Romanica Basiliensia*, 1986, (8): 13–30.
6. Weinreich U. *Language contacts: State and problems of research*. Kiev: Vishcha shk., 1979, 260. (In Russ.)
7. Chirsheva G. N. *Childhood bilingualism: the simultaneous acquisition of two languages*. St. Petersburg: Zlatoust, 2012, 487. (In Russ.)
8. Vinogradov V. A. *Linguistic aspects of teaching languages. Iss. 1: Universal and areal in teaching pronunciation*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972, 60. (In Russ.)
9. Rozentsveig V. Iu. *Language contacts: linguistic problems*. Leningrad: Nauka, 1972, 80. (In Russ.)
10. Ahunzianov E. M. *Bilingualism and lexical and semantic interference*. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1978, 187. (In Russ.)
11. Karlinskii A. E. *Fundamentals of the theory of language interaction and the problem of interference*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Kiev, 1980, 48. (In Russ.)
12. Hasson N., Camilleri B., Jones C., Smith J., Dodd B. Discriminating disorder from difference using dynamic assessment with bilingual children. *Child language teaching and therapy*, 2013, 29(1): 57–75. DOI: 10.1177/0265659012459526
13. Danon-Boileau L. *Les Troubles du langage chez l'enfant*. Paris: PUF, 2018, 128.
14. De Hower A. Développement et évaluation globale du langage chez le jeune enfant plurilingue: le rôle central de l'environnement linguistique. *Le développement du langage chez le jeune enfant*, coord. Kern S. De Boeck Sup, 2019, 123–148.
15. Kukushkina O. V. *The main types of speech failures in Russian written texts*. Moscow: Dialog-MGU, 1998, 285. (In Russ.)
16. Zalevskaya A. A., Medvedeva I. L. *Psycholinguistic problems of educational bilingualism*. Tver: Tver. gos. un-t, 2002, 194. (In Russ.)
17. Cherepanov I. E. Some aspects of acquisition and reproduction of homonyms in Russian-English artificial bilingualism. *Voprosy psicholingvistiki*, 2015, (26): 249–255. (In Russ.)
18. Chernichkina E. K. On the issue of artificial bilingualism. *World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal*, 2006, (5): 60–67. (In Russ.)
19. Gagarina N. V. Acquisition and loss of L1 in a Russian-German bilingual child: a case study. *Monolingual and bilingual path to language*, eds. Tseitlin S. N., Eliseeva M. B. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2011, 137–163.
20. Tseitlin S. N. *Speech errors and their warning*. Moscow: Librokom, 2017, 192. (In Russ.)
21. Gagarina N. V. Infinitive category in children's speech (by the material of the Russian language). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 2008, (59): 94–98. (In Russ.)
22. Marchmann V. A., Martinez-Sussmann C., Dale P. S. The Language specific nature of grammatical development: evidence from bilingual language learners. *Development science*, 2004, 7(2): 212–224. DOI: 10.1111/j.1467-7687.2004.00340.x
23. Comeau L., Genesee F., Laplquette L. The modeling hypothesis and child bilingual codemixing. *International Journal of Bilingualism*, 2003, 7(2): 113–126. DOI: 10.1177/13670069030070020101
24. Lanza E. *Language mixing in infant bilingualism: a sociolinguistic perspective*. Oxford: Oxford university press, 2004, 407.
25. Kail M. *L'acquisition de plusieurs langues*. Paris: PUF, 2015, 128.
26. Boykova S. E. The problem of code-switching in conditions of the Russian-French bilingual children's speech. *Russkaia slovesnost*, 2016, (5): 23–28. (In Russ.)

Прецедентные феномены как репрезентанты поступков

Людмила А. Бушуева^{a, @, ID}

^a Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород

@ sebeleva@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Поступила в редакцию 24.03.2020. Принята к печати 01.06.2020.

Аннотация: Статья посвящена когнитивно-семиотической сущности прецедентных феноменов как маркеров интертекстуальности. Показано, что прецедентные феномены, а именно прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты, благодаря характерной для них символической функции, являются одним из распространенных способов непрямого наименования в дискурсе и могут выступать репрезентантами концептов поступков. Поступок рассматривается как контролируемое действие, совершаемое агентом, получающее внешнюю оценку и ведущее к какому-либо результату. Наблюдение за функционированием прецедентных феноменов в корпусных контекстах русского языка выявило высокий когнитивно-систематизирующий потенциал прецедентных феноменов, служащих ключом к верной интерпретации описываемых поступков. Исследование показало, что поступки могут быть репрезентированы разными видами прецедентных феноменов. Выявлено, что наиболее популярным способом обозначения поступков является использование прецедентных высказываний. Прецедентные высказывания обладают способностью актуализировать широкий спектр поступков в усеченном виде. Сделан вывод, что некоторые прецедентные феномены служат для актуализации определенных поступков, например отрицательно оцениваемых поступков (мошенничество, предательство, обман), при этом некоторые могут обозначать разные поступки, в том числе поступки, противоположные по оценке (геройство / преступление).

Ключевые слова: прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентное высказывание, концепт поступка, дискурс

Для цитирования: Бушуева Л. А. Прецедентные феномены как репрезентанты поступков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 802–810. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-802-810>

Введение

Понятие *поступок* является актуальным и значимым для современной русской картины мира. Поступок – «всякое дельное дело или действие человека; подвиг, деяние, исполнение чего-либо»¹; «поступок – действие человека, совершенное им в какой-либо момент и с какой-либо целью (иногда поведение по отношению к кому-либо); решительное, активное действие в сложных обстоятельствах»²; «поступок – может быть отмечен положительно или отрицательно: героический поступок – подвиг, безнравственный поступок – проступок, преступление. Во всех случаях человек выступает как личность, проявляя свою сущность в действиях» [1, с. 70]. В данном исследовании под поступком понимается контролируемое действие, совершаемое агентом, имеющее какие-либо последствия и получающее внешнюю оценку (подробнее о поступке см. [2; 3]).

Значимость поступка для русской культуры подтверждаются и многочисленные исследования. М. М. Бахтин говорит о мире человеческого действия, называя его «миром события», «миром поступка»: «вся жизнь в целом может быть рассмотрена как некоторый сложный поступок»

[4, с. 83]. Д. А. Леонтьев рассматривает поступок как действие над порогом ситуативной необходимости и выделяет, в частности, такую характеристику поступка, как осознанность [5]. С. Ю. Головин отмечает, что для поступка важен нравственный смысл действия, при этом «само действие следует рассматривать как способ осуществления поступка в конкретной ситуации» [6, с. 335]. А. М. Максимов, описывая поступок, использует метафору подъема на гору, взойдя на которую, человек может обозреть прошлый и будущий путь и вступить на новую дорогу, и подчеркивает, что поступок – «это любое действие, которое не вписывается в привычную жизнь и требует от человека, помимо временных, каких-либо еще затрат» [7, с. 133].

Как видно из определений поступка, предложенных разными исследователями, поступок неразрывно связан с действием. На такую связь указывают и словарные определения, в составе которых нередко элементы *действие* и *поступок* помещаются в один ряд. Однако важно разделять эти понятия. На разницу между поступком и действием указывают и типичные сочетаемостные характеристики лексемы *поступок* и единиц, обозначающих поступки. Ср.: *решиться на +*

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во Эксмо, 2002. С. 514.

² Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. А. Г. Бабенко. М.: АСТ-Пресс, 2005. С. 752.

поступок / предательство / подлость / обман; идти на поступок / обман / подлость. Подобные сочетания актуализируют значимость и оцениваемость, осознанность и целенаправленность соответствующих действий: «решиться – обдумав все за и против, преодолев боязнь ошибиться, убедить себя в целесообразности какого-либо действия, поступка»³; «идти на что-либо – соглашаться, решаться на какое-либо рискованное, трудное, неприятное и т. п. действие, проявлять готовность к осуществлению такого действия»⁴.

Справедливым представляется разделение действий человека на действия-операции и действия-поступки. О. Н. Околелова, в частности, определяет действия-операции как действия в их внешнем проявлении безотносительно к их значению; действия-поступки – мотивированные, сознательные, социально значимые действия. Действие, как отмечает О. Н. Околелова, – это лишь носитель поступка, его «внешняя оболочка», в то время как его сущностью является нравственное содержание и смысл [8, с. 119].

Поступки могут обозначаться разными способами: с помощью имен существительных (*предательство, злодеяние, мошенничество, проделка*), глаголов (*предать, обмануть, геройствовать*), словосочетаний (*доброе дело, устроить скандал, решиться на побег*). Ср.: *О подвигах матросов уже знали в Неаполе, и Неаполь встретил русских восторженными рукоплесканиями* (Никонов А. Геройская «слава», памятная и незабываемая // Знание – сила. 2009); *Это бабам изменяют, а машинам – никогда* (Федоров А. Старик и Волги // Автопилот. 2002); *Иногда вдруг решил быть демократичным или милостиво сделать доброе дело, чем удивлял всех* (Давыдов В. Театр моей мечты, 2014).

Поступок может быть представлен описательно или не получать эксплицитного выражения, при этом на него указывают отдельные элементы высказывания, например: *Я уже давно жалею, что пошла с тобой сюда... Я, конечно, готова петь песни безумству храбрых, но именно песни, не более того...* (Баконина М. Школа двойников, 2000). Действие участника ситуации, обозначенное как *пошла с тобой сюда*, безотносительно к его оценке является простым действием, при этом оценочное суждение *я уже давно жалею*, а также упоминание храбрости «переносит» данное действие в сферу поступков. Оценка может и не находить выражения в высказывании, и читателю предоставляется возможность самостоятельно оценивать данное действие и на основании этой оценки определять его в категорию положительных или отрицательных поступков. Например: *Борис Абрамович и соучастники собрали деньги на «народный автомобиль».* *Ни денег, ни автомобиля больше никто не видел* (Путь в олигархи. Скандальные миллиарды // АиФ. 2004). В приведенном контексте собраны нейтральные, не оценочные номинации компонентов данного события. Оценка вынесена за рамки повествования, тем не менее читатель понимает

истинный смысл высказывания: деньги были украдены, и речь идет о мошенничестве.

Поступок – это феномен, имеющий концептуальную природу. Ценностное отношение носителей русского языка к поступку не вызывает сомнения. Разные поступки являются предметами переживания, обсуждения, оценки, имеют культурные и эмоциональные наслоения. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт может быть представлен в языке и речи прецедентным феноменом, который является одним из «конвенциональных способов объективаций знаний» [9, с. 10].

Прецедентный феномен представляет собой культурозависимый результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена [10, с. 225], является «целостной единицей коммуникации, объективизирующейся в речи через апелляцию к прошлому явлению действительности, и обладает ценностной значимостью как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего лингвокультурного сообщества в целом» [11, с. 34]. Прецедентные феномены актуальны в когнитивном плане, они функционально открыты для передачи ценностных установок и являются важными элементами концептуальной картины мира [12; 13].

По мнению исследователей, рассматривающих прецедентные феномены с позиций когнитивного подхода, успех функционирования прецедентов в речи зависит от их способности выступать неким эталоном, «меркой» для определенного явления действительности. Подчеркивается, что носители языка могут прибегать к коллективной памяти, находя там определенные тексты, имена, ситуации, схожие с явлениями настоящей действительности и, следовательно, способные их описывать [14, с. 107]. Таким образом, в самом широком смысле прецедентный феномен есть шаблон, который используют носители языка для описания ситуаций действительности [15, с. 48]. Данная идея, с нашей точки зрения, тесным образом связана с понятием стереотипности языкового поведения, тенденции людей не придумывать что-либо новое, но использовать уже готовые обороты и клише.

Цель данного исследования – рассмотреть прецедентные феномены с точки зрения их способности актуализировать концепты поступков.

Методы и материалы. На материале художественных и публицистических текстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ)⁵, публицистических текстов поисковой системы Яндекс были рассмотрены особенности функционирования 35 прецедентных феноменов (прецедентные имена, прецедентные тексты, прецедентные высказывания), которые репрезентируют поступки. Для анализа отобранного материала применялись контекстуальный и концептуальный анализ.

³ Большой универсальный словарь русского языка / под. ред. В. В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. С. 1018.

⁴ Там же. С. 371.

⁵ НКРЯ. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.03.2020).

Прецедентное имя

Одним из способов репрезентации ситуации поступка является апелляция к прецедентному имени. Прецедентное имя, по определению В. В. Красных, – это обладающий фиксированной языковой формой (изначально именем собственным), являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального лица-персонажа (исторического – Моцарт, литературного – Обломов), уникальной ситуации, уникального места (Эльдорадо), уникального животного (героя произведения – Винни-Пух, известного из истории – Буцифал) [10, с. 276]. Прецедентное имя используется для характеристики какого-либо живого существа по внешности, возрасту, способностям, роду деятельности, а также действиям или поведению. Например, Робин Гуд, популярный герой средневековых английских баллад, благородный разбойник, который грабил богатых и отдавал добытое бедным, выступает в русской культуре как символ смелости и благородства. В речи прецедентное имя *Робин Гуд* обозначает человека, поступки которого, по сути являющиеся противоправными, направлены на благо тех, кто нуждается в помощи: *Оклемався, Робин Гуд? Борец за права некоренного населения. Нашел, с кем воевать!* (Прошкин Е. Механика вечности, 2001); *Так звали чеченского абрека, прославившегося в XIX веке тем, что он в одиночку вел войну с царскими войсками уже после покорения Чечни, грабил почтовые кареты и раздавал награбленное бедным соплеменникам. Такой чеченский Робин Гуд* (Садуаев Г. Когда проснулись танки, 2010).

Для прецедентных имен особую роль играет культурный фон, структурированный культурными моделями, которые предполагают сведение сложных знаний к ограниченному количеству элементов, значимых в контексте определенной культуры и определенного вида деятельности. Прецедентные имена и прецедентные высказывания служат символом, репрезентирующим некое культурно значимое качество, класс событий или группу людей [16; 17, с. 148]. Под символом в данном случае понимается известный термин, имя или изображение, которые обладают специфическим добавочным значением, большим, чем их непосредственный смысл. Символ представляет собой то, что больше знака, нечто, отличающееся глубиной содержания. Поскольку прецедентные феномены отражают явления культуры, символ связан с культурно значимой информацией и представляет собой способ кодирования значимой для представителей лингвокультурного сообщества информации. Функционирование прецедентных имен иллюстрирует действие процесса распределения внимания и его де- / фокусировки, обнаруживая при этом некоторые национально-культурные особенности оценки и восприятия прецедентных имен [18].

Ядро инварианта восприятия прецедентного имени представляет собой набор дифференциальных признаков, обращение к которым происходит при использовании

прецедентного имени в коммуникации. Для адресата сообщения в этом случае значение прецедентного имени будет понятно без дополнительного комментария, оно становится символом и выражает больше информации, чем непосредственное значение знака [19].

В качестве имен-символов могут выступать следующие прецедентные имена: *Павлик Морозов, Раскольников, Сальери, Каин, Мальчиш-плохиш, Брут, Бедная Лиза, Бонни и Клайд*. В фокусе внимания данных имен оказывается характер поступков персонажа-лица.

Прецедентное имя может выступать в качестве имени-символа в следующих случаях.

1. Прецедентное имя онтологически относится к прецедентному тексту и выступает как символ определенной характеристики или характера поступков. Как отмечает Р. В. Попадинец, носитель языка воспринимает любой объект действительности в разных аспектах, но наше внимание чаще всего останавливается на самых значимых деталях [20]. Например, если кого-то называли *Раскольниковым*, очевидно, что данного человека охарактеризовали как преступника, убийцу. Это возникает из-за актуализации определенного дифференциального признака. Актуализация данного дифференциального признака видна в следующих контекстах: *По предварительной версии, сантехник приходил к бабушке, но забрать «заветный чемоданчик» так и не удавалось. В очередной визит, уже после Нового года, мужчина разозлился и расправился со старушкой. Схожесть «сюжета» влела ульяновское преступление в серию убийств приволжского душителя. Однако во время следствия выяснилось, что наш «раскольников» к маньяку не имеет отношения (Маньяк за 3 миллиона // УлПравда. 22.10.2019); Башкирия: *Раскольников* нашего времени получил 19 лет колонии. Вынесен приговор по делу 49-летнего жителя Уфы, обвиняемого в *убийстве* двух лиц из корыстных побуждений и разбое с причинением тяжкого вреда здоровью, сообщает Следственный комитет РБ (Уфа-пресс. 05.12.2016); *Раскольников* нашего времени: сотрудник банка *пытался убить* пенсионерку из-за денег (NovostiUA. 10.05.2016). Прецедентное имя может быть полисемичным, т. е. содержать в себе дифференциальные признаки, связанные с разными характеристиками героя и с ситуацией, в которой он принимал участие. Прецедентное имя *Раскольников* в отдельных контекстах может актуализировать ситуацию, когда совершается преступление, или характеристику персонажа как носителя определенной философии. Ср.: *Кончаловский предостерег от современных раскольниковых, ходящих по улицам. Кончаловский обратил внимание на слова Достоевского из его переписки: «Я хочу показать человека, увлекшегося неправильными идеями»* (РИА Новости. 17.11.2016).*

2. Прецедентное имя может восходить не к прецедентному тексту, а к определенной прецедентной ситуации, широко известной носителям языка. Прецедентная ситуация – это «являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия

уникальной ситуации, имевшей место в истории или вымышленной в процессе творческой деятельности» [10, с. 249]. В этом случае имя-символ связано с характеристикой некой личности или с указанием на определенную ситуацию, например ситуацию поступка. *Павлик Морозов*, с одной стороны, в сознании носителей языка предстает как борец за идею и справедливость, а с другой – происходит апелляция к ситуации предательства. Употребление прецедентного имени вызывает в сознании говорящих апелляцию к дифференциальным признакам, относящимся к инварианту восприятия прецедентного имени. Ср.: *Да ты, Юрча, у нас упорный, как Павлик Морозов* (Есин С. Имитатор, 1985); *Что мне теперь делать – прийти и сказать, что его дела с женщинами, включая мою мать, – это его дела, что я – не Павлик Морозов, для меня не существует абстрактно классовый или абстрактно половой справедливости, а есть конкретный человек, которого я люблю?* (Ткачева А. Приворот, 1996); *Было бы дико, если бы Доктор раскрылся перед мальчишками-студентами. Каждой студенческой группе полагался сексот, свой, так сказать, Павлик Морозов* (Воспоминания о Шкловском, 1996); *Мой отец начал свою карьеру, будучи профессиональным футболистом команды «Динамо», а закончил ее в качестве майора МВД и несостоявшегося подполковника, из-за чего моя любимая женщина в пьяном виде однажды упрекнула меня, что я – сын палача. Говорят, Никита Михалков правильно ответил, когда его спросили про папашу: «Я же не Павлик Морозов»* (Попов Е. Подлинная история «Зеленых музыкантов», 1997).

Имя *Брут*, принадлежащее реальной исторической личности, связано с определенной ситуацией, а именно с убийством Юлия Цезаря, является прецедентным и употребляется в современной русской речи самостоятельно, вне прецедентного высказывания, для характеристики человека, способного на низкий поступок: *Пошатываясь на хлипкой табуретке, лахудра бормотала о том, что она, конечно, знает грех убийства и самоубийства, пусть милая, добрая девочка не думает, что это у нее с панталыку, наоборот, все продумано до мелочей, даже грех человека, который ей поможет, она превратила не в грех, она сходила в церковь и тихонько, чтоб никто не видел, сунула записочку за Христово распятие, <... > так что у нее, у девушки милосердной, не должно быть сомнений в благородности поступка – слегка толкнуть ее вниз головой. Одним словом просьба спихнуть лахудру с балкона казалась Полине вполне уместной. Людям надо помогать. Люди теперь сволочи. Людям теперь чужой – тьфу! А так – она спихнет эту, а при нужном случае и ей окажут поддержку в деле собственного уничтожения. Человек человеку – Брут, мерзавец и враг* (Щербакова Г. Ёкалэмэнэ, 2001).

Имена *Бонни* и *Клайд*, принадлежащие американским грабителям, действующим во времена Великой депрессии, в современной речи служат символом, репрезентирующим ситуацию мошенничества: *«Бонни и Клайд» из Подмоскovie украли более 900 жвачек и сотни шоколадок*

(VES42.ru. 2020). Данные прецедентные имена включают в свой инвариант восприятия определенную прецедентную ситуацию или сами входят в инвариант восприятия прецедентной ситуации.

Прецедентный текст

Другим способом репрезентации поступков является использование прецедентного текста. Прецедентный текст – это являющийся коллективным достоянием, обусловленный культурой результат эмоционально-образного восприятия уникального текста. Инвариантная часть коллективного представления о тексте формирует инвариант восприятия данного текста, что и делает его прецедентным [10, с. 261]. У носителя языка при знакомстве с прецедентным текстом формируются сложный образ этого текста и концепты героев произведения. Ядерными элементами подобных концептов выступают специфические признаки персонажей прецедентного текста. Подобные признаки могут проявляться в дискурсе при употреблении прецедентных имен героев, дающих отсылку к прецедентному тексту.

Употребление прецедентных текстов и прецедентных ситуаций в дискурсе языковой личности возможно благодаря способности последних «свертываться» до меньших по размеру единиц, которыми часто выступают прецедентные имена и прецедентные высказывания. К подобным единицам относится прецедентное имя *Бедная Лиза*. *Бедная Лиза* – героиня сентиментальной повести Н. М. Карамзина с одноименным названием. Героиня повести вступает во внебрачную связь с дворянином Эрастом и, узнав впоследствии о его женитьбе на богатой вдове, бросается в пруд и погибает. У прецедентного имени *Бедная Лиза* имеются локальные семантики (термин Ю. М. Лотмана), которые связаны с характеристикой эмоционального состояния персонажа и с разными поступками: 1) несчастная девушка; 2) обман любимого человека – и тогда имя *Бедная Лиза* актуализирует объект поступка; 3) сознательное лишение себя жизни – в таком случае имя *Бедная Лиза* репрезентирует агента поступка самоубийство.

Инвариантные элементы произведения, связанные с совершением поступка и разворачивающиеся в ходе развития действия, в корпусных примерах представлены как взаимосвязанные элементы – чей-либо поступок / поведение побуждает другого человека (всегда женского пола) совершить самоубийство. Элемент «обман любимого человека», как показывают контексты, может варьироваться, элемент «сознательное лишение себя жизни» остается неизменным: *Хорошо бы сказать отцу, чтобы он сумочку ее у Гансовского забрал. Так и сказать: хотел меня трахнуть, но я убежала. <... > – Бедная Лиза! – сказала она вслух, заглянув в последний раз в яузскую воду. – Топиться не будем* (Улицкая Л. Казус Кукоцкого, 2000); *Ты пойми, – говорит рассудительно Пущин, – если из-за каждой шутки Яковлева топиться, так в пруду не хватит места. Ты же не Бедная Лиза* (Тынянов Ю. Кухля, 1925).

К прецедентным текстам, посредством которых может актуализироваться поступок, относятся *Преступление и наказание*, *Герой нашего времени*. Через отсылку к произведению «Преступление и наказание», как правило, актуализируются поступки-преступления. Прецедентный феномен *Герой нашего времени* характеризуется сложным, комплексным инвариантом восприятия. Название произведения М. Ю. Лермонтова используется в современной речи в качестве речевой формулы для 1) актуализации собирательного образа, воплотившего черты всего поколения; 2) для актуализации агентов положительно оценочных поступков. Ср.: Классическое лицо современной молодежи – футбольный фанат. Вот **герой нашего времени** (Мельников С., Портнягина М. Единообразие // Огонек. 2014); Новицкий – крупный бизнесмен, младший брат бывшего министра сельского хозяйства Елены Скрынник, колоритный **герой нашего времени**, для которого автогонки не менее важный, чем предпринимательство, путь самореализации (Владимирова А. Пять заповедей настоящего гонимого // Русский репортер. 2013); Он героически прикрыл собою группу своих боевых товарищей. Дмитрий Разумовский – это олицетворение **героев нашего времени** (15 лет Беслану // 73online.ru. 03.09.2019); Проезжающий мимо водитель в Уфе спас семью из горящей машины. Скромный герой не хотел огласки, но очевидцы аварии все же сфотографировали его и выложили в социальных сетях снимок, подписав, как «**Герои нашего времени**» (КП-Уфа. 03.09.2019).

Прецедентные тексты – это вербализуемые феномены, т. е. феномены, которые поддаются вербализации в процессе коммуникации [19, р. 85; 21]. Прецедентный текст хранится в сознании индивида «не от первого до последнего слова, а в виде концепта, в той или иной степени сжатого представления о тексте, включающего его название, автора, сюжет, персонажей, основные коллизии, иногда наиболее яркие детали, крылатые слова и отношение ко всему перечисленному» [22, с. 45]. Обращение к прецедентному тексту может возобновляться посредством связанных с ним прецедентных высказываний, прецедентных имен, а также атрибутов и характеристик: цитат, заглавий, имен героев – всего того, с помощью чего произойдет актуализация у реципиента определенного прецедентного текста или прецедентной ситуации [20].

Использование заголовка художественного произведения является одним из наиболее популярных способов апелляции к прецедентному тексту. Заголовки нередко содержат в сжатом виде главную сюжетную линию произведения или дают намек на нее. Употребление заглавия *Преступление и наказание* в качестве прецедентного феномена разворачивает основное содержание прецедентного текста в дискурсе носителя языка и является средством репрезентации поступка *преступление* и результата поступка *наказание*. Название данного романа, как правило, используется в заглавии современных публицистических текстов:

Преступление и наказание. В Москве завели уголовные дела о беспорядках. Столица до сих пор разбирается с последствиями протестных выступлений, прошедших неделю назад на Тверской улице. Тогда на несанкционированном митинге протестующие вступили в открытое противостояние с сотрудниками полиции (АиФ. 2019); **Преступление и наказание.** В Днепре поймали вора и расправились с ним посреди улицы. В одном из магазинов вор залез к покупателю в карман (Dnipro.znaj.ua.ru. 03.09.2019); **Преступление и наказание:** в Рассказовском районе с луга крали лошадей. В отношении жителя Рассказовского района следственным подразделением МОМВД России «Рассказовский» возбуждено уголовное дело по статье 158 УК РФ «Кража» (Тамбовская жизнь. 02.09.2019).

Название фильма «Побег из Шоушенка» используется в современной речи для репрезентации поступка побег. Ср.: С нехорошим подозрением девушку госпитализировали в Боткинскую больницу, взяли новые анализы и закрыли на карантин. Взаперти невольница долго сидеть не стала – 11 февраля замкнула провода в электронном замке и сбежала. После этого в социальных сетях Ильиной появились записи, в которых она рассказывала о трудностях коммуникации с медиками и удачном бегстве. <... > При этом, как пояснила петербурженка журналистам в суде, день «икс» прошел у нее перед глазами «как в тумане», поэтому свои острые впечатления от «**побега из Шоушенка**» она описать прессе не смогла (В лучах славы и дезинфекции // Форпост Северо-Запад. 17.02.2020); **Побег из Шоушенка** на новый лад: современные коммуникации помогли американцу сбежать из тюрьмы. Побег из тюрьмы округа Харалсон (штат Джорджия, США) совершил 34-летний заключенный Грегори Кит Уайетт, используя весьма оригинальный способ (Ракурс. 14.02.2020).

Прецедентное высказывание

Наиболее популярным способом актуализации ситуации поступка с помощью прецедентного феномена является употребление прецедентного высказывания. Прецедентное высказывание онтологически всегда восходит к прецедентному тексту или к прецедентной ситуации, что играет важную роль в формировании истинного смысла высказывания. Эти феномены хранятся в сознании в виде вербальных инвариантов восприятия и имеют четко фиксированную форму.

В ходе анализа были выявлены следующие прецедентные феномены, которые употребляются в современном дискурсе как репрезентанты поступков категорий положительно оцениваемых поступков и отрицательно оцениваемых поступков (подробнее о категориях поступков см. в [23; 24]): *Безумству храбрых поем мы песню* (М. Горький), *Где это видано, где это слышано* (В. Драгунский), *Но как не порадеть родному человечку* (А. Грибоедов), *А вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет* (И. Крылов), *О доблестях, о подвигах, о славе* (А. Блок), *Великие комбинаторы* (И. Ильф, Е. Петров), *В семье не без урода* (И. Крылов), *Коня*

на скаку остановит, в горящую избу войдет (Н. Некрасов),
 Не без добрых душ на свете (Н. Некрасов), Поступок ростом
 с шар земной (Б. Пастернак), И ты, Брут? (Ю. Цезарь).

С точки зрения функционирования данных прецедентных высказываний в системном и функциональном аспектах (подробнее об этом см. [19, р. 95]) выделяются:

1) прецедентные высказывания, имеющие только поверхностное значение. В таких высказываниях функциональный смысл может быть понятным без знания прецедентного феномена, к которому онтологически восходит высказывание, т. к. системный смысл присутствует в нем имплицитно. К таким высказываниям можно отнести следующие: *Безумству храбрых поем мы песню; О доблестях, о подвигах, о славе; Но как не порадеть родному человеку; А вору дай хоть миллион, он воровать не перестанет; Поступок ростом с шар земной* и др. *Поступок ростом с шар земной* – строка из стихотворения Б. Пастернака «О Сталине». Данное высказывание используется в современном дискурсе как для актуализации поступков, получивших широкую огласку, как положительных, так и отрицательных. Например, в следующем контексте прецедентное высказывание используется применительно к мошенническим поступкам: *Живет не человек – деянье, Поступок ростом с шар земной... Он то, что снилось самым смелым, Но до него никто не смел. Действительно, кто до него посмел бы так дерзко и так блистательно пройти путь от 100 миллионной мародерской аферы с цветными металлами в голодающем Питере зимой 1992 года до 13,7? Миллиардной сделки с Абрамовичем в сытой Москве летом 2015? А такие деяния и поступки ростом с шар земной, как Gupvor, «Байкалфинансгруп», «Газпром», из которого были выведены активы общей стоимостью более 60 миллиардов долларов в частные компании, контролируемые родственниками и соратниками по бригаде «Озеро»? (Пионтовский А. Между Западом и Китаем // Обозреватель. 2015);*

2) прецедентные высказывания, имеющие глубинное и поверхностное значения. В данную группу можно отнести прецедентные высказывания, понимание полного функционального смысла которых возможно только при соотношении коммуникативной ситуации с исходным прецедентным текстом или ситуацией. В данном случае прецедентное высказывание выступает как символ прецедентного текста или прецедентной ситуации. Например, полный функциональный смысл в случае употребления прецедентного высказывания *И ты, Брут?* понятен только при соотношении с прецедентной ситуацией. Фраза *И ты, Брут?* (*Et tu, Brut?*), по легенде принадлежавшая Юлию Цезарю, была перед смертью обращена к Бруту. Современные носители русского языка могут употреблять эту фразу в случаях, когда говорящий считает, что его предал тот, кому он прежде доверял: *Растерявшийся было лейтенант вспомнил, чему его учили в школе милиции, и нанес Серпухину короткий удар под дых, от чего тот согнулся пополам и мешком повалился на асфальт, но в последний момент*

все-таки успел оторвать от кителя стража порядка рукав. – И ты, Брут! – простонал сквозь зубы Мокей, держась за грудь и живот (Дежнев Н. Принцип неопределенности, 2009). Контекстуальные примеры с данной единицей также показывают, что фраза *И ты, Брут!* в первую очередь выражает удивление, недоумение объекта поступка не в связи с совершенным поступком, а с тем, кто его совершил. Ср.: *Тогда Юра взял гитару и спел «Твои глаза подобны морю».* Присутствующие прореагировали на исполнение, на стихи, на музыку, а один мой приятель, который действительно проявлял ко мне нетоварищеский интерес, спросил певца в упор: – *И ты, Брут?* (Шергова Г. Об известных всем, 2002–2004); *Крутятся они сейчас вокруг меня, как шмели. Так вот одна уже предложила: годовалый «Мерс» по себестоимости. <...> А по предложенным условиям они, между прочим, банку так и так выгодней остальных. <...> Прежде бы послал. А сейчас не знаю, Понимаешь, распылась эта грань. Может в самом деле, пусть возьмет? Хоть заработает чуток. Парень давно о поддержанной иномарке мечтает. Коломнин сокрушенно мотнул головой: «И ты, Брут!» (Данилюк С. Бизнес-класс, 2003) – в основе данного произведения история о менеджере московского банка, который, видя, как другие сотрудники банка реализовывают аферы и мошеннические операции с целью собственной наживы, думает, не последовать ли ему их примеру.*

Выделяются случаи «деформации исходного выражения» (диссимметрии) [25, с. 89–90]. Для прецедентных высказываний случаями диссимметрии являются трансформации, связанные с заменой одного из компонентов: вариативный компонент в прецедентном высказывании позволяет использовать высказывание для характеристики различных явлений; инвариантный компонент позволяет сохранить связь с источником прецедентного высказывания. Например, в заголовке публикации газеты «КП-Молдова» *«Не виноватая я – он сам дал»* глагол *дал* заменяет глагол *пришел* (*Не виноватая я – он сам пришел* – оригинальная фраза из фильма «Бриллиантовая рука») и актуализирует поступок *брать взятку* и его результат, который раскрывается далее в тексте статьи: *В Молдове взяточники всегда смогут «отмазаться», сказав, что их спровоцировали. На днях стало известно, что двух судей, которых в 2013 и 2014 году обвинили в коррупции, отпустили (КП-Молдова. 01.09.2019).*

Примеры функционирования данного прецедентного высказывания в дискурсе различных жанров позволяют отметить его высокую продуктивность и способность актуализировать широкий спектр отрицательно оценочных поступков, при этом рассматриваемое высказывание может использоваться и в усеченном виде. Ср.: *Спустя год (все это время длилось следствие) принцессу все-таки оправдали – она утверждала «Не виноватая я!», мол, мошенничеством занимался супруг, а она ничего не знала (Телепрограмма. 01.08.2019); Не виноватая я!* За бурную ночь девушка подарила себе кошелек

кавалера (КП-Красноярск. 30.06.2019); В Арзамасе пьяный полицейский *сбил насмерть пенсионерку*. «**Не виноватая я!**» Андрей Красильников признал свою вину, но лишь частично (Ленинская смена. 2019); **Не виноватая я!** Девушка ответит за то, что не подумав *воспользовалась чужими деньгами* (Копейский рабочий. 10.02.2020).

Заключение

Проведенное исследование показало, что поступки могут быть репрезентированы разными видами прецедентных феноменов, при этом наиболее популярным способом является актуализация поступков посредством прецедентных высказываний. Через прецедентные феномены выражение получают положительно и отрицательно оцениваемые поступки. Наиболее разнообразно с помощью прецедентных феноменов выражаются отрицательно оцениваемые поступки, а именно преступления (убийство, мошенничество, воровство и др.).

Некоторые прецедентные феномены можно назвать репрезентантами определенных поступков. К таким прецедентным феноменам относятся, например, прецедентные тексты *Преступление и наказание* (всегда репрезентирует какое-либо преступление) и *Побег из Шоушенка* (репрезентант поступка побег), прецедентные высказывания *И ты, Брут!* (всегда актуализирует предательство), *Великие комбинаторы* (используется для обозначения аферы / мошенничества). Некоторые прецедентные феномены могут употребляться в речи для репрезентации разных поступков, в том числе поступков с противоположными оценочными знаками:

прецедентное высказывание *Страна должна знать своих героев* – репрезентант героического поступка и преступного деяния. Ср.: **Страна должна знать своих героев**. Воскобойников Валерий Михайлович, член союза писателей, партийный, заведующий отделом прозы журнала «Костер», стукач и провокатор (Соловьев В. Три еврея, или утешение в слезах. Роман с эпиграфами, 1975–1998); Ольга Боярчук решила самостоятельно навести порядок на своей улице. Ребята были счастливы, что сделали доброе дело, рассказывали о том, как плохо мусорить, своим знакомым. <...> **Страна должна знать своих героев!** Ольгу вместе с сыновьями пригласили в офис регионального оператора, где наградили (ВашГород. 31.08.2019).

Прецедентные феномены, способные репрезентировать поступки, обладают закрепленными за ними в национальном сознании общеоценочным и частнооценочным когнитивными признаками. Положительная этическая оценка (в соответствии с классификацией оценок Н. Д. Арутюновой) реализована в таких прецедентных феноменах, как *Робин Гуд*; *Герой нашего времени*; *Не без добрых душ на свете*; *Безумству храбрых поем мы песню*; *Страна должна знать своих героев*. Отрицательная этическая оценка – в прецедентных феноменах *Павлик Морозов*; *Мальчиш-плохиш*; *Раскольников*; *Сальери*; *Каин*; *Брут*; *Троянский конь*; *Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так*; *В семье не без урода*; *Великий комбинатор*; *Тебя посодют, а ты не воруй*; *Страна должна знать своих героев*; *Собаке – собачья смерть*.

Литература

1. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности. СПб.: Златоуст, 2014. Т. 2. 592 с.
2. Бушуева Л. А. Фрейм поступка: инвариантная модель и варианты ее реализации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 173–178. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178
3. Бушуева Л. А. Имена поступков и связанные с ними оценки в русском и английском языке // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 2. Вып. 2. С. 143–147.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
5. Леонтьев Д. А. К психологии поступка // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2006. № 2. С. 153–158.
6. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998. 551 с.
7. Максимов А. М. Универсальный многослов. Книга для тех, кому интересно жить осмысленно. М.: Центрполиграф, 2016. 448 с.
8. Околенова О. Н. Экстралингвистические составляющие концепта «поступок» (на примере английского и русского языков) // Альманах современной науки и образования. 2010. № 2-2. С. 119–121.
9. Кубрякова Е. С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования / под ред. Л. А. Манерко. Рязань: Изд-во Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2002. С. 7–11.
10. Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры: основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 493 с.
11. Золотарев М. В. К вопросу о прецедентности и вторичной концептуализации знаний // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сб. тезисов по мат-лам Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти С. Г. Стерлигова. (Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 г.) Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 2019. С. 33–34.
12. Лебедев М. В. Стабильность языкового значения. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 167 с.

13. Блохина Е. Н. О лингвокультурологическом подходе к изучению прецедентных текстов как феноменов региональной культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-1. С. 26–28.
14. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. 1997. Вып. 1. С. 104–113.
15. Кремнева А. В. Прецедентное имя как синкретный семиотический знак и его культурная обусловленность // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 46–53. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-46-53
16. Голубкова Е. Е. Прецедентные имена как репрезентанты событий // Репрезентация событий: интегрированный подход с позиции когнитивных наук / отв. ред. В. И. Заботкина. М.: ИД ЯСК, 2017. С. 252–279.
17. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Яз. славянской культуры, 2014. 319 с.
18. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. 1997. Вып. 1. С. 82–103.
19. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Massachusetts; London: The MIT Press, 2000. 504 p.
20. Попадинец Р. В. Прецедентное имя в сознании носителя русского языка: опыт психолингвистического исследования. Курск: Курск. гос. тех. ун-т, 2010. 126 с.
21. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14
22. Слышкин Г. Г., Ефремова М. А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
23. Бушуева Л. А. Категории поступков и их лингвокогнитивное моделирование. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. 306 с.
24. Бушуева Л. А. Категоризация поступков (на материале поступков категории «проделка») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2018. № 1. С. 155–159.
25. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. 3-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 286 с.

original article

Precedent Phenomena as Names of Acts

Lyudmila A. Bushuyeva ^{a, @, ID}

^a Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia, Nizhny Novgorod

@ sebeleva@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0001-9077-252X>

Received 24.03.2020. Accepted 01.06.2020.

Abstract: The article focuses on the cognitive-semiotic nature of precedent phenomena as a marker of intertextuality. The symbolic function of precedent statements, texts, and names allows them to act as indirect naming and represent concepts of acts. An act is always voluntary; it is committed by an actant, receives external evaluation, and leads to a certain result. The precedent phenomena that facilitate interpretation of the acts they describe appeared to have a high cognitive potential in the Russian speech. Different kinds of phenomena represent different acts, precedent statements being the most popular type. They can represent all kind of acts, even in their concise form. Some precedent phenomena name only particular acts, e.g. betrayal, dishonesty, and other negatively evaluated acts, while others can mark a wide range of acts, even those with opposite values, e.g. heroism vs. crime.

Keywords: precedent name, precedent text, precedent statement, the concept of an act, discourse

For citation: Bushuyeva L. A. Precedent Phenomena as Names of Acts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 802–810. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-802-810>

References

1. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *The Dictionary of Russian Mentality*. St. Petersburg: Zlatoust, 2014, vol. 2, 592. (In Russ.)
2. Bushuyeva L. A. The act frame: the invariable model and variants of its actualization. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, (2): 173–178. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-2-173-178
3. Bushuyeva L. A. The names of acts and values connected with them in Russian and English languages. *Vestnik Saratov state technical university*, 2006, (2-2): 143–147. (In Russ.)
4. Bakhtin M. M. Toward a philosophy of the act. *Philosophy and Sociology of Science and Technology. Yearbook 1984–1985*. Moscow: Nauka, 1986, 80–160. (In Russ.)
5. Leontiev D. A. An introduction to the psychology of action. *Ekzestentsialnaia traditsiia: filosofii, psikhologii, psikhoterapiia*, 2009, (2): 153–158. (In Russ.)
6. Golovin S. Yu. *Psychologist's dictionary*. Minsk: Kharvest, 1998, 551. (In Russ.)
7. Maksimov A. M. *Many-sided essayist. The book for those who want to live a meaningful life*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016, 448. (In Russ.)
8. Okolelova O. N. Extralinguistic elements of the concept "act" (the case of Russian and English). *Almanakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2010, (2-2): 119–121. (In Russ.)
9. Kubryakova E. S. The word in discourse (new approaches to the analysis). *Text and discourse: traditional and cognitive-functional aspects of the analysis*, ed. Manerko L. A. Ryazan: Izd-vo Riaz. gos. ped. un-t im. S. A. Esenina, 2002, 7–11. (In Russ.)
10. Krasnykh V. V. The glossary and grammar of linguaculture: the basics of cultural psycholinguistics. Moscow: Gnozis, 2016, 493. (In Russ.)
11. Zolotarev M. V. To the question of precedence and the secondary conceptualization of the knowledge. *Languages and cultures: functional-communicative and lingua-pragmatic aspects*, Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated in memory of Sterligov S. G., Nizhny Novgorod, April 26–27, 2019. Nizhny Novgorod: NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 33–34. (In Russ.)
12. Lebedev M. V. *Consistency of the meaning*. Moscow: Editorial URSS, 1998, 167. (In Russ.)
13. Blokhina E. N. On the linguoculturological approach to the study of precedent texts as phenomena of regional culture. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, (11-1): 26–28. (In Russ.)
14. Zakharenko I. V. On the matter of canon and standard in the sphere of precedent phenomena. *Language – Mind – communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: Filologiya, 1997, iss. 1, 104–113. (In Russ.)
15. Kremneva A. V. The precedent name as a syncretic semiotic sign and its culture-related character. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2019, (4): 46–53. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-46-53
16. Golubkova E. E. Precedent names as the names of events. *Representation of events: integrative approach from the perspective of cognitive studies*, ed. Zabolotkina V. I. Moscow: ID IaSK, 2017, 252–279. (In Russ.)
17. Iriskhanova O. K. *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Iaz. slavianskoi kultury, 2014, 319. (In Russ.)
18. Zakharenko I. V., Krasnykh V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. The precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language – Mind – communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: Filologiya, 1997, iss. 1, 82–103. (In Russ.)
19. Talmy L. *Toward a Cognitive Semantics*. Massachusetts; London: The MIT Press, 2000, 504.
20. Popadinets R. V. *The precedent name in the conscious of the Russian language speaker: experience in psycholinguistic research*. Kursk: Kursk. gos. tekhn. Un-t, 2010, 126. (In Russ.)
21. Boldyrev N. N. Problems of verbal communication in cognitive perspective. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2017, (2): 5–14. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-5-14
22. Slyshkin G. G., Efremova M. A. *Film text (linguistic and cultural analysis experience)*. Moscow: Vodolei Publishers, 2004, 153. (In Russ.)
23. Bushuyeva L. A. *The categories of acts and their linguacognitive modeling*. Nizhny Novgorod: Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2019, 306. (In Russ.)
24. Bushuyeva L. A. Categorization of acts (a case study of the acts of the category "prank"). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2018, (1): 155–159. (In Russ.)
25. Borbotko V. G. *The principles of discourse building: From psycholinguistics toward linguasynesetics*, 3rd ed. Moscow: URSS, 2009, 286. (In Russ.)

Бразильская национальная идентичность и концептуализация понятия *brasil*

Дмитрий Л. Гуревич^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ caipira@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1941-8226>

Поступила в редакцию 17.04.2020. Принята к печати 01.06.2020.

Аннотация: Португальское слово *brasil* для носителей бразильского языкового сознания представляет собой комплексное понятие, включающее не только название страны, но и ряд нарицательных значений, одно из которых является первичным по отношению к географическому названию, а остальные – вторичными. Название страны, восходящее к сочетанию *rau brasil* (красное дерево), профанное по своему характеру, пережило языковую конкуренцию с другим, сакральным по своей природе термином (*Terra de Santa Cruz*) и негативное отношение к себе в первые десятилетия существования, однако закрепилось в языке и переосмыслилось в ряде связанных с этим географическим названием феноменов, составляющих ядро лексико-семантического поля *Бразилия*. Особенностью этого поля является его раннее формирование (к середине XVII в.) и кристаллизация различных значений слова *brasil*, сохранившихся в том числе и в современном языке. В статье показано, что складывание комплексного понятия *brasil*, включающего, помимо значения *красное дерево*, сам географический феномен страны (*Бразилия*), а также значения *туземное население*, *территории*, *язык*, стало возможным благодаря его нецерковному характеру, что было бы невозможно при сохранении названия *Santa Cruz* (Святой Крест).

Ключевые слова: языковая идентичность, Бразилия, лексико-семантическое поле, метонимический перенос, культурный концепт

Для цитирования: Гуревич Д. Л. Бразильская национальная идентичность и концептуализация понятия *brasil* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 811–820. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-811-820>

Введение

Национальная идентичность стала весьма модным понятием в современных гуманитарных исследованиях, что может быть связано с нарастающей глобализацией и вероятной реакцией на нее. Нынешнее этнокультурное и языковое сознание бразильцев отражает достаточно высокий градус национального самоощущения, что проявляется как в языковой, так и в наглядной составляющей.

Роль языка в формировании национальной идентичности отмечается многими современными исследователями [1–6]. Как отмечает С. Хантингтон [4, р. 24], идентичность опирается как на субъективные представления о ней, так и на объективные параметры: язык, историю, религию, обычаи и социальные институты; Дж. Джозеф именно языку приписывает фундаментальную роль в осознании и выражении национальной идентичности [3].

Бразильская национальная идентичность и, в частности, ее языковая составляющая в широком смысле слова обнаруживают себя в большом спектре языковых особенностей от фонетики и лексики до морфосинтаксиса и дискурсивных стратегий, характеризующих бразильский вариант португальского языка и противопоставляющих его другим

национальным вариантам, например европейскому. В узком смысле слова национальная языковая идентичность может находить отражение в лексике, нагруженной культурно значимой информацией, т. е. в культурных концептах, в классическом для отечественной лингвистики понимании философии языка¹ [7; 8, с. 263–264; 9, с. 350]. Такая культурно значимая информация содержится в том числе и в наименовании своей страны, своего народа. В данном случае это слово *brasil* и его производные. Проследить, как формировалось это понятие, входит в задачу данной статьи.

Этимология слова *brasil*

История названия страны тесно связана с этимологией слова *brasil*, которая неоднозначна. Известны три точки зрения на этимологию этого слова. Наиболее экзотическая возводит его к языку тупи (языку коренных народов бразильского побережья): *brasil* < *para-sil* (большая вода), либо *brasil* < *ibira-ciri* (шершавое дерево), либо *brasil* < *paraci* (мать моря) [10, р. 117, 304; 11]. Индейская этимология не поддерживается современными исследователями, и если упоминается, то как казус.

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Рос. энцикл., 1998. С. 269–270.

Две другие возводят этимологию либо к арабскому слову *wars* (тип растения), либо к германскому *brasa* (уголь):

- *brasil* < *brésil* (fr) < *brasile* / *verzino* (dialet. it) < *verzinum* (lat. medieval) < *warsii* (árab. adj.) < *wars* (árab. sust.) – растение, придававшее окрашиваемой ткани желтовато-красноватый оттенок;
- *brasil* < *brésil* (fr) < *braise* + *ile* (fr. adj.) < *brasile* (lat) < [*lignum*] *brasile*; *braise* (fr) < *breze* (ant. fr.) < **brasa* (germ.) – огонь > тлеющие угли > красноватый цвет тлеющих углей.

Этимология от арабского *wars* проводится через французский и далее через староитальянское слово *brasile* и его диалектный вариант *verzino*, восходящий к средневековому латинскому *verzinum*, в свою очередь восходящему к арабскому прилагательному *warsii*, образованному от исходного этимона. Такая этимология поддерживается в этимологических словарях Ж. Машаду, А. Насентиса, А. Кунья с большей или меньшей детализацией².

Этимология, восходящая к германскому *brasa*, подчеркивается через французское *braise* (тлеющие угли) и старофранцузское *breze* с адъективным суффиксом *-ile*, контаминировавшим с латинским суффиксом *-ilis*, продуктивным со средневековой латыни и встречавшимся в латинском словосочетании *lignum brasile* / *lignum brasilicum* (красное дерево), которое упоминалось в коммерческих и энциклопедических текстах позднего Средневековья: *Bresillum, est arbor quædam, e cujus succo optimus fit color rubeus*³ – Красное дерево *bresillum* – есть дерево, из сока которого прекрасно получается красная краска⁴. Латинское прилагательное *brasile* / *brasilius* / *bresilicum*, возводимое к германскому *brasa* (тлеющие угли), позже развило переносное значение – цвета тлеющих углей. Эта этимология поддерживается в словаре А. Уайсса, Словаре современного португальского языка Академии наук Лиссабона, а также в очень авторитетном этимологическом словаре Ж. Короминаса⁵. Характерно, что последний упоминает и этимологию от *wars*, однако критикует ее как сомнительную и фонетически маловероятную; см. критику этой этимологии в [12].

Сам термин *brasil* встречается в португальских текстах как минимум с XIV в. в значении «красящее вещество»⁶, к рубежу XV–XVI вв. оно встречается в том числе и в официальных документах: *De graam, anil, brasil e por toda-las cousas pera tinger*⁷ – Зерно синего и красного [цвета] и для всякой вещи, чтобы красить. Красное дерево было известно европейцам до открытия Нового Света, его привозили с Востока итальянские моряки, отсюда версия об арабском происхождении термина. Упоминается красное дерево, хотя и косвенно, и в самом первом из существующих семи официальных документов от 1500 г. об открытии Бразилии, а именно в письме королевского секретаря Перу Ваш де Каминья, находившегося в составе экспедиции Кабрала, королю Португалии Мануэлу I: *andauã todos tam despostos e tam bem feitos e galantes cõ suas tinturas que pareciam bem. acaretauam desa lenha quamta podiam*⁸ – Все они были так красивы, так хорошо сложены и изящны в своей раскраске, что выглядели хорошо. Приносили этой древесины сколько могли.

Поскольку красное дерево – *rau brasil* (букв. древесина цвета красных углей) – стало первым колониальным товаром, экспортировавшимся из Бразилии в Европу, возникла ассоциативная связь между названием продукта и названием страны его происхождения.

История складывания названия страны: *Vera Cruz* – *Santa Cruz* – *Brasil*

Начиная с 1350-х гг. европейские карты фиксируют наименования, фонетически сходные с *Brasil*: *Bracir*, *Bracil*, *Brazille*, *Bersil*, *Braxili*, *Braxill*, *Bresilge* [13, p. 66; 14, p. 17], но не имеющие к Бразилии отношения. Иногда их связывают со старой европейской легендой о мифологическом острове или архипелаге, располагаемом картографами позднего Средневековья (до XVI в.) в разных районах северной и центральной Атлантики преимущественно к юго-западу от Ирландии⁹ [15, с. 33].

При первом официальном контакте с новой открытой землей¹⁰ командующий экспедицией Педру Алвареш Кабрал дал ей название *Terra da Vera Cruz* – Земля Истинного Креста, о чем есть упоминание в нескольких

² Machado J. P. Dicionário etimológico da língua portuguesa. Lisboa: Livros Horizonte, 1989. Sa ed. T. 1. P. 460–461; Nascentes A. Dicionário etimológico resumido. Rio de Janeiro: Instituto Nacional do Livro, Ministério da Educação e Cultura, 1966. P. 112; Cunha A. Dicionário etimológico Nova Fronteira da língua portuguesa. Rio de Janeiro: Nova Fronteira, 1982. P. 122.

³ Cange Ch. du, et al. Glossarium mediae et infimae latinitatis, éd. augm. Niort: L. Favre, 1883–1887. T. 1. P. 737.

⁴ Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁵ Houaiss A., Villar M. S., Franco F. M. de M. Dicionário Houaiss da língua portuguesa. Rio de Janeiro: Objetiva, 2009. P. 324; Dicionário da Língua Portuguesa Contemporânea da Academia das Ciências de Lisboa. Lisboa: Verbo, 2001. P. 575; Corominas J., Pascual J. A. Dicionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid: Gredos, 1980. T. 1. P. 655.

⁶ Machado J. P. Dicionário etimológico da língua portuguesa ... P. 460.

⁷ Rodrigues Santana M. Registo do Foral Manuelino de Miranda do Douro. Miranda do Douro: Ed. Câmara Municipal de Miranda do Douro, Centro de Estudos António Maria Mourinho, 2009. P. 28.

⁸ Caminha Pêro Vaz de. Carta a el-rei D. Manuel sobre o achamento do Brasil. 1 de Maio de 1500. Manuscrito autógrafo sobre papel. Portugal // Arquivo Nacional da Torre do Tombo. Gaveta XV, maço 8, n. 2. 14 f. F. 11r. Режим доступа: http://purl.pt/162/1/brasil/obras/carta_pvcaminha/index.html (дата обращения: 28.03.2020).

⁹ Enciclopédia Luso-Brasileira de cultura. Lisboa: Verbo, 1992. T. 3. P. 1818–1819.

¹⁰ См. сведения о возможных более ранних псевдооткрытиях Бразилии в: História da colonização portuguesa do Brasil / eds. C. Dias Malheiro, E. Vasconcelos, R. Gameiro. Porto: Litografia Nacional, 1921–1924. T. 1. P. 109–123.

исторических документах. В письме Каминья королю Мануэлу I Бразилиа названа дважды – *Terra da Vera Cruz u Ilha da Vera Cruz: ao qual monte alto o capitam pos nome o monte pascoal e aa tera a tera da vera cruz; beijo as mãos de vosa alteza. deste porto seguro da vosa ilha da vera cruz*¹¹ – каковую высокую гору капитан назвал Пасхальная гора, а землю – земля Истинного Креста. В другом документе, еще одном письме королю участника той же экспедиции Кабрала, который известен как Магистр Жуан (*Mestre João*), писавшего на смеси испанского и португальского, эта земля называется *Vera Cruz: Fecha en uera crus a primero de maio de 500*¹² – Запечатано в [земле] Истинного Креста первого мая [1]500 [года].

Что касается колебаний в использовании терминов *terra – ilha* (земля – остров), то здесь уместно процитировать еще один исторический документ – т. н. «Донесение неизвестного капитана» (*Relação do piloto anônimo*) королю Португалии, опубликованное в Италии в 1507 г. на итальянском языке. Неизвестный капитан так описывает размеры новой земли: *la terra e grande e non sapiamo se gli e isola o terra ferma: anzi crediamo che la sia per la sua grandezza terra ferma*¹³ – Земля большая, и мы не знаем, является ли она островом или континентом; считаем даже, что она является континентом из-за своей величины. В целом же многие вновь открытые земли получали в качестве общего наименования модель *ilha de ...*; ср., например, название одной из глав трактата Фернана Лопеша де Каштанеда (1554 г.), посвященного истории «открытия» Индии, где современный Мозамбик также назван островом: *De como ho capitão môr com toda a frota foy ter aa ilha de Moçambique*¹⁴ – О том, как капитан со всем флотом увидел остров Мозамбик.

В то же время название *Vera Cruz* встречается преимущественно в ранних документах, в частности, в письме Каминья и письме Магистра Жуана. В последующих документах новые земли обычно носят название *Santa Cruz* (Святой Крест), что, вероятно, связано с тем фактом, что сочетание *Vera Cruz* главным образом обозначало тип распятия, содержавшего как реликвию частицу креста с евангельской Голгофы, и не могло служить названием земли¹⁵. В любом случае упоминание Св. Креста в названии страны объясняется рядом причин: во-первых, открываемые земли, если были населены дикарями-язычниками (а это как раз случай бразильского побережья), обычно объявлялись христианскими владениями, а само открытие объявлялось сделанным

во славу Божию; во-вторых, по приказу Кабрала на берегу был водружен большой крест и отслужена литургия; в-третьих, экспедиция Кабрала была профинансирована отчасти на деньги духовно-рыцарского Ордена Христа, чьим символом был крест [14, р. 19].

Название *Santa Cruz* почти сразу попадает в официальные документы [16, с. 2313]. Уже в следующем после открытия Бразилии году оно упоминается в письме португальского короля дона Мануэла католическим королям Испании Фердинанду и Изабелле (1501 г.): *O dito meu capitão [...] chegou a uma terra que novamente descobriu a que pôs nome Santa Cruz*¹⁶ – Вышеназванный мой капитан [...] прибыл во вновь открытую землю, которой дал название Святого Креста. Таким образом, *Terra de Santa Cruz* либо *Terra de Vera Cruz* получила статус официального названия новых земель. Название *Vera Cruz*, только в виде *bera cruz*, фигурирует на одной из первых карт Бразилии, созданной в 1502 г. итальянцем Альберто Кантино (т. н. Планисфера Кантино), где около бразильского побережья дана легенда: *a bera cruz a chamada p nome aquall achou pedraluares cabrall fidalgo da cassa del del Rey de portugall & elle a descobrio indo por capita moor de XIII naos a calicut*¹⁷ [10, р. 119; 17] – [Земля], носящая имя Истинного Креста, каковую обнаружил Педру Алвараш Кабрал, дворянин дома короля Португалии, и он ее обнаружил, будучи капитаном 13 кораблей, идущих в Калькутту. На карте 1503 г. (по другим сведениям 1505 г.) картографа из Генуи Николо ди Канерио (*Nicolay de Canerio*), фактически повторяющей карту Кантино, впервые встречается уже название *Brasil*, причем не в фантастическом месте, а применительно к этой части Южной Америки, конкретно в названии реки *rio de brazil* (Бразильская река), рядом с упомянутыми в более раннем (1500 г.) письме Каминья топонимами *porto seguro* и *monte pascoal*¹⁸ [10, р. 119]. Сочетание *rio de brazil*, по всей вероятности, является калькой слова *ibira-pitanga* в языке тупи (букв. красное дерево), где *ibirá* / *ybyrá* – дерево, *pitanga* – красный / бурый¹⁹.

Таким образом, с самого начала страна имела два названия. При этом название *Brasil* обычно в сочетании *costa do Brasil* (берег Бразилии), *terra(s) do Brasil* (земля / земли Бразилии) почти сразу вошло в обиход, и на протяжении первой половины XVI в. имела место конкуренция названий *Brasil – Santa Cruz*, как видно из исторических документов официального характера: *estas capitánias e costa do Brazil*²⁰ –

¹¹ Caminha Pêro Vaz de. Carta a el-rei D. Manuel sobre o achamento do Brasil... F. 14r.

¹² História da colonização portuguesa do Brasil... T. 2. P. 104.

¹³ Там же. P. 114–115.

¹⁴ Castanheda F. Lopes de. Historia do descobrimento & conquista da India pelos portugueses. Coimbra: Ed. por Iohão da Barreyra & Iohão Aluarez, 1559. P. 15.

¹⁵ História da colonização portuguesa do Brasil... T. 2. P. 99.

¹⁶ Там же. T. 2. P. 165.

¹⁷ Там же. T. 1. P. LVI.

¹⁸ Там же. T. 1. P. LV; Там же. T. 2. P. 320.

¹⁹ Barbosa Lemos A. Pequeno vocabulário tupi-português. Rio de Janeiro: Livraria São José, 1951. P. 125, 162.

²⁰ História da colonização portuguesa do Brasil... T. 3. P. 259.

эти капитанства и берег Бразилии; *capitania de Sam Vycente nas terras do Brasyl*²¹ – капитанство Сан-Висенте на землях Бразилии; *capitão da capitania da Baya de Todollos Santos no dito Brasill e governador de todallas terras delle*²² – капитан капитанства залива Всех Святых в вышеназванной Бразилии и губернатор всех ее земель; *me parti e embarquey pera esta terra de Santa Cruz*²³ – я сел на корабль и отправился в эту землю Истинного Креста. В ряде случаев встречаются оба наименования в пределах одного документа у одного и того же автора: *huma capitania na costa do Brazill nas terras de Sãota Cruz*²⁴ – капитанство на Бразильском берегу в землях Святого Креста. Встречаются оба названия и на географической карте 1527 г., объединенные в одну формулу, связывающую официальное и обиходное наименование Бразилии, с одной стороны, и португальскую метрополию – с другой: *Terra Sante Crusis de lo Brasil e del Portugal*²⁵ [13, р. 68] – Земля Святого Креста Бразилии и Португалии. Экспедиция Кабрала привезла из Индии много ценных товаров, тогда как из Бразилии только красное дерево (*pau brasil*). Торговый характер первых экспедиций и последующая коммерциализация красного дерева [15; 18], основного бразильского колониального товара в XVI в., повлияли на закрепление названия *Brasil*, которым пользовались моряки и купцы.

Однако уже через тридцать лет после открытия этого побережья и с началом фактической колонизации название *Brasil* получает официальный статус благодаря королевскому указу Жуана III от 20 ноября 1530 г., которым Мартин Афонсу де Соуза назначается руководителем экспедиции и губернатором новых земель: *eu envio ora a martim afonso de sousa do meu conselho por capitam mor darmada que envyo a terra do brasil e asy de todas as terras que elle dito martim afonso na dita terra achar e descobrir*²⁶ – сим направляю Мартина Афонсу де Соуза, члена моего совета, капитаном флотилии, которую посылаю в землю Бразилии, а также во все другие земли, которые вышеназванный Мартин Афонсу в вышеназванной земле найдет и откроет.

Трактовка названия *Brasil*

Конкуренция двух названий была воспринята современниками неоднозначно. В целом королевское чиновничество, интеллигенция, представители гуманизма негативно восприняли название *Terra do Brasil*, считая отказ от названия

Terra de Santa Cruz чуть ли не победой дьявола [13, р. 68–78] и уступкой вкусам простолюдинов. Торговцы и моряки, напротив, поддерживали название *Brasil* и широко им пользовались, это же название фигурировало на большинстве географических карт первой половины XVI в.

Одним из первых, еще в начале XVI в., в 1510 г. упомянул слово *Brasil* в художественном тексте португальский поэт и драматург Жил Висенте: *Com ilhas mil, deixai a terra do Brasil, tende-vos à mão do sol*²⁷ – Оставьте землю Бразилии, из тысячи островов [состоящую], и следуйте за рукою солнца. Поскольку жанр ауту (короткие пьесы наставительного характера) был жанром площадным и предназначался для широкой публики, автор ориентировался как раз на разговорные формы речи и употребил название *Brasil* как наиболее уместное. Термин *Brasil* здесь упоминается в позитивном контексте как закономерный результат географических успехов и цивилизационных открытий Португалии. Однако в другом его тексте, в ауту «Корабль чистилища» (1518 г.), *Brasil* имеет негативную коннотацию, в этом контексте Бразилия упоминается как место, куда ссылали приговоренных: *E marinheiro sodes vós? Ora assi me salve Deus e me livre do Brasil*²⁸ – Так вы моряк? Тогда упаси меня Бог и избави меня о Бразилии.

Однозначно критическое отношение к этой дихотомии в названии страны одним из первых высказал Жуан де Барруш, грамматист и историк. В многотомном труде «Азиатские Декады» (*Décadas da Ásia*, 1552 г.), посвященном географическим открытиям Португалии в Азии и Америке, Барруш, получивший в Бразилии земли в наследственное владение, резко критикует связанное с красным деревом коммерческое название *Brasil*, которое «усвоили простолюдины», и выступает за первоначальное название, которое «звучит приятнее для людей благоразумных»: *começou de vir pau vermelho chamado brasil, trabalhou que esse nome ficasse na boca do povo e que se perdesse o de Santa Cruz*²⁹ – начали привозить красное дерево под названием *brasil*, что поспособствовало тому, что это название усвоили простолюдины, а название [земля] Святого Креста забылось; *e digamos a Província de Santa Cruz, que soa melhor entre prudentes que Brasil*³⁰ – и мы должны ее называть Провинция Святого Креста, которое звучит приятнее для людей благоразумных, чем Бразилия.

²¹ Там же. Т. 3. Р. 260.

²² Там же. Т. 3. Р. 260.

²³ Там же. Т. 3. Р. 317.

²⁴ Там же. Т. 3. Р. 209.

²⁵ Там же. Т. 2. Р. 321.

²⁶ Barros João de. *Décadas da Ásia* I, Liv. V, Cap. II. (1552) // Campos Agostinho de (org.). *Antologia portuguesa*. Lisboa: Aillaud e Bertrand, 1920. Т. 3. Р. 159.

²⁷ Vicente Gil. *Auto da Fama* (1510). São Paulo, 2018. Р. 10. Режим доступа: <https://www.literaturabrasileira.ufsc.br/documentos/?action=download&id=93295> (дата обращения: 01.04.2020).

²⁸ Vicente Gil. *Auto da barca do Purgatório* (1518) // Lima A. Pires de. *Os autos das barcas de Gil Vicente*. Porto: Ed. Domingos Barreira s/d. Р. 101.

²⁹ Barros João de. *Décadas da Ásia* I... Р. 100.

³⁰ Там же. Р. 101.

Его современник Дамиан де Гойш, историк, дипломат и высокопоставленный чиновник королевской канцелярии, в исторической хронике правления короля Мануэла (1566–1567 гг.) также связывает название страны с красным деревом и считает наименование *Brasil* ошибочным (*erradamente*), а первоначальное название, ассоциируемое с королевскими владениями, правильным: *toda haquella provincia, pera Coroa de Regnos de Portugal, a qual pos nome de Sancta Cruz, posto que se agora (erradamente) chame do Brasil, por caso de pao vermelho que della vem*³¹ – вся эта провинция, португальской короне принадлежащая, каковая названа была [земля] Святого Креста, хотя она и называется сейчас (ошибочно) Бразилией из-за красного дерева, которое оттуда привозят.

Перу де Магальянс Гандаву был наиболее последователен в своей критике, вынеся негативное отношение к народному названию прямо на титул своего знаменитого трактата об устройстве бразильских земель: *Historia da provincia Sãta Cruz a qui vulgarmẽte chamamos Brasil* (1576 г.) – История Провинции Святого Креста, которая в простонародье называется Бразилия, где название *Brasil* отмечено как простонародное (*vulgarmente*) в отличие от официального *Santa Cruz*. Первая же глава трактата названа *De como se descobrio esta provincia, & a razam porque se deue chamar Sancta Cruz, & nam Brasil*³² – О том, как была открыта эта провинция, и о причинах того, почему она должны называться [провинция] Святого Креста, а не Бразилия; т. е. автор трактата намеренно противопоставляет эти два названия в пользу первого из них. Высказываясь о причинах закрепления народного названия, он пишет с сожалением, что название *Brasil* этим землям дал простой необразованный народ из-за торговли красным деревом: [*o nome*] *lhe deu o vulgo mal considerado, depois que o pao da tinta coeteu de vir a estes Reinos. Ao qual chamaram brasil* [...] *e daqui ficou a terra com este nome de Brasil*³³ – [название] ей дал необразованный народ после того, как красное дерево стали привозить в наше королевство. Это дерево называли *brasil* [...] и оттого земля эта стала называться Бразилия. Любопытно, что более ранняя версия этого документа, относящаяся приблизительно к 1570 г., названа принципиально иначе: *Tratado da Terra do Brasil, no qual se cõtem a informacão das cousas que há nestas partes* – Трактат о Земле Бразилия, в котором содержатся сведения о том, что есть в этих краях; здесь ни о каком противопоставлении названий речь пока еще не идет, а страна названа более привычно.

Однако не все представители образованного сословия эпохи восприняли новое название в штыки. Уже упоминавшийся

выше Лопеш де Каштанеда пишет, что изначальное название *Santa Cruz* не закрепилось и страна всем известна как *Brasil*, хотя личного отношения к этому изменению не высказывает: *Nesta terra mãdou ho capitão moor meter hũa cruz alta de pedra e por isso lhe pos nome de Sãta Cruz*³⁴ – В этой земле велел капитан поставить высокий каменный крест и потому дал ей имя Святого Креста; *E porque esta terra era a que se agora chama ho Brasil que a todos he muyto comũ*³⁵ – И земля эта та, что сейчас зовется Бразилия, что всем весьма привычно.

Габриэл Соареш де Соуза, живший в Бразилии в последней трети XVI в. и владевший крупным поместьем, в «Описательном трактате о Бразилии в 1587 году» также не высказывает своего отношения к изменению официального названия страны, хотя упоминает оба и отмечает, что первое название *Santa Cruz* просуществовало многие годы (*muitos annos*): *A provincia do Brasil (...) muitos annos foi nomeada por de Santa Cruz*³⁶ – Провинция Бразилия [...] многие годы называлась [земля] Святого Креста.

К началу XVII в. антагонизм и неприятие названия *Brasil* стали сходить на нет. В «ДIALOGах о величии Бразилии» (1618 г.) предполагаемый автор Амброзиу Фернандеш Брандан фактически объединяет оба названия так, как это встречалось в более ранних документах: *nas provisões e cartas que [...] tratam dẽste Estado lhe chamam a terra de Santa Cruz do Brasil, e ẽste nome Brasil se lhe ajuntou por respeito de um pãu chamado dẽsse nome*³⁷ – В ордонасах и указах [...], трактующих об этой стране, она называется Земля Святого Креста Бразилии, и это название, Бразилия, было добавлено благодаря дереву, которое носит такое же название.

Так, постепенно дихотомия *Terra de Santa Cruz* – *Terra / Costa do Brasil* сужается до одного универсального названия *Brasil*. Сторонники идей гуманизма, отстаивавшие первоначальное официальное религиозно маркированное название, связывали имя новых колониальных земель с актом водружения креста и отслуженной литургией в честь этого события. Однако они не сумели отстоять эту идею. Купцы, первые колонисты, землевладельцы и моряки ассоциировали название с колониальным товаром, и именно эта мотивация стала основной. Такая модель наименования была типична для португальских факторий, ср., например, исторические названия *Costa da Malagueta* (букв. берег стручкового перца – совр. Либерия), *Costa do Marfim* (букв. берег слоновой кости – совр. Кот-д'Ивуар), *Costa do Ouro* (букв. берег золота – совр. Гана). Иностранные путешественники, географы и историки, не португальцы, посещавшие Бразилию во второй половине XVI в., называют

³¹ Góis Damião de. Crónica do Felicissimo Rei Dom Emanuel (1566–1567). Braga: Edições Vercial, 2010. P. 94.

³² Gandavo Pero Magalhães de. Historia da provincia Sãta Cruz a qui vulgarmẽte chamamos Brasil. Impresso em Lisboa, Officina de Antonio Gonsalvez, 1576. P. 6.

³³ Там же. P. 7.

³⁴ Castanheda F. Lopes de. Historia do descobrimento & conquista da India pelos portugueses... P. 92.

³⁵ Там же. P. 93.

³⁶ Sousa G. Soares de. Trarado descriptivo do Brasil em 1587. Rio de Janeiro: Typographia de João Ignacio da Silva, 1879. P. 3–4.

³⁷ Brandão Ambrósio F. Diálogos das Grandezas do Brasil (1618). Fundação Joaquim Nabuco, Recife, Editora Massangana, 1997. P. 15.

ее в своих сочинениях не *Santa Cruz*, а именно словом *Brasil* (*Brésil*; *Prasilien*), обычно в сочетании земля Бразилии, которое фигурирует либо в названии: *Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil...*³⁸ – История путешествия в землю Бразилии...; либо в самом тексте: *les autres [terres] plus vers le Midy, comme en la terre du Brésil*³⁹ – другие [земли] к югу, как земля Бразилии; *den wilden leuten des lands Prasilien*⁴⁰ – диких людей земли Бразилии.

Практически не употребляли термин *Santa Cruz* применительно к названию страны и иезуиты, ведшие в Бразилии активную цивилизационную, просветительскую и религиозную деятельность начиная с 1549 г. Название *Santa Cruz*, если и встречается, то объединено с *Brasil*: *para consolação da Província do Brasil, terra de Santa Cruz*⁴¹ – ради утешения Провинции Бразилии, земли Святого Креста. Термин *província* здесь соответствует территориальному делению, принятому в ордено иезуитов. В многочисленных письмах и документах, написанных членами ордена на португальском, испанском и на латыни, страна называется или просто *Brasil*, или *província / terras / costa / partes / estado do Brasil*⁴² – провинция / земля (земли) / страна Бразилия / берег / области Бразилии. В некоторых документах встречается название *India do Brasil / India Brasília*⁴³ – Бразильская Индия, что говорит не о географической ошибке, а о встроении новых бразильских земель в картину мира заокеанских (колониальных) владений, о единстве географических представлений и об их иерархии. Встречается сочетание *Brasil cristão*⁴⁴ – Христианская Бразилия, подчеркивающее возможность включения названия в религиозный, а не только в административно-деловой или коммерческий контекст.

Подводя промежуточный итог складыванию понятия *Brasil*, включающего в себя в том числе и название страны, следует сказать, что хотя оно возникло раньше, чем была открыта сама земля, его официальный статус признавался не всеми. Для ряда образованных представителей эпохи очевидная взаимосвязь между словом *Brasil* и красным деревом была слишком грубой и профанной и потому недостойной с точки зрения высших государственных целей. Значимо в данном случае, что члены ордена иезуитов, активно включившиеся в миссионерскую деятельность, с самого начала не принимали участия в дискуссии о правомочности простонародного названия и употребляли его в самых

разных контекстах, в том числе в религиозных. Позиция иезуитов, видевших в катехизации индейского населения и в приобщении его к стандартам европейской цивилизации смысл своего пребывания в этих землях, была сугубо практической. Достаточно вспомнить знаменитую фразу руководителя первой миссии иезуитов Мануэла да Нобрега: *Esta terra é nossa empresa, e o mais Gentio do mundo*⁴⁵ – Самая дикая во всем мире, эта земля и есть наша работа. Поскольку земля, где они жили и трудились, называлась всеми, кто имел к ней отношение, словом *Brasil*, то они не видели необходимости не использовать это название. Деятельность иезуитов, сопровождавшаяся активной перепиской, где название страны встречается часто, причем в разных лексических и, что важнее, в разных прагматических контекстах, в определенной степени нейтрализовала его простонародный характер, закрепив это название в обиходе.

Расширение значения термина *brasil*

Закрепившись в качестве названия страны, лексема *brasil* начинает приобретать ряд нарицательных значений, вторичных по отношению к имени собственному. Такое расширение семантики говорит, во-первых, об окончательном включении этого слова в лексикон, а во-вторых, о начинающейся концептуализации понятия *brasil*. Можно выделить четыре значения, которыми обладало данное слово в португальском языке к концу XVI – середине XVII в.: название страны, красное дерево, туземное население и язык туземного населения.

1. **Название страны.** В этом значении термин *Brasil* встречается наиболее часто и обладает всеми семантическими компонентами, присутствующими в названии географического объекта такого ранга. *Brasil* может обозначать территорию с точки зрения ее географического положения на глобусе; в этом смысле оно противопоставлено другим известным на тот момент участкам суши: Африке, Португалии, Индии, Китаю, Анголе: *são homens os holandeses com quem não só vizinhamos no Brasil, senão na Índia, na China, no Japão, em Angola*⁴⁶ – не только с голландцами мы соседствуем в Бразилии, но также и в Индии, в Китае, в Японии, в Анголе; *para acudir a Portugal, ao Brasil, à Índia, à África*⁴⁷ – чтобы приехать в Португалию, в Бразилию, в Индию, в Африку.

³⁸ Léry Jean de. Histoire d'un voyage fait en la terre du Brésil autrement dite Amérique [...] (1578). Lausanne: Bibliothèque romande, 1972. 308 p.

³⁹ Thevet André. Les Singularitez de la France antarctique, autrement nommée Amérique. Paris: Maurice de la Porte, 1558. P. 52r.

⁴⁰ Staden Hans. Warhaftige Historia und beschreibung eyner Landtschafft der Wilden / Nacketen / Grimmigen Menschfresser Leuthen [...]. Marburg [Marburg], 1557. S. 4.

⁴¹ Leite Soares S. História da Companhia de Jesus no Brasil. Lisboa-Rio de Janeiro: Livraria Portugal, Civilização Brasileira, 1938. T. 1. P. 26.

⁴² Leite Soares S. História da Companhia de Jesus no Brasil... P. 538, 540; Vieira Antônio. Cartas. T. I. Lisboa: Oficina da Congregação do Oratório, 1735. P. 8, 10, 15, 17; Cartas avulsas 1550–1568. Cartas jesuíticas II. Rio de Janeiro: Oficina Industrial Graphica, 1931. P. 49, 126.

⁴³ Anchieta José. Cartas, Informações, Fragmentos históricos e sermões do Padre Joseph de Anchieta (1554–1594). Cartas jesuíticas III. Rio de Janeiro: Civilização brasileira, 1933. P. 35, 71, 77.

⁴⁴ Cartas avulsas 1550–1568. Cartas jesuíticas II... P. 126.

⁴⁵ Cartas do Brasil (1549–1560). Cartas jesuíticas I. Rio de Janeiro: Civilização brasileira, 1931. P. 82.

⁴⁶ Vieira Antônio. Cartas do Padre Antônio Vieira (coordenadas e anotadas por J. Lúcio d'Azevedo). Tomo primeiro. Coimbra: Imprensa da Universidade, 1925. P. 86.

⁴⁷ Там же. P. 146.

Слово *Brasil* может указывать на подконтрольную территорию, страну, формирующуюся колонию; в этом смысле оно включает в себя части, входящие в единое целое, и представляет собой организованное в административном смысле слова пространство: *porque é a mais terrível peçonha que ha nas partes do Brasil*⁴⁸ – поскольку это самый ужасный яд, который есть во всех частях Бразилии; *não só esta capitania, mas todo o Brasil*⁴⁹ – не только это капанство, но вся Бразилия; *dividir o Estado do Brasil em duas governanças*⁵⁰ – разделить страну Бразилию на два губернаторства; *o procurador do Brasil tinha recebido um escrito*⁵¹ – прокурор Бразилии получил предписание.

Brasil может указывать на страну опосредованно через упоминание животных, людей или имущества; в этом смысле оно понимается как географическое и этнокультурное понятие, обладающее собственными характерными для него особенностями, противопоставленное остальным (например, Португалии): *que um dia lhe dissesse eu os nomes dos animais do Brasil*⁵² – чтобы однажды я перечислил ему названия животных Бразилии; *a maior parte dos engenhos do Brasil moem com água*⁵³ – на большей части плантаций Бразилии мельницы водяные; *a gente que por estas ilhas vive, anda despida ao modo do mais gentio do Brasil*⁵⁴ – люди, что живут на этих островах, ходят голыми, как и остальные дикари Бразилии; *a gente do Brasil é mais afidalgada do que imaginais*⁵⁵ – жители Бразилии знатнее, чем вы думаете.

Наконец, название страны *Brasil* может иметь прагматически маркированное употребление, на что указывают притяжательные и указательные местоимения (*este, nosso, seu*), имеющие не разграничительный характер (поскольку нет никакой «другой» Бразилии), а именно субъективирующую функцию (у нас в Бразилии, эту свою Бразилию); в этом смысле *Brasil* понимается как освоенное языковым сознанием комплексное понятие (концепт), подразумевающее больше информации, чем указано в контексте: *muitos vi d'estes, assi em Angola, como n'este Brasil*⁵⁶ – многих из них я видел, как в Анголе, так и здесь, в Бразилии; *dizão, que*

*vierão a este seu Brasil, lá da outra parte da terra*⁵⁷ – говорили, что приехали в эту свою Бразилию с другого конца земли; *nêsse nosso Brasil os seus primeiros povoadores deram em lavrar açúcares*⁵⁸ – у нас в Бразилии первые ее поселенцы занялись производством сахара.

Во всех перечисленных подтипах значения имеет место метонимический перенос: *terra do pau brasil* → *terra do Brasil* → *Brasil*.

2. Красное дерево. В этом значении термин *brasil* употребляется наряду с более частотным словосочетанием *pau (do) brasil* (дерево (из) Бразилии), которое в современном языке лексикализовалось в существительное *pau-brasil* (букв. бразильское дерево, т. е. красное дерево). В текстах XVI–XVII вв. наблюдается ряд колебаний. Одно из них заключается в наличии или отсутствии предлога *de*, в том числе у одного и того же автора: *há muito pau-brasil nestas capitancias*⁵⁹ – много красного дерева в этих капитанствах; *há muito pau do Brasil e algodão*⁶⁰ – много красного дерева и хлопка; *o rendimento do pau Brasil*⁶¹ – доход от красного дерева; *sem tratar do pau chamado do Brasil*⁶² – и это без учета красного дерева. Второе состоит в опущении в названии родового понятия *pau* (древесина, деревяшка): *que hia carregado de brasil para a ilha de Ainao*⁶³ – который шел с грузом красного дерева к острову Хайнань; *se descobriu um pau que tingia de amarelo, como o brasil vermelho*⁶⁴ – было найдено дерево, которое красит в желтый цвет, точно также как красное дерево – в красный. Сосуществование производящего названия *brasil* и производного *pau (do) brasil* говорит о том, что складывание термина шло постепенно, несмотря на то что именно это значение присутствовало у слова изначально.

3. Туземное население. В этом значении *brasil* встречается наряду с описательными сочетаниями *a gente do Brasil* (жители Бразилии), *o gentio do Brasil* (дикари или язычники Бразилии) и всегда противопоставлено значению «португальцы» или «европейцы». При этом в единственном числе *brasil* встречается крайне редко и в позиции несогласованного определения (*estudantes brasil* – ученики язычники).

⁴⁸ Sousa G. Soares de. Trarado descriptivo do Brasil em 1587... P. 155.

⁴⁹ Cartas avulsas 1550–1568. Cartas jesuíticas II... P. 443.

⁵⁰ Sousa G. Soares de. Trarado descriptivo do Brasil em 1587... P. 81.

⁵¹ Vieira António. Cartas. T. I... P. 25.

⁵² Vieira António. Cartas do Padre António Vieir... P. 137.

⁵³ Gandavo Pero Magalhães de. Tratado da Terra do Brasil: história da província Santa Cruz, a que vulgarmente chamamos Brasil (1570–1576). Brasília: Senado Federal, Conselho Editorial, 2008. P. 35.

⁵⁴ Sousa G. Soares de. Trarado descriptivo do Brasil em 1587... P. 7.

⁵⁵ Brandão Ambrósio F. Diálogos das Grandezas do Brasil... P. 105.

⁵⁶ Vasconcelos Simão de. Chronica da companhia de Jesu do Estado do Brasil (1663). T. I. Lisboa: Ed. Fernandes Lopes, 1865. P. LXXIII.

⁵⁷ Там же. P. LX.

⁵⁸ Brandão Ambrósio F. Diálogos das Grandezas do Brasil... P. 22.

⁵⁹ Gandavo Pero Magalhães de. Tratado da Terra do Brasil: história da província Santa Cruz... P. 110.

⁶⁰ Там же. P. 31.

⁶¹ Brandão Ambrósio F. Diálogos das Grandezas do Brasil... P. 111.

⁶² Там же. P. 35.

⁶³ Pinto Mendez Fernão. Peregrinação (1569–1578). T. I. Lisboa: Typographia Rollandiana, 1829. P. 136.

⁶⁴ Cardim Fernão. Tratados da Terra e gente do Brasil (1623–1625). São Paulo-Rio-Recife-Porto Alegre: Companhia Editora Nacional, 1939. P. 307.

В большинстве случаев слово употребляется как существительное во множественном числе (*brasis*): *As gentes que os portugueses chamaram e das quaes ha muitas convertidos aa fee, sam os Brasis*⁶⁵ – Люди, которых португальцы позвали и из которых многие обращены в [христианскую] веру, это туземцы Бразилии; *brevemente tornaremos ao primitivo estado dos indios, e os portugueses seremos brasis*⁶⁶ – вскоре мы вернемся в первобытное состояние индейцев, и португальцы станут бразильскими дикарями; *tinha sabido que dos defuntos que os Brasis mataram muitos tinham tomada parte de sua fazenda*⁶⁷ – узнал, что из тех людей, которых убили туземцы, многие были с его фазенды. Форма множественного числа, предполагающая изменение категориального значения количества (для географического объекта – всегда единичного), говорит о закрепившемся метонимическом переносе с названия страны на название ее жителей.

4. Язык туземного населения. В этом значении термин *brasil* встречается достаточно редко, конкурируя с описательными сочетаниями *língua do Brasil*, *língua brasílica*, *língua geral*, *língua da terra*: *Espera em pouco tempo falar ta o bem brasil como agora italiano*⁶⁸ – Надеется, что за короткое время будет говорить так же хорошо на языке туземцев, как сейчас говорит по-итальянски; *às vezes lhe falava homem portuguez e elle respondia brasil*⁶⁹ – иногда с ним говорили по-португальски, а он отвечал на туземном языке. Возникновение этого значения также является следствием метонимии.

Заключение

Термин *brasil*, существующий в португальском языке до открытия Бразилии в значении *красящее вещество пурпурного цвета*, благодаря возникновению новой географической реальности приобрел ряд значений, фактически вытеснивших первоначальное. Название страны *Brasil* представляет собой результат метонимического переноса с названия природного материала на название местности, где этот материал добывается: *pau brasil* > *terra do pau brasil* > *terra do Brasil* > *Brasil*. Новое значение слова и его употребление в качестве наименования колониальных владений вызвало неоднозначную трактовку у образованных современников, настаивавших на закреплении названия *Santa Cruz*. Их возражения против узаконивания названия *Brasil* опирались на небожественное значение термина,

на его профанный, земной характер. Определенный вклад в этот спор внесли иезуиты, развернувшие миссионерскую деятельность в Бразилии и с самого начала называвшие страну словом или словосочетанием, содержащим термин *Brasil*, что во многом способствовало его закреплению. Тем не менее дискуссия вокруг названия страны открыла пути для семантического развития термина, что было бы невозможно, если бы базовым осталось первоначальное *Santa Cruz*. Несакральный характер слова *brasil* и его знакомая португальскому языковому сознанию внутренняя форма (независимо от надежности той или иной этимологии) стали основой для механизма метонимического переноса, который в данном случае был трехэтапным: нарицательное понятие (*brasil*) → имя собственное (*Brasil*) → нарицательное понятие (вторичные значения слова *Brasil*).

Закрепившись на рубеже XVI–XVII вв. в качестве единственного названия страны, термин *brasil* начинает применяться для обозначения понятий, семантически связанных со страной, с ее народом, с языком этого народа и, разумеется, с основным товаром, который поставяет эта страна. Тем самым формируется круг значений, противопоставляющих то, что связано с Бразилией, всему остальному, прежде всего – Португалии. Это заметно в трех значениях слова *brasil* из четырех существовавших: название страны, народа и языка. Именно эти понятия и лежат в основе национальной и языковой идентичности. Можно сказать, что ядро лексико-семантического поля *Brasil* сформировалось в первые сто лет после открытия страны и начала ее колонизации. Впоследствии это поле расширилось за счет возникновения новых компонентов, связанных с центральным понятием этимологически и семантически, в частности, появились термины *brasileiro*, *brasílico*, *brasiliense*, *brasilidade* и др. Некоторые из них взяли на себя часть исходных значений *brasil* (например, *brasileiro* в значении этнонима или *brasílico* в значении «язык туземцев»). В целом существование списка однокоренных лексем с общим семантическим компонентом говорит о становлении лексико-семантического поля *Бразилия* со сложившейся структурой и специализацией значений по разным лексемам, а само это поле является одним из инструментов манифестации национальной языковой идентичности.

Литература

1. Загряжская Т. Ю. Этнодискурс в пространстве языка и культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 52–65.
2. Загряжская Т. Ю. Франция и франкофония: язык, общество, культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. 245 с.
3. Joseph J. Language and identity: national, ethnic, religious. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. 268 p.
4. Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

⁶⁵ Pinto Mendez Fernão. Peregrinação... P. 5.

⁶⁶ Vieira António. Cartas // O Corpus do Português. Режим доступа: <https://www.corpusdoportugues.org> (дата обращения: 03.04.2020).

⁶⁷ Barros João de. Décadas da Ásia I... P. 326.

⁶⁸ Cartas avulsas 1550–1568. Cartas jesuíticas II... P. 211.

⁶⁹ Там же. P. 356.

5. Корниенко О. Ю. Культурно-языковая идентичность: традиционный и современный подходы // *Alma Mater (Вестник Высшей Школы)*. 2017. № 9. С. 101–105.
6. Раевская М. М. Языковая идеология как ментальная модель и исследовательская парадигма // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 2. С. 24–35.
7. Арутюнова Н. Д. От редактора // *Логический анализ языка. Избранное 1988–1995* / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 456–460.
8. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 780 с.
9. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995. 766 с.
10. Noll V. O português brasileiro: formação e contrastes. São Paulo: Globo, 2008. 399 p.
11. Noll N., Dietrich W. (orgs.) O Português e o tupi no Brasil. São Paulo: Contexto, 2016. 229 p.
12. Noll V. Brasil: Herkunft und Entstehung eines Toponyms // *Vox Romanica*. 1996. Vol. 55. № 1. P. 188–202.
13. Sousa Mello L. O nome do Brasil // *Revista de História*. 2001. № 145. P. 61–86. DOI: <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.v0i145p61-86>
14. Leite E. Predadores. Repensando o Brasil nos seus fundamentos morais. Rio de Janeiro: Jaguaritica, 2019. 231 p.
15. Фаусту Б. Краткая история Бразилии. М.: Весь Мир, 2013. 446 с.
16. Сапрыкина О. А. Описание Бразилии в португальских письменных памятниках XVI века // *Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире: история и современность: доклады и мат-лы третьего Междунар. форума*. (Санкт-Петербург, 2–4 октября 2017 г.) СПб.: Скифия-принт, 2017. С. 2325–2333.
17. Alvim M. H., Brzozowski S. Saberes no Brasil dos séculos XVI e XVII: Produção e circulação // *Brazilian Journal of Development*, Curitiba. 2019. Vol. 5. № 8. P. 13079–13085. DOI: [10.34117/bjdv5n8-123](https://doi.org/10.34117/bjdv5n8-123)
18. Lehmann M. The depiction of America on Martin Waldseemüller's world map from 1507 – Humanistic geography in the service of political propaganda // *Cogent Arts & Humanities*. 2016. Vol. 3. № 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311983.2016.1152785>

original article

Brazilian National Identity and the Notion of Brazil

Dmitry L. Gurevich ^{a, @, ID}

^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ caipira@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-1941-8226>

Received 17.04.2020. Accepted 01.06.2020.

Abstract: The Portuguese word "Brazil" is a complex notion for bearers of Brazilian language identity. Not only does it include the name of the country but also a number of generic notions, one of which is primary with respect to the geographical name and others are secondary. The name of the country goes back to the word-combination pau brasil (mahogany). This secular name co-occurred with a sacral one, i.e. Terra de Santa Cruz. The secular variant survived in spite of the negative attitude it evoked in the first decades of its existence. Its further reassessment led to the formation of other notions that form the core of the semantic field "Brazil". The peculiar feature of this field is its early formation (mid XVII century) and early elaboration of various meanings that the word "Brazil" has retained up to now. The complex notion "Brazil", which includes such meanings as "mahogany", "country", "indigenous population", "territories", and "language", is so multifold due to its secular nature: the sacral name of Santa Cruz (Holy Cross) could not have been used in such a way.

Keywords: language identity, lexical-semantic field, metonymy, cultural concept

For citation: Gurevich D. L. Brazilian National Identity and the Notion of Brazil. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 811–820. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-811-820>

References

1. Zagryazkina T. Yu. Ethnodiscours in the space of language and culture. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2016, (2): 52–65. (In Russ.)
2. Zagryazkina T. Yu. *France and francophonie: language, society, culture*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2015, 245. (In Russ.)

3. Joseph J. *Language and identity: national, ethnic, religious*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006, 268.
4. Huntington S. The Clash of Civilizations? *Foreign Affairs*, 1993, 72(3): 22–49.
5. Kornienko O. Yu. Cultural and linguistic identity: traditional and modern approaches. *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2017, (9): 101–105. (In Russ.)
6. Raevskaya M. M. Language ideology as a mental model and research paradigm. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, (2): 24–35. (In Russ.)
7. Aroutiounova N. D. Editorial. *Logical analysis of the language. Favorites 1988–1995*, comp. and ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Indrik, 2003, 456–460. (In Russ.)
8. Wierzbicka A. Semantic universals and language descriptions. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 780. (In Russ.)
9. Apresyan Yu. D. *Selected Works. Vol. II. Integral description of the language and systemic lexicography*. Moscow: Shk. "Iaz. rus. kultury", 1995, 766. (In Russ.)
10. Noll V. *O português brasileiro: formação e contrastes*. São Paulo: Globo, 2008, 399.
11. Noll N., Dietrich W. (orgs.) *O Português e o tupi no Brasil*. São Paulo: Contexto, 2016, 229.
12. Noll V. Brasil: Herkunft und Entstehung eines Toponyms. *Vox Romanica*, 1996, 55(1): 188–202.
13. Sousa Mello L. O nome do Brasil. *Revista de História*, 2001, (145): 61–86. DOI: <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.v0i145p61-86>
14. Leite E. *Predadores. Repensando o Brasil nos seus fundamentos morais*. Rio de Janeiro: Jaguaritica, 2019, 231.
15. Fausto B. *A brief history of Brazil*. Moscow: Ves Mir, 2013, 446. (In Russ.)
16. Saprykina O. A. Description of Brazil in the Portuguese written monuments of the XVI century. *Russia and Iberoamerica in a globalizing world: history and modernity*: Proc. third Intern. forum, St. Petersburg, October 2–4, 2017. St. Petersburg: Skifia-print, 2017, 2325–2333. (In Russ.)
17. Alvim M. H., Brzozowski S. Saberes no Brasil dos séculos XVI e XVII: Produção e circulação. *Brazilian Journal of Development, Curitiba*, 2019, 5(8): 13079–13085. DOI: 10.34117/bjdv5n8-123
18. Lehmann M. The depiction of America on Martin Waldseemüller's world map from 1507 – Humanistic geography in the service of political propaganda. *Cogent Arts & Humanities*, 2016, 3(1). DOI: <https://doi.org/10.1080/23311983.2016.1152785>

Жанро-стилевые характеристики новеллы Анны Гавальда "Petites pratiques Germanopratives" («Некоторые особенности Сен-Жермен»)

Тамара П. Карпухина^{a, @, ID}

^a Тихоокеанский государственный университет, Россия, г. Хабаровск

@ tkarpukhina1@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

Поступила в редакцию 14.04.2020. Принята к печати 29.06.2020.

Аннотация: Объектом рассмотрения статьи является новеллистическое творчество современной французской писательницы Анны Гавальда. Предмет изучения составляют жанро-стилевые признаки новеллы "Petites pratiques Germanopratives" («Некоторые особенности Сен-Жермен»), с которой начинается сборник "Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part" («Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...»). Как показал анализ, новелле присущи такие канонические отличительные признаки новеллистического жанра, как малый объем; ограниченное число персонажей; сосредоточенность на повседневной личной жизни людей; сфокусированность на одном, переломном событии; драматический характер развития сюжета; наличие перипетий и ярко выраженного кульминационного пункта, завершающегося неожиданной концовкой; прозаичный, нейтральный стиль повествования, передаваемый нейтральной и обиходно-бытовой, разговорной лексикой. Помимо признаков, свойственных новеллистическому жанру в целом, новеллам Анны Гавальда присущи специфические черты: субъективная повествовательная перспектива; психологизм; использование внутренней речи, включающей внутренний диалог героини-рассказчика с собой и воображаемым собеседником (читателем и антагонистом); пространственно-временная ограниченность художественного мира; динамичность повествования, приобретающего кинематографический характер; мотив дороги и случайной встречи; антитетичность основополагающих смыслообразующих мотивов в сюжетно-фабульной организации; апелляция к прецедентным именам, топонимическим наименованиям и художественным деталям; применение разноуровневых языковых средств, организующих повествование и описывающих внутренний мир героини.

Ключевые слова: повествование от первого лица, психологизм, внутренняя речь, хронотоп, динамичность, кинематографичность повествования, мотив случайной встречи, драматизм новеллы, перипетия, прецедентное имя, топоним, художественная деталь

Для цитирования: Карпухина Т. П. Жанро-стилевые характеристики новеллы Анны Гавальда "Petites pratiques Germanopratives" («Некоторые особенности Сен-Жермен») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 821–830. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-821-830>

Введение

Настоящая статья посвящена изучению особенностей малой повествовательной прозы Анны Гавальда, признанной мастера современной французской литературы. Произведения писательницы, неизменно привлекающие внимание читателей, критиков, кинематографистов, отмеченные престижными премиями на национальных конкурсах, переведены на 36 иностранных языков. О популярности новелл и романов Анны Гавальда говорят тиражи ее произведений, насчитывающие более пяти миллионов экземпляров. Вместе с тем творчество Анны Гавальда, относящееся к качественной массовой литературе, снижавшее признание читателей в самых разных уголках мира,

не получило должного освещения в науке, что обуславливает актуальность его исследования с самых разных позиций, литературоведческих, лингвистических и др.

Объектом рассмотрения является новелла Анны Гавальда "Petites pratiques Germanopratives" («Некоторые особенности Сен-Жермен»). О значимости произведения свидетельствует тот факт, что именно с него начинается первый сборник новелл Анны Гавальда "Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part"¹ («Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал...»²), включающий 12 новелл. В статье исследуются жанро-стилевые характеристики новеллы «Некоторые особенности Сен-Жермен».

¹ Gavalda A. Je voudrais que quelqu'un m'attende quelque part. Paris: J'ai lu, 2001. 158 p. Режим доступа: <https://avidreaders.ru/read-book/je-voudrais-que-quelqu-un-m.html> (дата обращения: 05.04.2020).

² Гавальда А. Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал... / пер. с фр. Н. Хотинской, Е. Клоковой. М.: Изд-во АСТ, 2019. 224 с. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=54980&rp=1> (дата обращения: 05.04.2020).

Теоретическую и методологическую базу исследования составили как основополагающие работы по теории литературных жанров (С. С. Аверинцев, Б. В. Томашевский, О. М. Фрейденберг, Г. Н. Пospelов, В. В. Кожин, М. М. Бахтин, В. Е. Хализев, А. В. Чернец), так и труды ведущих отечественных литературоведов, посвященные новеллистическому жанру (Б. Эйхенбаум, М. А. Петровский, В. Б. Шкловский, Б. В. Томашевский, А. В. Михайлов, В. В. Кожин, В. П. Скобелев, Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, М. Н. Эпштейн).

Новелла: определение, генезис, отличительные признаки

Вопрос о статусе новеллы в ряду других видов литературы остается по сей день открытым. Ряд ученых не считают новеллу самостоятельным литературным жанром, отождествляя ее с рассказом [1, с. 243; 2; 3, с. 206]. Так, атрибутируя анализируемые произведения как новеллы, авторы статьи «Комический код: лингвостилистические средства репрезентации (на примере анализа новелл А. Доде и О. Мирбо)» на протяжении всего текста используют исключительно термин *рассказ* [4].

Другие исследователи полагают, что новелла представляет собой отдельный канонический жанр эпики [5, с. 55–59], близкий, но не тождественный рассказу. В развернутом определении в «Большой Советской энциклопедии», в котором обозначены статус, структура, содержательные и формальные свойства новеллы, а также ее генезис, М. Н. Эпштейн характеризует новеллу как «литературный малый повествовательный жанр, сопоставимый по объему с рассказом (что дает иногда повод для их отождествления), но отличающийся от него генезисом, историей и структурой. Н., как явствует из ее названия, "есть нечто иное, как случившееся неслыханное происшествие" [Гете]. Поэтизируя случай, Н. предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события. В отличие от рассказа – жанра новой литературы на рубеже 18–19 вв., выдвигающего на первый план словесную фактуру повествования и тяготеющего к развернутым описательным характеристикам, Н. есть искусство сюжета в наиболее чистой форме, сложившееся в глубокой древности, в тесной связи с ритуальной магией и мифами и обращенное прежде всего к деятельной стороне человеческого бытия. Новеллистический сюжет, построенный на ситуативных антитезах и резких переходах между ними, распространен во многих фольклорных жанрах (сказка, басня, средневековый анекдот, фавлю, шванк)» [6, с. 62–63]. В определении, данном в «Литературном энциклопедическом словаре», М. Н. Эпштейн подчеркивает, что новелла отличается от рассказа «острым центростремительным сюжетом, нередко парадоксальным, отсутствием описательности и композиционной строгостью» [7, с. 248].

В приведенных определениях обозначен целый ряд отличительных жанро-конституирующих признаков новеллы,

которые отмечаются многими исследователями: жанровая характеристика новеллы как повествовательного произведения; ее малый формат, предполагающий ограниченность как в объеме текста, так и в количестве персонажей; четкая композиция; парадоксальный сюжет, в основе которого лежит противоречие; сконцентрированность на одном центральном событии; роль казуса-случая и необычайного происшествия; наличие перипетии и неожиданной, непредвиденно-острой концовки; строгость языкового оформления, предполагающая отсутствие развернутых описаний.

Указанные сущностные дифференциальные признаки новеллы ученые не подвергают сомнению. Некоторые расхождения в трактовках относятся к расстановке акцентов, касающихся национального своеобразия новеллы, значимости тех или иных признаков, степени их распространенности.

Увязывая генезис новеллы со средневековым анекдотом [8, с. 46], ученые отмечают ее сюжетное родство с другими малыми жанрами, подчеркивая связь между сложившимися фольклорными разновидностями (сказка, басня, притча, анекдот, немецкий *Schwank* – шутка, фарс, французская *fable* – басня, выдумка, *conte* – сказка, рассказ, итальянская *novellino*, английский устный рассказ – *tale*, зарисовка – *sketch*), которые также оказали влияние на формирование новеллистического жанра в литературе разных стран [9–12].

Не отвергая такой важной качественной характеристики, как интенсивный, сжатый сюжет новеллы, повествующий об одном событии, Виктор Шкловский указывает на относительность этого признака, приводя в пример некоторые произведения А. П. Чехова [13, с. 153].

В повествовательном фокусе новеллы, исторически восходящей к анекдоту, действие в которой движется от завязки к развязке, находится перипетия. Со времен Аристотеля этим термином «обозначаются внезапные и резкие сдвиги в судьбах персонажей – всевозможные повороты от счастья к несчастью, от удачи к неудаче либо в обратном направлении»; в сюжетах, где наличествуют перипетии, как подметил В. Е. Хализев, «воплощается представление о власти над человеческими судьбами всевозможных случайностей» [14, с. 244–245]. Перипетия как неожиданное осложняющее обстоятельство обуславливает резкий поворот в сюжетном развертывании и переход от кульминации к развязке.

Подчеркивая решающее значение в новелле поворотного пункта, или пуанта (франц. *pointe* – острие), Н. Д. Тмарченко и др. отмечают, что пуант как «финальная перемена точки зрения (героя, читателя)» обусловлен «новым, неожиданным событием, которое явно противоречит логике предшествующего сюжетного развития»; с помощью пуанта новелла «создает новое видение житейской ситуации», выявляя «ее скрытый, но подлинно актуальный аспект» [5, с. 56–59]. Внезапное обнажение скрытого поначалу второго плана повествования, а значит, высвечивание существования двух логически не совместимых планов, и придает сюжету новеллы парадоксальность, отмеченную выше.

Особая роль перипетии и пуанта, резко меняющих ситуацию на противоположную, придает новелле драматичность. «Новелла в своем построении часто отправляется от драматических приемов, представляя собой иногда как бы сокращенный в диалогах и дополненный описанием обстановки рассказ о драме» [1, с. 246], – утверждает Б. В. Томашевский.

Отличительным сущностным признаком новеллистического жанра является изображение частной жизни людей, житейской ситуации, воссоздаваемой прозаическим нейтральным стилем. Во многих новеллах, где даются сценки из жизни, повествование ведется от лица рассказчика, что подчеркивается в следующей характеристике: «Новелла, как правило, изображает определенное стечение обстоятельств, послужившее поводом для рассказывания той или иной истории, и выделяет так или иначе личность рассказчика» [5, с. 58].

Соответствие новеллы сущностным признакам не означает ее абсолютной неизменности и застывленности. Испытывая влияние других жанров, расширяя и углубляя внутрижанровые возможности развития, новелла с течением времени эволюционирует: «Претерпевая серьезную эволюцию, совершенствуя структуру, мастерство интриги, диалогичности, развивая повествовательную технику, расширяя рамки художественного времени, обогащая психологической интроспекцией», новелла в целом «сохраняет свои базовые признаки: прозаическую форму, относительную краткость, сюжетно-фабульную конструкцию, в которой преобладают динамические мотивы, сосредоточение средств типизации вокруг одной центральной проблемы, подчеркнутое значение развязки, содержащей пуант» [10, с. 28].

Сохраняя присущие ей константные признаки, новелла вбирает в себя новаторские приемы и техники, включая изобразительно-выразительные средства, основывающиеся на интермедальном, интерсемиотическом взаимодействии разных видов искусств, о чем свидетельствует появление в новелле, в частности, экфрастических мотивов [15; 16].

Жанро-стилевые характеристики новеллы Анны Гавальды «Некоторые особенности Сен-Жермен»

Анализ показывает, что в рассматриваемом произведении находят свое отражение как черты, присущие новеллистическому жанру в целом, так и специфические характеристики, в которых проявляется своеобразие данной новеллы.

Прежде всего, отметим такой канонический дистинктивный жанровый признак, как небольшой объем, характеризующий новеллу Анны Гавальды, весь текст которой уложился в пять листов малого формата. Это значит, что новелла полностью соответствует требованию, выдвинутому еще Эдгаром По, одним из первых теоретиков и практиков жанра новеллы, который отметил, что на чтение новеллы (*a short story*) должно уходить от получаса до двух часов, чтобы добиться нужного впечатления [11, с. 60].

Отличительным признаком новеллы Анны Гавальды является субъективная повествовательная перспектива, которая часто встречается в произведениях этого жанра, но обязательным, обязательным свойством новелл не является. Субъективизированная, или гомодиегетическая, форма повествования (гомо – однородный, диегезис – история) [17, с. 28] характерна для «произведения с рассказчиком, повествующим в форме 1-го лица и являющимся одновременно протагонистом, т. е. главным героем действия, или по крайней мере, одним из его главных персонажей. <...> рассказчик одновременно является и повествующим субъектом, и объектом повествования» [18, с. 138]. Персонифицированный Я-повествователь в новелле предстает рассказчиком, который не только выступает «как полноценный участник описываемых событий» [19, с. 13], но и максимально вовлечен в повествование, организуя его и выступая его ориентационным центром. В анализируемой новелле на всем протяжении текста повествование ведется от имени героини, рассказывающей читателю приключившуюся с ней историю.

С первых страниц новеллы, представляющих читателю, как завязывается действие, становится очевидным, что в ней всего два ведущих персонажа: героиня, она же рассказчик, и молодой мужчина, которого она случайно встретила на бульваре Сен-Жермен (*Donc, ce matin, j'ai croisé un homme sur le boulevard Saint-Germain*³). И здесь новелла не отходит от канонического принципа новеллистического сюжета, характерным признаком которого является ограниченное число действующих лиц.

С первых же строк рассказчик дает понять, что речь пойдет об истории из жизни, представляющей интерес для любого читателя, которого не оставит равнодушным история о любви, рассказ о свиданиях, об одиноких мужчинах, не очень счастливых в личной жизни (*Quand on vous titille le cœur avec ces soirées prometteuses, ces hommes qui vous font croire qu'ils sont célibataires et un peu malheureux*). Это означает, что данное произведение относится к романтическому типу новелл (*a romance story*), сфокусированных на частной, личной жизни людей и их переживаниях, что является одним из жанро-образующих, дифференциальных признаков новелл такого рода.

Любопытно, что в новелле не приводятся имена двух главных персонажей, взгляды которых случайно встретились, они обменялись улыбками, что и обусловило все последующие референтные, фабульные события, составившие основу сюжета. От внимания читателя не ускользнет и тот факт, что на всем протяжении повествования рассказчик повторяет одни и те же личные местоимения *я* и *он* (*je, il*).

Отсутствие имен собственных является значимым минус-приемом, осуществляющим, в купе с заменяющими их местоимениями, семиотическую функцию, свойственную индексальному знаку. Данный прием служит указанием на то, что жизнь в большом городе каждодневно сталкивает

³ Все примеры по тексту приведены из новеллы "Petites pratiques Germanoprates".

людей, незнакомых друг с другом, и они тут же забывают эти случайные, мимолетные встречи. Отсутствие имен может также намекать на типичность, распространенность рассказываемой истории, которая может случиться с любым человеком.

Новелла Анны Гавальды соответствует и такому важному признаку новеллистического жанра, как драматизм разворачивающейся истории. Интрига, драматичность сюжета и в то же время типичность описываемой истории состоит в том, что случайная встреча, породившая столько надежд в душах двух одиноких людей, мужчины и женщины, завершилась, как это нередко бывает, ничем.

Существенно важным представляется акцент на некоем случайном, но впоследствии оказывающемся очень значимым событии. При этом случай играет ведущую роль не только в завязке сюжета, но и, как станет ясно по ходу развития действия, в его кульминации и развязке.

Эпизод, описывающий случайную встречу главных героев, побуждает нас обратиться к идее хронотопа, характеризующего пространственно-временную организацию произведения. Нетрудно увидеть в этом эпизоде актуализацию двух хронотопических мотивов, а именно встречи и дороги, взаимосвязь которых подметил М. М. Бахтин: «Дорога – преимущественное место случайных встреч. <...> Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы. <...> Это точка завязывания и место совершения событий. <...> Дорога особенно выгодна для изображения события, управляемого случайностью» [20, с. 177–178].

Обратимся к другим аспектам хронотопической организации рассматриваемого произведения. Что касается художественного пространства новеллы, относящейся к малой повествовательной форме, то оно так же, как и объем произведения, как и количество персонажей, весьма ограничено. В заглавии новеллы и в ее первых строках звучит название бульвара Сен-Жермен-де-Пре (*Saint-Germain-des-Près*), часто служащего местом действия в романтических произведениях, в центре внимания которых находятся двое: мужчина и женщина. Неудивительно, что предвидя упреки воображаемого читателя в банальности таких историй, описанных еще Франсуазой Саган, героиня настаивает, что произошедшая с ней история могла случиться только на бульваре Сен-Жермен, но никак не в каком-либо другом месте, к примеру, на бульваре Клиши: *Mais qu'est-ce que vous voulez ... je ne suis pas sûre que tout cela me serait arrivé sur le boulevard de Clichy, c'est comme ça*.

Маркируя место действия, автор не перегружает текст большим количеством топонимов, ограничиваясь названиями бульвара, нескольких близлежащих улиц (*Rue des Saints-Pères, rue Saint-Benoît, rue Saint-Jacques*) и достопримечательностей – фешенебельных магазинов, кафе, винных погребков (*la vitrine de chez Paule Ka, Lipp, Deux-Magots,*

Le Chiquito). Следует отметить, что автор, соблюдая законы жанра, избегает развернутых подробных описаний на всем протяжении повествования, в том числе и при использовании топонимических названий.

Важно подчеркнуть, что все они являются реально существующими наименованиями, отражающими топонимию Парижа и известными каждому французу. Иными словами, в новелле используется целый ряд национально-культурных прецедентных имен, которые создают художественный мир новеллы, придавая ему особый, французский колорит. Поскольку прецедентные имена, обозначающие городскую среду обитания, относятся к центральной, фешенебельной части столицы, где расположены в основном места отдыха парижан, использование этих топонимических наименований настраивает читателя на предвкушение праздника, отрешения от тусклых будней.

Заслуживает внимания и то, как представлено время в рассматриваемой новелле. Прежде всего, бросается в глаза то обстоятельство, что в ней описывается один лишь день, включающий, однако, целый ряд событий, обладающих разной значимостью. Художественную реальность, в которой происходят эти события, можно представить в двух проекциях, а именно текста и смысла: «В проекции текста – как система кадров внутреннего зрения, или, выражаясь точнее, как система "кадронесущих" микрофрагментов текста; в проекции смысла – как система мотивов» [8, с. 58–59]. Добавим, что мотив как «компонент произведений, обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [21, с. 267], несет смыслообразующую нагрузку.

В проекции текста события одного дня можно представить в виде следующих кинокадров замедленной съемки: случайная встреча – остановка перед тем, как перебежать оживленную улицу, – останавливающий героиню голос – прикосновение – офис перед окончанием рабочего дня – бульвар Сен-Жермен – кафе Чикито – встреча на улице Сен-Пер – улица Сен-Жак – винный погребок – неожиданный звонок мобильника – расставание. Динамичность повествования приобретает кинематографический характер. Можно рассматривать эти эпизоды и как «ряд отдельных сцен, каждая из которых дается со своей пространственной позиции; совокупность этих сцен, собственно говоря, и передает движение – подобно тому, как передает движение совокупность кадров киноплёнки, каждый из которых в отдельности неподвижен» [22, с. 108].

В проекции смысла развернутая нить событий, при свертывании их в клубок, преобразуется в цикл важнейших смыслообразующих мотивов, в основу которых заложена явная антитетичность: случайная встреча – приобретение – случайный звонок – утрата. Здесь со всей очевидностью проявляется справедливость утверждения о том, что сферу мотивов, каждый из которых «так или иначе локализован в произведении, но при этом присутствует в самых разных формах, <...> составляют звенья произведения,

отмеченные внутренним, невидимым курсивом, который подобает ощутить и распознать чуткому читателю и литературоведу-аналитику» [21, с. 267].

Напомним в этой связи предложенное русской формальной школой (В. Шкловский, Б. В. Томашевский и др.) разграничение фабулы и сюжета. Житейские события, лежащие в основе материала произведения, относятся к фабуле, тогда как их формальная обработка называется сюжетом [23, с. 204]. Заметим, что здесь можно увидеть не только перечисленные житейские события (материал, фабулу) и их расположение (формальную обработку, сюжет), но и выявить заложенный в такой композиции смысл (смыслообразующие мотивы).

Немаловажную роль в организации повествования в новелле играет художественная деталь. Будучи прежде всего средством «выразить общее через частное» [24, с. 153], художественная деталь есть не что иное, как «художественный образ, точнее, особая разновидность его, располагающаяся на ином, более низком уровне, чем такие элементы фабулы, как персонажи, события, ситуации» [24, с. 154]. Художественная деталь может выполнять самые разнообразные функции: изобразительную, уточняющую, характерологическую, имплицитную и символическую [25, с. 110–119].

Выше приводились детали – топонимические наименования, которые создавали образ Парижа, особенно выделяя бульвар Сен-Жермен и характеризуя его как известное всем парижанам место встреч влюбленных; детали уточняли маршрут передвижения героев, задавая повествованию динамичность и необходимую тональность, имплицитно формируя у читателя ожидания романтического приключения с соответствующим счастливым завершением.

Примечательно использование предметно-вещных деталей в эпизоде, относящемся к посещению героями кафе. Напомним образное высказывание Виктора Шкловского: для того чтобы вещь стала предметом искусства, ее надо «расшевелить», вырвать «из ряда привычных ассоциаций, в которых она находится. Нужно повернуть вещь, как полено в огне» [23, с. 79].

Описывая мужчину, который ей очень симпатичен, героиня-рассказчик обращает внимание на такие предметно-вещные детали, как старенькая серая, кашемировая водолазка (*Il porte un col roulé gris en cachemire. Un vieux col roulé*), заплатки на локтях, дырочка у правого запястья (*Il a des pièces aux coudes et un petit accroc près du poignet droit*). И неожиданно она замечает этикетку костюма, указывающую на то, что выглядящий очень скромным пиджак (*Une veste très discrète*) шит на заказ (*c'est une veste coupée sur mesure*) в дорогом ателье *Old England*. Так, с помощью художественной детали создается образ персонажа, который, явно обладая высоким социальным статусом, ценит старые вещи, некогда подаренные, скорее всего, матерью на день рождения (*Le cadeau des ses vingt ans peut-être*). Детали

добавляют и новые штрихи к образу героини, внимательно всматривающейся в сидящего напротив мужчину, как могут смотреть только любящие глаза. Отметим визуальную образность указанных деталей, придающих фрагментарному новеллистическому повествованию своеобразную импрессионистичность [26, с. 162–163], заражающую читателя романтическим, лирическим настроением.

Одной из важнейших сущностных характеристик новеллы как литературного жанра является наличие перипетии и ярко выраженного кульминационного, переломного момента, завершающегося неожиданной острой концовкой (пуантом). Кульминация – самая яркая сцена рассматриваемого произведения: *c'est à peine visible, c'est vraiment bien calculé et c'est drôlement bien exécuté: en le déposant sur mes épaules nues, offertes et douces comme de la soie, il trouve la demi-seconde nécessaire et l'inclinaison parfaite vers la poche intérieure de sa veste pour jeter un coup d'œil à la messagerie de son portable* – Очень ловко, почти незаметно, точно рассчитано и классно проделано! – опуская его на мои обнаженные плечи, беззащитные и нежные как шелк, он нашел-таки необходимые полсекунды и идеальный угол наклона головы к внутреннему карману пиджака, чтобы взглянуть на дисплей своего мобильного⁴.

Вслед за кульминацией следует развязка, маркируемая лаконичным описанием резкой смены настроения героини. С небес ее опустило на землю, романтические ожидания сменились гневом и горечью. Молодую женщину вывело из себя то, что ее спутник использовал те полсекунды, когда он наклонился к ней для поцелуя, для того чтобы украдкой взглянуть на мобильный телефон. После этого героиню уже ничто не радует, в том числе и его предупредительность, искреннее к ней внимание и желание продолжить отношения.

Вернемся вновь к художественной детали, играющей в этом эпизоде важную роль. Помимо осуществления ранее указанных функций изображения, уточнения, характеристики и др., художественная деталь, будучи введенной в фокус восприятия, способна задержать внимание читателя и затормозить восприятие развития сюжета.

Такая ретардация особенно эффективна в случае нанизывания деталей, создающих кумулятивный эффект, в целом свойственный новелле, краткость которой требует интенсивного, стремительного развития сюжета, приводящего к кульминации. Реализуясь в предельно ограниченном пространстве новеллы, традиционная четырехфазная фабульно-сюжетная модель новеллистического произведения (завязка – перипетия – кульминация – развязка) [8, с. 38–39] задействует потенциал детали для максимального сгущения, концентрации действия, достигающего кульминации, которая внезапно разрешается в неожиданной развязке.

С помощью ряда предметно-вещных деталей, относящихся к костюму мужчины, отмечаемых взглядом героини, задерживается тот самый пуант – переломный момент

⁴ Гавальда А. Мне бы хотелось, чтобы меня кто-нибудь где-нибудь ждал ... С. 20.

в сюжете новеллы, обозначенный внезапно прозвучавшим телефонным звонком. Художественная деталь опосредованно участвует в создании эффекта обманутого ожидания: ни героиня, описывающая свои эмоции в тот момент, ни читатель, внимающий рассказанной истории, не ожидали такой концовки.

Обращаясь к анализу стилевых особенностей новеллы, необходимо отметить как их соответствие основным признакам жанра, так и их своеобразие, указывающее на мастерское владение автором всем возможным арсеналом изобразительно-выразительных средств.

Предваряя изложение языковых средств, соответствующих новеллистическому канону, отметим своеобразие идиостиля автора, которое проявляется в особой роли в новелле внутренней речи, о которой речь пойдет ниже. Разнообразные формы внутренней речи – внутренний диалог рассказчика с читателем, аутодиалог с внутренним Я, внутренний диалог с антагонистом-персонажем – свидетельствуют о включении в новеллистическое повествование элементов психологической прозы, отражающих эмоциональное отношение героини к происходящему.

Язык новеллы «Некоторые особенности Сен-Жермен», описывающей обычную житейскую историю, не расходится с каноническим новеллистическим принципом преобладания лексики нейтрального стилевого регистра. Таковыми являются как однословные языковые единицы разной частеречной принадлежности (*dire* – сказать, *arriver* – приезжать, *regarder* – смотреть, *revoir* – вновь увидаться; *chose* – вещь, *temps* – время, *amour* – любовь, *odeur* – запах; *nerveuse* – нервная, *amusée* – забавная, *horrible* – ужасный, *confus* – смущенный; *maintenant* – сейчас, *vraiment* – действительно, *beaucoup* – много, *trop* – слишком), так и фразеологизмы (*entre chien et loup* – период сумерек; *de temps en temps* – время от времени; *jeter un coup d'œil* – взглянуть; *d'un coup* – внезапно). Наряду с нейтральной, в тексте используется лексика, относящаяся к обиходно-разговорному стилю, как слова (*goujat* – грубиян, хам, *gars* – парень), так и устойчивые словосочетания, ставшие клишированными, речевыми стереотипами (*À la bonne heure!* – Вовремя!; *Mais pas du tout!* – Но вовсе нет!)

Нейтральная и обиходно-бытовая разговорная лексика, свойственная речи персонажа-рассказчика, направлена на устранение дистанции между Я-повествователем и читателем, создавая эффект непосредственного, прямого общения между ними, которое носит естественный непринужденный характер. Данной цели служит также звучащее во внутренней речи прямое обращение рассказчика к читателю, создающее эффект диалогичности коммуникации, оформленное «языковыми средствами так, как если бы два оппонента вели открытый, произносимый диалог» [25, с. 169]. Внутренний диалог выстраивается в расчете на отклик активного читателя, не всегда согласного с точкой зрения героини, которая реагирует на реплики, отсутствующие в тексте, но ожидаемые ею, убеждая воображаемого

собеседника, соглашаясь или споря с ним: *Je sais que vous allez me dire* – Знаю, что вы мне скажете; *Mais qu'est-ce que vous voulez...* *je ne suis pas sûre* – Но вы как хотите... а я не уверена, что; *Mais gardez vos réflexions* – И оставьте свои мысли при себе; *Vous adorez les petites bluettes* – Вы же обожаете такие вещи; *Je sais que vous adorez ça* – Знаю, вы обожаете это.

Внутренний диалог в новелле может быть обращен не только к читателю, но и внутреннему Я. Сидя в рабочее время в офисе и механически выполняя свои обязанности, охваченная волнением в ожидании свидания с понравившимся ей мужчиной, нервничая так сильно, что у нее задевели пальцы рук, героиня успокаивает себя, призывает к рассудительности: *Respire, ma fille, respire* – Дыши, детка, дыши. Аутодиалогическое вкрапление выглядит в данном случае как результат внутренней борьбы с собой, точнее, с собственным волнением, что выражено очень простыми языковыми средствами: повтором глагола в повелительном наклонении и словами, какие обычно ласково произносит мать, успокаивая дочь.

Внутренняя речь звучит и в воображаемом диалоге повествующего персонажа с ее спутником. Интересно, что слова, адресованные ему, рассредоточены в текстовом пространстве новеллы, демонстрируют своеобразную динамику, проходя стадии, отражающие перемену в эмоционально-психологическом состоянии героини-рассказчика. Встретив мужчину после работы и приняв его приглашение посетить кафе-погребок на улице Сен-Жак, молодая женщина, поймав взгляд, брошенный на нее украдкой, во внутренней речи сочувственно обращается к нему, одновременно успокаивая и приободряя взволнованного мужчину, с которым они за все время в пути не перебрались ни единым словом: *Patience, mon bonhomme, patience* – Терпение, дружок, терпение.

Совсем иначе звучит внутренний диалог, последовавший за злосчастным телефонным звонком, разрушившим едва начавшиеся романтические отношения, обманувшим ожидания героини. Она мгновенно приходит в себя, звонок, словно удар (*d'un coup*), разрушил чары, и, испытывая муки ревности, она видит перед собой уже не прекрасного принца (*mon prince charmant*), а предавшего ее мужчину. В ее внутренней речи звучат уже прямые обвинения-инвективы в его адрес.

Заметному усилению экспрессивности и без того негативно-коннотируемых лексических единиц, которыми героиня характеризует персонажа-антагониста, способствует синтаксическое построение фраз, представляющих собой односоставные номинативные предложения: *Un goujat.* – Хам.; *Le traître.* – Предатель.; *L'ingrat.* – Неблагодарный.

Внутренняя речь персонажа-протагониста в этом эпизоде, резкая, рубленая, звучащая как удар хлыста, явно тяготеет к монологичности, ведь молодая женщина отказывает спутнику, даже в воображении, в праве голоса, в возможности объясниться, оправдаться. Об этом свидетельствуют

и относящиеся к эмоциональному синтаксису «ложные вопросы» (Ш. Балли), которые в новелле выполняют исключительно экспрессивную функцию, представляя собой «эмоциональное самовыражение», не преследующее цели оказать воздействие [27, с. 213] или вызвать ответную реплику. Таковыми являются следующие вопросы, передающие эмоциональное состояние героини, в которых она обращается к персонажу-антагонисту на «ты»: *Quelle affaire t'a semblé plus importante que mes seins qui s'offraient à ta vue?* – Какие дела оказались для тебя важнее, чем моя грудь, открытая твоему взгляду?; *Par quoi te laisses-tu importuner alors que j'attendais ton souffle sur mon dos?* – На что ты отвлекся, когда я должна была ощутить твоё дыхание на своей спине?; *Ne pouvais-tu donc pas tripoter ton maudit bidule après, seulement après m'avoir fait l'amour?* – Неужели твоя чертова штуковина не могла подождать? Возился бы с ней потом, после того, как у тебя всё произойдет со мной!⁵

Героиня теперь совсем не сочувствует растерянному, потерявшему в себе уверенность мужчине, о котором она говорит теперь как о постороннем, в третьем лице: *Il est affolé*. В своей внутренней речи, не скрывая сарказма, она даёт ему совет подавать сигнал SOS, оставляя его, терпящего бедствие, одного. Её разочарование и раздражение передается императивным предложением, морфологически оформленным во втором лице единственного числа. Дополнительную экспрессивность императиву придает стилистически сниженное, фамильярно-разговорное *mon gars*: *Appelle S.O.S. mon gars, t'as ce qu'il faut* – Вызывай службу спасения, парень, это всё, что тебе осталось делать⁶.

Ранее, при анализе начальных фрагментов текста, говорилось о значимости местоимений, в частности *je* и *il*. Внимательный читатель не обойдет своим вниманием и местоимения, которые прозвучали в кульминации новеллы. Особая смыслообразующая нагрузка падает на местоимения первого и второго лица (*je, mes, tu, ton* и т. п.), которые создают эффект отчетливого контраста между романтическими ожиданиями молодой женщины и рассудочным поведением мужчины, распределяющим дела по степени их важности (*plus importante*) в самый, казался бы, неподходящий момент.

Говоря о специфических чертах идиостиля Анны Гавальды в анализируемой новелле, следует еще раз подчеркнуть присутствие в тексте национально-культурных прецедентных имен, относящихся к топонимике французской столицы, о которых говорилось ранее. Обращает на себя внимание также использование универсально-прецедентных имен французских писателей и писательниц, известных каждому образованному читателю: *Baudelaire, Sagan, Simone de Beauvoir*. И если имена писательниц лишь упоминаются, то поэзия Бодлера цитируется. Здесь важен не сам стихотворный прецедентный текст и знание его героиней, а то, какие строчки имеют для нее особую значимость, какие

мысли они в ней пробуждают и какое настроение при этом создают. Ведь прецедентный текст – это «единица осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти» [28, с. 297].

Отнюдь неслучайно, что в начале новеллы аллюзивные отсылки увязываются с приподнятым настроением героини, вызванным встречей с понравившимся ей мужчиной, улыбнувшимся в ответ на её улыбку. Она улыбается, вспоминает строчки из «Прохожей» Бодлера, которые всегда её поражают: *En passant mon chemin, je continue de sourire, je pense à La Passante de Baudelaire ... ; À chaque fois, ça m'achève*. Особенно созвучны её состоянию строки: «Само изящество, она в толпе мелькнула» и «Но я б тебя любил – мы оба это знали» (*Une femme passa, d'une main fastueuse, soulevant; Ô toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais*). Любовь для героини – величайшая ценность в жизни, и сама она живет в предчувствии этого прекрасного, возвышающего влюбленных состояния. Улыбка, объединившая двоих, приобрела семиотический статус знака-индекса, указывающего на взаимное влечение друг к другу и возможность развития более глубокого чувства в дальнейшем.

Но случайный звонок и неожиданный взгляд её спутника на экран мобильного телефона, ставший в ходе стремительного сюжетного развития его кульминационным пунктом, обозначил и переломный момент в смене настроения молодой женщины и изменении общей тональности произведения. Именно после этого героиня новеллы говорит, что она терпеть не может Сэган, Бодлера и всех этих шарлатанов: *je hais Sagan, je hais Baudelaire et tous ces charlatants*. Но завершается произведение всё же другой фразой, и в ней героиня упрекает себя за то, что оказалась не готовой принять любовь, которая далеко не всегда приходит в обличье простоты и ясности: *Je hais mon orgueil* – Ненавижу свою гордыню.

Можно сказать, что молодая женщина, испытывавшая вначале подъем романтических чувств, переживая предчувствие любви, вспоминая прекрасные строки о любви, сказанные поэтами и писателями, вдруг потрясенно осознает, что реальность, в том числе и она сама, и её спутник, далеко не всегда совпадает с эстетически совершенным, возвышенным миром прекрасного, отраженного в художественных произведениях.

Заключение

Изучение жанро-стилевых характеристик новеллы Анны Гавальды "Petites pratiques Germanopratinnes" («Некоторые особенности Сен-Жермен») выявило соответствие данного произведения таким каноническим, отличительным признакам новеллистического жанра, как малый объем; ограниченное число персонажей; сосредоточенность на повседневной личной жизни людей; сфокусированность на одном, переломном событии; драматический характер развития сюжета; наличие перипетии и ярко выраженного кульминационного пункта, завершающегося неожиданной

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же.

концовкой; прозаичный, нейтральный стиль повествования, передаваемый нейтральной и обиходно-бытовой, разговорной лексикой.

Помимо общих жанро-образующих свойств, объединяющих произведения новеллистического жанра, в рассмотренной новелле находят отражение специфические характеристики: субъективная повествовательная перспектива; психологизация повествования, проявляющаяся в использовании внутренней речи, включающей воображаемый диалог с читателем, с собой и персонажем-антагонистом; динамичность повествования, приобретающего кинематографический характер; пространственно-временная ограниченность художественного мира новеллы; хронотопический мотив дороги и случайной встречи; антитетичность важнейших смыслообразующих мотивов в сюжетно-фабульной организации; апелляция

к прецедентным именам, национально-культурным и универсальным; обращение к художественным деталям; использование топонимических наименований; применение разноуровневых языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических), организующих повествование и описывающих внутренний мир героини.

Следует подчеркнуть, что обращаясь к традиционной теме взаимоотношений мужчины и женщины, облекая ее в каноническую новеллистическую форму, Анна Гавальда творчески, сообразуясь со своим оригинальным художественным видением, использует широкую, разнообразную палитру изобразительно-выразительных средств, создающих в предельно ограниченном текстовом пространстве новеллы полнокровный художественный мир, способный вызвать у читателя глубокие эмоциональные переживания.

Литература

1. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 2002. 334 с.
2. Скобелев В. П. Поэтика рассказа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1982. 155 с.
3. Квятковский А. П. Школьный поэтический словарь. 2-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2000. 458 с.
4. Воронкова М. А., Самарская Т. Б. Комический код: лингвостилистические средства репрезентации (на примере анализа новелл А. Доде и О. Мирбо) // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 157–167.
5. Дарвин М. Н., Магомедова Д. М., Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И. Теория литературных жанров. М.: Академия, 2011. 256 с.
6. Эпштейн М. Н. Новелла // Большая советская энциклопедия. М.: Сов. Энцикл., 1974. Т. 18. С. 62–63.
7. Эпштейн М. Н. Новелла // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. Энцикл., 1987. С. 248.
8. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. М.: Academia, 2006. 331 с.
9. Хорева Л. Г. Жанр новеллы и традиции анекдота (на материале испанской литературы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 33 с.
10. Лебедева О. В. Английская новелла от истоков к современности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2017. 33 с.
11. Благождерова Е. И. Становление жанра новеллы в американской литературе периода романтизма // Труды БГТУ. Сер. 4: Принт- и медиатехнологии. 2017. № 1. С. 58–63.
12. Водолажченко Н. В. Становление и развитие английской готической новеллы в XIX веке // Вестник НовГУ. 2014. № 83-1. С. 60–64.
13. Шкловский В. Б. Художественная проза. Размышления и разборы. М.: Сов. писатель, 1961. 667 с.
14. Хализев В. Е. Сюжет // Введение в литературоведение / под ред. Л. В. Чернец. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2010. С. 240–253.
15. Карпухина Т. П. Эстетические аспекты экфрасиса в новелле Ги де Мопассана "Un Portrait" («Портрет») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1. С. 193–200. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-193-200
16. Лебедева О. В. Живописный экфрасис в современных английских новеллах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 1. С. 48–54.
17. Ильин И. П. Гетеродиегетическое и гомодиегетическое повествование // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины / сост. И. П. Ильин, Е. А. Цурганова. М.: Интрада – ИНИОН, 1996. С. 28–30.
18. Виноградов В. В. О теории художественной речи. 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 287 с.
19. Амелина Е. Е. Проблема «точки зрения» в новелле Дж. Ш. Ле Фаню «Зеленый чай» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-3. С. 13–16.
20. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 302 с.
21. Хализев В. Е. Теория литературы. 5-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2009. 432 с.
22. Успенский Б. А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 347 с.
23. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
24. Долинин К. А. Интерпретация текста (Французский язык). М.: Просвещение, 1985. 288 с.
25. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. 2-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

26. Соколовская Ж. В. Импрессионизм французской новеллы: Пьер Гамарра // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-1. С. 162–165.
27. Долинин К. А. Стилистика французского языка. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1987. 303 с.
28. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. ст. к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 297–302.

original article

Genre-and-Style Characteristics of Anna Gavalda's Novella "Petites Pratiques Germanoprates" ("Peculiarities of Saint-Germain Boulevard")

Tamara P. Karpukhina^{a, @, ID}

^a Pacific National University, Russia, Khabarovsk

@ tkarpukhina1@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8872-3507>

Received 14.04.2020. Accepted 29.06.2020.

Abstract: The present research featured short stories by Anna Gavalda, a contemporary French writer. The research objective was to define the genre and style of *Petites Pratiques Germanoprates* (*Peculiarities of Saint-Germain Boulevard*) published in Gavalda's collection of novellas entitled *Je Voudrais Que Quelqu'un M'attende Quelque Part* (I wish somebody were waiting for me somewhere). The novella demonstrated features common to this type of narration: small volume; few characters; focus on their everyday private life and a singular event that changes it; dramatic nature of the plot development; peripeteia and a manifestly expressed culminating point resulting in a denouement that defeats the reader's expectancy; prosaically neutral style of narration achieved by the use of neutral and literary-colloquial lexical units, etc. Alongside the typical features, the research revealed some specific characteristics that manifested themselves in the novella under analysis: first-person narrative; elements of psychology introduced into narration, e.g. inner monologues of the protagonist or her inner dialogue with a prospective interlocutor; limited time-and-space composition; cinematic type of dynamic narrative; motifs of road and accidental encounter; antithesis underlying the basic themes embedded in the plot structure; abundance of precedent and toponymic names and artistic details; diversity of linguistic means used to organize the narration and describe the inner world of the protagonist.

Keywords: first-person narration, psychology, inner speech, time-and-space composition, dynamic, cinematic narrative, casual meeting, dramatic nature of the novella, peripeteia, precedent name, toponym, artistic detail

For citation: Karpukhina T. P. Genre-and-Style Characteristics of Anna Gavalda's Novella "Petites Pratiques Germanoprates" ("Peculiarities of Saint-Germain Boulevard"). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 821–830. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-821-830>

References

1. Tomashevsky B. V. *Theory of Literature. Poetics*. Moscow: Aspekt Press, 2002, 334. (In Russ.)
2. Skobelev V. P. *Poetics of a story*. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1982, 155. (In Russ.)
3. Kvyatkovsky A. P. *School poetic dictionary*, 2nd ed. Moscow: Drofa, 2000, 458. (In Russ.)
4. Voronkova M. A., Samarskaya T. B. Comic code: linguostylistic means of representation (by the example of the analysis of short stories by A. Daudet and O. Mirbeau). *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, (2): 157–167. (In Russ.)
5. Darvin M. N., Magomedova D. M., Tamarchenko N. D., Tyupa V. I. *Theory of genres of literature*. Moscow: Akademiia, 2011, 256. (In Russ.)
6. Epstein M. N. Novella. *Great Soviet Encyclopedia*. Moscow: Sov. Entsikl., 1974, vol. 18, 62–63. (In Russ.)
7. Epstein M. N. Novella. *Encyclopedic dictionary of literature*. Moscow: Sov. Entsikl., 1987, 248. (In Russ.)
8. Tyupa V. I. *Analysis of a belles-lettres text*. Moscow: Akademiia, 2006. 331. (In Russ.)
9. Khoreva L. G. *Genre of a short story and traditions of anecdote (based on the material of Spanish literature)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2015, 33. (In Russ.)
10. Lebedeva O. V. *English short story: evolution from origins to modern times*. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr. Velikiy Novgorod, 2017, 33. (In Russ.)

11. Blagoderova E. I. The development of American short story during the romanticism period. *Trudy BGTU. Ser. 4: Print-i mediatekhnologii*, 2017, (1): 58–63. (In Russ.)
12. Vodolazhchenko N. V. The origins and development of the British ghost story in the XIX century. *Bulletin of Novgorod State University*, 2014, (83-1): 60–64. (In Russ.)
13. Shklovsky V. B. *Artistic prose. Reflection and analysis*. Moscow: Sov. Pisatel, 1961, 667. (In Russ.)
14. Khalizev V. E. The plot. *Introduction to the study of literature*, ed. Chernets L. V., 3rd ed. Moscow: Akademiia, 2010, 240–253. (In Russ.)
15. Karpukhina T. P. Aesthetic aspects of ekphrasis in Gui de Maupassant's short story "Un portrait" ("A Portrait"). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, (1): 193–200. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-193-200
16. Lebedeva O. V. Ekphrasis in contemporary English novels. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, 2017, (1): 48–54. (In Russ.)
17. Ilyin I. P. Hetero-diegetic and homo-diegetic narration. *Contemporary literature study overseas (West Europe and USA): conceptions, schools, and terms*, comps. Ilyin I. P., Tsurganova E. A. Moscow: Intrada – INION, 1996, 28–30. (In Russ.)
18. Vinogradov V. V. *Theory of the language of literature*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 2005, 287. (In Russ.)
19. Amelina E. E. "Viewpoint" problem in the story by Joseph Sheridan Le Fanu "Green Tea". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (10-3): 13–16. (In Russ.)
20. Bakhtin M. M. *Epic literature and novel*. St. Petersburg: Azbuka, 2000, 302. (In Russ.)
21. Khalizev V. E. *Theory of literature*, 5th ed. Moscow: Akademiia, 2009, 432. (In Russ.)
22. Uspensky B. A. *Poetics of composition*. St. Petersburg: Azbuka, 2000, 347. (In Russ.)
23. Shklovsky V. B. *The theory of prose*. Moscow: Federatsiia, 1929, 265. (In Russ.)
24. Dolinin K. A. *Text interpretation (the French language)*. Moscow: Prosveshchenie, 1985, 288. (In Russ.)
25. Kukharensky V. A. *Text interpretation*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1988, 192. (In Russ.)
26. Sokolovskaya Zh. V. Impressionism of French short story: Pierre Gamarra. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (9-1): 162–165. (In Russ.)
27. Dolinin K. A. *Stylistics of the French language*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 303. (In Russ.)
28. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Precedent text as reduced discourse. *Language as creativity: Proc. Dedicated to V. P. Grigoriev's 70th Anniversary*. Moscow: IRIa RAN, 1996, 297–302. (In Russ.)

Понятийные признаки в структуре концепта *муж* (по данным толковых словарей русского языка)

Анастасия М. Киселева^{a, @}

^a Военная Академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А. В. Хрулева, Россия, г. Санкт-Петербург

[@] AMKiseleva@inbox.ru

Поступила в редакцию 19.03.2020. Принята к печати 23.06.2020.

Аннотация: На основе толковых словарей русского языка выделяются понятийные признаки концепта *муж*. Материалом для исследования послужили 8 словарей: Толковый словарь русского языка (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова); Толковый словарь живого великорусского языка (В. И. Даль); Толковый словарь русского языка (под ред. Д. Н. Ушакова); Словарь русского языка (Малый академический словарь); Толковый словарь русского языка (под ред. Д. В. Дмитриева); Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (Т. Ф. Ефремова); Большой толковый словарь русского языка (С. А. Кузнецов); Большой толковый словарь русских существительных (А. Г. Бабенко). Цель – определить спектр понятийных признаков концепта *муж* на основе словарей современного русского языка. Задачи определяются поставленной целью: 1) проанализировать соответствующие словарные статьи репрезентанта исследуемого концепта; 2) проиллюстрировать выделенные понятийные признаки примерами из собранного языкового материала; 3) определить частотность обнаруженных признаков в языковом материале. Источник иллюстративного материала – Национальный корпус русского языка. Актуальность исследования заключается в обращении к фактам русской лингвокультуры с позиций концептуальной сферы семьи, брака, родства. В ходе исследования было выделено 26 понятийных признаков концепта *муж*: супруг; дачный муж (разг., шутл., ирон.); зрелый (человек); ученый; общественный деятель / государственный человек; человек; мужской пол; хозяин; достойный (человек); доблестный; отважный / смелый / храбрый; физически сильный / крепкий / могучий; терпеливый; здравомыслящий; стойкий; спокойный; решительный; трудолюбивый; простолюдин / крестьянин (пахарь / земледелец / землепашец / хлебопашец); селянин; семьянин; мужик (необразованный / невоспитанный / грубый / неуч / невежа); кормилец; гражданский муж; законный муж; фиктивный муж. Часть этих понятийных признаков представлена материалом XVIII–XIX вв. – общественный деятель / государственный человек; простолюдин / крестьянин (пахарь / земледелец / землепашец / хлебопашец); селянин. В русской лингвокультуре все понятийные признаки концепта *муж* сосредоточены в нескольких аспектах: семейный статус и семейные обязанности, антропологические и физиологические характеристики, ментальные способности, социальный статус, моральные качества и черты характера.

Ключевые слова: сема, семема, языковая картина мира, русская лингвокультура, мотивирующий признак

Для цитирования: Киселева А. М. Понятийные признаки в структуре концепта *муж* (по данным толковых словарей русского языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 831–840. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-831-840>

Введение

Концептуальные исследования привлекают внимание лингвистов, психологов, философов, социальных историков и литературоведов. Ученые обращаются к изучению языковой картины мира (Г. А. Брутян [1], М. В. Пименова [2]). Уже два десятилетия к изучению концептов и концептуальных структур обращаются как когнитологи, так и лингвокультурологи (Н. Д. Арутюнова [3; 4], А. Г. Бабенко [5], А. Вежицкая [6], В. Г. Гак [7], Г. Д. Гачев [8], В. А. Маслова, М. В. Пименова [9] и др.). В лингвистике широко обсуждается теория ментальности. Проблема ментальности глубоко изучается в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Среди ученых можно назвать такие имена, как В. В. Колесов, М. В. Пименова [10] и др.

В научной литературе, как в отечественной, так и в зарубежной, отсутствуют исследования, посвященные концепту

муж. Есть статья, посвященная социологическому и психологическому аспекту соответствующего фрагмента мира [11]. Современная лингвистика обращается к проблеме гендерных исследований [12–16]. Достаточно много работ, посвященных теме концепта *мужчина* в разных лингвокультурах: русской и английской [17], русской, татарской и английской [18], русской [19; 20], турецкой и английской [21]. Некоторые исследования проводились в рамках изучения других концептов, связанных с концептом *муж* родовыми отношениями: изучался концепт *человек* в русском и английском языках [22].

Изучение концепта *муж* проводится в рамках принятой в Санкт-Петербургско-Кемеровской школе концептуальных исследований методики [23]. Один из этапов такого изучения – «выявление понятийных признаков концепта путем описания лексического значения слова-репрезентанта

концепта посредством определения его семантических компонентов, описание синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта» [24, с. 60]. Вследствие ограниченного объема статьи здесь будут проанализированы только 8 словарей современного русского языка и научная литература по данной теме. «Под *понятийными* понимаются признаки концепта, актуализированные в словарных значениях в виде семантических компонентов (сем и семем) слова – репрезентанта концепта» [25, с. 314].

Источник иллюстративного материала – Национальный корпус русского языка (НКРЯ)¹.

Понятийные признаки концепта *муж* и их характеристика

Понятийные признаки «выросли» из мотивирующих – тех, которые были положены в основу наименования соответствующего фрагмента мира. Основное направление данной работы – рассмотрение понятийных признаков концепта *муж*, выяснение, какие из признаков являются восходящими к мотивирующим, определение архаичных, устаревших понятийных признаков.

Понятийные признаки концепта – это вся совокупность сем и семем в дефинициях слова, вербализующего концепт в толковых словарях. Когнитивные признаки концептов актуализируются в контекстах современной художественной литературы и в разговорной речи.

Всего нами выделено 26 понятийных признаков, анализ 8 толковых словарей русского языка позволил выделить в них 22 понятийных признака концепта *муж* (табл.). Самое большое количество признаков (18) было отмечено по данным словаря В. И. Даля² XIX в. Рассмотрим собранный языковой материал на предмет актуальности выделенных понятийных признаков для носителей современного русского языка.

1. Понятийный признак *супруг* указан во всех восьми толковых словарях русского языка. Он используется для актуализации значения «женатый мужчина (по отношению к своей жене)»: *Помню, пророчил я Саше моей Доброго мужа, румяных детей* (Некрасов Н. А. Саша). Слова *муж* и *супруг* – полные синонимы: *Желая привязать к себе мужа, супруга Валленштейна подмешивала ему в питье и в кушанье разные приворотные зелья, не имевшие никакого влияния на его здоровье и еще того менее на его сердце* (Биркин К. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий). Каждая культура имеет стереотипный список обязательств мужа по отношению к своей семье: *Через полчаса к жене ляжет и расскажет, как устал, и она его еще пожалеет и погладит ему спинку, чтобы снять напряжение, и даже не требует уже от него исполнения супружеских обязанностей* (Высоцкий В. Роман о девочках); *Клавдия его донимает – и такой ты, и сякой, и что тебе дома не сидится, дело мужа семью снабжать продуктами питания и три раза в неделю жену любить или даже чаще*

(Анчаров М. Как Птица Гаруда). С давних времен одной из неписанных обязанностей мужа является защита семьи и жены, в частности при любых обстоятельствах: *В городе, где только горе, нужда, страх, ты нашла любовь, мужа, защитника и друга – и он, взяв твою руку, уводит тебя в страну, где нет войны, где на углах улиц не лежат трупы замерзших за ночь людей. У тебя есть теперь и отчизна, и свобода, и паспорт* (Федорова Н. Семья).

2. Только в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой был указан понятийный признак *дачный муж* (разг., шутол., ирон.). Этот признак выражает значение «перен.: о том, на ком лежит много разных повседневных обязанностей по отношению к семье, живущей на даче; разг. шутол.»: *Дачный муж, он тащил две огромные сумки и – Олег сразу заметил это – настоящую бамбуковую удочку* (Дружников Ю. Виза в позавчера). Среди обязанностей дачного мужа есть наиболее показательная – снабжение продуктами семьи, живущей на даче: *Вертинский в роли дачного мужа (передаю бабушке авоську с продуктами), в роли нежного отца девчонки от него ни на шаг, так и лепятся, одна ухватилась за край пиджака, другая вцепилась в штанину* (Ильина Н. И. Дороги и судьбы). Обобщенная характеристика дачного мужа – постоянная суета: *Сначала он потерял свои вещи, потом свою даму в синей вуали, потом еще что-то – вообще он ужасно суетился, представляя своей особой типичный образчик дачного мужа* (Мамин-Сибиряк Д. Н. Черты из жизни Пепко).

3. Шесть из восьми словарей упоминают понятийный признак *зрелый (человек)*. Этот признак объективирует значение «мужчина в зрелом возрасте»: *Наконец Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин А. С. Борис Годунов). Зрелость означает не только физическую силу и выносливость, но и опыт, ум и рассудительность. Признак *зрелый (человек)* восходит к мотивирующему – во многих славянских языках существует градация по возрасту: от 25 лет до 50 лет человек мужского пола именуется мужем: *Итак, в белорусском именнике есть формы имён: для дитяти, подростка, юноши, мужа, старца* (Иткин И. Пять Пятров, или 30 лет спустя); *В эпоху Екатерины он обретает себя, становится зрелым мужем, живет и трудится* (Сперанский М. В. Несостоявшийся реформатор).

4. Как и предыдущий, понятийный признак *ученый* встречается в шести из проанализированных восьми словарях. Вербализуется этот признак обычно репрезентантом в форме множественного числа: *Но ученые мужи издавна больше доверяют природе – и она полнее открывает их разуму, чем наивным вопросам суеверных простецов* (Смирнов С. Год 1745: новые конкистадоры). Данный признак актуализирует характеристику человека, чья деятельность является служением на каком-либо научном поприще: *Химик Захаров первым из ученых мужей вознесся в небо на аэростате на высоту восемь с половиной тысяч*

¹ НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 06.03.2020).

² Муж // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2: И–О. М.: РИПОЛ классик, 2006. С. 364–365.

Табл. Понятийные признаки концепта *муж* по данным толковых словарей русского языка и их актуальность по НКРЯ
Tab. Conceptual signs of the concept *husband* (*муж*) according to the explanatory dictionaries of the Russian language and relevance for the Russian National Corpora

№	Понятийный признак	Словарь								Количество	%
		Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. ³	Даль В. И.	Ушаков Д. Н. ⁴	Малый академический словарь ⁵	Амитриев А. В. ⁶	Ефремова Т. Ф. ⁷	Кузнецов С. А. ⁸	Бабенко Л. Г. ⁹		
1	супруг	+	+	+	+	+	+	+	+	3155	63
2	дачный муж (разг., шутил., ирон.)	+	-	-	-	-	-	-	-	8	0,15
3	зрелый (человек)	+	+	+	+	-	+	+	-	189	3,8
4	ученый	+	-	+	+	+	+	+	-	474	9,45
5	общественный деятель / государственный человек	+	+	+	+	+	+	+	-	493	9,8
6	человек	-	+	-	-	-	-	-	-	235	4,7
7	мужской пол	-	+	-	-	-	+	+	+	45	0,9
8	хозяин	-	+	-	-	-	-	-	-	36	0,7
9	достойный (человек)	-	+	-	-	-	-	+	-	17	0,3
10	доблестный	-	+	-	-	-	-	+	-	9	0,2
11	отважный / смелый / храбрый	-	+	-	-	-	-	+	-	9	0,2
12	физически сильный / крепкий / могучий	-	+	-	-	-	-	+	-	24	0,5
13	терпеливый	-	+	-	-	-	-	-	-	23	0,45
14	здоровысляющий	-	+	-	-	-	-	-	-	16	0,3
15	стойкий	-	+	-	-	-	-	+	-	12	0,25
16	спокойный	-	+	-	-	-	-	-	-	17	0,3
17	решительный	-	+	-	-	-	-	-	-	13	0,25
18	трудолюбивый	-	-	-	-	-	-	+	-	15	0,3
19	простолудин / крестьянин (пахарь / земледелец / землепашец / хлебопашец)	-	+	-	-	-	-	-	-	1	0,02
20	селянин	-	+	-	-	-	-	-	-	1	0,02
21	семьянин	-	+	-	-	-	-	+	-	16	0,3
22	мужик (необразованный / невоспитанный / грубый / неуч / невежа)	-	+	-	-	-	-	-	-	8	0,15
23	кормилец	-	-	-	-	-	-	-	-	11	0,2
24	гражданский	-	-	-	-	-	-	-	-	83	1,65
25	законный	-	-	-	-	-	-	-	-	86	1,7
26	фиктивный	-	-	-	-	-	-	-	-	20	0,4
Итого										5016	100 %

³ Муж // Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. Режим доступа: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt (дата обращения: 06.03.2020).

⁴ Муж // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/m/muszh.html> (дата обращения: 06.03.2020).

⁵ Муж // Словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. (Малый академический словарь, МАС). Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ-term-35752.htm> (дата обращения: 06.03.2020).

⁶ Муж // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. М.: Астрель, АСТ, Lingua, 2003. Режим доступа: <http://endic.ru/dmytriev/Muzh-1573.html> (дата обращения: 06.03.2020).

⁷ Муж // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-204-22.htm#zag-52563> (дата обращения: 06.03.2020).

⁸ Муж // Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2008. С. 431.

⁹ Муж // Бабенко Л. Г. Большой толковый словарь русских существительных. М.: АСТ-Пресс Книга, 2009. Режим доступа: https://noun_ru.academic.ru/5632/муж (дата обращения: 06.03.2020).

фут, опередив знаменитого Гей-Люссака (Галенко В. Наводнение. Архивное дело, с которого никто не стряхивал пыль).

Ученый муж – человек, занимающийся исследованием в какой-либо области знания: *Ученый муж* заявил, что озадачен результатами, хоть и не отказался от своей критической позиции (Эрлихман В. Английские пациенты). Это химики, физики-ядерщики, биологи, математики и под.: Обнаружив, что научных аргументов не хватает, и не в силах признать свой отрыв от переднего края науки, *ученые мужи*, бывает, расширяют свой арсенал и берут на вооружение вненаучные ресурсы современного им общества (Горелик Г. Андрей Сахаров). Данный признак объективируется предикатом оценки: *Лучшие дети Галактики уходили в Нанарбек на учебу у лучших мужей*, и мудрость Нанарбека возрастала, углубляясь в сокровенные недра мироздания (Иванов А. Корабли и Галактика).

Ученый муж описывается как обладатель беспокойного ума, нацеленного на открытия, решение загадок истории: «Золото скифов» – тот бесценный пласт в мировой культуре, который *не дает покоя умам ученых мужей* (Кузьмин В. Скифы на Кавказе); Примерно так *размышляли и ученые мужи*, ошеломленные фотографиями Марса (Сломянский Б. Съемка из-под облаков).

5. Семь словарей упоминают признак **общественный деятель / государственный человек**, актуальный для передачи значения «деятель на каком-л. общественном поприще»: Безбородко – многоопытный **государственный муж**, а встретил я в нем ненасытную страсть к наживе и приобретению (Никулин А. России верные сыны). Такие деятели стереотипно воспринимаются как опытные, мудрые, рассудительные люди, работающие на благо государства. В этимологических словарях выявлены мотивирующие признаки концепта муж, к которым восходит понятийный признак общественный деятель / государственный человек. В разные периоды истории люди, имеющие отношение к верховной власти страны, именовались как царский служащий, приближенный царя / короля / князя / знать, вельможа / великий муж, задачей этих людей являлось решение политических и экономических, внутренних и внешних проблем государственного уровня: В условиях, когда столь выросли раскованность, свободомыслие соотечественников, когда рухнула многолетне утверждавшаяся психология: «Знай свое место» – нередко и **государственные мужи**, и научные авторитеты, и даже представители особо компетентных органов вдруг обнаруживают оппонентов, желающих обсудить с ними накоротке проблемы, о которых ранее за закрытыми дверями шепотом говорили (Гольдин А. За все приходится платить). В современной литературе данному признаку сопутствует отрицательная коннотация: *Что требуется от любого порядочного человека, от того освобождены государства и государственные мужи* (Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию).

6. Понятийный признак **человек** проявляется в исторических текстах или в описаниях предыдущих эпох: *Потому мужи древности* протыкали себе ушные перепонки гвоздями и извяснялись друг с другом на языке жестов... (Пелевин В. S.N.U.F.F.). С помощью этого признака обозначается мужчина. Этот признак восходит к мотивирующему. Признак человек объективируется словами, обозначающими различные черты характера или поведения: Я окидываю взором ряды айзсаргов, мужчин и женщин, многие из них отслужили верой и правдой своей организации кто десять, кто пятнадцать, а кто и более лет еще со времен Освободительных Боев, и я чувствую и знаю: в нашем народе есть *верные мужи* и жены, на которых можно положиться (Брейкш Л. Об Отечестве и его защитниках); Самой главной целью эти прагматики объявили «внутренний путь самосовершенствования **благородного мужа**», который рано или поздно должен привести к «божественному состоянию» (Бояшов И. Путь Мури).

Человек, с которым заключен брак, характеризуется в разных аспектах, среди которых: политические взгляды, убеждения, национальность: Я из обрывков разговоров маминых подруг и выуженных от бабушки сведений сложила историю о том, что мама вышла *замуж*, будучи студенткой, за *болгарина* по имени Иван (Топильская Е. Помни о смерти); Забрали *мужа-чеченца* (Садулаев Г. Одна ласточка еще не делает весны); «Новый мировой рекорд по бракоразводным расходам – 6 500 000 долларов, полученных 2-й жой Сесиль Блэзффер Гудзон, – зловещая весть для богатых **американских мужей**», – писала по этому поводу английская газета «Файнэншл таймс» (Форум 2014. Когда брак – коммерция); У меня *муж поляк*. Но, прожив полвека среди англичан, он так и не научился отключаться от того, чем он увлечен на службе (Овчинников В. Корни дуба); Жила и работала в Братиславе, *муж – словак* (Некрасов В. Взгляд и Нечто). Эти признаки могут быть проявлены в одном контексте: Муж Елены Ивановны был *финн, социал-революционер*, жили в Петрограде, потом мужа арестовали, он сидел в тюрьме в Гельсингфорсе, и в 1920 году она поехала туда из Питера вместе с детьми (Трифонов Ю. В. Опрокинутый дом).

7. На очевидный признак **мужской пол** указывают только четыре словаря. Слова муж, мужчина используются для обозначения человека мужского пола: Ищешь Огнеопасного человека, а найдешь *мужа* – это закон природы, и тебе уже пора (Нова У. Инка). Мужчина, вступая в брак, обретает новый статус – мужа: Одна моя знакомая по имени Эсмеральда, подсчитав, что в Москве тридцать два ЗАГС и четыре дворца бракосочетаний, бросилась уговаривать всех встречных-поперечных *лиц мужского пола* по очереди подавать с ней заявления на регистрацию **брака**, чтобы получить талоны на свадебные продуктовые заказы (Моторов А. Преступление доктора Паровозова). В каждой лингвокультуре существует своя терминология кровного и некровного родства: Теща – неизменный атрибут каждого индивидуума **мужского пола**, связанного матримонийными

узами, поэтому... (Володарский А. Жизнеописание знаменитых личностей).

8. Только В. И. Даль отмечает понятийный признак **хозяин**. Для исследуемого концепта этот признак актуален: Основным принципом греческой семьи на ее древнейшей, уловимой для нас, ступени является принцип единобрачия: у **мужа-хозяина** только одна жена, хозяйка его дома и мать его детей (Зелинский Ф. Ф. История античной культуры). Одна из функций мужа – работа по хозяйству: А мне если и нужен **мужик**, то – **по хозяйству** (Слаповский А. Синдром Феникса). Муж в доме – хозяин: **Хозяин** появился во дворе на закате – невысокий, кряжистый **мужик** с пронзительными, вечно прищуренными голубыми глазами и густой сединой в бороде и волосах (Семенова М. Волкодав); Хотела скликать **мужа-хозяина**, но в то же время ей хотелось выслужиться и Пиле (Решетников Ф. М. Подлиповцы). Один из эпитетов слова муж – хозяйственный: Мой **хозяйственный муж** приобрел таз, примус, кастрюлю, сковородку, какой-то сосуд для воды и несколько тарелок (Пилявская С. Грустная книга).

9. В двух словарях из восьми встречается признак **достойный (человек)**. Достоинство – один из самых важных признаков мужа. К таким достоинствам относятся верность, честь, честность, сильная воля: А и в самом деле, товарищ жена, допустим, вы картину не видели, но скажите нам: ваш **муж**, в принципе, **украсть может?** Человек он **строгий правил или безвольный?** (Дмитриев А. Голубев).

10. Мужчина – это прежде всего воин, защитник. Понятийный признак **доблестный** выделяют 2 словаря. Доблесть мужчины – в его чести: Ну, вот видишь: в Порхове заперся посадник Григорий и еще один муж новгородский, Исаакий Борецкий – не много есть таких **доблестных мужей** в Руси! (Полевой Н. А. Клятва при гробе Господнем). Доблесть проявляется и в делах, и в битвах: Имеют и сражения свою прелесть, так как они прославляют **доблестного мужа** и дают повод пользоваться щедротами василевса (Ладинский А. П. Последний путь Владимира Мономаха). Доблесть – это еще и свойство ума и рассудительности: Гоголь громадный талант, – начал он, – но покуда с приличною ему силою является только как сатирик, а потому раскрывает одну сторону русской жизни, и раскроет ли ее вполне, как обещает в «Мертвых душах», и проведет ли славянскую деву и **доблестного мужа** – это еще сомнительно (Писемский А. Ф. Тысяча душ). Это значение встречается в ироничном контексте: Воспоем **доблестного мужа** и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка? (Островский А. Н. На всякого мудреца довольно простоты).

11. Понятийный признак **отважный / смелый / храбрый** актуализует черту мужчин – силу духа: Мариш нравилось, что ее **муж обладает** большой физической силой, **исключительной храбростью**, много знает, много умеет, но никогда этим не кичится (Михальский В. Храмы

Согласия). Устойчивое выражение **храбрый муж** сейчас относится к устаревшей лексике: Впереди были князь Феодор Оболенский Тепленев и **храбрый муж** Иван Лятцкий с детьми боярскими: они близ Константинова стана в трех местах разбили наголову 14 тысяч неприятелей и новую рать, посланную Сигизмундом к Острожскому; пленили воевод, взяли обоз и пушки (Карамзин Н. М. История государства Российского). Отвага и смелость – важные качества воина: А ты вспомни, что ответил **отважный муж** древности Дыр-Танан, когда стал над ним пошучивать пособник коварного Координала! – А! «Смеется над конем тот, кто не осмеливается смеяться над его хозяином!» (Успенский М. Там, где нас нет); Появился **смелый муж** с священным именем – и Россия простерла слабые длани свои, чтоб принять на лоно того, от которого ожидает исцеления (Булгарин Ф. В. Димитрий Самозванец).

12. Понятийный признак **физически сильный / крепкий / могучий** восходит к мотивирующему признаку «сильный»: Часто внутренне противясь самоуверенной **силе мужа**, она с первой встречи с ним не нашла того телесного противоречия, которое единственно родит антипатию к мужчине (Буданцев С. Ф. Саранча). Мужчины обладают физической силой – это их неотъемлемое качество: **Сильный муж**, ниспровергающий своего врага в кратер вулкана из-за прекрасных глаз женщины – величественная, грандиозная и поучительная картина! (Чехов А. П. Тысяча одна страсть, или Страшная ночь). Мощь, крепость – физические характеристики взрослого мужчины: **Крепкий был мужик**, типа, литр водки выпивал в сутки, а помер (Богдан А., Пашкевич Г. Человек «Ч»). Сила необходима мужу для отстаивания своей территории, в защите интересов своей семьи: Афанас ударил рукою по своему мечу. «О, **сильный муж!**» (Полевой Н. А. Иоанн Цимиский). Свою силу муж должен уважать: **Сильный муж** не станет охотиться на мышей, что шуршат в земле под ногами, – это унижает его силу. А что унижает силу, то ее уменьшает. Всякий род и племя получили угоды по своим силам, ибо тому, кто умел в охоте и храбр в войне, никогда не достанется меньше, чем он заслуживает (Григоренко А. Мэбэт). Сильный муж – устаревшее выражение, обозначающее воина: Прилучися же, яко **сильный муж** Геден, оставивши добродетели воинския, вдался до рукоделия земледельческаго: единою же младашу ему на гумне пшеницу, и размышляюще прежде к тому милосердие Божие, и слезами омывающе сердца свое, предста пред ним Ангел, и рече ему: Господь с тобою, муж **сильный** (митрополит Стефан (Яворский). Проповеди).

13. Сила воли мужчины связана с его силой духа. Сила духа проявляется в его **терпении** по отношению к близким людям: **Муж терпит**, и все терпят... (Веселитская Л. И. Мимочка). Обычно терпение и терпеливость приписываются женщинам, однако «за мужчинами в русской лингвокультуре закреплены такие стереотипы, как сила, стойкость, храбрость, смелость и терпение» [10, с. 110]. Понятийный признак **терпеливый** отмечен

среди языкового материала: У меня муж в принципе на первом месте – он у нас добытчик, содержатель и просто любимый **терпеливый муж** (Форум 2004. Женщина+мужчина: Брак). Иногда терпение мужа обозначается как терпимость: Отвечая на вопрос о **мужьях**, 33 процента английских жен назвали понимание, 28 – заботливость, 24 – юмор, 23 – честность, 21 – верность, 19 – щедрость, 17 – любовь, 14 – **терпимость** (Овчинников В. Корни дуба).

14. Понятийный признак **здравомыслящий** относится к разряду устаревших. Он встречается в литературе XVIII–XIX вв.: Это **муж** века Екатерины Великой. Он очень величав наружностью; в движениях его много истинного достоинства; говорит протяжно и, как будто бы взвешивая каждое слово, но зато выражается правильно и разговор его исполнен **здравомыслия** (Жихарев С. П. Записки современника). Здравомыслие синонимично рассудительности: Окончив ревизию, граф изъявил мне полное свое удовольствие, и я никогда не отрекусь сказать, что, с хорошими правилами служа, отменно лестно быть под отчетом у такого благородного и **рассудительного мужа**, каков был граф Головкин (Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни ...).

15. **Стойкость** понимается как мужество: Ермак дал народу пример высочайшего **мужества, стойкости**, гражданственности (Иванов А. Message: Чусовая). Стойкость – это терпение, выносливость, героизм, храбрость и отвага. Понятийный признак **стойкий** передает качество характера русского мужчины, мужа-воина: Князь превозносил **храбрость, стойкость, терпение русского солдата** и превосходную дисциплину русского войска и повторял слова Наполеона, сказанные после сражения под Фридландом, что: «Русских можно перебить (или разгромить), но победить нельзя» (Бугарин Ф. В. Воспоминания). Стойкостью считается неистребимая воля к достижению цели, победе: Не подлежит сомненью, что граф Толстой обладает выдающимися способностями, что он обнаружил необычную для наших государственных **мужей стойкость** и трудился не мало (Гольцев В. А. Внутреннее обозрение).

16. Для русской культуры существуют неписанные правила поведения мужчин – безэмоциональность, **спокойствие**. Понятийный признак **спокойный** относится к классу приобретаемых с возрастом качеств мужского характера: И не зря исследования психологов показывают, что наиболее ценимой в **мужьях** – и мужчинах вообще – чертой большинство женщин считает **умение сохранять спокойствие в трудных ситуациях**, в том числе в спорах и ссорах (Полеев А. Скандал по-научному). Спокойствие ассоциируется с разными чертами характера: сдержанностью, тихим нравом: А муж мой, Тришкин, в пятьдесят шестом умер. **Тихий** такой был, добрый (Безуглов А. Страх).

17. Еще одно качество характера проявляется в понятийном признаке **решительный**. Решительность – умение принимать важные действия: Алинин **муж решительно** взял сестер под руки и вывел их в коридор (Новикова О. Женский

роман); брать на себя ответственность, смелость: **Решительный, смелый мужик**, работал министром внутренних дел (Абдуллаев Ч. Мистерия эпохи заката). Кроме того, решительность – это желание оставить последнее слово за собой: И, видимо, достаточно хорошо знала **решительность мужа** (Вахтин Б. Б. Гибель Джонстауна). Решительность в определенных ситуациях ассоциируется с безапелляционностью: **Муж решительно** отменял сравнение с Петром, но своего ответа не дал (Чижова Е. Лавра). Наречие решительно означает «наотрез»: Туда и переселилась Милочка, по продаже Веригина, так как **муж решительно** отказался принять ее к себе (Салтыков-Щедрин М. Е. Пошехонская старина); «твердо, непреклонно»: **Муж решительно** подошел, отпеснил сопливых ухажеров, взял Алису под руку и вывел из зала (Михайлова Е. Две причины жить).

18. Для русской культуры весьма значимо качество **трудолюбия** человека. Суровые условия проживания обусловили присутствие понятийного признака **трудолюбивый** в структуре концепта муж: Сей просвещенный и **трудолюбивый муж** скончался в Киеве 1758 года в июле месяце (Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях). Трудолюбие означает усердие и упорство в трудах, заботах и делах: В его труде, составлявшемся «из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий», сказано следующее: «Умер сей **трудолюбивый муж** около 1763 года, будучи без мала 80 лет своей жизни» (Кротов П. Прекрасных вымыслов плетя искусно нить...). Выражение **трудолюбивый муж** было устойчивым в XVIII в.: «Трудолюбивый и рачительный муж» – именно в таких словах воздал хвалу Рычкову знаменитый просветитель Николай Иванович Новиков (Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях). Сейчас это выражение устарело.

В этимологических словарях указываются мотивирующие признаки «рука (работник)», «делец на общественном поприще», «слуга», «раб», так или иначе связанные с глаголом *работать* и послужившие источником для понятийного признака **трудолюбивый**. Муж реализует себя на каком-либо профессиональном поприще: У меня **муж** в отъезде. Он **исследователь, арабист** (Есин С. Марбург); А вот он, – указала на мужа, «**трудолюбивый**» Герман. Он, между прочим, **винодел!** Пояснила, что он работал **главным технологом на винном заводе** (Приставкин А. Вагончик мой дальний); А ведь она далеко не молода, у нее взрослые дети (они раз приезжали к ней), почтенный **муж-снабженец** (Нагибин Ю. М. Дневник); Во всяком случае, сюда они приехала из Москвы с **мужем-художником** (Нагибин Ю. М. Дневник); Где-то совсем сзади, как досадная обмолвка, маячил еще **муж, молодой актер** (Есин С. Марбург).

19. Структура концепта муж включает в свой состав сложный понятийный признак **простолюдин / крестьянин (пахарь / земледелец / земледельец / хлебопашец)**. В первую очередь, он характеризует социальную иерархию

общества, в котором были высшие и низшие сословия: Начавшийся в первые годы XVIII века раскол русского общества, сформировавший в нём фактически два различных цивилизационных типа («**мужика**» и «**барина**»), прорастал во все сферы жизни (Антоненко С. «Священная пародия» или новое благочестие?). Данный понятийный признак обычно вербализуется словом **мужик**: В деревнях за голубикой ходят **мужики** (Логинов С. Марш-бросок по ягодным палестинам). Низшее сословие производило продукты питания, кормило высшее сословие, пахало землю: **Мужик пахал**, углекоп ломал уголь, фабрика изготавливала дешёвые и хорошие товары, купцы бойко торговали, чиновники работали, как часовые колесики. Наверху кто-то от всего этого получал роскошные блага жизни. Поговаривали, что такой строй несправедлив (Рекемчук А. Е. Мамонты); сеяло хлеб: **Мужик сеет**, **мужик веет**, **мужик пахнет**, Кистенем наш брат, посвистывая, машет (Бугарин Ф. В. Димитрий Самозванец).

20. К разряду устаревших относится понятийный признак **селянин**. Проживание в селе и труд на земле определяет актуальность этого признака: И ныне **селянин** русский делает собственными руками почти все необходимое для его хозяйства: в старину, когда люди менее общались друг с другом, они имели ещё более нужды в сей промышленности. **Муж** обрабатывал землю, плотничал, строил; жена пряла, ткала, шила, и всякое семейство представляло в кругу своем действие многих ремесел. Но основание городов, торговля, роскошь мало-помалу образовали людей особенно искусных в некоторых художествах: богатые требовали вещей, сделанных удобнее и лучше обыкновенного (Карамзин Н. М. История государства Российского). Село – обычное место проживания народа: **Муж**, смиренный **селянин**, женат, двое детей, служит мировым посредником и мхом обрастает (Лесков Н. С. Некуда). Селяне относились к самому низкому сословию: **Селянин** и вельможа, столь разведенные на ступенях общества, соединяются наконец в добродетелях – это высокая мысль! (Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели).

21. Семейный человек называется **семьянином**: Он **семьянин**, прекрасный **муж**! (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей). Понятийный признак **семьянин** мотивирует основной признак мужа – заботу о семье: Хороший **семьянин**, заботливый **муж**, отец, дед (С днем рождения, институт! // Пермский строитель. 29.02.2004). Семья – это старшее и младшее поколения рода, забота о которых ложится на плечи мужа: При всем том это был прекрасный и нежный **семьянин**, отличный **муж**, заботливый отец и внимательный сын (Климонтович Н. Далее – везде). Муж – глава рода: Может быть, он очень добрый и любящий **муж**, прекрасный **семьянин** и нежнейший дедушка (Левин Б. Блуждающие огни).

22. Понятийный признак **мужик** (необразованный / невоспитанный / грубый / неуч / невежа) относится к разряду оценочных: Ксана запомнила только единственную **грубость мужа** – в то несчастное утро погрома

(Федин К. А. Первые радости). Этот признак может быть объективирован как словом **муж**, так и словами **мужик**: Он... признавал, что по жизни **мужик груб**, матерщинник и любит крепкое слово (Корниенко Н. Душою плачешь и смеешься от души); **мужчина**: **Мужчина грубый**, карахтерный, упорный... (Успенский Г. И. Кой про что).

23. Язык динамичнее лексикографических изысканий. Словари указывают не все понятийные признаки. В своем исследовании Т. С. Чехоева, анализируя концепт **мужчина**, выявила синонимический ряд его репрезентанта: «муж – супруг – семьянин – мужик – хозяин. Отмечен контекстуальный вариант слова муж – кормилец» [26, с. 91]. Таким образом, к понятийным признакам концепта **муж** можно отнести **кормилец**. Муж – традиционный добытчик, кормилец: А мужик в семье – всему голова. Муж – хозяин, **муж – добытчик** (Пузанов И. На окраине); Как показывают социологические опросы, эта ситуация характерна не только для тех семей, где **муж – кормилец** (Нарышкина А. Женщин уравнивают). Кормить всю семью – основная обязанность мужа, таков стереотип русской лингвокультуры: И у нее теперь семья по всем понятиям, дом, сыновья, **муж-кормилец** (Снегирев А. Вера).

24. Исследование языкового материала позволило выделить ряд признаков, не зафиксированных в словарях. Под юридическим термином **гражданский брак** принято понимать официальный зарегистрированный брачный союз мужчины и женщины. В XX в. под влиянием исторических изменений в социуме возникло несколько иное понимание института семьи. В русской лингвокультуре отразились религиозные особенности восприятия таких изменений первой половины XX в., которые укоренились в языковом сознании, один из таких признаков – **гражданский муж**, объективирующий значение «невенчанный»: Перед тем как записаться **гражданским браком**, она невнятно сообщила ему о своем нецеломудрии. Он слотнул слюну, но расспрашивать не стал, мол, все равно не венчаемся, чего уж тут (Эпель А. Дробленый сатана).

25. Оппозицией выступает понятийный признак **законный муж**: В общем, теперь мой **законный** пребывает в полной уверенности, что Бразилия просто не может не победить на ЧМ – ну как же, такие «коллеги» дома ждут! (Мечта для нефутбольной нации. Дневник болельщика // Известия); «Приехала к **законному мужу законная жена**». – Это ты сказала? – Михаил с сочувствием, чуть не с нежностью взглянул на Евдокию (Абрамов Ф. Дом).

26. Высокую частотность употребления демонстрирует признак **фиктивный муж**. Это договорный союз, в котором возможны дружеские, доверительные отношения: А со мной говорит откровенно и обо всем доверчиво, будто я ей родной, а не просто **фиктивный муж** (Кожевников В. Щит и меч); На него сейчас же донесли, и наша родственница получила боевое крещение, нося передачи, посещая тюрьму для свиданий со своим **фиктивным мужем** (Герштейн Э. Лишняя любовь).

Заключение

В ходе изучения соответствующих статей репрезентанта концепта *муж* в восьми словарях русского языка было отмечено 22 понятийных признака. Анализ лингвистической литературы и собранного языкового материала (4000 фрагментов текста, взятых сплошной выборкой из НКРЯ) позволил выявить еще несколько понятийных признаков – кормилец, гражданский муж, законный муж, фиктивный муж. Было бы неправильным делать заключение о сформированности структуры концепта, опираясь только на исследование словарных статей толковых словарей. Необходимо рассмотрение словарей синонимов и антонимов, анализ дискурса также позволяет выявить дополнительные понятийные признаки, «пропущенные» в словарях.

Изучение понятийных признаков концепта *муж* позволяет выделить шесть блоков:

- 1) семейный статус и семейные обязанности: супруг; дачный муж (разг., шутл., ирон.); хозяин; семьянин;

кормилец; гражданский муж; законный муж; фиктивный муж;

- 2) антропология и физиология: зрелый (человек); человек; мужской пол; физически сильный / крепкий / могучий;
- 3) ментальные особенности: ученый; здравомыслящий;
- 4) социальный статус: общественный деятель / государственный человек; простолюдин / крестьянин (пахарь / земледелец / землепашец / хлебопашец); мужик (необразованный / невоспитанный / грубый / неуч / невежа); селянин;
- 5) моральные качества: достойный (человек); доблестный; стойкий; трудолюбивый;
- 6) черты характера: отважный / смелый / храбрый; терпеливый; спокойный; решительный.

Все понятийные признаки функционально значимы, на это указывает собранный языковой материал.

Литература

1. Брутян Г. А. Язык и картина мира // Философские науки. 1973. № 1. С. 108–111.
2. Пименова М. В. Языковая картина мира. 3-е изд., доп. М.: Флинта; Наука, 2012. 108 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
4. Логический анализ языка: культурные концепты / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Наука, 1991. 203 с.
5. Бабенко Л. Г. Психология русского человека в зеркале словаря // Национально-культурный компонент в тексте и языке: тезисы докладов Междунар. науч. конф. (Минск, 5–7 октября 1994 г.). Мн.: Университетское, 1994. Ч. 1. С. 22–24.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.
7. Гак В. Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 73–81.
8. Гачев Г. Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 80–85.
9. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2016. 180 с.
10. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. 3-е изд., доп. М.: Флинта, 2016. 134 с.
11. Сергеева А. В. Муж и жена в семье: социальные роли // Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2020. Режим доступа: <http://www.lyubi.ru/sem67.php> (дата обращения: 03.03.2020).
12. Пименова М. В. Концептуализация внутреннего мира человека посредством гендерных признаков // Мужское и женское в культуре: мат-лы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–27 сентября 2005 г.) СПб.: ИППК-Респ. гуманитар. ин-т, 2005. С. 46–50.
13. Пименова М. В. Стереотипы относительно женщины в русской лингвокультуре // Килевая Л. Т., Маслова В. А., Пименова М. В., Суюнова Г. С., Темиргазина З. К., Зенкова Т. Ж., Андрищенко О. К., Каримова Б. Т., Кенжебалина Г. П., Муллагаянова Г. С., Сукаленко Т. Н., Хамитова Г. А., Оразалинова К. А., Суханинская У. Ж., Фанакова Л. В., Мирошникова Н. В., Ушаева Т. С., Кенжебалина А. Ж. Гендерная лингвистика. Павлодар: Павлодарский гос. пед. ин-т, 2013. С. 146–176.
14. Семенова Д. В. Гендерный аспект концептуального анализа лексем «мужчина» и «женщина» (на материале фразеологии английского, русского и кабардинского языков): дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2006. 181 с.
15. Досимова М. С. Национальная специфика языковой объективации концепта «женщина»: на материале русского и казахского языков: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 206 с.
16. Мудрая М. В. Гендерная симметрия и асимметрия в фольклорном тексте (на материале пословиц) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 15. № 2. С. 63–68. DOI: 10.14529/ling180212
17. Калугина Е. Н. Концепты «мужчина» и «женщина» в субстандарте русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 21 с.
18. Дуссалиева Э. А. Национальная специфика языковой объективации концепта «мужчина»: на материале русского, татарского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 226 с.
19. Пименова М. В. Нарушение традиционного маскулинного образа (женское в мужском в русской языковой картине мира) // Язык и ментальность / отв. ред. М. В. Пименова. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 80–90.

20. Пименова М. В. Антропологистика: мифологемы в гендерном аспекте // Антропология языка / отв. ред. С. Р. Омельченко. М.: Флинта; Наука, 2010. Вып. 1. С. 103–117.
21. Бозташ А. Концепт мужчина и его выражение в картине мира разнотипных языков: на материале русского, турецкого и английского языков: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 176 с.
22. Кассихина А. В. Концепт «человек» в русском и английском языках // Язык, личность, деятельность: взгляд молодых исследователей: мат-лы III Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых с Междунар. участием. (Киров, 3–4 апреля 2012 г.) Киров: ВятГУ, 2012. С. 33–35.
23. Пименова М. В. Основные положения и методика исследования концептов в Кемеровской школе концептуальных исследований // Концептуальные и семантико-грамматические исследования: памяти профессора Е. А. Пименова / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. С. 51–60.
24. Пименова М. В. Концептуализация чувства в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 58–120.
25. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.
26. Чехова Т. С. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре: на материале афористики: дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2009. 229 с.

original article

Conceptual Signs in the Structure of the *Husband (Muzh)* Concept (According to the Explanatory Dictionaries of the Russian Language)

Anastasia M. Kiseleva^{a, @}^a Khrulev Military Academy of Logistics, Russia, St. Petersburg[@] AMKiseleva@inbox.ru

Received 19.03.2020. Accepted 23.06.2020.

Abstract: The article introduces conceptual signs of the concept *husband (muzh)* on the basis of eight Russian explanatory dictionaries: 1) S. I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova's Explanatory Dictionary of the Russian language; 2) V. I. Dal's Explanatory Dictionary of the Russian Vernacular; 3) D. N. Ushakov's Explanatory Dictionary of the Russian Language; 4) Academic Dictionary of the Russian Language; 5) Explanatory Dictionary of the Russian language edited by D. V. Dmitriev; 6) T. F. Efremova's Interpretative and Derivational New Dictionary of the Russian Language; 7) S. A. Kuznetsov Great Dictionary of the Russian Language; 8) L. G. Babenko's Big Explanatory Dictionary of Russian Nouns. The author analyzed the relevant vocabulary entries of the words representing the concept and described the selected conceptual signs with examples from the language material. Examples were taken from the National Corpora of the Russian Language (www.ruscorpora.ru). The research owes its scientific novelty to the fact that domestic and foreign linguistics has never featured the concept in question. The author appealed to the Russian linguistic culture from the perspective of the conceptual sphere of the family, marriage, and kinship. The research revealed 26 conceptual signs of the *husband (muzh)* concept: a spouse, a head of the family responsible for bringing the groceries from town to the country cottage where the family dwells, a mature (person), a scientist, a public figure / statesman, a person, male gender, a master, a worthy (person), valiant, courageous / bold / brave, physically strong / mighty, patient, sane, persistent, calm, decisive, hardworking, commoner / peasant (plowman / farmer / tiller), a peasant, a family man, a man (uneducated / ill-bred / rude / ignoramus / ignorant), a breadwinner. The following conceptual signs were represented by material from XVIII–XIX centuries: a public figure / statesman, a commoner / peasant (plowman / farmer / tiller), a peasant. All the conceptual signs of the husband (*muzh*) concept were concentrated in several aspects: family status and family responsibilities, anthropological and physiological characteristics, mental abilities, social status, moral qualities, and character traits.

Keywords: seme, sememe, language picture of the world, Russian linguistic culture, motivating sing

For citation: Kiseleva A. M. Conceptual Signs in the Structure of the *Husband (Muzh)* Concept (According to the Explanatory Dictionaries of the Russian Language). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 831–840. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-831-840>

References

1. Brutian G. A. Language and picture of the world. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 1973, (1): 108–111. (In Russ.)
2. Pimenova M. V. *Language picture of the world*, 3rd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 108. (In Russ.)
3. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 895. (In Russ.)
4. *Logical analysis of language: cultural concepts*, ed. Aroutiounova N. D. Moscow: Nauka, 1991, 203. (In Russ.)
5. Babenko L. G. The psychology of Russian man in the mirror of the dictionary. *National-cultural component in the text and language: Proc. Intern. Sci. Conf., Minsk, October 5–7, 1994*. Minsk: Universitetskoe, 1994, pt. 1, 22–24. (In Russ.)
6. Wierzbicka A. *Language. The culture. Cognition*. Moscow: Rus. slov., 1996, 411. (In Russ.)
7. Gack V. G. Man in the language. Logical analysis of the language. *The image of man in culture and language*, ed. Aroutiounova N. D., Levontina I. B. Moscow: Indrik, 1999, 73–81. (In Russ.)
8. Gachev G. D. About national pictures of the world. *Narody Azii i Afriki*, 1967, (1): 80–85. (In Russ.)
9. Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*. Moscow: Flinta; Nauka, 2016, 180. (In Russ.)
10. Kolesov V. V., Pimenova M. V. *The linguistic basis of the Russian mentality*, 3rd ed. Moscow: Flinta, 2016, 134. (In Russ.)
11. Sergeeva A. V. Husband and wife in the family: social roles. *Russians: behavioral stereotypes, traditions, and mentality*. Moscow: Flinta, 2020. Available at: <http://www.lyubi.ru/sem67.php> (accessed 03.03.2020). (In Russ.)
12. Pimenova M. V. Conceptualization of the human inner world through gender characteristics. *Male and female in culture: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, September 26–27, 2005*. St. Petersburg: IPPK-Resp. gumanitar. in-t, 2005, 46–50. (In Russ.)
13. Pimenova M. V. Stereotypes regarding women in Russian linguistic culture. Kilevaya L. T., Maslova V. A., Pimenova M. V., Suyunova G. S., Temirgazina Z. K., Zenkova T. Zh., Andryushchenko O. K., Karimova B. T., Kenzhebalina G. P., Mullagayanova G. S., Sukalenko T. N., Khamitova G. A., Orazalinova K. A., Sukhaninskaya U. Zh., Fanakova L. V., Miroshnikova N. V., Ushaeva T. S., Kenzhebalina A. Zh. *Gender linguistics*. Pavlodar: Pavlodarskii gos. ped. in-t, 2013, 146–176. (In Russ.)
14. Semenova D. V. *The gender aspect of the conceptual analysis of the lexemes "man" and "woman" (based on the phraseology of English, Russian, and Kabardian languages)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Nalchik, 2006, 181. (In Russ.)
15. Dosimova M. S. *National specifics of linguistic objectification of the concept "woman": on the material of Russian and Kazakh languages*. Cand. Philol. Sci. Diss. Astrakhan, 2008, 206. (In Russ.)
16. Mudraya M. V. Gender symmetry and asymmetry in a folklore text (based on proverbs). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2018, 15(2): 9–15. (In Russ.) DOI: 10.14529/ling180212
17. Kalugina E. N. *The concepts of "man" and "woman" in the substandard of Russian and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Stavropol, 2008, 21. (In Russ.)
18. Dussaliev E. A. *National specifics of linguistic objectification of the concept of "man": on the material of Russian, Tatar and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Astrakhan, 2009, 222. (In Russ.)
19. Pimenova M. V. Violation of the traditional masculine image (female in male in the Russian language picture of the world). *Language and mentality*, ed. Pimenova M. V. St. Petersburg: SPbGU, 2010, 80–90. (In Russ.)
20. Pimenova M. V. Anthropolinguistics: mythologemes in the gender aspect. *Anthropology of language*, ed. Omelchenko S. R. Moscow: Flinta; Nauka, 2010, iss. 1, 103–117. (In Russ.)
21. Boztash A. *The concept of man and his expression in the picture of the world of different structural languages: on the material of Russian, Turkish and English*. Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2012, 176. (In Russ.)
22. Kassikhina A. V. The concept of "man" in Russian and English. *Language, personality, and activity: the perspective of young researchers: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf. young scientists with Intern. participation, Kirov, April 3–4, 2012*. Kirov: ViatGGU, 2012, 33–35. (In Russ.)
23. Pimenova M. V. The main provisions and methods of researching concepts in the Kemerovo school of conceptual research. *Conceptual and semantic-grammatical research: memory of prof. E. A. Pimenov*, ed. Pimenova M. V. Moscow: Ila RAN, 2011, 51–60. (In Russ.)
24. Pimenova M. V. Conceptualization of feeling in the Russian linguistic picture of the world. *Human world and the world of language*. Kemerovo: IPK "Grafika", 2003, 58–120. (In Russ.)
25. Pimenova M. V. *Heart concept: image, concept, symbol*. Kemerovo: KemGU, 2007, 500. (In Russ.)
26. Chekhoeva T. S. *Representation of the concepts "man" and "woman" in Russian linguistic culture: on the material of aphoristics*. Cand. Philol. Sci. Diss. Vladikavkaz, 2009, 229. (In Russ.)

Когнитивный подход к комплексному анализу терминосистем (на материале терминологии фотонных кристаллов)

Валерия О. Кулешова^{a, b, @, ID}

^a Национальный исследовательский университет ИТМО, Россия, г. Санкт-Петербург

^b Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск

@ vokuleshova@itmo.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1377-6003>

Поступила в редакцию 02.03.2020. Принята к печати 26.05.2020.

Аннотация: В статье предлагается комплексная методика исследования терминосистем. Данная методика учитывает такие аспекты, как семантический анализ, разработка структурной модели терминологии, основанная на логических связях между объектами и процессами определенной специальной области и их отражением в профессиональном языке, раскрытие прагматического потенциала единиц терминологии и демонстрация их роли в определении положения терминосистемы в научной картине мира. Цель – описание и применение такого подхода для анализа терминосистемы фотонных кристаллов. Предметом исследования выступают термины из терминологии фотонных кристаллов, которые были отобраны из нескольких научных монографий. В исследовании были применены метод семантического анализа, когнитивный подход к описанию структуры данной терминологии и контекстуальный анализ. В результате исследования выявлена тесная связь между внутренней формой термина и знаком, анализ терминов показал, что понимание внутренней формы термина позволяет точно определить место термина в терминологии, а также в совокупности это позволяет верно интерпретировать и использовать термин. В статье представлена свернутая модель структуры терминосистемы фотонных кристаллов. На этом примере объяснено, как термины организуются внутри терминосистемы, как терминосистема может быть встроена в научную картину мира. Отмечена роль общеспециальных терминов в интегрировании терминосистем в научную картину мира и во взаимосвязи между различными терминосистемами. В статье сделан вывод о том, что наиболее точное определение границ терминологии возможно только в контексте, где термин в полной мере реализует свое значение.

Ключевые слова: когнитивные аспекты, семантический анализ, структурный анализ, молодая терминология, внутренняя форма, контекст

Для цитирования: Кулешова В. О. Когнитивный подход к комплексному анализу терминосистем (на материале терминологии фотонных кристаллов) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 841–848. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-841-848>

Введение

Традиционный взгляд на различные области лингвистического знания претерпел значительные изменения с появлением когнитивного направления лингвистических исследований, которое опиралось на взаимосвязь языка, мышления и сознания. Прогресс в лингвистике характеризовался не только обнаружением новых реалий, но и изменением точки зрения на эти реалии [1].

Появление нового направления не могло не затронуть и науку о терминах, результатом чего стало активное развитие и применение когнитивного подхода в терминоведении [2, с. 246]. Когнитивной проблематике терминоведения посвящены работы В. М. Лейчика [3], В. Ф. Новодрановой [4], М. Н. Володиной [5], Л. А. Манерко [6], Л. В. Ивиной [7] и др. С развитием антропоцентрической парадигмы в лингвистике стала неизбежной связь терминоведения с проблемами человеческого сознания, мышления

и деятельности. Это обусловило привлечение когнитивных идей в науку о терминах. В рамках когнитивного направления терминоведения термин изучается не только с точки зрения типологии, содержания и происхождения, но и как элемент научного познания и мышления.

Нормоцентрическое и лингвоцентрическое терминоведение опиралось на изучение самого термина как языкового знака, требований к термину (однозначность, отсутствие синонимов, безэмоциональность и пр.) и принципов систематизации терминов. Когнитивное же направление терминоведения, учитывая черты, присущие современному этапу научного познания, характеризуется интересом к динамическим процессам, происходящим с объектом познания, такими как законы формирования терминосистем, интеграция с другими когнитивными науками, занимающимися феноменом информации и ее обработки [8, с. 47].

В целом когнитивную науку можно описать как науку, которая предполагает всестороннее изучение человеческого интеллекта и ментальных принципов и механизмов, которые им управляют [9, p. 57]. Когнитивная наука является междисциплинарной наукой, а когнитивная лингвистика в свою очередь входит в парадигму когнитивной науки [10; 11]. Лингвисты-когнитивисты рассматривают язык как общий когнитивный механизм, который включает такие процессы, как усвоение, накопление и использование информации, и основываются на умении человека воспринимать и категоризировать информацию [12, с. 120]. В рамках когнитивной парадигмы термин выступает в роли инструмента познания и рассматривается в комплексе. Современное терминоведение предполагает построение концептуальных моделей как отдельных терминов, так и целых терминосистем, т. е. включает не только анализ семантики отдельных языковых средств, но и отражение связи между структурой специального знания и языковыми формами [13; 14]. Когнитивный подход существенно расширяет взгляд на научное познание, которое теперь не сводится только к рациональному мышлению, во главе которого лежит логическое рассуждение, а тесно связано с познанием обыденным [15, с. 7]. Это, безусловно, позволяет исследователям сместить акцент с классической однозначности термина к его многозначности и утверждать, что термин может иметь производные значения, связанные с метонимией и метафорой [16–18]. Сомнению подвергается отсутствие у термина эмоциональной и экспрессивной окраски, которое было характерно для исследований Л. А. Капаназде [19], А. А. Реформатского [20], М. Turner и J. Fausonnier [21, p. 141] и ряда других ученых. Идея стилистической нейтральности терминологических единиц противоречит концепции о том, что термины могут иметь коннотативное значение и семантические наслоения. В большей степени коннотативное значение характерно для терминов, образованных метафорическим или метонимическим переносом [19, с. 97].

В настоящий момент актуальным является изучение терминологий развивающихся областей знаний. Это обусловлено как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. К языковым факторам можно отнести следующие: изучение специфики появления и функционирования терминов в новых терминологиях, исследование особенностей связей между концептами данной области.

С практической точки зрения есть подход, предполагающий, что для каждой терминосистемы структура изоморфна системе логических связей между понятиями. Подобный подход позволяет упростить выделение терминов и направлять систематизацию в практическое русло [20, с. 178]. Согласно данному подходу, в рамках одной терминосистемы термины, например, присущие физике и химии, могут существовать и функционировать вместе, т. к. в настоящий момент значительное количество смежных отраслей не может существовать друг без друга. Очевидно, что развитие разных областей знаний осуществляется

в разном темпе, соответственно развитие терминологий происходит асинхронно. Как правило, вновь сформировавшиеся области знаний появляются на границах более ранних дисциплин. Такие терминологии принято называть молодыми. Особенностью таких молодых терминологий является то, что они включают в себя терминологические единицы, присущие разным областям знаний [22, с. 53].

Терминология фотонных кристаллов является представителем молодых терминологий. Фотонными кристаллами так или иначе занимались еще с 1887 г., однако сам термин *фотонный кристалл* возник в 1987 г. в работах Э. Яблоновича и С. Джона. Перспективы исследования фотонных кристаллов заключаются в возможности их применения вместо кремниевых микросхем. Микросхемы на основе фотонных кристаллов позволяют обрабатывать и передавать информацию в разы быстрее. Использование материалов на основе фотонных кристаллов позволит существенно улучшить эффективность солнечных батарей. Это все становится возможным из-за уникальных свойств таких кристаллов, позволяющих менять направление, удерживать и фильтровать свет особым образом. С точки зрения лингвистики, эта терминология представляет интерес для исследования, т. к. вбирает и перерабатывает термины из большого количества смежных областей знаний (физика, химия, оптика, нанотехнология, электроника и др.). Более того, терминология находится в динамике, возникают новые термины, отмирают термины, описывающие устаревшие и нежизнеспособные теории. Все эти процессы происходят в реальном времени и требуют внимательного изучения и анализа.

Постановка проблемы. Внимание ученых на данный момент привлекают молодые терминологии и когнитивные аспекты их изучения, именно на примере таких терминологий можно проследить, как происходят процессы терминообразования, какова роль метафоры и метонимии в семантической структуре слова и какое отражение находит система профессиональных знаний в языке.

Цель данной работы – разработка комплексного подхода к когнитивному описанию терминов и терминосистем и применение данного подхода для описания молодой терминологии фотонных кристаллов.

Методы и материалы. Материалом для данного исследования послужили термины из терминологии фотонных кристаллов, отобранные методом сплошной выборки из известных и широко цитируемых монографий на английском языке (всего 980 страниц) по данной тематике (Казуаки Шакода. *Optical Properties of Photonic Crystals*, 2005; Джонаполас Дж. Д. и др. *Photonic Crystals. Molding the Flow of Light*, 2008; Semiconductor Nanocrystal Quantum Dots / под ред. Андрея Рогача, 2008). В ходе исследования было отобрано 124 английских термина. Термины были сформированы в словник, снабжены русскими эквивалентами и примерами употребления. В ходе исследования были применены методы семантического и контекстуального анализа терминов, метод когнитивного анализа терминосистемы.

Результаты

При когнитивном подходе в терминоведении необходимо учитывать комплексное описание явлений, которое данный подход подразумевает, в том числе и учитывая человеческий фактор. Это позволяет говорить о полиаспектном анализе как методологической основе когнитивного терминоведения. Под полиаспектным анализом можно понимать применение нескольких подходов и использование нескольких исследовательских методов для интерпретации объекта и создания более полного представления о нем. В рамках такого подхода при анализе терминов необходимо учитывать следующие аспекты: семантический, который подразумевает анализ содержания языкового знака и выделение его смысловых компонентов; анализ терминосистемы в аспекте системных отношений, построение ее структурной модели, которая отражает современное состояние терминологии и позволяет предугадывать дальнейшие пути ее развития; кроме того, она поможет определить место каждого терминологического знака в ней, а также анализ прагматического потенциала каждой единицы терминологии.

Термины сами по себе обладают когнитивными свойствами, поскольку представляют собой сгусток специального знания и в свернутом виде выражают содержание специального понятия [23, с. 131]. Кроме того, термин является инструментом познания, выступая средством получения, переработки и обобщения информации. Выражаясь языком Л. Витгенштейна, язык предназначен не для называния предметов и ментальных состояний, а выступает средством коммуникации, таким образом, термин является средством познания и коммуникации, поэтому в полной мере он может себя реализовать только в ситуации научного общения [24, с. 80].

При анализе семантики термина особое внимание следует уделить его внутренней форме, т. е. именно она остается неизменной, даже попадая в разные терминосистемы, она не зависит и от ситуации общения. Связь между знаком и внутренней формой видится наиболее прочной, хотя в некоторых случаях сложно различимой. Сравним, например, термины *evanescent wave* и *fullerene* (затухающая волна и фуллерен), если в первом примере не возникает сомнения, какой существенный признак (постепенное исчезновение) лег в основу этого термина, хотя и значения, и дефиниции, и сам референт могут разниться в зависимости от терминосистемы, то во втором примере, чтобы найти внутреннюю форму и проследить связь, необходимо обратиться к определению и контексту, т. е. увидеть, что общего есть в значениях этого термина в разных терминосистемах:

- *All fullerenes have an even number of carbon atoms arranged over the surface of a closed hollow cage*¹ – все фуллерены имеют четное число атомов углерода, расположенных на поверхности **замкнутой полой клетки**².
- *Fullerenes are the zero-dimensional form of graphitic carbon. They are made of carbon atoms in hollow spherical, ellipsoid, and other shapes*³ – Фуллерены — это нульмерная форма графитового углерода. Они состоят из атомов углерода, **образуя полые сферические, эллипсоидальные и другие формы**.
- *Fullerenes (originally buckminsterfullerenes) are a new class of carbon-only molecules where 60 carbon atoms (C60) are arranged in a soccer-ball structure*⁴ – Фуллерены (первоначально фуллерены Бакминстера) представляют собой новый класс молекул, содержащих только углерода, в которых 60 атомов углерода (C60) расположены в виде **футбольного мяча**.
- *Fullerene is a molecule composed of carbon with the hollow ball of the spherical structure. The molecule has a high degree of symmetry*⁵ – Фуллерен представляет собой молекулу, состоящую из углерода и имеющую **сферическую** структуру, подобную **полому шару**.

Проанализировав несколько источников, мы выделили следующие существенные признаки: *hollow ball* (полый шар) и *symmetry* (симметрия). Такой вывод подтверждается наличием неформального названия подобных материалов *buckyball* (бакиболл в русском языке встречается редко, преимущественно в ситуациях неформального общения). Связь между формой и знаком подтверждается наличием производных форм, таких как *endofullerene*, *hyperfullerene*, *interfullerene* (эндофуллерен, гиперфуллерен, интерфуллерен), которые не теряют внутреннего значения **полый шар**. Таким образом, связь между внутренней формой **полый шар** и знаком *fullerene* (фуллерен) приобрела видимые очертания. Семантический анализ и нахождение внутренней формы терминологического знака дает возможность проследить, как накапливалось и развивалось научное знание за весь период его существования.

Еще одним интересным с точки зрения анализа внутренней формы примером является термин *magical-sized nanocrystal* или *cluster*, рассмотрим варианты его употребления:

- *The magic-sized nanocrystals are considered thermodynamically favorable due to their special space structure such as core-shell configuration. More importantly, magic-sized nanocrystals are single-sized ensembles and featuring extremely narrow absorption/emission*

¹ Nakagawa T. Rare-Earth Based Fullerenes: tuning the onset of valency transitions. Durham theses. Durham University, 2009. P. 2.

² Перевод примеров здесь и далее выполнен автором статьи.

³ Malhorta B. D., Ali M. A. Functionalized Carbon Nanomaterials for Biosensors // Malhorta B. D., Ali M. A. Nanomaterials for Biosensors. 2018. DOI: <https://doi.org/10.1016/C2015-0-04697-4>

⁴ Mishra R., Militky J. Carbon-based nanomaterials // Mishra R., Militky J. Nanotechnology in Textiles: Theory and Application. Woodhead Publishing, 2019. P. 167. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-08-102609-0.00003-1>

⁵ Hsu S., Luo P. From nanoarchitectonics to tissue architectonics: nanomaterials for tissue engineering // Advanced Supramolecular Nanoarchitectonics. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-813341-5.00012-7>

*width*⁶ – Нанокристаллы магического размера считаются термодинамически эффективными из-за их **особой** пространственной структуры, характеризующейся конфигурацией ядро-оболочка. Что еще более важно, нанокристаллы магического размера являются структурами одного размера и имеют **чрезвычайно** узкую ширину поглощения / излучения.

- *The formation of magic-sized clusters is due to the fairly high monomer concentration exceeding the "kinetic control" regime*⁷ – Образование кластеров магического размера происходит из-за довольно высокой концентрации мономеров, **превышающей** режим «кинетического контроля».
- *Three families of colloidal CdSe magic-sized nanocrystals (MSNs) exhibiting bright bandgap photoluminescence (PL) with narrow full width at half-maximum (fwhm) on the order of ca. 10 nm were synthesized in pure form*⁸ – Три семейства коллоидных нанокристаллов CdSe магического размера (MSN), демонстрирующих **яркую** фотолюминесценцию с запрещенной зоной (ФЗ) с узкой шириной на половине максимума порядка 10 нм, были синтезированы в чистом виде.
- *The distribution of the sizes of clusters is not continuous, but rather has local maxima. The numbers of atoms of those maxima distribution is called magic numbers*⁹ – Распределение размеров кластеров не является непрерывным, а имеет локальные **максимумы**. Числа атомов этих **максимумов** распределения называют магическими числами.
- *В некоторых системах кластеры, имеющие особые размеры, обладают повышенной стабильностью, в результате чего таких кластеров формируется существенно больше, чем кластеров других размеров. Так как эти размеры характеризуются «магическими» числами, то сами кластеры с «магическим» числом атомов получили название «магических кластеров»*¹⁰.

Наука ассоциируется с магией и мистикой еще с древних времен. Человек склонен приписывать магические свойства тому, что он не понимает, или тому, что демонстрирует неординарные, необъяснимые свойства. С одной стороны, наука служит для объяснения всего непонятного, тем больший интерес для исследования представляют такие термины, как *magical-sizes nanocrystal*. С другой – мы четко видим из примеров, что значение лексемы *magical* трансформировалось из необъяснимого в выдающееся. Вербально это представлено следующими рядами синонимов: *special*,

extremely, high, bright, maxima – особый, чрезвычайный, яркий, превышающий, существенный, повышенный.

От анализа внутренней формы термина перейдем к таким категориям, как понятие и значение, потому что они очень важны для анализа термина; понятие – это весь спектр значений, который приписывается тому или иному термину, в контексте понятие преобразуется в значение и уже исходя из значения термина можно построить структурную модель всей терминосистемы. Любая терминологическая область (профессиональная сфера), насколько бы широкая или узкая она ни была, характеризуется прочными логическими связями, которые соединяют различные процессы, объекты и явления в данной области. Задача терминоведа вскрыть эти связи и создать такую структурную модель, которая наиболее полно и наглядно отобразит уже существующие отношения в терминосистеме и в то же время предоставит свободное пространство для появления новых объектов и, соответственно, знаков, их называющих. Еще одним важным свойством структурной модели является ее открытость, терминосистема не должна замыкаться в себе и существовать изолированно от других терминосистем и вне научной картины мира.

Проанализировав терминосистему фотонных кристаллов, мы выделили три группы – **проектирование, процесс создания, использование**, которые отражают «жизненный путь» от создания (проектирования) кристаллов до вариантов их использования [25]. Каждая из групп условно разделена на несколько подгрупп, что, во-первых, позволяет точнее определить место термина в терминосистеме, во-вторых, представляет возможность более полно описать отношения между терминами внутри этих групп, в-третьих, через эти подгруппы осуществляется связь терминосистемы с внешним миром, с другими терминосистемами, формируя информационное поле, внутри которого могут успешно происходить акты коммуникации и познания.

Например, выделенная подгруппа **материалы** тесно связана с различными разделами химии (например, коллоидная химия, химия полупроводников, органическая химия и др.). Подгруппа **свойства материалов** связана с химией, однако еще в большей мере с физикой и ее разделами (физика твердого тела, физика наночастиц, квантовая физика и механика).

Предложенная нами модель не только наиболее полно репрезентирует состояние терминологической системы фотонных кристаллов, но и дает возможность из-за развитой структуры подгрупп, во-первых, добавлять термины

⁶ Hu M. Z., Zhu T. Semiconductor Nanocrystal Quantum Dot Synthesis Approaches Towards Large-Scale Industrial Production for Energy Applications // Nanoscale Research Letters. 2015. Vol. 10. DOI: 10.1186/s11671-015-1166-y

⁷ Там же.

⁸ Li M., Ouyang J., Ratcliffe Ch. I., Pietri L., Wu X., Leek D. M., Moudrakovski I., Lin Q., Yang B., Yu K. CdS Magic-Sized Nanocrystals Exhibiting Bright Band Gap Photoemission via Thermodynamically Driven Formation // ACS Nano. 2009. Vol. 3. № 12. DOI: <https://doi.org/10.1021/nn9009455>

⁹ Luo S. Discussion on the origin of magic numbers in clusters. Ohio State University, Department of Chemical and Biomolecular Engineering, 2014. Режим доступа: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1411/1411.1007.pdf> (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁰ Зотов А. В., Саранин А. А. Кластеры, магические // Словарь нанотехнологических и связанных с нанотехнологиями терминов. Режим доступа: https://thesaurus.rusnano.com/wiki/article1105?sphrase_id=17333 (дата обращения: 10.02.2020).

в каждую подгруппу по мере появления новых концептов и их названий, а во-вторых, добавлять подгруппы, если этого будет требовать развитие науки. Основной каркас системы от этого не пострадает, и не будут нарушаться внешние связи.

Таким образом, структура терминосистемы должна обладать жестким каркасом, внутри которого концентрируются все термины данной области, и в то же время этот каркас должен легко встраиваться в современную научную картину мира. Нахождение баланса между однозначностью, строгой фиксированностью, характерной для отдельных терминов и терминологий, и в то же время способностью терминов функционировать в разных терминологиях и самих терминологий взаимодействовать друг с другом является одной из важнейших задач терминоведа.

Что касается границ терминологий, нецелесообразно, как было отмечено выше, говорить о фиксированных рамках, однако, кроме того, что мы наблюдаем связи между различными терминологиями через специальные термины, все они связаны посредством общенаучных и общеспециальных терминов [26]. Эти термины выступают в роли фундамента и позволяют лингвистам, например, понимать тексты по физике и химии и в целом являются основой, на которой строится университетское образование и в некоторой мере даже школьное, такие термины, как *закон*, *теорема*, *концепция* и другие подобные, не нуждаются в пояснении, функционируя в различных терминологических полях. Однако все же полностью исключить границы терминологий не представляется возможным. Это объясняется и необходимостью фиксирования научных знаний в тематических словарях, и необходимостью в процессе коммуникации и познания осуществлять маркировку *свой – чужой*. Таким образом, границы терминологии мы можем определить либо ссылаясь на терминологический словарь, что является не совсем достоверным ввиду того, что научное знание развивается невероятно динамично и в связи с глобальной интернетизацией распространяется практически мгновенно по всему миру, либо на основе маркировки тестов (устных и письменных) по принципу *свой – чужой*. При этом *своими* терминами следует признавать все термины, которые попадают в поле зрения определенной профессиональной области и реализуют в этой области одно из своих значений.

Литература

1. Борисова Т. Г. Термин как особая лингвокогнитивная единица // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: ПГЛУ, 2004. Вып. 2. С. 287–291.
2. Козловская О. Г. Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2006. Т. 6. № 1. С. 245–247.
3. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS, 2005. 254 с.
4. Новодранова В. Ф. Проблемы терминообразования в когнитивно-коммуникативном аспекте // Лексикология. Терминоведение. Стилистика / ред. В. Ф. Новодранова. М.: Пресса, 2003. С. 150–154.
5. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой коммуникации). М.: Изд-во МГУ, 2000. 128 с.

Заключение

На примере терминологии фотонных кристаллов был проведен комплексный когнитивный анализ данной терминосистемы. Была рассмотрена семантика термина, выявлена связь между знаком и внутренней формой термина. Обозначено, что внутренняя форма термина – своего рода ядро, которое неизменно в контексте любой терминологии, только нарастив на это ядро понятие, значение и дефиницию, мы можем поместить термин в контекст определенной терминологии. Термины в терминологии систематизированы и представляют собой упорядоченную структуру, в которой у каждого термина есть свое место. В случае терминосистемы фотонных кристаллов эту систему представляют три группы и развитая система подгрупп со связями между ними. Семантический анализ терминов, с выделением ядра термина, или внутренней формы, позволяет найти точное место каждого термина в системе. Понимание места термина в терминологической системе и его внутренней формы дает нам возможность верно его интерпретировать и использовать.

Такой комплексный подход позволил не только рассмотреть формальную сторону терминов (морфология, сочетаемость, синтаксис и типология), но дать представление о том, как происходят процессы номинации, терминообразования, какие когнитивные функции при этом задействованы. Данный подход позволяет связать внутреннюю форму термина с понятием и проследить, как это понятие превращается в значение, реализуясь в определенном контексте. Также важным выводом является то, что определение границ терминологии возможно лишь при наблюдении, как термины реализуют свое значение в определенном контексте и критическом осмыслении этого контекста с присвоением маркера *свой* и контексту, и значению конкретного термина.

Значимость такого описания терминологий представляется в определении и исследовании совокупности лингвоантропологических знаний, относящихся к одному из фрагментов научной картины мира, выявлении механизмов языковой концептуализации и в создании общих когнитивно-семантических моделей.

6. Манерко Л. А. Многокомпонентные субстантивные образования с точки зрения психологии и лингвистики // Вопросы романо-германской филологии. Вып. 1: Фонетика. Лексикология. Типология. Пятигорск: ПГЛУ, 1996. С. 141–145.
7. Ивина Л. В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Акад. проект, 2003. 301 с.
8. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
9. Shepard R. N. George Miller's data and the development of methods for representing cognitive structures // The making of cognitive science: Essays in honor of George Armitage Miller, ed. W. Hirst. Cambridge (Mass.), 1988. P. 45–70.
10. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯ РАН, 1997. 327 с.
11. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
12. Кокорина Ю. Г. Когнитивное терминоведение и археологическое знание (к проблеме междисциплинарных исследований) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г.) Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 117–124.
13. Майоров Г. В. Научные метафоры в лингвистике // Русский язык: лексикология, лексикография, когнитивная семантика. М., 2010. С. 16–17.
14. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
15. Гера А. С. Предмет и основные направления прикладной лингвистики // Прикладная лингвистика / отв. ред. А. С. Гера. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 5–15.
16. Комарова З. И. Проблемы языка науки // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: мат-лы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2010 г.) Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 7–23.
17. Куркина Т. В. Когнитивные аспекты языка фармации // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты: сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30–31 января 2007 г.) М.: ИГУМО, 2007. С. 106–111.
18. Прохорова В. Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 125 с.
19. Капанадзе Л. А. Взаимодействие терминологической и общеупотребительной лексики // Развитие лексики современного русского языка / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1965. С. 86–103.
20. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии / отв. ред. В. П. Даниленко. М.: Наука, 1986. С. 165–198.
21. Turner M., Fauconnier J. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. 1998. Vol. 22. № 2. P. 133–187.
22. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного Института, 2006. Т. 2. 416 с.
23. Шумайлова М. С. Гиперо-типонимические связи в немецкой терминологии Интернета // Профессиональная коммуникация: вербальные и когнитивные аспекты: сб. докладов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30–31 января 2007 г.) М.: ИГУМО, 2007. С. 131–134.
24. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 75–319.
25. Кулешова В. О. Общенаучные и межотраслевые термины, их роль в формировании новых терминологических систем // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира / отв. ред. Т. В. Симашко. М.: БИБКМ, 2019. Вып. 9. С. 196–201.
26. Кулешова В. О. Принципы создания англо-русского терминологического словаря фотонных кристаллов // Litera. 2019. № 1. С. 215–222. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.1.29322

Integrated Analysis of Terms from a Cognitive Point of View (Based on the Terminology of Photonic Crystals)

Valeria O. Kuleshova ^{a, @, ID}

^a Saint-Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics, and Optics, Russia, St. Petersburg

^b Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Republic of Belarus, Vitebsk

@ vokuleshova@itmo.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1377-6003>

Received 02.03.2020. Accepted 26.05.2020.

Abstract: The article proposes a comprehensive methodology approach to terminological systems. The methodology involves several stages. The first one involves a semantic analysis. Then follows a structural model of the terminology in question based on the logical connections between objects and processes of a certain special field and their reflection in the professional language. Finally, the researcher discloses the pragmatic potential of terminology units and demonstrates their role in determining the position of the terminological system in the scientific view of the world. The research objective was to describe and apply this approach to the analysis of the terminology of photonic crystals. The study featured the terminology of photonic crystals. The terms were selected from several scientific books. The author employed the following methods: the method of semantic analysis, a cognitive approach to describing the structure of the terminology, and contextual analysis. The author revealed a close relationship between the internal form of the term and the sign. Understanding the internal form of the term makes it possible to determine the place of the term in the terminology, which guarantees its correct interpretation and use. The article introduces a convoluted model of the terminological structure of photonic crystals and explains how the terms are organized within the terminological system and how the terminological system can be embedded in the scientific view of the world. The author highlighted the role of general terms in integrating terminological systems into the scientific view of the world and in the relationship between different terminological systems. The most accurate definition of the boundaries of the terminology is possible only in the context where the term can fully exercise its meaning.

Keywords: cognitive aspects, semantic analysis, structural analysis, young terminology, internal form, context

For citation: Kuleshova V. O. Integrated Analysis of Terms from a Cognitive Point of View (Based on the Terminology of Photonic Crystals). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 841–848. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-841-848>

References

1. Borisova T. G. The term as a special linguistic-cognitive unit. *Language. Text. Discourse*. Stavropol: PGLU, 2004, iss. 2, 287–291. (In Russ.)
2. Kozlovskaya O. G. A cognitive approach to the study of the term as an instrument of knowledge. *Nauchno-Tekhnicheskii Vestnik Informatsionnykh Tekhnologii, Mekhaniki i Optiki*, 2006, 6(1): 245–247. (In Russ.)
3. Leichik V. M. *Terminology: subject, methods, structure*, 2nd ed. Moscow: URSS, 2005, 254. (In Russ.)
4. Novodranova V. F. Problems of term formation in the cognitive-communicative aspect. *Lexicology. Terminology. The style*, ed. Novodranova V. F. Moscow: Pressa, 2003, 150–154. (In Russ.)
5. Volodina M. N. *The cognitive-informational nature of the term (based on the terminology of mass communication)*. Moscow: Izd-vo MGU, 2000, 128. (In Russ.)
6. Manerko L. A. Multicomponent substantive formations from the point of view of psychology and linguistics. *Questions of Romano-Germanic Philology. Iss. 1: Phonetics. Lexicology. Typology*. Pyatigorsk: PGLU, 1996, 141–145. (In Russ.)
7. Ivina L. V. *Linguistic-cognitive foundations of the analysis of industry terminological systems (using the English terminology of venture financing as an example)*. Moscow: Akad. proekt, 2003, 301. (In Russ.)
8. Kubryakova E. S. The initial stages of the formation of cognitivism: linguistics – psychology – cognitive science. *Voprosy iazykoznaviia*, 1994, (4): 34–47. (In Russ.)
9. Shepard R. N. George Miller's data and the development of methods for representing cognitive structures. *The making of cognitive science: Essays in honor of George Armitage Miller*, ed. Hirst W. Cambridge (Mass.), 1988, 45–70.
10. Kubryakova E. S. *Parts of speech from a cognitive point of view*. Moscow: IIA RAN, 1997, 327. (In Russ.)

11. Kubryakova E. S. *Language and knowledge: towards the acquisition of knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2004, 560. (In Russ.)
12. Kokorina Yu. G. Cognitive terminology and archaeological knowledge (to the problem of interdisciplinary research). *Actual problems of German studies, Romanism, and Russian studies*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, February 5–6, 2010. Ekaterinburg: Uralskii gos. ped. un-t, 2010, pt. 1, 117–124. (In Russ.)
13. Maiorov G. V. Scientific metaphors in linguistics. *Russian: lexicology, lexicography, cognitive semantics*. Moscow, 2010, 16–17. (In Russ.)
14. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. rus. kultury, 1999, 896. (In Russ.)
15. Gerd A. S. The subject and main directions of applied linguistics. *Applied Linguistics*, ed. Gerd A. S. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 1996, 5–15. (In Russ.)
16. Komarova Z. I. Problems of the language of science. *Actual problems of German studies, romanism and Russian studies*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, February 5–6, 2010. Ekaterinburg: Uralskii gos. ped. un-t, 2010, pt. 1, 117–124. (In Russ.)
17. Kurkina T. V. Cognitive aspects of the language of pharmacy. *Professional communication: verbal and cognitive aspects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, January 30–31, 2007. Moscow: IGUMO, 2007, 106–111. (In Russ.)
18. Prokhorova V. N. *Russian terminology (lexical-semantic education)*. Moscow: Filol. fak. MGU, 1996, 125. (In Russ.)
19. Kapanadze L. A. The interaction of terminological and common vocabulary. *Development of vocabulary of the modern Russian language*, eds. Zemskaya E. A., Shmelev D. N. Moscow: Nauka, 1965, 86–103. (In Russ.)
20. Reformatsky A. A. Thoughts on terminology. *Modern problems of Russian terminology*, ed. Danilenko V. P. Moscow: Nauka, 1986, 165–198. (In Russ.)
21. Turner M., Fauconnier J. Conceptual Integration Networks. *Cognitive Science*, 1998, 22(2): 133–187.
22. Merkulov I. P. *Epistemology (cognitive evolutionary approach)*. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2006, vol. 2, 416. (In Russ.)
23. Shumailova M. S. Hyper-hyponymic connections in German Internet terminology. *Professional communication: verbal and cognitive aspects*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, January 30–31, 2007. Moscow: IGUMO, 2007, 131–134. (In Russ.)
24. Wittgenstein L. Philosophical research. *Philosophical work*. Moscow: Gnozis, 1994, pt. 1, 75–319. (In Russ.)
25. Kuleshova V. O. General scientific and interindustry terms, their role in the formation of new terminological systems. *Problems of conceptualizing reality and modelling the linguistic picture of the world*, ed. Simashko T. V. Moscow: BIBKOM, 2019, iss. 9, 196–201. (In Russ.)
26. Kuleshova V. O. The principles of creation of English-Russian terminological dictionary of photonic crystals terms. *Litera*, 2019, (1): 215–222. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8698.2019.1.29322

Негативный эмоциональный компонент языковой реальности произведения Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»

Елена А. Монастырская^{a, @, ID}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ dzorochka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8490-2161>

Поступила в редакцию 02.07.2020. Принята к печати 04.09.2020.

Аннотация: Цель – исследование негативного эмоционального фона как компонента языковой картины мира в произведении К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Предмет – лексические средства актуализации эмоционального фона произведения. Анализ языкового материала произведения базируется на комплексном использовании методов поля, компонентного анализа, словарных дефиниций, лингвистического сравнения и контекстного анализа. Методы поля и компонентного анализа являются основными в данном исследовании и позволяют структурировать языковую картину произведения на основе инвариантного признака значений лексических единиц данного языкового множества. Посредством методов поля и компонентного анализа выделена архисема произведения – негативная эмоция. Ядерные элементы языковой картины мира сформированы лексикой эмоций и образуют три основные группы, выражающие страх, гнев и ненависть. Периферийные элементы представлены эмоциональной лексикой и актуализируют способы выражения и восприятия эмоций, ментальные и эмоциональные состояния. В качестве содержательных универсалий произведения выделены следующие персонажи: мисс Ретчед, Макмерфи, пациенты и работники клиники как общность людей, объединенных одним эмоциональным фоном. Методы словарных дефиниций, лингвистического сравнения и контекстного анализа позволяют уточнить структуру значений элементов исследуемой лексики и выявить дополнительные нюансы эмоционального фона произведения. Языковая реальность, созданная К. Кизи, базируется на принципе антитезы. Элементы эмотивного текста выражают не только архисему *негативная эмоция*. В их составе можно выделить группы с противоположными семантическими признаками, что делает анализируемый текст более динамичным и эмоциональным. Результаты исследования могут быть использованы как в профессиональной лингвистической деятельности, так и в процессе вузовской языковой подготовки.

Ключевые слова: эмотивная лексика, языковая картина мира, метод поля, компонентный анализ, семантический признак, содержательные универсалии

Для цитирования: Монастырская Е. А. Негативный эмоциональный компонент языковой реальности произведения Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 849–858. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-849-858>

Введение

Антропоцентричность человеческого мышления определяет направленность большинства современных исследований в сфере гуманитарных наук. В русле антропоцентричного подхода выполнено и данное исследование. Актуальность темы статьи определяется несколькими факторами. В эпоху глобализации как материальных, так и духовных сфер человеческого бытия уникальность человеческого мировоззрения, а следовательно, и языковой картины мира становится особенно важной. Кроме того, в современном обществе особое внимание уделяется толерантному отношению к человеческой личности. В исследуемом произведении протест против насилия над человеком актуализирован большим количеством разнообразных языковых средств, выражающих различные аспекты эмоциональной деятельности человека.

Лингвистическая категория выражения эмоций, эмотивность, является предметом исследования ученых на протяжении многих десятилетий. В настоящее время накоплен огромный материал по исследованию эмотивности [1–7]. Изучение взаимосвязи мышления, эмоций, их выражения и влияния на коммуникацию в рамках психолингвистики породило термин *эмотиология* [8]. В трудах лингвистов в качестве синонимов эмотиологии употребляются термины *эмотология* и *эмоциология* [9; 10]. Проблеме изучения семантических универсалий, определяющих сущность эмоций и их языковое выражение в разных языках, посвящены труды А. Вежбицкой [11]. Лингвистический анализ порождения и восприятия речевых актов, способов эффективного воздействия на говорящего представлен в работах Г. Б. Антрушиной и др. [12]. Анализ эмотивной лексики на базе семантического подхода представлен в трудах

Л. Г. Бабенко [13]. Однако, несмотря на разнообразие исследований эмотивности, до сих пор нет четкой терминологии, а многие аспекты данной категории нуждаются в лингвистическом исследовании.

Целью данной работы является исследование негативного эмоционального фона как компонента языковой картины мира в произведении К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Предмет исследования – лексические средства актуализации эмоционального фона произведения. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить объем и содержание терминов *эмоциональный компонент, картина мира произведения, языковая реальность*; выявить лексические единицы, формирующие негативный эмоциональный компонент картины мира произведения; описать семантическую структуру значений лексических единиц и выявить инвариантные семантические признаки; в соответствии с позицией архисемы в семантике лексических единиц определить структуру и значение негативного эмоционального компонента в исследуемом произведении.

Картина мира как термин в научной литературе выражает взаимосвязь объективных и субъективных миров, отраженных в человеческом сознании. В трудах различных авторов можно встретить множество синонимичных наименований, таких как «образ мира, модель мира, концептуальная картина мира, мировидение, индивидуальная когнитивная система (ИКС), мировоззренческая картина мира, система миропредставлений, национальный образ мира и др.» [14, с. 85]. Таким образом, языковая картина мира – это языковая репрезентация человеческого представления о мире. В данном контексте термин *языковая реальность* синонимичен термину *языковая картина мира*. Очевидно, что существуют как национальные картины мира, свойственные общности людей, так и индивидуальные картины мира [15]. Это позволяет нам определить термин *картина мира произведения* как субъективный образ объективной реальности, сформированный на основе индивидуальных знаний и уникальных представлений автора о мире, выраженный посредством языковых средств. Автор создает картину мира произведения из смысловых элементов и выражает их с помощью конкретных языковых средств, наиболее эффективно передающих его замысел.

В произведении К. Кизи эмоциональность является одним из основных компонентов, формирующих языковую картину мира. Это и фон всего произведения, и средства выражения личностных качеств героев. Эмоциональный компонент в контексте данной статьи – один из доминантных смыслов исследуемого произведения, выраженный посредством эмотивной лексики (т. е. лексики, репрезентирующей эмоциональные состояния и способы их выражения). Художественное произведение состоит из объективных и субъективных компонентов, анализ которых позволяет выявить особенности взаимоотношения языка, культуры и личности [16]. Объективные

компоненты авторского текста – это содержательные (смысловые, семантические) универсалии, свойственные конкретному социуму [17]. Такими универсалиями являются символы, концепты, темы. Наличие содержательных универсалий обеспечивает понимание произведения [18].

В произведении К. Кизи выделены следующие содержательные универсалии: подавление, конформизм, бунт; ненависть, доброта; страх, бесстрашие, гнев. Субъективными компонентами авторского текста являются способы интерпретации и актуализации содержательных универсалий посредством персонажей. Также субъективными компонентами являются семантическая структура текста и языковые средства выражения картины мира произведения. Содержательные универсалии исследуемого произведения представлены автором посредством персонажей: мисс Ретчед, Макмерфи, персонал клиники и пациенты.

Методы и материалы

В рамках исследования языковой картины мира данного произведения и, как следствие, ее эмоционального компонента были использованы методы поля, компонентного анализа, дефиниций, лингвистического сравнения и контекстного анализа. Выбор методов определялся сущностью исследуемого предмета – эмотивной лексики как лингвистического средства репрезентации эмоционального фона и компонента языковой картины мира произведения.

Основные методы исследования, методы поля и компонентного анализа, дополняют друг друга и позволяют сформулировать обоснованные выводы касательно структуры и функционирования лексических единиц в произведении. Метод поля имеет длительную научную историю и подтвердил свою эффективность в многочисленных лингвистических изысканиях [19–29].

Следует заметить, что полевой подход есть одновременно метод системного анализа лексики и теория ее структурной организации. Полевая теория ориентирована на языковой лексикон и выразительные средства языка. Метод поля как метод анализа лексических средств языка предполагает выделение единиц, обладающих общим компонентом значения, объединяющим лексические элементы в одно целое. Позиция общего компонента значения (синоним – инвариантный признак) в структуре значения исследуемых лексем позволяет объединить элементы поля в ядро и периферию.

Полевой подход как метод получил новое развитие в методике компонентного анализа значения слова. Суть данного метода сводится к разложению значения лексико-семантического варианта (т. е. лексемы, актуализирующей определенное значение в конкретной ситуации) на компоненты. Минимальная часть структуры значения слова, или квант информации, имеет множество названий: семантический компонент [30; 31], семантический маркер и семантический различитель [26], сема [9; 26; 32–34]. Наиболее устоявшиеся термины в отечественной лингвистике – сема, семантический признак, семантический инвариант,

семантический инвариантный признак, семантический компонент значения слова.

Элементарный характер семы по отношению к значению слова является следствием человеческого мышления, разлагающего объекты реального мира на минимальные составляющие. Именно поэтому каждая сема в значении слова отражает в сознании говорящего различные денотативные характеристики, реально существующие либо приписываемые, а значит, объективные по отношению к говорящему [9, с. 10–13]. Кванты информации неделимы и интуитивно понятны любому носителю языка, они не нуждаются в определении [34, с. 296].

На основе метода компонентного анализа языковое поле определяется как множество парадигматически организованных слов или их отдельных значений с общим (инвариантным) семантическим признаком и различающихся по одному или нескольким дифференциальным признакам. Общие и дифференциальные признаки, так же как и содержащиеся их слова, образуют определенные иерархии, структуры. Один и тот же семантический признак в разных языковых полях может функционировать и как дифференциальный, и как категориальный. При этом очевиден тот факт, что наиболее абстрактные семантические признаки универсальны и могут быть представлены во многих или во всех языках.

Методы поля и компонентного анализа являются основными в данном исследовании и позволяют структурировать языковую картину произведения на основе семантического инвариантного признака значений лексических единиц данного языкового множества. Посредством методов поля и компонентного анализа выделена архисема произведения – негативная эмоция.

Ядро картины мира данного произведения формируют элементы, в структуре значений которых семантический инвариантный признак (архисема) *негативная эмоция* занимает доминирующее положение. Периферийными являются такие лексические единицы, в семантике которых выделенная архисема субординативна. Чем дальше располагается семантический инвариант в структуре значения лексической единицы, тем дальше от ядра находится лексическая единица. Таким образом, структура значения лексемы повторяет структуру лексико-семантического поля, которое является языковым выражением структуры реальности произведения. Эмоциональность и динамику повествования формирует эмотивная лексика, т. е. лексика, связанная с эмоциональной деятельностью человека. Исходя из природы эмоциональной активности, в составе эмотивной лексики присутствуют две группы лексем. Вслед за Л. Г. Бабенко мы выделяем лексику эмоций – слова, обозначающие непосредственно эмоции, и эмоциональную лексику – слова, служащие для обозначения способов выражения эмоций [13, с. 14]. Ядерные элементы языковой картины мира произведения сформированы лексикой эмоций и образуют три основные группы, выражающие

ненависть, страх и гнев. Периферийные элементы представлены эмоциональной лексикой и актуализируют способы выражения и восприятия эмоций, ментальные состояния, контроль, насилие и протест.

Приведем пример функционирования одного из ядерных (доминирующих) элементов произведения. Эмоция ненависти является одной из самых сильных у героев произведения. Одним из наиболее частотных элементов эмотивной лексики, выражающей данную эмоцию, является лексема *hate*. Представим семантическую структуру данного элемента. Ненависть / *Hate* – негативная длительная эмоция, вызванная отвращением / *an angry unpleasant feeling that someone has when they hate someone and want to harm them*. Сема *негативная эмоция* является родовой в структуре значения данного слова, в силу чего мы относим элемент *hate* к ядерным (доминирующим) компонентам языковой реальности романа.

Среди периферийных элементов наиболее многочисленны лексемы, обозначающие способы выражения эмоций (*to holler, to roar, to run, to sing, to laugh* и др.). Способы восприятия эмоций, ментальные состояния, контроль, насилие и протест актуализируются лексемами *to detect somebody's fear, to glare, to spy on, to overload, to control, to harm, to dare* и др.

Еще одним методом анализа семантической структуры значений слов является метод словарных дефиниций. Благодаря данному методу становится возможным выявление семантических компонентов значения слов. Для большинства эмотивных лексических единиц характерно наличие общих содержания и алгоритма построения модели дефиниции. А. А. Уфимцева называет общий компонент словарной дефиниции идентифицирующим предикатом – интегративным по сущности и трансформированным по форме [26, с. 56–58]. Именно идентифицирующий предикат и является инвариантным семантическим признаком значения лексем определенного языкового объединения. Алгоритм построения дефиниции эмотивной лексемы обычно представляет собой аналитическое сочетание, построенное по модели «понятие о чувстве + конкретное наименование какого-либо чувства», например: бояться – чувствовать страх, опасение из-за угрозы; горевать – чувствовать горе, тоску из-за утраты. В данных дефинициях первый компонент (чувствовать) является семантическим инвариантом, позволяющим объединить лексемы *бояться* и *горевать* в одно лексико-семантическое поле. Этот компонент обладает обобщенной семантикой. Конкретизируют, а значит, дифференцируют друг от друга анализируемые слова вторые компоненты дефиниций. В данном случае это слова *страх* и *горе*. З. Н. Вердиева называет первый, более обобщающий по значению компонент идентификатором эмотивности первой степени, а вторые компоненты – дополнительными идентификаторами эмотивности второй степени [22, с. 96]. Таким образом, сема эмотивности реализуется посредством обобщенного

и конкретного идентификаторов эмотивности. Поскольку значение лексем структурно, возможно наличие нескольких конкретизирующих идентификаторов второй, третьей и т. д. степени.

Методы лингвистического сравнения и контекстного анализа позволяют с большей точностью выявить компоненты семантических структур значений лексем эмотивной лексики произведения. Так, посредством противопоставления лексических значений разных лексем и значения одной лексемы выделяется дифференциальный признак, позволяющий выявить оттенки эмоционального фона и конкретные компоненты языковой реальности исследуемого романа. Изучая реализацию значения того или иного лексического средства в контексте, мы обнаруживаем актуализацию потенциальных семантических признаков эмотивных единиц произведения.

Эмотивность как свойство лексики называть эмоции и способы их проявления свойственна не только отдельным словам, но и тексту в целом. Благодаря актуализации эмотивных смыслов в рамках текста становится возможным создание психологического портрета персонажей, индивидуальная интерпретация языковой картины произведения и ее оценка, описание внутреннего мира автора и воздействие на читателя [4; 35]. Анализ эмотивности как свойства текста позволил нам выделить в качестве содержательных универсалий произведения следующие персонажи: мисс Ретчед, Макмерфи, пациенты и работники клиники как общность людей, объединенных одним эмоциональным фоном. Каждый персонаж – это не просто человек или группа людей. Это целый мир и одновременно символ определенных духовных категорий. Например, семантика персонажа мисс Ретчед включает в себя такие компоненты, как ненависть, контроль и насилие. Лексемы с семантическими признаками данных понятий наиболее частотны при описании персонажа. Макмерфи как содержательная универсалия актуализирует силу, оптимизм, протест и бунт. Именно эти компоненты чаще других присутствуют в семантической структуре лексем, связанных с Макмерфи. Пациенты и работники клиники имеют много общего друг с другом. И те, и другие вынуждены подчиняться правилам и давлению мисс Ретчед, больные – бояться работников клиники, а те в свою очередь боятся мести и нападения со стороны пациентов, обе общности испытывают ненависть как по отношению к противоположному социуму, так и по отношению к мисс Ретчед. Кроме того, обе группы испытывают желание покинуть клинику. Отсюда такие семантические инварианты, как конформизм, страх, ненависть, протест и бегство. Выделенные компоненты эмоционального фона произведения позволяют реконструировать доминанты языковой реальности произведения: ненависть, страх, протест, бунт и бегство.

Общий негативный эмоциональный фон произведения динамичен и разнообразен. Этот эффект достигается благодаря употреблению периферийных элементов, идентифицирующих разные способы выражения эмоциональных и ментальных состояний. В их составе можно выделить группы с противоположными семантическими признаками, что придает дополнительную динамику и эмоциональность тексту. Например, *mad, furious, out of control* противопоставляются *calm, quiet* при обозначении противоположных эмоций гнева и спокойствия. Конформизм, выраженный *to obey, to look down, to keep silent*, сменяется протестом и бунтом – *to cry, to holler, to roar, to run, to get away*.

Результаты

Выделена архисема эмотивных единиц произведения К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки»¹ – негативная эмоция, которая формирует общий негативный эмоциональный фон произведения. Доминантами исследуемой языковой картины мира являются страх, ненависть, гнев, контроль и конформизм. Однако общий фон произведения динамичен и неоднороден, что достигается посредством использования принципа антитезы при выборе эмотивных лексических единиц. С помощью данного приема представлено противостояние двух миров: жестокости и доброты, угнетения и свободы. Мисс Ретчед и Макмерфи являются содержательными универсалиями для воплощения данных миров. Сестра Ретчед олицетворяет собой ненависть и угнетение. Образ мисс Ретчед противопоставляется образу обычной нежной, ласковой и слабой женщины, т. е. в произведении пациенты сравнивают ее с бесчувственной неодушевленной машиной, сносящей все на своем пути. Образ Макмерфи олицетворяет радость и доброту. Это сильный, бесстрашный человек. Однако и Макмерфи является пациентом клиники, а значит, в реальности он не полностью свободный человек.

Эмоция страха как негативная эмоция, вызванная угрозой, является одной из доминирующих в данном произведении. Причем страх испытывают как пациенты, так и работники клиники. В приведенных ниже примерах актуализируется эмоция страха, который испытывают пациенты:

- (1) *But they got special sensitive equipment detects my fear and they look up*².
- (2) *No tracks on the ground but the ones he's making and he sniffs in every direction with the cold red-rubber nose and picks up no scent but his own fear, fear burning down into him like steam.*
- (3) *Look at you here: you say the Chief is scared of his own shadow, but I never saw a scareder-looking bunch in my life than you guys.*
- (4) *But this time I'm scared, the way I used to be scared.*

¹ Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest. СПб.: КАРО, 2004. Режим доступа: <https://mybook.ru/author/ken-kizi/one-flew-over-the-cuckoos-nest-proletaya-nad-gnezdo/read/> (дата обращения: 25.06.2020).

² Все примеры по тексту приведены из романа "One Flew over the Cuckoo's Nest".

- (5) *Maybe not you, buddy, but the rest are even scared to open up and laugh.*
- (6) *So I used to try not to get in too deep, for fear I'd get lost and turn up at the Shock Shop door.*
- (7) *I had shut them when I put my face to the screen, like I was scared to look outside.*

Отметим, что актуализация страха в данных примерах зачастую сопровождается лексемами, обозначающими процесс наблюдения: *to detect fear, to pick up fear, see a scareder-looking bunch, to be scared to look outside*. Такой прием позволяет передать атмосферу слезки и постоянного контроля в замкнутом мире больницы.

Работники клиники также испытывают страх. Они понимают, что унижение и насилие могут вызвать не только подчинение, но и обратную реакцию – бунт и месть:

- (8) *"I'm afraid" – she stabs the needle down in the rubber-capped vial and lifts the plunger – "that is exactly what the new patient is planning: to take over".*
- (9) *Their faces bob apart, confused.*
- (10) *"Williams," she hollers down to the black boy who's still at the ward door like he might make a run for it.*
- (11) *This flusters her so she drops the water pitcher on her.*
- (12) *She started popping her mouth and looking for her black boys, scared to death.*

Эмоция ненависти является одной из самых сильных у героев произведения. Одним из наиболее частотных элементов эмотивной лексики, выражающей данную эмоцию, является ядерная лексема *hate*:

- (13) *They are mopping when I come out the dorm three of them sulky and hating everything.*
- (14) *This time they let the hate build up too high and overloaded and they're gonna tear one another to pieces, before they realize what they are doing.*
- (15) *She appraises them and their hate for a month or so, then lets them go because they don't hate enough.*
- (16) *They are in contact on a high-voltage wave length of hate, and the black boys are out there performing her bidding before she even thinks it.*
- (17) *He never walks very fast, and I can see how if he don't get a move on she might freeze him and shatter him all to hell by just looking; all the hate and fury and frustration she was planning to use on McMurphy is beaming out down the hall at the black boy, and he can feel it blast against him like a blizzard wind, slowing him more than ever.*
- (18) *The big black boy isn't too sure what, but he gets her drift and ambles off to the linen room to get McMurphy a set of greens – probably ten sizes too small – and ambles back and holds it out to him with a look of the clearest hate I ever saw.*

Анализ представленных контекстов позволяет заключить следующее. Ненависть – безусловная эмоциональная доминанта произведения, определяющая все действия и эмоции медперсонала. Так, в примерах 13 и 17 говорится о том, что медперсонал ненавидит свою работу. Санитары и медсестра

угрюмы и злы, когда выполняют ее. Ненависть – не просто эмоциональный фон в произведении, она очень интенсивна (пример 16). В определенные моменты уровень ненависти настолько высок, что данная эмоция переходит в аффект (примеры 14, 15, 16, 18). При этом ненависть является еще и основным компонентом механизма отбора персонала. Тот, кто ненавидит недостаточно сильно, непременно отсеивается (пример 15).

Таким образом, в контексте данного произведения ненависть выступает двояко. Это и основной эмоциональный фон произведения и одновременно некая действующая субстанция. Ее признаками является высокая интенсивность, стремление к разрушению и функционирование в качестве компонента механизма, регламентирующего всю деятельность медперсонала.

В состав доминирующих компонентов картины мира произведения входит и эмоция гнева, выраженная ядерными эмотивными лексемами. Гнев как негативная эмоция, выраженная препятствием к достижению цели, реализуется лексемами с номинативным значением данного состояния. Среди них наиболее частотны лексемы *to glare, mad, furious, to yell*.

Представим семантическую структуру данных лексем: *to glare – to look angrily at someone for a long time; mad – behaving in a wild uncontrolled way, without thinking about what you are doing; furious – very angry; to yell – to shout or say something very loudly, especially because you are frightened, angry, or excited*. Сема негативная эмоция является родовой в данных структурах, вследствие чего мы относим элементы *to glare, mad, furious, to yell* к ядру АСП негативная эмоция.

Приведем примеры использования данных лексем в произведении:

- (19) *They sense she's glaring down at them now, but it's too late.*
- (20) *Just once he loses control and shows he's mad, and then it's not because of the black boys or the Big Nurse and something they did, but it's because of the patients, and something they didn't do.*
- (21) *A couple of times some stupid rule gets him mad, but he just makes himself act more polite and mannerly than ever till he begins to see how funny the whole thing is – the rules, the disapproving looks they use to enforce the rules, the ways of talking to you like you're nothing but a three-year-old – and when he sees how funny it is he goes to laughing, and this aggravates them no end*
- (22) *"I want something done!" Cheswick suddenly yelled again. "I ain't no little kid!" He stamped his foot and looked around him like he was lost and might break out crying any minute.*
- (23) *She knows what they been saying, and I can see she's furious clean out of control.*

В данных контекстах представлены разные стадии эмоции гнева. В зависимости от интенсивности гнев проявляется как раздражение (пример 19), злость (примеры 20, 21), ярость, аффект (примеры 22 и 23 соответственно). В данном произведении гнев могут испытывать не только персонал

клиники, но и пациенты (примеры 19, 21, 22). Вся деятельность персонала построена на принципах гнева и злости. Они постоянно злятся, недовольны своей работой и жизнью.

Необходимо отметить, что лексемы эмоции гнева в большинстве данных примеров сопровождаются лексемами со значением визуального восприятия: *she's glaring down at them; he shows he's mad; Cheswick suddenly yelled; I can see she's furious clean out of control*. Такой прием показывает читателю незащищенность личного пространства больных от постоянного навязчивого наблюдения и одновременно интенсивное внимание к персоналу со стороны пациентов. Это косвенно указывает на скрытое противостояние, когда единственным средством отстоять себя оказывается неуслышанное внимательное наблюдение за врагом.

Доминирующие элементы языковой картины романа немногочисленны, но частотность и вариативность их употребления значительны. Методы сплошной выборки и анализа контекстов позволили выделить количественное соотношение ядерных элементов в картине мира исследуемого романа и частотность их употребления. Результаты анализа ядерных элементов произведения представлены в табл. 1, она демонстрирует ограниченное количество ядерных элементов. Это обусловлено богатством семантической структуры эмотивных лексем, что позволяет актуализировать различные семантические компоненты их значений в многообразных контекстах. Именно поэтому так велика частотность употребления данных лексем. При сравнении показателей трех доминирующих в произведении семантических объединений наблюдаются незначительные количественные расхождения как в употреблении лексем, так и в частотности их употребления. Это позволяет заключить, что указанные доминирующие компоненты равнозначны в языковой реальности романа.

Табл. 1. Распределение ядерных элементов лексики

Tab. 1. Distribution of nuclear lexical elements

Лексемы эмоций	Страх	Ненависть	Гнев
Количество лексем	8	6	7
Частотность	124	118	115

К субординативным (периферийным) компонентам относятся те компоненты, которые выражают архисему *негативная эмоция* производными либо переносными значениями. Также периферийными являются элементы эмотивной лексики, номинативные значения которых включают в себя архисему в качестве субординативной. Среди анализируемых компонентов эмотивной лексики присутствуют как отдельные лексемы, так и словосочетания. Методы сплошной выборки и анализа контекстов позволили выделить количественное соотношение периферийных элементов в картине мира исследуемого романа и частотность их употребления.

Табл. 2 демонстрирует тот факт, что в количественном отношении периферийные элементы преобладают над

ядерными. Однако употребление субординативных компонентов контекстуально ограничено по сравнению с ядерными.

Табл. 2. Распределение периферийных элементов лексики

Tab. 2. Distribution of periphery lexical elements

Элементы периферии	Слежка и контроль	Конформизм	Крик	Отпор	Дружба
Количество элементов	22	11	15	14	15
Частотность	108	76	81	53	42

Наиболее употребляемые периферийные компоненты исследуемого произведения мы предлагаем разделить на 2 группы по принципу антитезы. В первую группу включаются элементы, выражающие семантический инвариант *подавление*. В группу входят эмотивные элементы, выражающие слежку, контроль и конформизм. Слежка и контроль – это семантические характеристики мисс Ретчед и персонала. Конформизм как следствие подавления свойственен пациентам клиники. Вторая группа объединяет элементы с семантическим инвариантом *протест*. К ним относятся лексемы и словосочетания, выражающие крик, отпор и дружбу. Крик и отпор – очевидные составляющие протеста. Обоснованность включения в группу элементов со значением дружбы не столь очевидна, однако в реальности произведения дружба находится под запретом. Следовательно, решиться на такую эмоциональную связь – значит выразить протест против жестоких правил больницы. Мир пациентов и персонала клиники является фоном, на котором происходит столкновение мисс Ретчед и Макмерфи. Благодаря Макмерфи пациенты начинают осознавать себя личностями и членами группы, где они могут довериться друг другу и противостоять давлению враждебного окружения. Однако в жестоком ограниченном мире больницы нет настоящей свободы, и единственный возможный способ протеста – это побег.

Заключение

Современные лингвистические исследования в области семантики обладают солидной научной методологией. Разработаны методы поля, компонентного анализа, словарных дефиниций, лингвистического сравнения и контекстного анализа, позволяющие выявить важные компоненты психолингвистического процесса вербализации эмоций. Выявлены семантические универсалии и структурные компоненты индивидуальных и национальных языковых картин мира.

Языковая картина мира произведения Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» базируется на следующих основных содержательных универсалиях: мисс Ретчед, Макмерфи, пациенты и медицинский персонал клиники. Основой исследуемой языковой реальности является

противостояние духовно богатой личности Макмерфи жестокому порядку больницы, олицетворением бездушности которого является мисс Ретчед. Эмоциональный фон произведения выражает архисему *негативная эмоция* и складывается из доминант ненависти, страха и гнева, а также субординативных компонентов подавления, конформизма и протеста.

Ядро исследуемого языкового пространства – персонажи мисс Ретчед и Макмерфи, семантическими характеристиками которых являются указанные доминанты эмоций. На языковом уровне это выражено элементами эмотивной лексики с номинативными значениями идентификации эмоций, иными словами – элементами лексики эмоций. К таким элементам относятся отдельные лексемы, в структуре значений которых архисема *негативная эмоция* занимает доминирующую позицию (как правило, является родовой семой). В количественном отношении ядерные лексемы малочисленны. Однако богатство семантических структур ядерных лексем обуславливает высокую частотность их употребления и многообразие контекстов, актуализирующих различные семантические признаки их значений.

Языковая картина мира произведения построена на принципе антитезы. Посредством данного приема представлено противостояние двух миров: жестокости и доброты, угнетения и свободы. Два различных мира находят свое воплощение в образе двух персоналий – Ретчед и Макмерфи. При этом в каждом образе (мисс Ретчед и Макмерфи) присутствуют противоположные черты, т. е. принцип антитезы действует на всех уровнях произведения. Сестра Ретчед является воплощением ненависти и угнетения. Ей присущи черты неодушевленной машины, которой чужды любовь, ласка и мягкость. Сущность мисс Ретчед противоречит образу обычной женщины – существа нежного и доброго. Образ Макмерфи является воплощением радости и доброты. Это сильный человек, по-настоящему свободный от страха

и злобы. Он находит радость не в угнетении себе подобных, а в общении, взаимопомощи и любви. Однако и Макмерфи является пациентом клиники, а значит, его внутреннее ощущение свободы противоречит реальности.

Периферийная часть языковой картины мира произведения сформирована элементами эмоциональной лексики. В семантической структуре значений таких элементов семантический инвариант (архисема негативной эмоции) находится в субординативной позиции. Среди таких элементов функционируют как отдельные лексемы, так и словосочетания. Они актуализируют различные способы выражения эмоций, их каузации и оценки. Элементы эмоциональной лексики более многочисленны по сравнению с ядерными, но их контекстуальное употребление ограничено позицией архисемы в их семантике. Периферийные элементы репрезентируют по большей части содержательную универсалию пациентов и медицинского персонала. Мир пациентов и персонала клиники является фоном, на котором происходит столкновение мисс Ретчед и Макмерфи. Благодаря Макмерфи пациенты начинают осознавать себя не винтиками огромной жестокой машины, а членами одной группы, в которой каждый может доверять всем. Однако маленькая группа объединившихся людей все-таки находится внутри пространства, в котором нет свободы и доброты.

Принцип антитезы реализуется как на уровне содержательных универсалий, так и на уровне эмотивной лексики, что придает произведению динамичность и высокую степень эмоциональности. При этом негативная эмоциональная семантика характерна для большинства значений языковых единиц, описывающих действующие лица и события. Это позволяет заключить, что негативный эмоциональный фон является одним из основных компонентов языковой картины мира исследуемого произведения.

Литература

1. Елисеева В. В. Лексикология современного английского языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2015. 230 с.
2. Иванова Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка. М.: Академия, 2015. 400 с.
3. Плотноков Е. Е., Сенцов А. Э. К вопросу о лингвистических парадигмах и методах исследования языка // Молодой ученый. 2015. № 5. С. 661–663.
4. Левина О. А. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте: Языковые и когнитивные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 481 с.
5. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: (проблемы семантики). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 227 с.
6. Михайловская В. Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст // Теория и методика преподавания германских языков. СПб.: Питер, 2002. С. 42–50.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.
8. Шаховский В. И. Лингвистика эмоций // Филологические науки. 2007. № 5. С. 3–13.
9. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
10. Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: Книжный Дом, 2007. 448 с.
11. Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 411 с.

12. Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. 8-е изд., пер. и доп. Люберцы: Юрайт, 2016. 287 с.
13. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Из-во Урал. ун-та. 1989. 182 с.
14. Тлехатук С. Р. Картина мира и предметная область: особенность функционально-прагматической и когнитивной репрезентации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 84–89.
15. Гузиева С. М. Концептуальная сущность языковой личности в художественной картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2017. № 3. С. 27–31.
16. Гудова М. Ю., Соловьева К. И. Соотношение концептуальных моделей литературного произведения и его экранизации (на примере романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки» и одноименного фильма Милоша Формана) // Вестник культуры и искусств. 2018. № 2. С. 89–97.
17. Пищальникова В. А. Понимание художественного текста как междисциплинарная проблема // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9. С. 275–291.
18. Никифоров А. Л. Языковые универсалии в структуре понимания // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 49–56. DOI: 10.5840/eps201754468
19. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 13-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. 384 с.
20. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 366 с.
21. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
22. Вердиева З. Н. Семантические поля в современном английском языке. М.: Высш. шк., 1986. 118 с.
23. Кузнецова А. И. Понятие семантической системы языка и методы ее исследования. М.: Изд-во МГУ, 1963. 57 с.
24. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М.: Ленанд, 2017. 310 с.
25. Альмяшова Л. В., Монастырская Е. А. Ментальность и негативные эмоции гнева, страха и горя в языковой картине мира селькупов // Альмяшова Л. В., Монастырская Е. А. Современные лингвистические исследования: языковая актуализация картины мира. Кемерово: КемТИПП, 2016. С. 45–50.
26. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. 4-е изд. М.: URSS, 2010. 239 с.
27. Шафиков С. Г. Семантические универсалии в лексике. Уфа: БГУ, 1996. 196 с.
28. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 278 с.
29. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Наука, 2001. 328 с.
30. Гак В. Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Яз. рус. культуры, 2000. С. 127–134.
31. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 322 с.
32. Кобозева И. М. Лексико-семантическая парадигматика // Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 98–108.
33. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 275 с.
34. Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Яз. славян. культуры, 2001. 272 с.
35. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.

The Emotional Component in K. Kesey's "One Flew Over the Cuckoo's Nest"

Elena A. Monastyrskaya ^{a, @, ID}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ dzorochka@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-8490-2161>

Received 02.07.2020. Accepted 04.09.2020.

Abstract: The research objective was to study the negative emotional background as a component of the linguistic world image in "One Flew over the Cuckoo's Nest" by Ken Kesey. The research featured the lexical means that make up the emotional background of the novel. The author used field method and the method of vocabulary definitions, as well as componential, linguistic, and contextual analyses. The field method and the componential analysis helped to structure the linguistic world image of the work according to invariant lexical meanings. "Negative emotion" appeared to be the archiseme of the text. The nuclear elements of the linguistic world image were formed with the vocabulary of emotions. They were united into three groups: fear, rage, and hate. The peripheral elements were represented by emotional vocabulary. They displayed ways of expressing and perceiving emotions, as well as mental and emotional conditions. The characters of Nurse Ratched, Randle McMurphy, patients, and asylum personnel were the denotative universals of the novel. Methods of vocabulary definitions, linguistic comparison, and contextual analysis revealed the meaning structure of the lexical units and specific features of the emotional background. The linguistic reality created by K. Kesey proved to be based on antithesis. Emotive text elements did not merely express the archiseme "negative emotion" but could also be united into groups with opposite semantic features, which made the text more vivid and emotional. The research results can be used in professional linguistic studies and university courses.

Keywords: emotive lexis, linguistic world image, field method, componential analysis, semantic feature, denotative universals

For citation: Monastyrskaya E. A. The Emotional Component in K. Kesey's "One Flew over the Cuckoo's Nest". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 849–858. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-849-858>

References

1. Eliseeva V. V. *Modern English lexicology*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2015, 230. (In Russ.)
2. Ivanova E. V. *Lexicology and phraseology of modern English*. Moscow: Akademiia, 2015, 400. (In Russ.)
3. Plotnikov E. E., Sentsov A. E. Revisiting the linguistic paradigms and language research methods. *Molodoi uchenyi*, 2015, (5): 661–663. (In Russ.)
4. Levina O. A. *Representation of personalities' emotional conditions in literary text: linguistic and cognitive aspects*. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1999, 481. (In Russ.)
5. Lukyanova N. A. *Expressive vocabulary in common use: problems of its semantics*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1986, 227. (In Russ.)
6. Mikhaylovskaya V. N. Emotional component of lexical meaning and context. *Theory and methods of teaching German languages*. St. Petersburg: Piter, 2002, 42–50. (In Russ.)
7. Shakhovskiy V. I. *Categorization of emotions in the lexical semantic system of language*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1987, 190. (In Russ.)
8. Shakhovskiy V. I. Linguistics of emotions. *Philological Sciences*, 2007, (5): 3–13. (In Russ.)
9. Gak V. G. *Comparative lexicology (based on French and Russian)*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniia, 1977, 264. (In Russ.)
10. Filimonova O. E. Emotiology of the text. *Analysis of representing emotions in an English text*. St. Petersburg: Knizhnii Dom, 2007, 448. (In Russ.)
11. Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Rus. slov., 1996, 411. (In Russ.)
12. Antrushina G. B., Afanasieva O. V., Morozova N. N. *English lexicology*, 8th ed. Lyubertsy: Iurait, 2016, 287. (In Russ.)
13. Babenko L. G. *Lexical means of nominating emotions in the Russian language*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1989, 182. (In Russ.)
14. Tlehatuk S. R. Worldview and subject domain: the peculiarity of functional-pragmatic and cognitive representations. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*, 2016, (1): 84–89. (In Russ.)
15. Guziekova S. M. Conceptual essence of linguistic personality in fiction world picture. *Bulletin of the Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*, 2017, (3): 27–31. (In Russ.)

16. Gudova M. Y., Soloveva K. I. Correlation of literary work and its screen version conceptual models (on the example of the novel "One flew over the cuckoo's nest" by Ken Kesey and of the same film by Miloš Forman). *Culture and Arts Herald*, 2018, (2): 89–97. (In Russ.)
17. Pishchalnikova V. A. Literary text comprehension as a cross-disciplinary problem. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2018, (9): 275–291. (In Russ.)
18. Nikiforov A. L. Linguistic universals in the structure of understanding. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, 54 (4): 49–56. (In Russ.) DOI: 10.5840/eps201754468
19. Arnold I. V. S. *Stylistics. Modern English language*, 13th ed. Moscow: Flinta, 2016, 384. (In Russ.)
20. Apresyan Yu. D. *Lexical semantics. Synonymous means of Language*. Moscow: Nauka, 1974, 366. (In Russ.)
21. Vasiliev L. M. Semantic field theory. *Voprosy Jazykoznanija*, 1971, (5): 105–113. (In Russ.)
22. Verdieva Z. N. *Semantic fields in modern English*. Moscow: Vyssh. shk., 1986, 118. (In Russ.)
23. Kuznetsova A. I. *Language semantic system and methods of its investigations*. Moscow: Izd-vo MGU, 1963, 57. (In Russ.)
24. Shansky N. M. *Modern Russian lexicology*. Moscow: Lenand, 2017, 310. (In Russ.)
25. Almyashova L. V., Monastyrskaya E. A. *Modern linguistic investigations: linguistic actualization of the world image*. Kemerovo: KemTIPP, 2016, 45–50. (In Russ.)
26. Ufimtseva A. A. *Lexical meaning: principle of semiological lexical description*, 4th ed. Moscow: URSS, 2010, 239. (In Russ.)
27. Shafikov S. G. *Semantic lexical universals*. Ufa: BGU, 1996, 196. (In Russ.)
28. Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary*, 3rd ed. Moscow: Izd-vo LKI, 2008, 278. (In Russ.)
29. Apresyan Yu. D. *Ideas and methods of the modern structural linguistics*. Moscow: Nauka, 2001, 328. (In Russ.)
30. Gak V. G. Space out of space. The logical linguistic analysis. *Languages of space*, ed. Aroutiounova N. D., Levontina I. B. Moscow: Iaz. rus. kultury, 2000, 127–134. (In Russ.)
31. Zvegintsev V. A. *Semasiology*. Moscow: Izd-vo MGU, 1957, 322. (In Russ.)
32. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS, 2000, 98–108. (In Russ.)
33. Kubryakova E. S. Types of linguistic meanings. *The semantics of the derived word*. Moscow: Nauka, 1981, 275. (In Russ.)
34. Wierzbicka A. *Cultures comparing by means of lexis and pragmatics*. Moscow: Iaz. slavian. kultury, 2001, 272. (In Russ.)
35. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. On the originality of the reflection of facial expressions and gestures by verbal means (based on the Russian language). *Voprosy Jazykoznanija*, 1981, (1): 36–47. (In Russ.)

Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере

Светлана А. Панкратова^{a, @, ID}

^a Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Россия, г. Санкт-Петербург

@ svetpankrat@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Поступила в редакцию 11.04.2020. Принята к печати 09.06.2020.

Аннотация: Рассмотрены современные аспекты терминологии на примере сферы кино. Цель – анализ лингвистического и экстралингвистического уровней кинотерминов как части профессионального ойколекта в среде кинематографистов и общеупотребительной сфере. Более широкий контекст кинодискурса как сложного кинематографического коммуникативного явления требует облегченного понимания между профессионалами этой сферы, равно как и между первыми и сторонними кинолюбителями. Авторская гипотеза постулирует, что неологизация терминосферы кино имеет два источника, включающие появление новых артефактов и адаптацию терминов в интерпретативном дискурсе. Метод сплошной выборки из современных изданий по кинематографии предоставляет обширный терминологический материал, который мы подвергли исследованию посредством стилистического, словообразовательного и аксиологического анализа. Обсуждаемый материал показывает, что современный кинематограф активно задействует ряд приемов, приближающих термин к слову разговорного общепринятого языка. Это упрощение, аббревиация, образность, цепочечные термины, голофразис, блендинг и рифмованные терминоединицы. Выявленные приемы демонстрируют, как термин, сохраняя свое значение, приобретает дополнительный смысловой или образный компонент, способствующий его восприятию в режиме интенсивной коммуникации. Установленные приемы обусловлены критериями простоты, эстетизма, бютификации, иронии, оживления стертых образов, поиском выражения нарождающегося слова и нового видения существующего концепта, эвфемизации. В качестве вывода в статье указывается, что подтвержденная многочисленными примерами детерминологизация кинематографической терминологии свидетельствует о большом интересе к сфере кино и непрерывных продуктивных инновационных процессах, протекающих в кинематографической терминологии.

Ключевые слова: терминология, киносфера, ойколект, неологизм, симплификация, аббревиация, образность, цепочечные термины, голофразис, блендинг, рифмованные термины

Для цитирования: Панкратова С. А. Адаптация кинематографической терминологии в общеупотребительной сфере // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 859–868. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868>

Введение

Избранная для рассмотрения в статье тема терминологии пользуется неизменным интересом и является актуальной в силу того, что сама терминология являет собой живой и постоянно меняющийся субстрат, который постоянно нуждается в лингвистическом описании, классификации и систематизации. Поскольку обновление терминосферы происходит непрерывно, не все терминологические единицы своевременно становятся достоянием специальных кругов, не считая неспециалистов в определенной сфере. Более того, имеет место терминологическая синонимия и терминологическая объяснительность, которые фасилитируют усвоение новых единиц как профессионалами, так и любителями сферы кино. Кинонеологизмы вызывают живой интерес и острейшую полемику как у самих кинематографистов, так и у знающих английский язык в целом, чем и определяется неизменный интерес к этой теме у исследователей.

Изучение перевода фильмонимов обладает несомненной новизной ввиду того, что кинотерминология рассматривается в когнитивном аспекте как субстрат, интегрирующий научное знание о референте с данными естественного языка. Вначале следует оговорить ряд ключевых терминов, обсуждаемых в статье – под терминологизацией мы понимаем переход общеупотребительного слова в разряд терминов. Ретерминологизация подразумевает повторную терминологизацию, переход терминов в иную терминологическую сферу. Детерминологизация – переход термина в общеупотребительную сферу, сопровождающийся утратой связи с научным понятием и приобретением нового значения.

Цель статьи – анализ лингвистического и экстралингвистического уровней отобранных кинотерминов и приближенных к ним единиц общезыкового уровня для дальнейшего понимания того, как реализуется языковое бытие терминов кино в общепринятом узусе, как смысл терминов

становится доступен непрофессионалам и широкой публике. Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- рассмотреть различные классические и когнитивные подходы к понятию терминологизации, дать определение термину и смежным с ним явлениям терминологизации, детерминологизации и ретерминологизации;
- выявить статус кинотермина и его основные функции в языке;
- найти общие черты и отличия специальной и общеязыковой среды бытия кинотермина;
- проанализировать то, как проявляется адаптация термина к общеупотребительной языковой среде, классифицировать способы конвенционализации и закрепления инновационных кинотерминов в языке.

Общеизвестным является факт существования профессионального ойколекта (особый вид речи профессионалов для межличностного гармоничного, экономного общения). Существует различие просторечного бытового ойколекта и литературной речи, о котором хорошо высказался еще А. М. Пешковский: «Это затрудненное понимание есть необходимый спутник литературно-культурного говорения. Дикари просто говорят, а мы все время что-то хотим сказать. Мы как слепцы ищем с протянутыми руками друг друга в воздухе. Каждый вполне понимает только собственную речь. Естественная речь всегда по природе своей эллиптична, мы всегда не договариваем своих мыслей, опуская из речи все, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. "Вам кофе или чай?", "Ты куда?". Язык по природе экономен в средствах, но экономия возможна при двух условиях – общности обстановки и предыдущего опыта. Чем меньше слов, тем меньше поводов для недоразумений. Чем литературнее речь, тем меньшую роль играет в ней общая обстановка и общий предыдущий опыт говорящих» [1, с. 154]. Отметим, что свойство эллиптичности, сжатости – то, что характеризует не только бытовую речь, но и общение между собой профессионалов, понимающих друг друга с полуслова.

Явление профессионального диалекта находит свое выражение в том, что как только между специалистами достигается взаимное понимание, уровень точности в передаче терминов существенно снижается (отклонения от фонетического облика, свертки, сокращения и усечения, терминологические жаргонизмы). Действительно, круг терминов может быть расширен за счет иных типов единиц, входящих в состав специализированной лексики – это «номенклатурные обозначения (номены), профессионализмы и профессиональные жаргонизмы» [2, с. 145]. В качестве примера из сферы кино приведем фонетические метаморфозы *prop* вместо *property*, *pix crix* вместо *picture critics*. Данные профессионализмы отличаются просторечностью, нетривиальностью и эмоциональной окрашенностью. «Профессиональные жаргонизмы употребляются как неофициальные заменители терминов лишь в речи лиц

определенной профессии, причем такая речь ограничивается специальной тематикой» [3, с. 93].

Авторская гипотеза постулирует, что существуют особые способы адаптации кинотерминов в общеупотребительном узусе, для установления которых необходимо, с одной стороны, учитывать генезис материальной или концептуальной сферы, динамику мира идей и вещей. С другой стороны, не все термины приходят к нам как обозначения новых предметов и явлений материального мира, есть и иной путь – переосмысление и адаптация терминов в общекультурном, не являющемся узко специальным дискурсе. В широком понимании терминологическая неологизация есть интерпретативный ресурс, который позволяет приблизить малопонятные или неизведанные обычному человеку области к своему наивному горизонту понимания. Исследование ойколектического аспекта терминологии может дать картину генезиса и распределения технической информации в антропоцентрическом ракурсе в том виде, в каком эти процессы протекают в сознании индивида. Эту гипотезу мы постараемся обосновать в предлагаемой статье.

Классическое терминоведение

Классическая лингвистика полагает, что терминология играет роль особого кода для трансляции научных знаний в среде специалистов [4–6]. Терминология является выдающимся компонентом лексической системы языка, когда речь идет о передаче специального знания от отправителя к получателю. Слово и термин различают по ряду признаков: системность, наличие дефиниции, тенденция к моносемичности, отсутствие экспрессии и стилистическая нейтральность¹. Полагается, что для того, чтобы быть термином, лексическая единица должна принадлежать к специальной области знания, иметь научную дефиницию, значение термина должно быть понятно без контекста и известно специалистам, номинация должна быть целенаправленной, термином должно быть существительное или словосочетание на основе существительного. Следует отметить, что само понятие однозначности термина несколько условно и может служить источником недопонимания: «когда мы говорим об однозначности термина, то в этом подразумевается некая условность, поскольку только в привязке к контексту, т. е. определенной терминосистеме / подсистеме раскрывается значение термина» [7, с. 40]. Следовательно, резонно то, что средой, где раскрывается полное значение термина, служат специальные тексты. Смыслоформирующая функция ложится примерно на каждое третье слово-термин или устойчивое терминологическое выражение в английских специальных текстах по кинематографии. Равно как и иные специальные термины, термины сферы кино должны соответствовать критериям лапидарности, простоты, популярности, прозрачности, явности, логичности, единообразия, смысловой нагрузки и эффективности.

¹ Термин // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 508.

Однако не все термины являются таковыми в сугубом смысле слова. Существуют разнообразные трактовки понимания концептуальной единицы *термин* у разных лингвистов и терминоведов. По мнению В. А. Татарина, термин – это «слово или словосочетание, служащее для обозначения понятия или специального явления в профессиональной области знания или человеческой деятельности и являющееся основным объектом изучения в терминоведении» [8, с. 221–222]. С В. А. Татариновым солидарны и другие терминоведы [9; 10]. По справедливому мнению Т. В. Дроздовой, «приращение научного знания сопровождается и появлением новых обозначений, которые могут на определенный момент времени еще не получить статус термина. Однако важно помнить, что такие единицы, считающиеся предтерминами, создаются субъектами научной деятельности на основе консолидированного когнитивного опыта. Они репрезентируют необходимые знания о референте и потому широко используются научным сообществом» [11, с. 52–53].

Формально-структурная классификация терминов сферы кино демонстрирует, что они, как и термины других сфер, могут быть разнесены по разрядам морфологически монолитных слов, слов производных, композитных, идиоматических сочетаний и прецедентных феноменов. Это в первую очередь простые слова (например, *props, cast, floodlight*). Термины кино могут быть вторичными образованиями, состоящими из корня с присоединяемым к нему суффиксом *-er, -or, -ian* и обозначающими актантов кинопроизводства (*director, electrician, producer*); помимо активных деятелей, суффиксы *-ance, -tion, -al* способны формировать терминообозначения стадий и бытийных точек кинопроизводства (*performance, location, rehearsal*); терминообразование включает и модель с префиксом *in-, non-, mal-* в препозиции к корню (*unscripted, nonfiction, malapropism*). Кинотермины по структуре могут быть знаками сложнопроизводной природы, образованными добавлением основ или хайфенацией (*run-through, director-cameraman, scene-setting*). Нередки примеры двусоставных и трехсоставных терминологических именных сочетаний (*premiere jitters, box-office hit, far distance shot*). Кинотермины содержат генитивные сочетания с предлогом *of* (*director of photography, mother of all cutes*). Сфера кино богата и свободными терминологическими словосочетаниями (*go-for-broke performance, lucrative intellectual property*). Все термины сферы кино не только передают знания, но и выполняют особую роль в кинодискурсе в целом и в метадискурсе киноматографистов в частности.

Функциональная классификация выделяет в терминосфере языка единицы общего научного языка, термины смежных отраслей, а также «частноотраслевые термины» [12, с. 10]. Распределение терминологической лексики придерживается модели *ядро – периферия* [13–15]. Среди вышеуказанных страт наиболее отвлеченной природой обладают общенаучные термины, необходимые для коммуникации в научном

дискурсе и формирующие метаязык науки (*hypothesis, theory, problem*). Далее по степени обобщенности идут междотраслевые термины, включающие и единицы из смежных областей. К примеру, в сфере кино наблюдается ряд междотраслевых терминологических единиц из сферы театра (*acting, audience, blocking*), оптики (*acuity, background illumination, blow-up*), литературы (*allusion, anti-climax, creative slump*), права (*author's rights, copyright infringement*), культурологии (*backstage cultural assumptions, cultural appropriation*), финансов (*box office, cascade effect, cost effective*), политологии (*brainwashing, censorship, controversial subject*).

Причиной междотраслевых пересечений можно назвать тот факт, что разные отрасли затрагивают все области жизни и деятельности человека. Наиболее близко к объяснению источника проникновения новых терминологических единиц в терминосферу подходит В. М. Лейчик, который справедливо полагает, что «термины в прямом значении, применяемые для выражения научных и технических понятий, обнаруживаются сугубо в научно-техническом стиле» [16, с. 81]. Жанрово-стилевое деление интересно нам, т. к. отмежевывает все научные и технические страты от общеупотребительной, и потому что особый интерес представляет анализ языкового бытия кинотерминов именно в общеупотребительной сфере. Действительно, массовый интерес к сфере кино не позволяет говорить, что инновационные процессы имеют своим источником какие-либо узкоспециальные, отвлеченные сферы научной и технической литературы (встречающиеся в таких изданиях, как монографии, сборники статей, диссертации и авторефераты). Ресурсом инновации нельзя в строгом смысле назвать и такие источники технического подстиля, как техническая документация, справочники, патенты и чертежи. Нелогично было бы ожидать инновационного всплеска терминоединиц от такой классически консервативной сферы, как учебная, реализующейся в учебниках, энциклопедиях, глоссариях и словарях. Источником оригинальных инноваций может быть подстиль, располагающийся на «нейтральной полосе» между научно-технической и бытовой областью. Это «научно-популярный подстиль (научно-популярные статьи, газетные очерки, производственно-массовые статьи)» [16, с. 81–82]. Именно научно-популярный стиль, приближающийся к облегчающему пониманию переложению терминов простым обывательским языком, способен, как мы полагаем, служить новаторским ресурсом на пути создания терминологических единиц.

Когнитивное терминоведение

Более современный когнитивный подход опирается на принципы когнитивистики и смежных дисциплин, таких как семиотика, лингвистическая культурология, эпистемология, усматривая за термином и его антропоцентрическую сторону, производное чисто человеческой номинативной активности. Когнитивный подход предполагает, что получаемое специальное знание проходит в человеческом мозгу ментальную обработку, включающую интерпретирующие

операции на основе когнитивного базиса человека. «Обрабатываемая информация (знание) не только интерпретируется сознанием индивида, но и сливается с содержанием его картины мира, со знанием, формирующим его концептуальную систему, и определенным образом взаимодействует с ней» [11, с. 47]. Поскольку когнитивный базис индивидуален, термин сочетает научное представление о референте с представлением о слове естественного языка, различным образом реализуясь в научном и общепотребительном дискурсе, в первом – в своей полноте, в последнем – лишь частично.

А. Ю. Багиян и Н. Б. Айвазян предлагают любопытную когнитивно-модифицированную схему передачи специального знания от отправителя к получателю на примере компьютерной терминосферы. В их трактовке в передаче знаний существенную роль играет социальная интеракция и отклик окружающей среды (обстановки), в их трактовке именуемый *feedback*: "we propose a somewhat modified knowledge transfer scheme: prototypical discursive domain [initial scientific pragma-communicative space] > addresser's cognitive base {cognitive processing > cognitive outcome} > precedent (secondary discursive domain) > addressee's cognitive base {cognitive processing > cognitive outcome}" [17, с. 20–21]. В такой трактовке акцент делается на фонде знаний коммуникантов, их личном взаимоотношении и основных единицах передаваемой информации, которые претерпевают прагматические трансформации в связи с процессом передачи специального знания. Авторы делают замечательный вывод, что поскольку когнитивная база отправителя и получателя в общепринятом дискурсе разнится, это различие заставляет отправителя «упаковывать» сообщение со специальным элементом знания таким образом, чтобы получателю было наиболее комфортно его декодировать. Высказанная мысль гармонирует с выдвинутой в данной статье гипотезой об особом дискурсивном взаимодействии, идущем путем переосмысления и адаптации терминов. Упаковка, или морфологическое, лексическое, внутрисловное оформление, а не содержание знания, в таком дискурсе претерпевает наибольшее изменение.

Размышления над природой полутерминов, еще не вошедших в строгую терминологическую сетку, приводят нас к выводу, что их бытие в языке темпорально и по большей части обусловлено природой когниции и смутной догадки [18]. Пока человеческое сознание ищет языковые пути вербализации новых понятий, оно находит множество способов доступно передать их. Дело в том, что не существует тонкой грани между чувствованием и знанием, поскольку между ними расположились еще и переживание из области «чувствую, что знаю, догадываюсь». Как полагают Д. Миалл и Д. Куикен, «сложные абстрактные понятия, заимствованные слова и научные термины актуализируются как житейские переживания, близкие к узнаванию»² [19, р. 389–390].

О важной роли, которую играет в терминологии нетерминологическая лексика, пишет Т. В. Дроздова, подчеркивая, что и общая лексика принимает участие в формировании ткани научно-технического текста, фасилитируя процесс «передачи, хранения и развития научного знания» [5, с. 84]. Есть ряд причин, объясняющих, почему нетерминологические единицы оказываются включенными в терминосферу. Обыденное знание работает в одной связке с научным в ходе репрезентации явлений науки и техники. Важную роль здесь играет способ, которым формируется дискурсивный поток, как складывается аргументация и сам ход повествования. Порой простой язык обыденных понятий грешит избыточностью и неточностью. Об этой размытости свидетельствуют закрепившиеся в обыденном языке представления (к примеру, зная очерк географии из школьной программы, мы продолжаем тем не менее говорить: солнце восходит, луна зашла). Нам не изменить строй языка, сложившийся веками, но мы можем прибегнуть к точности терминосфер для устранения размытости. Этот процесс уже идет, связывание понятия с точным знаком происходит непрерывно, подтягивается «обыденное представление до научного» [5, с. 84–85]. Сам процесс разграничения терминов и нетерминов представляет особый когнитивный интерес, особенно важно при этом, какова познавательная и прагматическая установка говорящего, намерен он быть предельно точным или скрыть суть понятия.

Интереснейшим аспектом инноваций в терминологии является тенденция к смысловому затемнению терминов. Источником новых терминов может служить и канцелярский, чиновничий язык, и тогда наблюдается установка на затушевывание сути понятий. Об этом говорят М. Ю. Федосюк и И. И. Бакланова: «Усложнение кода проявляется во введении в оборот новых терминологических обозначений. Как правило, они представляют собой не слова, а словосочетания, и потому, расширяя код, во многих случаях не укорачивают, а наоборот, удлинняют текст» [20, с. 144]. К примеру, предметная область в таких терминологических единицах, как структурные подразделения, итоговая аттестация, затушевывается. Цель клишированных канцелярских выражений состоит в разграничении первых от других стилистических сред, итогом чего становится создание некоего «ореола» учености, чиновничий труд рисуется как жреческое служение, чьи правила доступны лишь посвященным, т. к. «не каждый, даже образованный человек сможет написать заявление, служебную записку» [21, с. 15]. Авторы делают вывод, что в канцелярском стиле его автор, чиновник и бюрократ, ни в коей мере не нацелен на понимание его широкой аудиторией, которая бы максимально полно получила сообщение. Напротив, в эпоху резкой демократизации языка антиномия *язык – текст* разрешается в пользу текста, а терминологическая лексика находит объяснение всевозможными способами, описание которых мы и приводим далее.

² Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

Результаты и обсуждение

Практические результаты многолетнего наблюдения за кинематографической терминосферой позволили установить ряд тенденций, проявляющихся в доминировании особых типов возникновения терминов в современном кино. Кратко перечислим их: усечения, бленды, голофразисы, цепочечные термины, акронимы, рифмотворчество, заимствование и образность.

1. **Усечения:** *ad lib* (экспромт), *baddie* (антагонист), *goof* (киноляп), *indie movie* (независимое кино), *lead part* (главная роль), *lip sync* (правильная синхронизация), *pan shot* (панорамный кадр), *pix crit* (кинокритики), *props* (реквизит), *rushes* (отснятый материал), *spec script* (сторонний сценарий).

2. **Бленды:** *claymation* (пластилиновая анимация), *docudrama* (документальная драма), *erstwhile frenemy* (заклятый враг, бывший другом), *moscap* (технология захвата движения), *travelogue* (фильм о путешествии с разговорами), *blacksploitation film* (фильм об эксплуатации афроамериканцев), *bromance* (мужская дружба), *dramedy* (комическая драма), *prosumer camera* (полупрофессиональная фотокамера).

3. **Голофразисы:** *whodunnit* (детектив с убийством).

4. **Цепочечные термины:** *back-and-forth chronology* (перекрестная хронология), *walk-on part* (эпизодическая роль), *blow-up* (фотоувеличение), *stand-in* (дублер), *body-swap* (фильм о переселении душ), *box-office* (кассовые сборы), *cliff-hanger* (захватывающий фильм), *coming-of-age story* (история взросления), *crowd-pleaser* (приятный публике фильм), *day-for-night shot* (кадр «день под ночь»), *kitchen-sink drama* (бытовая драма), *feel-good movie* (духподъемный фильм), *first-contact mystery* (фильм о первом контакте с пришельцами), *gender-bending movie* (фильм о перемене полов местами), *go-for-broke performance* (игра с отдачей), *guilty-pleasure film* («стыдный» фильм), *gung-ho thriller* (ура-патриотический триллер), *rags-to-riches story* (история обогащения), *shoot-em-up* (стрелялка), *voice-over* (озвучание), *white-saviour film* (фильм о белом спасителе), *larger-than-life character* (настоящий персонаж), *shaggy-dog story* (небылица), *state-of-the-nation drama* (фильм о состоянии нации), *tried-and-tested formula* (испытанная формула), *will-they-won't they intrigue* (неслучившийся роман).

5. **Аббревиация:** *CGI* (компьютерная графика), *DS* (съемка с движения), *NG take* (неудачный кадр), *SFX* (спецэффекты), *A-lister* (актер первой величины), *B movie* (низкобюджетный фильм), *B roll* (сопутствующий документалке материал).

6. **Рифмованные термины:** *creature feature* (монстр-муви), *chick flick* (дамское кино).

7. **Заимствования:** *authentic milieu* (*mise-en-scène*) (аутентичные декорации), *damsel in distress* (девушка в беде), *denouement* (развязка), *expose film* (фильм-разоблачение), *film noir* (нуар), *hommage* (оммаж, дань уважения), *doppelganger* (двойник).

8. **Образные термины:** *creeping titles* (бегущие титры), *fantasy-adventure hodge-podge* (фантазийно-приключенческое попурри), *fizzle out* (выдыхаться: о сюжете к финалу), *flashback* (воспоминание), *flawless impersonation* (безупречное воплощение), *fluff a line* (забыть слова), *ham it up* (переигрывать), *holiday fodder* («воскресная жвачка»), *landmark film* (эпохальный фильм), *loop film* (кольцовка), *midnight movie* (фильм, неожиданно ставший популярным), *multy-faceted story* (многогранная история), *potboiler* (халтурка), *rainbow casting* (многонациональный состав), *screen chemistry* (экранное взаимодействие героев), *screwball comedy* (эксцентрическая комедия), *shoestring budget* (минимальный бюджет), *twist ending* (неожиданный финал), *beef up the story* (улучшать сценарий), *big-budget turkey* (крупнобюджетный провал), *break the fourth wall* (обращаться к зрителю с экрана), *cold reading* (первая читка), *cookie-cutter character* (картонные персонажи), *hook* («зацепка», первые ноты мелодии), *love-letter film* (фильм-оммаж, признание в любви), *perfect foil* (прекрасная роль второго плана), *pilot season* (сезон премьер), *production limbo* (производственный спад), *script doctor* (сценарист-доработчик), *truncated plot* («обезглавленный» сюжет).

Согласно авторской гипотезе, термины приходят в специальную сферу в результате генезиса новых идей и предметов и проходят путь опрощения, осмысления в общекультурном, не являющемся узко специальным дискурсе. Этот интерпретативный ресурс позволяет приблизить неизведанные обычному человеку области к своему наивному горизонту понимания. Постараемся осмыслить те способы (усечение, блендинг, голофразис, акронимы, рифма, заимствование и образность), какими термины входят в общеупотребительный язык.

Усечения рассматриваются в статье Н. А. Соловьевой, которая анализирует как чистые усечения типа *vet<veteran*, так и смежные явления типа *footie<football* и орфографические деформации *pash<passion* [22, с. 88–89]. Автор отмечает, что усечения характерны для современности, требующей от дискурса простоты, эстетизма и благозвучия. Но усечения мотивированы также и грубым остроумием, оригинальничаньем и эпатажем, противопоставлением языку нормы, особенно в СМИ. Очевидно, что благодаря усечениям язык осваивает разностилевые единицы в процессе языковой демократизации, а своеобразным «полигоном» для усечений являются мужские журналы, публикующие грубые, оскорбительные и инвективные слова и выражения. Как убежден автор данной статьи, стилиевой маркированностью и ироничной коннотацией обладают такие термины, как *baddie* (антагонист), *indie movie* (независимое кино), *pix crit* (кинокритики). В первом случае иронизируют над аурой брутальности антигероя, во втором – над незначительностью независимых фильмов, в третьем – над едкостью рецензий критиков.

Бленд, именуемый лексической амальгамой, словом «телескопической» природы, или матрешечного типа, подразумевает процесс усечения и сложения основ или

гибридизации (*dumbfound, slanguage, motel, smog, skort, cineplex*). Гибридизация слов есть яркий пример творчества (авторские неологизмы Л. Кэрролла). В блендинге кинотерминов слышны отголоски иронии: *bromance* (мужская дружба) как нечто нелепое и несоответствующее статусу, *frenemy* (закалятый враг, бывший другом) тоже звучит иронично, обыгрывая ожидания ролевых клише. Нельзя не согласиться с мыслью, что «сближение разговорного и научного стилей – характерная черта успешной коммуникации» [7, с. 43]. Смешивая отдельные признаки для порождения нетождественной структуры, бленд нацелен на экономию языковых средств, так необходимую на съемочной площадке. Гораздо удобнее произнести *claymation, mosaic, prosumer*, чем многосложные композиты *clay animation, motion capture, professional-consumer*.

По природе своей голофрагиз – это графический прием, заключающийся в объединении нескольких слов в одно путем ликвидации пробелов [23]. Зачастую этот индивидуально-авторский процесс ведет к увеличению длины слов, но не подразумевает дополнительное морфологическое оформление какими-либо показателями, помимо связочных гласных (*тракторостроительный*). Голофрагиз может характеризоваться наличием межсловного контакта (*впередсмотрящий*) или графическим оформлением через дефис (*перекати-поле*). В английской грамматике давно известны случаи глагольных голофрагистических сращений (*kinda, loadsa, sorta, coulda, woulda, gonna, gotta, wanna*), которые сигнализируют о тренде к экономии языковых усилий и демократизации речи носителей языка. Вот лишь ряд примеров подобной экономии: *He said it in a funny kinda way; He's got loadsa money; I coulda been an architect; I woulda helped if I coulda; I'm gonna buy a new car today; I've gotta get to Scotland by Friday*.

Цепочечные термины, как и голофрагизы, по уровню нестандартности находятся в одном ряду с такими нестандартными словообразовательными способами, как словотворчество, исключение, дополнение, перестановка, вставка, аффиксальное выравнивание, дифференциация, переформулировка, перезаймствование, субституция и контаминация. Особенность цепочечных терминов в том, что они близкородственны фразеологизмам, в то же время не теряя связи с аббревиатурами, являясь как бы прародителями аббревиатурных образований, имеют многоликость графического оформления. Причины образования голофрагизов в том, что благодаря этому интереснейшему приему концепт получает простейшее, минимально дифференцированное, слитное выражение или даже целое предложение, персонализацию личностного взгляда на трудноуловимый концепт, оценочное отношение к сложносочиненному трудновыразимому концепту, тренд на деавтоматизацию восприятия. В итоге план выражения и содержания в цепочечных терминах и голофрагизах сбалансирован, единая графическая оболочка инкорпорирует единое смысловое содержание.

Аббревиатура есть «существительное, состоящее из усеченных слов, входящих в исходное словосочетание, или из усеченных компонентов исходного сложного слова»³. В аббревиации кинотерминов присутствует направленность не только на экономию языковых усилий, но и на сокрытие содержания понятия, его эвфемистическое вуалирование. Если расшифровать некоторые из них, мы узнаем нечто тривиально-обыденное, скрываемое за аббревиатурой, придающей единице строгость и отвлеченность. Так, *DS* – это *dolly shot*, съемка с движения, *NG take* расшифровывается как *No Good take*, неудачный кадр, *A-lister* – это актер из престижного списка «А», актер первой величины, *B movie* – фильм из списка «Б», малобюджетный фильм.

Рифмованные термины явно нацелены на возникновение юмористического эффекта. Так, *creature feature* – фильм о чудовищах, звучит термин забавно и совсем не отталкивающе, *chick flick* – «кино для чиккуль», дамское кино, что звучит юмористически. Более того, к юмористической коннотации приплюсовывается и снисходительная. Установка профессионалов на фамилиаризацию специального знания находится в прямом соотношении с владением спецификой профессии, чем лучше знание профессии, тем непринужденней оценочность понятий.

Термины-займствования из сферы кино исконно носят в своем значении сему, отвечающую за обозначение их иностранного происхождения. Это характерно для сферы кино, родиной которого считается Франция, а изобретателем – Жан Луи Люмьер (1864–1948). С тех пор как им был изобретен и изготовлен киноаппарат для киносъемки, запатентованный как кинематограф, большинство кинореалий овевано особой аурой необычности, неким романтическим флером. Таковы, к примеру, термины *authentic milieu* (*mise-en-scène*), что означает аутентичные декорации, *damsel in distress* или девушка (мадемуазель) в беде (тип сексистских фильмов о спасении сильным мужчиной слабой девушки), *denouement* или развязка, *expose film* или фильм-разоблачение, *film noir* или нуар, *homage* или оммаж, т. е. дань уважения. В текстах подобные термины приводятся зачастую курсивом и без перевода. Считается, что каждый образованный человек должен знать их значение.

Образность в формировании терминоведов заслуживает особого внимания. Традиционно в основе наименования терминов лежат обычные, стереотипные ассоциации, стертые образы и клише, минимизирующие двоякое понимание [24, с. 32–34]. Но несмотря на стандарт моносемии для терминосферы, проистекающий из кумулятивной функции языка, для терминов киносферы характерна многозначность и многословность. Примечательно, что о популярном дискурсе IT-специалистов А. Ю. Багрян и Н. Б. Айвазян отмечают: "it comprises much more lexical units necessary to explain challenging scientific aspects for non-scientists, thus the terminology lacks both in depth and accuracy. On the other hand, those terms which are used

³ Аббревиатура // Лингвистический энциклопедический словарь... С. 9.

in popular science discourse tend to be structurally simple and mostly determinological. In other words, a slightly more verbose, as well as more structurally and semantically simplified manner of discourse structuring compensates for the initial precision, brevity [economy of words] and intricacies of science discourse" [17, с. 24]. Как справедливо полагают авторы, терминологическая плотность и уровень специализации дискурса состоят в отношениях сильной положительной корреляции.

Помимо многословности ретерминологизацию связывают с многокомпонентностью образа, с заменой узкоспециальных терминов перифразами метафорического свойства. Перифраз необходим специальным терминологическим областям, ибо здесь остро чувствуется нужда как в точности, так и в освоении нового. В новые термины требуется «вчувствоваться», увидеть в них то, что прежде было многократно неточно или предвзято описано. Эта тенденция особенно ярка в образных терминологических номинациях молодых терминосфер, какой и является кинематография. Благодаря образности мертвые образные термины имеют тенденцию к оживлению, среди существующих терминов-метафор появляются экзотические, реципиенты задействуют сложные механизмы декодирования [24; 25]. Характерно, что лишь один салиентный компонент активизируется в большинстве образных терминов. «При этом другие признаки, возможно, не менее существенные и важные, уходят на второй план. Относительность связи языковой формы термина и его понятийного содержания может быть объяснена семиотическим явлением редукции части смыслов исходной содержательной структуры при ее объективации знаками» [9, с. 32]. Огромный плюс термина в том, что обозначая специальные понятия, он тем не менее оказывается способен быть ресурсом для вывода знаний, что позволяет специалистам популяризировать свои терминосферы, а неспециалистам дает возможность на основе собственной когнитивной базы выводить содержание из образного компонента термина.

Можно смело утверждать, что подобное преобразование терминов несет в себе сильнейший синергетический эффект, помимо популяризации, привнося в значение терминоединицы еще и целый ряд спектральных оттенков объяснительности, иллюстрирования, экономии и др. Образная составляющая помогает визуализировать объекты, а ее выбор обусловлен индивидуальностью творца, его чувством юмора, стремлением наглядно обрисовать объект или общей установкой на раскрепощение языка науки. Рассуждая о признаке, легшем в основу номинации, можно сделать вывод, что он максимально характеризует киносферу и полагается концептуально релевантным в передаче сути понятия. Перечислим ряд сфер-источников, из которых извлекаются основания для метафорического переноса.

- **Кулинария:** *cookie-cutter character* (картонные персонажи), *fantasy-adventure hodge-podge* (фантазийно-

приключенческое попурри), *fizzle out* (выдыхаться: о сюжете к финалу), *ham it up* (переигрывать), *potboiler* (хаптурка), *beef up the story* (улучшать сценарий), *perfect foil* (прекрасная роль второго плана).

- **Стихии и ландшафт:** *flashback* (воспоминание), *landmark film* (эпохальный фильм), *midnight movie* (фильм, неожиданно ставший популярным), *rainbow casting* (многонациональный состав), *cold reading* (первая читка).
- **Антропосфера:** *flawless impersonation* (безупречное воплощение), *love-letter film* (фильм-оммаж, признание в любви), *truncated plot* («обезглавленный» сюжет).
- **Зоология:** *holiday fodder* («воскресная жвачка»), *creeping titles* (бегущие титры), *big-budget turkey* (крупнобюджетный провал), *production limbo* (производственный спад).
- **Спорт:** *screwball comedy* (эксцентрическая комедия).
- **Одежда:** *shoestring budget* (минимальный бюджет), *loop film* (кольцовка), *hook* («зацепка», первые ноты мелодии).
- **Науки:** *screen chemistry* (экранное взаимодействие героев), *script doctor* (сценарист-доработчик).
- **Строительство и ремесла:** *break the fourth wall* (обращаться к зрителю с экрана), *mudslinging* (клевета), *multy-faceted story* (многогранная история), *twist ending* (неожиданный финал).

Заключение

Термины разнопланово объективируются в языке: с одной стороны, они приходят к нам как обозначения новых предметов и явлений материального мира, но есть и иной путь – переосмысление и адаптация терминов в общекультурном, не являющемся узко специальным дискурсе. Анализ показал, что это средства различной семантической и структурной сложности, от максимально стяженных форм (аббревиатуры) до более пространных (голофразисы, цепочечные термины). Все они в равной мере принимают участие в обновлении профессионального ойколекта, понимаемого нами как особый вид речи специалистов, обращенный во внешний круг их профессии.

Есть ряд причин, по которым термины оказываются вписанными в круг ойколекта. Это потребность простоты, эстетизм, романтизация, благозвучие, остроумие, ирония, оригинальничанье, обман ожидания, эпатаж, уход от норм, оценка, деавтоматизация речи, оживление стертых образов, поиск выражения нарождающегося слова, поиск нового видения существующего концепта, эвфемизация, апелляция к культурному тезаурусу. В статье рассматривались несколько основополагающих процессов, сопровождающих языковое бытие терминов: терминологизация как переход общеупотребительного слова в разряд терминов, ретерминологизация как переход терминов в иную терминологическую сферу и детерминологизация как переход терминов в общеупотребительную сферу языка, сопровождающийся

утратой связи с научным понятием и приобретением нового значения. Достигнутые результаты позволяют говорить о том, что окказиональная терминологическая номинация, пройдя путь проверки в профессиональной среде, может различными способами конвенционализироваться и закрепляться в языке.

Терминология всегда была эталоном языковой корректности, но ситуация меняется в наши дни. Современная терминология демонстрирует смягчение литературной нормы, поднятие планки ее толерантности, а вновь создаваемые термины отвечают требованию понятности в своем подавляющем большинстве. Толерантность к норме приводит к возникновению терминов-коллаквизмов, сленгизмов, жаргонизмов, что свидетельствует о тех когнитивных процессах, которые протекают в сознании их создателей. Еще в позапрошлом веке последователи О. Эсперсена выделяли три типа узуса: понятный, простейший; нормативный, корректный; хороший, отвечающий размытым стандартам ясности или красоты и вызывающий восхищение у слушателей. Терминологические инновации, принадлежа к хорошему (в есперсианской трактовке) типу узуса, «обкатываются» в живом профессиональном употреблении, становясь неотъемлемой частью специального языка. Образно выражаясь, инновации подобны тем

пузырям на поверхности воды, которые свидетельствуют о процессе варки внутри котла, без них терминосфера может считаться застывшей и застоявшейся. И пусть эти образования мимолетны и скоропреходящи, без них терминосфера перешла бы в состояние застоя, деградируя в сторону историзмов и архаизмов. Следовательно, мы можем говорить о «норме второго уровня», или норме просторечия, которая, будучи более изменчивой и динамичной, служит источником обогащения нормы литературной.

Адаптированные типы терминологических единиц, будь то бленды, аббревиатуры, голофразисы или цепочечные и образные термины, будучи лингвистическими инновациями, стоят на страже устаревания терминологии. Они демонстрируют, что терминологизация есть живой, антропоцентрический процесс. Благодаря этому процессу терминологические единицы субстандартного характера, терминологические окказионализмы и речевые терминологические новообразования, находящиеся за пределами речевой системы либо на ее периферии, мигрируют в сторону общеизвестной и общепринятой лексики, облегчая понимание профессионалом профессионала, равно как и понимание языка профессионалов непрофессионалами.

Литература

1. Пешковский А. М. Избранные труды. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.
2. Ревякина Т. А. Термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в ряду специальных номинаций // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 143–146.
3. Шелепова Н. В. Репрезентация специальных знаний в англоязычной терминологии и номенклатуре с мифологическим компонентом // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 90–97.
4. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2000. 532 с.
5. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). М.-Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. 223 с.
6. Разинкина Н. М. Стилистика английской научной речи (элементы эмоционально-субъективной оценки). М.: Наука, 1972. 168 с.
7. Давыдова Е. И., Гуляева Е. А., Бородулина Н. Ю. Когнитивный подход к исследованию медицинской терминосистемы (на материале французского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 37–45.
8. Татаринов В. А. Общее терминоведение. М.: Московский Лицей, 2006. 526 с.
9. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высш. шк., 1987. 103 с.
10. Володина М. Н. Термин как средство специальной информации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 74 с.
11. Дроздова Т. В. Терминологические единицы в аспекте репрезентации консолидированного когнитивного опыта субъекта научного познания в языке // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 45–55.
12. Тимофеева Т. Н. Прецедентные феномены в англоязычных научных текстах экономической тематики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2008. 18 с.
13. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения. М.: Высш. шк., 1986. 279 с.
14. Манерко А. А. Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань: Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2000. 138 с.
15. Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М.: Наука, 1987. 141 с.
16. Лейчик В. М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80–87.
17. Bagiyani A. U., Ayvazyan N. B. Terminological space as a core element of special knowledge transfer: structure, content, functional scope (a case-study of popular science IT discourse) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 19–28.
18. Голованова Е. И. Условность связи формы и содержания как одно из свойств термина // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 29–37.

19. Miall D. S., Kuiken D. Foregrounding, defamiliarisation and affect: Response to literary stories // *Poetics*. 1994. Vol. 22. P. 389–407.
20. Федосюк М. Ю., Бакланова И. И. Наименования объектов в современной русской деловой речи с точки зрения их ориентации на восприятие адресатом // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 2. С. 141–148. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-141-148
21. Найдич Л. Э. След на песке: Очерки о русском языковом узусе. СПб.: СПбГУ, 1995. 206 с.
22. Соловьева Н. А. Усечения в современной англоязычной прессе // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. 2008. № 4. С. 88–91.
23. Ковынева И. А. Голофразис как способ словообразования в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2007. 23 с.
24. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009. 215 с.
25. Бородулина Н. Ю., Макеева М. Н. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса (по материалам современных публикаций в СМИ) // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2016. № 2. С. 49–56. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-2-49-56

original article

Adaptation of Film Terminology in the General Language

Svetlana A. Pankratova ^{a, @, ID}

^a Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, Russia, St. Petersburg

@ svetpankrat@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-2623-1726>

Received 11.04.2020. Accepted 09.06.2020.

Abstract: The paper deals with modern aspects of terminology in film industry. The paper aims at the study of the linguistic and extralinguistic levels of film terminology in the professional dialect of filmmakers and general strata of the language. The broader context of the film discourse viewed as a complex communicative issue requires simplified understanding among professionals, as well as during interaction between filmmakers and cinephiles. The author believes that there are two sources of film neologisms, connected with the appearance of new artifacts and adaptation of cinema terms in the interpretative discourse. The method of continuous sampling from modern cinema magazines provided a copious terminological material, which was afterwards studied by means of stylistic, word-building, and axiological analysis. The material demonstrated that modern film industry uses several ways of terminologisation, thus diminishing the distance to the general spoken language. They include simplification, abbreviation, imagery, string terms, holophrasis, blending, and rhymed terminological units. The new means of terminological innovation revealed a trend to conserve the term's meaning while rendering the term with the additional meaningful or image element, which would facilitate its comprehension in intense communication. The means of terminological innovation were aimed at increasing simplicity, aesthetism, beautification, and irony, as well as invigorating dead imagery, expressing a new concept, and creating euphemisation. The determinologisation of the semantic sphere of cinema was supported by multiple examples and revealed great public and scientific interest to this sphere, indicating continuous productive innovational processes in cinema terminology.

Keywords: terminology, film sphere, dialect, neologism, simplification, abbreviation, imagery, string terms, holophrasis, blending, rhymed terminological units

For citation: Pankratova S. A. Adaptation of Film Terminology in the General Language. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 859–868. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868>

References

1. Peshkovskii A. M. *Selected works*. Moscow: Uchpedgiz, 1959, 252. (In Russ.)
2. Revyakina N. M. Terms, professionalisms and professional jargonisms in a range of special nominations. *Izvestia VGPU*, 2017, (1): 143–146. (In Russ.)
3. Shelepova N. V. Special knowledge representation in English terminology and nomenclature with a mythological component. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2019, (39): 90–97. (In Russ.)

4. Babenko L. G., Vasiliev I. E., Kazarin Yu. V. *The linguistic analysis of the work of art*. Ekaterinburg: Izd-vo Ur. un-ta, 2000, 532. (In Russ.)
5. Drozdova T. V. *The problems of understanding of the scientific text (English economic texts)*. Moscow-Astrakhan: Izd-vo AGTU, 2003, 223. (In Russ.)
6. Razinkina N. M. *Stylistics of the English scientific discourse (elements of the emotionally-subjective evaluation)*. Moscow: Nauka, 1972, 168. (In Russ.)
7. Davydova E. I., Gilyaeva E. A., Borodulina N. Yu. Cognitive approach to research of medical terminology (a case study of the French language). *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2019, (39): 37–45. (In Russ.)
8. Tatarinov V. A. *General terminology*. Moscow: Moskovskii Litsei, 2006, 526. (In Russ.)
9. Golovin B. N., Kobrin R. Yu. *Linguistic fundamentals of terminology*. Moscow: Vyssh. shk., 1987, 103. (In Russ.)
10. Volodina M. N. *Term as a means of the special information*. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1996, 74. (In Russ.)
11. Drozdova T. V. Terms and representation in language of consolidated cognitive experience of scientific knowledge subject. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2019, (39): 45–55. (In Russ.)
12. Timofeeva T. N. *Precedential phenomena in English scientific economy texts*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Tambov, 2008, 18. (In Russ.)
13. Gvishiani N. B. *The language of the scientific discourse*. Moscow: Vyssh. shk., 1986, 279. (In Russ.)
14. Manerko L. A. *The language of the modern technology: core and margins*. Ryazan: Riaz. gos. ped. un-t im. S. A. Esenina, 2000, 138. (In Russ.)
15. Nikitina S. E. *Semantic analysis of the scientific language: the case of linguistics*. Moscow: Nauka, 1987, 141. (In Russ.)
16. Leichik V. M. Specifics of the functioning of terms in the text. *Philological Sciences*, 1990, (3): 80–87. (In Russ.)
17. Bagiyani A. U., Ayvazyan N. B. Terminological space as a core element of special knowledge transfer: structure, content, functional scope (a case-study of popular science IT discourse). *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2019, (39): 19–28.
18. Golovanova E. I. Conventional association of form and content as one of the properties of the term. *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, 2019, (39): 29–37. (In Russ.)
19. Miall D. S., Kuiken D. Foregrounding, defamiliarisation and affect: Response to literary stories. *Poetics*, 1994, 22: 389–407.
20. Fedosyuk M. Yu. Baklanova I. I. Naming objects in contemporary Russian business speech in respect of their relation to the perception of the addressee. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2017, (2): 141–148. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2017-2-141-148
21. Naidich L. E. *The imprint on the sand: sketches on the Russian language customary usage*. St. Petersburg: SPbGU, 1995, 206. (In Russ.)
22. Solov'yova N. A. Shortenings in the modern English press. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2008, (4): 88–91. (In Russ.)
23. Kovynyva I. A. *Holophrasis as a means of word-building in the Russian language*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Orel, 2007, 23. (In Russ.)
24. Kiseleva S. V. *The essence of the polysemantic word in the English language*. St. Petersburg: Asterion, 2009, 215. (In Russ.)
25. Borodulina N. Yu., Makeyeva M. N. Metaphorical explosion in Greek crisis representation (on the materials of recent mass media publications). *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2016, (2): 49–56. (In Russ.) DOI: 10.20916/1812-3228-2016-2-49-56

Оппозиционная редукция в системе английского местоимения

Александр В. Теренин^{a, @, ID}

^a Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Елабуга

@ Tteerenin@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6212-1073>

Поступила в редакцию 30.03.2020. Принята к печати 01.06.2020.

Аннотация: Рассмотрен потенциал английского местоимения или какой-то его формы принимать на себя функцию своего противочлена по той или иной оппозиции. Это явление обозначается в лингвистике терминами *оппозиционная редукция* и *оппозиционное замещение*. Будучи достаточно хорошо изученной в отношении глагола или существительного, оппозиционная редукция в системе местоимения лишь упоминается в научных работах. Это обстоятельство и побудило автора статьи заняться исследованием данной проблемы. Принимая за основу концепцию М. Я. Блоха, автор рассматривает несколько явлений, которые редуцируют ряд прономинальных оппозиций по категориям числа, рода, падежа, а также оппозиций по таким разрядам местоимений, как личное местоимение против возвратного и местоимения близкой против местоимения отдаленной референции. Цель – систематизация имеющихся сведений по проблеме и выявление разновидностей оппозиционной редукции по категориям местоимения. Дана историческая справка, где излагаются главные положения основополагающей теории и вкратце обобщается опыт исследователей в решении различных задач, связанных с оппозиционной редукцией. Главный используемый в статье метод – контекстуальный анализ. Предлагается описание каждого из видов оппозиционной редукции, иллюстрированное примерами из письменных источников различных жанров.

Ключевые слова: оппозиция, оппозиционное замещение, восходящее замещение, нисходящее замещение, нейтрализация, транспозиция

Для цитирования: Теренин А. В. Оппозиционная редукция в системе английского местоимения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 869–878. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-869-878>

Введение

Сегодня наименования *оппозиционное замещение* и *оппозиционная редукция* широко распространены в лингвистическом обиходе. Их используют для того, чтобы обозначить явление, суть которого состоит в способности одного члена языковой оппозиции выступать в качестве другого. Оппозиционное замещение является универсальным явлением. Оно распространяется на многие языки, а в границах каждого языка проявляется на всех уровнях его организации. Будучи всеохватывающим, оппозиционное замещение достаточно хорошо освещается в научной литературе, однако по этой же причине здесь остается много неизученного или не до конца раскрытого.

Предлагаемая статья ограничивает свой предмет системой английского местоимения. Это связано с тем, что явление оппозиционного замещения в данной сфере остается пока еще недостаточно освещенным. В принципе большинство явлений, рассматриваемых в настоящей работе, являются хорошо известными. Они довольно часто упоминаются в научной и прочей литературе. Однако их констатация как языковых фактов не является целью исследования. Автор ставил иную задачу, а именно систематизацию известных явлений и определение их места в теории оппозиционной редукции. Все это находит выражение в описании

рассматриваемых явлений и построении классификации видов и разновидностей оппозиционной редукции в системе английского местоимения. В этом и заключается новизна исследования.

Теоретические предпосылки исследования

Процессы, связанные с оппозиционным замещением, были впервые описаны Н. С. Трубецким. В его фонологии вводится понятие нейтрализации, которое означает стирание различий между двумя противопоставленными фонемами в определенных позициях [1]. В дальнейшем ученые установили, что нейтрализация в фонологии является частным понятием по отношению к более широкому, распространяющемуся также на морфологию, синтаксис и лексику.

Большая работа по изучению и описанию случаев нейтрализации была проделана в 1960–1970-е гг. Особая заслуга принадлежит И. Б. Хлебниковой, А. В. Бондарко и Е. И. Шендельс, в работах которых научно освещаются многочисленные явления нейтрализующего порядка в области английской [2], русской [3] и немецкой [4] морфологии. Следуя идеям Н. С. Трубецкого, ученые находили новые явления и вводили новые понятия.

В 1970-е и 1980-е гг. рассматриваемое явление получило и синтаксическое осмысление. Исследователи обратили

внимание на способность синтаксических единиц передавать несвойственные им синтаксические значения [5–8].

Результаты исследований в области морфологии и синтаксиса позволили по-иному осмыслить ряд явлений лексической семантики. В принципе лексико-семантическая нейтрализация являлась одним из приоритетных направлений в развитии стилистики и риторики с очень давних времен. Многочисленные и разнообразные переносы значений, реализуемые в метафоре, метонимии, иронии и других стилистических приемах, являются, по сути дела, транспозицией лексического значения. Однако до недавнего времени ученые не обращали внимания на тот факт, что все эти явления имеют природу, сходную с нейтрализацией в морфологии и синтаксисе. Определенную роль в новом осмыслении этих явлений, вероятно, сыграла стилистика Ю. М. Скребнева, в которой предложена принципиально новая классификация фигур речи и в которой выделяется ряд стилистических явлений, описанных с позиций лексико-семантического замещения [9].

Между тем вплоть до последних десятилетий XX в. теория оппозиционного замещения представляла собой совокупность индивидуальных и разбросанных по разным областям исследований. При этом часто вопросы оппозиционного замещения освещались лишь попутно как вспомогательное средство в решении иных исследовательских задач. Заслуга целостного осмысления данной проблемы принадлежит М. Я. Блоху, который свел имеющиеся сведения в единую и всеобъемлющую концепцию [10; 11].

Интерес к оппозиционной редукции сохраняется и в настоящее время. Последнее десятилетие отмечено исследованиями, которые трактуют вопросы оппозиционной редукции с самых разнообразных позиций. Весьма популярной является тема гендерной нейтрализации [12–16], что, очевидно, связано с набирающими силу феминистскими движениями в обществе и их требованиями освободить язык от андроцентризма. Интересные результаты удалось получить Е. С. Шерстнёвой [17], рассматривающей стилистическую нейтрализацию в субъективных представлениях переводчика. Не менее интересными являются наблюдения А. А. Шунейко и О. В. Чибисовой [18], убедительно показывающие, как происходят семантические сдвиги в лексических оппозициях на разных уровнях общения. Исследованы новые явления морфологической и морфосинтаксической природы [19–22]. Продолжаются исследования в области фонетической нейтрализации [23; 24].

Отметим попутно, что в ряде случаев исследователи отходят от классической интерпретации оппозиционного замещения и его разновидностей, однако это вполне естественно, поскольку любая теория находится в постоянном развитии, а все вносимые в нее поправки проверяются временем.

В классическом же понимании теория оппозиционного замещения может быть очерчена следующими тезисами. Суть этого явления состоит в способности одного

члена оппозиции выступать в значении другого. Например, глагол в настоящем времени может выражать будущее: *She is coming tomorrow*; вопросительная структура – обозначать просьбу: *Can you do me a favour?*; похвала – выражать упрек: *A fine friend, you are!* и т. д. Оппозиционное замещение имеет две разновидности: нейтрализацию и транспозицию. Нейтрализация освобождает замещающий член от его собственной функции, возлагая на него функции противочлена. Транспозиция частично оставляет функции замещающего члена при нем самом и наделяет его новой ролью, несвойственной ему в обычном языковом употреблении [11, с. 31–36].

Нейтрализация чаще осуществляется путем активизации слабого члена оппозиции, транспозиция – сильного; однако эта зависимость наблюдается не всегда. Замещение сильного члена слабым М. Я. Блох называет *нисходящим замещением*, обратное явление получило наименование *восходящее замещение*. Главное же отличие нейтрализации от транспозиции связано с различным уровнем экспрессивного потенциала каждого из этих явлений. Нейтрализация воспринимается как непреложный факт языкового употребления, не подлежащий оценке. Транспозиция же свидетельствует об интенции автора текста на определенный стилистический эффект [11, с. 93–96].

В целом же любая оппозиционная редукция отражает взаимоотношения глобальной языковой оппозиции, а именно оппозиции *система* – *узус*. Если языковая система навязывает коллективу употребление в речи той или иной формы, то узус стремится по возможности нарушить это предписание и при определенной совокупности прецедентов превращает нарушение в норму.

Методы и материалы

Исследование проводилось на основе письменных текстов различной жанровой принадлежности. Основными источниками являлись художественные тексты как совмещающие в себе широкое разнообразие композиционных и стилистических типов речи. Наряду с художественной прозой автор обращался к официальным текстам различного рода: документам, инструкциям, техническим описаниям. Все это диктовалось основным методом исследования, т. е. контекстуальным анализом, а также намерением автора отследить особенности функционирования той или иной языковой единицы в различных речевых условиях. В отдельных случаях автор обращался к элементам валентностного анализа, в частности при изучении функционирования указательных и возвратных местоимений. В общей сложности автор отработал около 2000 страниц англоязычного дискурса, не считая своего предшествующего опыта изучения текстов.

Описание оппозиционной редукции в системе местоимения, как и построение классификации, осуществлялось исходя из ярусного принципа. На нижнем ярусе известные формы и виды местоимений стоят в оппозиции друг к другу по категориям числа, рода и падежа. Средний ярус

предполагает оппозиции местоимений внутри одного класса. Наконец, на верхнем уровне членами оппозиций являются местоимения, принадлежащие различным классам.

Замещение по категории числа

Категория числа в системе английского местоимения представлена соответствующими оппозициями личных, притяжательных, возвратных и указательных местоимений. Между тем не все из противочленов и не всегда используются в языковой действительности в своих исконных значениях. В ряде случаев некоторые из них активизируют оппозиционную редукцию.

Одно из проявлений оппозиционной редукции по категории числа местоимений находит выражение в использовании *we* при его соотнесении лишь с одним персонажем. Английский язык демонстрирует несколько разновидностей данного явления.

Первая разновидность носит название «королевское *we*». Его суть заключается в использовании монархом личного местоимения *we* или притяжательного *our* в отношении собственной персоны. Данное явление является межъязыковым. В английском языке его первое употребление приписывается королю Генриху II. При этом считается, что сам Генрих, употребляя *we*, вкладывал в него содержание *God and I*. Это содержание менялось в ходе истории, и сегодня оно включает несколько составляющих. Это и единение монарха с богом, и единение монарха с народом, и соотнесение монарха с несколькими титулами.

Но официальная оценка не может служить достаточно веским объяснением лингвистической сути того или иного языкового факта. Эту суть можно вскрыть, привлекая контекстуальный анализ речевых произведений монарших особ. Например, в прокламации Георга III, отрывок из которой приводится ниже, королевское *we* взаимодействует со своим синонимом *our royal person*, однозначно указывающим на то, что монарх не разделяет содержание местоимений *we* и *our* с кем бы то ни было.

(1) *And we do farther promise, that any person or persons ... other than such as were actually concerned in any act by which our royal person was immediately endangered shall receive our most gracious pardon ...*¹

Примером из новейшей истории является согласие королевы Елизаветы на бракосочетание ее внука принца Гарри.

(2) *Now know ye that We have consented and do by these Presents signify Our Consent to the contracting of Matrimony between Our Most Dearly Beloved Grandson Prince Henry Charles Albert David of Wales, K.C.V.O., and Rachel Meghan Markle*².

Нет сомнений в том, что Елизавета II выступает здесь от себя лично, как глава королевской семьи, решающая

вопрос, более никого не касающийся. К тому же капитализация местоимений *We* и *Our* в отличие от *we* (=you) говорит об их особом статусе.

Отметим, однако, что подбор иллюстраций для контекстуального анализа представляет собой непростую задачу, поскольку речевые произведения венценосных особ ограничены для свободного доступа. К тому же и сами монархи используют королевское *we* крайне редко. Его употребление ограничено различными условностями, относящимися к дворцовому этикету. Более доступными для наблюдения являются искусственное употребление королевского *we* в художественной литературе и кинематографе или различные курьезные случаи его использования. Так, в английской языковой культуре широко известна фраза *We are not amused*, которая в различных интерпретациях приписывается королеве Виктории как ответ на неудачную попытку придворных позабавить свою королеву³. Не менее известна и общественная критика в адрес бывшего премьера Великобритании Маргарет Тэтчер, которая в 1989 г. употребила королевское *we* по случаю рождения внука: *We have become a grandmother*⁴. Надо признать, что критика в адрес бывшего премьера Великобритании была справедливой. И содержание данного высказывания, и взаимодействие множественного местоимения с существительным в единственном числе (*grandmother*) свидетельствует о том, что английский премьер употребляла *we* в отношении лишь собственной персоны.

Употребление королевского *we*, как только что упоминалось, определяется условностями, следуя которым, венценосная особа не рассчитывает на какой-либо эффект или экспрессивность. Точно так же и в сознании каждого члена языкового коллектива его звучание в устах монарха представляется чем-то само собой разумеющимся. Все это дает основание рассматривать королевское *we* как нейтрализацию категории числа в пределах определенной сферы общения.

Иное дело – звучание данного местоимения в устах лица, не принадлежащего к венценосному клану. Именно это обстоятельство и вызвало общественное возмущение в английском обществе в случае с Маргарет Тэтчер. Здесь явно имела место интенция говорящего на определенную экспрессию. А местоимение *we* оказалось в необычных условиях для его употребления. Употребление *we* в данной ситуации удовлетворяет по крайней мере двум условиям, охарактеризованным М. Я. Блохом как определяющим транспозицию [11, с. 93–96]. Аналогичный случай описывается в книге Дж. Стьюарда. Хилари Клинтон, выражая недовольство действиями журналиста, заглянувшего в ее бумаги, резко ответила: *I'm not going to have some reporters*

¹ England History. The Luddites and the Combination Acts. Режим доступа: <https://www.marxists.org/history/england/combination-laws/proclamation-1795.htm> (дата обращения: 18.03.2018).

² Instrument of consent. 11.05.2018. Режим доступа: <https://www.royal.uk/instrument-consent> (дата обращения: 01.06.2018).

³ Royal "We" // TV Tropes. Режим доступа: <http://tvtropes.org/pmwiki/pmwiki.php/Main/RoyalWe> (дата обращения: 12.04.2018).

⁴ Там же.

*pawing through our papers. We are the president*⁵. Разумеется, подобные свидетельства можно встретить нечасто, однако редко они потому, что становятся общим достоянием только в тех случаях, когда звучат из уст известных личностей. В действительности же обращение к королевскому *we* можно наблюдать и в обыденных ситуациях.

Итак, представляя собой восходящее замещение, королевское *we*, как было показано, может демонстрировать как нейтрализацию, так и транспозицию.

Другую разновидность сближения единственного и множественного числа местоимений можно наблюдать в использовании авторского *we*. Сфера его употребления ограничена научными текстами, где исследователь прибегает к местоимению множественного числа для обозначения собственного авторства. Эта традиция пришла в науку из трактатов прошлого, авторы которых таким образом апеллировали к читателю. Например, оборот *we have stated* по сути дела означает: *you and I, dear reader, have stated*. С развитием традиции множественное местоимение дополнялось новым содержанием. Сегодня, употребляя *we*, автор обозначает свою принадлежность к научному сообществу, занимающемуся данной проблемой. Кроме того, как утверждают авторы лонгмановской грамматики, использование *we* в научном тексте есть средство, при помощи которого автор пытается отвлечь внимание читателя от собственной персоны, т. е. придать повествованию подобие безличного характера [25, р. 330]. В принципе, если это действительно так, лингвист не вправе говорить здесь об оппозиционной редукции вообще. Местоимение *we* в таком случае выступает в своих исконных функциях, т. е. либо в функции обозначения множественности, либо в функции неопределенно-личного местоимения. Между тем распространение авторского *we* сегодня настолько широко, что потенциальные его интерпретации теряются в многочисленных текстах, а само *we* воспринимается как условность, которую необходимо соблюдать, т. е. как нейтрализацию.

Имея различное содержание, авторское и королевское *we* сходны минимум в одном отношении. С намерением или без такового употребляющий местоимение множественного числа тем самым декларирует себя как члена сообщества, имеющего высокий социальный статус. Авторское *we* уподобляется королевскому. Возможно, поэтому опытные авторы зачастую отказываются от его употребления.

Следующая разновидность замещения в границах категории числа местоимений имеет название «покровительственное *we*». Его природа несколько отличается от сути замещения, к которому прибегают монархи и авторы научных работ. Эту особенность можно наблюдать при установлении доверительных отношений между взрослым и ребенком, между врачом и пациентом, между преподавателем и учащимся и т. д. В стремлении вызвать доверие

своего собеседника один из них использует местоимение *we* вместо *you*. Хрестоматийным является высказывание *And how are we feeling today?* Им подписана, например, известная карикатура Бернарда Парtridge, где Рузвельт, Сталин и Черчилль беседуют с мировым сообществом, представленным на карикатуре в образе больного⁶. Иногда покровительственное *we* используется для того, чтобы выразить легкий упрек говорящего в адрес своего собеседника: *We are trying to lie again, aren't we?* Разновидностью покровительственного *we* является его использование вместо *he, she, it* хозяином по отношению к своему питомцу или взрослым по отношению к маленькому ребенку: *Fancy, what a dress we are wearing!* Обе разновидности демонстрирует замещение не только по категории числа, но и по категории лица. Стилистически покровительственное *we*, безусловно, окрашено, однако интенция говорящего на стилистический эффект практически не выражена. В этой связи это явление можно квалифицировать как нейтрализацию.

Замещение по категории рода

Различия в роде местоимений являются отражением соответствующей категории в системе существительного, которая в свою очередь представляется в виде двухуровневой оппозиции. На верхнем уровне неличностные существительные стоят в оппозиции к личностным. Нижний уровень подразделяет личностные существительные на существительные мужского и женского рода [11, с. 54–55]. Соответственно, и местоимения образуют оппозицию верхнего (*it – he и she*) и нижнего (*he – she*) уровня.

Историческое развитие английского языка предопределило ряд условностей, которые нарушают логику использования гендерно маркированных местоимений с некоторыми группами существительных. В эти группы входят:

- 1) существительные, обозначающие морские и речные суда (*she* или *it*);
- 2) некоторые государства (*it* или *she*);
- 3) ребенка (*it* или *she / he*);
- 4) животных-питомцев (*it* или *she / he*).

Кроме того, местоимения *she* и *he* вступают в оппозицию друг к другу в стилистическом использовании при персонификации предметов, явлений и объектов природы, а также при аллегорическом изображении добра и зла, честности и коварства и т. п. Следует помнить, что все эти традиции формировались в различное время и имели под собой различные основания. К тому же различные традиции нередко вступают в противоречия друг с другом. Поэтому вопрос о том, какой тип замещения реализуется в том или ином случае, следует решать дифференцированно.

Остановимся сначала на первой группе. Местоимение *she* здесь явно доминирует над *it*, создавая ложные представления о принадлежности соответствующих существительных к женскому роду, о чем, например, свидетельствуют

⁵ Steward J. B. Blood sport: the president and his adversaries. Thorndike Press, 1997. P. 368.

⁶ Cartoon Big Three, 1945 by Granger. Режим доступа: <https://ru.pinterest.com/pin/462815299184590080/?lp=true> (дата обращения: 23.12.2017).

многочисленные блоги и форумы в социальных сетях. Между тем средний род подобных существительных подтверждается относительным *which*, которое никогда (даже при непосредственном контакте с *she*) не подменяется личностным *who*.

(3) *Nothing was to be seen of the strange steamboat which had caused the disaster, though I heard men saying that she would undoubtedly send boats to our assistance*⁷.

Представления о принадлежности слов данной группы к женскому роду опровергаются наличием ряда синонимов, в структуру которых входит элемент *man*, т. е. таких как *man-of-war*, *merchantman*, *the Flying Dutchman*. При этом взаимоотношения этих существительных с местоимениями не исключают использования *she* или *her*.

(4) *She might be an innocent merchantman, staying near a man-of-war for her own security...*⁸

Все эти алогизмы лишь подтверждают действие нейтрализации. Местоимение *she* полностью освобождается от его исконной функции.

Аналогичные рассуждения можно приводить и в отношении собственных имен, обозначающих государства. Тенденция к употреблению *she* или *her* выражена здесь не столь ярко, тем не менее она находит распространение. При этом дополнительная информация об объекте вводится при помощи неличностного *which*, даже если в тексте употребляются личностные *she* или *her*.

(5) *...and lastly a young officer had made a short speech about honour and duty, and England's need for her sons to step forward and volunteer to follow the drum*⁹.

(6) *There had been an Anglo-Portuguese treaty which still allowed Portugal to continue loading slaves in her own ports...*¹⁰

В отличие от первой группы, где *she* доминирует над *it* практически во всех регистрах, вторая группа отдает предпочтение *she* главным образом в текстах возвышенного стиля, где персонификация государства подчеркивает качества, сходные с материнскими. Восходящее замещение в подобных случаях тяготеет к транспозиции.

Третья группа слов, допускающая использование как личностных, так и неличностных местоимений в отношении своего референта, включает в себя несколько существительных, обозначающих ребенка (*infant*, *baby*, *child*). Выбор местоимения определяется здесь различными факторами. В их число входят:

- сфера общения, где употребляется соответствующее слово;
- возраст ребенка;

- статус говорящих по отношению к ребенку;
- наличие или отсутствие необходимости обозначить пол ребенка.

Появление *it*, например, с большой вероятностью ожидается в официальных регистрах в тех случаях, когда пол ребенка неизвестен автору текста, и в случаях, когда о ребенке говорят посторонние для него люди.

(7) *We gave him all the regular ones ... and added seven entirely original ones ... including a really quite likely story ... that a mere child could have believed without injuring itself, much*¹¹.

С другой стороны, близкие для ребенка люди вряд ли будут говорить о нем как о неличностном существе. Таким образом, и личностные, и неличностные местоимения, выступающие в качестве коррелята существительных данной группы, имеют достаточно широкое распространение. В этой связи, решая вопрос о статусе этих существительных, исследователь сталкивается с альтернативой. Он должен либо признать за ними какой-нибудь иной статус, либо обратиться к поиску свидетельств, которые бы склонили чашу весов к тому или иному варианту. Таким свидетельством вновь может послужить относительное местоимение. В отличие от слов, обозначающих суда и государства, взаимодействующими с *which*, слова, обозначающие ребенка, взаимодействуют с личностным *who*.

(8) *Occasionally, when there was some more than usually interesting inquest upon a parish child who had been overlooked in turning up a bedstead...*¹²

Это происходит даже в текстах, характеризующихся высокой степенью официальности, таких как медицинские описания или инструкции по уходу за ребенком.

(9) *After six months, the diet of an infant who is not breastfed should preferably continue to include a suitable breastmilk substitute...*¹³

Использование *who* говорит о том, что рассматриваемые существительные являются личностными, а использование *it* активизирует оппозиционную редукцию, вызываемую теми или иными условиями общения.

В четвертую группу гендерно проблематичных слов входят существительные, обозначающие животных, а также мифические или сверхъестественные существа. Своим взаимодействием с местоимениями эти существительные схожи со словами, обозначающими ребенка. На полярных регистрах своего употребления они заменяются либо местоимениями *it*, *its*, *itself* (сугубо официальные тексты), либо местоимениями *he* / *she*, *his* / *her*, *himself* / *herself* (неформальные регистры). Однако между этими

⁷ London J. The sea-wolf. N. Y.: Tor Classics, 1993. P. 9.

⁸ Kent A. Man of war (The Bolitho novels). N. Y.: McBooks Press, 2004. P. 206.

⁹ Там же. P. 108.

¹⁰ Там же. P. 72.

¹¹ Jerome J. K. Three men in a boat (to say nothing of the dog). Роман на англ. яз. 2-е изд. М.: Менеджер, 1999. P. 228.

¹² Dickens Ch. Oliver Twist. Everyman's Library, 1992. P. 7.

¹³ Infant feeding in emergencies. Module 1 for Emergency Relief Staff (IBFAN, LINKAGES, UNICEF, WHO). 2001. P. 16. Режим доступа: <http://www.unhcr.org/45f6cb1f2.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).

полюсами существуют различные сферы коммуникации, где можно наблюдать произвольное употребление всех названных местоимений. Специфической же чертой этой группы является иной характер взаимодействия с относительными местоимениями. В отличие от существительных *infant, child, baby*, которые взаимодействуют только с *who*, или в отличие от существительных *ship, vessel* и им подобных, которые взаимодействуют только с *which*, слова, обозначающие животных, взаимодействуют как с *who*, так и с *which*. К тому же и здесь можно наблюдать отсутствие грамматической логики во взаимодействии относительных местоимений, с одной стороны, и личных, притяжательных и возвратных – с другой.

(10) *Every member of the respectable coterie appeared plunged in his own reflections; not excepting the dog, who by a certain malicious licking of his lips seemed to be meditating an attack upon the legs of the first gentleman or lady...*¹⁴

(11) *A dog, which had lain concealed till now, ran backwards and forwards on the parapet with a dismal howl, and collecting himself for a spring, jumped for the dead man's shoulders*¹⁵.

(12) *I never met a dog who seemed more contented — more easy in its mind*¹⁶.

Отсутствие постоянства, а также алогизмы в употреблении местоимений для обозначения существительных данной группы позволяют рассматривать эти существительные как промежуточные между неличностными и личностными. В официальных регистрах они тяготеют к первым; в регистрах неофициальных обнаруживают свойства вторых. Если это действительно так, то разговоры об оппозиционной редукции в подобных случаях становятся несостоятельными: оппозиционного замещения как такового здесь просто не существует.

Отметим далее, что личностные местоимения часто поддерживают стилистический прием персонификации в художественном изображении объектов и явлений природы или абстрактных понятий.

(13) *Night's heart is full of pity for us: she cannot ease our aching; she takes our hand in hers, and the little world grows very small and very far away beneath us...*¹⁷

Благодаря олицетворению предложение получает экспрессивную окраску, и определенную роль в этом играют местоимения *she* и *hers*. Типом оппозиционного замещения является транспозиция.

Приводимые выше рассуждения представляют картину оппозиционного замещения на верхнем уровне оппозиции

рода. Замещение на нижнем уровне можно иллюстрировать нейтрализацией гендерных значений в тех случаях, когда личностное местоимение используется в качестве коррелята существительных общего рода, т. е. существительных, род которых выявляется из контекста или ситуации общения: *person, cousin, user* и т. п. В условиях, исключающих необходимость обозначения пола, эти существительные до недавних пор обозначались слабым членом оппозиции, т. е. местоимением *he*.

(14) *A German, comparing it with his own language (...) tells you that English has no grammar*¹⁸.

Сегодня же реформирование языка в угоду феминистским движениям требует использования оборота *he or she*.

Замещение по категории падежа

Категория падежа в системе личного местоимения английского языка представлена двучленной оппозицией *общий падеж – объектный падеж*. При этом слабому члену оппозиции, т. е. общему падежу, свойственны функции подлежащего и предикатива. Прочие позиции занимает объектный падеж. Между тем роли, которые языковая система распределяет между своими элементами, могут быть скорректированы коллективным языковым сознанием той или иной социальной группы. Именно это происходит в повседневном общении, где позиции общего падежа личных местоимений нередко заполняются местоимением в объектном падеже.

(15) *They'd know it was me. My mother always knows it's me*¹⁹.

(16) *Us stuck in harbour, while young Mister Napier is out there, showin' us all what to do!*²⁰

Несколько иной характер падежного замещения демонстрирует употребление относительного местоимения *who*. В отличие от личных местоимений, где в качестве замещающего выступает сильный член оппозиции (т. е. объектный падеж), относительные местоимения предлагают в качестве такового свой слабый член (т. е. именительный падеж).

(17) *Who? You're a friend of who?*²¹

(18) *So who do they get to take his place? – Me, that's who*²².

Отметим, что данное явление имеет весьма широкое распространение. Использование *who* вместо *whom* является практически повсеместным. Сфера употребления *whom* остается лишь за официальными языковыми регистрами: научная сфера, официальная коммуникация и т. п. Эту особенность важно учитывать в методике обучения

¹⁴ Dickens Ch. Oliver Twist... P. 109.

¹⁵ Там же. P. 390.

¹⁶ Jerome J. K. Three men in a boat (to say nothing of the dog)... P. 202.

¹⁷ Там же. P. 150.

¹⁸ Jerome J. K. Three men on the bummel. СПб.: КАРО, 2015. P. 116.

¹⁹ Salinger J. The catcher in the rye. Boston: Little, Brown and Company, 2011. P. 22.

²⁰ Kent A. Man of war... P. 253.

²¹ Salinger J. The catcher in the rye... P. 87.

²² Там же. P. 40.

английскому языку. Русский язык, например, не имеет данной тенденции, поэтому, испытывая интерференцию, российские студенты склонны использовать объектный падеж в любой позиции, которая в русском языке заполняется соответствующим относительным местоимением в одном из косвенных падежей.

Замещение внутри класса местоимений

Наиболее распространенный вид оппозиционной редукции внутри определенного класса местоимений выражается отношениями между указательными местоимениями *this* и *that*. Нормативные грамматики определяют их различия как указание на близкий или отдаленный референт. Между тем близость и отдаленность в пространственном, временном или ином измерении является относительным понятием. Вероятно, поэтому различия между данными местоимениями не воспринимаются как строгие. Это в свою очередь позволяет местоимению *that* активизировать замещающую функцию. Оно может соотноситься как с отдаленным, так и с близким референтом. Подробно редуцирующая активность *that* была рассмотрена в одной из наших предыдущих статей [26]. Здесь же приведем лишь примеры, где *that* замещает *this* в атрибутивном употреблении.

(19) *That stuff doesn't interest me too much right now*²³.

(20) *For that reason we weren't very mainstream*²⁴.

В целом местоимение *that* во всех своих функциях является гораздо более употребительным, чем *this*. Согласно статистике, приводимой авторами лонгмановской грамматики, употребление *that* в повседневном общении превышает употребление *this* более чем в семь раз [25, p. 349]. Нужно отметить, что эти данные учитывают все возможные употребления *that*. Они включают *that* не только в качестве указательного местоимения, но и в качестве относительного местоимения или союза. Однако даже с учетом того, что функции *that* являются гораздо более многочисленными, чем функции *this*, его семикратное превосходство говорит и о его активности в нейтрализации оппозиции *this* – *that*. Разумеется, эту особенность можно рассматривать как одну из составляющих современного стиля общения, которая расходится с описаниями нормативных грамматик и которую необходимо учитывать в ходе обучения английскому языку.

Межклассовое замещение

Чрезвычайная активность местоимения *that* позволяет ему выходить и на межклассовый уровень оппозиционной редукции. Имеется в виду его способность заполнять позиции

местоимения *it* в различных функциях. Таковыми могут быть функции личного *it*, а также формального подлежащего или усилительного *it* в эмфатических конструкциях.

(21) *Oh, OK. A verbal warning, what does that mean?*²⁵

(22) *That would be nice to have one right now*²⁶.

(23) *That's what the tourists wanted to hear*²⁷.

Другая разновидность межклассового замещения проявляется в способности возвратного местоимения занимать позицию местоимения личного.

(24) *There were four of us – George, and William Samuel Harris, and myself, and Montmorency*²⁸.

(25) *It had seemed to amuse him, although Adam suspected Bethune was almost as much in the dark as himself*²⁹.

По сути дела, возвратное местоимение функционирует здесь так же, как и объектный падеж личного местоимения, если он занимает позицию подлежащего или предикатива. Особенно наглядным в этом смысле является следующее высказывание:

(26) *Who's with you? – Nobody. Me, myself and I*³⁰.

Сразу три местоимения в приводимом высказывании разделяют между собой одну и ту же позицию. При этом два из них – *me* и *myself* – употреблены в несвойственной им, с нормативной точки зрения, функции. Аналогичное построение можно наблюдать в названии песни исполнительницы Биби Рекса *Me, Myself and I*. Отметим, что использование возвратного местоимения вместо личного, как и объектного падежа вместо общего, если они задействованы по отдельности, представляет собой очевидные случаи нейтрализации. Говорящий не претендует на особую экспрессию и прибегает к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Однако их совместное функционирование связано с интенцией автора высказывания придать своим словам особое звучание. Так, в первом примере совместное использование *me*, *myself* и *I* выдает раздражение героя, а во втором примере (названии песни) – подчеркивает одиночество героини песни. Оппозиционное замещение в этих случаях тяготеет к своей второй разновидности – транспозиции.

Заключение

В первую очередь отметим, что настоящая статья не претендует на полноту охвата описываемого явления. Автор концентрировал свое внимание преимущественно на социально престижных сферах языкового употребления, которыми являются книжно-литературная и литературно-разговорная. Вне его интересов оставались такие регистры, как просторечие, диалектные формы, жаргоны, социально

²³ Там же. Р. 43.

²⁴ Bowen J. A Street cat named Bob. London: Hodder and Stoughton, 2012. P. 80.

²⁵ Там же. Р. 212.

²⁶ Там же. Р. 215.

²⁷ Там же. Р. 66.

²⁸ Jerome J. K. Three men in a boat (to say nothing of the dog)... P. 11.

²⁹ Kent A. Man of war... P. 47.

³⁰ Salinger J. The catcher in the rye... P. 190.

низкие сферы профессионального общения и т. д. Между тем именно в этих сферах контроль языковой системы над речевыми актами является в значительной степени ослабленным, и именно здесь языковое сознание коллектива находит альтернативу способам выражения, упорядоченным языковой логикой. Предопределенность подхода к отбору материала объясняется профессиональной деятельностью автора. Работая в сфере обучения иностранным языкам, автор находился под постоянным давлением общеизвестных принципов обучения. Именно поэтому языковые манифестации, оцениваемые как социально низкие, исключались из рассмотрения. Так или иначе, но обрисованная картина оппозиционной редукции в системе местоимения вкратце может быть охарактеризована следующим образом.

Как и другие части речи, местоимения английского языка способны принимать на себя функции, редуцирующие грамматические оппозиции внутри своей системы. Редукцию можно наблюдать практически в любой категории английского местоимения, а в отдельных случаях одна и та же форма местоимения выполняет замещающую функцию одновременно по двум оппозициям. Оппозиционное замещение в системе английского местоимения реализуется в обеих своих разновидностях: нейтрализации и транспозиции.

При этом и нейтрализация, и транспозиция могут иметь формы как восходящего, так и нисходящего замещения. Преимущественным типом оппозиционного замещения является нейтрализация. Так, восходящая нейтрализация наблюдается в использовании королевского и авторского *we*, в употреблении *she* для обозначения судов и государств, в замене общего падежа личных местоимений падежом объектным, личного местоимения – возвратным, местоимения близкой референции – местоимением отдаленной референции. Нисходящая нейтрализация отмечается в употреблении *it* для обозначения ребенка, в употреблении общего падежа относительного *who* в позиции падежа объектного. Что касается транспозиции, ее можно наблюдать в стилистическом использовании приема персонификации объектов и явлений природы или продуктов жизнедеятельности человека. В зависимости от условий коммуникации одна и та же манифестация может принимать вид как нейтрализации, так и транспозиции.

Большинство видов оппозиционного замещения обнаруживают свою активность лишь на определенных участках языкового употребления, которыми могут быть более высокие или более низкие в социальном отношении сферы коммуникации.

Литература

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Аспект-Пресс, 2000. 352 с.
2. Хлебникова И. Б. Оппозиции в морфологии. М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1969. 132 с.
3. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.
4. Schendels E. Deutsche Grammatik. М.: Высш. шк., 1979. 397 S.
5. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. 2-е изд., перераб. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
6. Бузаров В. В., Бузарова М. Д. О нейтрализации на синтаксическом уровне // Вопросы языкознания. 1984. № 4. С. 116–123.
7. Вейхман Г. А. Структурные модели разговорного английского языка. М.: Международные отношения, 1969. 222 с.
8. Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1981. 175 с.
9. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975. 175 с.
10. Блох М. Я. Категория оппозиционного замещения // Вопросы теории английского языка / отв. ред. М. Я. Блох. М.: МГПИ, 1973. С. 37–44.
11. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высш. шк., 2002. 160 с.
12. Антропова Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 3. С. 49–55. DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55
13. Петрова Е. И. Тенденции феминизации современного немецкого языка // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3. С. 134–139. DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10493
14. Новокрепленных Е. В., Харькова М. А. Нейтрализация гендера в современном английском языке // Множественность интерпретаций: верификация гуманитарного знания: мат-лы VII молодежной науч.-практ. конф. (Тюмень, 19 декабря 2018 г.) Тюмень: ТюмГУ, 2019. С. 86–92.
15. Шастина Е. М., Якубова Д. Р. Проблема гендерной репрезентации в современном немецком языке (на примере обращений) // Филология и лингвистика в современном мире: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Москва, 20–23 июля 2018 г.) М.: Буки-Веди, 2018. С. 24–29.
16. Филиппова А. В. Нейтрализации гендера в языковой политике ФРГ и отражение этой тенденции в учебных пособиях по изучению немецкого языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 125–133. DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-125-133

17. Шерстнёва Е. С. Нейтрализация маркированной лексики в контексте современных тенденций в литературной норме английского языка // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 119–122.
18. Шунейко А. А., Чибисова О. В. Акцентирование и нивелирование оппозиции «свой – чужой» на уровне анекдотов // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 254–263. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20
19. Петина С. С. Оппозиционное замещение в морфологии как объект изучения коммуникативно-парадигматической лингвистики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 1. С. 80–86.
20. Попова Е. И. Семантическая обусловленность переносного употребления временных форм русского глагола // Актуальные научные исследования в современном мире. 2019. № 2-3. С. 99–104.
21. Теренин А. В. Нейтрализация залоговых отношений в английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-1. С. 177–180. DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.39
22. Шигуров В. В., Шигурова Т. А. Транспозиция языковых единиц из финитных глаголов в разряд вводно-модальных слов с семантикой логической и / или эмоциональной оценки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3. С. 174–179.
23. Скачедубова Е. С. Сюрпризы нейтрализации гласных в современном русском литературном языке // Русская речь. 2019. № 4. С. 21–29. DOI: 10.31857/S013161170005356-0
24. Пережогина Т. А. Оппозиции гласных фонем и их нейтрализация в современном русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2015. № 1. С. 55–60. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.1.6
25. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman grammar of spoken and written English. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000. 1204 p.
26. Теренин А. В. *That* и *this* в сопоставлении с *тот* и *этот* // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 3. С. 850–859. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859

original article

Oppositional Reduction within the System of English Pronoun

Alexander V. Terenin^{a, @, ID}

^a Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Yelabuga

@ Tteerenin@yandex.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-6212-1073>

Received 30.03.2020. Accepted 01.06.2020.

Abstract: The article focuses on the English pronoun and its ability to substitute its counterpart by *this* or *that* opposition. In linguistics, this phenomenon is referred to as oppositional reduction or oppositional substitution. Oppositional reduction is well-researched in the systems of noun and verb; however, it has but only cursory mentions in regard of the pronoun. It is this circumstance that encouraged the author to focus on the problem. Grounding his speculations by M. J. Blokh's ideas, the author dwells on several language phenomena that promote reduction in the oppositions within the categories of number, gender, and case, as well as various oppositions of the English pronoun. The research objective was to structure the available information on the problem, as well as to identify varieties of oppositional reduction in the system of the English pronoun. The article contains historical reference, the main provisions of the fundamental theory, and the scientific experience in solving various issues of oppositional reduction. The author dwells on research material and methods, focusing on the contextual analysis. The paper classified oppositional reduction, illustrating each type by examples from written sources of various genres.

Keywords: opposition, oppositional substitution, ascending substitution, descending substitution, neutralization, transposition

For citation: Terenin A. V. Oppositional Reduction within the System of English Pronoun. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 869–878. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-869-878>

References

1. Trubetskoi N. S. *Fundamentals of phonology*. Moscow: Aspekt-Press, 2000, 352. (In Russ.)
2. Khlebnikova I. B. *Oppositions in morphology*. Moscow: MOPI im. N. K. Krupskoi, 1969, 132. (In Russ.)
3. Bondarko A. V. *Aspect and tense of the Russian verb (meaning and usage)*. Moscow: Prosveshchenie, 1971, 239. (In Russ.)
4. Schendels E. *Deutsche Grammatik*. Moscow: Vyssh. shk., 1979, 397.

5. Arnold I. V. *Stylistics of the modern English language*, 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 305. (In Russ.)
6. Buzarov V. V., Buzarova M. D. Neutralization on the syntactical level. *Voprosy iazykoznanii*, 1984, (4): 116–123. (In Russ.)
7. Veikhman G. A. *Patterns of spoken English*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1969, 222. (In Russ.)
8. Moskalskaya O. I. *Problems of consistent description of syntax*, 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1981, 175. (In Russ.)
9. Skrebnev Iu. M. *Theoretical outline of stylistics*. Gorkii, 1975, 175. (In Russ.)
10. Blokh M. Ia. The category of oppositional replacement. *Matters of the theory of English*, ed. Blokh M. Ia. Moscow: MGPI, 1973, 37–44. (In Russ.)
11. Blokh M. Ia. *Theoretical outline of English grammar*. Moscow: Vyssh. shk., 2002, 160. (In Russ.)
12. Antropova N. A. On gender-correct use of the German language. *Humanitarian Vector*, 2016, 11(3): 49–55. (In Russ.) DOI: 10.21209/2307-1834-2016-11-3-49-55
13. Petrova E. I. Trends of feminization in modern German. *Verkhnevolzhskij filologicheskij vtstnik*, 2019, (3): 134–139. (In Russ.) DOI: 10.24411/2499-9679-2019-10493
14. Novokreshchennykh E. V., Kharkova M. A. Gender neutralization in modern English. Plurality of interpretations. *Verification of humanitarian knowledge: Proc. VII youth Sci.-Prac. Conf.*, Tyumen, December 19, 2018. Tyumen: TiumGU, 2019, 86–92. (In Russ.)
15. Shastina E. M., Yakubova D. R. The problem of gender presentation in modern German (direct Adress). *The problem of gender presentation in modern German (direct Adress): Proc. II Intern. Sci. Conf.*, Moscow, July 20–23, 2018. Moscow: Buki-Vedi, 2018, 24–29. (In Russ.)
16. Filippova A. V. Gender neutralization in the language policy of FRG and reflection of this trend in manuals for teaching German as a foreign language. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2015, (5): 125–133. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-712X-2015-5-125-133
17. Sherstnyova E. S. Neutralization of stylistically coloured words under modern trends within literary norm of the English language. *Vestnik of Kostroma State University*, 2015, 21(6): 119–122. (In Russ.)
18. Shuneyko A. A., Chibisova O. V. Emphasizing and neutralizing the opposition "friend or foe" at the level of jokes. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2017, (3): 254–263. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2017.3.20
19. Petina S. S. The oppositional substitution in morphology as the research object in communicative paradigmatic linguistics. *Izvestiia Iuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2014, (1): 80–86. (In Russ.)
20. Popova E. I. Semantic conditioning of a metaphorical use of tense forms of the Russian verb. *Aktualnye nauchnye issledovaniia v sovremennom mire*, 2019, (2-3): 99–104. (In Russ.)
21. Terenin A. V. Neutralization of voice relations in the English language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (7-1): 177–180. (In Russ.) DOI: 10.30853/filnauki.2018-7-1.39
22. Shigurov V. V., Shigurova T. A. Transposition of linguistic units from finite verbs into the category of introductory-modal words with the semantics of logical and / or emotional evaluation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, (7-3): 174–179. (In Russ.)
23. Skachedubova E. S. Irregularities of vowel neutralization in the modern Russian standard language. *Russian Speech*, 2019, (4): 21–29. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013161170005356-0
24. Perezhogina T. A. Oppositions of vowel phonemes and their neutralization in the modern Russian language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2015, (1): 55–60. (In Russ.) DOI: 10.15688/jvolsu.2015.1.6
25. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. *Longman grammar of spoken and written English*. Edinburgh Gate: Pearson Education Limited, 2000, 1204.
26. Terenin A. V. "That" and "This" vs "Tot" and "Etot". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(3): 850–859. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-850-859

О комбинировании лингвистических методов исследования эгоцентриков в русских переводных нарративах

Анастасия В. Уржа^{a, @, ID}

^a Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва

@ aourja@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Поступила в редакцию 13.04.2020. Принята к печати 12.05.2020.

Аннотация: Представлены результаты функционального сопоставительного исследования эгоцентрических языковых единиц на материале русских переводных нарративов, созданных на протяжении последнего столетия. В качестве иллюстрации привлечены шесть русских переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера» (с использованием параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка и сформированного автором статьи поливариантного набора оцифрованных переводов произведения). Цель – с опорой на труды лингвистов и переводоведов в области функционального изучения средств выражения субъективности представить классификацию эгоцентриков, позволяющую анализировать их взаимодействие в переводе, и на конкретных примерах рассмотреть особенности комбинирования методов лингвистического изучения эгоцентриков в переводных нарративах. Будучи формально разнородными, эгоцентрические элементы нередко выступают в составе функциональных связей, достигая необходимого прагматического эффекта. Поэтому продуктивным представляется их изучение с учетом принадлежности к функционально-семантическим группам: актуализирующей, интерпретационной, эпистемической, модальной, интерактивной. Эвристический метод, ориентированный на выявление контекстов использования эгоцентриков и количественные подсчеты на базе поливариантного набора переводов, комбинируется с индуктивным методом, нацеленным на выделение закономерностей на основе собранных данных, и с дедуктивным методом, позволяющим проверить сформулированные гипотезы с помощью анализа расширенных контекстов, с учетом авторской манеры введения эгоцентриков, их роли в конкретном тексте, специфики их использования в языке перевода, индивидуальных переводческих стратегий. Комбинирование перечисленных методов демонстрируется на примере изучения лексических показателей неопределенности, активно добавляемых в текст русскими переводчиками романа Марка Твена. Анализ этой группы средств в расширенных контекстах с учетом поведения других типов эгоцентриков позволяет дать комплексное объяснение этого явления, обусловленного, с одной стороны, спецификой интерпретации субъективированного нарратива при помощи средств русского языка, а с другой – применением индивидуальных переводческих стратегий, акцентирующих авторские приемы создания интриги в приключенческом тексте.

Ключевые слова: изофункциональность, поливариантный набор переводов, эвристический метод, индуктивный метод, дедуктивный метод, показатели неопределенности, субъективизация нарратива

Для цитирования: Уржа А. В. О комбинировании лингвистических методов исследования эгоцентриков в русских переводных нарративах // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 879–888. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-879-888>

Введение

Несмотря на то, что эгоцентрические языковые единицы, или эгоцентрики, регулярно привлекают внимание ученых, специфические черты этой группы средств создают определенные сложности для их комплексного исследования. В первую очередь, эгоцентрики крайне разнородны. К ним относят «слова, грамматические категории, синтаксические конструкции, семантика которых подразумевает, в качестве одного из участников описываемой ситуации, говорящего» [1, с. 17]. Языковые средства, реализующие эгоцентрические смыслы, соотносятся с крупными семантическими сферами дейкиса, оценки и эмотивности, разных типов модальности, эвиденциальности и др. Следовательно,

комплексное изучение эгоцентриков должно охватывать единицы разного объема: от граммы до предложения, при этом для анализа функционирования таких единиц зачастую требуются гораздо более крупные фрагменты текстов или целые тексты. Поскольку использование эгоцентриков тесно связано с прагматикой высказывания, требуется учет характеристик его адресата и условий речевого акта. Если материалом анализа является не монолог или диалог в условиях канонической коммуникации, а нарратив, понятие говорящего становится условным и расширяется, включая любой субъект речи, восприятия и сознания, будь то повествователь или фокальный персонаж.

С другой стороны, будучи разнородными, эгоцентрики регулярно реализуются в высказываниях как изофункциональные средства: слова определенных семантических групп «поддерживают» друг друга, соседствуют с синтаксическими конструкциями, несущими специфические модусные смыслы и прагматический «заряд», или входят в их состав, взаимодействуют с определенными грамматическими формами, совместно создавая требуемый эффект воздействия на адресата, формируя «образ говорящего». Например, в определенных фрагментах нарратива такую функциональную связку образуют дейктики, слова с «врожденным наблюдателем» [1, с. 54–55] и формы настоящего исторического, позволяющие читателю как бы очутиться в хронотопе повествования, наблюдать за происходящим вместе с героем. Эффективное взаимодействие в нарративе нередко наблюдается между словами со значением степени уверенности, лексическими средствами выражения неопределенности и неопределенно-личными предложениями, а также показателями неожиданности. Именно они создают в повествовании напряжение, т. н. саспенс, ограничивая точку зрения читателя рамками известного персонажам или повествователю. Возможны и более обширные комбинации эгоцентриков, используемые, например, при создании субъективированного нарратива.

Каким образом можно детально изучить взаимодействие эгоцентриков в повествовании? Информативный материал для решения такой задачи представляют варианты русского перевода иноязычного текста. Переводческие версии воплощают при помощи средств русского языка один и тот же оригинал в комплексе его семантических и прагматических характеристик, формируя т. н. поливариантный набор переводов. Используя этот материал, исследователь, по выражению А. В. Федорова, оказывается в условиях «подготовленного, но при этом естественного эксперимента» [2, с. 31]. Переводчики создают тексты не для научного анализа, каждый из них стремится воспроизвести первоисточник наиболее успешно. Палитра языковых средств, отчасти синонимичных, но различающихся рядом структурных и прагматических нюансов, проявляет свои возможности от перевода к переводу.

Цель данной статьи – охарактеризовать эгоцентрики как объект функционального сопоставительного исследования на материале русских переводных нарративов; очертить теоретическую базу такого исследования, сформированную трудами лингвистов и переводоведов в области функционального изучения средств выражения субъективности; с опорой на существующие таксономии представить классификацию эгоцентриков, позволяющую анализировать их взаимодействие в переводе; на конкретных примерах рассмотреть особенности применения разных методов лингвистического изучения эгоцентриков в переводных текстах и описать возможности комбинирования этих методов.

Эгоцентрики как объект функциональных сопоставительных исследований. Классифицирование эгоцентриков для изучения их взаимодействия

Сопоставительный ракурс изучения переводческих версий побуждает исследователя рассматривать языковой материал в функциональном ключе. Задолго до современных коммуникативно-функциональных исследований переводоведы подчеркивали, что «форма языкового явления» важна «как носитель определенной функции, последняя же как раз и составляет главное при переводе и очень часто поддается воспроизведению с помощью формально отличных средств другого языка» [2, с. 29–30]. Различия грамматических и лексических систем языков, выявленные в типологических и контрастивных исследованиях, расхождения в сфере культуры и языковой картины мира, описанные лингвокультурологами и этнопсихологами, особенности диахронических изменений в области языка и стиля – все эти факторы при сопоставлении оригинала и перевода рассматриваются в функциональном ракурсе: главным остается вопрос о том, насколько каждый интерпретированный переводчиком элемент текста сохраняет свою функцию в составе целого – для новой читательской аудитории.

С развитием функциональных лингвистических теорий в России и в других странах взаимодействие переводоведения и языкознания в сфере изучения эгоцентриков активизировалось. Опираясь на достижения системно-функциональной грамматики М. А. К. Холлидея [3], зарубежные ученые обратились к комплексному изучению интерпретации в переводе дейктических средств [4; 5], модальных значений [6], оценочных смыслов [7]. В теории конструирования первого плана и фона нарратива (*Theory of grounding*) роль эгоцентрических средств в создании фокализованных, выделенных фрагментов повествования, а также в дефокусировании привлекла внимание ученых и была продемонстрирована на примере оригинальных и переводных текстов [8–10] (см. обзор в [11]). Традиция функциональных исследований в русистике востребована для изучения эгоцентриков на сопоставительном материале. Базу для соответствующей работы составляют реестры средств выражения субъективных смыслов, представленные в виде функционально-семантических полей в трудах А. В. Бондарко и его соавторов [12; 13]. Плодотворной оказывается методика комплексного анализа лексических и грамматических средств выражения субъективности в рамках коммуникативных регистров текста, разработанная Г. А. Золотовой и др. [14] и Н. К. Онипенко [14; 15]. Целый ряд классификаций, сочетающих семантический и прагматический подход к описанию языковых явлений и характеризующих средства оценки, типы модуса, свойства русских нулевых местоимений, характер фокуса эмпатии в различных синтаксических конструкциях и т. п., исследователь может почерпнуть в работах Н. Д. Арутюновой [16] и Т. В. Бульгиной [17]. Детальная таксономия эгоцентриков

и их характеристика представлена Е. В. Падучевой [1; 18] (каждый из выделенных классов исследуется в наше время десятками ученых). В работах упомянутых исследователей затрагивается вопрос о роли эгоцентриков в формировании перспективы высказывания и нарратива. Отечественные и зарубежные функционально-семантические исследования формируют теоретико-методологические основания для изучения эгоцентрических элементов русского языка в переводных повествовательных текстах; с другой стороны, положения соответствующих концепций могут получить дальнейшую апробацию в сопоставительных исследованиях [19, с. 183]. Важным источником сведений об успешности применения определенных методик изучения той или иной группы эгоцентриков становятся публикации о современных исследованиях с привлечением корпусных данных [20; 21].

Обращаясь к вопросу о методах лингвистического изучения эгоцентриков, необходимо кратко охарактеризовать таксономию этих элементов. Учитывая и соотнося описанные в работах современных лингвистов наборы эгоцентрических языковых средств [1; 15; 18; 22; 23], можно представить репертуар эгоцентриков в виде кластеров, внутри которых располагаются наиболее функционально близкие друг к другу элементы.

Так, к группе **актуализирующих** эгоцентриков могут быть отнесены темпоральные и пространственные дейктики, лексика с «врожденным наблюдателем», к группе **интерпретационных** эгоцентриков – средства выражения оценки и эмотивности, в кластер **эпистемических** эгоцентриков войдут средства выражения персуазивности и авторизации, показатели неопределенности, идентификации и неожиданности, обороты, постулирующие сходство и подобие. К группе **модальных** эгоцентриков будут отнесены грамматические и лексические средства выражения деонтической, алетической, оптативной модальности. Наконец, специфическую группу **интерактивных** эгоцентриков в нарративе, обеспечивающих взаимодействие между говорящим и адресатом, составят персональные дейктики (маркирующие, в частности, выбор повествования от первого или третьего лица), конструкции со значением эксклюзивности / инклюзивности субъекта (указывающие на то, что говорящий и адресат исключены / включены в потенциальный круг субъектов описываемой ситуации), метатекст, средства выражения социальных смыслов, обращения.

Средства каждой группы реализуют в повествовании специфическую функцию.

- Актуализирующие эгоцентрики обеспечивают локализацию дейктического центра повествования [24, р. 15], позволяют читателю приобщиться к восприятию мира фокальным субъектом (повествователем или персонажем). Их активное использование в нарративе усиливает у нас ощущение соприсутствия, соучастия в описываемых событиях.

- Интерпретационные эгоцентрики окрашивают повествование субъективной оценкой и эмоциями того или иного текстового субъекта, фокусируя наше внимание не на событии, а на субъективном мнении о нем.
- Эпистемические эгоцентрики очерчивают границы точки зрения фокального персонажа (или повествователя), при их конденсации создается атмосфера напряжения, читатель вместе с героями вынужден догадываться о неизвестном, сталкиваться с неожиданными поворотами сюжета, становиться свидетелем разоблачений и узнаваний.
- Модальные эгоцентрики устанавливают отношение точки зрения текстовых субъектов к положению дел в описываемом мире: оттенки долженствования, способности, желания, вербализованные различными способами, указывают на интенции и возможности героев в отношении реальности, в которой они существуют.
- Интерактивные эгоцентрики снабжают читателя своеобразными инструкциями по работе с текстом, апеллируют к нему, побуждают соотнести опыт фокальных субъектов с собственным. В некоторых текстах они принимают форму эксплицитных обращений к адресату, в других – реализуются опосредованно, на уровне метатекстовых элементов, обобщений, потенциально включающих читателя, и т. п.

Эгоцентрики разных типов могут при интерпретации текста с разной степенью свободы перемещаться в пределах предложения или более крупного фрагмента, функционировать в определенных комбинациях, взаимозаменяться с эгоцентриками той же подгруппы (реже – других подгрупп) при сохранении общего прагматического эффекта высказывания – вот почему продуктивным является их изучение в составе **функциональных единств**, или связок, а также анализ их появления в переводном тексте как функциональных спутников элементов с определенной семантикой и композиционной ролью. Наиболее характерно такое поведение эгоцентриков в переводах, стремящихся к динамической эквивалентности трансформаций [25], преследующих цель произвести на аудиторию переводного текста то же воздействие, какое на читателей производил оригинал, и привлекающих для этой цели разнообразные средства русского языка. В переводах же, стремящихся к формально точному воспроизведению подлинника, эгоцентрики ведут себя менее свободно, однако варьирование в их употреблении и здесь возможно, и оно заслуживает изучения. Таким образом, и доместизирующие, и форенизирующие стратегии переводчиков [26] могут снабдить исследователя эгоцентрических элементов информативным материалом.

Методы лингвистического изучения эгоцентриков в вариантах русского перевода нарративного текста
Материалом исследования, часть результатов которого представлена в данной статье, стали варианты русского

перевода англоязычных художественных нарративов, созданных в период с конца XIX в. по начало XXI в. (в целом 29 оригиналов и 126 переводов прозаических произведений). Для статьи выбраны примеры из шести переводов романа Марка Твена «Приключения Тома Сойера», выполненных С. Воскресенской (1896), М. Энгельгардтом (1911), К. Чуковским (1935, ред. 1958), Н. Дарузом (1948), С. Ильиным (2011) и А. Климовым (2012)¹. Небольшая часть текстов размещена в параллельном подкорпусе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², остальные материалы обработаны автором вручную (сформирован и исследован поливариантный набор русских переводов романа). Учитывается опыт сопоставительных исследований определенных групп эгоцентрических элементов, проведенных учеными в России и за рубежом (см. выше).

Первый этап изучения эгоцентриков в поливариантном наборе русских переводов нарратива предполагает применение эвристического (эгоцентрики определенной подгруппы или нескольких подгрупп выявляются в оригинальном тексте, обнаруженные контексты соотносятся с соответствующими фрагментами переводных вариантов) и индуктивного метода (определяются общие тенденции, частотность пропусков, вставок, замен на изофункциональные элементы). В этой работе значительную помощь может оказать применение методик обработки материала в рамках корпуса, который позволяет выявить и исчислить все искомые контексты, подвергнуть их первичному анализу, выделить наиболее заметные закономерности и сформулировать первые гипотезы.

Однако на следующем этапе изучения материала требуется соотнести полученные количественные данные с результатами комплексного семантического и стилистического анализа контекстов употребления эгоцентриков. Такая работа требует охвата фрагментов значительного объема, вплоть до целого текста. Учет авторской манеры использования эгоцентриков, их роли в конкретном тексте, стилистической традиции их употребления в языке перевода, индивидуальных переводческих стратегий, акцентирующих или нивелирующих авторские приемы, позволяет скорректировать первичные наблюдения с использованием дедуктивного метода и затем поставить новые эвристические задачи для работы с корпусом переводных вариантов. Чередуя эти операции можно проводить неоднократно, и комбинирование перечисленных методов лингвистического анализа эгоцентриков оказывается необходимым для получения объективных результатов по изучаемому корпусу вариантов перевода. Рассмотрим этот процесс подробнее на примере исследования показателей неопределенности, относящихся к группе эпистемических эгоцентриков.

Изучение показателей неопределенности в контексте перевода: предварительные сопоставительные наблюдения и гипотезы

К показателям неопределенности традиционно относятся неопределенные и слабоопределенные местоимения (*кто-то, некоторые*) и неопределенные наречия (*когда-нибудь*) [18, с. 282], функционально с ними сближаются слова, значение которых указывает на недостаточную информированность говорящего / мыслящего субъекта (*неизвестный, незнакомец*), предложения с неопределенноличным (*К нам постучали*) и неопределенно-предметным субъектом (*В репродукторе щелкнуло*) [14, с. 115–117].

Е. В. Падучева, обращаясь к сопоставительному материалу, отмечает специфическую закономерность: «Разные переводчики сходятся в том, что, как правило, оставляют показатели неопределенности, в изобилии присутствующие в русском тексте, без перевода» [27, р. 182]. Автор иллюстрирует это наблюдение, привлекая 26 параллельных контекстов из произведений Н. В. Гоголя и А. П. Чехова и их переводов на французский язык. Действительно, в приведенных примерах лексические показатели неопределенности исчезают при переводе, например: *И хотелось почему-то плакать. <...> И почему-то казалось, что так теперь будет всю жизнь, без перемены, без конца!* (*Et l'on avait envie de pleurer. <...> Et Nadia avait l'impression obscure que toute sa vie serait ainsi, sans changement, sans fin*). Е. В. Падучева объясняет отмеченную тенденцию «особой настроенностью» русского языка «на эту семантическую сферу» и выдвигает гипотезу: «Если неопределенность составляет семантическую доминанту русской языковой картины мира, естественно ожидать, что показатели неопределенности будут иметь в русском тексте относительно малый удельный вес; в частности, при переводе будут иметь тенденцию опускаться» [27, р. 182].

Гипотеза Е. В. Падучевой стала одним из стимулов проведения В. А. Нуриевым комплексного исследования на материале данных параллельного русско-французского подкорпуса НКРЯ, и первичные наблюдения получили ряд уточнений. В материалах корпуса зафиксировано значительное количество контекстов, где при переводе с русского языка на французский «признак неопределенности», «снижая интенсификацию и "расщепляя"», грамматикализуется при помощи артикля» [20, с. 16]. Такие контексты обнаруживаются и в примерах Е. В. Падучевой: *Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей* (*Une force surnaturelle parut le détourner de ses camarades, qu'il avait tenus d'abord pour des gens bien élevés*). По наблюдениям В. А. Нуриева, «ослабление признака неопределенности» при переводе чаще происходит при референции к неодушевленному объекту, при контактном

¹ Подробные данные о русских переводах, использованных в работе, опубликованы на исследовательском сайте А. В. Уржи. Режим доступа: http://urzha.ru/?page_id=1649 (дата обращения: 02.04.2020).

² НКРЯ. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 02.04.2020).

положении маркера неопределенности по отношению к определяемому слову, при отсутствии дополнительных оттенков значения [20, с. 16].

Проведенный исследователями анализ позволяет нам обратить внимание еще на некоторые интересные закономерности. Во фрагментах текстов Н. В. Гоголя и А. П. Чехова, разобранных Е. В. Падучевой, собственно неполнота знания героя отходит на второй план, важнее оказывается **субъективизация повествования** – представление в третьеличном нарративе позиции фокального персонажа, на создание которой и работают неопределенные эгоцентрики. Эта же роль присуща показателям неопределенности в целом ряде примеров В. А. Нуриева: *Предстояло думать о средствах к принятию каких-нибудь мер* (*Il fallait songer aux moyens de prendre des mesures*). Оригинальное нереперентное местоимение в этом фрагменте из «Обломова» указывает не столько на незнание, сколько на нежелание героя думать о конкретных действиях, его равнодушие к возможному их результату.

Возникает вопрос: возможно, использование показателей неопределенности как маркеров субъективизации в текстах на русском языке в целом является более активным, и этим объясняется формальное несоответствие оригиналов и переводных версий? Для ответа на него обратимся к результатам сопоставительного анализа, проведенного нами, так сказать, в обратном направлении: материалом стали русские переводы иноязычного произведения, в котором субъективизация была использована автором в качестве одного из ведущих приемов конструирования нарратива. Рассмотрим, какие средства были задействованы русскими переводчиками для воссоздания этого приема.

Изучение показателей неопределенности на материале русских переводных нарративов: эгоцентрики как маркеры субъективизации

Среди изученных нами материалов наиболее интенсивное использование субъективизации нарратива как приема наблюдается в романе Марка Твена «Приключения Тома Сойера». В оригинальном англоязычном тексте немало фрагментов свободного косвенного дискурса [28], но даже в традиционном третьеличном повествовании точка зрения нарратора регулярно сближается с позицией героев (Тома, тети Полли и др.) [29]. Любопытно, что в целом ряде переводов на русский язык субъективизация возрастает: в соответствующих фрагментах появляются дополнительные эгоцентрики, и среди них – показатели неопределенности (в примере жирным шрифтом выделены показатели неопределенности, курсивом – другие эгоцентрические элементы):

[So he lay still, and stared up into the dark. Everything was dimly still]. By and by, out of the stillness, little, scarcely perceptible noises began to emphasize themselves. The ticking of the clock began to bring itself into notice. Old beams began

to crack mysteriously. The stairs creaked faintly. Evidently spirits were abroad.

Пер. С. Воскресенской: [И онъ лежалъ смирно, вперивъ глаза въ темноту]. Всюду господствовала томительная тишина. *Слышалось* тиканье часовъ; старыя балки покрывали тихонько, на лѣстницѣ **что-то** скрипнуло. Ясно было, что духи разгуливаются.

Пер. М. Энгельгардта: <...> Царила **какая-то** зловещая тишина. Мало-помалу в тишине стали *выделяться* едва уловимые звуки. Тиканье часов сделалось явственно *слышимым*. Старые балки начинали таинственно покряхтывать. Ступеньки на лестнице слабо заскрипели. Очевидно, духи пустились в свои похождения.

Пер. А. Климова: <...> Вокруг царила гнетущая тишина, но постепенно из этой тишины начали *выделяться* **какие-то** незначительные, порой едва различимые звуки. Внизу тикали часы. Старые балки на чердаке таинственно потрескивали. Поскрипывала лестница, – *должно быть*, по ее ступеням бродили духи.

Мы видим, что в оригинальном тексте нет ни одного неопределенного местоимения или наречия, в русских же версиях перевода они появляются, причем возникают в разных местах фрагмента, охваченного одной субъектной сферой – впечатлениями не спящего ночью Тома. Интересно, что добавленные переводчиками показатели неопределенности не коррелируют и с артиклями в англоязычном тексте. Функция этих элементов – подчеркнуть субъективность восприятия мальчиком ночного пространства, наполненного звуками, усилить саспенс – напряжение в повествовании. В оригинальном тексте эту роль выполняет другой эпистемический эгоцентризм – персуазивный показатель *evidently*, а также актуализирующие элементы, выделенные нами курсивом. В русских переводах количество таких элементов может возрастать (см. версию А. Климова).

Являются ли вставки показателей неопределенности тенденцией в русских переводах романа Марка Твена? Дать ответ на этот вопрос призван корпусный анализ. Действительно, сопоставляя оригинальный текст с переводом Н. Дарузес (только он на данный момент размещен в параллельном подкорпусе НКРЯ), можно увидеть, что на 46 употреблений слова *что-то* в переводе (в значении неопределенного местоимения) имеется лишь 18 соответствий со специальными лексическими единицами в англоязычном первоисточнике, слово *кто-то* передает оригинальные показатели неопределенности в 6 случаях из 10, слово *какой-то* – в 11 случаях из 32, остальные добавлены в русский текст по разным причинам (например, они могут заполнять валентности глаголов, соответствующих оригинальным, ср.: *The doctor murmured inarticulately* – Доктор пробормотал **что-то** невнятное). Однако небольшие контексты, которые корпус выдает автоматически, не всегда позволяют увидеть семантические и прагматические характеристики окружения добавленных переводчиками показателей неопределенности. Кроме того,

пока что средствами корпуса нельзя сравнить варианты русского перевода романа (всего их тринадцать, оцифровано шесть, а в корпусе размещен только один).

Поскольку объектом исследования являются эгоцентрики, важно соотносить объем анализируемых частей нарратива с фрагментами, охваченными точкой зрения того или иного субъекта текста (фокального персонажа, повествователя). Если мы таким образом расширим границы анализа, то в его фокус попадут функционально близкие изучаемому объекту элементы. Ориентируясь на найденный при помощи поиска в корпусе фрагмент, где в переводе добавлено несколько показателей неопределенности, расширим его границы и обнаружим соседствующие эпистемические эгоцентрики: лексемы со значением неожиданности, недостаточной информированности, конструкции с семантикой идентификации – создающие в эпизоде эффект субъективизации и саспенса (во фрагменте ниже они выделены жирным шрифтом, остальные типы эгоцентриков отмечены курсивом; элементы, добавленные переводчиком, выделены жирным курсивом):

In one corner they found a closet that promised **mystery**, but the **promise** was a **fraud** – **there was nothing** in it. Their courage was up *now* and well in hand. They were about to go down and begin work when –

"Sh!" said Tom. < ... >

Two men entered. Each boy said to himself: "**There's the old deaf and dumb Spaniard** that's been about town once or twice lately – never saw t'other man before."

"T'other" was a ragged, unkempt creature, with *nothing very pleasant* in his face. < ... > When they came in, "t'other" was talking in a low voice; they sat down on the ground, facing the door, with their backs to the wall, and the speaker continued his remarks. His manner became less guarded and his words more *distinct* as he proceeded:

"Dangerous!" grunted the "deaf and dumb" Spaniard – to the vast **surprise** of the boys. "Milkso!"

This voice made the boys *gasp and quake*. **It was Injun Joe's!**

Пер. Н. Дарузес: В одном углу они нашли чулан, с виду очень заманчивый и **таинственный**, однако их **надежды** были **обмануты** – в чулане ровно ничего **не оказалось**. *Теперь* они совсем расхрабрились и собрались уже сойти с лестницы и приняться за работу, как **вдруг**...

– Ш-ш! – сказал Том. < ... >

Вошли двое мужчин. Каждый из мальчиков подумал про себя: «**Это глухонемой старик испанец**, который был раза два у нас в городе, а другого я никогда еще не видел».

«Другой» был нечестный, невымытый оборванец с очень *неприятным* лицом. < ... > Когда они вошли в дом, «другой» говорил **что-то** испанцу тихим голосом; они уселись на полу, лицом к двери, прислонившись к стене, и тот, «другой», все говорил **что-то**. Он держался **теперь** не так осторожно, и его слова *доносились* до мальчиков *явственнее*. < ... >

– Опасно! – проворчал «глухонемой», к великому изумлению мальчиков. – Слуютяй!

От этого голоса мальчиков *бросило в дрожь*: **то был голос индейца Джо!**

Целый комплекс лексических и синтаксических средств использован М. Твеном для того, чтобы передать читателю оттенки перехода от незнания к осведомленности, который переживают Том и Гек в заброшенном доме: надежды, подозрения, догадки, неожиданные узнавания – все эти перипетии реализованы в тексте при помощи показателей неопределенности, недостаточной информированности, неожиданности, идентификации. Акцентируя авторский прием, переводчик подчеркивает, что мальчики, затаившиеся на чердаке, вначале не могут расслышать и узнать вошедших мужчин: интрига тянется до момента, пока Индеец Джо не обнаруживает себя, хотя подозрение должно родиться на миг раньше: герой не мог «что-то говорить» глухонемому! Фрагмент насыщен и другими показателями субъективизации: дейктиками, словами с «врожденным» наблюдателем, средствами выражения оценки и эмоций. Не только в переводе Н. Дарузес, но и в других проанализированных нами русскоязычных версиях в этом эпизоде эгоцентрики добавляются, усиливая эффект внутренней фокализации (приведем показательные фрагменты):

Пер. К. Чуковского: В одном углу они нашли чулан, суливший им **какую-то** тайну, но в чулане ничего не оказалось. < ... > Они уже хотели спуститься вниз и начать работу, как **вдруг**...

Пер. С. Воскресенской: Въ одномъ углу оказался шкафъ, обѣщавшій **нѣчто** таинственное, но онъ обманулъ ожиданія: въ немъ не было ничего. < ... > Входя, «другой» говорилъ **что-то** вполголоса; они сѣли оба на полъ, лицомъ къ дверямъ, спиною къ стѣнѣ, и «другой» продолжалъ говорить. Онъ теперь уже менѣе остерегался < ... >.

Пер. С. Ильина: **Правда**, в углу обнаружился обещавший множество тайн чулан, однако обещания его оказались надутельством – ничего **интересного** в чулане не нашлось. К этому времени мальчики расхрабрились окончательно. Они совсем уж собрались спуститься вниз и приняться за работу, как **вдруг**...

Пер. А. Климова: < ... > Второй оказался совершенно **незнакомым** им грязным и нечесаным оборванцем с отталкивающей физиономией. Когда эти двое вошли в дом, оборванец **что-то** говорил испанцу, но так тихо, что **нельзя было разобрать ни слова**.

Итак, анализ расширенных контекстов позволяет нам обнаружить специфическое явление: в русских переводах романа добавляются не только показатели неопределенности, но эгоцентрики разных типов, в первую очередь – эпистемические, при этом их вставки мы наблюдаем в одних и тех же участках нарратива, а именно – во фрагментах с максимально субъективированным повествованием.

Интерпретация эгоцентриков в контексте индивидуальных переводческих стратегий

Во всех ли русских переводах субъективизация маркируется при помощи эгоцентриков одинаково активно? Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, нужно вновь обратиться к корпусному анализу переводов и выявить контексты с добавлением эгоцентриков других типов, а затем сопоставить варианты перевода друг с другом. Результаты такого анализа (проведенного нами на материале поливариантного набора шести оцифрованных переводов романа) показывают, что у тех переводчиков, которые активнее добавляют показатели неопределенности, чаще встречаются и другие эпистемические эгоцентрики, и дейктики – это происходит потому, что в рамках своей переводческой стратегии создатели этих версий подчеркивают авторский прием субъективизации при помощи средств русского языка. Наиболее ярко эта стратегия проявляется у К. Чуковского. Сравним его перевод с вариантом М. Энгельгардта относительно оригинала (эгоцентрики выделены жирным шрифтом, добавленные элементы отмечены жирным курсивом):

A noise fell upon his ear. He was all attention in an instant. The alley door closed softly. He sprang to the corner of the brick store. The next moment two men brushed by him, and one **seemed to have something** under his arm. **It must be that box!** So they were going to remove the treasure.

Пер. М. Энгельгардта: Ему послышался шум. Он моментально превратился весь во внимание. Дверь, выходящая в тупик, тихонько отворилась. Он отскочил за угол кирпичного склада. В следующее мгновение двое людей прошли мимо него; один из них, как ему **показалось, что-то** тащил подмышкой. **Наверное, сундучок.** Значит, они уносят сокровище.

Пер. К. Чуковского: **Вдруг** до его слуха донесся **какой-то** шум. Он мгновенно насторожился. Дверь, выходящая в переулок, тихо закрылась. Гек бросился к углу кирпичного склада. Через минуту мимо него прошмыгнули два человека; у одного **как будто** было **что-то** подмышкой. **Должно быть, сундучок!** Значит, они хотят унести сокровище **куда-то** в другое место.

Размышления Гека, по сравнению с оригиналом и с версией М. Энгельгардта, дополнительно размечены несколькими эпистемическими эгоцентриками в переводе К. Чуковского: подчеркивается неосведомленность, неуверенность героя, вынужденного строить догадки, а также внезапность событий, в которые он оказывается вовлечен. Чуковский в целом активнее использует эпистемические эгоцентрики: в его тексте больше неопределенных местоимений и наречий (211 по сравнению с 187 у М. Энгельгардта), слов, выражающих ту или иную степень уверенности (128 по сравнению со 116), показателей неожиданности типа *вдруг, внезапно* (50 и 41). Если же говорить об эгоцентриках в целом, то и другие группы таких элементов у К. Чуковского тоже задействованы

активнее (например, у него обнаруживается 186 дейктических слов по сравнению со 110; 39 (!) форм настоящего исторического по сравнению с 4) (см. [30]). Интересно, что К. Чуковский, редактировавший свой перевод несколько раз, постепенно увеличил в нем количество эгоцентриков (например, добавил дейктики в сцене драки мальчиков в начале романа). При этом нельзя не отметить, что вставки эгоцентриков в его версии наблюдаются именно во фрагментах с повышенной субъективизацией, где читатель по сути присоединяется к точке зрения героя, участвующего в событиях. Таким образом, мы имеем дело с продуманной переводческой стратегией, использующей возможности русского языка для маркирования внутренней фокализации. Последовательность решений переводчика оказывается любопытным в научном плане феноменом (хотя с точки зрения переводческой критики она, конечно, может быть оценена по-разному).

В итоге, с одной стороны, тенденцию к увеличению количества эпистемических эгоцентриков можно наблюдать во всех русских переводах, а с другой – некоторые переводческие версии акцентируют оригинальные приемы субъективизации чаще, чем другие. Комплексный сопоставительный анализ переводческих вариантов на фоне оригинала позволяет выявить целый ряд факторов, обуславливающих появление элементов с определенной семантикой и функцией в каждом из текстов: от универсальных семантико-грамматических закономерностей до эффектов применения индивидуальной переводческой стратегии.

Заключение

Эгоцентрические элементы в нарративе представляют один из интереснейших лингвистических объектов. Будучи формально очень разнородными, они могут объединяться в функциональные связки, действуя в тексте единым фронтом и достигая необходимого прагматического эффекта. Именно поэтому продуктивным представляется изучение эгоцентриков с учетом их принадлежности к определенным функционально-семантическим группам: актуализирующей, интерпретационной, эпистемической, модальной, интерактивной. Средства, принадлежащие к одной группе, чаще взаимодействуют в тексте, «поддерживая» друг друга. Так, при исследовании контекстов с добавленными показателями неопределенности в русских переводах романа Марка Твена о Томе Сойере обнаруживается регулярное соседство этих элементов с другими эпистемическими эгоцентриками – лексемами со значением неожиданности, недостаточной информированности, конструкциями с семантикой идентификации – создающими в эпизодах эффект саспенса. При этом вставки наблюдаются в однотипных участках нарратива, а именно во фрагментах с максимально субъективизованным повествованием. Анализ поливариантного набора переводов текста позволяет установить, что с помощью добавления эпистемических эгоцентриков создатели русскоязычных

версий романа акцентируют авторские приемы формирования повествования с внутренней фокализацией. При этом удается выявить тексты, в которых такое акцентирование реализует последовательную переводческую стратегию, допускающую добавление в русский перевод эгоцентриков и других групп, например дейктиков, с целью приблизить

читателя к точке зрения героя, участвующего в событиях. Опора на собранные количественные данные вкупе с анализом расширенных контекстов оригинала и переводов позволяет продемонстрировать тенденцию к увеличению количества эгоцентриков в русскоязычных версиях романа и дать ей комплексное объяснение.

Литература

1. Падучева Е. В. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М.: ЯСК, 2019. 440 с.
2. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Филология три, 2002. 416 с.
3. Halliday M. A. K. Comparison and translation // Halliday M. A. K., McIntosh M., Stevens P. The linguistic sciences and language teaching. London: Longmans, Green and Co., 1964. P. 111–134.
4. Hatim B., Mason J. The translator as communicator. London, N. Y.: Routledge, 1997. 219 p.
5. Mason I., Şerban A. Deixis as an interactive feature in literary translations from Romanian into English // Target. 2004. Vol. 15. № 2. P. 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>
6. House J. Translation quality assessment: a model revisited. Tübingen: Gunter Narr, 1997. 207 p.
7. Munday J. Evaluation in translation: critical points of translator decision-making. Abingdon-N. Y.: Routledge, 2012. 194 p.
8. Chvany C. V. Foregrounding, "transitivity", saliency (in sequential and non-sequential prose) // Essays in Poetics. 1985. Vol. 10. № 2. P. 1–27.
9. Fleischman S. Tense and narrativity. From medieval performance to modern fiction. Austin: University of Texas Press, 1990. XIII+443 p.
10. Koyama N. Grounding and deixis: a comprehensive approach to the grounding phenomenon in Japanese narrative // Taiwan Journal of Linguistics. 2004. Vol. 2.1. P. 1–44.
11. Уржа А. В. Первый план и фон нарратива: направления зарубежных исследований в сфере лингвистики и перевода // Slověne. 2018. Т. 7. № 2. С. 494–525. DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20
12. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1990. 262 с.
13. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1991. 369 с.
14. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд. Моск. ун-та, 1998. 528 с.
15. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов // Проблемы функциональной грамматики. Принцип естественной классификации / отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Языки славянских культур, 2013. С. 92–121.
16. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2. изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
17. Булыгина Т. В. Я, ты и другие в русской грамматике // RES PHILOLOGICA. Филологические исследования / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.: Наука, 1990. С. 111–126.
18. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. 464 с.
19. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Изд-во МГУ, 2004. 542 с.
20. Нуриев В. А. Исследование категории неопределенности в русском языке на материале корпусных данных // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24. С. 14–18.
21. Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское ЯКОБЫ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по мат-лам ежегодной Междунар. конф. «Диалог». (Москва, 31 мая – 3 июня 2017 г.) М.: РГГУ, 2017. Вып. 16. Т. 2. С. 17–29.
22. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса. Вып. 1 / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1984. С. 78–100.
23. Шелякин М. А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта; Наука, 2005. 289 с.
24. Segal E. M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory // Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective / eds. J. F. Duchan., G. A. Bruder, L. E. Hewitt. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 3–18.
25. Nida E. Towards a science of translation. With special reference to principles and procedures involved in Bible translating. Leiden: Brill, 1964. 332 p.
26. Venuti L. The translator's invisibility: a history of translation. London, N. Y.: Routledge, 1995. 353 p.

27. Падучева Е. В. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира // *Problemi di morfosintassi delle lingue slave*. Vol. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: atti del Convegno svoltosi (Firenze, 26–28 ottobre 1995). Padova: Unipress, 1996. P. 163–186.
28. Lynch P. Not trying to talk alike and succeeding: the authoritative word and internally-persuasive word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn // *Studies in the Novel*. 2006. Vol. 38. № 2. P. 172–186.
29. Sewell D. R. Mark Twain's languages: discourse, dialogue, and linguistic variety. Berkeley: University of California Press, 1987. 188 p.
30. Urzha A. V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century) // *Slovène*. 2016. T. 5. № 1. P. 226–248. DOI: 10.31168/2305-6754.2016.5.1.9

original article

Combining Linguistic Methods of Studying Egocentric Units in Russian Translated Narratives

Anastasia V. Urzha^{a, @, ID}

^a Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

@ aourja@gmail.com

ID <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

Received 13.04.2020. Accepted 12.05.2020.

Abstract: The present research featured a functional comparative analysis of egocentric language units in contemporary Russian translated narratives, namely six Russian translations of *The Adventures of Tom Sawyer*. The study was based on parallel corpora within the Russian National Corpus and a set of digitized translations. The research objective was to present the classification of egocentric units applicable to the analysis of translations, as well as to describe the ways of combining various linguistic methods of studying egocentrics in translated narratives. Egocentric units were studied within several semantic clusters: actualizing (deictic), evaluative, epistemic, modal, and interactive. Using the heuristic method, the authors found and counted the contexts containing egocentric units of a certain type within the parallel corpora. The inductive method made it possible to reveal the trends based on the data obtained. The hypotheses were verified using the deductive method. The research was based on wide narrative contexts and took into the account the writing style, the genre and composition of the text, the use of egocentrics in the target language, and the individual translation strategies. The paper focuses on the lexical markers of uncertainty added by the Russian translators of Mark Twain. They are often used as additional markers of focalization in Russian translations. On the one hand, this phenomenon deals with specific ways of foregrounding subjectivity in the Russian language; on the other hand, it reveals the strategies of building-up suspense applied by individual translators.

Keywords: co-functioning, set of translated variants, heuristic method, inductive method, deductive method, markers of uncertainty, focalization

For citation: Urzha A. V. Combining Linguistic Methods of Studying Egocentric Units in Russian Translated Narratives. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(3): 879–888. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-3-879-888>

References

1. Paducheva E. V. *Egocentric units in the language*, 2nd ed. Moscow: IaSK, 2019, 440. (In Russ.)
2. Fedorov A. V. *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems)*, 5th ed. St. Petersburg: Filologicheskii fakultet SPbGU; Moscow: Filologiya tri, 2002, 416. (In Russ.)
3. Halliday M. A. K. Comparison and translation. Halliday M. A. K., McIntosh M., Stevens P. *The linguistic sciences and language teaching*. London: Longmans, Green and Co., 1964, 111–134.
4. Hatim B., Mason J. *The translator as communicator*. London, N. Y.: Routledge, 1997, 219.
5. Mason I., Şerban A. Deixis as an interactive feature in literary translations from Romanian into English. *Target*, 2004, 15(2): 269–294. DOI: <https://doi.org/10.1075/target.15.2.04mas>
6. House J. *Translation quality assessment: a model revisited*. Tübingen: Gunter Narr, 1997, 207.
7. Munday J. *Evaluation in translation: critical points of translator decision-making*. Abingdon-N. Y.: Routledge, 2012, 194.

8. Chvany C. V. Foregrounding, "transitivity", saliency (in sequential and non-sequential prose). *Essays in Poetics*, 1985, 10(2): 1–27.
9. Fleischman S. *Tense and narrativity. From medieval performance to modern fiction*. Austin: University of Texas Press, 1990, XIII+443.
10. Koyama N. Grounding and deixis: a comprehensive approach to the grounding phenomenon in Japanese narrative. *Taiwan Journal of Linguistics*, 2004, 2.1: 1–44.
11. Urzha A. V. Foreground and background in a narrative: trends in foreign linguistic and translation studies. *Slověne*, 2018, 7(2): 494–525. (In Russ.) DOI: 10.31168/2305-6754.2018.7.2.20
12. *Theory of Functional Grammar: Temporality. Modality*, ed. Bondarko A.V. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1990, 262. (In Russ.)
13. *Theory of Functional Grammar. Person. Voice*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka. Sankt-Peterburgskoe otd-nie, 1991, 369. (In Russ.)
14. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Iu. *Communicative grammar of the Russian language*. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 1998, 528. (In Russ.)
15. Onipenko N. K. The model of subject perspective and the problem of classifying the egocentric means. Issues of functional grammar. *The principle of natural classification*, eds. Bondarko A. V., Kazakovskaya V. V. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2013, 92–121. (In Russ.)
16. Aroutiounova N. D. *Language and the world of man*, 2nd ed. Moscow: Iaz. Rus. kultury, 1999, 896. (In Russ.)
17. Bulygina T. V. I, you, and others in Russian grammar. *RES PHILOLOGICA. Studies in philology*, ed. Likhachev D. S. Moscow: Nauka, 1990, 111–126. (In Russ.)
18. Paducheva E. V. *Semantic studies*. Moscow: Shk. "Iazyki rus. kultury", 1996, 464. (In Russ.)
19. Garbovskiy N. K. *Translation theory*. Moscow: Izd-vo MGU, 2004, 542. (In Russ.)
20. Nuriev V. A. Corpus-based study of the category of uncertainty in the Russian language. *Cientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 2015, (24): 14–18. (In Russ.)
21. Apresjan V. Ju., Shmelev A. D. "Xeno" markers in the light of the data of parallel corpora and contemporary mass media: the case of the Russian word jakoby. *Computational linguistics and intellectual technologies: Proc. Annual. Intern. Conf. "Dialog"*, Moscow, 31 May – 3 June 2017. Moscow: RGGU, 2017, iss. 16, vol. 2, 17–29. (In Russ.)
22. Shmeleva T. V. Semantic organization of a sentence and the concept of modality. *Actual issues of Russian syntax*, eds. Gorshkova K. V., Klobukov E. V. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 1984, iss. 1, 78–100. (In Russ.)
23. Sheliakin M. A. *The language and the man: to the issue of motivation in the language system*. Moscow: Flinta; Nauka, 2005, 289. (In Russ.)
24. Segal E. M. Narrative comprehension and the role of Deictic Shift Theory. *Deixis in Narrative: a Cognitive Science Perspective*, eds. Duchan J. F., Bruder G. A., Hewitt L. E.. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum, 1995, 3–18.
25. Nida E. Towards a science of translation. *With special reference to principles and procedures involved in Bible translating*. Leiden: Brill, 1964, 332.
26. Venuti L. *The translator's invisibility: a history of translation*. London, N. Y.: Routledge, 1995, 353.
27. Paducheva E. V. Uncertainty as the semantic dominant of the Russian language model of the world. *Problemi di morfosintassi delle lingue slave. Vol. 5. Determinatezza e indeterminatezza nelle lingue slave: atti del Convegno svoltosi*, Firenze, 26–28 ottobre 1995. Padova: Unipress, 1996, 163–186. (In Russ.)
28. Lynch P. Not trying to talk alike and succeeding: the authoritative word and internally-persuasive word in Tom Sawyer and Huckleberry Finn. *Studies in the Novel*, 2006, 38(2): 172–186.
29. Sewell D. R. *Mark Twain's languages: discourse, dialogue, and linguistic variety*. Berkeley: University of California Press, 1987, 188.
30. Urzha A. V. The foregrounding function of praesens historicum in Russian translated adventure narratives (20th century). *Slověne*, 2016, 5(1): 226–248. DOI: 10.31168/2305-6754.2016.5.1.9

16+

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор
chiefeditor.vk@gmail.com

Старикова Людмила Семеновна, редактор

8(384-2)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Bulletin of Kemerovo State University.
Scientific Journal

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief
chiefeditor.vk@gmail.com

Lyudmila S. Starikova, Editor

8(3842)58-13-01; vestnik@kemsu.ru, vestkemsu@gmail.com

Редакторы выпуска:

Митько Н. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 12.10.2020.

Дата выхода в свет 28.10.2020.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А 4. Усл. печ. л. – 41,25. Уч.-изд. л. – 36.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный
университет».

Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, <https://kemsu.ru>

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область,
650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.